

В. В. АВЕРЬЯНОВ
В. Ю. ВЕНЕДИКТОВ
А. В. КОЗЛОВ

АРТЕЛЬ И АРТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Коллектив авторов:
д.ф.н. В. В. Аверьянов (руководитель),
к.и.н. В. Ю. Венедиктов,
к.и.н. А. В. Козлов

АРТЕЛЬ И АРТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2014

УДК 94 (47)+334.78+316.3

ББК 63.3(2)+60.55

А 86

Коллектив авторов: д.ф.н. В. В. Аверьянов (руководитель), к.и.н. В. Ю. Венедиктов, к.и.н. А. В. Козлов

А 86 Артель и артельный человек / Сост., введение В. В. Аверьянова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 688 с.

В монографии на обширном материале представлено фундаментальное исследование социально-экономического и культурологического феномена русской артели, дается подробная историография и сравнительный анализ подходов авторов, изучавших артель, излагаются вехи истории артели в России, дается типология и сводная описательная модель классической русской артели. Авторы не обходят стороной такие дискуссионные темы как: этимология артели, истоки происхождения артели, ее соотношение с другими формами народной самоорганизации, с кооперацией, капиталистическими формами и др. Одна из главных задач работы – дать обстоятельную и глубокую картину специфичности артельной жизни как особого способа взаимодействия русских людей. Данный труд носит не только исторический характер, но исходит также из поиска и реконструкции ценных элементов национального опыта, которые были утрачены и которых не хватает сегодня России для ее полноценного развития как самостоятельной цивилизации.

ISBN 978-5-4261-0124-1

© Институт русской цивилизации, 2014

© Институт динамического консерватизма, 2014

© В. В. Аверьянов, 2014

© В. Ю. Венедиктов, 2014

© А. В. Козлов, 2014

ОТ АВТОРОВ

Работа над монографией «Артель и артельный человек» была начата в Институте динамического консерватизма (ИДК) в 2009 году и продолжалась более четырех лет. В ходе этой работы был проведен большой цикл семинаров и обсуждений, совершены экскурсии в смежные научные области, состоялось знакомство авторов с разнообразным общественным опытом, который в той или иной степени проливал свет на сущность и специфику отечественной артели и кооперации.

Исследование, предпринятое нами, имеет большую предысторию. Во вводной части нет смысла останавливаться на перечислении многочисленных обширных работ о русской артели, которые выходили начиная с 60-х годов XIX века. Среди этих работ есть те, которые по праву могут называться классическими. И в то же время мы столкнулись с отсутствием сводных фундаментальных исследований, предлагающих всестороннее рассмотрение отечественной артели во всем ее многообразии, ее описание, анализ и концептуализацию, всеобъемлющий учет ее оценок у разных авторов, ее отражений в различных направлениях общественной мысли. Отсутствие обобщающих работ было разительным при том огромном внимании, которое уделялось и уделяется до сих пор исследователями темам артели, артельности, соотношению артели и общины, детальному изучению отдельных раз-

новидностей артели и кооперации, анализу исторических трансформаций, в ходе которых русская артель пережила тяжелые испытания, горячим дискуссиям идеологов прошлого вокруг развития артели и ее важности для будущего социального уклада, тому огромному социальному значению артели, которое представляется несомненным для русской истории последних столетий, и т.д.

Изначально наше исследование носило не только исторический характер, но исходило также из поиска и реконструкции ценных элементов национального опыта, которые были утрачены и которых не хватает сегодня России для ее полноценного развития как самостоятельной цивилизации со своеобразной и богатейшей культурой, в том числе и культурой хозяйствования.

В последние десятилетия вышло немало статей о русской артели, которые внесли серьезный вклад в ее осмысление на новом историческом этапе. Трудно преувеличить значение для нашего авторского коллектива той работы по изучению русского народа, его культуры, мировоззрения и экономической активности, которую осуществляет Институт русской цивилизации. Тема артели всегда была значимой для этого института и его руководителя **доктора экономических наук О. А. Платонова**. Это послужило своего рода толчком к началу наших изысканий.

Поэтому совершенно неслучайно данный труд был предложен издательству Института русской цивилизации. Незадолго до нашей монографии в этом же издательстве вышел чрезвычайно ценный и полезный том хрестоматийного характера, составленный О. А. Платоновым (Русская артель. М., 2013), – он содержит наиболее выдающиеся исследования артели второй половины XIX – начала XX века. Таким образом, сегодня заполняется одна из самых заметных лакун в истории самоорганизации русского народа.

Помимо О. А. Платонова, давшего нам ряд ценных советов и принявшего самое близкое участие в нашей работе,

мы называем здесь имена наших коллег, без которых такое исследование также было бы вряд ли осуществимым.

В первую очередь мы должны упомянуть тех экспертов, которые провели самостоятельные исследования отдельных тем в рамках нашего коллективного труда. Фактически они явились соавторами нашей монографии. Это **доктор филологических наук И. Л. Бражников** и **кандидат филологических наук А. И. Грищенко**, которые разрабатывали такую сложную проблему, как этимология слова «артель». К нашим соавторам относится также ведущий эксперт ИДК, специалист по социокультурным проблемам **М. В. Восканян**, предоставившая нам ценнейший материал по таким темам, как современные западные «команды» и бригадный подряд в СССР, указавшая на ряд глубоких параллелей между этими социальными формами и классической русской артелью.

Отдельную благодарность мы хотели бы выразить **кандидату филологических наук А. С. Мелькову**, осуществившему перевод древнерусских текстов, цитируемых в нашей книге.

Мы выражаем признательность участвовавшим в наших семинарах и оказавшим нам бесценную помощь в изучении отдельных аспектов исследуемой темы коллегам, к числу которых относятся представители руководства ИДК **А. Б. Кобяков**, **М. В. Демурин**, **Е. С. Холмогоров**, а также друзья нашего института: известный общественный и политический деятель **доктор технических наук Б. А. Виноградов** и **доктор исторических наук А. В. Лубков**.

Особую благодарность мы выражаем **С. В. Бобкову**, который явился вдохновителем данного исследования, принял живейшее участие в разработке наиболее сложных проблем истории и теории русской артели, ее актуальности для современности, оказывал всемерную поддержку ИДК в годы его становления.

ВВЕДЕНИЕ

Предпринимая фундаментальное исследование русской артели, мы исходим из понимания ее как социального, экономического и культурного явления, отражающего важнейшие черты и характеристики менталитета русского народа. Речь идет не о преходящих свойствах общественного сознания, но именно о стойких основах народного духа, которые прорастают сквозь разные исторические эпохи. Такой подход позволяет рассматривать артель не только как исторический феномен, но и как отражение национальной метафизики, практическое преломление глубинной установки русского человека на взаимодействие, совместную деятельность, совместную жизнь.

Последние полвека нашей истории, казалось бы, не благоприятствуют подобному подходу. После того как артельное и промыслово-кооперативное течение в отечественной экономике в начале 60-х годов XX века было принудительно прервано и сведено почти что к небытию, русская артель в ее масштабном виде, сколько-нибудь соизмеримом с традиционным состоянием, так и не начала возрождаться. Однако тысячелетняя история России свидетельствует о том, что артельный архетип так или иначе находил новые свои воплощения в самых разных обстоятельствах. Поэтому настоящее исследование, как мы думаем, полезно и актуально не только для понимания истоков русской цивилизации, но и для ее будущего.

Кроме того, огромное значение для современной России имеет переосмысление и переоценка современного экономического и социального устройства, которое могло бы быть иным, сложись оно без радикального разрыва преемственности, – на основе старого традиционного уклада, с удержанием крестьянских ценностей, идеалов и нравов. Из этой **несбывшейся России, развитой из своего корня и в собственном русле**, из этой России, которую мы не увидели, но сущность которой уже достаточно глубоко выразилась в прошлом, мы как народ будем черпать решения для наболевших и злободневных вопросов нашего общественного бытия.

* * *

Что же такое артель? Артелью мы называем **добровольное товарищеское объединение с приоритетом личного трудового вклада участников, создаваемое для совместной деятельности на началах самоуправления, солидарности и взаимной ответственности**. Исторически русская артель является носителем ценнейшего опыта низовой самоорганизации народа, при этом артельный союз, чтобы иметь право так называться, должен был обладать внутренним суверенитетом. Суверенитет, определенная мера независимости артели от внешних сил и субъектов, – ее важнейшее свойство. В то же время здесь отражается острая проблема артельной жизни, поскольку, как известно, полной независимости от внешнего мира быть не может. Более того, артель всегда вступала в сложнейшие и самые разнообразные взаимоотношения с внешними субъектами, и сохранение собственной автономности и независимости обращалось подчас в трудную задачу, требующую от артельщиков верности своим принципам, преданности другу другу и артельной традиции, возводившейся к древнему прошлому.

В своей работе мы подробно останавливаемся на типологии артели, описывая огромное многообразие этого мира и богатство его красок. Особенно много сведений о мире русской артели в его классических формах относится к XIX столетию. Здесь имеет смысл обозначить лишь несколько главных обобщающих типов артельных союзов, таких как:

- артели синхронного типа, члены которых не покидали свою деревню, сочетая труд на общинной земле и в артельном промысле;

- отхожие артельные промыслы, или сезонные артели, когда артельщики в страду занимались сельскохозяйственным трудом, а в остальное время уходили на заработки;

- артели, создаваемые на основе полной и постоянной занятости и требовавшие выхода из сельской общины (чаще всего они возникали в городах или при фабриках и заводах);

- переселенческий (колонизационный) тип, когда артель специально формировалась для переселения общин или группы крестьянских семей на новое место.

Масштаб вовлечения народа в артели был весьма значительным. По подсчетам А. М. Анфимова, промыслами в Европейской России в 1901 году было занято не менее 14 миллионов крестьян. По мнению ряда специалистов, особенно сильное развитие отхожие промыслы получили после реформы 1961 года, хотя отходничество имело место и в крепостнические времена, когда помещики отпускали малоземельных крестьян на заработки. Так, уже с конца 1750-х и далее, при Екатерине, правительство стало активно проводить политику поощрения мелких промыслов, что позволяет историкам говорить о своего рода **«промысловой революции»** в нечерноземном центре страны¹. Некоторые полагают, что отходничество являлось следствием так называемого демографического сжатия, когда высокими темпами шел рост числа безземельных и безлошадных кре-

¹ История России XVIII–XIX вв. / Под ред. Л. В. Милова. М., 2006. С. 229–232.

стьян, – иными словами, организацию крестьян в отхожие артели, так же как индивидуальное отходничество, рассматривают как вынужденные¹.

В то же время существует достаточно обоснованная точка зрения, гласящая, что для русского крестьянина еще до отмены крепостного права была органичной двойная экономика – отдельно летняя и отдельно зимняя. «Цель летней экономики – обеспечение семьи продуктами “от земли”. Цель зимней – получение доходов “от промыслов”, – пишет современный русский аналитик и демограф В. А. Башлачев. – Раз “мороз сковал землю”, то русскому земледельцу зимой на ней делать нечего. Крестьянину – “*надо промышлять*”»². Это выражение про зимнюю жизнь крестьян – «надо промышлять» – цитата из выдающегося русского этнографа XIX века, почетного академика Петербургской академии наук Сергея Васильевича Максимова³.

Другой знаток народной жизни, Владимир Иванович Даль, в одном из своих рассказов писал: «Из дальних губерний работники уходят на два, на три и более года, не только в столицы, но и во все концы царства; симбирцы, владимирцы, ярославцы строят дома в Уральске, Оренбурге, Омске и Тобольске. Во многих малоземельных губерниях бóльшая часть господских имений на оброке, мужики ходят по всей России, и одни только старики, бабы и дети сидят дома. Тысячи плотников, столяров, половщиков, каменщиков, штукатуров, печников, кровельщиков рассыпаются оттуда ежегодно по всей России; крестьяне целыми селениями держатся по наследству промыслов, к коим привыкли уже деда их. Целые деревни тверитян или новгородцев бывают летом в Питере штукатурами, а зимою сапожниками. (...)

¹ Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2005. См., в частности, § 4, 3, 7 и др.

² Башлачев В. Русское крестьянство в зеркале демографии. М., 2011. С. 68.

³ Максимов С. По Русской земле. М, 1989. С. 26.

В этих малоземельных селениях заведено большею частию, что молодой парень должен заработать наперед известную сумму на отца и семейство свое, потом уже, уплатив года три-четыре подушное за отца или деда и за малых братьев, идет он работать год или два на себя и женится. Тут не найдете вы мужика-домоседа, мужика, который не видал бы свету; только разве в больших семействах, пятаках, семериках, один постоянно остается дома. Может быть, это обстоятельство объясняет сильную склонность, всегдашнюю готовность крестьян наших к переселению»¹.

Исследователи отмечали «чрезвычайную склонность русского народа к артельному общению». «Известны случаи, – пишет проникательный исследователь русской артели А. А. Исаев, – когда русские каторжники, бежавшие из Сибири в Америку, образовывали там артели извозчиков»². Артель с удобством применялась в добывающей промышленности, охоте, рыболовстве, земледелии и т.д. – в каждом из этих промыслов наблюдались различные модификации и вариации артельного содружества людей. Попытки искусственной организации артелей в кустарной промышленности, предпринимаемые земствами во второй половине XIX века, привели к фиаско, что, впрочем, может объясняться и противодействием конкурентов³. В то же время успешное приложение этой формы к разным отраслям производства во Франции и, особенно, Германии подкрепляло теоретиков артельного движения в убеждении, что артель может успешно развиваться в русском кустарничестве и ремесле⁴. Собственно, кустарные артели отнюдь не относились к категории редко встречающихся. При этом в разные периоды истории в России, как правило, наибольшее

¹ Даль В. И. Избранные произведения. М., 1983. С. 206–207.

² Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 287.

³ Кустарная промышленность в Казанской губернии. (Отчет 1893 г. Н. В. Пономарева). Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. СПб., 1895. С. 34.

⁴ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 306.

распространение получали артели рыболовов, грузчиков, строителей, носильщиков, а также разнообразные сельскохозяйственные артели. Были широко распространены и различные близкие к артели формы организации (заводские «сотни», строившиеся с учетом артельного начала, потребительские артели в различных социальных средах, в частности харчевые, солдатские, арестантские, товарищества, созданные для коллективной аренды квартир и т.п.).

Для верного понимания сущности русской артели важно акцентировать ее несводимость к экономике. В хозяйственной артели огромную важность имели неэкономические факторы и принципы. В неэкономических артелях они проявлялись со всей своей силой. Надэкономическая сущность артели в том, что целью ее деятельности, даже когда она преимущественно настроена на производство собственного продукта и его реализацию, не является прибыль. Экономикоцентричные трактовки артели, подходы к ней как к форме организации, мотивированной на получение прибыли, продемонстрировали свою беспомощность и маргинальность.

Понятие «прибыль» имеет достаточно четкое значение – это «превышение доходов от продажи товаров и услуг над затратами на производство и продажу этих товаров»¹. Прибыль как цель характерна для капиталистического хозяйства, в рамках которого основным мотивом вложения капитала в то или иное предприятие является его прирост, то есть процент. Если же прибыль на капитал отсутствует, то всякий интерес к предприятию утрачивается. Иное дело в артели: собственно прибыль как экономическая величина здесь зачастую отсутствовала, когда же она имела место, то всегда являлась средством для других целей. Для артельщиков значимым был не процент на вложенный капитал, а получение справедливого вознаграждения за собственный труд.

¹ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2007.

Аспекты, связанные с потреблением, с личным заработком, присутствуют в жизни артели в силу того, что артельщики должны поддерживать свое существование, обеспечивать семьи и т.д. Однако в артели демонстрировалось отношение к деньгам и капиталу как функциональному фактору развития дела. «Не деньги создают дело, а дело деньги. Если артель будет объединением трудящихся людей, то к ее услугам будут и деньги»¹. Этот же принцип в более широком философском звучании раскрывается и в известной народной поговорке, в которой показано отличие русского менталитета от западного, буржуазного: «Время – деньги». *«Время, – говорили в русском народе, – деньгу дает, а на деньги времени не купишь»*. Эта сентенция свидетельствует о непереводимости ценности человеческой жизни в финансы, в количественную меру – жизнь человека, его внутренний мир и внутренняя свобода рассматривались как высшее измерение бытия, а время понималось как «мудрость жизни»². Материальное состояние при всей его важности помещалось в другую плоскость.

В чем же состояла подлинная цель русской артели? Замечательный русский народник А. Н. Энгельгардт полагал, что в подоплеке артельной деятельности лежит стремление, «истратив меньшее количество пудо-футов работы, извлечь наибольшее количество силы из солнечного луча на общую пользу. А это возможно только тогда, когда земля находится в общем пользовании и обрабатывается сообща»³. Главный теоретик кооператизма-артельности Е. Д. Максимов-Слобожанин усматривал смысл артели в удовлетворении «разнообразных жизненных потребностей личности – ду-

¹ Буров Ф. Ф. Из деревенских разговоров // Народные мысли. 1918. № 8–9. – Цит. по: Николаев. А. А. Как крестьянство артелью справляет свои дела. М., 1918. С. 5.

² См. на эту тему: Азаренко С. А. Топология культурного воспроизводства. Екатеринбург, 2000. С. 214.

³ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 312.

ховных, правовых, политических и экономических»¹. Слобожанин видел цель артельно-кооперативной деятельности в счастье человеческой личности.

Безусловно, и **персональное счастье артельщика**, и **общая польза участников артели** не могут пониматься как потребительские или чисто экономические понятия. Преуспевающие, «богатые» артели видели свой «капитал» не в финансовой мощи, а в развитии мастерства, возможности иметь учеников, продолжении и развитии артельного дела. Таким образом, здесь мы выходим на философию предприятия, альтернативную капиталистической, на особый некапиталистический вид предпринимательства.

Существуют многочисленные свидетельства огромного нравственного значения артелей, их влияния как на самих артельщиков, так и на окружающих людей. Среди крестьян смысл и пафос артели вызывал умиление сродни религиозному. По убеждению «артельного батьки» Н. В. Левитского, организатора земледельческих ассоциаций в Херсонской губернии, артель воспитывает человека, способствует снижению преступности: «А какое впечатление производит артель на народ, можно видеть из того, что некоторые, слушая объяснения по поводу артелей, снимают шапки и крестятся»². А. А. Исаев указывал на огромную воспитательную и формирующую личность силу артелей: по его наблюдениям, само общение между членами влияет на их ум гораздо более, чем чтение книг. А. Н. Энгельгардт, описывая артели граборов, замечает: «Человек может быть мошенник, пьяница, злодей, кулак, подлец как человек сам по себе, но как артельный грабор он честен, трезв, добросовестен, когда находится в артели»³.

¹ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Пг., 1919. С. 69.

² Левитский Н. В. Земледельческие артели Херсонской губернии. СПб., 1896. С. 2.

³ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 286.

С другой стороны, нельзя недооценивать и такой важный фактор, как подбор в артели людей по принципу высокой годности, не только профессионализма, но и личных качеств. Видный русский предприниматель Вл. Рябушинский в работе «Русский хозяин» отмечал: артель как «замечательный элемент русской деловой жизни, бесценный помощник и сотрудник русского хозяина заслуживает особого внимания. (...) Запад не знает такой организации – это особенность нашего хозяйственного уклада. Некоторые умиляются, полагая, что артель – это “демократия”; совсем она не демократия, а чистая аристократия – отбор по признаку известной зажиточности, а главное, личной годности. Не всякого, кто хочет, возьмут в хорошую артель; он должен внушать доверие, его должны знать. Артель отвечает имущественно за своих членов, а поэтому слабых людей, пьяниц, кутил она терпеть не может»¹.

Упомянувшийся выше Н. В. Левитский, исходя из собственного опыта, чрезвычайно ярко рассказывает о преимуществах артельной организации по сравнению с другими типами хозяйства. По его мнению, земледельческая артель способствует: а) **крепко держаться земли**; б) **сделать хозяйство крепким и надежным**; в) **легче выдерживать неурожайные годы**; г) улучшить свое хозяйство приобретением усовершенствованных земледельческих орудий и машин; д) через круговую друг за друга поруку занимать деньги в частных, правительственных, земских кредитных учреждениях, т.к. артель может приобрести больше доверия к себе и своей хозяйственной и платежной силе; е) обеспечить верную и правильную уплату следуемых государственных, земских и общественных денежных повинностей и налогов; ж) отвыкать от злобы друг к другу, а учиться братской жизни, взаимному уважению и любви².

¹ Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 1994. С. 146–147.

² Левитский Н. В. Артельный договор для земледельческих артелей. Елизаветград, 1900. С. 5.

Отвечая на вопрос, «что прежде всего привлекало русского человека к артели», современный мыслитель О. А. Платонов отмечает: «Равноправие, справедливое вознаграждение, товарищеская поддержка, ибо артели были не только деловыми объединениями, но и общественными организациями». По мнению Платонова, русская артель была призвана на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Мало того – артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями¹.

* * *

В своей работе мы вычленим и подробно разбираем сущностные черты артели. Мы относим к ним: **добровольность участия, равноправие, писаный или неписаный договор, приоритет трудового начала над капиталом, самоуправление, согласованность деятельности**. Историк М. М. Громыко выделяет следующие «фундаментальные ценности» общины и артели: взаимопомощь, справедливость, трудолюбие, уважение к старшим и начальствующим.

Внешним измерением артельной солидарности явилась **«круговая порука»**, норма обычного права, регулировавшая отношения артели (и общины) с окружающими субъектами деловых отношений. Древняя формула круговой поруки: *«которой из нас в лицах, на том деньги»* – встречается во многих письменных источниках. В случае, когда артель одалживала какие-либо средства, круговая порука в силу ее распределенности на каждого артельщи-

¹ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 55–57.

ка давала заимодавцу дополнительные гарантии. Касалось это и добросовестности перед заказчиком в выполнении артелью работы¹. Сущность круговой поруки, вопреки поверхностным суждениям многих скептиков, заключалась в верховенстве внутреннего автономного суверенитета артели над внешними правовыми отношениями. Внешний мир через круговую поруку фактически признавал за артелью (общиной), исполнившей обязательства и удовлетворившей взыскания, право самостоятельно вершить суд над провинившимся перед внешними субъектами, нанесшим им какой-либо ущерб. И этот суд зачастую был и более гуманным, и более справедливым, чем суд внешний.

При осуществлении многих предприятий наем артелей был выгоден, потому что хозяин тем самым застраховывал себя от возможных неудач в промысле. К примеру, в случае с рыболовной «покрутой» (так назывался род артели, где хозяин представляет капитал, средства производства, а остальные члены артели – труд) на вознаграждение артельщикам шла не четко определенная сумма, которую иной раз для хозяина выплатить было затруднительно, а доля от общего промысла. Благодаря этому обстоятельству хозяин мог специально не контролировать работу артели, она выступала как вполне самоуправляющийся и самостоятельный коллектив, заинтересованный в возможно лучших результатах своей деятельности².

Важной темой в понимании специфики русской артели является ее соотношение с кооперацией. У исследователей на сей счет существуют диаметрально противоположные оценки и суждения. Тем не менее в своем труде мы указываем на ряд объективных характеристик артели

¹ В теоретико-правовом плане круговая порука представляет собой разновидность солидарной ответственности и отличается от простого поручительства: исполнение обязательств при круговой поруке должно быть своевременным и немедленным.

² Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 36–37.

и кооперации, которые позволяют утверждать: артель не является частным случаем кооперации, понимаемой в узком смысле¹. Русская артель существовала задолго до того, как возникла так называемая производственная кооперация, задолго до Роберта Оуэна, рочдейльской лавки и т.д. Она не является частным случаем этой практики, а скорее сквозным принципом, который просматривается в русской жизни и экономике с древних времен. Что же касается производственной кооперации, к которой некоторые теоретики пытались свести артель, то она представляет собой одну из разновидностей социальной организации, инициируемой исходя из идеалов и представлений образованной части общества.

Эта точка зрения достаточно убедительно обосновывалась многими признанными знатоками темы. Так, В. П. Воронцов видел в артели в первую очередь продукт обычного права, «низовое» явление, тогда как в кооперации – внедрение заграничных образцов учреждениями, стоящими над народом². Точной представляется и мысль М. Л. Хейсина, утверждавшего, что русская производительная кооперация, близкая по форме к артелям, возникла у нас не из артелей³. Фактически мы имеем дело с двумя параллельными и накладывающимися друг на друга процессами – с одной стороны, постепенным, эволюционным развитием в России народной артели и, с другой стороны, начавшимся в XIX веке бурным активизмом политиков, идеологов, общественных деятелей, вдохновленных идеями социализма и кооперации. Второе явление представляло собой превращенную форму русского западничества с ориентацией, как водится, на наиболее успешные иностранные образцы. В этом запад-

¹ Артель, разумеется, может быть определена термином «кооперация» в ее широком и абстрактном значении – как союз, основанный на сотрудничестве, совместной деятельности нескольких лиц.

² В. В. (Воронцов В. П.) Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 1 и др.

³ Вестник кооперации. 1909. № 1. С. 34.

ничестве были и свои «славянофильские» черты, сильная «народническая» составляющая, отсюда и многочисленные попытки скрестить кооперацию с народной артелью, увязать их в рамках единой целостной идеи¹.

Во второй половине XIX – начале XX века русская общественная мысль в значительной степени вращалась вокруг стойких иллюзий или даже утопий по поводу не просто сохранения исконных русских форм – общины и артели – но и построения на их основе нового социализма с отечественной спецификой, своеобразного русского социализма. Эти иллюзии и утопии, возможно, были не столь уж и далекими от жизни, как это зачастую представляют, – опыт общинного и артельного бытия, если понимать его не буквально, а как огромный пласт нравственных ценностей, социально-психологических преимуществ и достоинств русского человека, мог бы оказаться востребованным, если бы Россия в XX веке пошла по иному пути развития. Во всяком случае, этот пласт ценностей и установок давал обнадеживающие всходы. Как справедливо писал русский теоретик А. А. Николаев: «Буйный рост русской кооперации после 1905 объясняется колоссальным, многовековым опытом артельной жизни»². Это безусловно так, поскольку тот артельно-кооперативный бум, который начался в Российской империи в последние десяти-

¹ Любопытная деталь: несмотря на все аргументы теоретиков кооперации западнического типа, официальная позиция заключалась в том, что артели не являются кооперацией. Царское правительство в лице Министерства промышленности и торговли при обсуждении в 1916 г. вопроса об изменении положения 1902 г. «Об артелях трудовых» отказалось признать артели частью кооперации. Только кооперативный закон, принятый Временным правительством, в котором преобладали сторонники западнического направления внутри кооперативного движения, в марте 1917 г. признал кустарно-промышленные артели частью российской кооперации (Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 123).

² Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Изд. 2, переработанное и дополненное автором. Т. 1: Вып. I. Классификация и определение кооперации. Пг., 1919. С. 88.

тилетия ее существования, невозможно объяснить никакими потугами со стороны интеллигенции и власти. Это было всенародное, низовое движение, вызванное открывшимися шлюзами в законодательстве и государственной политике, которая в эту эпоху была направлена на помощь экономической самоорганизации.

О. А. Платонов в своем исследовании отмечает парадоксальность сложившейся тогда ситуации: с одной стороны, артели нуждаются в творческой поддержке со стороны образованного общества и государства, с другой – «и государство, и предприниматели пытаются ограничить главный принцип артели – ее самостоятельность и автономность на производстве». Платонов обращает внимание на факты принудительных решений, навязываемых артели ее «благодетелями», заказчиками и подрядчиками, а также стремление кулаков и подрядчиков к наживе на артельном труде¹.

Явление кризиса артели, ее перерождения – также предмет нашего пристального внимания. Сложность момента заключалась в том, что русская артель нуждалась не столько даже в идейном и умственном руководстве, сколько в защите от все усиливающейся агрессивной капиталистической среды, в которой она была вынуждена выживать. Перед артелью открывалось два пути – либо при поддержке государства и общества обрести более цивилизованную форму, становиться вровень с веком и брать на вооружение новейшие методы и технологии, либо идти на уступки капиталистам. Второй путь означал закабаление артелей и, так или иначе, их «перерождение». Первый путь стремительно осмысливался теоретиками, но оставался во многом туманным и гипотетическим, второй путь, казалось бы, становился реальностью – образчики «перерождения» артелей все чаще встречались в жизни. В условиях капитализма, без серьезных опор в лице «больших» институтов, опека-

¹ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 174–176.

ющих народную самоорганизацию (ведомства-заказчики, земства, общественные советы по содействию кооперации, частные благотворители-энтузиасты, обладающие капиталом или административными возможностями и т.д.), артель вступала в тесные отношения с капиталом, в первую очередь торговым, попадала в зависимость от него как более подвижного и эффективного оператора на рынке и нередко утрачивала свои сущностные черты, превращаясь в придаток к капиталистическим предприятиям. Некоторые артели вращались в капитализм и постепенно превращались в стандартные экономические ассоциации (такие как акционерное общество, фирма, работающая на аутсорсинге, и т.п.).

Нередко такие формы, утрачивая самостоятельность и способность к подлинному самоуправлению, по инерции все еще продолжали именоваться артелями. Данный факт представляет собой проблему для исследователя, поскольку последнему приходится делать выбор: либо ради строгой методологии отказать этим формам в праве именоваться артелями, либо пойти на компромиссное расширение понятия «артель», а фактически – на его размывание.

С точки зрения авторов настоящего труда, артелью следует называть формы народной самоорганизации на основе самоуправления и внутренней солидарности, приоритета труда и трудового начала (то есть приоритета трудящихся артельщиков) над капиталом и внешними субъектами. В то же время необходимо понимать, что капитал, субсидирующий артель, клиент или заказчик, оплачивающий ее работу или покупающий оптом ее продукцию, не мог не быть значимым фактором в жизни артели. Однако этот фактор должен был оставаться внешним, не деформировать внутренний суверенитет артели, не подменять ее принципы, позволявшие ей оставаться самой собой.

Артели, которые допускали вторжение внешних сил, изменение своих принципов и ставили под сомнение собственные суверенитет и автономность, мы называем «де-

градирующими». Вступление на путь перерождения еще не означало смерти артельного начала. Конечной точкой перерождения могло стать полное поглощение артели капиталистическими предприятиями. В жизни чаще происходило другое: артель просто закрывалась, не выдержав конкуренции с капиталом, имевшим возможность во время кризиса снижать цены и таким образом «душить» артельного предпринимателя.

Иной путь развития – формирование сети кооперативных хозяйств, охватывающей постепенно все мыслимые и немыслимые сферы рынка. Этот путь представлялся народникам-социалистам единственно правильным, дающим шанс народной артели сохраниться и вырасти в зрелые формы. Поразительным и маловероятным для большинства наших читателей будет тот факт, что в России начала XX века этот «утопический» путь, как будто опровергающий тезисы о неумолимом шествии прогресса и капитала, был еще одной реальностью, «параллельной реальностью» внутри многообразной русской цивилизации. Сеть народных предприятий не просто возникла, а развивалась огромными темпами и постепенно обрела черты **действительной альтернативы капитализму (а заодно – и коммунизму)**. Статистика свидетельствует: на 1 января 1918 года в стране насчитывалось 51 417 кооперативов, членами которых были около 22 млн человек. Россия по числу кооперативов вышла на первое место в мире, а ее экономика превратилась в многоукладную со значительной долей государственного и социалистического секторов. (Говоря о «социалистическом секторе», мы имеем в виду органический народный социализм, социализм русской артели, альтернативный марксистскому.) В то же время при оценке этого периода необходимо учитывать, что столь внушительный рост кооперативов объяснялся милитаризацией экономики и ликвидацией рынка, необходимы были какие-то альтернативные распределительные меха-

низмы – ими и стали кооперативы, которые наложились на привычку народа действовать артельно. Сходная ситуация, хотя и в гораздо меньшем масштабе, сложилась позднее, во время Великой Отечественной войны, когда в условиях мобилизационной экономики кооперативы проявили себя как эффективные механизмы распределения.

Главная слабость русской артели и кооперации революционной эпохи заключалась в том, что теоретики кооператизма-артельности не успели получить достаточного политического веса. Отчасти это было связано с принципиальной аполитичностью программы их идеологов. Теория кооператизма предлагала изменять социальную среду и личность внутри капиталистического устройства, в отличие от того же марксизма, в рамках которого предполагалось завоевание власти и изменение социального строя с тем, чтобы потом на новой основе появился новый человек. Таким образом, новое общество кооператизма-артельности должно было выстраиваться с фундамента, «снизу вверх». При этом борьба с капитализмом ведется исподволь, Максимов-Слобожанин пишет по этому поводу: «Кооператизм-артельность не разрушает капиталистические фабрики и заводы, а, строя рядом с ними артельные и кооперативные мастерские, фабрики и заводы, делает первые ненужными»¹. По точному замечанию Н. А. Аитова, «нужна была значительная доля наивности, чтобы мечтать о том, что, создавая сеть мелких производственных и потребительских кооперативов, можно сокрушить капитализм и создать общество трудящихся»².

Артель, несмотря на огромное число ее последователь, была беззащитна перед политиками, настроенными на радикальное насильственное изменение социального

¹ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг., 1919. С. 75.

² Аитов Н. А. Размышления дилетанта о том, где взять денег на зарплату // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 96.

устройства страны. Как отмечал задолго до этого времени один из самых чутких исследователей Ф. А. Щербина, артели не могут сами по себе быть реформирующей общество силой, «им едва впору отстаивание своего собственного существования. Они имеют важное социально-воспитательное значение. Они могут послужить **подготовительным материалом для развития высших форм ассоциационного труда и отношений**, и в этом вся их сила и залог для будущего»¹.

Идеологи артельности вели полемику с кооператорами-западниками, противопоставляя их взглядам свой идеалистический, нравственный, педагогический подход (Е. Д. Максимов-Слобожанин, В. Ф. Тотомианц, А. Н. Анцыферов). Они не предвидели того, что главная угроза народной артели на новом историческом этапе будет исходить уже не от капитализма, а от радикальных идеологий, готовых взять в качестве своего инструмента и направить на достижение своих целей авторитарное государство. А. Н. Анцыферов в своих «Очерках по кооперации» пытался прогнозировать: «Вытеснение капитализма будет идти не всегда прямыми путями, не всегда открытой борьбой и конкуренцией с капиталистическими предприятиями, а часто обходными, окольными путями. Таким окольным путем является система “копартнершипа”, или рабочего акционерства, затем участие кооперации в капиталистических предприятиях и учреждении полукапиталистических предприятий»².

Советской власти в наследство от самодержавия достался народный уклад с традиционными по преимуществу крестьянином и промысловиком, уклад, так и не разрушенный капитализмом. Что касается сельской общины,

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 127–128.

² Анцыферов А. Н. Очерки по кооперации. Лекции и статьи. 2-е изд., пересмотренное и дополненное. М., 1915. С. 99–100.

ни отмена крепостного права, ни столыпинская реформа не предрешили ее уничтожения. Пройдя полувековым путем соблазнов и искушений, русское крестьянство на момент перелома 1917 года не просто оставалось в массе своей участниками общинных отношений, – наблюдалась обратная тенденция возврата к общине, ее укрепления как модели, доказавшей свою жизненность и силу в условиях катастрофической Смуты. Ни буржуазный уклад фермерства, ни эксперименты с анархо-коммунистическими ассоциациями не составили общине серьезной конкуренции в сельском хозяйстве страны. Окончательное разрушение общины произошло уже в начале 30-х годов в ходе раскрестьянивания русской деревни.

Что же касается артелей, то в начале XX века эта форма значительно окрепла. Большевики, увидев перспективность силового решения вопроса о национализации кооперативов, поначалу пошли на союз с артелями. Промысловая кооперация, которая сохранялась в сталинском СССР, пережила сельскую общину, однако и она была ликвидирована путем принудительного вливания в советскую промышленность в 60-е годы. По выражению социолога О. К. Федоровой, русские община и артель были разрушены искусственно. Это было не экономическое, но административно-политическое уничтожение дореволюционных народных устоев.

Лучшие умы России возлагали на эти устои большие надежды. Д. И. Менделеев писал: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого

общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному»¹.

А. Н. Энгельгардт, резюмируя многолетние исследования русской жизни, главный свой вывод формулировал следующим образом: «Занимаясь восемь лет хозяйством, страстно занимаясь им, достигнув в своем хозяйстве, могу сказать, блестящих результатов, убедившись, что земля наша еще очень богата (а когда я садился на хозяйство, то думал совсем противное), изучив помещичьи и деревенские хозяйства, я пришел к убеждению, что у нас первый и самый важный вопрос есть вопрос об артельном хозяйстве. Каждый, кто любит Россию, для кого дорого ее развитие, могущество, сила, должен работать в этом направлении. Это мое убеждение, здесь в деревне выросшее, окрепшее»².

Артель и община были связанными между собой системами национального общественного уклада. Община представляла собой оседлое, прочное, корневое начало, сопряженное с семьей, родом, воспитанием и возрастанием детей. Артель по отношению к семье и общине представляла собой форму частичного «открепления», в ней было выражено **поисковое начало**, народное предпринимательство, творческое исследование внешнего пространства жизни, страны, тех ниш в ней, которые требовали заполнения и освоения. Неудивительно, что этот поиск чаще всего происходил в отрыве от общины и семьи, в свободном движении по просторам родной земли. В артели русский народ шел на эксперимент, риск, социальное творчество, оттачивал мастерство, развивал предприимчивость, пытливно изучал общественную жизнь, природу, экономику России, особенности ее регионов. Недаром за большинством артельных занятий закрепилось наполненное глубоким смыслом понятие «промысел» — человек в промысле заострял свои

¹ Менделеев Д. И. Собрание сочинений. Т. 20. М., 1952. С. 326.

² Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 322.

мысли и навыки, постигал разнообразие жизни, богатство ее возможностей. Талантливый человек через промысел мог воплотить свой дар, раскрыть таившееся под спудом.

Артельная модель самоорганизации имеет будущее: через нее просматривается потенциал, который был заперт и не находил полноценного выхода ни в традиционном обществе, ни в капитализме, ни в советское время. Вот почему, как мы считаем, необходимо изучать и постигать, соизмеряя с днем сегодняшним, этот ценнейший опыт наших предков. Исследование артели приоткрывает завесу над альтернативным будущим, показывает, из каких корней и в каком русле мог бы развиваться русский человек новых эпох, человек, органически вырастающий из старой Святой Руси, более верный ей, чем мы и наши современники. Для понимания всего этого артель дает чрезвычайно богатую пищу.

ЧАСТЬ I. РУССКАЯ АРТЕЛЬ. В ПОИСКЕ СУЩНОСТНЫХ ЧЕРТ

1. Исследования русской артели: подходы и проблемы

Обобщая некоторые итоги изучения русской артели в отечественной литературе, можно констатировать, что с 60-х годов XIX и до начала XX века эта тема пользовалась значительной популярностью и вниманием. Был собран большой фактический материал об артелях, осуществлен ряд попыток теоретического осмысления темы. С начала XX в. интерес к изучению русской артели несколько падает, в то же время появляется огромное количество работ, посвященных явлениям кооперации и кооперативного начала в обществе и экономике. Как правило, артели производительные и трудовые при этом подвергаются острой критике. Одновременно сторонники артельного строительства в противовес данной тенденции выдвигают теорию кооператизма-артельности. В советское время тема отодвигается на периферию исследовательских интересов, если не считать бурного обсуждения проблемы колхозного строительства. (Колхоз по своему типовому уставу являлся не чем иным, как сельскохозяйственной артелью. Но в сущности это название может быть применено к нему с очень большими оговорками.) В постсоветский период интерес к теме русской артели постепенно возрождается. Условно

современные работы можно подразделить на апологетические, критические и объективистские. Но все это по большей части лишь осторожные попытки приступить к всестороннему научному исследованию темы.

В качестве разметки проблемного поля уже в самом начале изложения подходов к проблеме артели можно выделить основные дискуссионные вопросы, обозначившиеся в отечественной литературе. Назовем семь таких вопросов.

- Проблема происхождения артелей, осложненная скудостью древних источников.
- Вопрос о возможности вмешательства извне в процесс создания и функционирования артелей.
- Допустимость использования артелью труда внешних по отношению к артели наемных рабочих.
- Вопрос о социальной сущности артели и, шире, кооперации: классовая позиция, социальный мир или самозащита трудящихся и др.
- Дискуссия о путях развития производственной кооперации и необходимости кооперативной эволюции от простых форм к сложным.
- Соотношение кооперации и политической деятельности.
- Проблема сущности кооперативного (артельного) идеала и возможности его воплощения.

В литературе условно можно выделить ряд научных направлений, которые в своих изысканиях так или иначе касались темы «Русская артель». Назовем их:

1) Исследователи, которые занимались преимущественно сбором фактов об артелях и их истории, не выстраивая при этом каких-либо связанных с артелью масштабных идеологических построений (Н. В. Калачов, Г. А. Немиров, А. Я. Ефименко). 2) Народническое направление (их порой именовали «артельщиками»), его представители усматривали в артельной практике ценный национальный опыт и полагали, что дальнейшие социальные

преобразования в России должны в значительной мере на него опираться (В. П. Воронцов, А. А. Исаев, Ф. А. Щербина, Е. Д. Максимов (Слобожанин)). 3). Исследователи, рассматривавшие кооперацию как основу для социального мира и реализации справедливого начала (В. Ф. Тотомианц, А. Н. Анцыферов). 4) Приверженцы теории борьбы классов, видевшие в ней средство для построения социализма (М. И. Туган-Барановский, К. А. Пажитнов, В. А. Поссе)¹. 5). Буржуазный взгляд на кооперацию, в рамках которого ее существование обуславливалось наличием свободного рынка и частной собственности. Кооперация в рамках этого подхода необходима лишь для того, чтобы смягчить некоторые негативные стороны капиталистической экономики (Л. Н. Литошенко, И. В. Емельянов, Л. Е. Файн, В. Л. Телицын). 6). Организационно-производственное направление, отличавшее артель («полное слияние в одном предприятии трудовых усилий») от кооперации, которая позволяет гибко сочетать преимущества мелкой и крупных форм производства; при этом предпочтение однозначно отдавалось именно кооперации, а не артели (А. В. Чаянов, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников).

Начальный этап: сбор фактического материала (1860-е – 1870-е годы)

Честь первого исторического исследования об артелях принадлежит известному русскому историку, юристу и архивисту **Николаю Васильевичу Калачову** (1819–1885). В 1864 году вышел в свет его труд «Артели в древней и нынешней России». Ученый предлагал рассматривать ар-

¹ Представители данного направления делали основную свою ставку на развитие потребительской и потребительно-производительной кооперации, так как, по их мнению, именно в этих формах кооперации возможна была более последовательная реализация трудового принципа, а также значительно легче решалась проблема сбыта. Взгляд на приоритетность потребительской кооперации разделяли и некоторые эсеры (А. А. Николаев, С. Л. Маслов).

тель «в смысле товарищества нескольких лиц, соединяющихся своим капиталом и трудами, или только последними, для какой-нибудь работы, промысла или предприятия и вследствие этого отвечающих друг за друга»¹. В данном определении обращается внимание, прежде всего, на такие черты артели, как ее направленность на хозяйственные цели и наличие ответственности друг за друга или, иными словами, круговой поруки. Труд Калачова хотя и невелик, тем не менее представляет собой весьма интересную подборку материалов по артелям XVII–XIX веков, особенно любопытны материалы, относящиеся к XVII веку – это не просто туманные намеки на существование тех или иных артелей, а первые из дошедших до нас более или менее внятно прописанные в исторических документах сведения о них. В частности, Калачов пишет об артелях ярыжных (бурлаков), каменщиков, плотников, рыболовов, бортников, чернорабочих, кортомщиков, извозчиков, а также о союзах скоморохов, нищих, разбойников.

Некоторые из приводимых им данных свидетельствуют о существовании артелей задолго до XVII века. При этом отсутствие упоминаний об артелях в ранних источниках существенно затрудняет исследование генезиса этих форм, исследователям остается лишь строить предположения о существовании артелей и их внутренней организации в средневековой Руси. На эту проблему и обратил внимание Калачов в своей работе. «Скудость дошедших до нас материалов столетий XIII, XIV и XV, – писал он, – составляет, вероятно, причину, почему в числе их мы не находим актов, в которых артельное товарищество было бы выражено вполне наглядно; но на существование его в этот период времени указывают довольно ясно как известия, сохранившиеся в памятниках о торговых и других складчинах и ватагах, так и название товарищей, которое давалось складчикам»².

¹ Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 1.

² Там же. С. 3.

И хотя Калачов полагал, как мы видим, что «известия, сохранившиеся в памятниках», «указывают довольно ясно» на существование артелей в древности, все же нельзя не отметить нечеткость образа протоартельных форм, который оставляют нам древние источники, а отсутствие в них самого термина «артель» оставляет почву для сомнений¹.

В заключение своей работы Калачов приходит к трем основным выводам: во-первых, артели, убежден он, возникли «на нашей почве совершенно самобытно и с незапамятной древности»; во-вторых, после свершившейся отмены крепостного права и при иных благоприятных условиях артелям «предстоит значительное развитие, обещающее вместе с тем благоприятные последствия и для других классов жителей»; наконец, третий вывод Калачова представляет собой скорее пожелание того, чтобы артельное начало «не было стесняемо преждевременной регламентацией и могло выработаться свободно, в среде самого народа»². Тем самым Калачов предостерегал от чрезмерного государственного вмешательства в сферу деятельности артелей: именно народное творчество и самоорганизация должны были играть первую роль.

В 1873–1874 годах было издано два выпуска «Сборника материалов об артелях в России», центральное место в них заняли яркие и обстоятельные характеристики артелей Архангельской губернии, принадлежащие перу **Александры Яковлевны Ефименко**, урожденной Ставровской (1848–1918). Выдающийся историк и этнограф, она в 1910 году стала первой женщиной, удостоенной звания почетного доктора исторических наук. Материал, подго-

¹ К примеру, современный исследователь промысловой кооперации В. Г. Егоров, ссылаясь на Калачова, высказывает мнение, что «отечественные промысловые объединения появились как результат товарищизации крестьянских хозяйств со второй половины XVII в.». См.: Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века). Казань, 2005. С. 15.

² Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 64.

товленный Ефименко, включал в себя описания артелей для ловли морских зверей (моржей, тюленей, белуг); ловли рыбы (трески, сельди, семги); охоты за лесными зверями и птицами; лесопромышленных и бурлацких артелей; архангельских портовых (насыпщиков, вязчиков, горных, карбасных, шквидорских артелей и т.д.); общественного солеварения; земледельческих артелей; подрядных (содержание обывательских и почтовых станций), торговых товариществ и складчин. Исследовательница обратила внимание на то, что артельное начало присуще не только русскому народу, подобная форма самоорганизации характерна и для целого ряда народов Русского Севера: самоедов, зырян, лопарей, карел¹. Кроме того, Ефименко показывает тот спектр явлений, который подпадает под термин «артель» в народном понимании. Во-первых, это просто толпа, затем – объединение людей с «определенной экономической целью», иногда артель составляется для организации общего потребления, целью артели может служить получение подряда, а также производительная цель. Кроме того, слово «артель» могло употребляться и как специальное название для конкретных артелей, например Петербургской биржевой, а в Архангельске – портовой артели. Артель Ефименко выводила из родового быта, одной из главных черт, ей присущих, считала круговую поруку².

В 1876 году вышла книга **Григория Александровича Немирова** (1847–1905) «Биржевые артели в С[анкт]-Петербурге (Очерки их организации и современного состояния)». Цель работы состояла в том, чтобы восполнить пробел по теме биржевых артелей, который возник на момент ее написания. Автор впервые осуществил обстоятельный анализ биржевых артелей в Северной столице. Немиров отмечает, что биржевые артели существуют более полуто-

¹ Ефименко А. Я. Артели Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 3

² Там же. С. 3–4.

раста лет, «они развились совершенно самобытно, их важнейшее значение в торговых операциях признано бесспорно; оно засвидетельствовано законодательством, которое нашло необходимым утвердить авторитетом закона выработанные ими практические основания своей деятельности; они примером своим дали жизнь подобным же артелям во многих других городах России; по отношению к прочим, столь многочисленным в России рабочим артелям, они являются главнейшими представителями русской рабочей артели вообще, так что во многих местностях, несмотря на существование там других артелей, под именем артельщика разумеется прежде всего именно артельщик биржевой...»¹. Собственно биржевых артелей в Санкт-Петербурге Немиров насчитывал двадцать пять. Биржевые артели состояли при бирже, они производили товарные работы, заключающиеся в уходе за доверяемыми артелям купеческими товарами, хранении их, перевозке, укладке, упаковке и т.п., а кроме того, исполняли различные поручения купеческих контор по получению и передаче денежных сумм, документов, писем и проч. Помимо биржевых артелей Немиров выделяет артели, сфера деятельности которых была близка к биржевой: купорные артели (артели бондарей для откупоривания и закупоривания товаров), дрягильскую компанию (прием подлежащих оплате таможенной пошлиной товаров от корабельщиков и развозка-разноска их по складочным помещениям в черте таможни; *дрягили* значит носильщики), вспомогательные артели (артели крестьян, нанимаемые биржевыми артелями, как правило, летом, когда объем работы увеличивается и требуются дополнительные силы), десятников, вязальщиков (прядальщиков) пеньки, льна и пакли (занимались браковкой означенных товаров), общество штуров (подрядчиков по найму рабочих для загрузки и выгрузки кораблей). В своей работе автор рассматривает

¹ Немиров Г. Биржевые артели в С.-Петербурге (Очерки их организации и современного состояния). СПб., 1876. С. 1–2.

вопросы, касающиеся происхождения артелей, состава, заработка артельщиков, ответственности артелей, артельных договоров, внутреннего управления, распределения обязанностей, артельных капиталов, законодательных актов, касающихся артели. Немиров не выдвигает на будущее каких-либо артельных проектов социально-политического или идейного характера, он старательно фиксирует наличный артельный опыт, и в этом его немалая заслуга как фактографического исследователя.

Народническое направление (1880-е – 1900 годы)

Исследователи народнического толка, так называемые «артельщики», усматривали в артельной практике ценный национальный опыт и полагали, что дальнейшие социальные преобразования должны в значительной степени на него опираться. Знаменательной вехой в деле исследования великорусской кооперации стала докторская диссертация **Андрея Алексеевича Исаева** (1851–1924) на тему «Артели в России», она явилась первой масштабной попыткой осмысления отечественного артельного опыта. Среди прочего автор дает собственное определение и классификацию артелей, приводит исторические сведения о них, рассматривает вопросы образования артелей, организации и управления, круговой поруки, найма работников, капиталов и распределения доходов. Исаев утверждает, что для русского народа характерна «чрезвычайная склонность» «к артельному общению»¹. Тем не менее не ускользает от его взора и то, что, во-первых, под влиянием капитала артели перерождаются и утрачивают свою истинную сущность, во-вторых, Исаев видит серьезные трудности развития артелей среди современных ему кустарей, а также приходит к заключению, что в сфере крупной индустрии, строительства железных дорог, ведения иностранной торговли артелям места не находится. В условиях все

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 287.

возрастающего давления капитала на артели, как полагал Исаев, этой форме самоорганизации труда требуется широкая поддержка образованных лиц, государства и общественных организаций¹. Исследователь был убежден, что «мелкое производство будет господствовать еще долгое время». Артели продолжают свое существование в тех отраслях, «где мода, вкус потребителя играют главную роль, где не приготавливаются массы изделий одного образца, а потому введение машин становится затруднительным»². Помимо того, успехи производительных ассоциаций во Франции и Германии убеждали Исаева, что и в нашей стране этим начинаниям будет сопутствовать удача. Большое значение для концепции Исаева имел социальный идеал: «В своем дальнейшем развитии социализм поставил точно определенные идеалы, и эти идеалы, при различиях в частностях, содержат в себе указания на производительное товарищество как на самую лучшую, наиболее выгодную для общества форму предприятий»³.

С критикой Исаева выступил **Г. П. Сазонов**, в частности, он высказывался против каких-либо вмешательств извне во внутриартельную жизнь. Спор двух отечественных исследователей артельного быта, по сути, повторял дискуссию, шедшую в сороковые годы XIX века между двумя деятелями французского кооперативного движения Филиппом Бюше и Луи Бланом. Первый отстаивал принцип добровольности и самостоятельности ассоциаций и скептически смотрел на их развитие за счет государственной поддержки. Второй отрицал возможность развития производительных ассоциаций без государственной помощи и видел необходимость в активизации такой деятельности. Позиция Сазонова была сходна со взглядами Бюше, он писал: «...Именно в тех

¹ Исаев А. А. О мерах к развитию артельного производства. СПб., 1882. С. 9–11.

² Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 323.

³ Там же. С. 309.

артелях, где являлись организаторы, искажались самые существенные, излюбленные народом, основы ее, и прежде всего конечно, самоуправление, и артели эти не имели и не могли иметь никакой будущности. Пока же скажу: народ – далеко не стадо баранов; предоставленный себе, он умеет прекрасно организоваться и самоуправляться, и учить его не нужно здесь, а нужно не мешать... Чуждые народу организаторы – вовсе не мудрые пастыри...»¹ Вероятно, отрицательное отношение Сазонова к каким-либо попыткам влияния интеллигенции на артели было вызвано целым рядом неудачных опытов по их насаждению, и, что важно, при этом не всегда учитывались интересы и взгляды тех работников, которые становились их членами. Исследователь полагал, что капитализм в России насажден насильственно. При этом артель представлялась ему сказочным богатырем, которой неизбежно должен будет вступить в битву с чудовищем-капитализмом, – иными словами, артель должна «стать прочным оплотом против разбойнического натиска капитализма, вернее – кулачества»².

Другой видный исследователь артелей, принимавший участие также и в создании некоторых из них, **Федор Андреевич Щербина** (1849–1936), в 1881 году издал «Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм», в которых на основе личного опыта и источников характеризовал различного рода артели, а также близкие к ним по своей сути коллективные формы труда, имевшие тесную связь с крестьянской общиной. Исследователь, приводя в своей работе множественные примеры самоорганизации населения юга России, стремился опровергнуть расхожее

¹ Сазонов Г. П. Народные артели // Кооперация. Страницы истории: избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: В 3 т. М., 2001. Т. 1. Кн. 3. 70-е годы XIX – начало XX века: развитие кооперативной мысли и кооперативного движения в России. Ч. 1: Экономисты и общественные деятели народнического направления о кооперации. С. 277.

² Там же. С. 282–283.

мнение о малороссах как о прирожденных индивидуалистах, неспособных к объединению.

В основе артелей, по мнению Щербины, лежит «подчинение единичного дела делу общему и частных интересов интересам общественным, нравственная солидарность лиц и привычка к артельному труду»¹. Кроме того, исследователь полагал, что артели несут в себе социально-воспитательное начало, он не исключал и того, что при более благоприятных условиях современные ему артельные формы могут стать основой для более совершенных кооперативных организаций. Однако главным препятствием для развития труда на артельных началах, по мнению Щербины, был капитализм. Оказалось, что артели не в силах противодействовать ему; в лучшем случае они могли лишь бороться за свое собственное существование, но бороться с самой капиталистической системой им было явно не по силам. «...Не им в настоящем их виде и при настоящих условиях прать против такого рожна, как капитал»², – заключал Щербина. Причем более стойкими перед лицом капитализма оказывались не отходнические артели, а те, которые имели более тесную связь с общиной, – так называемые общинно-артельные формы. Щербина утверждал, что «там, где форма (артельной самоорганизации. – *Прим. авторов*) ближе стоит к домашнему очагу, где она имеет хоть какую-нибудь опору в земельной собственности и сельском хозяйстве и где вообще сильно еще влияние общинного начала и порядков, там она имеет больше шансов на свое дальнейшее развитие и существование, и наоборот»³. Таким образом, Щербина дальнейшее прочное существование и развитие артелей связывал с сохранением их тесной связи с общиной, в его глазах вырисовывался некий симбиоз двух

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1880. С. 125.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 124–125.

этих социальных форм. Развивая эти идеи в одной из своих статей, он выступал в поддержку в крестьянской среде так называемых договорных семей, которые образуются путем пополнения семьи приемными членами, а также при объединении нескольких семей в одну. При этом данный союз носит добровольный и временный характер и осуществляется на основе заключения письменного договора, в котором сроки его существования строго оговаривались¹.

Выдающийся русский мыслитель народнического направления, экономист и социолог **Василий Петрович Воронцов** (1847–1918) в своих работах «Артельные начинания русского общества» и «Артель в кустарном промысле», вышедших в 1895 году, собрал разнообразный материал, касающийся деятельности и организации различного рода артелей, в том числе и тех, что создавались представителями образованных классов. Помимо этого Воронцов выступил еще и как теоретик артели. Он не возлагал больших надежд на крестьянскую общину: капитализм разрушал ее. Помочи также представлялись ему отживающим элементом сельского быта. Будущее, как он считал, было за кооперацией. В России кустарные промыслы сосуществовали рядом с крестьянским земледелием, а потому, как полагал Воронцов, сохранялась благодатная почва для развития артельных начал. Артель несла в себе как преимущества крупного производства («разделение труда, замена человека силами природы»), так и достоинства мелкого («самостоятельность производителя»). Организация труда на артельных началах, по мнению Воронцова, должна была существенно улучшить положение трудящихся, с ней он связывал «...доставление наибольшего досуга работающему, предупреждение оупляющего действия однообразных манипуляций, вредного влияния на организм скученности людей

¹ Кооперация. Страницы истории: избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: В 3 т. М., 2001. Т. 1. Кн. 3. Ч. 1. С. 525.

и производства, устранение от последнего детей, может быть и женщин»¹. Дальнейшее развитие России, по мысли Воронцова, должно было идти по пути преобразования «... нашего капиталистического производства в государственное и артельное»². В сфере земледелия основу экономики должны были составить кооперативные хозяйства крестьян на государственной земле, а в промышленности – государственные предприятия и артели.

Хозяйство сельского работника должно было быть полностью охвачено кооперацией: «бедный земледелец, – живописал Воронцов, – берет ссуду в кооперативном кредитном учреждении, покупает нужное ему орудие или удобрение в кооперативном магазине, продает свой хлеб, картофель или фрукты через посредство кооперативного учреждения, выделяет из своего молока масло и сыр на кооперативном заводе, выдерживает свое вино в кооперативном погребе»³. При таких условиях государственный и артельный секторы экономики как более производительные должны были постепенно вытеснять капиталистический. Государство, по мысли Воронцова, должно было играть в экономике регулирующую роль. Ученый предполагал, что средства, полученные бюджетом с государственного и кооперативного секторов, пойдут на индустриальное развитие и в социальную сферу. Способствовать развитию артелей должны были интеллигенция и земства.

Видный исследователь кооперации А. А. Николаев, однако, полагал, что такие работы Воронцова, как «Артель в кустарном промысле» и «Артельные начинания русского общества», демонстрируют «картину полной несостоятельности производительной кооперации на трудовых и демократических началах в условиях русской жизни».

¹ В. В. [Воронцов В. П.] Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 124.

² Там же. С. 68.

³ Воронцов В. П. Экономические основания крестьянского вопроса // Народное хозяйство. 1905. № 2. С. 18,19

Николаев поддержал и весьма едкую характеристику книги Воронцова, данную Г. В. Плехановым: «Это, – пишет он, – поистине страшная книга! Автор ее, точно усердный кладбищенский сторож, неумоимо ведет вас от одной могилы к другой, монотонно называя вам имена и даже сообщая краткие жизнеописания покоящихся в ней “артельных начинаний”»¹. Подобный скептицизм был, вероятно, вызван ограниченным числом приведенных Воронцовым примеров нормально функционирующих артелей и примитивным характером их деятельности и устройства. В то же время в более сложных с точки зрения организации артелях, по мнению некоторых критиков, часто отсутствовало трудовое начало или самостоятельность, а потому им было отказано в праве считаться артелями.

Критика производительных и трудовых артелей (1900–1910-е годы)

В первые два десятилетия XX века в научной и научно-публицистической литературе стала приобретать все больший вес скептическая точка зрения в отношении артелей. Выдвигался целый ряд аргументов против организации коллективного производства на артельных началах, отмечались также негативные стороны трудовых артелей (под трудовыми артелями понимались такие, которые не выступали в качестве предпринимателей и не имели собственного производства, но представляли собой объединения людей, совместно продававших свою рабочую силу).

Ряд исследователей кооперации указывая на то, что производительные артели по своей сути не имеют той гибкости, которая необходима предприятию в условиях постоянно меняющейся рыночной конъюнктуры. «В общем артель представляет собой хозяйственную организацию, – отмечал **М. И. Туган-Барановский**, – крайне неподвижную и незла-

¹ Волгин А. Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова. СПб., 1896. С. 252.

стичную, с трудом допускающую сжатие и расширение оборотов, между тем как возможность того и другого настоятельно требуется условиями совместной промышленной жизни. Иными словами, производительная артель не приспособлена к условиям капиталистического хозяйства»¹. В случае благоприятных для артели обстоятельств количество заказов может увеличиться, что потребует, в свою очередь, привлечения дополнительных работников. В такой ситуации артель может действовать двумя способами: либо расширять свои ряды путем приема новых членов, либо дополнительно привлекать наемных работников. Прием дополнительных новых членов, как считал А. А. Николаев, в дальнейшем, при ухудшении конъюнктуры, приведет к избытку рабочей силы и будет мешать делу². В. А. Поссе утверждал, что «для производительных артелей “опасен” каждый новый член, так как для производимых им продуктов нужно увеличение сбыта, а он не зависит от воли артельщиков»³. Кроме того, по мнению Туган-Барановского, прием новых членов в артель затрудняется еще и тем, что успех артели возможен только при условии, что работники обладают «более или менее исключительными моральными и интеллектуальными свойствами»⁴, а потому артель ставит перед кандидатами в ее члены повышенные требования. Если же артель изберет другой вариант и привлечет наемных работников, то тем самым она начнет утрачивать трудовое начало и рискует превратиться в капиталистическое предприятие, эксплуатирующее чужой труд⁵.

¹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. Изд 5. М., 2010. С. 203.

² Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 33.

³ Поссе В. А. Основы кооперативного движения. 2-е дополненное издание. Пг., 1918. С. 72.

⁴ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. Изд 5. М., 2010. С. 203.

⁵ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 33.

В литературе этого периода одним из главных мотивов становится склонность современной артели к вырождению. «Этот процесс вырождения производительной кооперации в индустрии, – восклицал Николаев, – повторяется с такой настойчивостью, с такой неизменностью, что невольно напрашивается мысль о том, нет ли здесь определенного социального закона»¹. Под влиянием капиталистической системы артели либо лишались самостоятельности, оказываясь в зависимости от хозяина, предоставлявшего средства производства, от заказчика или спонсора; либо подпадали под власть подрядчика, обеспечивающего артель работой; либо же капиталистические отношения проникали в саму артель, и в этом случае ее члены переставали трудиться сами и все больше эксплуатировали наемных работников². Последний из названных вариантов вырождения, по мнению Туган-Барановского, грозил в основном наиболее успешным артелям. Повышенный заработок в подобных артелях приводил к тому, что их члены отказывались принимать в свои ряды новичков, ибо первые не желали делить выгоды предприятия с последними. При этом возникал соблазн перепоручить собственно трудовые усилия наемному работнику – таким образом, артель нередко превращалась в капиталистическое предприятие на паях³. Туган-Барановский приходил к парадоксальному заключению: артель может сохранить свой трудовой характер только «благодаря отсутствию успеха»⁴. Подобная артель не могла обеспечивать своим членам повышенных заработков по сравнению с наемными рабочими в той же артели или с работниками

¹ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 69–70.

² Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 51.

³ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. Изд 5. М., 2010. С. 205.

⁴ Там же. С. 206.

на соседних капиталистических предприятиях. А потому артельщики не стремились ограничивать вступление новых членов в артель, да и наемные работники не спешили становиться полноправными членами артели, ибо от этого они не получили бы никаких дополнительных выгод. Возможны были и такие ситуации, когда наемник получал в артели больше, чем полноправный ее член, и в таких случаях выходило, что «наемные рабочие эксплуатировали своих хозяев».

Слабость артелей усматривалась в недостаточности имеющегося капитала, равно как и в неспособности артельщиков пользоваться чужим капиталом¹. Это объяснялось тем, что члены артелей являлись, как правило, выходцами из небогатых слоев населения. У них часто отсутствовал какой-либо опыт в коммерческих делах, на что, в частности, обращал внимание в своей работе С. Н. Прокопович². Отсутствие в артелях жесткой иерархии приводило некоторых исследователей к заключению о наличии у них существенных проблем с организацией и поддержанием дисциплины. Николаев дополнительно отмечал, что при более глубоком разделении труда поддерживать дисциплину становится гораздо сложнее³.

Прокопович в итоге приходил к неутешительным выводам: «...Среда наших ремесленников, кустарей и фабричных рабочих, лишенная материальных средств, коммерческих знаний, торгово-предпринимательских навыков и дисциплины, весьма мало благоприятствует развитию промысловых товариществ. ...Помощь земства

¹ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 31; Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 108.

² Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 109.

³ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 32; Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 108.

и частных лиц никоим образом не может восполнить эти недостатки, общие всей массе членов предполагаемых кооперативов»¹.

Другой весьма важной проблемой, с которой неизбежно сталкивались артели, по мнению исследователей кооперации, была задача организации сбыта продукции². «Производительным артелям, – отмечал Поссе, – необходимо искать покупателей для производимого ими продукта, прибегать к дорогому посредничеству, выдерживать конкуренцию с капиталистами-предпринимателями, выпускающими на рынок тот же продукт. Торгово-промышленные кризисы для артельщиков гораздо опаснее, чем для капиталистов. Хозяева-рабочие живут на выручку от продажи производимых ими продуктов и в случае приостановки их сбыта вынуждены немедленно ликвидировать предприятие и искать другого заработка, чтобы не умереть с голоду»³.

Наконец, многие авторы отмечали слабое распространение производительной кооперации во всем мире. Николаев сделал попытку подсчитать количество артелей в мире, но брал он при этом только те кооперативы, где оставался незыблемым принцип трудового начала. Вот к чему он пришел в итоге: «Один производительный кооператив в Германии, восемь – в Англии, ничтожное количество во Франции – вот все, – заключал автор, – что дает практика кооперативного движения относительно проведения в жизнь трудового и демократического начала в области индустриального производства»⁴.

¹ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 112.

² Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 31.

³ Поссе В. А. Основы кооперативного движения. 2-е дополненное издание. Пг., 1918. С. 72.

⁴ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 43.

Тому, кто хоть немного знаком с историей кооперации в России, в качестве контраргумента против критики артелей может прийти в голову пример вполне успешной деятельности Павловской артели, которая просуществовала в течение 66 лет. Но и здесь некоторые исследователи кооперации продолжали проявлять свой скептицизм; так, Николаев считал, что «...Павловская артель представляет из себя до известной степени привилегированную группу рабочих, доступ к которой, в силу естественного хода вещей, для остальных остается закрытым». Кроме того, он отмечает, что большую роль в успехе артели сыграла казенная ссуда в 50 тыс. руб., а также активная деятельность ее руководителя Александра Генриховича Штанге. Николаев приходил к заключению, что Павловская артель не может служить образцом для производительной кооперации¹. Туган-Барановский относил Павловскую артель к предприятиям, которые недостаточно успешны и приносят мало выгод, и именно благодаря этим обстоятельствам им удастся сохраняться в течение длительного времени².

Основное острие критики было направлено против производительных артелей, в то время как за артелями трудовыми признавалось некоторое право на существование, ибо в них трудовое начало оставалось нерушимым и они не являлись закрытыми коллективами. Но все же некоторые скептики смогли подметить множество негативных сторон и у трудовых объединений³. В частности, Поссе

¹ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 55.

² Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. Изд 5-е. М., 2010. С. 207.

³ Различение производственных и трудовых артелей в литературе этого периода было широко распространенным. В наиболее четком виде встречаем его в работах Туган-Барановского, согласно которому трудовые артели не продают продукта, не занимаются сбытом произведенного ими, но продают свой труд, свои услуги, выполняют работы в пользу другого лица (заказчика). Производственные артели сами производили и при этом нередко пытались реализовать на рынке свою продукцию, по крайней мере ту ее

высказывал свои сомнения насчет того, можно ли считать трудовые артели кооперативами: «Мало кооперативного и в обыкновенных “трудовых артелях” плотников, печников и пр., так как они обыкновенно подчинены подрядчику. В лучшем случае эти артели представляют собою зародыш не кооператива, а профессионального союза»¹.

Николаев указывал на ряд опасностей, подстерегавших трудовые артели. Во-первых, в случае, если артель организована «сверху» администрацией, то чиновники, как городские, так и правительственные, получают возможность оказывать давление на работников, например во время выборов. Во-вторых, артели подобного рода могут выступать в качестве штрейкбрейкеров, когда другие рабочие, неподконтрольные чиновничеству, проводят забастовки. В-третьих, распространенная практика биржевых артелей, когда артельщик предпочитал присылать вместо себя наемника-поденщика, ставила артель на путь перерождения. В-четвертых, предприниматель, который привлекал артель для выполнения каких-либо работ, имел возможность интенсифицировать труд артельщиков, повышая свою прибавочную стоимость за счет рабочих². Чтобы избежать данных проблем, Николаев считал необходимым

часть, которая не шла по предварительным заказам. Таким образом, трудовые артели осуществляли кооперацию преимущественно в сфере труда, тогда как производственные артели – более широкую форму кооперации. Классические примеры трудовых артелей: плотничьи артели в деревне, каменщики, землекопы, рубщики и сплавщики леса, грузчики, бурлаки. Производственная кооперация чаще всего занималась ремесленным делом, земледелием, иногда возникали небольшие промышленные предприятия. Обычно и в Западной Европе, и в России эти формы создаются под влиянием теоретических идей (восходящих к Бюше, ученику Сен-Симона), а не вырастают из традиционных народных артелей и ассоциаций. Таким образом, производственные артели, в отличие от трудовых, оказываются исторически относительно новым явлением.

¹ Поссе В. А. Основы кооперативного движения. 2-е дополненное издание. Пг., 1918. С. 80

² Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 182–185.

«поставить эти кооперативы в тесную связь с широкими рабочими массами, установить прочную связь с лучшими сторонами рабочего движения»¹.

Подобная критика артелей чаще всего встречалась на страницах работ ученых-марксистов или близких к ним по своим установкам. Не чужды такой критике были и эсеры, например Николаев, а также неонародники, как А. В. Чаянов. Энтузиасты артельного движения не могли смириться с тем, что их позиции подверглись ожесточенной атаке, в ответ они выдвинули концепцию кооператизма-артельности.

Концепция кооператизма-артельности

В начале XX века большинство научных направлений, в рамках которых исследовалась кооперация, сосредоточилось на изучении проблем развития потребительской, кредитной и сбытовой кооперации, в то время как исследования, касающиеся артелей, оказались на периферии научного интереса. И только «артельщики» продолжали говорить о важности и необходимости всемерной поддержки развития артелей и производственной кооперации. В противовес набирающему силу учению о кооперации была выдвинута идеология кооператизма-артельности, поддержанная «артельщиками». Наиболее яркое свое выражение она получила в работах **Евгения Дмитриевича Максимова** (1858–1927), который также часто публиковался под псевдонимом **Слобожанин**. Помимо развития тем, связанных с идеологией движения, Максимов издал собственный курс лекций на тему «Историческое развитие идей артельного движения» (2-е изд., 1919), где рассматривал вопросы о возникновении и происхождении артелей, об их строе и характере в древности, об их истории домосковского периода, эпохи московского государственного строительства, периода борьбы народа против закрепощения (с конца XVI века до окончательного закрепощения крестьян при Петре I), эпохи

¹ Там же. С. 189.

крепостного права. Кроме того, Максимов в своей работе дал характеристику различным видам бытовых артелей и предложил собственную их классификацию. Фактический материал курса лекций Слобожанин использовал для обоснования теории кооператизма-артельности.

По свидетельству К. А. Пажитнова, термин «кооператизм» впервые встречался у Эдуарда Пфейффера в книге «Об ассоциациях. Настоящее положение рабочегословия и чем оно должно быть?», вышедшей в 1863 году в Лондоне. Он определяет кооператизм как такую систему, которая стремится – в противоположность коммунизму и социализму – «не к ниспровержению всего существующего одним ударом и созданию совершенно новых отношений, а постепенному изменению существующего в пользу беднейших классов населения»¹. В основу этого учения была положена идея о необходимости распространения производительных ассоциаций, однако по мере того как в Западной Европе они сталкивались с неудачами и распадалась, развеялось и увлечение идеей кооператизма. У большинства апологетов кооператизма (кооперативизма) лейтмотивом проходил тезис о том, что он представляет собой не компромисс, а «третий путь», зарождение «новой экономической формации»².

Максимов рассматривал «артельность» как «явление общего порядка, родовое понятие», «кооператизм» же, не отрицая его значимости, он трактовал как «частное явление того же порядка, крупнейшее видовое понятие»³. Максимов полагал, что господствующее учение наиболее полно выражено в книге М. И. Туган-Барановского «Социальные основы кооперации»: последний, в частности,

¹ Пажитнов К. А. Основы кооператизма. Пг., 1917. С. 165.

² Макаренко А. П. Теория и история кооперативного движения. М., 1999. С. 117.

³ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг., 1919. С. 47.

утверждал, что кооперация возникла искусственным образом под влиянием социалистических идей, которые, в свою очередь, оказались реакцией на капитализм. Кооперация, таким образом, рассматривалась как нечто промежуточное в деле социального строительства, ведь главный смысл заключался не в ней самой, а в том, что на смену капитализму неизбежно придет социализм. Только капитализм и социализм в данной интерпретации являлись стихийными и естественными явлениями. Кооперация же в рамках этой концепции оказывалась чем-то вроде «заплата на старом платье» капитализма, в лучшем случае только одним из средств достижения нового строя. Именно поэтому Слобожанин считал, что среди идеологов-кооператоров обычно встречаются либо социалисты, либо приверженцы капиталистической идеологии, но истинных радетелей кооперации в ее сущности почти нет¹.

В рамках теории кооператизма-артельности кооперация понималась как «естественный плод социальной эволюции, творчества народных масс, коллективного разума человечества, и в этом смысле столь же стихийное явление, как семейный коллективизм, пришедший на смену коммунизму рода». Максимов утверждал, что «кооператизм, или, говоря еще общей, артельность (в русской жизни), не паллиатив, не частное явление в социальном строительстве, а *социальная система*, охватывающая и экономическую сторону жизни человечества, и духовную, и область управления (политику, право)»². Таким образом, он предлагал рассматривать кооператизм-артельность как социальную систему, в чем-то сходную с социализмом, коммунизмом, анархизмом и противостоящую капитализму.

Максимов-Слобожанин утверждал, что артели возникли в результате распада родового быта. Когда

¹ Там же. С. 5.

² Там же. С. 10.

возникла потребность в проявлении индивидуальности, люди стали создавать добровольные частно-правовые союзы, отличающиеся от принудительных союзов, вроде семьи, общины и т.д. Артель своим появлением сформировала «новую группу и систему социальных организаций, не похожих на публично-правовые, основанных на добровольности, договорности, содружестве, сотрудничестве, самоуправлении и, значит, равенстве, самодеятельности и круговой поруке»¹. Это и были основные отличительные черты артельной системы. В свою очередь, она была не лишена и собственной динамики – так, Слобожанин отмечал, что «артельное движение проходило в своем историческом пути несколько стадий, или фаз развития, одной из которых, очевидно, еще не последней, и является кооперативное движение нашего времени»². При этом если древние артели были разнообразнее и универсальнее по своему характеру, то крепостное право в России способствовало измельчанию и сужению артельности, сведению ее преимущественно к экономическим занятиям. При этом артели обслуживали, как правило, лишь часть хозяйственно-производственного процесса³. С развитием капитализма артель «направляется на защиту личности от гнета капитала и отстаивание интересов труда». Именно с этого момента, как полагал Слобожанин, «она идейно и организационно сливается с соответственными организациями Западной Европы и получает характер кооперативов»⁴. При этом кооперацию обычно принято рассматривать как сотрудничество, на артель

¹ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг., 1919. С. 8.

² Там же. С. 47.

³ Максимов Е. Д. (Слобожанин М.). Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском кооперативном институте. Изд. 2. Боровичи, 1919. С. 44.

⁴ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг., 1919. С. 69.

же Слобожанин предлагал смотреть как на **содружество**. «Сотрудничество само по себе, – писал он, – предполагает солидарность интереса, содружество еще больше углубляет ее, распространяя на все стороны жизни личности. Быть другом, товарищем и интересоваться только одной стороной жизни друга, напр. материальной, нельзя. Дружеские чувства, составным элементом в которые входит и любовь, не ограничиваются такими узкими рамками»¹.

Наконец, социальная система кооператизма-артельности существенным образом должна отличаться от других систем-идеологий. Если при социализме, по мысли Максимова, меньшинство обязано подчиняться большинству, а значит, невозможно обойтись без принуждения, то в основе кооператизма – первенство личности и ее интересов, место принуждения здесь занимают добровольность и договорность. Именно поэтому и моральная основа кооператизма оказывается выше, чем у коллективистского социализма. «Кооперативизму не нужно государства в современных формах, – это Молох, которому приносятся человеческие жертвы. Кооператизм знает союзное строительство и в этом смысле ближе к федералистическому коммунизму, но выше его, так как предоставляет более широкое поле свободе личности. В этом смысле в нем немало сходства с коммунистическим анархизмом, в свою очередь, высоко выдвигающим свободу личности, но недостаточно сходства с индивидуалистическим анархизмом, не дающим той организованности социальной среде, которая только и может дать защиту личности. И в либерализме кооператизм берет самое высокое – свободу и равенство, но не правовое только, а и экономическое, т.е. осуществляет его не в букве закона, а на деле – фактически»².

Каким же мыслился путь к новому строю? Максимов был не согласен с марксистскими представлениями о

¹ Там же. С. 71.

² Там же. С. 20.

том, что новый строй может быть завоеван исключительно в борьбе с эксплуататорскими классами, его позиция была не революционной, а эволюционистской. «Кооперативная работа – всегда работа созидательная, творческая, разрушающая социальную несправедливость прежде всего строительством новой формы социального бытия, воспитывающая своих работников в духе высших моральных начал и не вводящая в свою программу, как правило, насильственных способов борьбы, но обращаясь к ним, когда это неизбежно, как было в артельных казачьих общинах московского периода нашей истории»¹. Имея своей главной целью воспитание новой личности посредством вовлечения все более широких масс в дело кооперативного строительства, теория кооператизма не выдвигала задачи завоевания политической власти.

Когда весной 1908 года на Всероссийском съезде кооператоров против производительных кооперативов был выставлен целый ряд аргументов, представителями секции производственной кооперации, в частности В. Н. Зельгеймом, было высказано мнение, что для начала следует применять кооперацию мелких производителей в сфере приема заказов, закупки сырья, совместного использования сложных и дорогостоящих средств производства, и только потом переходить к более сложным формам объединения. Слобожанин заявил, что устойчивая деятельность производственной кооперации будет зависеть от ее связи с другими кооперативами и демократическими учреждениями. Взяв под защиту артели, кооперативный съезд, как сообщал Воронцов, «не примкнул ко взглядам на производительные товарищества, господствующим в демократических кругах Западной Европы»².

¹ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг., 1919. С. 19.

² В. В. Производительная кооперация в индустрии // Вестник кооперации. 1909. № 1. С. 48–62.

Воронцов полагал, что на артели могли бы оказывать влияния и организации, предоставляющие им заказы, выдвигая перед артелями определенные условия, имеющие целью воспрепятствовать вырождению последних. Постоянные заказы от государства или потребительских обществ должны снизить колебания спроса, что уменьшит потребность в кратковременном привлечении наемных рабочих¹.

В условиях обострения политического кризиса в России важнейшим принципом для представителей кооператизма-артельности стало следование путем ненасилия. Артели не должны были интересоваться партийной принадлежностью кандидатов в свои члены. А. А. Исаев полагал, что для артельщика верной будет следующая установка: «...Пусть каждый из моих членов, как гражданин, ведет борьбу на всех точках, где того требуют вопросы религии, права, просвещения, хозяйства, внутренней и внешней политики; пусть выступает он в этой борьбе как член известной партии, которая из своего мировоззрения оценивает все бесконечно разнообразные факты общественной жизни. Но, как артельщик, пусть он забудет о многих из этих вопросов; пусть борется лишь с теми силами – внутри артели и вне ее, – которые препятствуют ее развитию»².

Слобожанин выделял два направления среди кооператоров революционной эпохи: одно составили борцы за рабочую кооперацию, другие же не считали нужным вести политическую деятельность с целью создания и поддержки того или иного правительства. Максимов вполне соглашался с высказыванием В. Ф. Тотомианца о том, что «кооперация делает более крупное дело, чем политика... Политические партии делают орудием социальной реформы государство. Мы же, кооператоры, стоим на другом пути, мы стремимся, чтобы орудием социальных реформ явилась личность и объединение этих личностей в коопе-

¹ Там же. С. 48–62.

² Исаев А. А. Артели и общественная борьба. СПб., 1912. С. 24.

ративах... Мы будим на местах инициативу и строим здание России с фундамента»¹.

Буржуазный взгляд на кооперацию

Существует среди исследователей и взгляд на кооперацию и артель с позиций апологетики капиталистического уклада. В наиболее ясном и обобщенном виде этот взгляд отражен в работах **И. В. Емельянова** и **Л. Н. Литошенко**. На производственную кооперацию и артели они смотрели скептически, не видя в них какой-либо реальной экономической силы, которую следует принимать в расчет. Емельянов, занимаясь темой сельскохозяйственной кооперации, замечал: «Попытки организации на кооперативных началах сельскохозяйственного производства до сих пор никаких результатов не дали и в области собственно сельскохозяйственной никаких производительных кооперативных организаций не существует. Попытки итальянских социалистических организаций организовать коллективные фермы не могут быть отнесены к области кооперативной работы, как не могут относиться к ней артели и коллективы, возникшие в патологических условиях хозяйственной жизни в Советской России; первые к тому же не дали никаких положительных результатов в смысле организации сельскохозяйственного производства, вторые же обречены, даже по мнению доброжелательных к такой форме хозяйства наблюдателей, на умирание, хотя, м.[ожет]б.[ыть], и длительное»².

Емельянов предлагал исходить не из эфемерных надежд на социалистическое будущее, не из идеалистических построений и мечтаний, а из реальной действительности, анализируя ее конкретные факты. В заключении своего объемистого исследования по сельскохозяйственной кооперации, созданного на основе привлечения большого количе-

¹ Кооперативный мир. 1917. № 10–11.

² Емельянов И. В. Кооперативные организации среди земледельцев. Прага, 1923. С. 482–483.

ства документов, свидетельств и статистики, отражающей развитие кооперации в мировом масштабе, он пришел к следующим выводам: 1) чем глубже задевается кооперативными организациями существо хозяйства (организации сбыта), тем труднее их осуществимость и укрепление; 2) чем ближе к производственным моментам стоит по своим задачам кооперативная организация (арендные организации, товарищества скотоводов, контрольные союзы), тем слабее его организационная устойчивость и выше зависимость от правительственной помощи¹. В общетеоретическом плане Емельянов также находил значительные расхождения между социалистическими идеями и кооперативной реальностью. «Кооперативное дело в области сельского хозяйства, – писал он, – является прямою противоположностью социализму в том отношении, что оно утверждает индивидуальность хозяйства, отрицаемую социалистической доктриной, и аккомодирует современную земледельческую среду к условиям именно существующего денежно-менового строя, а не отрицает этого строя как социализм. Кооперация строится на индивидуальности и свободе почина, в то время как социализм на место принципа координации действий, свойственного кооперативному делу, ставит мертвящее начало субординации. Наконец, социалистическая идея есть чисто логическое построение, и до сих пор нет ясного определения того, что такое социализм, между тем как кооперативное дело есть реально существующее и развивающееся и вширь, и вглубь движение»².

Л. Литошенко настаивал на том, что «кооперация в конечном счете стремится к увеличению дохода своих членов». В этом он даже видел сходство кооперативных и капиталистических предприятий³. Литошенко в сво-

¹ Там же. С. 483.

² Там же. С. 481.

³ Литошенко Л. Кооперация, социализм и капитализм // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 139.

их работах 20-х годов XX столетия стремился обосновать убеждение, что кооперация не может отказаться от своих капиталистических предпосылок, ведь они являются определяющими для ее сущности. В чем они заключаются? Это, прежде всего, свободное объединение сил, свободное определение хозяйственных целей и право собственности. Хозяйственная свобода, считал он, мыслима только при буржуазном строе. «Как только вся хозяйственная деятельность примет кооперативные формы, для свободы хозяйственного самоопределения не останется места»¹. Гармония при кооперативном строе вряд ли осуществима, ибо неискоренимы противоречия между различными видами кооперации. Как кооператив, так и капиталистическое предприятие являются хозяйствами приобретательского типа.

Никакой борьбы кооперации против капитализма не существует, есть только борьба представителей средних классов, объединенных в кооперативы, против крупного капитала. К чему же тогда должен сводиться кооперативный идеал? «К уничтожению буржуазного строя кооперация стремиться не может. Она должна искать себе место в его рамках. Поскольку ей необходим идеал, он может заключаться в сокращении экономических неравенств. Средство для достижения этой цели может заключаться только в поднятии уровня низших доходов, но не в насильственном уничтожении высших. Поскольку кооперации приходится отвоевывать свои позиции у крупного капитала, она может бороться с ним только его же оружием, понижением цен и экономическим соперничеством. В конечном счете кооперации может рисоваться идеал общества с меньшими экономическими неравенствами, чем в настоящее время, и с преобладанием средних доходов, достигших довольно значительной абсолютной величины.

¹ Литошенко Л. Кооперация, социализм и капитализм // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 134.

Это – идеал политики средних классов, и кооперация есть одно из могущественных ее орудий»¹.

Буржуазный взгляд на кооперацию не чужд и некоторым современным исследователям. Так, один из виднейших историков кооперации Л. Е. Файн рассматривает кооперацию только в качестве рыночного компонента, с уничтожением рыночных отношений, она, по его мнению, ликвидируется². В. Л. Телицын и Е. Н. Козлова с явной симпатией относятся ко взглядам Емельянова, активно критикуют социальный утопизм большинства деятелей отечественного кооперативного движения и полагают, что кооперация не формирует какого-то самостоятельного уклада, это «лишь форма социального вспомоществования в условиях рыночной экономики», фактически один из хозяйственных механизмов внутри капиталистического уклада³.

Классовый подход и его критика

Группу исследователей, о которых пойдет речь ниже, объединяет прежде всего взгляд на кооперацию через призм теории классовой борьбы. В кооперации, по мнению этих исследователей, так или иначе проявлялось противостояние классов, при этом сама она объединяет, как правило, трудящееся население, в интересах которого и ведет свою деятельность. Интересы трудящихся подразумевали борьбу с эксплуатацией, ростовщичеством, торговым посредничеством и т.д. Именно поэтому кооперация выступала либо как способ самозащиты эксплуатируемых классов от капитализма, либо как особый путь классовой борьбы, выражающийся в относительно мирных формах. Все это должно было в той или иной степени приближать насту-

¹ Там же. С. 144.

² Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002. С. 579–581.

³ Телицын В. Л., Козлова Е. Н. Российская кооперация: Что это было: Очерки. М., 2009. С. 61

пление справедливого социалистического будущего. Эти взгляды были близки таким авторам, как **М. И. Туган-Барановский, С. Н. Прокопович, В. А. Поссе, К. А. Пажитнов**, – все они в различной мере испытывали на себе влияние марксистских идей. Так же как и Маркс, они не находили добровольной кооперации в докапиталистическую эпоху. Для них кооперация в первую очередь являлась **реакцией на капитализм**, сознательной попыткой трудящихся противостоять враждебной системе.

Значительное влияние на умы современников оказала книга Туган-Барановского «Социальные основы кооперации», первое ее издание вышло в свет в 1916 году. В предисловии ко второму изданию этой книги ее автор писал, что первое издание «встретило столь сочувственный прием в нашей кооперативной прессе, что я должен признать опровергнутым свое мнение, выраженное в предисловии к первому изданию, относительно резкого противоречия моих взглядов взглядам большинства русских кооператоров»¹.

Преждевсего следует отметить, что Туган-Барановский весьма скептически высказывался насчет производительных артелей (некоторые его критические замечания уже были приведены выше), другое дело – трудовые артели, он их считал «вполне жизнеспособным видом кооперации, который может еще много дать в будущем»². Но наибольшее предпочтение Туган-Барановский отдавал потребительской кооперации и организации при кооперативах данного вида собственных производств³. Именно потребительскую кооперацию в отличие от производственной он считал высшим видом кооперации. Приближение к идеалу виделось ему в том, что в потребительском обществе прибавочный продукт, создаваемый на производстве, организованном

¹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. Изд 5. М., 2010. С. 44.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 217.

непосредственно при данном кооперативе, «распределяется равномерно между всеми рабочими, входящими в состав потребительского общества»¹.

Для **А. А. Николаева** производственная кооперация была неприемлема прежде всего потому, что в ней в большей степени, чем в кооперативах других видов, нарушалось трудовое начало, что выражалось в применении наемного труда². Поэтому он отдавал предпочтение потребительской кооперации и организованному при ней производству. Преимущество этой формы виделось ему в большей открытости потребительской кооперации, ведь она крайне заинтересована в расширении своих рядов и приеме новых членов, последние при наличии необходимой квалификации могут быть заняты и на производстве при потребительском обществе. В свою очередь, наемные работники производства при потребительском кооперативе свободно могут становиться его полноправными членами. Николаев полагал, что принцип трудового начала в данном случае проводится более последовательно³.

Далее хотелось бы привести те важнейшие положения из работы Туган-Барановского, которые вызывали в научном сообществе значительную реакцию, при этом часть исследователей демонстрировала свою солидарность с ними, а у других теоретиков тезисы Туган-Барановского вызывали яростное неприятие. Самым спорным, пожалуй, являлось утверждение о том, что кооперация «была раньше придумана отдельными людьми как средство преобразования существующего социально-экономического строя». «В противоположность “естественному” процессу развития капитализма кооперация была создана “искусственно”». Она имела своих духовных отцов и явилась в

¹ Там же. С. 216.

² Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 63.

³ Там же. С. 65–67.

результате влияния на капиталистическое общество социалистического идеала»¹. Прокопович поддержал тезис Туган-Барановского о том, что «тело кооператива создано капитализмом», а «душа вдохнута социалистическим идеалом»². Этот подход был оспорен кооперативистами, в частности, Максимов-Слободжанин, относивший зарождение кооперации еще ко временам первобытного строя, резко его оспаривал. По той же причине не соглашался с данной точкой зрения и Тотомианц. Для нашего исследования важно, что в данном случае в рамках классового подхода к кооперации об артелях как о кооперативах речи не идет; таким образом, длительная история артелей до эпохи расцвета капитализма как будто выпадает из поля зрения и остается не вполне объясненной.

Туган-Барановский (и далеко не только он один) рассматривал кооператив в первую очередь как «хозяйственное предприятие»³, именно хозяйственная цель мыслилась центральной для кооператива. И вновь данное утверждение вызывало неприятие у Максимова, которому был чужд узкохозяйственный, материалистичный подход к кооперации. Вряд ли бы смог согласиться с данным утверждением и Тотомианц, который обычно настаивал на важности идеалистических целей. Интересно, что и сам Туган-Барановский в своей брошюре под названием «О кооперативном идеале», которая вошла в третье издание книги «Социальные основы кооперации», высказывался уже в том же духе, что и Максимов с Тотомианцем⁴.

Важнейшим положением теории Туган-Барановского являлся взгляд на кооперацию как на явление, всецело

¹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. Изд 5. М., 2010. С. 46.

² Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 67.

³ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. Изд 5. М., 2010. С. 64.

⁴ Там же. С. 434.

подчиненное классовой теории. Не случайно свою монографию о кооперации он делит на разделы, посвященные пролетарской кооперации, затем крестьянской и, наконец, мелкобуржуазной. Сущность кооперации, по мнению Туган-Барановского, заключалась в борьбе с капиталом¹. Сама она рассматривалась им как один из путей самозащиты трудящихся классов², хотя в другом месте его же книги кооперация оказывалась уже не столько самозащитой, сколько своеобразным нападением и борьбой: «...Кооперация отнюдь не является социальным миром, а социальной борьбой, столь же принципиальной и идущей до конца, как и политическая борьба рабочего класса. Но кооперация борется не насилием, не оружием и не баррикадами, а мирным строительством нового общественного строя. Кооперация есть, конечно, борьба, но борьба мирными средствами»³.

В брошюре «О кооперативном идеале», материал которой позже вошел в третье издание книги «Социальные основы кооперации», Туган-Барановский представляет свое видение будущего общества, основанного на кооперативных началах. Кооператив, по его мнению, является «организацией анархического хозяйства», в котором осуществляется высший общественный идеал⁴. Кооперация основывается на добровольности и отрицает принуждение. При социализме и ликвидации частной собственности возможна будет лишь одна форма кооперации – трудовая, где наемный труд отсутствует. Трудовая кооперация останется наряду с муниципальным и государственным производством. При этом работы станут исполняться на основе всеобщей трудовой повинности: «Принудительно организуемый труд, – пояснял Туган-Барановский, – в социалистическом государстве еще долгое время должен иметь первенствующее значение

¹ Там же. С. 88.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 439.

в области производства всех тех продуктов, которые жизненно необходимы для общества и производство которых в то же время мало привлекательно для человека само по себе»¹. Однако принудительный сектор производства должен быть восполнен свободным кооперативным трудом. Для этого государство будет отдавать необходимые средства производства во временное пользование трудовым кооперативам, а те, в свою очередь, должны будут поставлять часть продукции на государственные склады и в магазины, избыток же сверх этого будет поступать в распоряжение артелей. Кооперативы, таким образом, в условиях социализма призваны дать выход «свободным творческим силам общества», в них объединятся люди «выше среднего уровня», там будет предоставлена возможность лучшего заработка, обусловленная высокой производительностью таких коллективов. Однако члены кооперативов будут брать на себя значительные риски, ибо в случае неудачи своего предприятия им придется возмещать государству понесенные издержки². Организация сельскохозяйственного производства будет иметь в своей основе общину, земля же – принадлежать всему обществу в лице государства. В таких социалистических общинах допустима различная степень кооперирования (наряду с индивидуальными хозяйствами могут существовать и объединения, охватывающие весь производственный цикл) и свобода в распоряжении продуктами производства сверх обязательных поставок государству³. При социалистическом строе найдут себе место все кооперативы, основанные на трудовом начале, за исключением кредитных. Но и социализм не есть еще осуществление идеала, при нем жизнь не остановится и история не завершится: «Дальнейшее развитие, – писал Туган-Барановский, – будет заклю-

¹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. Изд 5. М., 2010. С. 443.

² Там же. С. 444.

³ Там же. С. 447.

чаться в постепенном вытеснении в общественном строе более грубого и насильственного начала коллективизма более высоким и свободным началом кооперации»¹.

Видный русский экономист Сергей Николаевич Прокопович также смотрел на артель и кооперацию с точки зрения классового подхода, она виделась ему средством самозащиты ее членов от эксплуатации капиталом². Прокопович соглашался с мнением Туган-Барановского о том, что доход, приносимый кооперативом, является «особою некапиталистической формой дохода», а также разделял мнение последнего насчет того, что кооперация выросла на капиталистической почве, но тем не менее несет в себе некапиталистический дух. Цель кооперации – освободить собственных членов «от эксплуатации скупщика, лавочника и ростовщика, а также сделать ненужным крупное капиталистическое производство»³.

Прокопович в своей работе «Кооперативное движение в России, его теория и практика» предложил схему, в рамках которой характер и условия для развития артелей и кооперации определяются теми или иными экономическими отношениями в обществе. «Артель, как форма хозяйственной кооперации, – писал ученый, – имеет в своей основе те или иные экономические отношения. Каждый способ производства вырабатывает у участвующих в нем лиц особую экономическую психику, свойственную только данным производственным отношениям и представляющую собою субъективную сторону объективного производственного процесса, – совокупность суждений хозяйствующих лиц об условиях их хозяйственной деятельности, экономических сношениях и отношениях с другими лицами, своих экономических нуждах и интересах и способах их защиты. Кооперация являет-

¹ Там же. С. 449.

² Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 15.

³ Там же. С. 17.

ся одною из форм защиты, осуществления этих интересов. Различие экономических отношений, создавая различие экономических интересов, вызывает различие кооперативных форм. Поэтому каждой экономической формации свойственны свои особенные формы кооперации. Чем сложнее экономические отношения данной формации, тем разнообразнее свойственные ей кооперативные образования»¹. В основу своей исторической классификации кооперации Прокопович кладет способ производства. Для наглядности приведем авторскую классификацию, представленную в виде таблицы:

Формы промышленности	Формы кооперации
1) производство для домашних потребностей	Нет кооперативных форм
2) работа вне собственного хозяйства	1) помочь 2) трудовые артели 3) сырьевые артели
3) ремесло	нет кооперативных форм
4) мелкое производство на широкий рынок	1) сырьевые товарищества 2) складочные 3) подсобные 4) кредитные 5) потребительные
5) фабрика	1) кредитные 2) потребительные 3) производительные 4) трудовые артели ¹ .

Для лучшего понимания следует дать некоторые пояснения к приведенной таблице. Во-первых, с развитием

¹ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 21.

² Там же. С. 29.

ремесла (совмещение работы на заказ и на рынок) новых форм кооперации не появляется в то время, как старые формы отмирают. Образуется разрыв, так как новые формы кооперации возникают лишь при работе мелкого производства на широкий рынок¹. Во-вторых, на четвертом этапе промысловые товарищества, сырьевые, складочные и подсобные, предполагают прекращение личных сношений между производителем и потребителем и превращение средств и продуктов производства в различные формы капитала². В-третьих, на этапе фабричного производства складочные и сырьевые товарищества теряют почву, также сокращается количество кредитных кооперативов, появляется производственная кооперация, развивается потребительская, при ней организуется собственное производство, также появляется **зависимая** трудовая артель в промышленном производстве³.

Прокопович приходит к следующему выводу: «...Кооперация не может служить средством борьбы с надвигающимся капитализмом. Рост того или другого вида кооперации есть следствие развития лежащих в его основании экономических отношений, а не причина этого развития. Как производное явление, кооперация находится в полной зависимости от производящего момента — экономических отношений»⁴. Однако автор тут же добавляет: «Задача новейших форм кооперации лежит совершенно в другой плоскости: в борьбе против эксплуатации трудящихся представителями денежного, товарного и производительного капитала»⁵. Иными словами, артель в силах лишь бороться с эксплуатацией, сглаживать некоторые противоречия существующего строя, но изменить его ей не по плечу.

¹ Там же. С. 24.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 26–27.

⁴ Там же. С. 29–30.

⁵ Там же. С. 30.

«...В современном капиталистическом обществе, – писал Прокопович, – артель уцелевает только в расщелинах капиталистического мира, в тех уголках его, куда не успел еще проникнуть капитализм»¹. Более того, капитализм, «проникая в артель, убивает ее». Настаивая на зависимости артели от наличных экономических отношений, Прокопович не соглашается с теми, кто видел в артели залог будущего лучшего экономического строя.

Другой приверженец классовой теории, **Константин Алексеевич Пажитнов**, присоединялся к мысли Туган-Барановского о том, что кооперация есть не что иное, как форма выражения классовой борьбы². Поэтому с целью усиления антикапиталистического движения и увеличения масштабов его борьбы Пажитнов предлагает считать профсоюзы кооперацией, объединив их под началом единого руководящего органа³. По сути это центральная мысль в работах этого автора. Трудовые артели и профсоюзы, по мнению ученого, тесно сближала задача защиты интересов наемного труда⁴. Определение, которое дает Пажитнов кооперации, предполагает прежде всего включение в сферу кооперации профессиональных союзов, трудовых артелей и коопартнершипов. Так, в его понимании, кооператив «есть такое добровольное соединение нескольких лиц, которое имеет своей целью совместными усилиями бороться с эксплуатацией со стороны капитала и улучшить положение своих членов в процессе производства, обмена или распределения хозяйственных благ, т.е. как производителей, потребителей или продавцов рабочей силы»⁵. Под кооперативами «продавцов рабочей силы» он понимал не только

¹ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 51.

² Пажитнов К. А. Основы кооператизма. Пг., 1917. С. 81.

³ Там же. С. 167.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 39.

профсоюзы, трудовые артели, коопартнершипсы, но и производительные товарищества.

Антикапиталистическое движения Пажитнов разделяет на два типа: к первому относится деятельность политических партий, их цель – воздействие на власть, второй тип имеет отношение к экономической сфере – это кооператизм. И если для Пажитнова социализм – «это учение о будущем строе общественно-экономических отношений», то кооператизм, по его убеждению, «должен стать научной теорией, объясняющей настоящее, изучающей тот своеобразный мир, который родился и существует в недрах капиталистического строя в виде многих десятков тысяч кооперативных ячеек, и те изменения, которые последние производят в этом строе»¹. Несмотря на приверженность к классовому подходу и значительный акцент на антикапиталистической сущности кооперации, Пажитнов демонстрирует в данном случае некоторую близость своих установок к идеям «артельщиков», выразившуюся хотя бы в призыве использовать термин «кооператизм» для обозначения определенной научной теории.

Владимир Александрович Поссе, в отличие от Пажитнова, ставил под сомнение целесообразность отношения производительных артелей к кооперации, так как для него более предпочтительными были потребительно-производительные общества. В конечном итоге эта форма кооперации должна была поглотить или устранить все другие. Поссе предполагал, что по мере развития собственного производства потребительные кооперативы будут превращаться в потребительно-производительные, в которых все большее количество членов станет находить себе хороший заработок в комфортной обстановке². Наконец, в наиболее развитых кооперативах все их члены будут яв-

¹ Там же. С. 152.

² Поссе В. А. Основы кооперативного движения. 2-е дополненное издание. Пг., 1918. С. 59–60.

ляться не только потребителями, но и производителями, то есть будут заняты на производстве при потребительском обществе. Это приведет к устранению торговли. Такие потребительно-производительные общества объединятся в союзы и союзы союзов. По глубокому убеждению Поссе, потребительно-производительные общества обладают неоспоримыми достоинствами: во-первых, им «не приходится заботиться о сбыте, так как в них сбыт организуется раньше производства, спрос идет впереди предложения»; во-вторых, «потребительно-производительным обществам выгодно увеличение числа членов, так как с каждым новым членом, являющимся потребителем (покупателем), возрастает оборот и прибыль»¹. При всей приверженности Поссе идее потребительно-производительных обществ он все же признает значимость сельскохозяйственных артелей, полагая, что «в них должно быть гораздо больше жизнеспособности уже по одному тому, что значительная часть производимого артелью продукта ею же и потребляется (хлеб, молоко, овощи и т.д.). Чем меньше сельскохозяйственная артель продает и покупает продуктов, тем она, так сказать, идеальнее»². Однако признание это основывается на явном сходстве характера потребительно-производительных обществ и сельскохозяйственных артелей.

В трудах **В. И. Ленина** классовый подход к кооперации выражен в наиболее радикальном виде. Активно громя и критикуя позиции идеологов народничества, он отрицал их утверждения о распространенности «артельного начала» в мелких крестьянских промыслах и приходил к совсем иным выводам: «На самом деле, как раз наоборот, мелкая промышленность (и ремесло) отличается наибольшей раздробленностью производителей. В подтверждение противоположного взгляда народническая литература не

¹ Поссе В. А. Основы кооперативного движения. 2-е дополненное издание. Пг., 1918. С. 72

² Там же. С. 73.

могла дать ничего, кроме подбора единичных примеров, громадное большинство которых относится вовсе не к кооперации, а к временным, миниатюрным соединениям хозяев и хозяйчиков для общей закупки сырья, для постройки общей мастерской и т.д. Подобные артели нисколько даже не затрагивают преобладающего значения капиталистической кооперации. Чтобы составить себе точное представление о том, как широко в действительности применение “артельного начала”, недостаточно сослаться на выхваченные там и сям примеры; для этого необходимо взять данные по какому-либо сплошь исследованному району и рассмотреть сравнительное распространение и значение тех и других форм кооперации»¹.

На важность кооперации для нового строя Ленин обратил внимание уже после революции 1917 года. Если ранее идеи идеологов кооперативного движения он относил к разряду фантазий, то теперь ситуация радикально поменялась. А потому он предлагает новую трактовку социалистического строя как строя «цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией»². До завоевания власти все надежды на кооперацию как на средство преобразования старого мира, как на путь к социализму были тщетны, ибо в таком случае не учитывался фактор классовой борьбы. В 1923 года, когда Ленин публиковал свои заметки о кооперации, ее рост он **отождествлял с ростом социализма**. Однако принцип добровольности кооперации для Ленина был все же, как видно, не столь важен. В этом смысле очень показательны его слова о необходимости «заставить всех поголовно участвовать, и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях»³.

¹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4. Т. 3. М., 1941. С. 31.

² Ленин В. И. Сочинения. Изд. 4-е. Т. 33. М., 1951. С. 431.

³ Там же. С. 429.

* * *

В противоположность классовому подходу среди исследователей кооперации и артели был распространен также подход к ним как к **социальному миру (В. Ф. Тотомианц, А. Н. Анцыферов)**. Позиции Тотомианца и Анцыферова прежде всего схожи в восприятии кооперации как движения, создающего почву для сотрудничества классов. Тотомианц настоятельно предостерегал против внесения конфронтации в кооперативное движение: «...Ради осуществления кооперацией общечеловеческой солидарности, ради создания благоденствия и мира на земле для всех следует всячески охранять ее от чуждой ей классовой политики или партийности. Идеалом кооперации является не борьба за существование, а единение для жизни»¹. О подобных вещах писал и Анцыферов в своих ответах на анкету «Вестника кооперации»: «...Основа и сущность кооперативной деятельности состоит в свободном, организованном и мирном сотрудничестве для достижения хозяйственных целей, в осуществлении принципа взаимной помощи, а не всеобщей вражды и взаимного нанесения вреда и ущерба, а отсюда необходимо вытекает огромное сокращение не только бесполезной, но и всегда вредной растраты сил, или, другими словами, сбережение самого драгоценного блага – человеческой энергии; а сокращение затраты человеческой энергии на хозяйственные цели создает основу для пробуждения высших, духовных интересов человека и человеческого общества, для развития того, что по праву может быть названо развитием культурной жизни человечества, его подлинным и прочным прогрессом»². Мысль о сбережении человеческой энергии благодаря кооперации и при устранении вражды не раз

¹ Тотомианц В. Ф. Кооперация (История, принципы, формы, значение). Франкфурт-на-Майне, 1961. С. 129.

² Анцыферов А. Н. Очерки по кооперации. Лекции и статьи. 2-е изд., пересмотренное и дополненное. М., 1915. С. 79.

встречается на страницах работ Анцыферова – именно это для него путь подлинного прогресса.

Сходство в позициях Тотомианца и Анцыферова можно усмотреть еще и в том, что оба они отмечали весьма слабое развитие производственной кооперации. Однако были и некоторые расхождения во взглядах. Если Тотомианц отстаивал по отношению к кооперации «идеалистический» взгляд – иными словами, он полагал, что кооперация призвана содействовать «социальному и нравственному воспитанию человечества»¹, а также считал, что сопутствовать этому обязательно должна вера, то Анцыферов подходил к вопросу сугубо материалистично, утверждая, что любое кооперативное учреждение есть хозяйственная организация, а потому «привнесение филантропических принципов, политических тенденций и т.[ому] под.[обное] способно лишь повредить делу и погубить его»². Правда, уже на следующей странице у Анцыферова можно было встретить вполне идеалистическое высказывание: «Из всех известных до сих пор форм общественной организации кооперация служит наиболее полным осуществлением в практической жизни великого евангельского постулата и истины о любви к ближнему»³.

Если в работах Анцыферова нам не встретились какие-либо масштабные кооперативные проекты будущего, то Тотомианц набрасывает перед читателем картину желаемого грядущего: «Несомненно, что кооперации предназначено великое будущее стать господствующей формой распределения и производства, так что на долю капитализма, государства и муниципалитетов останется лишь меньшее количество особенно сложных производств, как, например, тяжелая индустрия, добыча каменного угля и т.д.»⁴. Пример победы

¹ Тотомианц В. Ф. Кооперация (История, принципы, формы, значение). Франкфурт-на-Майне, 1961. С. 131.

² Анцыферов А. Н. Очерки по кооперации. Лекции и статьи. 2-е изд., пересмотренное и дополненное. М., 1915. С. 82.

³ Там же. С. 83.

⁴ Там же. С. 99.

кооперации над капиталистическим предприятием он отыскивает в Швейцарии, где Союз потребительских обществ постепенно захватил крупнейшее акционерное общество Швейцарии по торговле мясом, овощами и консервами.

Организационно-производственная школа кооперации

Расцвет организационно-производственной школы приходился на эпоху нэпа, ее центрами стали НИИ сельскохозяйственной экономики и экономический факультет Тимирязевской сельхозакадемии. Основными представителями школы являлись А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников, А. Н. Минин.

Известный русский экономист **Александр Васильевич Чаянов** (1888–1937), исследуя крестьянскую кооперацию, считал более предпочтительным путь не горизонтальной кооперации, когда часть хозяйств укрупняется, поглощая и разоряя слабые, а кооперации вертикальной. Основная суть его взгляда изложена в нижеследующем определении: «...Кооперация крестьянская... – пишет Чаянов, – представляет собой весьма совершенный организованный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому товаропроизводителю, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего организационного плана те его элементы, в которых крупная форма производства имеет несомненные преимущества над мелкой, и организовать их совместно с соседями на степень этой крупной формы производства, часто используя наемный труд»¹. Иными словами, целью ставилось не совместное производство, а организация на коллективных началах лишь некоторых сторон крестьянского хозяйства, например закупки сырья, сбыта и переработки продукции и т.д.

Артель Чаянов вообще не относил к кооперативам, ибо подобная организация «не является союзом каких-

¹ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. С. 84.

либо независимых хозяйственных единиц, но представляет полное слитие в одном предприятии трудовых усилий своих членов, а потому должно скорее называться совместным производством, чем кооперацией»¹. Обобществление труда, по мнению Чаянова, было менее эффективно, чем кооперация, поэтому он не мог согласиться со взглядами С. С. Маслова, ратовавшего за организацию земледельческих трудовых артелей². Тем более организация коллективных хозяйств (колхозов) «не может заменить собой системы вертикальной концентрации земледелия», и такое хозяйство все равно должно будет «для более полного проведения концентрации сельского хозяйства войти в состав членов наших местных кооперативов наравне с мелкими крестьянскими хозяйствами»³. Сельскохозяйственные коллективы могли только дополнять систему кооперации, но не изменять ее суть.

Критикуя С. С. Маслова и других «коллективистов», Чаянов считал иллюзией их склонность преувеличивать значение стимуляции, свойственной трудовому семейному хозяйству, психологию «соборного действия»: «Не спорим, что в некоторых отдельных случаях подобное утверждение правильно; в небольших коллективах, духовно спаянных или воодушевленных какой-либо социальной или религиозной идеей, стимуляция работы может быть выше, чем где-либо в иных формах хозяйственной организации. Однако из этих отдельных случаев нельзя выводить общего правила. В многочисленных коллективах, духовная связь между членами которых слаба, а энтузиазм общего действия непрочен, отмеченная стимуляция притупляется и появляется принцип, вульгарно выражаемый в положении

¹ Там же. С. 84.

² Чаянов А. В. Трудовые земледельческие артели или интегральная сельскохозяйственная кооперации // Вестн. сел. хоз-ва. М., 1919. № 1–4. С. 12–14; 5–6. С. 7–8.

³ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. С. 375.

“зачем я буду работать больше, чем работает мой сосед, раз его и мое вознаграждение будет равно”»¹.

Именно поэтому теоретик видел более предпочтительным выплату зарплаты, которая увеличит стимуляцию и уменьшит уравнильный подход. К тому же Чаянов отмечал слабость «принуждающей воли» в артелях и коммунах. «Коллективное сознание и воля всегда менее подвижны, более медлительны, менее напряженны и почти не допускают интуиции, столь важной во всяком предпринимательстве. Коллективная же воля прежде всего слаба, как воля организующая и предпринимательская, а, во-вторых, слаба она и как воля принуждающая, так как ее носители в лице правления и других выборных слишком зависят от своих избирателей для того, чтобы обладать неумолимой непреклонностью»².

Чаянов отмечал ряд проблем, с которыми неизбежно должно столкнуться коллективное хозяйство: 1) необходимость изменять организационный план из-за различной загруженности работников в течение года и из-за невозможности привлекать наемников; 2) при соблюдении принципа равноправия организовывать учет труда, принимая при этом в расчет разницу в квалификации работников и оплате их труда, распределять обязанности и стимулировать их труд; 3) осуществлять руководство и поддерживать трудовую дисциплину при учете зависимости руководителя от избирателей и невозможности дисциплинарного исключения»³.

В целом философия аграрного труда Чаянова может быть названа компромиссной – он стремился синтезировать сильные стороны крупных и мелких сельских хозяйств. Таким образом, он пытался на теоретическом уровне ком-

¹ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. С. 383.

² Там же. С. 384.

³ Там же. С. 378.

пенсировать жесткость большевистской стратегии, обосновать правильность нэпа и призвать к долговременной, рассчитанной на несколько десятилетий программе постепенной вертикальной концентрации. «Сама природа сельскохозяйственного предприятия, – писал Чаянов, – ставит пределы его укрупнению, благодаря чему количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над мелким в земледелии никогда не может быть особенно большим»¹. Чаянов считал верным и исторически оправданным путь эволюции от разрозненных хозяйств к кооперации в области заготовки средств производства земледелия, затем к организации кооперативного сбыта сельскохозяйственных продуктов, разворачивая его в формах гигантских союзов, объединяющих сотни тысяч мелких производителей. Только на основе такой системы, считал Чаянов, сельскохозяйственная кооперация сможет перерасти в действительно цивилизованную аграрную экономику, удерживая лучшие черты традиционного крестьянства.

2. Лексико-этимологическая проблема

Существует несколько версий происхождения русского слова «артель». Проблема эта достаточно сложна, и на данный момент она не нашла однозначного решения. Некоторые исследователи, как, например, А. Е. Аникин, полагают, что оно «безнадежной этимологии»². Будучи словом обиходного, некнижного русского языка, *артель* на большинство этимологов производит впечатление явного заимствования. При этом до сих пор не установлено, из какого языка, в какую эпоху и в каком ареале оно было заимствовано в русский. Существует и другая точка зрения, принад-

¹ Там же. С. 72.

² Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. I. А–Аяюшка. М., 2007. С. 296.

лежащая гениальному лексикографу В. И. Далю, считавшему *артель* исконно русским словом – однако в современной науке эта точка зрения не находит поддержки.

Специальных работ по этимологии *артели* практически нет. Исключение представляет собой статья И. А. Новикова, где он дает краткий обзор существующих на данный момент точек зрения. Новиков отмечает наличие двух основных версий происхождения этого слова. Во-первых, «восточную» версию: связь с тюркско-татарским корнем (*орта* – община; *ортак* – общий); более экзотическую версию о происхождении русского *артель* от татарско-башкирского *арт ул* – «народ, находящийся позади», т.е. «резерв». По мнению Новикова, последнее предположение неубедительно, поскольку «если эти слова по отдельности действительно существуют, то их сращения “*арт* + *ул*” ни в татарском, ни в башкирском не обнаружено. Следует также учитывать, что в тюркских языках широко распространено и слово *артель*: *артел* (заимствованное из русского)»¹. Во-вторых, существует версия о западно-европейском происхождении: из итальянского *artiere*, *pl. artieri* – «ремесленник» или из немецкого.

Слово *артель* фиксируется источниками с начала XVII века. По-видимому, впервые оно попадает в «Русско-английский словарь-дневник» Р. Джемса 1618–1619 годов как *artele* – «a companie as of 3, or 4, or more» (= «товарищество из 3, 4 и более человек»)². Довольно часто оно и его

¹ Новиков, И. А. «Артель»: этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 83.

² Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959. С. 167. Вместе с тем есть свидетельство более раннего употребления: наречие «по-артельно» встречается в Ремезовской летописи под 1578 годом (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1: А–Б. С. 49). При этом нужно учитывать, что это год не создания самой рукописи (Ремезовской летописи кон. XVII в.), а описываемого в ней события – одного из походов Ермака. См.: Сибирская летопись. Изд. Имп. Археографической комиссии. СПб., 1907. С. 315.

производные встречаются на протяжении всего XVII века в весьма обширном ареале – от Москвы до Сибири, например: «А сказал, что де у нас в торговле своя ортѣл<ь> оприч<ь> ево Мишки» (1640 г., из актов Якутской воеводской избы)¹. В этом примере обращает на себя внимание написание *ортѣл* – через ять. По другим источникам: «И напиваются пьяни [Иванъ и его отецъ и братья. – А. Г.], ходять артелью съ друзьями своими и съ совѣтниками и нась въ городѣ, по слободамъ ходячи, побиваютъ напрасно» (Челобитная лебедянцев всем городом об увольнении из съезжей избы подьячего Ивана Фролова, 1653 г.)²; «На Устюге великомъ и на Тотме тотъ воръ Илюшка и ево Илюшкины артели Иванова съ товарищи воры и измѣнники Андрюшка Дуракъ съ товарищи поиманы и перевѣшаны» (Отписка тотемского воеводы М. Г. Ртищева, 1671 г.)³.

Кроме того, словари фиксируют следующие производные от *артель* (и его фонетико-орфографического варианта *ортель*), встречающиеся в источниках XVII – нач. XVIII века: *артельный*, *по-артельно*, *артельщик* (*артильщик*)⁴. Среди источников – грамоты, челобитные и другие деловые бумаги, а также сибирские летописи⁵. Указание на то, что данное слово фиксируется в последних с XVI века, вполне справедливо кажется неподкрепленным⁶ (скорее всего, дело в опечатке). Однако, несмотря на то что слово *артель* начинает встречаться в памятниках

¹ Цит. по: Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С. Г. Бархударова. Вып. I (А–Б). М., 1975. С. 49.

² Акты Московского государства, изд. Имп. Акад. Наукъ. Т. II. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1635–1659. / Подъ ред. Н. А. Попова. СПб., 1894. С. 315.

³ Голубевъ А. А. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьи. М., 1894. С. 19.

⁴ Там же; Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / Под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1. СПб., 2004. С. 58.

⁵ Порохова О. Г. Лексика Сибирских летописей XVII века. Л., 1969. С. 163.

⁶ Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. I. А–Б. Мінск, 1978. С. 154.

только с начала XVII века, ничто не мешает отнести его появление в обиходном русском языке еще в XVI веке, а, возможно, и ранее.

Останавливаясь подробнее на версиях происхождения слова *артель*, отметим, что первую попытку его этимологизации мы найдем в «Словаре Академии Российской» (авторство ее принадлежит одному из собирателей слов на букву А: П. А. Соймонову, П. И. Турчанинову, прот. Иоанну Красовскому или свящ. Иоанну Сидоровскому): «отъ Турец<каго> [т.е. тюркского, в более широком смысле. – Прим. авторов] *Орта*»¹, при этом значение самого слова *орта* не приведено. Приводится оно уже С. А. Тучковым: «АРТЕЛЬ. Происходить отъ Турецк. слова *орта*, община»².

Источником для русского *артель* Л. З. Будагов видел сибирско-татарское *ىالارتوا* *урталай* ‘пополам’³ (с корнем *урта*- ‘середина’). Свою тюркскую этимологию предложил и Ф. Миклошич – из османского *ortak* ‘Gesellschafter’ (= ‘участник товарищества’)⁴, что было оспорено Ф. Коршем, впервые печатно упомянувшим новую, итальянскую, версию происхождения этого слова (со ссылкой на проф. Шварца и Ровинского): русское *артель* от итальянского *artieri*, мн. ч. – от *artiere* ‘ремесленник’⁵. Примечательно, что сам Ф. Миклошич с легкостью согласился с данным

¹ Словарь Академіи Россійской. Ч. I: отъ А. до Г. СПб., 1789. Ст. 48. То же: Яновскій Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. I (отъ А до I). СПб., 1803. С. 215.

² Тучковъ С. А. Военный словарь, заключающій наименованія или термины, въ Россійскомъ сухопутномъ войскѣ употребляемые... Ч. I (отъ А до О). М., 1818. С. 10.

³ Будаговъ Л. Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій. Т. I. I – F. СПб., 1869. С. 123.

⁴ Miklosich F. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. II. // Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. 35. Bd. Wien, 1885. S. 137.

⁵ Korsch Th. Miklosich Fr. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen: Anzeigen // Archiv für slavische Philologie. Bd. 9. № 4. Berlin, 1886. S. 660.

утверждением¹, не настаивая на тюркском происхождении слова *артель*, о чем впоследствии уже никто не упоминал, прочно закрепив за австрийским славистом авторство рассматриваемой тюркской этимологии.

Собственно, на этом этимологизация слова *артель* и остановилась (исключая версию В. И. Даля, о которой ниже): одни этимологи склонялись к тюркской версии (точнее, версиям), другие – к итальянской, пополнялось только число гипотетических тюркских этимонов. Так, в гротовском академическом «Словаре русского языка» – «отъ тат. ортак общій; ортак эль народъ»² – А. Преображенский также склоняется к этому мнению, упомянув и о Ф. Корше³; С. Младенов производит уже только от татарского *ортак* ‘дружный’ и *эль* ‘рука’⁴. В свою очередь, Э. Бернекер целиком поддерживает Ф. Корша, отказывая версии Ф. Миклошича в правдоподобии⁵. На том же стоит и М. Фасмер, отвергнув тюркскую этимологию как невероятную⁶; также у Л. Садник и Р. Айтцетмюллера, которые считают, что первоначальная версия Ф. Миклошича наталкивается на фонетические затруднения⁷.

Новую тюркскую этимологию, ссылаясь на загадочное «мнение других», приводит Н. К. Дмитриев, который

¹ Miklosich F. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen: Nachtrag II // Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. 38. Bd. Wien, 1890. S. 7.

² Словарь русского языка, составленный Вторым Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Т. I. А–Д. СПб, 1895. Ст. 69.

³ Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I. А–О. М., 1910–1914. С. 8.

⁴ Младенов С. Български тълковен речник с оглед към народните говори. Т. I (А–К). София, 1951. С. 84.

⁵ Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. 1. Bd. (A–brak). Heidelberg, 1908 (2. Auf.: 1924). S. 31.

⁶ Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. A–K. Heidelberg, 1953. S. 26.

⁷ Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Bd. 1. (A–B). Wiesbaden, 1963. S. 30.

помещает слово *артель* в раздел «Слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы»: происхождение слова он гипотетически связывает с тат.-башк. *арт ил* 'народ, находящийся позади', т.е. 'резерв'¹. В дополнениях к русскому переводу фасмеровского словаря О. Н. Трубачев ссылается на версию «других» у Н. К. Дмитриева как на более правдоподобное объяснение². Н. М. Шанским также принимается версия Дмитриева, а итальянская расценивается как неверная³. Е. Н. Шипова рассматривает только приведенные тюркские версии, ошибочно полагая, что «Фасмер считает правдоподобной этимологию, предложенную Дмитриевым»⁴, тогда как последняя включена в русский перевод словаря М. Фасмера только О. Н. Трубачевым. Белорусские этимологи выдвинули еще одно, собственное, предположение о связи русск. *артель* с тюркским глагольным корнем *ерт-*, *ärt-* 'вести за собою', расширенным залоговым суффиксом *-ил*: *артил* 'быть водимым' или 'те, кто за кем-либо идет, свита, сопровождающие'⁵ (со ссылкой на словарь В. В. Радлова⁶).

Резко против новой версии происхождения от сложения татарск. и башкир. *арт ил* выступает П. Я. Черных: «... сложения *арт+ил* ни в татарском, ни в башкирском языках никто пока не слышал»⁷. Черных приводит еще один, достаточно сильный, аргумент против восточной версии, с чем мы уже встретились в изложении Новикова. Трудно

¹ Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. М., 1958. Вып. 3. С. 43; Он же. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 563.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стер. Т. I. А–Д. М., 1986. С. 89.

³ Этимологический словарь русского языка / Автор-сост. Н. М. Шанский. Т. I. Вып. I. А. М., 1963. С. 147.

⁴ Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. С. 39.

⁵ Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. I. А–Б. Мінск, 1978. С. 154–155.

⁶ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Гласные. СПб., 1893. С. 790.

⁷ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стер. Т. I. А – Пантомима. М., 1999. С. 53.

подтвердить тюркскую версию уже на том основании, что слово *артель* в тюркских языках заимствовано из русского. Так, например, в татарском есть *артил* ‘артель’ – явное заимствование из русского ввиду отсутствия у него других значений. В этимологической науке, конечно, встречаются случаи исторического забвения тех или иных слов и сложных перекрестных заимствований, однако какие-то следы слова *артель* тюркского происхождения, если бы оно действительно существовало, должны были сохраниться хотя бы в каком-то из тюркских языков.

Что же касается фонетических явлений при заимствовании из пока точно не установленного источника, то этимоны *орта*, *ортак*, *урталай* никак не могли дать ни *артель*, ни *артиль*: в первых двух случаях не объясняется происхождение конечного слога и смягчение $t > t'$ (неизбежно связанное с переходом $a > e$ либо u , также необъяснимое на русской почве), в последнем – предполагается совершенно невероятный переход начального $y > a$ или o (не говоря уже об упоминутном смягчении t' и, кроме того, появлении мягкой финали л'). Таким образом, из всех тюркских версий фонетически наиболее правдоподобна версия Н. К. Дмитриева; особенно убедительна она в том случае, если считать исходной великорусской формой именно *артиль*, а не *артель*, на чем настаивает О. Н. Трубачев, предполагая исконный приуральский ареал бытования этого слова и сопоставляя переход $u > e$ в нем с другими случаями: «...изменение слов **канетиль*, *априль*, *артиль* в *канитель*, *апрель*, *артель* (возможны и другие случаи, в том числе в ономастике), скорее всего, представляют явление *фонетическое* – возможно, своеобразный аналог развитию напряженного редуцированного перед йотом с последующим переходом $ij > ej$ (*Сергий* > *Сергей*, *Россия* > *Расея*)»¹. При всем при этом реальность тюрк. **ар-*

¹ Трубачев О. Н. Синхрония, диахрония – und kein Ende... Маргиналии к конференции по русскому историческому словообразованию (Звенигород, осень 1989 г.) // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii* (Praha). 1993. Roč. 62. № 1. S. 71.

ть стоит под большим сомнением, делая отстаиваемую О. Н. Трубачевым версию маловероятной, тем более что, по мнению А. Е. Аникина, ранние фиксации слова *артель* не свидетельствуют ни о первичности приуральского ареала, ни о большем возрасте формы с *и*¹.

Итальянская версия фонетически вполне обоснована. Правдоподобно выглядит и исходная форма *артѣль* (или *ортѣль*) – с ятем, передававшим в ряде великорусских говоров XVII в. (в т.ч. московских) восходящий дифтонг *ѣ*: связь с итал. *artieri*, имеющим практически тот же дифтонг, в этом случае еще более очевидна. Об исконности формы с *ѣ* говорит и украинский рефлекс русск. *артель* – *арті́ль*: даже авторы «Этимологического словаря украинского языка» признают, что это слово заимствовано из русского, а не напрямую из татарского², хотя для В. В. Акуленко оно почему-то и в украинском имеет вид *артель*, что более чем справедливо можно расценить как заимствование из русского³.

У М. Номыса в собрании украинских пословиц и поговорок 1864 года приводится нежинская пословица «*Отаманом арті́ль кріпка*»⁴, точное соответствие которой можно найти еще в русском языке XVIII в. – «*Атаманом артель крѣпка*»⁵; есть она и у В. И. Даля⁶. Точное происхождение

¹ Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. I. А–Аяюшка. М., 2007. С. 296.

² В другие славянские языки оно также заимствовано из русского, ср. бел. *арцѣль*, польск., словацк. *artel*, чешск. *artěl*, болг. *артѣл*, србхрв. *артель*, словен. *artél*.

³ Акуленко В. В. Головні історичні джерела лексичних інтернаціоналізмів в українській мові // О. О. Потебня і деякі питання сучасної славістики. Харків, 1962. С. 143.

⁴ Номис М. Українські приказки, прислів'я, і таке інше / Збірники О. В. Марковича та інших. Упоряд., прим. та вступ. ст. М. М. Пазяка. Київ, 1993. С. 476.

⁵ Словарь русского языка XVIII века... Ср. также: *Артель атаманомъ крѣпка* (Словарь Академіи Россійской...).

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. I. А–З. М.–СПб., 1880. С. 24, 28.

ее установить сложно, однако связь с казачьим и чумацким бытом очевидна, так что и исконный ареал малорусского *артіль* следует искать на юге, в причерноморских степях, на соляных путях из Крыма, откуда и попадали на Русь итальянцы – выходцы из генуэзских колоний Каффа, Солдайя, Чембало и др. Если принять итальянскую версию, вполне возможно, что именно через Крым и пришли в Москву первые артели итальянских строителей – создателей нового стиля московской архитектуры конца XV – всего XVI века.

Останавливаясь отдельно на этимологии слова *артель* у В. И. Даля, приведем его словарное определение. «АРТЕЛЬ ж. на севере артиль, артель и рота, с перестановкою, как *рожь* и *аржаной* и др., одно и то же древнее слово, от *ротится*, обетовать, клясться, присягать; товарищество за круговой порукой, братство, где все за одного, один за всех; дружина, соглас, община, общество, товарищество, братство, братчина, для общего хозяйства и особенно пищи, также для работы сообща и раздела заработков, за вычетом расходов, прогула и пр. *Артель суймом крепка*, суйм, суем, сейм – общая сходка; || *вологодск.* самая пища, особ. горячая, привар: *Без горячей артили не обед*. || Ватага, орава, шайка (...)»¹.

С точки зрения современной академической науки, в паре *рожь* и *аржаной* наблюдается не перестановка, а протеза начального *а*, возникшая в результате вокализации сонорного *р*, после падения редуцированных попавшего в позицию перед шумным *ж*, т.е. *р̣жжь* > *рожь*, но *р̣жжаныи* > *ржаной* > *аржаной*. Однако в др.-русск. слове *ротá* ‘клятва, присяга’ не было редуцированного.

Тем не менее версия Даля не может быть полностью отброшена. Так, доктор филологических наук И. Л. Бражников на специальном семинаре в Институте динамического консерватизма отметил, что славянское *ор* систематически переходит в *ро*. Языковое чутье Даля подсказало ему

¹ Там же. С. 24.

связь между *артелью* и словами *рота*, *ротится*; Бражников обращает внимание на такой праславянский корень как *ортаи*, относящийся к кусту корней, связанных с пахотой и одновременно с молитвой: *орье*, *орати*, *ордло*. (В германских языках тот же ностратический прототип встречаем уже в вариантах *ago*, *aravi*, *arage*.) Вызывает удивление, что все этимологи прошли мимо древнего «ортаи», при этом всерьез рассматривая тюркский корень «орта».

Версия Даля интересна еще и потому, что в Древней Руси мы встречаем однокоренные слову «рота» названия протоартельных социальных форм. «Ротники, – пишет Даль, – уже в XII веке составляли в Новгороде дружины, дававшие старосте своему *роту*, отправляясь артелями в торговлю или на похождения; *рота*, присяжная артель, дружина, товарищество, братство. *Ротниками* звались повольники, ушкуйники, вольница, шайки и артели для набегов, грабежа»¹. Несомненно, мы имеем дело с реконструкцией Даля, которая является недоказуемой, до тех пор пока в древнерусских документах мы не встретим соответствующих лексем. Анализ документов показывает, что лексема «артель» начинает отражаться в письменных памятниках лишь в XVII веке, при этом оно вытесняет другое ранее распространенное слово – *ватага*, до тех пор обозначавшее практически то же самое явление². Необходимо учитывать, что кроме слова *атаман* (руководитель артели, вариант с перестановкой *алтерман*, *артелман*) в широко распространенном виде на Руси встречается понятие *ватáман* (ударение на втором слоге), то есть предводитель ватаги. *Алтерман* восходит, по всей видимости, к двум немецким словам: *Alter*, что в переводе на русский язык означает «возраст, старость, старина», и *Mann*- «человек, мужчина».

¹ Там же. Т. IV. С. 105.

² Новиков И. А. «Артель»: этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 84.

С точки зрения И. Л. Бражникова, какой бы корень этимологически мы не приняли за исходный – *ар*, *арт* или даже *артил* (в слове артиллерия) – налицо древний подтекст, который связан с пахотным делом, «оранием», с коллективным действием, а также с искусством (латинское *ars*). Слово «артель», согласно Бражникову, действительно могло быть заимствовано из европейских языков, из того же итальянского, либо же из греческого (*артос* ‘хлеб’ + *телос* ‘общий’). Однако правота версии Даля может заключаться в том, что это заимствование закрепилось в русском языке на основе припоминания древнего индоевропейского корня, отзвуков, еще сохранявшихся на Руси в XV–XVI вв. Родственность праславянских слов *ортаи* и *рота* наводит на мысль о естественности для русского уха таких гипотетических форм как *ротель*, *ертель*, в этом же ряду находится и *ортель* (>*артель*). При такой трактовке (*рота*, *ортаи* > *ротель*, *ортель*) слово этимологически означало бы коллектив, товарищество, основанное на взаимной клятве, обете.

Среди этимологов встречается также и маловероятная версия сравнения указанных праславянских корней с авестийским *arġta-*, др.-персидским *Arta*. На этой версии строит свою мифопоэтическую концепцию современный автор П. Г. Назаров, издавший по теме «артельности» ряд монографий. Назаров дает целый спектр этимологических связей и ассоциаций, большинство из которых приходится признать ненаучной, так называемой «народной этимологией»¹.

Несмотря на обилие и глубокую проработку ряда перечисленных версий, «артель» остается словом если не безнадежной, то достаточно темной и спорной этимологии.

¹ Назаров возводит слово *артель* к авестийскому корню *arta*, отождествляемому им с ведийской *Артхи*. К этим корням он возводит также эллинскую доблесть *Аретэ*, римскую *Арта*, еврейскую *Арца*, арабскую аль-*Арда*, древнерусскую *Артанию* и беловодскую *Агарту*, британского *Артура* и демонстрирует в этой связи многие другие мифопоэтические находки и догадки.

3. Попытки определить артель

Остановимся на проблеме определения артели и приведем ряд наиболее заметных дефиниций.

Ф. Г. Тернер, называя артель «ассоциационным явлением», дает ей следующее определение: «Артель – это компания работников или промышленников»¹. (Под «промышленниками» у Тернера понимаются лица, занятые тем или иными промыслом, то есть в духе современного русского языка мы бы скорее дали им наименование «промысловиков».)

И. И. Свиязев предложил такое определение: артель – это общество нескольких человек низкого состояния, соединившихся для производства одинакового промысла, работы или ремесла².

Писатель и историк И. Г. Прыжов определял артель как братство, которое устроилось для какого-нибудь общего дела.

Более сложным, чем вышеперечисленные, и при этом одним из самых точных следует признать определение русского экономиста Андрея Алексеевича Исаева: «Артель – есть основанный на договоре союз нескольких равноправных лиц, совместно преследующих хозяйственные цели, связанных круговой порукою и участвующих при ведении промысла трудом или капиталом»³.

Н. В. Калачов в своем пространном определении синонимизирует артель с товариществом: «Артель в смысле товарищества нескольких лиц, соединяющихся своим капиталом и трудами, или только последними, для какой-нибудь работы, промысла или предприятия и вследствие этого отвечающих друг за друга, – есть явление, встречающее-

¹ Тернер Ф. Г. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. СПб., 1860. С. 305.

² Цитируется по: Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1861. С. 5.

³ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1861. С. 21.

ся у нас еще в глубокой древности, а названием своим оно указывает на отдаленные, а именно торговые, связи наших предков с восточными народами, в языках которых этим словом означаются *общины* и *товарищи*»¹.

В трудах немецкого исследователя Герхарта Шульце-Геверница встречаем такую дефиницию: «Артель, подобно своему прототипу, семье, носит, с одной стороны, производительно-товарищеский характер, и в то же время является союзом для организации потребления. Она охватывает всего человека и связывает его с внешним миром круговой порукой»².

Профессор Казанского университета Георг Штер также обращает внимание на связь артели с семейным началом, называя ее «образованным в точности по образцу первобытной семьи или семейной общины, основанным на договоре *товариществом* нескольких, принадлежащих к разным семейным общинам, индивидуумов, временно с ними разлученных»³.

Встречаются и трактовки артели в духе экономического редукционизма: например, С. Н. Прокопович определял ее как «договорной союз, преследующий хозяйственные цели»⁴. В. А. Поссе определял артель (производственное товарищество) как союз производителей продукта, потребляемого вне данного общества, то есть рынком⁵.

С. В. Пахман предлагает определение артели в узко правовом смысле: артель трактуется им как «юридический

¹ Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 1–2.

² Шульце-Геверниц Герхарт. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. Пер. с нем. под ред. Б. В. Авилова и П. П. Румянцева, предисловие П. Б. Струве. СПб., 1901. С. 7.

³ Цитируется по: Акимов В. В. О существе русской артели // Вестник права. 1901. № 7. С. 154.

⁴ Цитируется по: Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Изд. 2-е. Т. I. Вып. 1. (Классификация и определение кооперации.) Пг., 1919. См. главу «Следует ли артель считать кооперацией?».

⁵ См. Поссе В. А. Идеалы кооперации. СПб., 1908. С. 13.

союз, в которых несколько лиц соединяют свои личные силы, а иногда и имущественные средства с целью извлечения из данного предприятия общей прибыли»¹.

Василий Павлович Воронцов указывал на артель как на наиболее приемлемую форму некапиталистической экономики, основанную на коллективном ведении хозяйства и стремящуюся к повышению производительности труда не в ущерб трудящимся. Как он писал, артель совмещает выгоды крупного производства (разделение труда, замена человека силами природы) с преимуществами мелкого (самостоятельность производителя)².

Князь П. А. Кропоткин не видел существенных отличий артели от кооперации, при этом старая русская артель в его понимании предстает как кооперация в ее менее развитой форме: «В России кооперация, т.е. артель, выросла естественным образом; она унаследована от средних веков... неоформленный вид кооперации – артель – представляет самую сущность русской крестьянской жизни»³.

Противоположная точка зрения в духе разделения артели и кооперации принадлежит известному экономисту А. В. Чаянову, который указывал на то, что «артельное, кустарное, ремесленное и торговое дело не является союзом каких-либо независимых хозяйственных единиц, но представляет полное слитие в одном предприятии трудовых усилий своих членов, а потому должно скорее называться совместным производством, чем кооперацией»⁴.

¹ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1. СПб., 1877. С. 250.

² Цит. по: Зверев В. В. Русская кооперация и община в трудах В. П. Воронцова // Кооперация. Страницы истории: избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: В 3 т. М., 2001. Т. 1. Кн. 3. С. 137.

³ Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб., 1907. С. 274.

⁴ Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. С. 84.

У многих авторов XX века прослеживается стремление связать вместе кооперацию и артель. Так, А. А. Николаев определяет кооперацию как добровольный и самоуправляющийся союз лиц, основанный для достижения общих им хозяйственных целей и построенный на демократическом и трудовом начале¹. А. Устинов указывает на то, что «и община, и то, что мы подразумеваем под словом *артель* и под словом *кооператив*, – а кооператив... – значит “сотрудничать”, – все это одно и то же и означает общества, организуемые для сотруднических целей, для целей взаимопомощи»². А. А. Рыбников, обобщая разнообразные явления народной экономики, пишет, что «кооперация есть добровольно организованное хозяйственное предприятие трудовых элементов населения – крестьян, рабочих, ремесленников, кустарей»³. У В. Г. Егорова в его определении кооперации также указывается на важные признаки артели: «Кооперация – это демократическая самостоятельная форма общественного производства или особый тип производственных отношений, рожденный в результате эволюционного развития традиционного общества, создающий дополнительную производительную силу за счет обобществления и соединения труда и собственности, гармонизации интересов коллектива и личности и организуемый в малые экономические структуры»⁴.

Особого внимания заслуживает определение И. Сапожникова, т.к. в нем отражены многие важные характеристики артели: «*В народном понимании слово “артель” имеет довольно точное значение. Русский крестьянин,*

¹ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Изд. 2-е. Т. I. Вып. 1. (Классификация и определение кооперации). Пг., 1919. С. 22.

² Устинов А. Коллективизм в сельском хозяйстве. Саратов, 1918. С. 3.

³ Рыбников А. А. Организация кооперативного производства. М., 1919. С. 3.

⁴ Егоров В. Г. Кооперация – «третий путь» (К теории вопроса). Челябинск, 2003. С. 142.

называя соединение людей артелью, главным признаком таковой признает *совместную деятельность*, а остальные признаки: свобода соединения, общность интересов и цели и внутренняя структура объединения для него – признаки второстепенные; он одинаково назовет артелью как группу рабочих, выполняющих за свой страх и риск определенную работу, так и партию арестантов, вместе идущих по приказанию судебной власти. *В народном представлении артель является соединением лиц не только для преследования хозяйственных целей, но, главное, для совместной деятельности.* Совместная деятельность и совместное преследование определенных целей – понятия несколько различные. А потому именно *совместная деятельность является основной и характерной чертой артели*»¹.

Сергей Семенович Маслов (1887–1945) главное отличие кооперативного предприятия от капиталистического видел в подчинении капитала труду². Его однофамилец Семен Леонтьевич Маслов (1873–1938) писал, что современная кооперативная организация представляет собой, во-первых, объединение трудящихся; во-вторых, объединение и сотрудничество, основанное на свободном соглашении, лишенное принудительного характера; в-третьих, целью такого объединения является удовлетворение хозяйственных интересов трудовых масс в их столкновении с хозяйственными условиями современного капиталистического общества³.

Евгений Дмитриевич Максимов (псевдоним Максим Слобожанин) видел в артели не только возможность для реализации коллективного начала, но также – что важно – и индивидуального начала, он рассматривал артель как «добровольный союз нескольких лиц, согласных т.е. со-

¹ См. Об артелях в России // Вестник кустарной промышленности. 1916. № 3.

² Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 100.

³ Маслов С. Л. Кооперация в кретьянском хозяйстве. Лейпциг, 1922. С. 6.

лидарных между собою, доверяющих друг другу и скрепивших свои договорные отношения обетом или клятвой содружественных людей, преследующих общую цель оказания личности возможности свободного проявления своей индивидуальности»¹. Близких взглядов придерживался Ф. А. Щербина, считавший, что в основе артели лежит «естественное влечение человека к человеку для совместных действий и труда»².

Интересны и определения некоторых современных исследователей. Так, В. Г. Тюкавкин, В. А. Федоров определяют артель в двух смыслах:

1) добровольное объединение людей для совместной работы с участием в общих доходах и общей ответственностью на основе круговой поруки;

2) особый вид кооперации для совместной хозяйственной деятельности на базе частичного обобществления средств производства³.

В. В. Демьяненко указывает на то, что современное российское законодательство отождествляет производственный кооператив с артелью – традиционной для России формой добровольного трудового объединения граждан⁴. Кооператив (артель), в отличие от акционерного общества и других структур, заимствованных с Запада, в которых все управленческие решения принимаются и вся хозяйственная жизнь идет в соответствии с принципом «один рубль – один голос», является традиционной для

¹ Максимов Е. Д. (Слобожанин М.). Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском Кооперативном Институте. Изд. 2-е. Боровичи, 1919. С. 7.

² Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 103.

³ Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 112–113.

⁴ Демьяненко В. В. Крестьянская производственная кооперация в современной России: правовые проблемы становления и развития. Автореферат дисс. ... докт. юр. наук. Саратов, 2004. С. 3.

России формой равноправного (один член кооператива – один голос) и свободного трудового объединения граждан, решающего при этом не только экономические задачи¹.

Согласно ст. 107 ГК РФ, производственным кооперативом (артелью) признается добровольное объединение граждан на основе членства для совместного производства или иной хозяйственной деятельности (в том числе в области сельского хозяйства), основанной на их личном трудовом участии и объединении его членами имущественных паевых взносов. ГК РФ также закрепил демократические принципы управления в производственных кооперативах (один член – один голос) и распределил прибыли и убытки по трудовому вкладу, если иное не предусмотрено законодательством и уставом кооператива².

Александр Алексеевич Николаев, руководствуясь принципами историзма в рассмотрении исследуемой проблемы, указывает на то, что в XIX веке термин «артель» нес многофункциональную нагрузку, обозначая: 1) трудовые и кустарно-промысловые объединения; 2) потребительные общества, в том числе артель декабристов, созданную в Сибири в 1831 году; 3) объединения художников и в целом работников искусства; 4) религиозно-мистические общества – масонские ложи (артели каменщиков)³.

Известный писатель, экономист, историк Олег Анатольевич Платонов, опираясь на близкую ему теорию Максимова-Слобожанина, называет артелью «добровольный союз (товарищество) равноправных работников, решавший производственные и хозяйственные задачи на осно-

¹ Демьяненко В. В. Крестьянская производственная кооперация в современной России: правовые проблемы становления и развития. Автореферат дисс. ... докт. юр. наук. Саратов, 2004. С. 15.

² Там же. С. 33.

³ Николаев А. А. (Александр Алексеевич). Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 26–27.

ве самоуправления, взаимопомощи и взаимовыручки»¹. В работе «Русский труд» он дает такое определение старинной артели: «добровольный союз нескольких лиц, согласных, то есть солидарных между собой, доверяющих друг другу и скрепивших свои договорные отношения обетом или клятвой содружественных людей, преследующих общую цель свободного проявления каждым своей индивидуальности»². В данном определении обращает на себя внимание близость трактовки древней артели к той этимологии слова «артель», которую предложил В. И. Даль (возводя его к слову *rota*, то есть «клятва»).

На одном из семинаров ИДК, посвященном вопросам русской самоорганизации, известный экономист Михаил Геннадьевич Делягин предложил свое определение артели: «Артель – ограниченный трудовой коллектив, в котором наличествует не массовый труд; коллектив, в котором все друг друга лично знают, где присутствует круговая порука и общее имущество. Прибыль в артели делится по устанавливаемым и одобренным артельщиками правилам».

Итак, подытоживая обзор широкого спектра определений, мы можем видеть определенное согласие большинства исследований, круг бесспорных (или почти бесспорных) **сущностных черт артели**. К ним относятся: совместная деятельность, солидарность в ней участников артели, добровольность участия, ответственность артельщиков друг перед другом, устный или письменный договор, предписывающий или подразумевающий правила общей деятельности и самоуправления, круговая порука перед внешним миром. При этом граница между сущностными (обязательными) и периодически встречающимися (факультативными) признаками артели остается дискуссионной. Этому разграничению мы посвящаем отдельное место в своем исследовании.

¹ Святая Русь: Энциклопедический словарь русской цивилизации / Сост. О. А. Платонов. М., 2000. С. 49.

² Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 58.

4. Какие черты артелей сущностные

Реальный мир русских артелей представлял собой сложный и противоречивый, преисполненный переливов и переходов, различных промежуточных внутренних форм, социальный космос. Далеко не все товарищества, называвшиеся артелями, сохраняли в строгости ту идентичность, которая позволяла присвоить им это имя. Грубо говоря, если исходить из голых фактов, любой сущностный признак классической русской артели может быть опровергнут. И мы сейчас в этом убедимся.

В нашем понимании сущностные черты русской артели должны восприниматься не как набор непререкаемых догм, а скорее как рамочные принципы, свойственные самому широкому кругу реально бытовавших артельных союзов. При этом жизнь всегда была богаче и разнообразнее любых принципов.

Одним из первых с должной обстоятельностью к вопросу о выделении сущностных черт артели подошел в своей работе «Артели в России» (1881) Андрей Исаев. Он выделил пять основных черт русской артели: 1) хозяйственные цели, 2) «господство начала равноправности»; 3) круговая порука; 4) договор; 5) «участие членов в общем деле трудом или трудом и капиталом»¹. Попробуем и мы вслед за исследователем критически рассмотреть выделенные им характерные черты.

4.1. Хозяйственные цели.

Сугубо экономический подход к рассмотрению артелей мы находим у многих исследователей. Вполне традиционно артели рассматривались в качестве коллективов, ставящих перед собой в первую очередь хозяйственные цели. Действительно, большинство известных артелей

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 9–18.

было создано для решения именно этих вопросов. У исследователей, которые сосредоточились преимущественно на изучении кооперации в ее целом, подобный подход закрепился наиболее прочно. Например, Туган-Барановский полагал, что «кооператив обращается прежде всего к хозяйственному интересу человека, и в этом существенное сходство кооператива со всеми другими хозяйственными организациями капиталистической системы»¹. Оспаривал эту точку зрения Е. Д. Максимов (Слобожанин). Он утверждал, что «формула г. Туган-Барановского, определяющего кооператив в первую очередь как “хозяйственное предприятие” – ложна. Ни кооператизм вообще, ни кооператив в частности не ограничиваются только хозяйственными целями. Задачи их шире, понимание глубже: они являются не предприятием, понятие о котором ограничивается хозяйственными интересами, а организацией широкосоциального характера, охватывающей и экономические интересы, и духовно-моральные, и правовые, и политические»². Иными словами, помимо хозяйственных целей в артелях параллельно могли решаться и многие другие весьма значимые для общества задачи. Замечание Максимова заслуживает того, чтобы быть учтенным. Однако существовали ли артели, где хозяйственные цели уходили на задний план и не заключали в себе основной сути артели? На данный вопрос вполне можно дать утвердительный ответ. Известны, например, артели кулачных бойцов и скоморохов. Артелями называли порою и сообщества нищих попрошайек, и ватаги разбойников, хотя вопрос о правомерности такого названия остается дискуссионным. Вообще расширительное словоупотребление термина «артель» было весьма распространенным

¹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. Изд. 5. М., 2010. С. 64–65.

² Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг., 1919. 20–21.

в старой России, что иногда дает возможность и исследователям уклоняться от терминологической строгости.

Как видим, хозяйственная направленность, если применять ее ко всем без исключения артелям, не годится в качестве их общей характеристики. В то же время для огромного большинства артелей, исходя из условий жизни народа и существовавшей модели трудовой занятости русского крестьянства, ремесленного и промыслового люда, хозяйственно-экономические цели при создании товариществ несомненно превалировали.

4.2. Равенство (равноправие).

Исаев указал на «господство начала равноправности»¹ в артели, акцентируя тем самым внимание на правах ее членов. «Равноправность» изначально проявляется, по мнению Исаева, еще в первоначальном отборе будущих артельщиков, а затем она буквально пронизывает весь артельный быт: «В области права равенство членов сказывается в предоставлении каждому одинаковой доли влияния на ход артельных оборотов. Каждый может, как староста, десятский, рядчик и т.д., стоять во главе исполнительной власти; в некоторых артелях это право переходит в обязанность члена быть от времени до времени должностным лицом, представителем всего союза. Каждый имеет право подавать голос, и только один голос, на общих собраниях. Каждый может требовать исключения товарища за действия, способные нанести ущерб целому. Каждый имеет право просматривать артельные книги и, таким образом, контролировать орган исполнительной власти. Наконец, все члены артели имеют одинаковое право на извлечение выгод из общего дела... заработки делятся на равные доли»².

Несмотря на яркую выраженность у артелей черт «равноправности», уже Исаев отмечает факт существова-

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 10.

² Там же. С. 10.

ния артелей, где так или иначе имеется неравенство. Самый простой пример: некоторые рыбацкие артели вверяли свое руководство артельщику, имеющему собственный невод. «Чуждый неартельный элемент втирается в союз и лишает его значительной доли самостоятельности. Но он лишает этой доли в одинаковой степени всех членов артели, а потому начало равенства в отношениях между последними остается ненарушенным»¹. По сути, Исаев предлагает согласиться с формулой о том, что положение равенства между собой некоторых членов артели в ситуации общего их неравенства по отношению к одному или нескольким артельщикам, которые владеют какими-либо средствами производства, а потому имеют возможность диктовать свою волю, по большому счету, продолжает оставаться равенством. Конечно, говорить о сохранении равенства в данном случае нельзя. Исаев, высказываясь подобным образом, вероятно, подразумевал нечто иное: даже при существенной утрате артелью принципов равноправия она продолжала именоваться артелью, так как определенное равенство и самоуправление сохранялось там среди находящихся уже в подчиненном положении рядовых артельщиков. В другом месте этой же работы Исаев дает более точные формулировки: «Артель в своих экономических отношениях руководствуется началом относительного равенства. Артель стремится к тому, чтобы все члены исполняли в экономической жизни союза одинаковые обязанности, и, поскольку такая цель достигается, постольку все участники пользуются равными правами при распределении выгод, проистекающих из артельного предприятия»². Таким образом, исходя не из идеальной схемы, а из реального хода вещей, в артели **доли членов в доходе были пропорциональны выполненным ими обязанностям и вкладу в общее дело союза.**

¹ Там же. С. 12.

² Там же. С. 221.

В описаниях архангельских артелей Александры Ефименко мы встречаем многочисленные примеры того, что основные средства производства принадлежали хозяину, который не только давал их в пользование артели, но часто сам и создавал артель. Так, в новоземельных артелях моржового промысла второй половины XIX века хозяин мог предоставлять судно, орудия и припасы, а за это он получал две трети всей добычи, и это в том случае, если он не принимал личного участия в промысле. Однако если он становился еще и артельным кормщиком (старостой), то сверх того получал еще и долю, положенную по этой должности. А доля кормщика могла быть и в 4, и в 5, и в 6 раз больше доли рядового артельщика¹. В артелях для тюленьих промыслов XIX века случалось, что один хозяин набирал артель, а другой предоставлял лодку, и в таком случае хозяин лодки получал двойной пай – и с покрученников (артельщиков), и с хозяина артели². Раздел с хозяином происходит из половины или из пятой части (в пользу хозяина идет три пятых добычи).

В работе «Русский труд» О. А. Платонова, который, так же как и Исаев, относит равноправие к главнейшим чертам артели, отмечается, что, с одной стороны, распорядительные функции в артелях могли быть доверены каждому из полноправных участников, с другой стороны, в действительности своего главу артель выбирает все же из самых авторитетных членов³, то есть реальную возможность стать старостой и получить более широкие права имели далеко не все артельщики.

Нельзя утверждать в строгом смысле, что всем артелям было свойственно полное равенство прав, так же как и полное равенство обязанностей. Раздел результатов труда в артелях происходил чаще всего не поровну, а по заслу-

¹ Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 26–35.

² Там же. С. 35–55.

³ Платонов О. А. Русский труд. С. 56–57.

гам и по справедливости. На принятие решений влияли опыт и авторитет, а вовсе не простой механический подсчет голосов «за» и «против». При уравнительности между артельщиками, так же как и при абсолютном равенстве обязанностей, артель, по всей видимости, просто не могла бы нормально функционировать. Гораздо более адекватно отражает характер взаимоотношений в классической артели термин «товарищество».

Можно привести немало примеров и таких артелей, где принцип равенства в самых разных отношениях проводился весьма последовательно. Равенство прав там, где это органично и нетрудно, в артели обычно соблюдалось, но там, где равенство вступало в противоречие с принципом справедливости, справедливость всегда оказывалась важнее. Это стремление к справедливости выпукло изображено в «Письмах из деревни» А. Н. Энгельгардта, который указал народное словечко, обозначававшее в речи артельщиков и вообще крестьян мнимое несправедливое равенство, уравнительность, – это словечко «огульно»: «Делать что-нибудь сообща, огульно, как говорят крестьяне, делать так, что работу каждого нельзя учесть в отдельности, противно крестьянам»¹. «Косить сообща, огульно, идя в один ряд, крестьяне ни за что не соглашаются, потому что, говорят они, в деревне косцы неравные, не все косят одинаково хорошо, а так как сено делится по числу кос, то выйдет несправедливо»². В артелях граборов, описанных Энгельгардтом, не все работы удобно и возможно производить «в раздел», и тогда они делаются на принципах полного равенства и без точного учета вклада каждого

¹ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 297.

² Там же. С. 323. В то же время Энгельгардт отмечает: «Мне случается так же сдавать покосы из части не целой деревне, а небольшим артелям из четырех, пяти человек. Так как в артель подбираются по взаимному согласию ровные между собой косцы, то они уже вовсе не делят покос на нивки, даже для косьбы, но косят сообща, все подряд, убирают вместе, и сено делят по числу кос» (Там же. С. 324).

работника. Однако всегда, когда это было возможно, граборы работали «в раздел». Работа хотя и снимается у заказчика сообща, всю артелью, но производится индивидуально, то есть, к примеру, канаву размеряют на участки по 10 сажен, бросают жребий, кому какой участок рыть, потому что земля не везде одинакова, и т.д. Как отмечал видный земский деятель и знаток крестьянской жизни князь А. А. Васильчиков, «общественные запашки, огульные работы всегда внушают нашим общинникам неодолимое отвращение, и когда подобные меры принимались помещиками или начальством (...) они исполнялись только по принуждению и часто с помощью насильственных средств, военных команд и экзекуций, а при освобождении крестьян были повсеместно отменены. При нарядах на общественные работы, починки дорог, провод канав и т.п. крестьяне всегда избегают работы сообща, разбивают дорогу или канаву посаженно, по тяглам или душам». «Коренное понятие, из коего выросло русское мирское общество, есть равноправность всех членов общества по земельному владению, равное разверстыванию всех полевых угодий между всеми взрослыми рабочими»¹.

4.3. Договор (или неписаный закон).

Еще одним признаком артели Исаев считал наличие договора, при этом договор мог быть и неявным; именно эта черта должна, по его мнению, отличать артель от общины. Договор, по мнению Исаева, предшествует возникновению каждой артели; иногда он облекается в форму обширного и точно выработанного устава, иногда, как в недолговечных артелях охотников, он подразумевается; в артелях последнего вида он не проявляется вовсе, так как каждый участник предполагается (и не без основания) знакомым с обычаями, регулирующими строй таких союзов. Более того, Исаев указывает на наличие даже в

¹ Васильчиков Александр, князь. Русское самоуправление. М., 2013. С. 670.

тюремных общинах и артелях подобия договора – «хранение острожных тайн»¹.

Наличие более или менее четко оформленного договора или устава было характерно для немногих и преимущественно более поздних артелей, в то время как подавляющее большинство коллективов никаких подобных документов не имело и основывалось на устных договоренностях и древних традициях, регулировавших отношения между артельщиками. Представляется, что ближе к истине в данном случае был взгляд Ф. А. Щербина, который считал, что артели – это «чисто обычные явления социальной жизни, продукт народного обычая и традиции»². «...Южнорусские артели и общинно-артельные формы как обычные явления этого порядка, – писал Щербина, – могли произойти только путем такого естественного обычного развития. Допустить тут участие договорного соглашения никак нельзя. Это значило бы принять следствие за причину, признать обычные формы за юридически-договорные»³. Щербина обращается к рассмотрению простейших, часто встречающихся в крестьянской среде соединений: «Увидел человек, что нужна его помощь, участие, он употребляет ее в дело – и только. Много-много, если скажут при этом: “помоги!” или “а ну-те, братцы!”, но это, в сущности, не изменяет сути дела; сторонний зритель и без того хорошо знает по опыту и понимает, в чем дело и что от него требуется, и, конечно, ни это понимание, ни понукание или простое указание на дело никак нельзя считать договором»⁴.

Позднее рядом с обычаем могли появляться и некоторые словесные договоренности, выступая в качестве зачатков договорного соглашения, однако поначалу в договоре

¹ Там же. С. 17.

² Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 97.

³ Там же. С. 107–108.

⁴ Там же. С. 103.

прописывались лишь отдельные пункты, а основой регулирования отношений в артелях продолжал оставаться обычай¹. Как видно, в традиционных народных артелях преобладающую роль играло обычное право, а потому вряд ли можно считать формальный договор общей чертой для всех артелей. Сила обычного права такова, что его принципы известны в народе всем и не могут быть произвольно изменены или искажены «по забывчивости».

4.4. Приоритет трудового начала.

Наконец, еще один признак русской артели, выделяемый Исаевым, – это «участие членов в общем деле трудом или трудом и капиталом»². Щербина подтверждает: «Трудовое начало, как начало, практически доступное пониманию массы, всегда служило меркой для определения взаимных отношений членов-участников между собой и отношений их к артели в рассматриваемых нами формах. Тот, кто не может или не хочет трудиться, не может быть и членом артели»³. Действительно, артель отличается от других хозяйственных коллективов прежде всего тем, что каждый ее член должен принимать личное трудовое участие в общем деле.

Однако бывало и так, что артельщики вместо себя отправляли на работы наемных работников или же вносили лишь капитал, а личным трудом не участвовали, получая дивиденды с внесенного в общий артельный капитал пая. В таких случаях налицо оказывался явный отход от артельных принципов. Если же данные черты становились преобладающими и интересы капитала брали верх над интересами труда, то артель, утрачивая свою сущность, превращалась в капиталистическое предприятие. Особенно радикальная

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 107–108.

² Исаев А. Артели в России. С. 18.

³ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 116–117.

трактовка этой проблемы принадлежит А. А. Николаеву: «...Трудовое начало в полном своем объеме не может быть проведено в том предприятии, которое прибегает к наемному труду. Это начало может реализовываться вполне лишь в социалистическом обществе»¹. Причем на практике успешно реализовать принцип трудового участия могли, по мнению Николаева, только те кооперативы, где «индустриальное производство представляет добавочную функцию»², то есть, иными словами, кооперативы, в основе которых не лежал совместный труд. Это могли быть и потребительские, и сбытовые, и кредитные товарищества, но только не артели трудовые и не производственная кооперация. К последней Николаев относился наиболее скептически, так как она подчас не могла обходиться без привлечения наемного труда: «...Прибегая к наемному труду, производительная кооперация не только безусловно изменяет демократическому принципу, но и от трудового начала отходит дальше, чем это приходится делать другим кооперациям. Вот почему производительная кооперация не может служить делу строительства общества на новых началах, более справедливых относительно трудового народа»³. Думается, Николаев чересчур требовательно отнесся к производительной кооперации. Ведь если наемный труд не является в артели преобладающим, если за него следует достойное вознаграждение (нередко случалось, что оплата труда наемных работников была выше, чем у артельщиков, артель могла для своих нужд нанять образованного специалиста или опытного мастера), то возможно ли на этом основании говорить о перерождении артели, утрате ее сущности? Вряд ли.

Антитезисом к позиции Николаева выступает точка зрения Е. Д. Максимова, который считал производительно-

¹ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 67.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 68.

трудовую кооперацию «высшей формой кооперации», так как именно здесь «работники воспитывают единение между собой и взаимное уважение в постоянной совместной изо дня в день работе бок о бок; входят в интересы друг друга и в столкновениях этих интересов постоянно приучаются к мысли, что путь разрешения их только в строгом применении начал справедливости. Лишь в производительной артели вполне осуществляется распределение выгод от производства на началах труда и трудового капитала, только в ней создается трудовая культура и проникновенность высшими общественными и личными моральными идеалами»¹. И хотя с Максимовым можно согласиться, тем не менее все же нельзя не признать, что для производительной артели проблема сохранения трудового начала вставала зачастую весьма остро.

Ф. А. Щербина считал, что трудовое начало для артели, основывающейся на обычае или обычном праве, является тем же, «чем служит цемент для каменной постройки», поэтому «только при условии естественного, ничем не стесняемого развития этого начала возможно и самое развитие форм» (артелей. – *Прим. авторов*). Однако если «окружающие условия таковы, что стесняют прямо или косвенно эту самостоятельность развития, влияние их неизбежно отражается или на организации обычных форм, или же на самом их существовании»². Иными словами, в результате давления капиталистической системы артели часто терпели крах либо же перерождались.

Наконец, нельзя пройти мимо того факта, что в потребительских артелях коллективный труд отсутствовал,

¹ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг., 1919. С. 30. (Идеалистический элемент в кооперативном движении // Вестник Всерос. съездов деятелей по кустарной промышленности. 1913. № 12.)

² Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 121–122.

здесь было налицо лишь сложение материальных средств с целью обеспечения потребления коллективом тех или иных товаров и услуг на выгодных условиях и при сокращении издержек за счет ликвидации посредников. Однако и в данном случае возможен и важен учет в первую очередь интересов пайщиков, а не капитала. Так, знаменитые рочдейльские принципы предполагали распределение доходов потребительского кооператива не пропорционально вложенному капиталу, а в соответствии с количеством приобретенного в кооперативе товара.

4.5. Самоуправление/самостоятельность.

Исаеву данная черта не представлялась решающей для определения артелей. В связи с этим он писал: «Степень самостоятельности группы, объясняемая экономическим положением членов, не служит чертой, выделяющей артели из союзов других видов. Но таковой чертой не служит и ограничение прав артелей из побуждений полицейских»¹. Например, таможенные артели в Архангельске подчинялись начальнику порта, что отчасти ограничивало их самоуправление. Исаев констатирует, что «огромное большинство артелей стоит в зависимости от предпринимателей», в каких-то случаях «хозяин заведует работами членов, сосредотачивает в своих руках значительную долю власти исполнительной и даже законодательной». Ярким примером тому могут служить рыболовные промыслы, где «во главе артелей большею частью стоят капиталисты», однако, по глубокому убеждению Исаева, «участие их нимало не нарушает отношений между членами: последние в своих внутренних распорядках руководствуются теми же правилами, как и члены самостоятельных рыболовных артелей»². Другой род зависимости, на который обращает внимание этот исследователь, — это кабальные условия кредитования.

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 20.

² Там же. С. 6.

Во всех перечисленных случаях самоуправление и самостоятельность урезаются, но не уничтожаются полностью.

Все же ясно, что там, где черты самоуправления утрачиваются или сводятся к минимуму и перестают быть значимым фактором в жизни коллектива, вряд ли стоит говорить о сохранении самой сущности артели. Так, некоторые полностью зависимые от своих хозяев беломорские «артели», описанные Александрой Ефименко, по своему существу артелями уже не являлись.

С другой стороны, капиталист или чиновник в случае организации им совместного с артелью промысла имел дело не с произвольно набранной группой индивидуумов, а с некоторой командой, которая имела автономную идентичность и внутреннюю солидарность. Этот «суверенитет» покоился не столько на знакомстве артельщиков или их родстве (принадлежности землячеству), сколько на том, что все они были воспитаны в крестьянской общинно-артельной культуре и не представляли себе сотрудничества с заказчиками и себе подобными в иной логике, чем та, что была продиктована традиционной русской артелью. Капиталистическая логика как логика наемных индивидуалистов и логика общинников, идущих на заработки, на отхожие промыслы – это совершенно разные вещи. До тех пор пока артели составляли не атомизированные и пролетаризированные индивиды, а крестьяне или выходцы из крестьянской среды, они пропитывали свое сообщество этой некапиталистической логикой, пронизывали внутриартельные отношения известными им принципами и представлениями о справедливости. В этом смысле отношения артели с «хозяином» могли сильно и достаточно быстро изменяться, но в то же самое время внутриартельные отношения ломались медленно и с трудом.

4.6. Добровольность объединения.

На эту черту обращается внимание в литературе довольно часто. Е. Д. Максимов (Слободжанин) видел в артели

«добровольный союз нескольких лиц»¹. А. А. Николаев также полагал, что производительный кооператив «опирается на принцип добровольного соглашения», другое дело – общинные или муниципальные предприятия, которые зиждутся на «принципе подчинения большинству лиц»². Добровольность – это та черта, которая призвана отделить артель от общины, в последней о добровольности соединения говорить не приходится, ибо принадлежность к ней определяется по рождению. Однако и в этом случае можно встретить исключения, например семейные артели, где значительную часть участников представляли члены семьи. Очевидно, что здесь следует вести речь уже не столько о добровольности, сколько о подчинении главе семьи, освященном патриархальной традицией русского крестьянства. Польза и благо артельщика как младшего члена семьи при этом соблюдалась исходя не из внешней артельной справедливости, а из понимания справедливости главой семьи. Яркий пример участия в артели не по доброй воле, а за послушание находим в «Плотницких рассказах» В. И. Белова, где отец отправляет 13-летнего сына в ученики артельщикам. В то же время в этом примере речь идет именно об ученике. Патриархальная зависимость от главы рода, от отца и большака в значительной мере ослабевала по мере взросления мастера, который впоследствии мог уже сам выбирать себе артель, а не слепо повиноваться «семейному» интересу.

4.7. Совместная деятельность (согласованность).

Мы уже приводили выше развернутое определение артели как строящейся вокруг принципа совместной деятельности (И. Сапожникова). Напомним его суть: «В народном представлении артель является соединением лиц

¹ Максимов Е. Д. (Слобожанин М.). Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском Кооперативном Институте. Изд. 2-е. Боровичи, 1919. С. 7.

² Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 106–107.

не только для преследования хозяйственных целей, но, главное, для совместной деятельности»¹. Совместная деятельность являлась той чертой, которая, по мнению А. В. Чаянова, отличала артель от кооперации, эти два понятия ученый разделял и даже противопоставлял друг другу². Но всегда ли, во всех ли артелях существовала совместная деятельность? В широком смысле слова, пожалуй, да, во всех и всегда. Однако в буквальном и тесном значении понятия «совместная деятельность» – далеко не всегда. В артелях харчевых, которые носили потребительский характер, она носила второстепенный характер, то же самое можно сказать и о потребительских артелях декабристов в Сибири. Не было ее в прямом смысле и в артелях ломовых извозчиков и лодочников³. Совместная деятельность, понимаемая как постоянное и оперативное решение ключевых задач сообщества, не является характерной сущностной чертой каждой артели. Однако согласованность действий в артелях всегда присутствовала, равно как и учет общих артельных интересов, – иными словами, деятельность осуществлялась на коллективных началах и была им подчинена.

5. Проблема круговой поруки

Ввиду особой значимости и сложности проблемы круговой поруки рассмотрим ее отдельно от других «сущностных» черт артели.

По мнению, Исаева круговая порука прямо вытекает из равенства прав в артели. Вполне разделяли взгляд на кру-

¹ Цит. по: Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Изд. 2-е, перераб. и доп. автором. Т. 1: Вып. I. Классификация и определение кооперации. Пг., 1919. С. 67.

² Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М., 1991. С. 84.

³ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 316–323.

говую поруку как на важнейшую черту артели В. И. Даль¹, Н. В. Калачов², Е. Д. Максимов (Слобожанин)³, О. А. Платонов⁴, О. К. Федорова⁵. Артельный батька Н. В. Левитский рассчитывал, что, опираясь на круговую поруку, артель будет иметь возможность занимать деньги у частных и правительственных организаций, а также в земских кредитных учреждениях⁶. Г. Немиров отмечал, что вступающий в биржевую артель, «помолясь пред иконою, подписывает обязательство подчиняться всем артельным правилам и решениям большинства, а равно разделять с другими членами артели их круговую поруку друг за друга»⁷.

«Готовность ручаться за всех товарищей, – писал Исаев, – отвечать за их промахи и даже злоупотребления и трудом своим, и имуществом доказывает прочность связи между членами, их знакомство друг с другом, а потому и вызывает то доверие, с которым относятся к артели лица, нуждающиеся в ее услугах»⁸. В данном случае круговая порука рассматривается не просто как бремя ответственности, но и как своеобразное достоинство трудового коллектива, ведь ее наличие в артели должно было располагать третьих лиц к сотрудничеству с ней. «Круговая порука потому и важна, – утверждал Исаев, – что она способствует созданию условий, предупреждающих необходимость

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Избранные статьи / Под ред. Л. В. Беловинского. М., 2004. С. 51–52.

² Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 1–2.

³ Максимов Е. Д. (Слобожанин М.). Историческое развитие идей артельного движения. Изд. 2-е. СПб., 1919. С. 8.

⁴ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 56.

⁵ Федорова О. К. Традиционные формы коллективного труда в России: социологический анализ. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2002. С. 90.

⁶ Левитский Н. В. Артельный договор для земледельческих артелей. Елизаветград, 1900. С. 5.

⁷ Немиров Г. Биржевые артели в С.-Петербурге (Очерк их организации и современного состояния). СПб., 1876. С. 52.

⁸ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 13.

ответственности артели»¹. Раз артельщики были готовы ручаться друг за друга, значит, это надежные люди, с которыми можно иметь дело. Именно в этом заключался, по мнению Исаева, основной смысл круговой поруки, а не в реализации оговоренных гарантий и действительном возмещении ущерба, до чего в трудных ситуациях могло дойти дело. На сей счет Е. П. Петров замечает: «Имущество самой артели часто настолько мало, что оно совершенно не покрывало бы обязательств артели. Сплошь и рядом артель нуждается в средствах в пять, десять и более раз больших, чем ее собственное имущество. Сами они могут собрать 1000, много 2000 руб. собственных капиталов, а для того чтобы лишь приступить к делу, нередко нужны бывают 10–20 тысяч рублей»². Ручательство друг за друга требовало от артельщиков быть особенно внимательными при приеме новых членов, ведь за них приходилось бы отвечать как за самих себя.

Петров, рассматривая действие механизма ответственности в артелях, выделял ответственность неограниченную (по обязательствам артели должны были отвечать ее члены всем своим имуществом) и ограниченную, в рамках которой каждый член выплачивал лишь принадлежащую на него лично часть долга. В случае неограниченной поруки возмещение долга могло осуществляться в несколько «кругов», в случае же ограниченной ответственности все ограничивалось лишь одним «кругом»³. Для иллюстрации приведем пример механизма неограниченной круговой поруки, встречающийся в работе Петрова: «В артели 11 членов. Ответственность установлена неограниченная, круговая. С членов артели необходимо взыскать 5500 рублей. Каждый член обязан заплатить

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 197.

² Петров Е. П. Промысловая кооперация и кустарь. Организация и практика промысловых кооперативов в России. Ч. II. М., 1917. С. 143.

³ Там же. С. 144–146.

500 рублей; при взыскании этих денег (1-й круг) оказалось, что один член в состоянии заплатить только 100 рублей, а другой член не имеет, к моменту судебного иска, никакого имущества и не в состоянии ничего заплатить. Взыскано таким образом только 4600 рублей. Остальные 900 рублей распределяются между остальными девятью членами (2-й круг). Допустим, что у четырех из них уже не осталось никакого имущества; они вышли из круга, круг сузился – в нем осталось теперь пять только членов, каждый из которых должен заплатить 180 рублей (3-й круг). Трое заплатили по 180, а еще двое из пяти оказались в состоянии заплатить только 60 рублей. Круг еще сузился, в нем теперь лишь три члена. Недополученное с других разверстывается между этими тремя членами (4-й круг). Выходит, что им приходится платить еще по 80 рублей. Первый заплатил полностью, два других оказались в состоянии заплатить лишь по 40 рублей. Из круга вышли еще двое; в кругу остался только один член, который должен на основании круговой поруки заплатить недополученные 80 рублей (5-й круг) ... Один, таким образом, не заплатил ничего, другой отдал 100 р., а последний – 11-й должен был заплатить уже 840 рублей. При равной теоретически ответственности получились столь неравные, фактически разные результаты»¹. В случае же ограниченной ответственности дело бы не пошло далее первого «круга».

Описанный Петровым пример представляет собой во многом абстрактную схему, и в реальной общинно-артельной жизни такие случаи распределения общего долга были крайне редки. Дух взаимной ответственности в артели нашел свое правовое отражение в ряде артельных уставов в частности, в «Артельном договоре», составленном Н. В. Левитским, встречаем три важных в этом отношении принципа: 1) за долг отвечает вся артель; 2) каждый товарищ отвечает за себя сам; 3) долг получить

¹ Там же. С. 145–146.

имеет право лишь вся артель¹. Эти пункты требуют пояснения: имеется в виду, что перед внешними субъектами ответственность несет артель, однако внутри артели ответственность ложится на того, кто действительно виновен в том или ином ущербе. «Каждый артельщик отвечает за себя сам» – этот принцип означает, что никакого иждивенчества за счет товарищей артели не терпели. В случае же, если внешний субъект должен артельщикам, то долг получает артель, и далее уже на общем собрании она решает, как по справедливости распределяются полученные средства. Все это говорит о высокой степени автономности русской артели и о том, что ее собственный «суверенитет», ее внутренняя демократия ставятся артельщиками выше, чем внешние правовые отношения. Внутренний «закон» артели ближе к справедливости, в нем все по совести, а не по букве юридических установлений. Отсюда проистекает и необязательность писаных уставов и договоров между участниками артели, о чем мы уже говорили выше.

Итак, круговая порука вовсе не исключала индивидуальной ответственности каждого, что проявлялось как в общинах, так и в артелях. Такая ответственность, напротив, полагалась строгой к исполнению. Е. Д. Максимов (Слобожанин) в своей работе, посвященной данному вопросу, разъясняет принципы действия механизма круговой поруки в крестьянских общинах образца второй половины XIX в.: «...Нередко самых энергичных мер бывает недостаточно, и недоимки вследствие бедности населения и величины платежей поступают очень неисправно. В таких случаях, казалось бы, личная ответственность должна прекращаться и на сцену должно выступить то крайнее, по общепринятому мнению, применение круговой поруки, при котором зажиточные и исправные домохо-

¹ Левитский Н. В. Артельный договор для земледельческих артелей. Елизаветград, 1900.

зыева платят за неисправных и нерадивых. Однако факты говорят другое. Во всех черноземных губерниях, а также и в нечерноземных, где доходность наделов превышает платежи, такая форма ответственности не применяется никогда. Даже и в других местностях земские статистические исследования не констатируют ни одного случая такой ответственности. На этом основании можно утверждать, что если они и практикуются в настоящее время, то лишь как крайне редкое исключение. Были отмечены лишь немногочисленные факты вторичной разверстки на всех членов общества накопившейся недоимки, составляющие, кажется, единственную форму крайнего проявления круговой поруки. Но и она распространена весьма незначительно. Во всех других случаях ответственность общества за недоимщиков сводится, в сущности, к личной ответственности последних. Общество **только помогает неисправным плательщикам: дает им рассрочку, делает займы, пополняет недоимки и платежи из общественных сумм и т.п.** [Выделено нами. – *Прим. авторов.*] Но все займы так или иначе погашаются теми, для кого делались они. Недоимщики или уплачивают их из заработков, или отрабатывают натуральными повинностями, или, наконец, исполняют *не* в очередь общественные службы. В этих формах круговая порука принимает характер временной взаимопомощи, при которой имущественный достаток домохозяина в большинстве случаев вполне сохраняется. Но этого нельзя было бы ожидать, если бы круговой поруки не существовало, а применялась только личная ответственность. При переходе к таковой пришлось бы установить – в крайних случаях накопления недоимки – продажу надельной земли, с чем и мирятся обыкновенно противники круговой поруки»¹.

В случаях ущерба внешним лицам ответственным, как правило, назначался виновный в нанесении ущерба

¹ Максимов Е. Д. О круговой поруке в сельских обществах. СПб., 1893. С. 8–9.

артельщик, именно он должен был погашать долг. Однако взыскивали лишь часть дохода и имущества, оставляя что-то и на прожитие. В связи с этим Исаев обращал внимание на устав складочной павловской артели, по которому взыскание «обращается на все имущество члена, за исключением избы с двором, известного количества скота, съестных припасов, дров»¹. Исаев также особо подчеркивал, что специфика отечественных артелей заключается в том, что ответственность заканчивается для ее бывшего члена после того, как он покинул коллектив. В то время как в артелях, построенных по западному образцу (влияние идей Шульце-Делича), ответственность, возникшая во время пребывания в союзе, могла сохраняться еще год после выхода члена из ассоциации².

Для верного понимания трактовки Максимова-Слобожанина нужно учитывать еще и то обстоятельство, что свое исследование круговой поруки в сельских общинах он предпринял в противовес принципам навязываемой сверху «фискальной круговой поруки». Традиционная общинная круговая порука представляется Максиму сложной и тонко настроенной мудрой системой, все элементы которой продуманы и связаны между собой: «Разверстка основана, во-первых, на безошибочном знании материального положения плательщиков, а во-вторых, на последовательном проведении принципа подоходности платежей. Никогда никакой чиновник не в силах будет так изучить платежные способности отдельных домохозяев...»³ При этом Максимов отмечает, что в крайних случаях сельские общества бывают вынуждены продавать движимое имущество плательщиков, временно отбирать наделы или части его, отдавать члена недоимочной семьи в заработки, назначают телесное наказание и т.п. Однако к разоритель-

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 15, 195.

² Там же. С. 196.

³ Максимов Е. Д. О круговой поруке в сельских обществах. СПб., 1893. С. 4–5.

ным мерам взыскания они прибегают крайне неохотно и только следуя указаниям закона и настояниям полицейских властей¹. Все эти наблюдения много говорят о самом духе русской крестьянской круговой поруки.

Э. Вреден, хотя и считал круговую поруку неотъемлемой чертой артели, все же полагал, что при увеличении численности артели она утрачивается². Исаев оспаривал мнение Вредена, утверждая, что артели вполне могут состоять из нескольких сотен членов, сохраняя ручательство. В этом случае артельщики из-за многочисленности коллектива, конечно, недостаточно хорошо знают друг друга, тем более вступающие в артель часто могут быть большинству неизвестны. Однако здесь использовался механизм ручательства, когда несколько артельщиков ручались за вновь вступившего³.

Существовала и иная точка зрения на круговую поруку в артели. С. Н. Прокопович был убежден, что «круговая порука представляет собою элемент внешний, чуждый артели». Во-первых, он обращал внимание на то, что в артелях ярыжных (бурлаков) она отсутствовала, а вместо нее существовало лишь поручительство отдельных лиц. Во-вторых, потребительные общества (некоторые из них также именовались артелями) не знали круговой поруки. Кредитоспособность кооператива, по мнению Прокоповича, должна в первую очередь базироваться не на круговой поруке, а на «успешности его собственных экономических операций»⁴.

Сведения о ярыжных черпаются исследователями из сборника документов «Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства». (СПб., 1838. Т. 1.

¹ Там же. С. 7.

² Вреден Э. Курс политической экономии. 2-е перераб. Изд. СПб., 1880. С. 148–160.

³ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 291.

⁴ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 18–20.

№ 311. С. 330–331). Следует отметить, что коллективы, в которые объединяются ярыжные, артелями в документах не именуются, а прописываются просто как «ярыжные»¹. Поручительство среди ярыжных вполне можно рассматривать как особое проявление круговой поруки. В данном случае ответственность за членов «артели» ярыжных несут поручители, большинство из которых в трудовой коллектив не входит. Таким образом, при наступлении ответственности артели перед третьими лицами ее должны будут понести поручители, не состоящие в артели. Круговая порука в данном случае как бы выносится за рамки сообщества, она захватывает круг лиц, к артели не принадлежащих. Что же касается потребительских обществ, то и здесь возможны были ситуации, когда круговая порука проявлялась. В случае, если потребительское общество (например, харчевая артель) брало кредит, то осуществлялось это, как правило, на основании круговой поруки.

С. Огородников отмечал, что круговая порука отсутствовала в артелях архангельских лоцманов: «...Не существует в среде их и примера, чтобы виновный лоцман за убытки платил когда-либо значительную сумму»². Исаев пытался как-то объяснить этот пример Огородникова, который ставил под сомнение его позицию: «Неприменение круговой поруки в среде лоцманов объясняется, вероятно, тем, что она была бы непомерно обременительна, по трудности прохода судов в тумане и снеге и т.д., и затрудняла бы составление комплекта. Стоя под строгим надзором портового начальства, артель лоцманов может внушить к себе доверие и без круговой поруки. Но если фактически круговое ручательство среди лоцманов не применяется, то закон признает за судовщиками право “просить об

¹ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. Т. 1. № 311. С. 330–331.

² Огородников С. Лоцманская артель в Архангельске // Сборник материалов об артелях в России. Издание С.-Петербургского комитета о сельских, ссудосберегательных и промышленных товариществах. Вып. I. СПб., 1873. С. 90.

удовлетворении на них (лоцманов) в обществе” (Св. Зак. т. XII, ст. 275) и тем намекает на круговую поруку»¹.

Итак, почти во всех случаях, когда артель в ходе своей деятельности так или иначе сталкивалась с третьими лицами (подрядчиками, заказчиками, нанимателями и т.д.) или с другими артелями² и принуждена была нести какую-либо ответственность, то реализовывалась эта ответственность в форме круговой поруки.

6. Специфические проявления артельной жизни

Наряду с чисто артельными формами сотрудничества русских людей существовали и другие виды коллективной взаимопомощи. Известны «складчины», «братчины», «супруги», «помочи», «толоки», артели «половинщиков», «общественные запашки», «договорные семьи», «одиначество» и т.п.

6.1. Одной из самых древних форм самоорганизации русской народно-хозяйственной жизни была **братчина**. В письменных памятниках древнейшего периода нашей истории следует непрерывный ряд указаний на пиры и братчины. Часто встречаются упоминания о «братчинах» в контексте так называемых братчинных пиров, которые устраивались с увеселительной целью. На братчины приглашали скоморохов, варили «пива и меды». На пирах и братчинах при большом стечении народа естественным

¹ Исаев А. Артели в России. С. 191.

² «В тех же промышленных артелях, которые, подобно многим рыболовным и охотничьим, не вступают в обязательные отношения к третьим лицам, самый характер деятельности союза редко вызывает случаи проявления круговой поруки вовне. Но такие случаи возможны. Представим себе, что одна беломорская артель нанесет ущерб другой, с которой судьба столкнула ее на промысле. Эта другая будет требовать вознаграждения за убытки от членов, которые в данный момент находятся налицо» (Исаев А. Артели в России. С. 14–15).

образом могли совершаться преступления, покражи и даже убийства. Можно сказать, что братчина, по самому своему названию, как «пирушка мирская», представляется одним из воплощений общинного начала¹.

В Древней Руси общественные пиры носили различные названия: «братчина», «складьба», «мольба», «обчина», «канун», «ссыпщина»². Академик Б. А. Рыбаков указывал на близость термина «братчина» западным *fraternitas* и *fréries*. Термин имеет несколько значений: 1) общественный пир в складчину; 2) изба, в которой происходит пир; 3) пиво, предназначенное для пира. Исследователь обращал внимание на постоянный и замкнутый состав братчин, на наличие внутри них особой администрации – старост, – и неограниченность братчинного суда, и иммунитет братчин в отношении представителей власти³. В некоторых случаях братчина относилась и к приходской общине («церковному братству»), являясь формой общения между православными людьми для религиозно-церковных целей⁴.

Есть предположение, что братчины пришли на смену **складчинам**, которые были весьма популярными на Руси еще в языческую эпоху. Первые упоминания о «складчинных пирах» относятся к отдаленным временам истории Руси. Складочные пиры устраивались в дни религиозных и общественных праздников. Это были добровольные, в складчину, увеселения и развлечения – праздничные, увеселительные артели. В христианскую эпоху их стали называть братчинными пирами (иногда «законные обеды»). Эти самоуправляющиеся организации имели и своего выборного представителя – «пирового старосту» и нередко от уве-

¹ Попов А. Н. Пир и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемые Николаем Калачовым. М., 1854. Кн. 2. Ч. 2. Отд. VI. С. 19–41.

² Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 759.

³ Там же. С. 764.

⁴ Папков А. А. Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII века и в Западной России до XVII века. СПб., 1897. С. 1.

селений и пиршеств переходили к обсуждению серьезных дел и даже к суду¹. Устраивались с целью общения на почве развлечений. Например, малороссийские складки представляли собой артельную организацию молодежи на большие праздники. Обычай собирать потребные для пиршества припасы путем складчины существовал издревле. В этом можно видеть свойственную русскому характеру склонность к совокупной деятельности, к общему праздничному веселью².

6.2. Несмотря на родственность и сходство понятий «складчины» и «**складничества**», их нельзя смешивать. Складничество, складнические союзы – одна из древнейших форм кооперации на Руси. Встречаются в источниках упоминания о складничестве новгородских купцов начиная с XIII века, форме, напоминающей современное товарищество на паях. Однако складничество как явление не сводится к данной практике, оно было распространено и в низах общества. Складники соединялись для ведения промысла, который трудно было вести в одиночку, для решения конкретных задач, таких как выкорчевывание леса, разработка новин под пашню. Часто складнические союзы возникали при переселении (в частности, в ходе колонизации Севера). В более позднее время складничество по долям (паям) использовалось при строительстве и обслуживании мельниц несколькими хозяйствами и других подобных общественных нужд³.

¹ Максимов Е. Д. (Слобожанин М.). Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском кооперативном институте. Изд. 2-е. Боровичи, 1919. С. 15–20.

² Папков А. А. Краткий очерк церковно-приходской жизни в Восточной России до XVIII века и в Западной России до XVII века. СПб., 1897. С. 4. Подобрно о складчинах и братчинах см. у него же. С. 42–57.

³ О складничестве в его разных проявлениях см.: Островская М. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII вв. СПб., 1913; Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.–Л., 1935; Томилов Ф. С. Север в далеком прошлом. М.: ОГИЗ, 1947; Страхов В. Двинские дали. Северо-Западное книжное издательство, 1972.

История Поморья (бывшие новгородские земли и значительная часть Обонежской пятины) богата фактами артельного сотрудничества тамошнего крестьянского населения. В XVII столетии личность поморского крестьянина, освободившись от родовой зависимости, в силу экономической необходимости входила в новые товарищеские «складнические» союзы. Эти союзы нередко образовывались при помощи остатков того же родового быта (складничество формировалось в результате покупки долей разложившегося деревенского двора), или пользовались его внешними формами («искусственные», «складные» семьи). Складники создавали союз по типу семейного, фактически выступая по отношению друг к другу как названные братья, побратимы. При расторжении складнического союза имущество делилось по тем же принципам, что и при разделе семьи между родными братьями. Экономический принцип поморского быта XVII столетия изменял и отношения семейных между собою, нарушал семейную иерархию: муж с женою могли участвовать в сделках на товарищеских началах, дочь могла быть наемной работницей у отца, старики-родители, которых старинная песня называет «золотой вершинкой, позолоченной маковкой» на дубе, олицетворяющей род, могли уступить руководящее место в хозяйстве новому поколению (иногда даже не родственному) в рабочем возрасте и пр.¹

Сущность товарищеского союза сярбинства, складства – соединение финансов и рабочих сил для ведения общего предприятия. Сообразно затрате трудов и капиталов складников распределяются и их доходы. Возникновение складства может быть непосредственно связано с распадением большой семьи – задруги, и тогда это название, во-первых, обозначает общее владение неразделенным имуществом, во-вторых, указывает на идеальную связь между

¹ Островская М. Землепользование новгородских дворцовых крестьян в XVII веке // Архив истории труда в России. 1923. № 6–7. С. 161.

собой частей распавшейся деревни. Могло оно явиться и прямым следствием договора. Складничество было так распространено на Севере, что сплошь и рядом однодеревенцы оказываются складниками, а две-три деревни и более могут образовывать сложные складнические союзы. У сябров-складников также были права преимущественной покупки и выкупа относительно долей товарищеского владения¹. Во многих местностях отношения мирских, родственных и товарищеских земельных союзов переплетались и накладывались друг на друга.

Во время Первой мировой войны в связи с громадным сокращением рабочих рук в деревне мирская взаимопомощь ослабла и к 1916 году фактически сошла на нет. «На первое место, – пишет Н. П. Огановский, – стала выдвигаться иная бытовая форма крестьянской самоорганизации – “вольная”, соседская или родственная.... Чаше всего, следовательно, применялась родственная самопомощь. Эта помощь приблизила уже разлагающиеся в процессе семейных разделов мелкие семьи к формам древней большой семьи – “задруги” славянского мира. И “задружничество”, и “складничество”, эти старинные формы соседской «помощи», начали стихийно воскресать в русской деревне благодаря условиям войны, непреодолимо толкающим деревню к тем или иным формам хозяйственного единения»².

6.3. От глагола «помогать» происходит название особого общинного и артельного обычая соработничества – **помочь**. Как и в других артелях, помочи решают дело сообща. А. А. Карелин считал, что помочь – это великорусское, а толока – малорусское и белорусское названия одного и того же учреждения. «В какой-либо праздник, а нередко и в будни жители данной деревни или только

¹ Там же. С. 163.

² Огановский Н. П. Аграрная реформа и кооперативное земледелие. Пг., 1919. С. 40–41.

часть их собираются вместе для выполнения какой-либо коллективной работы в пользу одного лица или семейства. Эти работы бывают крайне разнообразны – все сельскохозяйственные постройки, кладка печей, рытье колодцев, рубка дров и пр. и пр. Характер помочей носят и очередные работы при каком-либо ремесле – очередное гнутье полозьев у кустарей-колесников, очередная пряжа и прочее»¹.

Исследователи выделяют три типа помочей: поочередные помочи – исполнение определенной трудоемкой работы всеми общинниками у всех по очереди; помочи нуждающимся – исполнение необходимых аграрных и домашних работ для тех крестьян, которые по какой-либо причине не способны были самостоятельно справиться с обычным годовым кругом работ; помочи за угощение – участие в работе, исполняемой для крестьянской семьи, которое вознаграждалось праздничным угощением². Стоит отметить, что «праздничное угощение» или общая трапеза в конце выполненной помощью работы иногда становилась и камнем преткновения. Так, проведение “помочей” стало в конце XIX – начале XX в. проводиться реже, так как «пришедшие “от мира” работники требовали слишком обильной трапезы», – писали наблюдатели и констатировали, что, по мнению хозяев, «нанять работника дешевле обойдется»³.

Помочь встречалась чуть ли не везде в России. Организовывалась она при самых разнообразных условиях для различных работ. Иногда “помочь” устраивалась с чисто филантропическими целями. Так, по сведениям В. Украинского, в какой-либо праздник крестьяне всей деревней обрабатывали землю или убирали хлеб маломочных хо-

¹ Карелин А. А. Общинное владение в России. СПб., 1893. С. 171–172.

² Федорова О. К. Традиционные формы коллективного труда в России: социологический анализ. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2002. С. 15.

³ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 180.

заяв, больных, вдов и сирот. Во Владимирской губернии в холерные годы мир высылал по наряду баб для уборки хлеба больных односельчан. В некоторых случаях в виде платы за “помочь” хозяева кормят обедом и ставят «угощение». В других случаях, как, например, в Вяземском уезде, для бедных, вдов и убогих – помочь напротив обходится очень дешево, так как косцы не требуют от них большого угощения, а работают «для ради Христа». Наконец, самая идея помочи настолько глубоко проникает в жизнь народа, что помочь без всякого предварительного уговора, чисто естественным путем возникает там, где ощущается в ней нужда. В некоторых случаях при жниве, например, «окончившая раньше всех работу женщина переходит на полосу соседки, они вдвоем дожинают хлеб, идут на третью полосу и так до тех пор, пока на полосе самой слабой из женщин собирается целая помочь, быстро сжинающая хлеб»¹.

Исследование этого феномена встречаем в работе М. М. Громыко, которая, в частности, приводит и достаточно подробно разбирает различные виды помочей: дожинки, толока льна, навозница, вздымки, печебитье, сурядки и мн. др. Из этого исследования можно увидеть, что данный обычай в XIX веке был распространен повсеместно и нес в себе отголоски древних сакральных обрядов. Вообще помочи воспринимались в традиционном крестьянстве как своеобразный синтез труда и праздника: труд осуществлялся не для себя, а для других, а праздничный, игровой и ритуальный элемент занимал в старинных помочах очень большое место, граница между трудом и игрой также была размытой, нестрогой. При этом помочанин, участвуя в деле взаимопомощи, знал, что и он впоследствии сможет рассчитывать на помощь односельчан. М. М. Громыко указывает и на другие формы поддержки, более систематические, чем разовые помочи: «В русской деревне XVIII–XIX веков существовало такое понятие –

¹ Украинский В. Крестьянская община и аграрная реформа. М., 1907. С. 98–99.

мироплатимые наделы. Это означало, что община (мир) брала на себя оплату всех податей и выполнение повинностей, которые полагались за использование данного надела. Например, у государственных крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии такие наделы по решению схода выделяли в 70-х годах XIX века вдовам. В этом же уезде из общественных хлебных магазинов выдавали беспомощным старикам и малолетним сиротам хлеб на весь год. В некоторых случаях при оказании общинной помощи предполагалась последующая компенсация. Так, в Орловском уезде (Орловская губерния) сильно пострадавший от пожара крестьянин мог просить “общество” помочь ему поставить избу; мир обязательно помогал в этом случае – деньгами, работой. Когда же погорелец “становился на ноги”, он выплачивал общине деньги. (...) Гораздо реже встречаются упоминания “мирской” помощи обедневшему крестьянину без чрезвычайных обстоятельств; считалось, что в обычных условиях хозяин сам виноват, если дела у него не ладятся¹.

В книге о русском крестьянстве «Лад» В. И. Белова также встречаем важные детали в описании данного обычая: «Помочи – одна из древнейших принадлежностей русского быта. Красота этого обычая совсем лишена внешней нарядности и броской, например свадебной, декоративности, она вся какая-то нравственная, духовно-внутренняя. (...) Чаше всего это была рубка дома, гумна. Но собирались помочи и на полевые работы, на сенокос и подъем целины, на битье печей и строительство плотин. Семейное решение, приглашение, сбор и работа – обязательно обыденная, то есть одним днем, только с утра до вечера, наконец, общая трапеза – вот сюжет, по которому проходили всякие помочи. Каждая часть была насыщена поговорками, приметами, сопровождалась молитвами и традиционными шутками. (...) Обычай предоставлял превосходную возможность

¹ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 41.

показать трудовое и профессиональное мастерство, блеснуть собственной силой, красотой и необычностью инструментов, проявить скрытое втуне остроумие, познакомиться ближе, наконец, просто побыть на людях. Работа на таких помочах никому не была в тягость, зато польза хозяевам оказывалась несравнимой. Так, всегда за один день ставили сруб небольшого дома или гумна. Своеобразный экзамен предстояло выдержать и самим организаторам помочей: по приветливости, расторопности и т.д. Особенно волновались хозяйки-большухи, ведь после работы надо было встретить и накормить чуть ли не всю деревню. Хорошие, удачные пироги тоже запоминались людям на всю жизнь, что укрепляло добрую славу о том или другом семействе¹.

Известный экономист В. П. Воронцов объяснял организацию помочи тем, что некоторые промыслы требовали применения большой физической силы, превышающей силу обыкновенной крестьянской семьи; но так как эти операции (гнутье дуг, ободьев и т.п.) отнимают немного времени, то они удобно могут выполняться при посредстве так называемой помочи, когда несколько лиц одного промысла помогают произвести работу то одному, то другому из товарищей².

В Малороссии помочь была распространена под наименованием **толоки**. Как правило, толокой пользовались, помогая нуждающимся. Например, всем обществом или «всем миром» строили толокой дом для молодоженов или погорельцев³. Ф. А. Щербина считал обычай толоки, или помочей – выражением взаимопомощи общинно-религиозного характера⁴. По мнению экономиста, «толока – кратковре-

¹ Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики. М., 2013. С. 347–349.

² В. В. (Воронцов В. П.) Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 9–10.

³ Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. С. 72.

⁴ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 60.

менная форма, совершенно лишена всякой организации. Простая складчина рабочей силы, орудий и скота. Один идет на толоку в качестве рабочего, другой дает воз, третий посылает волов и таким образом составляется целая ассоциация для перевозки сена, топлива или камыша»¹. Щербина рассматривал толоку как осколок более широкой и совершенной формы общинного труда, существовавшего между малорусским населением в былые времена. Он констатировал, что во второй половине XIX века толока в Малороссии встречается все реже а также выводил закономерность: чем южнее местность, тем реже встречается толока, причем там ее отличал принудительный характер, в более северных регионах России все было наоборот (там толока – взаимопомощь, солидарность крестьян). Принудительный или полудобровольный характер применения этого обычая в южных губерниях выражался в том, что работы производились в пользу духовенства, местной сельской и станичной власти, других влиятельных лиц².

В советской России после введения нэпа государство решило использовать традиции общинной взаимопомощи по организации помочей, супряг, общественных запасшек, создания запасных, страховых фондов для оказания помощи хозяйствам-аутсайдерам в целях выравнивания экономической мощности крестьянских хозяйств³. Обычай стихийных народных помочей практиковался и в позднее советское время. Например, в сибирских деревнях к помочи прибегали во многих случаях. «На помочь звали родных,

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 65.

² Наиболее распространенными были толоки в помощь священникам. Работы толокой обычно производились в воскресные или праздничные дни (в день «Паликопа», «Русальчин Велик-день», «Семена», «Илии» и пр.); в некоторых местах вместо самого термина «толока» употреблялся иной – «попівські празники».

³ Куренышев А. А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. С. 185.

соседей, приятелей.... Работали на помочи так, как будто на праздник пришли: весело, споро, с шутками, с песнями. Каждый и каждая друг перед дружкой показывали свою удаль, умение, силу, сноровку». Потом хозяева ставили водку, самогон и деревенскую закуску. Помочи устраивали не только для помощи бедным, но и при постройке избы, или когда надо было сделать что-то быстро, или выполнить трудоемкую работу. Часто во время работы подходили новые сельчане, работа была добровольной»¹.

Профессор В. Г. Тюкавкин приводит пример из своей жизни. «Помочи сохранились в сибирских селах до сих пор, о чем я знаю по собственному опыту. В 1968 году, уже став профессором, я купил деревенский дом в селе Рассока в 45 км по железной дороге на восток от Иркутска. Дом был большой, но хозяин его недоделал: внутри горница и сени, стены и потолки были обиты дранкой, а не оштукатурены. Мне это было сделать не под силу, и мы так и жили, мечтая подкопить денег и нанять рабочих. Однажды к нам зашел сосед Саша, здоровый и сильный мужик лет 35, и, оглядев все, предложил организовать “помочь”. В литературе я об этом читал, но не знал, что это еще бытует. По совету Саши я купил побольше водки, а закуску соседи принесли свою – огурцы, помидоры, грибы, яйца вареные и т.п. Мои сыр и колбаса тоже пригодились. Пришли человек 10–12 и так здорово работали, что все сделали за полдня и очень качественно. Я отмечаю это специально для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что “помочи” не связаны обязательно с общиной»².

6.4. Смысл сотрудничества половинщиков отчасти отражен в известной сказке В. И. Даля «Медведь-половинщик». Наивный медведь, вступивший в договор

¹ Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 178–179.

² Там же. С. 179.

с мужиком, решил распределять полученный урожай по «вершкам» и «корешкам». Хитрый мужик поделил урожаем поровну. Так, от пшеницы медведь получил половину ненужных «корешков», а от репы он забрал себе половину бесполезных «вершков». Федор Михайлович Достоевский «половинщиком в счастье» называет кого-либо из супругов в браке.

В реальной же трудовой практике артели половничков вступали с хозяевами в определенные натуральные отношения – обрабатывали земли за половину урожая¹. Таким образом, половничество – это аренда крестьянином у владельца земли для жилья и обработки за половину урожая². Более близкое знакомство правительства с положением половничков и изучение их быта начались в 1816 году, когда один из половничков подал жалобу графу Аракчееву на злоупотребления своего владельца при сдаче рекрутов; жалоба была признана не заслуживающей уважения, но, узнав, что купцы и мещане Вологодской губернии имеют у себя в половничестве вольных людей, Александр I усомнился, действительно ли это вольные люди и не имеют ли купцы вопреки закону крепостных? Для расследования этого началось собирание сведений о половниках, вскрывшее крайне тяжелое их положение, зависимость, близкую, по свидетельству местного начальства, к кабале и рабству, от «деревенских владельцев», т.е. хозяев занимаемых половниками земель – купцов, мещан и государственных крестьян³.

6.5. К традиционному типу земледельческой взаимопомощи относилась и **супруга**, при которой землю кре-

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 72–74.

² Шатилова Т. Уничтожение половничества в 19-м столетии // Архив истории труда в России. 1922. Кн. 5. С. 79.

³ Там же. С. 80.

стьяне пахали сообща в один и тот же день, складывая воедино рабочий скот, инвентарь и рабочую силу нескольких хозяйств. Как правило, супрягой пользовались при недостатке орудий производства или скота. Складывались «малоскотные хозяева» всем тем, что имели. В Малороссии обработка земли супрягой была широко распространена. Супряги могли объединять за сезон 2–5 малоинвентарных и малолощадных дворов и были преимущественно трудовыми¹. Подобным же образом земля обрабатывалась и в Самарской губернии, где применялся тяжелый колесный плуг, который требовал от трех до пяти пар волов. Иметь десять волов крестьянину было не под силу, поэтому волы находились в общей деревенской собственности, и каждый имел на них равное право².

Супряжники пользовались сборным плугом по очереди, пропорционально количеству скота каждого хозяина, участвующего в производстве. О распространении супряги дают некоторое представление следующие цифры по Черниговской губернии XIX века. Так в Козелецком уезде 34% всех хозяев обрабатывали землю супрягой, в Борзенском 90% запахивали как свои, так и арендованные земли супрягой³. Все эти факты обильного распространения супряги в русском хозяйстве свидетельствуют о том, что «супряга, бесспорно, *от-артельная форма*, и не видеть между нею и артельным началом ничего общего невозможно»⁴.

Согласно Ф. А. Щербине, супряги представляли собой объединения труда и капитала, их составные элементы были следующие: «1) рабочие силы, т.е. так называемые “плугатырь”, главный работник и заправляющий, и “погоньчи”, т.е. погонщики волов; 2) земледельческие орудия – плуг,

¹ Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. С. 70.

² Земледельческие артели (ассоциации). Киев, 1876. С. 5.

³ Украинский В. Крестьянская община и аграрная реформа. М., 1907. С. 99.

⁴ Карелин А. А. Общинное владение в России. СПб., 1893. С. 176.

“рало” и бороны; 3) рабочий скот – волы и в весьма редких исключительных случаях лошади. Спрягающиеся, следовательно, участвуют в землепашеских артелях или трудом, или капиталом, или же тем и другим вместе». Вознаграждение зависело от того, сколько труда и капитала было внесено каждым конкретным участником в общее дело¹.

Между тем, как замечает В. В. Кабанов, супряги не имели динамического развития, т.е. если, к примеру, в селе возникали одна-две супряги, то это не значит, что на следующий год их становилось больше. На супрягу шли не от осознания выгоды объединения, а от нужды². Участие в таких коллективах принимали обычно те крестьянские хозяйства, которые имели между собой хорошие отношения.

6.6. Одной из интереснейших форм своеобразных народных профессиональных союзов был обычай **одиначества**. В XVI–XVII веках русские реки являлись торговыми путями, по которым каждодневно передвигались торговые суда, купеческие ладьи и т.п. водный транспорт. Этот транспорт должны были обслуживать специальные рабочие, так называемые водники.

Если труд ярыжного был неблагодарным трудом чернорабочего и не требовал никаких технических навыков и сноровки, ничего, кроме наличной мускульной энергии, то другие разряды рабочих-водников имели определенную квалификацию, дававшуюся нередко длительной выучкой. Мы имеем в виду прежде всего труд носников и кормщиков, тогдашних лоцманов и капитанов, руководивших как ходом судна во время навигации, так и всей вообще работой на судне во время плавания. Общее представление о работе этого разряда рабочих дают путешественники-иноземцы.

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 259.

² Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997. С. 71.

«У каждой лодки, – сообщает Б. Койэт, – было два кормщика, или рулевых, и один носовщик, иначе лоцман, который всегда держит в руке палку, на которой обозначены пядени; с нею он всегда стоит на носу лодки, измеряет глубину и результаты своих измерений выкрикивает рулевому. Эти носовщики знают русло, подводные камни и мели, сев на которые можно потерпеть большой ущерб»¹.

В среде носников Двинско-Беломорского района наблюдалась большая сплоченность и солидарность в отстаивании своих профессиональных интересов, что до некоторой степени объяснимо тем, что эта среда рабочих составляла часть поморского населения, искони привыкшего жить в условиях широкой самостоятельности самоуправляющихся мирских союзов, которая воспитала в населении потребности, привычки и вкус к организованной самозащите. По-видимому, сухонские и двинские носники составляли большие артельные союзы, члены которых пользовались помощью и защитой профессиональной корпорации. Чрезвычайно показательной в этом смысле представляется одинашная запись тотемских и устюжских носников 1653 года от 15 марта². Указанные рабочие решили провести организованную стачку, для чего уговорились, чтобы «в те поры государевых казенных судов нам носникам не держать ни вниз ни вверх, и свое братья носников отпущати на те казенные суды на Меженские на осенные, опричь вешних сплавов, лодей и дощаников, которые людья и дощаники с хлебом и с ыным товаром поплвут в весну». Стачка была направлена против государевых казенных судов, но во время навигации распространилась и на грузовые суда частных товароотправителей. Об этом

¹ Посольство Кун. фан Кленка. СПб., 1900. С. 306; Цит. по: Введенский А. А. Заметки по истории труда на Руси 16–17 вв. // Архив истории труда в России. 1922. Кн. 3. С. 56.

² Островская М. А. О древнерусском одиначестве // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 12, 15.

говорит челобитье пострадавшего от этой стачки 26 июля 1653 года торгового иноземца «Галанские земли Вахрамея Петрова». Далее, члены артельного союза носников договариваются «промеж собою полюбовно в том, что промеж собою нам носникам в судовом деле друг за друга стоять и не подавать ни в чем»; в частности, имеются в виду возможные репрессии со стороны местной власти в лице тотемских и устюжских воевод, – в случае, если последнее «не по делу станут в тюрьму садить на Тотьме и на Устюге, а будет которово нас носников в тюрьму посадят оне воеводы на Тотьме и на Устюге, и нам носникам друг за друга стоять и стоять за один человек и в обиду не давать и Государю бити челом, и нам носникам, докахмест не выпустят ис тюрьмы, на судах не ходить, ни плавать». Выполнение условий одинашной записи обеспечивается следующим образом: «а буде которой из нас носников не станет друг за друга стоять и в тоя поры почнет на судах ходить и плавать, в кою пору носники в тюрьме сидят, и на нем взять в братью пятьдесят рублей денег»¹.

Эта запись во многих отношениях интересна. Прежде всего следует отметить, что одинашная запись – акт, редко встречающийся. Хотя **одиначество**, как форма совместных, организованных и единогодушных действий и усилий, направленных к защите совокупными силами лиц, участвующих в договоре общего дела, предприятия или общего владения, – довольно часто встречается в источниках. Четыре группы источников обычно чаще всего упоминают об одиначестве: 1) Летописные известия, возводящие употребление одиначества как организованного института в глубокую древность; 2) духовные и договорные грамоты великих и удельных князей, где одиначество является завещанием – обычной и привычной формой со-

¹ Архив МИД. Приказ дела стр. лет. 1655. № 30. Л. 190–192. 15 марта, 1653 г. Цит. по: Введенский А. А. Заметки по истории труда на Руси 16–17 вв. // Архив истории труда в России. 1922. Кн. 3. С. 57–58.

дружества в общем деле для наследников; 3) дипломатические документы сношений с иностранными государями; 4) частные акты, исходящие от существующих уже складнических союзов и от случайно составляющихся договорных товариществ на протяжении XVI–XVIII веков. Документы последней категории все относятся к Поморью.

В данном случае можно только предполагать, что мы имеем дело с давней артельной организацией, которая пред лицом какой-то невзгоды крепит своих членов новой связью, чтобы предстоящая опасность, во-первых, не разбила артели, и во-вторых, обеспечила или улучшила материальное положение каждого члена, входящего в эту артель. Коллективные действия для самозащиты были широко распространены в самоуправляющихся черно-тяглых посадских и мирских всеуездных земских организациях, членами которых были все участвующие в записи носники.

Очевидно, носники считали своим правом как спланиваться в артель, так и защищать общие интересы артели организованной стачкой. Это право могло вырасти из бытовой практики самоуправляющихся мирских союзов Поморья, в социальной жизни которого можно отыскать достаточно примеров к привычке действовать солидарно и сообща, когда дело касалось охраны общеземских интересов. На поддержку власти в лице воевод и приказных администраций на местах поморский житель искони не привык особенно полагаться и на нее рассчитывать, гораздо естественнее было обращаться за поддержкой к своей выборной, земской власти, или находить силы для необходимой борьбы внутри объединения заинтересованных в этом деле своих товарищей – членов союза-артели. Из этой потребности искания нужной помощи в кругу своих членов артели носников, из привычки рассчитывать на свои только собственные силы и сложилась стачечная организация сухонских и двинских лоцманов, которые и спешат солидаризироваться и скрепить программу будущих своих действий перед открытием

навигации приведенной выше заодинашной записью. Эта запись в глазах носников является вполне легальным и дозволенным образом действий, ничего противозаконного не содержащей; таковой же она является и в глазах окружающей общественной среды, если можно считать ее представителями тотемских попов, скрепивших своими подписями этот акт на правах духовных отцов за неграмотных пасомых чад своих приходских церквей¹.

Все эти факты одинашного сплочения русских рабочих XVI–XVII веков не только свидетельствуют об уникальной русской форме взаимопомощи и самозащиты, но и указывают на особый вид русской кооперации в виде стачечных артелей носников, задерживающих неугодные им торговые суда и наводящих порядок на навигационных путях сообщения.

6.6. В своих повседневных хозяйственных делах крестьяне на самих себе испытывали выгоды дружной, общей работы, выгоды союза. В таком важном деле, как распределение земли, крестьяне сплачивались друг с другом, приучались действовать сообща, стоять один за другого. Но не только такое важное событие, как передел или переверстка земли, требовало участия всех крестьян. Так, например, в одних местах крестьяне косили всем миром луга, в других обрабатывали всем миром снятый у помещика сенокос, выгон и пр. Иногда общинники устраивали между собой артели для покупки разных машин (молотилок, веялок) и работы на них. Также устраивались артели для рыбной ловли и для других хозяйственных дел². Крестьяне на самих себе чувствовали силу согласия в их повседневной трудовой жизни.

¹ Введенский А. А. Заметки по истории труда на Руси 16–17 вв. // Архив истории труда в России. 1922. Кн. 3. С. 59–60.

² Качоровский К. Крестьянская община. Что она такое, к чему идет, что дает и что может дать России? СПб., 1908. С. 239–240.

Многие общины выделяли у себя некоторую часть земли, которую обрабатывали сообща коллективным трудом (**общественные запашки**). Хлеб, полученный с этого поля, шел или на заполнение общественных хлебных магазинов или на удовлетворение каких-либо мирских потребностей. В одних общинах эти общественные запашки существовали непрерывно, в других устраивались по мере надобности и прекращались вслед за удовлетворением потребности, их вызвавшей. В эпоху до реформ 60-х годов XIX столетия общественные запашки производились крестьянами по приказанию начальства. Результатом этого явилось недружелюбное отношение крестьян вообще к общественной запашке, так что после освобождения крестьян общественные запашки значительно сокращаются. Но затем снова замечается возобновление общественных запашек там, где они вызываются самой жизнью, где крестьяне начинают сознавать их полезность. Более широкое развитие общественных запашек задерживается все теми же общими условиями, которые и в других случаях накладывают пути на развитие сельскохозяйственной техники. Малоземелье в связи с крайней бедностью отдельных домохозяев не дает возможности выделить часть наделных земель под общественные запашки. Деревенские кулаки также в значительной степени способствовали разложению этой коллективной формы труда¹.

По свидетельству А. А. Карелина, нередко крестьяне относились к общественным запашкам недружелюбно, но это недоброжелательство лежало вне вражды к основам коллективного труда. Оно легко объяснялось малоземельем, делающим стеснительным отвод земли под запашки, бедностью крестьян, не позволяющей арендовать земли, отходом, неимением у некоторых крестьян рабочего скота, удобрений и т.п.² Хлеб с запашек шел на уплату

¹ Украинский В. Крестьянская община и аграрная реформа. М., 1907. С. 100.

² Карелин А. А. Общинное владение в России. СПб., 1893. С. 178.

податей, уплату выкупных платежей, для погашения недоимок, для уплаты долга в имперский продовольственный капитал, на случай падежа и других бедствий, иногда на запашке разводились улучшенные культуры и урожай делился по душам, иногда средства шли на устройство и украшение храмов¹.

Интересен и пример из другой области. Карелин указывает на некую артель-общину из Ельнинского уезда Смоленской губернии, которая составляла 40 человек. Все они жили в девяти избах, но владели нераздельною собственностью. Земля, скот, хозяйственные постройки, съедобные продукты, материалы для выделки одежды, мед, воск, деньги – все общее. Все обедали и ужинали за одним общим столом; все работали, причем разделение труда доведено здесь было до мельчайших подробностей. Даже деньги, заработанные промыслом, отдавались в общую кассу. Эта община-артель являлась союзом единокровных родственников; в число ее членов не принимались даже зятья. Управлял артелью старший брат с согласия других братьев. Эти артели назывались **договорными семьями**. После семейного раздела крестьяне, хозяйственная сила которых ослаблена таким разделом, сговаривались друг с другом и организовывали общее хозяйство. «Такие сложные хозяйства вместе работают и промышленяют, вместе харчатся. Такие артели очень распространены и встречаются в разных местностях России... Нередко крестьянские семейства работают артелью, хотя и живут в разных избах. В некоторых местностях артели устраиваются между соседями: они разгораживают смежные дворы и живут общим хозяйством»².

Кроме «договорных семей» в истории русского труда известны и другие случаи глубокой кооперации. Так, в XVI–XVII веках **крестьянские семьи пользовались услу-**

¹ Карелин А. А. Общинное владение в России. СПб., 1893. С. 180–182.

² Там же. С. 209–210.

гами чужаков. «Чужой труд нужен крестьянской семье, но нет возможности его оплатить в условиях натурального способа ведения хозяйства, и вот выход: чужак берется в семью, сливается с нею, образуется хозяйственная кооперация из различных кровных и некровных слоев под крышей одного двора. “За хребтом” домовитого исправного хозяина-крестьянина живет такой чужак – из бездомного, скитающегося “меж дворы” люда. Эти работники, принятые в семью и с нею слившиеся, носят особое название – соседей, подсоседников, подворников, захребетников»¹.

7. Сходные явления у других народов

В данном параграфе мы попытаемся осветить следующие вопросы. Была ли артель специфически русским явлением или в других странах и у других народов (в том числе и многочисленных народов России) также встречались сходные трудовые формы? В какой степени артели были распространены у других народов? В чем была их специфика?

7.1. Артели у народов России

Народы исторической России можно условно, не вдаваясь в этнологические подробности, разделить на четыре основные категории, исключая при этом русский народ, как народ основополагающий: 1) южные народы, 2) северные народы, 3) восточные народы, 4) западные народы. Такая простейшая классификация многообразных российских этносов, построенная по географическому принципу, облегчает дальнейшее описание артельных нравов и обычаев у каждого народа в частности.

В XIX столетии артельные начала развивались фактически во всех обозначенных четырех категориях. В пример

¹ Введенский А. А. Заметки по истории труда на Руси 16–17 в. // Архив истории труда в России. 1923. № 6–7. С. 13.

можно привести племена Архангельской губернии: самоедов, зырян, лопарей, корел, которые все имели артели с несомненно самобытным характером. То же самое мы находим и у отдаленных от центрального региона якутов и бурятов, создававших, в частности, звероловные артели из 3–6 человек¹. Характеристическая черта любой артели – круговая порука – встречалась у многих восточных народов.

«Между тем, – замечала исследовательница русских артелей А. Ефименко, – у близких родственников русского племени, у родственников не только по происхождению, но и по духовным свойствам, у западных славян, довольно слабо развито артельное начало; у них существуют артели почти только для земледелия и для таких занятий, которые имеют к нему непосредственное отношение. Впрочем, это объясняется особенностями их быта: так как у них, в противоположность Великороссии, земледелие составляет почти исключительное занятие»².

У южных народов России, например в кавказских селениях Тифлисской губернии, промыслом занимались обыкновенно не все жители селения, а отдельные семьи, представляющие собою как бы ряд своеобразных артелей, в которых то или другое искусство или ремесло переходило от старших к младшим и затем от поколения к поколению³.

В Закавказском крае конца XIX столетия совершенно обособленное положение занимало в ряду гончарного промысла производство больших винных кувшинов «чури» кустарными артелями Рачинского уезда. Производимые здесь винные кувшины часто достигали огромной вместимости – до пятисот бутылей. От производителей этих кувшинов тре-

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 37.

² Ефименко А. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. Издание С.-Петербургского комитета о сельских, ссудосберегательных и промышленных товариществах. Вып. I. СПб., 1873. С. 4.

³ Кустарные промыслы Тифлисской губернии. Отчет 1890 г. И. И. Левашова // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. II. СПб., 1894. С. 69.

бовалось большое искусство. Производство «чури» велось на следующих основаниях: еще зимою сельская община, желающая запастись известным количеством винных кувшинов, договаривалась с какой-нибудь артелью. Сельская община по условиям договора обязывалась: а) поставить для артелей сырой материал (глину и песок); б) содержать артель во все время работы на своем иждивении; в) обжечь на своем топливе выделанные кустарями кувшины и г) дать в полную собственность кустарей половину выделанных ими кувшинов. За один сезон артель из шести человек успевала заготовить и обжечь до 50 больших или до 100 средней величины кувшинов. Полученные в свою пользу кувшины артель делила между собой так: одна половина их давалась четырем подмастерьям, а другая половина оставалась двум мастерам. Оставленные в свою пользу кувшины артель продавала тут же на месте. Заработок каждого мастера за 7–8 месяцев составлял около 100 рублей (не считая содержания, которое, как сказано было выше, шло от деревни), а заработок подмастерьев – до 50 рублей¹.

Сохранились также сведения о строительных артелях в Ахалкалакском уезде. Местные артельщики составляли партию в несколько человек, в свободное от полевых занятий время ходили по деревням своего сельского общества. Найдя работу по постройке каменного дома, они распределяли ее между собой: один член артели обтесывал камень, другой грубо укладывал его на возводящуюся стену, третий подправлял уложенный камень и т.д. По окончании работы артель делила между собой заработок и отправлялась дальше искать новой работы².

Все эти факты и многие другие, наверное, действительно способны «несколько поколебать то, по-видимому,

¹ Кустарные промыслы Закавказского края. Отчет 1891 г. К. Хатисова // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. II. СПб., 1894. С. 339–340.

² Там же. С. 342.

прочно установившееся, мнение, которое отдает понятие артели в какую-то исключительную собственность то славянского племени вообще, то русского народа в особенности»¹. Известно высказывание насчет артели классика марксизма Фридриха Энгельса, сделанное им в контексте полемики русских теоретиков об общине и артели: «Артель есть стихийно возникшая и потому еще очень неразвитая форма кооперативного товарищества и как таковая не представляет собой ничего исключительно русского или даже славянского»². Вместе с тем полное отождествление артели с кооперацией как ее архаичной и неразвитой формы – точка зрения, встретившая у многих исследователей серьезные возражения.

7.2. Артельные формы в западной цивилизации

Обычно западные формы экономического сотрудничества принято называть кооперацией. Эту тонкую грань между кооперацией и артелью мы рассмотрим в отдельной главе нашего исследования. В исторической практике многих западных народов мы находим подробные сведения об организации артельного промысла. Например, С. Н. Прокопович приводил данные об артелях рыболовов на германском севере, в Бремене, Шлезвиг-Гольштейне. Артельный наем (нем. *Gruppenakkord*; англ. *Working in pocket*) встречался в каменоломнях, рудниках, каменноугольных коях, на металлургических и машиностроительных заводах, среди плотников, каменщиков и землекопов, среди сельскохозяйственных рабочих, на канатных фабриках и шерстяных мануфактурах – в Германии, Франции, Швейцарии, Италии, Испании, Бельгии, Англии, Сев. Америке, Австралии и т.д.³

¹ Ефименко А. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. Издание С.-Петербургского комитета о сельских, ссудосберегательных и промышленных товариществах. Вып. I. СПб., 1873. С. 3–4.

² Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О кооперации. М., 1988. С. 63.

³ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 53–55.

В Англии встречались виды сельской взаимопомощи, очень напоминающие наши русские супряги, во время организации которых землю пахали сообща в один и тот же день. Несколько домохозяев сообща впрягали восемь быков в один плуг и пахали все наделы – *seliones* одного и того же поля – *furlong*. Об этих работах говорится как о труде, совершаемом «полюбовно» (*lovebones*), т.е. по чувству полной солидарности, как о взаимных услугах, дающих каждому право садиться за общий стол, устраиваемый феодальным владельцем. В зимнее время эти работы назывались *precariae hibernales*¹. Формы «общественной помощи» во время покоса и жатвы и прочих мирских артелей, организованных для совместной обработки земли, находим в Германии – *Flurzwang*. В Швейцарии общественные поля назывались *allmend*².

Похоже, что в теории и практике кооперации на Западе близкие к русской артели кооперативные формы не имели какого-то определенного статуса. Например, английская исследовательница кооперации первой половины XX века *Беатрисса Вебб* (урожденная *Поттер*) называла «первичные формы производительной кооперации», «встречающиеся повсюду, во все времена и во всех национальностях» – **бесформенной кооперацией** (!). «В настоящее время в Англии эта бесформенная кооперация групп рабочих, делящих продукт своего труда или общий заработок поровну или в определенных пропорциях между членами, сохраняется в примитивных отраслях промышленности – рыболовстве и разработке каменоломен. Более широкое распространение она имеет в несколько измененной форме подрядных работ в современной промышленности – в корнваллийских рудниках, на железодельных и машиностроительных заводах, в некоторых операциях в доках, требующих обученных рабочих. В

¹ Ковалевский М. Экономический строй России. СПб., 1900. С. 115.

² Там же. С. 118.

этих случаях известная промышленная операция доверяется предпринимателем или хозяином не надсмотрщику или подрядчику, а группе рабочих: рабочие получают подряд и прибыль, обыкновенно оплачиваемую за присмотр за ними. Но эта система кооперативных подрядов (господствующая, насколько я знаю, в своей наиболее совершенной форме в России) представляет собою, очевидно, одну из форм сдельной платы и не имеет никакого отношения к индивидуалистической теории кооперации, как средства для разрешения современного рабочего вопроса»¹.

С 80-х годов XIX столетия в Италии активно развиваются артели каменщиков, землекопов, тачечников, носильщиков, каменотесов, маляров, возчиков. Численность некоторых артелей достигала 2000–3000 человек². С 1891 года в Новой Зеландии большая часть железных дорог, шоссе, мостов, зданий изготовлялась государством при помощи артелей, такая «кооперативная система» была организована государством. Это было выгодно и государству (оно могло контролировать финансы), и рабочим (исключались подрядчики). Во Франции в 80–90-х годах XIX века существовали следующие артели: товарищество мостильщиков улиц, братский союз чистильщиков, землекопов, цементчиков, ассоциация каменщиков и землекопов, товарищество полотеров и т.д.³

По большому счету, успешному развитию производительной кооперации в Западной Европе предшествовала мощная пропаганда союзничества, соработничества, взаимного воспитания, основанного на проповеди участия в

¹ Potter. D. The Cooperative Movement in Great Britain. 1895. Pp. 117–118. Цит. по: Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 56–57.

² Тотомианц В. Ф. Артели в Италии // Союз потребителей. 1907. № 16–17. Приводится по: Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 176–177.

³ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Вып. I. М., 1908. С. 177–179.

прибылях и сотовариществе («копартнершип»), – *Labour Copartnership Association*¹.

Исследователи кооперации отмечали и отрицательные черты западных кооперативов. Например, характерной отрицательной чертой французских кооперативов (близких по форме русским рабочим артелям) являлось отсутствие деловитости и дисциплины. История производительной кооперации в Бельгии являлась своего рода отражением французского движения. В Италии производительная кооперация развивалась за последние годы XIX – начала XX столетия чрезвычайно быстро. Итальянские артели по сбыту труда назывались *braccianti*. Они имели своей задачей выполнение определенных поручений или подрядов и не работали ни на купца, ни вообще на рынок. В чем здесь заключается отрицательная черта? В Германии производительная кооперация получила ничтожное социальное и экономическое значение. В Англии «самоуправляющиеся мастерские» появились под влиянием идей «христианских социалистов». Осенью 1849 года эти христианские социалисты (Ф. Д. Морис, Д. М. Ледлоу, Чарльз Кингсли, Э. Ванситтарт Нил, Томас Хьюз) основали «общество поощрения рабочих ассоциаций» и дюжину производительных кооперативов портных, сапожников, слесарей, печатников, пекарей, фортепианных мастеров... Все эти кооперативы постигло крушение уже в первый год их существования².

На примере Англии можно условно выделить пять ветвей кооперативов:

- 1) независимые самоуправляющиеся мастерские по типу «христианских социалистов»;
- 2) кооперативы, созданные при содействии профессиональных союзов;

¹ См. Меркулов А. В. Производительная кооперация в Западной Европе (Изложение и разбор исследования С. и Б. Уэбб, представленного Фабианскому обществу). М., 1918. С. 20–27.

² Там же. С. 27.

3) акционерные рабочие компании, преимущественно в ткацком деле;

4) потребительная кооперация;

5) общество для пропаганды коопартнершипа (сотоварищества) *Labour Copartnership Association*.

Наиболее детально западноевропейские товарищества Германии и Франции в XIX столетии были охарактеризованы **А. А. Исаевым**. Западноевропейское товарищество вообще, по А. А. Исаеву, есть общение лиц, связанных началом равенства. Хозяйственное же товарищество – это объединение равноправных людей, преследующих хозяйственные цели¹. Исследователь выделял несколько слабых сторон товариществ: недостаточный капитал; недостатки управления, т.к. товарищества составлялись из лиц, далеких от торговых дел; несогласие между членами; отсутствие обеспеченного рынка; зависть предпринимателей-капиталистов и т.п. С другой стороны, цель каждого подобного товарищества – «дать членам большее благосостояние, поставить каждого в условия для наиболее выгодного ведения промысла»².

Кроме того, товарищества благотворно влияли на умственный уровень своих членов. С этой целью они стремились сократить число рабочих часов, отменить работу ночью и в праздники – словом, устранить те условия, которые действовали подавляющим образом на дух работника. Многие товарищества ставили самообразование членов в ряд своих важнейших задач. Обособленный, занятый исключительно ручным трудом работник отличался узким кругозором, но, как только он выходил из этого круга, вступал в непрерывное общение с подобными себе, начинал принимать участие в решении общих дел, его умственный кругозор расширялся. Таким образом, това-

¹ Исаев А. А. Промышленные товарищества во Франции и Германии. М., 1879. С. 5.

² Там же. С. 345.

рищества нравственно улучшали своих членов. Об этом свидетельствовал опыт организации вспомогательных и пенсионных касс. Некоторые специально устанавливаемые правила поведения запрещали пьянство, сквернословие, сплетни, клевету, оскорбления и т.п.¹ Помимо всего прочего, такие товарищества являлись и отличными технико-воспитательными учреждениями, в которых рабочее искусство достигало самой высокой степени.

7.3. Примеры из других культур

В балканских славянских странах аналогом русской артели была *задруга*. С деятельностью южнославянской задруги можно ознакомиться и сегодня. Некоторые исследователи весьма критично относились к балканскому опыту. Например, **А. А. Карелин** считал общие дома, общий стол, общую одежду совершенно лишними придатками артели. К тому же, как отмечал исследователь, сельская задруга чрезмерно эксплуатировала женский труд².

Весьма интересным и показательным является организационный опыт еврейской хозяйственной традиции. Большинство экономистов не считают еврейские *квуцы* и *киббуцы* кооперацией, т.к. в них производится распределение результатов труда по потребностям и тем самым ликвидируется хозяйственный интерес³ – тем не менее определенные параллели с артельными формами наблюдаются и в этих формах, в особенности в еврейских *мошавах* (сельскохозяйственных кооперативах), во многих отношениях напоминающих русские сельхозартели. Специфика еврейских коллективистских форм заключается в высокой степени их идеологизированности: в одних кооперативах это проявляется в религиозной форме, в других – в фор-

¹ Там же. С. 348–350.

² Карелин А. А. Общинное владение в России. СПб., 1893. С. 217.

³ См. Бруцкус Б. К теории кооперации // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 124–132.

ме идеологии самоуправления и своеобразного «народного социализма». Вообще многие исследователи отмечали большое влияние на сионистов-практиков идей русского народничества XIX века.

Б. Бруцкус видит важнейшим фактором в создании палестинской кооперации и коммун природную склонность еврейского народа: «Распространенность в еврейской массе организационных способностей привела к тому, что в хозяйственном строительстве еврейской Палестины кооперация получила исключительно большое значение, больше, чем в какой-либо другой стране. ...Своеобразная психология известной части еврейской эмиграции привела к тому, что коммунистические организации могут получить в хозяйственной жизни Палестины столь существенное значение, какого они не сумели приобрести нигде на свете»¹. Современный автор И. Джадан полагает, что новейшая еврейская кооперация имеет в основном российское происхождение и связана с инициативой, идущей от израильских иммигрантов из России и СССР.

По мнению В. В. Святловского, изучавшего историю касс и обществ взаимопомощи рабочих царской России, ранее других пролетарские объединения этой направленности в России организовало еврейство. Еврейские ремесленники Северо-Западного края рано стали устраивать особые общества, носящие названия *хевры*². При этом профессиональная борьба интересовала участников подобных объединений иногда больше, чем их первоначальная задача — взаимопомощь. *Хевры* — первоначально общества взаимопомощи, напоминающие французские *société d'assurance mutuelle* (общества взаимного страхования) и немецкие *Innungen* (гильдии). Внутренний строй их напоминал старые

¹ См. Бруцкус Б. К теории кооперации // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 131–132.

² Святловский В. В. Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих // Архив истории труда в России. 1922. Кн. 4. Ч. 1. С. 32.

польско-еврейские цехи, подготовившие почву для развития хевры; в каждой хевре имелся пергаментный свиток (*Pinckus*) с уставом хевры. При выборах правления хевры действовала довольно сложная система: все члены хевры жребием выбирали из своей среды выборщиков; эти выборщики опять-таки жребием выбирали из своей среды выборщиков второго порядка, и лишь эти последние прямым голосованием выбирали правление хевры. Хевры объединяли первоначально хозяев и рабочих. С конца XIX века хевры стали очень близки западноевропейским профессиональным союзам; такие хевры отмечались в табачном и кожевенном производствах и в типографском деле; в хевре рабочих кожевенного производства велась систематическая промышленная политика по типу промышленной политики английских *тред-юнионов* ¹.

7.4. Русская артель и западная кооперация

При сопоставлении русской артели с кооперативными формами на Западе можно встретить абсолютно противоположные точки зрения разных исследователей. В начале XX века видный отечественный экономист **С. Н. Прокопович** выдвинул предположение о том, что «аналогии русским артелям мы должны искать не в новейших промышленных товариществах, а в остатках артельных форм, кое-где еще уцелевших на капиталистическом Западе и давно уже известных европейским экономистам»².

Другой экономист дореволюционной России, А. А. Исаев, наоборот, утверждал, что «наши артели старинного типа не имеют почти ничего подобного себе в Западной Европе»³. В России, в отличие от Западной Европы, сложились более благоприятные условия для распространения артелей: рас-

¹ Там же. С. 33.

² Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 58.

³ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 307.

пространенность отхожих промыслов, община, наличие бесхозьяйственных лесов. Западная Европа исключала возможность образования артелей, напоминающих русские охотничьи или *общин* артели в силу большой густоты населения и других чисто географических факторов. «Густота же населения, оседлость рабочих классов делают столь рас пространенные у нас отхожие промыслы почти излишними на Западе; а в отхожих промыслах всего более осязательно сказывается полезность образования артелей, как для потребления, так и для производства. Но главная причина лежит в том, что земельная община, еще столь крепкая у нас, способная поддерживать в человеке склонность к артельному общению, давно разложилась в Западной Европе. В связи с распадением общины, с водворением среди крестьян права частной собственности на землю между отдельными представителями этого класса исчезло связующее звено, которое особенно облегчает образование артели. К этому превзошло более обильное накопление капиталов и большее развитие капиталистических предприятий во всех отраслях промышленной деятельности, а потому и применение наемного труда там, где у нас прилагается артельная форма. ...Наши артели древнего типа не находят соответствующих форм в Западной Европе. ...Но можно с полным правом сделать сравнение между французскими и немецкими товариществами и нашими артелями нового наслоения. Как одни, так и другие были обязаны своим происхождением деятельности сторонних лиц или учреждений, были в значительной степени искусственно насаждены; как в Западной Европе приложение артельного начала было явлением совершенно новым, так было ново и у нас по отношению к тем промыслам, в которых прилагалась артельная форма по почину отдельных лиц и учреждений; наконец, как в западноевропейских товариществах строй новых союзов, не имея руководящих начал в обычае, нуждался в искусственной организации, так и для наших артелей гвоздарей, сле-

сарей нельзя было найти в обычае руководство для многих сторон артельной жизни»¹.

По А. А. Исаеву, результатом сравнения наших артелей нового наслоения с французскими и немецкими является тот вывод, «что как одни, так и другие, не будучи исключительно плодом стихийного движения рабочих масс, были вызваны влиянием умственного течения, исходившего из наиболее развитых слоев населения. Только меньшая сила этого течения у нас и меньшая подготовленность почвы, а не какие-либо иные условия, были причиной меньших успехов созданных у нас артелей сравнительно с артелями Западной Европы»².

Ф. А. Щербина считал крупной натяжкой «отождествлять русские артели с западноевропейскими кооперациями. Известное сходство между теми и другими есть, но оно не идет дальше идейной подкладки. Тем и другим формам одинаково свойственна идея ассоциации сил и средств, но в артели эта идея – стихийного происхождения, а в западноевропейских кооперациях она служит сознательным началом для массы, ведущей борьбу с капиталистическим строем... Русские артели представляют лишь многочисленные группы одинаковых, но разрозненных явлений, обособленных и действующих независимо друг от друга. Западноевропейские же кооперативные формы, как, напр., английские *тред-юнионы*, проникнуты одним общим началом единства борьбы за интересы рабочего класса»³.

Современный исследователь русских форм труда О. А. Платонов сводит основные различия между артелью и западными кооперативными формами к следующим двум:

1) русские артели охватывают всего человека, связывают его круговой порукой, а западные ассоциации индивидуалистичны;

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 307–309.

² Там же. С. 317.

³ Цит. по: Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Изд. 2-е, переработанное и дополненное автором. Т. 1: Вып. I. Классификация и определение кооперации. Пг., 1919. С. 68.

2) артель во главу угла ставит не только материальный интерес, но и духовно-нравственные потребности личности¹.

С точки зрения авторов настоящего труда, существующие параллели и аналогии в развитии кооперативных форм в России и на Западе свидетельствуют о различных культурно-исторических типах трудовой и социальной организации. Это различие не сводится лишь к зрелости и степени проникновения в экономику капиталистических отношений, как то полагал Ф. Энгельс. Сама логика взаимодействия и взаимовлияния новых социальных форм и старого артельного уклада в России своеобразна, непохожа на логику западного социального развития. К этой теме мы вернемся в 5-й части нашего исследования.

¹ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 57–58.

ЧАСТЬ II. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

1. О происхождении артелей

Решение вопроса о происхождении артелей и факторах, повлиявших на их зарождение и распространение, весьма затруднено из-за малочисленности древних источников и крайней скудости той информации, которой располагает современный исследователь. В литературе, посвященной истории артелей, бытует несколько различных точек зрения на вопрос об их генезисе. Прообраз артели пытались искать то в военных союзах, то в семье, то в сельской общине; при этом выделялись не только единичные артелегенные факторы¹, но и их комплексы. Отмечая нехватку источников XIII, XIV и XV столетий, историк Калачов указывал на нее как на причину дефицита сведений о феномене артели той поры, тем не менее «на существование его в этот период времени указывают довольно ясно как известия, сохранившиеся в памятниках о торговых и других складчинах и ватагах, так и название *товарищей*, которое давалось складчикам»². Наконец, Калачов заключает: «Имея в виду эти данные, мы не сомневаемся связать их непосредственно с теми сведениями, какие во множестве находим о существовании у нас артельных союзов в XVI и особенно в XVII веке»³. И в это время,

¹ То есть факторы, благодаря которым возникли и развивались артели.

² Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 3.

³ Там же.

и в более раннее встречалось множество военных групп, которые в основе своей имели порядки, близкие к артельным.

Военный союз как прообраз артели. Исаев отмечал, что в предшествующее XVII веку время формы подобные артельной назывались складчинами, ватагами и дружинами¹. Отдаленным прототипом артели Исаев считал союзы военного характера. Таковы были «повольники» и «ушкунники», которые отчасти способствовали колонизации новых земель, но нередко промышляли набегами и грабежом. Несмотря на это, по мнению Исаева, хозяйственный характер подобных артелей не полностью утрачивался, поскольку захват добычи выступал в данном случае в виде своеобразного производства, «продукты» которого потреблялись совместно². В более позднее время среди донских казаков были известны суммы – военно-промышленные и общежительские артели. И. И. Дитятин первообраз артелей также усматривал в союзах военного характера, однако, в отличие от Исаева, предтечу артелей он видел в древнейших дружинах варяго-русских князей³.

А. Г. Кузьмин полагал, что татарское разорение лишь способствовало формированию артелей военного характера. «Перемещенные лица» (то есть те, кто бежал от татарского гнета), не желавшие или не умевшие закабалить себя в качестве холопов или закупов, на новых местах должны были принимать сложившиеся там порядки. В основном это были северные пределы Руси, входившие в зону влияния Великого Новгорода. Здесь не было феодальных форм зависимости и феодальной собственности в полном смысле этого слова, и не находившие себе места новоприходцы сбивались в артели и ватаги ради выживания. С конца XIII века новгородские летописи упоминают «молодцев» –

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 9.

² Там же. С. 33.

³ Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895.

«лодейников», отражавших нападения из «заморья» свеев и немцев и совершавших набеги на приграничные территории. Со второй половины XIV века в летописях Северо-Восточной Руси упоминаются походы «ушкуйников», то есть тех же «лодочников» (ушкуи – лодки) – своеобразных предтеч будущего казачества. Теперь они промышляют по Волге и Каме, стремясь ограбить прежде всего татарские суда и татарских купцов (при этом обычно убивая татар), а при случае грабя и русские поволжские города. Из Орды русским князьям постоянно поступали требования укротить ушкуйников, эти требования переадресовывались новгородским властям, а те отговаривались «экстерриториальностью» ватаг ушкуйников¹.

Щербина сближал артели с воинскими союзами лишь отчасти, полагая, что «начало военное, совершенно утратившее в настоящее время всякое значение, служило для некоторых форм в былые времена весьма сильным внешним стимулом, отразившимся исключительно на личной организации членов»². Прототипом для многих артелей являлась Запорожская Сечь. Это относится к таким союзам, как чумацкие валки, заброднические ватаги³, артели запорожских охотников и севастопольских лоцманов, артели днепровских речных рабочих, малорусских торговцев-ходебщиков. Со временем военное начало все более ослабевало.

Военное начало, в отличие, например, от трудового, воспринималось большинством исследователей как внешний фактор – ведь участие в военных столкновениях нельзя было рассматривать как основную суть артели. И если на

¹ Кузьмин А. Г. Община и общежитийные монастыри в XIV веке // Вопросы российской и всемирной истории. Материалы V научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьных курсах». Арзамас, 2002. С. 189.

² Щербина А. Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 112.

³ Заброднические ватаги – артели рыболовов на юге России. Забродчик – тот, кто рыбачит с неводом.

заре Русского государства военно-промысловые товарищества были весьма распространены (хотя это никак не исключает и существования наряду с ними иных видов артелей), то в более позднее время можно наблюдать широкое развитие артелей, действующих уже преимущественно на хозяйственном поприще. В то же время военный характер древних ватаг и дружин наложил отпечаток на русскую артель в ее генезисе – усиливая ее демократизм, следование принципу равенства прав в сочетании с иерархичностью и дисциплиной.

Семья как образец и прототип артели. Как уже отмечалось, некоторые исследователи сближают артель с институтом семьи. Герхарт Шульце-Гевеверниц объяснял происхождение артели следующим образом: «Когда человеку приходится оставить естественную группу, семью, он соединяется в новые искусственные группы. Артель, подобно своему прототипу, семье, носит, с одной стороны, производительно-товарищеский характер, и в то же время является союзом для организации потребления. Она охватывает всего человека и связывает его с внешним миром круговой порукой»¹. В то же время, объясняя конкретный генезис артели, Шульце-Гевеверниц указывает на то, что она выросла из **отхожих промыслов** (формы народной промышленности).

Схожий взгляд был у профессора Казанского университета Георга Штера: он выводил артель из первобытной семьи и семейной общины. По его мнению, организация артелей обычно происходила следующим образом: «Когда в силу разнообразнейших причин часть членов общины должна была уйти, для добывания ли средств к жизни или другой цели, эти уходившие члены были предоставлены исключительно своим собственным силам, они образовывали для себя временную общину, основанную как на общности своего происхождения и естественной связи между собой,

¹ Шульце-Гевеверниц Герхарт. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России / Пер. с нем. Под ред. Б. В. Авилова и П. П. Румянцева, предисловие П. Б. Струве. СПб., 1901. С. 7.

так и на общности предприятия и ожидающих членов опасностей, работ и удовольствий»¹. В то же время Штер, сопоставляя артель с семьей, считал предпочтительным для успеха артельной деятельности, чтобы артельщик не имел собственной семьи. Артель виделась Штеру своеобразной моделью семьи, она даже могла заменить артельщику семью, семья же в такой ситуации, по мнению исследователя, оказывалась помехой². Главная цель артели не в хозяйственной деятельности, а в создании во время вынужденного разрыва артельщиков с семьей некоего образования, подобного семейному. Сравнивая артель с «патриархально-семейным общежитием», он проводил аналогию между ролями руководителя артели и отца в семействе. Общее собрание Штер считал новшеством, чуждым артели институту. Руководителю артели самым актом избрания передается совокупная законодательная, административная и судебная власть в артели, и, сверх того, утверждает Штер, руководитель относительно выполнения своих властных полномочий не подлежит никакому контролю. С утратой семьей своего патриархального характера должны были исчезнуть, по мнению Штера, и условия для образования артелей. Доказательство тому Штер усматривал в том факте, что высшие классы России XIX века давно уже изжили наследие патриархальной семьи, а потому и артелей не создавали³.

Среди видных исследователей артелей также и Щербина полагал, что «в основе организации большинства общинно-артельных форм лежит семья и вытекающие из нее отношения»⁴. На семейный характер русской артели указывает и современный ее исследователь О. А. Платонов⁵.

¹ Цитируется по: Акимов В. В. О существовании русской артели // Вестник права. 1901. № 6. С. 125–126.

² Акимов В. В. О существовании русской артели // Вестник права. 1901. № 7. С. 145

³ Там же. С. 147, 152.

⁴ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 69.

⁵ Платонов О. А. Русский труд. М.: Современник, 1991. С. 56.

Исследователь промышленной кооперации В. Г. Егоров полагает, что артели «несли в себе облик патриархальной семьи», черты которой он, в частности, усматривает в том, что она заботилась «о моральном состоянии своих членов»¹. При этом «историческая связь с патриархальной семьей обусловила наличие в кооперативных объединениях “генетической памяти” традиционных черт, конкретно проявлявшихся в организационных принципах, нравственных нормах и хозяйственных устоях»².

Е. Д. Максимов (Слобожанин) в одной из своих работ сосредоточился на описании наиболее заметных различий артели и семьи. В частности, он обратил внимание на то, что число членов артели может быть более значительным, чем в семье. Равноправие в артели сильнее выражено, основой тому служит добровольный характер объединения, тогда как родственное происхождение членов не способствует равноправию. В традиционной патриархальной семье существовал диктат ее главы (большака), а в артели старосту, как правило, избирают, и он может быть смещен. Кроме того, цели артельной деятельности отличаются от многих целей семьи (как, например, рождение и воспитание детей) и могут быть по содержанию своих занятий весьма разнообразны, в отличие от целей, обычно связываемых с семейной жизнью³. Все это еще раз подчеркивает, что семья и артель представляли собой полюса сложной диалектики крестьянского жизненного мира, во многом противоположные, разнонаправленные в плане личного выбора индивидуума (семейный человек менее пригоден для «легкой на подъем» артели), в то же время эти начала были пронизаны глубоким родством,

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): Монография. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. С. 91.

² Там же. С. 71.

³ Максимов Е. Д. (Слобожанин М.). Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском Кооперативном Институте. Изд. 2-е. Боровичи, 1919. С. 10–12.

общими принципами и ценностями, общей культурой. По мысли артельного «батьки» Н. В. Левитского, «так как теперь почти нет больших семейств, то надо составлять такие товарищества, как большие семейства – для общего хозяйства, хотя и из чужих людей, чтобы силу взять и составить большое хозяйство, – с хорошими посторонними людьми легче бывает сговориться, чем с родственниками»¹.

Крестьянская община как исток артельности. Точка зрения, согласно которой русская крестьянская община служит своеобразным истоком артельных форм, который не только привел к их появлению на Руси, но и постоянно поддерживал и подпитывал их существование – была широко распространена. А. И. Герцен считал артели передвижными общинами. Это определение как будто подтверждалось такими фактами, когда целые общины организовывали артель (в Вологодской и Архангельской губернии деревни нередко образовывали артель по обслуживанию почты и переводов). Вместе с тем в целом по России данные факты представляли собой случай, а не повсеместное явление.

К. Н. Леонтьев в статье «А. И. Кошелев и община» высказывал мнение, что способность русского народа составлять свободные артели воспитана в нем принудительной поземельной общиной, крестьяне свободно соглашались подчиняться артельной ассоциации по аналогии с подчинением миру, народному сходу².

Подход к общине как генетическому архетипу для артели среди исследователей получил развернутую аргументацию. Н. В. Калачов усматривал первые следы прото-артельных союзов еще в «Русской правде», где речь идет о наличии круговой поруки в верви. Вервь должна была выплачивать так называемую дикую виру за убийство,

¹ Левитский Н. В. Артельный договор для земледельческих артелей. Елизаветград, 1900. С. 4–5.

² Леонтьев К. Н. А. И. Кошелев и община в московском журнале «Русская мысль» // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 2007. С. 527.

произошедшее на ее территории¹. По вопросу о том, что представляла собою вервь, в литературе существуют различные взгляды. Часть исследователей (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Б. А. Романов, И. И. Смирнов, Л. В. Черепнин и др.) видела в ней кровнородственную общину, другие (С. В. Юшков) – соседскую. Существует и промежуточная точка зрения: например, И. Я. Фроянов полагает, что вервь, «вероятно, сочетала в себе родственные и соседские связи, элементы общинной и индивидуальной собственности, занимая промежуточное положение между семейной общиной и территориальной»². Известный специалист по истории Древней Руси А. Г. Кузьмин утверждал, что «у славян, насколько можно проникнуть в глубь веков, община была территориальной»³. Кровно-родственные отношения прослеживаются у полян, которые, возможно, являлись изначально неславянским пришлым (вторая четверть X века) населением. Кровно-родственной общине и кровнородственной семье была свойственна иерархичность: младшие должны были подчиняться старшим; среди семей, входивших в общину, также выстраивалась иерархия. Вряд ли подобные условия жизни благоприятствовали созданию артелей. Другое дело – территориальная община с ее порядками самоуправления. Можно предположить, что истоком для свободной артели, основывающейся на добровольности участия ее членов, могла быть именно соседская или территориальная община, где жесткие родственные скрепы преодолевались и выходцы из общины могли строить свои отношения на более равноправных основах.

А. И. Чупров в своем исследовании усматривал сущность артели в природной склонности русского человека

¹ Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России // Кооперация. Страницы истории: избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: В 3 т. М., 2001. Т. 1. Кн. 1. М., 1998. С. 308.

² Фроянов И. Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 31.

³ Кузьмин А. Г. Мародеры на дорогах истории. М., 2005. С. 23.

действовать сообща. По его мнению, Россия покрыта множеством доморощенных ассоциаций, артелей, слагающихся самобытно, без всякого воздействия теоретической мысли. При этом вступающие в артель лица должны удовлетворять трем предварительным условиям: 1) люди еще до соединения в артель были близки между собою, хорошо знали друг друга, взаимно доверяют друг другу; 2) вступающие должны иметь не только понятие и желание совокупной деятельности, но и некоторый навык к ней: способность понимать общий интерес и проникаться им, способность подчинять личный эгоизм требованиям общего дела. Нравственные навыки приобретаются постепенным дисциплинированием воли и продолжительным упражнением, от чего зависит успех артели; 3) другие, более близкие интересы, нежели тот, во имя которого люди соединяются, не тянули их врозь.

По мнению Чупрова, три явления, глубоко пустившие корни в русской почве: поземельная община, артельное начало и мелкие промыслы – обнаруживают заметное внутреннее сродство. «Община носит в себе органические зародыши свободной артели и сама собою напрашивается на введение промыслов»¹.

Современный историк кооперации А. А. Николаев «исходным пунктом артельного движения» в России считает крестьянскую поземельную общину: «Крестьянство исстари начало формировать в своей среде трудовые и производственные артели, которые воспринимали правовые и этические формы сельской общины. Значительная часть артелей создавалась на основе письменного договора с сельским сходом – органом общинного самоуправления. Сельские сходы определяли условия и правила функционирования создаваемых артелей»². С. Н. Кривенко описы-

¹ Чупров А. И. Мелкая промышленность в связи с артельным началом и поземельной общиной // Речи и статьи. М., 1909. Т. 1. С. 33–58.

² Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 25.

вал целый ряд случаев взаимопроникновения и взаимного перехода общинных форм в артельные: «...И артельное производство может перейти в общинное, и община может придать некоторым сторонам своей хозяйственной деятельности артельную организацию, и в одной и той же общине могут быть несколько различных и вполне уравнивающих и уживающихся друг с другом артельных производств»¹.

Известный русский экономист В. П. Воронцов подмечал, что «бытовая артель распространена наиглавнейшим образом среди населения, наряду с промыслом занимающегося и земледелием». Это объясняется наличием в крестьянской общине самоуправления в виде сельского схода, на котором принимаются как хозяйственные, так и административные решения. «Таким образом, – убежден Воронцов, – земледельческое население, в особенности пользующееся землей на общинном праве, в сфере сельскохозяйственной деятельности получает некоторое воспитание для общественного ведения предприятий, что, при известных условиях, может отразиться и на организации его промыслового занятия»². С. С. Маслов объяснял интерес к земледельческим артелям у русского крестьянства начала XX века наличием общинной организации, а также и распространенностью в их среде социалистических взглядов³.

Противником сближения кооперативных форм и общины был Б. К. Бруцкус, он видел у них важные различия. «Сельская община возникла органически, – писал Бруцкус, – в нее вступали и обычно даже не могли выделить из нее своего хозяйства. По терминологии недавно скон-

¹ Кривенко С. Н. На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). Изд. 2-е. М., 1901. С. 193.

² В. В. ([Воронцов В. П.]) Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 69.

³ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 16.

чавшегося германского социолога Тенниса (Toennies), такое социальное образование, как сельская община, есть общность (Gemeinschaft). Но кооперация не является органически возникшей общностью. Это сознательно созданное объединение для достижения определенных хозяйственных целей; в такое объединение не врастают, а добровольно вступают и из него добровольно выходят. По терминологии Тенниса, кооперация есть не общность (Gemeinschaft), а общество (Gesellschaft)¹. И хотя Бруцкус, по всей видимости, артель к кооперации не относил, все же данная точка зрения, как представляется, указывает на существенное различие между артелью и общиной.

Однако в реальности между артелью и общиной встречалось множество образований переходного характера. Например, Щербина отмечал частое слияние в ряде трудовых форм артельного начала с общинным². Это слияние весьма заметно в таких формах, как толока, обычай «спрягаться», в артелях половинщиков и артелях с части, артелях нежинских табачниц, в некоторых земледельческих артеле-общинных формах, артелях «чередников», почтовых артелях.

Помимо того можно выделить целый ряд общих явлений в жизни артели и общины:

- 1) принятие решений сообща;
- 2) традиции совместного труда, породившие своеобразную этику;
- 3) круговая порука;
- 4) распоряжение общей собственностью;

Само по себе наличие внутриобщинных социальных феноменов, предельно близких по своей сути артели (помочи, супряги, общественные запашки и т.д.), служит сильным аргументом в пользу той точки зрения, что община и артель генетически связаны. Исторически они

¹ Бруцкус Б. К теории кооперации // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 125.

² Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881.

представляли собой либо взаимопроникновение двух моделей социальной жизни, либо прямое порождение одной моделью (общиной) другой (артели как временной формы, отпочковывающейся от общины – в частности, отхожие промыслы, отъезды на заработки, занятия ремеслом зимой и мн. др.). Как мы уже отмечали во Введении, русский крестьянин от 6 до 8 месяцев в году не был занят земледелием, и это время, свободное от главного занятия, представляло собой не что иное, как артелегенную нишу, то ментальное пространство, в котором деятельный ум и творческие способности искали себе применения.

Артель как выражение идеи самозащиты и взаимопомощи. Этот подход исходит из некой изначальной склонности людей к кооперативной деятельности в целях самозащиты. На этой точке зрения стоял дворянин, входивший в кружок князя Васильчикова, А. В. Яковлев (1835–1888), который полагал, что «ассоциации, представляя собою идею самозащиты, должны были существовать во все времена». «Всегда, когда экономические препятствия были признаваемы народом, когда народ приходил к убеждению, что единичные усилия недостаточны для преодоления их и когда этому не противодействовали общественные постановления и не влиял на общественную среду фанатизм, заставляющий считать эти препятствия неизбежными и неустраняемыми, – словом, где только являлась сознательная возможность преодолеть экономические затруднения путем соединенных усилий – везде являлась ассоциация»¹. В подобном духе высказывался и теоретик анархизма П. А. Кропоткин, рассматривая взаимопомощь в качестве фактора эволюции человеческого общества: «Склонность людей ко взаимной помощи имеет такое отдаленное происхождение и она так глубоко переплетена со

¹ Яковлев А. В. Ассоциация и артель // Русские общественные вопросы. СПб., 1872. С. 260–287.

всею прошлою эволюциею человеческого рода, что люди сохранили ее вплоть до настоящего времени, несмотря на все превратности истории»¹.

Идея самозащиты у А. В. Яковлева фактически звучала как концепция адаптации крестьянства к меняющейся социально-экономической ситуации. С его точки зрения, недостаточное сознательное представление членов ассоциации о ее целях как самозащиты от того или иного внешнего препятствия имеет последствием то, что самая ассоциация искажается, отступает от своей главной непосредственной цели и принимает «вредное» направление. В качестве примеров отступления от «коренной» задачи самозащиты он приводит рочдейльскую ассоциацию, ряд французских производительных кооперативов, а также и некоторые русские артели, где происходит расслоение на привилегированных членов и «подручников», за счет которых первые извлекают различные выгоды².

Идея самозащиты встречается и в позднейшей литературе. Так, например, Л. В. Данилова в своей работе, обращаясь к теме пореформенного состояния русского крестьянства, отмечает, что крестьяне держались за традиционные формы самоорганизации не только в силу необходимости, как дополняющую семейное хозяйство производственную кооперацию, но и как за институты, обеспечивающие социальную защищенность, представляющие опору в классовой борьбе³. Иными словами, концепция самозащиты исходила из презумпции альтернативного капиталистическому пути развития, потенциал которого таился в старых народных формах самоорганизации и взаимопомощи и раскрывался в лучших кооперативных инициативах XIX века.

¹ Кропоткин П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М., 2007. С. 174.

² Яковлев А. В. Ассоциация и артель // Русские общественные вопросы. СПб., 1872. С. 260–287.

³ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 313.

Географический фактор. Колонизация русскими огромных пространств требовала сплочения и совместных действий. Поэтому группы первопроходцев нередко создавались на артельных принципах. Именно эту точку зрения отстаивал Исаев. «Обширность страны, – был убежден Исаев, – ее пустынность, несовершенство технических приемов, невозможность успехов в единоличной работе побуждали наших предков к образованию союзов, способных облегчить каждого члена в достижении его жизненных целей»¹. В. О. Ключевский большое внимание уделял влиянию географических факторов на общество восточных славян. Так, например, по его мнению, «русская река приучала своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности... Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному артельному действию»². Многие исследователи склонны считать переселенческую переходную форму своеобразным видом артели, причем артельный характер община переселенцев имела не только в ходе самого передвижения на новое место, но и некоторое время после заселения на это место. Артельные принципы организации труда и взаимодействия требовались в экстремальных условиях подготовки места к дальнейшему проживанию (устройство временных жилищ, корчевка леса, подготовка пахотных земель, строительство изб и дворов и т.д.)³.

Любопытный пример переселенческого процесса описан в работах С. Н. Кривенко. В 1894–1896 годах из Полтавской и Черниговской губернии на Алтай было переселено более 800 крестьянских семей (домохозяйств). Инициатором был землевладелец И. П. Нечволодов, выступавший как доверенное лицо крестьян. Как определял Кривенко,

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 30.

² Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1997. С. 55.

³ Федорова О. К. Традиционные формы коллективного труда в России: социологический анализ. М., 2002.

специально созданный для переселения союз представлял собой не что иное, как артель-общину¹. В договоре артели было зафиксировано, что крестьяне соединяются в артель, с одной стороны, согласно с заповедью Господа нашего Иисуса Христа: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», а с другой стороны – хотят «достигнуть всех тех житейских благ, которые возможны только при той материальной и нравственной силе, какую представляет из себя такая большая артель»². Артель имела классическую демократическую организацию, артельный капитал, используемый в ходе переезда, разверстывала землю в соответствии с заключенным договором, зерно, выращенное на новых пашнях, ссыпалось в общественные амбары и продавалось крупными партиями. Данный пример, несомненно, характеризуется большим влиянием на крестьян-переселенцев идеологии кооперации, организатора и проводника этих идей – И. П. Нечволодова. Однако большой наплыв желающих переселиться на Алтай говорит о приемлемости и привлекательности предложенных условий и форм социальной организации для крестьян. При этом меньшая часть домохозяйств (около трети) предпочла не подписывать артельный договор и переселялась отдельными семьями³. Известна и еще одна артель для переселения на Алтай, организованная В. Т. Зиминым в 1894 году и состоящая из четырех семей (всего 30 человек), которым была выдана ссуда в размере 800 рублей на 5 лет⁴.

Многофакторный подход. В литературе, посвященной исследованию русской артели, помимо попыток обнаружить тот или иной ее прообраз исследователи выделяют

¹ Кривенко С. Н. На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). Изд. 2-е. М., 1901. С. 206.

² Там же. С. 198.

³ Там же. С. 232.

⁴ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 180.

различные комплексы факторов, которые привели к формированию и распространению артелей в России. Так, анализ работы Исаева «Артели в России» показывает, что для ее автора имели значение следующие факторы: географический (обширность страны), демографический (ее малолюдность), примитивность техники – все это требовало от русских людей усилий и действий сообща¹.

О. К. Федорова в своем диссертационном исследовании, посвященном изучению артели и общины, выделяет четыре группы «артелегенных» факторов.

1) Социальная природа человека – его склонность к сотрудничеству.

2) Историко-географические особенности России. Федорова в данном случае принимает во внимание «короткий сельскохозяйственный сезон, побуждающий к максимальным трудовым усилиям в жестко ограниченный промежуток времени, постоянное освоение новых земель – колонизация, требующая объединенных усилий; военные опасности...».

3) Социокультурный фактор. Единство, взаимопомощь, согласно Федоровой, являются базовыми ценностями русской культуры, чертой национального менталитета.

4) Специфика трудовой деятельности в России, или «характер труда». Под этим исследовательница подразумевает то, что «многие виды труда, распространенные в России – рыболовство, добыча золота, подсечное земледелие, рубка леса, извоз, морские промыслы, добыча соли, – наиболее успешно могут осуществляться именно артелями»².

В. Б. Шепелева обращает внимание на четыре глубинных пласта, которые, по мнению Г. П. Федотова, лежат в основе народной религии и этики. Исследовательница полагает, что они приложимы и для истолкования сущности отечественной кооперации: родовая религия Матери-

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 30.

² Федорова О. К. Традиционные формы коллективного труда в России: социологический анализ. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2002. С. 17–18.

земли, отраженная в общинной психологии; закон Церкви, ее ритуалистичность; «богородичный», каритативный пласт народной религии и этики, выраженный в ценностях солидарности и соборности. «Наконец, выявляемый в духовных стихах высокий уровень трудовой этики с категорическим неприятием алчности, скопидомства», и даже, напротив, «особо любовная трактовка нищенства и бедности», по мнению Шепелевой, давали важнейшую основу кооперации как хозяйственного объединения, а также гарантии от вырождения ее в торгашеские, спекулятивные, паразитарные предприятия¹.

В. Г. Егоров, указывая на связь артели с патриархальной семьей, с другой стороны, указывает на то, что практика так называемых помочей также могла приводить к зарождению артелей. Например, «помочь» оказывалась попеременно то одному, то другому мастеру, так что наиболее трудоемкие операции производственного цикла были обобществлены и фактически представляли собой зачаточные формы кооперативной организации². Наконец, община также не могла не оказывать влияния на появление и деятельность артелей. «Разнообразные общинные установления так или иначе повседневно влияли на кооперацию. Имея и без того много родственных черт, обусловленных единством формирующей их цивилизации, кооперация как бы приспособлялась к обстановке, детерминируемой общиной»³.

Какой общественный институт стал прототипом артели? Однозначный ответ здесь вряд ли возможен. Во всех

¹ Шепелева В. Б. Отечественное кооперативное движение с точки зрения русского менталитета: возможные перспективы // Кооперация как компонент рыночных отношений: проблемы теории и истории. Вып. 2. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1997.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): Монография. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. С. 73.

³ Там же. С. 74.

перечисленных формах объединения людей мы можем обнаружить как сходства с артелью, так и существенные расхождения. Тем не менее именно территориальная община представляется благодатной почвой, на которой расцвела и распространилась артельная практика. Военно-промысловые союзы явились лишь одной из форм проявления артельного начала на Руси и ушли в прошлое со сменой исторических эпох в результате формирования мощного в военном плане государства. Семейные кровно-родственные отношения отчасти находили свое выражение в патриархальности артели. Однако товарищеский союз, имеющий добровольный и в достаточной мере равноправный характер, мог развиваться скорее на основе территориальной соседской общины, служившей органичной средой для зарождения протоартельных отношений.

Специфика сфер деятельности артелей предполагала объединение усилий группы лиц. Покидая общину для каких-либо промыслов, крестьянину важно было объединяться с другими такими же общинниками, так как в рамках традиционного общества принадлежность к какой-либо общности или корпорации была насущно необходима. Радикальный индивидуализм в этих обстоятельствах труднопредставим. К тому же покидать общину в одиночку было делом опасным. Наконец, для образования конкретной артели важен был и субъективный фактор. Требовалось наличие лидера-организатора и группы активистов, способных сформировать артель и направить ее деятельность в нужное русло. Несомненно, артели могли возникать лишь по инициативе лидеров, застрельщиков, энтузиастов, умевших увлекать общим замыслом и в то же время предлагать наилучший способ выживания в сложных материальных условиях. Со временем регулярно возникавшие в одной и той же местности артели сами становились традицией, и опыт прежних артелей направлял

и санкционировал создание новых союзов, рассматриваемых как продолжение дедовского промысла¹.

2. Артели в старой России

Как мы уже отмечали выше, само слово «артель» встречается только в источниках, относящихся к XVII веку. В более ранних документах упоминаются дружины и ватаги, а подчас исследователи вынуждены строить свои предположения о существовании артельных форм и на более скудном материале: как правило, это весьма обрывочные и далеко не полные упоминания о тех или иных коллективах, занимавшихся промыслами и ремеслами. С целью обоснования существования артелей до XVII века применяются ретроспективные гипотезы, в основе которых лежит предположение о том, что в более раннее время в ряде отраслей использовались артельные формы организации труда. И хотя это не находит доказательного подтверждения в источниках, тем не менее на основании более поздних документальных свидетельств достоверно известно, что в данных отраслях по большей части действовали именно артели. Известно, что в XI веке некий норманн привез королю Альфреду моржовые клыки и кожи с Белого моря, от 1159 года имеются сведения о том, что новгородский князь Ростислав дарил Святославу «рыбьи зубы»². В XVII веке охотой на морского зверя на Белом море занимались преимущественно артелями, поэтому с большей или меньшей долей вероятности мож-

¹ «Артельные обычаи, раз сложившись, переходили из рода в род, усваивались каждым с ранней юности, делали излишним специальное регулирование каждой отдельной артели и упорядочивали все проявления жизни целой группы однородных союзов» (Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 103).

² Ефименко А. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. Вып. I. СПб., 1873. Там же. С. 8.

но предположить, что и в XI, и в XII веках эти промыслы были организованы на сходных началах.

От XI века мы имеем свидетельство об организации князем Изяславом Ярославичем (1054–1078) строительства церкви: «Пришед же в един день, виде церковь святою ветху сущю. Призвав *старейшину древоделям*, повеле ему церковь взградити в имя святого, назнаменава же и место близ ветхия церквы перваго места. ...*Старейшина* же ту абие *сбра вся сущая под ним древоделя*, сконцав же повеленое ему от благовернаго князя и в мале дньий взгради церковь на назнамене месте, и взда ричие князю, яко скончана бысть церквы. Иже, слышав, посла к властелину града того, рекый: “*даю им* от дани княжи украсить церковь”. Он же вскоре повеленая ему створи»¹. Предполагается, что «древодели» были организованы в артель, которую и возглавлял старейшина. М. Н. Тихомиров считал, что фраза «даю им от дани княжи украсить церковь» свидетельствует о том, что союз древоделей был независим от князя. «Это корпорация, – поясняет историк, – с выборным старшиной, берущая подряды на строительство и украшение церквей. Случайно собравшиеся люди не могли построить обширные киевские, черниговские, новгородские, владимирские и другие храмы. Надо было обладать не только профессиональным умением (например, в резьбе по дереву), но и элементами средневекового образования, чтобы покрывать стены Дмитриевского собора во Вла-

¹ Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Сост. Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 21. «Придя же в один из дней, увидел святую церковь в ветхом состоянии. Позвав начальника (старейшину) плотников, повелел ему возвести во имя святого церковь, указав и место для этого, около старой ветхой церкви. Начальник (старейшина) же тотчас собрал всех имеющих у него плотников и рассказал им о повелении благоверного князя. И в течение короткого времени построил церковь в указанном месте, и сообщил князю, что постройка церкви завершена. Князь, узнав об этом, послал к правителю того города, сказав: “Даю им (часть средств. – А. М.) от дани князя украсить церковь”, – и правитель города вскоре сделал, что ему было велено» (перевод А. С. Мелькова).

димире и подобных ему церковей композициями, притом не церковного, а светского характера»¹. У Б. А. Рыбакова встречается упоминание о том, что «солеваренное дело в Старой Русе находилось в руках небольших товариществ, состоявших из 3–5 “суседей”, или “сябров”»².

В княжеской резиденции в Вышгороде существовало объединение «огородников», то есть строителей: «бьяше человек Вышегороде *старейшина огородником*, зовом бьяше Ждан по мирскому, а в хрщении Никола»³. Тихомиров отмечает, что староста Ждан Микула известен также и тем, что, по-видимому, являлся участником съезда Ярославичей в Вышгороде в 1072 г. при разработке Правды Ярославичей⁴. Все это говорит о том, что строительные объединения были достаточно близки князю, и это не случайно, ведь именно от князя чаще всего и поступали самые крупные заказы на строительство.

Некоторые исследователи обращали внимание на наличие протоартельных черт у бродячих коллективов исполнителей духовных стихов и песен. Так, например, И. Г. Прыжов считает таковыми, ссылаясь на песни калик перехожих, ряд положений их устава, запрещающего под страхом казни («окопать по шею в сыру землю» и оставить в чистом поле) кражи, ложь, блуд и другие нарушения артельных правил⁵.

А. А. Папков в своих изысканиях по истории древнерусской общины выводит протоартельные формы из среды пришлых, нетяглых людей, которые проживали в общи-

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Издание 2, дополненное и переработанное. М., 1956. С. 135.

² Рыбаков Б. А. Ремесло в Древней Руси. М., 1948. С. 702.

³ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 63. «Был в Вышгороде человек, начальник (старейшина) строителей, именем Ждан, а в крещении Николай» (перевод А. С. Мелькова).

⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 136.

⁵ Прыжов И. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. М., 1996. С. 117.

нах на особых правах: «Это были разные пришельцы, приемыши, бобыли, посуседники, носившие общее типичное название “захребетников”. Не связанное с общиной землею, это подвижное население, пользуясь свободой, всего охотнее и скорее соединялось в так называемые ватаги (позднейшее название – артели) для целей промышленных, охотничьих, земледельческих, а также торговых... Из этой же вольницы создавались ушкуйнические шайки с целями военными и прямо разбойническими»¹. Папков описывает богатое разнообразие древних ватаг: «Встречаясь еще в глубокой древности с самобытными рабочими, промышленными и торговыми “ватагами-складчинами”, мы находим в их организации указания на то, что они составляли в полном смысле слова товарищества равных между собою лиц, которые согласились отвечать друг за друга (“голова в голову”) и действовать в принятом на себя предприятии “заодно”, со взаимным ручательством (“все за одного и один за всех”), причем все эти товарищества имели всегда во главе избранных старост (“атаманов”, “ватаманов”). Эти товарищества производили между своими членами постоянно правильный раздел (“дуван”) барышей и выгод, соразмерно труду каждого и значимости этого труда в “общем” деле; все товарищи участвовали также в убытках (“кто будет в лицах”))»². Описания Папкова, вероятно, верны, хотя нельзя исключать и того, что он переносил какие-то черты позднейших артелей на более древние союзы.

На страницах летописей мы встречаем известия о существовании в XIV в. объединений иконописцев: «Того же лета (6852. – А. К.) почата быша подписывати на Москве две церкви камены, Святая Богородица, да

¹ Папков А. А. Несколько замечаний по истории древнерусской общины (лекция, читанная в Русском собрании 13 ноября 1901 г. в отделе народного права). СПб., 1901. С. 27.

² Там же. С. 28.

Святыи Михаил. Святую же Богородицю подписывали Греции, митрополичи писци, Фегностовы, да которого лета почяли подписывати, того же лета и кончали подписывати ю; а Святого Михаила подписывали *Русския писци*, князя великого Семеновы Ивановичя, в них же бе *старейшины и начальници* иконописцем Захарья, Иосиф, Николае и прочая *дружина* их; но ни половины церкви не могли того лета подписати, величества ради церкви тоя¹. Опять же из приведенного фрагмента явствует, что у русских живописцев существовала некая организация – дружина во главе со старейшинами и начальниками. Можно предполагать и то, что должностные лица занимали свои посты в результате их избрания дружиной или, по крайней мере, с ее одобрения. Вероятно, численность ремесленных дружин могла варьировать, в зависимости от характера работ и необходимости рабочих рук. Б. А. Рыбаков, например, утверждал, что мастера могли работать артелями по 200–300 человек².

Строительные дружины действовали и в XV веке. В 1420 году «Псковичи *наяша мастеров Федора и дружиноу* его побивати церковь Святаа Троица свинцом новыми досками, и не обретоша псковичи такова мастера в Пскове ни в Новгороде, кому лити свинчатые доски, а к Немцом слаша в Юрьев, и погании не даша мастера. И приеха мастер с Москвы от Фотей Митрополита и наоучи Федора мастера Святыя Троици, а сам отъеха на Мо-

¹ ПСРЛ. Симеоновская летопись. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 94. «В тот же год (6852) начали расписывать в Москве две каменных церкви – Святой Богородицы и Святого Михаила. Храм Святой Богородицы расписывали греки, митрополичьи писцы, Феогноста, и в какой год начали расписывать, в тот же год и закончили. А церковь Святого Михаила расписывали русские писцы, великого князя Семена Ивановича, среди них были руководители (старейшины) и начальники иконописцев: Захар, Иосиф, Николай и прочие их товарищи (дружина). Но они и половины церкви не смогли в тот год расписать из-за большого размера этой церкви» (перевод А. С. Мелькова).

² Рыбаков Б. А. Ремесло в Древней Руси. М., 1948. С. 707.

скву. И тако до года побита бысть церковь Святых Троица, месяца августа в 2, и даша мастером 40 и 4 рубли»¹.

П. А. Раппопорт полагает, что хотя упоминания в летописях о дружинах строителей и живописцев относятся только к XIV–XV векам, все же употребляется слово «дружина» могло и ранее². И. И. Срезневский указывал, что термин «дружина» в древнерусском языке означал «товарищи», «спутники»³. Ссылаясь на В. И. Даля, П. А. Раппопорт отмечал, что в новгородском и псковском говорах даже в XIX веке производственная артель называлась дружиной⁴. Наиболее же часто строители фигурировали в источниках в качестве наймитов. Так, в 1435 году «наняли псковичи наймити на новой мост на Пскове реке, а запас балки наймитов, а рилины и городни, доубья псковская; а дахоут им наима от того 70 рублей, а наймитов было числом сорок человек»⁵.

Из документов рубежа XIV–XV веков известно о существовании на севере России ватаг, занимавшихся, вероятно, охотничьим и рыболовным промыслами. Великий князь Андрей Александрович в своей грамоте на Двину к

¹ Псковские летописи. Вып. 2 / Под. ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 37. «Псковичи наняли мастера Федора и его товарищей (дружину) покрыть церковь Святой Троицы новыми свинцовыми листами. И не нашли псковичи мастера в Пскове и в Новгороде, который мог бы отлить свинцовые листы, — и к немцам посылали в Юрьев, и язычники не дали мастера. И приехал тогда мастер из Москвы от митрополита Фотия, и научил мастера Федора, который работал в церкви Святой Троицы, а сам уехал в Москву. И быстрее, чем за год, была покрыта церковь Святой Троицы — 2 августа. И дали мастерам 40 и 4 рубля» (перевод А. С. Мелькова).

² Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб., 1994. С. 124.

³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. СПб., 729–730.

⁴ Раппопорт П. А. Строительное производство... С. 124 (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880. Т. 1. С. 511).

⁵ Псковские летописи. Вып. 2. Под. ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 131. «...Наняли псковичи наемников для работы на новом мосту на Пскове-реке. Запас балок был у наемников, а перекладыны, бревенчатые срубы и дубы — псковские. Доход наемников составил 70 рублей, а наемников было сорок человек» (перевод А. С. Мелькова).

посадникам, к скотникам и к старостам писал: «Како есмь докончал с Новымгородом ходити трем **ватагам** моим на море, а **ватамман** Андрей Критцкый, от дают с погостов корм и подводы по пошине; а сын его Кузма како пойдет с моря с потками с данными по данничу пути, дадят ему корму и подводы, по пошине, с погостов; а как пошло, при моем отце и при моем брате, не ходити на Терскую сторону Ноугородцем, и ныне не ходят»¹. Из данной выдержки видно, что князь заботился о своих ватагах, обеспечивая им транспорт и провизию. Во главе ватаг стоял ватаман, сами эти объединения, вероятно, занимались какими-то морскими промыслами. Ватаги упоминаются и в грамоте Великого князя Иоанна Даниловича и новгородского посадника Даниила и тысяцкого Авраама на Двину².

А. А. Исаев утверждает, что и в другой жалованной грамоте князя Иоанна Даниловича, где говорилось о сокольниках, которые освобождались от даней и повинностей³, речь также шла не иначе как об артелях «для охоты за кречетами»⁴. Однако достаточных оснований для подобного утверждения в документе обнаружить нельзя, а потому трактовку Исаева можно рассматривать лишь как предположение. В 1469 году белозерский князь Михаил Андреевич посылает грамоту к ватаманам, которым запрещается самовольно брать рыбу с неводов Кириллова монастыря («кто поидет на моем судне на Белоозеро, и они бы с неводов

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Т. 1. 1294–1598. СПб., 1838. №1. С. 1. (Документ датируется 1291–1304 гг.). «Как договорился с Новгородом ходить трем моим ватагам на море, то атаману Андрею Критскому отдают с погостов корм и подводы по договору; а сын его Кузма как пойдет с моря с птицами по договоренному пути, то дают ему корм и подводы с погостов по договору. И как началось при моем отце и при моем брате не ходить на Терскую сторону новгородцам, так и сейчас не ходить» (перевод А. С. Мелькова).

² Там же. № 2. (Документ датируется 1328–1340 гг.)

³ Там же. № 3. (Документ датируется 1328–1340 гг.)

⁴ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 37.

с Кирилловских рыб не имали, ни на их хрестьянех, ни мои заказчики; а коли пошлю свою грамоту к игумену, и они тогда дадут)»¹. Вести промысел в экстремальных погодных условиях на диких северных территориях в одиночку было невозможно, а потому промысловики сбивались в сплоченные группы, основанные на принципах взаимопомощи и взаимовыручки, что являлось необходимым условием для выживания. Руководить такой группой должен был опытный и авторитетный начальник – таковыми и были ватаманы, стоявшие во главе промысловых союзов. «Ватаги новгородских промышленников, – писала А. Я. Ефименко, – при подчинении финского Севера русскому владычеству играли роль пионеров, благословясь у Св. Софии и дав обет в случае удачи промысла пожертвовать десятину на храм; шла ватага под предводительством своих ватаманов промышленять на богатый Север, а за нею уже, по ее следам, двигалась дружина из вольницы новгородской. Когда Заволочье было подчинено Новгороду, вошло в обычай, что богатые люди – великие князья, князья новгородские, новгородские бояре и духовные особы снаряжали на свой счет ватаги и посылали их на морские промыслы. Снаряжались на промыслы и сами крестьяне»².

Порой какое-либо наименование промысловых объединений в документах вообще отсутствовало. От 1577 года сохранился договор Федора Малафеева и его двенадцати товарищей с Кирилловым монастырем на рыбную ловлю в устье реки Умбы. Рыбаки должны были отдать игумену Козьме и его старцам четвертую часть своего улова, а в слу-

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. Т. 1. 1294–1598. СПб., 1838. С. 49. № 67. «Кто пойдет на моем судне на Белоозеро, тем ни с неводов кирилловских рыбу не брать, ни с неводов их (монастырских. – А. М.) крестьян, ни с моих заказчиков. И только если пошлю свою грамоту к игумену, тогда брать» (перевод А. С. Мелькова).

² Ефименко А. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. Вып. I. СПб., 1873. С. 9.

чае неисполнения обязательства должны были заплатить неустойку в 100 рублей, при этом добавлялось: «**а которой нас в лицах, на том денги**»¹. Это означало, что отдавать деньги будет тот, кто в момент наступления ответственности окажется налицо, то есть использовался механизм круговой поруки. Повязать всех общей ответственностью было и проще, и удобнее, и надежней, ведь, в крайнем случае хоть кого-то да отыщут и ему придется отвечать за всех. Сама же формула «которой [из] нас в лицах, на том денги» будет позднее часто встречаться в договорах с артелями.

Объединения работников с круговой порукой, но без какого-либо специального наименования фигурируют в двух договорах крестьян от 1598 года с Вяжицким монастырем. По первому договору пятеро работников подряджались у казначея Вяжицкого монастыря старца Никодима «на Ивангородскую дорогу лес сечь и возить, и на весну наместить; а высечь нам пять сот бревен, по Государеву наказу, а наместить нам тем лесом на весну пятьдесят сажень; а взяли от того мостового дела три рубли двадцать восьм алтын с московкой, и за тем наймом нам мостити старого лесу в мосту, по розводной памяти»².

По другому договору семеро крестьян подрядились у того же казначея Никодима «на три тысячи лес возити на Государевы мосты, по Государеву наказу, на Ивангородскую дорогу, их урочной урок, и взяли есми у них найму на тысячу по осмии рублей без четверти». Крестьяне обязывались «тот лес, по Государеву наказу, вывозити и мосты наместити за Николину отчину, и старой мост мостити же

¹ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической комиссией. СПб, 1838. С. 196–197. № 179.

² Там же. № 188. С. 200–201. № 188. «...Для ивангородской дороги лес рубить и возить, и к весне замостить. Срубить нам пятьсот бревен, по наказу Государя, и замостить этим деревом весной пятьдесят сажень. И взяли за то мостовое дело три рубля двадцать восемь алтын с московкой (московская деньга. – А. М.) и затем по найму стали делать из старого дерева мост, как было распределено» (перевод А. С. Мелькова).

накрепко; а не привезем мы того лесу, по Государеву наказу, и не учнем тех мостов старых и новых мостити сей весны 106 году, и на нас Государя Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Руси пеня, что Государь укажет; а **которой нас крестьянин в лицах**, на том Государев лес и мосты мостити старыи и новыи, по сей записи»¹.

Под ватагами в источниках подразумевались не только хозяйственные объединения. В известном памятнике эпохи Ивана IV «Стоглав» среди прочего есть и такая любопытная заметка: «Да по дальним странам ходят скоморохи **совокупяся ватагами** многими до штидесяти и до семидесяти и до ста человек и по деревням у крестьян сильно ядят и пьют и из клетей животы грабят, а по дорогам разбивают»².

* * *

В известных на сегодняшний день источниках слово «артель» впервые встречается в 1654 году. Поэтому неслучайно сам этот документ Н. В. Калачов именует «записью артельной». Из нее следует, что трое товарищей, Яков, Тамила и Потеха, брали на три года на откуп таможенные сборы в арзамасской таможне в селах Ичалове и Стековсе. Каждый из троих нанимал и, тем самым, брал к себе на пай еще по одному человеку «для своей перемены». Заключая

¹ Там же. «...Вывезти три тысячи бревен для строительства Государевых мостов по Государеву наказу на Ивангородской дороге. За их труд была назначена плата восемь рублей без четверти за тысячу бревен». Крестьяне обязывались «тот лес по Государеву наказу вывозить и навести мосты на Николину вотчину, и старый мост настилать крепко. А если не привезем мы тот лес, по Государеву наказу, и не начнем те мосты новые и старые возводить этой весной, то на нас от Государя Царя и Великого князя Федора Ивановича всеа Руси будет пеня, которую Государь определит. А кто из нас – крестьянин, имеющийся в наличности, тот по этой записи будет Государев лес вывозить и мосты старые и новые возводить» (перевод А. С. Мелькова).

² Стоглав. Казань, 1862. С. 181. «По отдаленным местам ходят скоморохи, объединяясь в крупные ватаги до шестидесяти, до семидесяти и ста человек, и по деревням у крестьян сильно объедаются и пьют, и из домов имущество грабят, и по дорогам грабят» (перевод А. С. Мелькова).

договор, артельщики обязывались «радети за един, друг друга у сбору не подавати, и хитрости никакия не чинить в денежном сборе нам и **нашим товарищам**, и бытии нам переезжая в селе Ичалова и в село Стексова и в село Гремячая на заставу; а кого похотят товарищи каму где бытии, и таму нашему **таварышу** во всем слушать нас, куды всею **артелью** ни пошлют, и ему бытии завсягда готову, и бытии ему не огорливу и не бранливу, друг друга болши ставить и почитать и слушать, по корчмам и по бледням не ходить, зернью и карты не играть, в том Государев казне недобору не учинить и артельного живота не терять. ...Имать таможенну пошлину в правду, другу не дружить, а недругу не мстить и в том хитрости никакия не чинить, за щеку и в мошну артельных денег нам **траим таварыщам** [...] не класть, и хитрости в денежном сборе никакия не учинить»¹. По договору артель могла нанимать необходимых ей работников, «людей добрых, сколка человек згожа»², условием было только то, чтобы делалось это с общего согласия и по общему решению всех артельщиков. В случае жалоб артель обязывалась возмещать убытки. Специально оговаривалась ситуация, если один из товарищей умирал, тогда его доля в общем предприятии переходила братьям, жене

¹ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изд. Археографической комиссией, под ред. члена комиссии Н. Калачова. Т. 1. № 111. С. 687–691. «...Друг о друге заботиться, доход друг у друга не забирать, и никакие препятствия в денежном доходе нам и нашим товарищам не чинить. И так себя вести, переезжая в село Ичалово, и в село Стексово, и в село Гремячее на заставу. И если решат товарищи что кого куда определить, то и наш товарищ должен во всем слушать нас: куда всей артелью ни пошлют, ему быть всегда готовым, и быть ему не болтливым и не скандальным. Друг друга уважать, почитать и слушать, по корчмам и по блудницам не ходить, в кости и в карты не играть, чтобы этим не причинить вреда государевой казне и не растратить артельное имущество... Сбирать таможенную пошлину честно, своим не помогать, а чужих не обижать. За щеку и в мошну артельные деньги нам, троим товарищам, не класть и никаких препятствий в денежном сборе не чинить» (перевод А. С. Мелькова).

² Там же. «...Людей хороших, сколько человек необходимо» (перевод А. С. Мелькова).

или детям или тому, кому он прикажет, его место в артели занимал брат или сын или другой доверенный человек. Предприятие строилось на основе взаимопомощи и взаимовыручки: «А буде Божию волею наклад, и нам **в накладе класть також поровну, по паям**, против сей записи, кто чем владеет. А откупные денги на срок к Москве везти каго **артелью** излюбят, пошлют, и тому из нас ехать с великим береженьем, а какая утрата на дороге, или на подворье, или на Москве учинитца, и нам те убытки подымать сполна из **артели**, а его **однаво в харчах и в убытках не поддасть**»¹. За нарушение правил, зафиксированных в договоре, с виновного взыскивался штраф в 300 рублей и отбирались «заводные деньги», то есть та сумма, которая вносилась в артель каждым ее членом при вступлении. В крайнем случае, если иной управы на нарушителя договоренностей не было, то предполагалось на него «бити челом государю царю»².

Еще одно раннее использование слова «артель» встречается в указе от 8 апреля 1684 года, согласно которому в Москве запрещалось нанимать пришлых и гулящих людей без поручных записей, данных на них: «а буде чьи люди и крестьяне придут для найму в работу с Красной площади, не явясь помещиком своим и вотчинником, и тем велеть записываться в Земском Приказе самим **артельми** по именном и имать из Земского Приказа для свидетельства, что они в Земском Приказе явились и в книге записаны, письмо за дьячьею приписью или за справою старого подьячего;

¹ Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изд. Археографической комиссией, под ред. члена комиссии Н. Калачова. Т. 1. № 111. С. 687–691. «А если по Божьей воле будут убытки, то нам убытки делить поровну, по паям, кто чем владеет. А откупные деньги в срок везти в Москву тому, кого артелью назначат и пошлют. И ехать ему с большой аккуратностью, а если по дороге случится какая потеря, или на подворье, или в Москве случится, то нам те убытки возмещать целиком из артели, а его одного в тратах на продовольствие и в убытках не оставлять» (перевод А. С. Мелькова).

² Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изд. Археографической комиссией, под ред. члена комиссии Н. Калачова. Т. 1. № 111. С. 687–691.

тому в Земском Приказе для записки тех пришлых и гулящих людей учинить записную особую книгу»¹.

От XVII века, помимо уже упомянутой таможенной артели (1654) в источниках мы можем отыскать некоторые сведения о торговой артели (1635), артелях ярыжных (бурлаков) (1642 и 1653), каменщиков (1686), бортников (1663), чернорабочих (1690 и 1700), кортомщиков (арендаторов), извозчиков (1605 и 1655), кузнецов (1648). Резонно будет предположить, что в письменных договорах зафиксирована информация лишь о малой толике огромного числа артелей. Ведь большинство из них, по всей видимости, никаких письменных договоров ни с кем не заключали, а действовали, основываясь исключительно на обычном праве и устных договоренностях. В источниках по большей части могли быть зафиксированы сведения об артелях, которым по роду своей деятельности приходилось вступать в договорные отношения с князем, монастырской братией, органами городского самоуправления. В иных же случаях, когда артели действовали помимо подобных институтов, в письменных договорах нужды не было.

Весьма любопытное явление представляли собой артели ярыжных, поэтому они требуют особого комментария. В их основу была положена вовсе не круговая порука, в рамках которой каждый член коллектива мог отвечать за всех остальных, то есть действовала формула «которой в лицах, на том денги». Порука в артелях ярыжных была **не внутренней, а внешней**: за каждого члена артели поручались какие-либо известные и авторитетные люди, ко-

¹ Цит. по: Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. «А если будет так, что чьи-либо люди и крестьяне придут для работы по найму с Красной площади без разрешения своего помещика и вотчинника, тем велеть самим записываться в артели по именам в Земском Приказе. И иметь выписки из Земского приказа для свидетельства, что они в Земский Приказ явились и в книге записаны – письмо за подписью дьяка или за справкой старшего подьячего. Для этой цели в Земском Приказе создать особую записную книгу, куда записывать этих пришлых и гулящих людей» (перевод А. С. Мелькова).

торые, однако же, к артели не принадлежали и в общих работах участия не принимали. То есть для приема в артель от кандидатов требовалось предоставить поручные грамоты, и только тогда хозяин судна и товаров мог рассчитывать, что работники его не подведут. По грамоте от 1642 года шестеро ярыжных подряжались к приказчику Василию Обросимову тянуть астраханское судно, груженное солью и рыбой, вверх по Волге от Самары до Лыскова. При этом за четверых ярыжных поручались трое лиц (двое поручителей по отдельности за двоих артельщиков и один поручитель еще за двоих), в артели не состоящих, еще за двоих товарищей поручался один из ярыжных. То есть поручительство здесь было частично внутренним и частично внешним. Плата за труд была неодинаковой: двое ярыжных подряжались работать за 3 рубля, а остальные четверо – за 3 рубля 70 копеек. По грамоте от 1653 года восемь ярыжных подрядились у того Василия Обросимова (теперь он назван торговым человеком) тянуть его струг из Лыскова в Астрахань. За артельщиков поручались семь человек, двое из которых сами входили в состав артели. И вновь мы встречаемся как с внутренней порукой, так и с внешней, хотя последняя была даже преобладающей. Поручители, состоящие в артели, в обоих случаях поручались за какого-либо ярыжного наряду с другим поручителем, в артель не входившим¹.

До нас дошли сведения о существовании на Севере в XVII веке артелей для охоты на моржей и тюленей. Среди крестьян Холмогорского уезда бытовали артели с равными паями и соответственно с равным распределением результатов труда. Но были объединения и иного рода. Так, архиерейский дом занимался снаряжением и отправлением на Новую Землю артелей, состоящих из покрученников, «ради поживления архиерейскаго дому на покупку церковных

¹ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической комиссией. СПб, 1838. С. 330–332. № 311.

потребств»¹. Под «покрученниками» понимались лица, которые нанимались в артель к тому, кто давал основной капитал для промысла. Таковым источником и выступал архиерейский дом: он обеспечивал коч² и орудия труда, а также снабжал промышленников съестными припасами и некоторыми вещами. В результате артельщики обычно получали около одной трети от всей добычи, остальные две трети шли на оплату капитала, при этом кормщик получал полный пай, то есть раза в три больше рядового промысловика³.

Некоторые исследователи полагают, что именно развитие товарно-денежных отношений повлияло на процесс зарождения и распространения артелей. Этой точки зрения придерживается Т. В. Зимина: «Становление рыночных отношений вызвало к жизни простейшие формы кооперации-артели. Пока господствовало натуральное хозяйство, особой потребности в них не было. Толчком к их появлению послужило вздорожание жизни: высокие цены на сырье, отсутствие лучших орудий производства, трудности сбыта продукции»⁴. Сходную позицию занимает В. Г. Егоров, полагая, что «рождение кооперации связано с периодом человеческой истории, когда капиталистический уклад не был доминантой общественного развития, а лишь одной из альтернатив путей развития, рыночные отношения не превратились во всеобщий абсолют, не знающий ни моральных, ни физических пределов». «...Кооперативная ассоциация как форма хозяйствования, образующая особый уклад обще-

¹ «...Для дохода архиерейского дома на расходы для церковных нужд» (перевод А. С. Мелькова).

² Коч – поморское деревянное однопалубное одномачтовое парусно-гребное судно с малой осадкой.

³ Ефименко А. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. Издание С.-Петербургского комитета о сельских, ссудосберегательных и промышленных товариществах. Вып. I. СПб., 1873. С. 9–12.

⁴ Зимина Т. В. Артель как форма внутрипроизводственной демократии (опыт исторического анализа производственных артелей на Урале) // ЭКО (Экономика и организация промышленного производства). Новосибирск, 2004. № 5. С. 161.

ственного производства, явилась одной из форм эволюции мелкотоварного производства и зародилась на мануфактурной стадии в результате развития товарно-денежных отношений и формирования ее носителей – средних слоев населения... Отечественные промысловые объединения появились как результат товаризации крестьянских хозяйств со второй половины XVII века, когда капитализм вряд ли имел место даже в зачаточном состоянии»¹. Егоров не отрицает влияние на генезис артели и других факторов, таких как семья, помочи, общинный уклад. Но основной акцент у него сделан именно на товарно-денежных отношениях как основном факторе развития артелей. Тот факт, что само слово «артель» встречается в источниках только в XVII веке, казалось бы, должен подтверждать данную точку зрения. В то же время более ранние сведения о существовании еще в домануфактурный период различных товариществ, сходных по своей сути с артелями, дают почву для сомнений в верности высказанной этими исследователями точки зрения.

Следует учитывать характер источников и саму сущность артелей как в большинстве своем неформальных организаций, действовавших на основе обычного права. Видимо, только в особых случаях артели соглашались на составление письменных документов, регламентирующих их обязательства. Иными словами, исследователю приходится иметь дело лишь с самой поверхностью того огромного айсберга народной артельной практики, следы которой вряд ли могли быть зафиксированы документально. Из того, что мы располагаем от XVII века взрывным ростом письменного упоминания артелей и соответственно увеличением количества информации о них, нисколько не следует, что именно в это время они возникают. Товаризация, представлявшая собой длительный процесс и во многом связанная с

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): Монография. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. С. 14–15.

вытеснением денежным оброком натурального, вряд ли может считаться тем источником, который порождает артели, ведь широко распространены были объединения, которые вовсе не были ориентированы на рынок, а выступали, например, как коллективный наемник, или же такие артели, продукты деятельности которых по большей части использовались в личном хозяйстве и на рынок не поступали.

3. Классическая эпоха (XVIII — первая половина XIX века)

Информация об артельном ведении промыслов на Севере России обнаруживается в Морском уставе — этот уникальный документ, в основу которого легли передаваемые изустно древние мореходные установления, был опубликован в 1846 году академиком Н. Я. Озерецковским. Записаны эти нормы были лишь только в XVIII веке, сам Озерецковский так писал о происхождении записи морского устава поморов: «Многие на море приключаются им несчастья, которые заставили их сделать между собою некоторые установления, для общей их пользы служащие. Сии установления не хранятся на письме, а только каждому промышленнику известны; но когда покойный граф Петр Иванович Шувалов потребовал от мезенских жителей, чтоб они морские свои законы письменно ему сообщили, то с писанного ими морского устава мог я достать себе список, в котором следующие находятся статьи... Устав подан в контору архангелогородского сального правления, которое от покойного графа Петра Ивановича Шувалова утверждено там было в то время, когда он все тамошние промысла имел у себя на откуп»¹. В Морском уставе говорилось о веде-

¹ Цит. по: По студеным морям. М., 1956. С. 216–217. (Озерецковский Н. Описание моржовых промыслов // Архангельские губернские ведомости. 1846. № 41 и 42).

нии промысла артелями и их различными объединениями, имелся целый ряд предписаний насчет взаимопомощи, которую должны были оказывать артели друг другу, особо регулировались взаимоотношения между кормщиком, то есть старостой артели, и рядовыми ее членами: «В морском ходу и во время промысла всем рядовым товарищам во всем слушаться одного кормщика, ни в чем воли у него не отнимать; а в потребном случае, хотя и подавать ему совет, только учтиво и не спорно. Ежели ж кто из них дерзнет кормщика избранить или ударить, или не станет его слушаться, то на такого прочие рядовые должны кормщику дать помощь к наказанию по морскому обыкновению; потому что без наказания за отдалением гражданского суда иные впадут в бесстрашие, от чего без промыслица (то есть отсутствия промысла. – Прим. авторов) и разбитие судов приключается. Но ежели кормщику многие из промышленников явятся противниками, наказать же и запретить им будет он не в силах, то в засвидетельствовании объявить на таковых ослушников в прилучившихся судах для отыскания наказания в гражданском суде»¹.

Существование артелей, созданных на равных основаниях, к этому времени уже не прослеживается. Как правило, хозяин предоставлял артели судно, снабжал ее орудиями промысла и припасами. «Вырождение это, – писал Исаев, – могло совершиться только под влиянием осложнения техники промысла, требовавшего столь значительных издержек, что только состоятельные люди могли их нести»². Артели могли насчитывать от 8 до 20 человек, существовало строгое распределение обязанностей и должностей (кормщик, полукормщик, полууженщик и рядовые покрученники). Исходя из положения в артели того или иного ее члена, ему назначался определенный размер пая. Хозяин также мог участвовать в промысле, обычно он по-

¹ Цит. по: По студеным морям. М., 1956. С. 420.

² Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 43.

лучал половину всей добычи. От этого времени мы имеем сведения об объединениях, в которые соединялось по нескольку артелей морских охотников (как правило, у артели было особое судно). Это так называемые котляны, союзы, где несколько артелей координировали свои действия, тем самым взаимно страхуя друг друга от неудачи.

К XVIII столетию относится возникновение так называемых биржевых артелей, к этому подтолкнуло открытие при Петре Великом сообщения с границей через петербургский порт. Биржевые артели имели дело с товарами, а именно: они перемещали, загружали, выгружали, упаковывали, взвешивали, обеспечивали хранение, а также производили и некоторые иные действия. Поначалу биржевые артели организовывались купцами из приезжих работников, но купцам не было нужды содержать подобные артели постоянно, а потому союзы работников постепенно перешли к независимому существованию. Н. В. Калачов упоминает целый ряд таких артелей, возникших в XVIII веке: Ярославская (1714), Спасская (1725), Вульфо́ва (1725), Мейерова (1729), Томсина (1730), Непорова (1739), Пинежская (1740), Новокорпусная (1742), Шилинская (1750), Кокорина (1756), Полуярославская (1758), Метелкина (1763), Калужская (1767), Гленова (1762), Шляпкина (1785), Портерова (1790), Амбургская (1794), Московская (1795)¹. Биржевые артели среди подобного рода союзов выделялись своей сложной организацией, порой их относят к наиболее развитым формам артельного труда². Для биржевых артелей был характерен довольно значительный размер пая, а потому весьма внушительным был и общий капитал таких артелей. Кроме того, помимо старосты здесь, как правило, были и другие должностные лица, например писарь и кассиры. Наконец, общая численность артелей могла превышать две и даже три сотни человек. Доход артельщиков здесь был не-

¹ Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864.

² Там же.

малым, так, в конце 1860-х – начале 1870-х годов доход члена Томсинской артели колебался между 422 и 529 рублями, а в Шляпкиной и Портеровой он составлял 300–400 руб.¹ «Уже точная определенность всех мелочей как во внутренней жизни биржевых артелей, так и в их внешних сношениях заставляет предполагать, что эти союзы сложились и развились при некотором содействии лиц, знакомых с характером и потребностями торговых классов»² – замечал Исаев. Известно, что банкир петровского времени Генрих Мейер принимал участие в образовании этих артелей.

Артельный труд в XVIII веке применялся на заводах Урала. Так, О. А. Платонов приводит сведения о наличии самоуправления среди вспомогательных рабочих на Ижевских и Воткинских заводах, где такая организация труда была выработана князем Вяземским в 1763 году. Крестьяне должны были выбирать сотника, выборного, старост и двух писчиков³. Известно, что на Медноруднянском руднике подъем руды из шахт на поверхность осуществлялся силами вспомогательных рабочих-поденщиков. «Эти рабочие составляли особую артель (4 работника и машинист) с частичным разделением труда. Им давался определенный урок (80 бадей в день) с поденной, дифференцированной “по мастерству” оплатой»⁴.

Платонов показывает, что артели явились одним из главных факторов развития отечественной металлургии: **«В XVIII – начале XIX века артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что явилось одной из главных причин бурного развития отечественной крупной железоделательной промышленности, которая уже с**

¹ Немиров Г. Биржевые артели в С.-Петербурге (Очерк их организации и современного состояния). СПб., 1876. С. 13–14, 106.

² Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 53–54.

³ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 68.

⁴ Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2001. С. 44–45.

1730-х годов обогнала английскую. К 1782 году выплавка чугуна на всех заводах России достигла 7,5–8 млн. пудов, то есть была значительно выше, чем в Англии, Швеции, Франции, Пруссии или Америке». Последующее же отставание в развитии от передовых стран Запада Платонов связывает «с тормозящим влиянием крепостного права», но также и с отказом от артельности¹.

Досмотр товаров и сбор налогов при петербургской таможне первоначально осуществлялись при участии купечества. В 1724 году было принято решение образовать при петербургской таможне компанию дрягилей², которые бы заменили купеческих работников. Вероятно, уже в XVIII столетии были также организованы в артель архангельские лоцманы, от этого времени есть сведения об их численности – 32 человека, и о том, что жили они в семи верстах от Архангельска в особом поселке на Двине. Вышневолоцкие лоцманы также известны с XVIII века, в 1720 году на свою деятельность они получили санкцию закона³. В законодательстве XVIII столетия мы находим целый ряд положений, призванных регулировать деятельность лоцманов, в частности, в них упоминались помимо вышневолоцких волоховские, мстинские, боровицкие и архангельские. Некоторые положения появляются еще в 1720–1735 годах. В приложениях к статьям Торгового устава (11 т. Ч. 2) содержатся правила о лоцманах кронштадтских, рижских, шекснинских, еникольских, ингидинских, шилкинских и николаевских. А. А. Исаев отмечал, что государство мало интересовало артельная форма организации среди лоцманов, оно руководствовалось исключительно своими собственными интересами: «Издавая положения о лоцманах, закон вовсе не думал об этих союзах как об артелях. Не употребляя нигде слова “артель”, законодатель в одних случаях

¹ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 68–69.

² Дрягиль (от нем. Träger) – носильщик.

³ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 61–62.

вводит в общества лоцманов самоуправление, отличающее артели, (никولاевские лоцмана, ст. 46), в других – и не намекает на самоуправление, всецело подчиняя лоцманов администрации (рижский и кронштадтский цехи). ... Если же среди большинства лоцманских обществ обнаруживаются многие черты артельного строя, то не все они даны этим союзам законодательными определениями, а скорее склонностью нашего народа к артельному общению»¹.

В 1799 году появился «Устав цехов», где среди прочего речь велась и об артелях. Их предполагалось вписать в общую цеховую структуру, в рамках которой должно была быть организована деятельность ремесленников и разнообразных городских работников, оказывающих те или иные услуги или подряжающихся по найму. Выделялось три рода цехов: 1) ремесленные, для которых было необходимо рабочее помещение; 2) служебные цеха составляли лица, зарабатывавшие себе на жизнь оказанием каких-либо услуг (лакеи, камеристки, кучера, повара и проч.), и 3) к рабочим цехам относились те лица, для деятельности которых не было необходимости в специальных мастерских (штукатуры, плотники, печники, носильщики и проч.). Каждый цех должен был иметь старосту или, по-немецки, *алтермана*². Специально артелям в Уставе была посвящена 14 глава, в ней отмечалось, что «несоразмерные силам одного человека служения и работы производятся некоторым числом людей по добровольному их между собой согласию» – такие общества именуются артелями. Все артели, принадлежащие к тому или иному цеху, должны были повиноваться общим цеховым правилам. Для того чтобы вступить в артель, необходимо было состоять членом цеха. Согласно одному из положений Устава, «артели, составляющиеся для совершения какой-нибудь временно работы, как то: каменной, деревянной, земляной и тому подобной,

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 237–238.

² ПСЗ. Т. XXV. 1798–1799. СПб., 1830. № 19 187. С. 864–865.

должны извещать чрез алтермана цех свой о числе артели, о именах, составляющ[их] оную, сделанных с кем-либо договорах, и каждая артель имеет своего старосту и казначея, во всех расчетах уполномоченного, которой именем артели заключает договор, делает расчеты и получает деньги». Артельщики повязывались круговой порукой. В случае необходимости допускалась возможность найма дополнительных работников. Артели должны были избирать не менее чем одной третью своего состава старост и казначеев на годовой срок, сами же союзы составлялись по меньшей мере на год. Минимальная численность артелей – не менее шести человек. Не окончив своей работы, прекратить трудиться и разойтись артель не могла¹.

Однако Устав 1799 года был в силе недолго, уже 12 февраля 1802 года новый император Александр I поспешил приостановить его действие. С целью облегчения налогового бремени было решено отменить «сбор с рабочих и нанимающихся в услужение людей», а вместе с этим и «самую записку их в цех рабочий и служебный»². Цеховая организация для ремесленников продолжала существовать. Ремесленник, не записанный в цех, не имел права открывать в городе свое собственное заведение, вешать вывеску и нанимать работников.

* * *

В XIX веке артели действуют во многих отраслях хозяйства, продолжают свое развитие биржевые артели. От XIX века мы имеем наибольшее количество сведений об артелях. Это объясняется резким ростом интереса образованных кругов русского общества к артельной теме. Движимые этим интересом, исследователи начинают сбор и публикацию описаний артельного быта, документов, от-

¹ Там же. С. 881–882.

² ПСЗ. Т. XXVII. № 21 143. С. 43.

носящихся к данной проблематике, выходит ряд научных работ, рассматривающих феномен артели.

В 1827 году специальным положением о дрягилях была одобрена их деятельность при портах и таможах. Дрягили принимали товары, подлежащие обложению пошлинами, и размещали их на складах таможни. Обязанность браковки товаров (пеньки, льна, пакли и проч.) была возложена в 1828 году на артель десятников. Однако с 1844 года нужда в браковщиках исчезла, так как купцам было разрешено отправлять свой товар за границу без браковки. В начале XIX века в Петербурге образовалась артель штуров, которые представляли собой подрядчиков, поставлявших рабочих на корабли для погрузки и выгрузки товаров. В Петербурге получают распространение так называемые заугорские артели (происходили из Смоленской области, из-за реки Угра), выступавшие по отношению к биржевым артелям в качестве наемных. Дело в том, что биржевые артели были не заинтересованы в раздувании собственного штата, поэтому на летнее время, когда требовалось большее число рабочих рук, привлекалась рабочая сила из числа заугорцев. В 1873 году в Петербурге действовало 24 биржевые артели, шесть из которых были созданы в XIX столетии. Все 24 имели 2 622 члена. Подавляющее их большинство имело штат от 50 до 150 человек, но численность отдельных товариществ могла превышать и две сотни членов¹.

В Архангельском порту артели также были широко распространены. В 1845 году по инициативе губернского начальства была основана балластная артель, занимавшаяся выгрузкой балласта с прибывающих в порт кораблей. Продолжали действовать и лоцманы, численность их товарищества достигла в 1870-е годы 60 человек, а их заработок составлял около 250 рублей. В 1875 году начала действовать таможенная артель в Петербурге.

¹ Немиров Г. Биржевые артели в С.-Петербурге (Очерк их организации и современного состояния). СПб., 1876. С. 13–18.

Развиваются артельные формы, связанные с фабрично-заводским производством, некоторые из артелей брали в свое управление целые предприятия. Известно, что в 1803 году на Красносельской бумажной фабрике 181 рабочий заключил договор с владельцем Хлебниковым на ее эксплуатацию в течение 10 лет¹. Последняя треть века дает нам целый ряд таких примеров: Нижнетурина артель (1867); Екатеринбургская артель лафетчиков (1870); Воткинская артель (1884); Тульская артель (1886); Абаканский чугуноплавильный и железоделательный завод (1889 г.); Чернятинская стекольная (1890); Павловская артель (1890) и многие другие.

Продолжали действовать и обычные трудовые артели: плотников, старателей, охотников, рыболовов, извозчиков, сельскохозяйственных рабочих, бурлаков, крючников, трубочистов и проч. Всего же, по подсчетам А. А. Исаева, артельные объединения встречались в 59 отраслях промышленности².

На законодательном уровне государство вводило довольно жесткие условия для функционирования артелей, хотя при этом, как правило, регулировалась деятельность в основном только некоторых из них, огромная масса народных трудовых объединений оставалась по большей части неподконтрольной властям. А. А. Исаев разделил все артели на две группы в зависимости от отношения к ним закона. К первой группе он относил артели, образованные на основании устава, при этом некоторые из них имели некое полицейское значение, например, как дрягили или таможенные товарищества, другие, хотя и имели устав, но для властей были безразличны, так как их деятельность государственных интересов не затрагивала. Ко второй группе Исаев отнес те многочисленные артели, которые регулировались обычным правом³.

¹ Платонов О. А. Рабочее самоуправление // Святая Русь: Энциклопедический словарь русской цивилизации / Составитель О. А. Платонов. М., 2000.

² Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 101–102.

³ Там же. С. 248–250.

Закон от 27 декабря 1812 года, который разрешал крестьянам вести торговлю и промысел, не имея для этого специальных свидетельств, артельщикам, напротив, предписывал ежегодно приобретать эти документы за 40 рублей¹. Фактически такой сбор осуществлялся далеко не со всех действующих в то время артелей, реально выплачивали такие суммы лишь немногие, и притом наиболее состоятельные артели.

Основные формулировки из Устава цехов 1799 года с небольшими дополнениями вошли в Торговый устав, в главу, посвященную биржевым артелям, включавшую 12 статей. Под артелями в законе понимались общества работников для отправления служб и работ, силам одного человека несоразмерных, а биржевыми – те артели, которые отправляют разные работы на бирже, при таможене, при городских амбарах и буянах², в рядах и тому подобных торговых помещениях. В состав артелей входили собственно артельщики, а также новики и мальчики. Вступающие должны были вносить в артель определенную сумму денег – вкуп, до внесения которой они считались новиками, или мальчиками. На общем собрании артель выбирала себе старосту и казначея сроком на год. Хозяин, пользующийся услугами одной артели, не имел права обращаться за помощью к другой. В случае, если артель не могла своими силами справиться с объемом работ, ей позволялось привлекать к делу наемников. Не окончив работ, коллектив артели не имел права расходиться. Артельщики связывались между собой круговой порукой. Срок существования союзов должен был быть не менее года³. Исаев, анализируя эти нормы, приходил к следующему весьма справедливому заключению: «...Для артели эти 12 статей не дают ничего, так как

¹ ПСЗ. Т. XXXII. № 25 302. С. 490–492.

² Буяны, в XVIII – начале XX вв. – общее название небольших, часто искусственных, островов, на которых располагались склады для хранения различных товаров, которые было удобно транспортировать по воде.

³ СЗРИ Т. XI. СПб., 1857. Устав Торговый. Ст. 2409–2421.

нельзя же считать особым благополучием, что закон освящает во внутренней жизни артели те порядки, которые и помимо вмешательства законодателя неразрывно связаны с существованием всех самостоятельных артелей»¹.

Была предпринята попытка урегулировать деятельность штуров, организацию которых артелью можно назвать с большой долей условности, так как штуры являлись подрядчиками, пользующимися наемным трудом. Согласно Торговому уставу, в артели штуров могли приниматься только купцы и мещане. На работы штуров устанавливалась определенная такса, среди них вводилась круговая порука. Штуры были обязаны всегда иметь некоторое число запасных рабочих для надобностей шкиперов, а последние имели право нанимать рабочих и помимо штуров².

Осуществляя поездку по Волге, главноуправляющий путей и сообщений К. Ф. Толь обратил внимание на частые случаи побегов бурлаков во время пути; кроме того, существенным недостатком в глазах властей являлось то, что в случае нападения на судно и попытки ограбления бурлаки обычно не препятствуют этому. Главноуправляющий пришел к выводу, что бурлаки должны быть ответственными за поступки своих товарищей. Однако министр внутренних дел Д. Н. Блудов отнесся неодобрительно к такому предложению, так как артели бурлаков порой состояются из людей, не знающих друг друга, и поэтому нельзя требовать, чтобы они поручались друг за друга. Более предпочтительным министру казался вариант, когда за работника поручается помещик или сельское общество. «Только одобрение или поручительство со стороны общества и помещика может оздоровить ту атмосферу, в которой происходил наем бурлаков и протекала их работа»³. Толью было поручено исправить проект.

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 240.

² СЗРИ Т. XI. СПб., 1857. Устав Торговый. Ст. 2421.

³ Гессен Ю. И. Бурлаки в первой половине 19-го века // Архив истории труда в России. 1921–1922 гг. 1921. Кн. 2. С. 34.

Однако Николай I, осуществив поездку по Волге, также озаботился положением бурлаков и посчитал, что необходимо «учредить на судах надзор за судорабочими, возложив сие на них самих и обязав их круговую друг за друга ответственностью»¹. В результате точка зрения Толя победила, и 31 декабря 1836 года Государственным советом было утверждено положение «О взаимных правах и обязанностях судовладельцев, или судопромышленников и бурлаков, или судорабочих». Главноуправляющий путями сообщения и правительственными зданиями в своей записке императору высказывался со всей убежденностью «в совершенной возможности учредить обязательные артели, увеличить наемную судорабочим плату, уменьшить между ними побег и улучшить их состояние и поведение мерами, в проекте постановленными», притом добавлялось, что «новое положение несколько не стеснит свободы нанимающих и нанимаемых». Наниматели должны были обзавестись шнуровой тетрадью, куда вносились имена наемных работников. Эта тетрадь перед отправлением судна предоставлялась для проверки представителям властей. Об ответственности артельщиков говорилось следующее: «Все нанявшиеся на каждый караван, или раздробительно на суда и плоты одного хозяина, отвечают круговую друг за друга порукою, дабы в случае побега кого-либо из артели хозяин имел право возратить с артели то число денег, которое не заработал бежавший, если он получил до того задаток или был на харчах хозяина». Для более оперативной организации рабочих и принятия ими на себя круговой поруки им вменялось в обязанность отправляться из их поселений, сразу организовавшись в артели.

При исполнении непосредственных обязанностей организация предполагалась следующая: «состоящие в караване одного хозяина, или раздробительно на плотях

¹ Цит. по: Пажитнов К. А. Рабочие артели // Архив истории труда в России. 1923. № 10. С. 59.

и судах, составляя одну по каравану, или отдельные по судам и плотам артели, поставляют над собою старшего, по общему из среды своей набору, приказчика с двумя, тремя и более, смотря по артели, помощниками для сохранения порядка и исправности на судах, плотях или в караване». Хозяин мог наказывать провинившихся только с санкции артели: «С ленивых, нетрезвых, порывавшихся к побегу, буйных и нерачительных, хозяин имеет право... взыскивать по словесному приговору артели набавлением на них работы, удержанием некоторой части из платы в пользу артели и телесным наказанием, смотря по вине и последствиям проступков». При получении бурлаком серьезной травмы или увечья хозяин обязан был выплатить ему двойную плату, о которой до этого договаривались стороны, кроме того, хозяин оплачивал стоимость лечения и обратной дороги пострадавшего домой. А вот заболевшим содержание должна была обеспечивать уже сама артель. Ю. И. Гессен особо останавливался на правах артели, к которым, в частности, относилось то, что «в ее распоряжение поступают средства, которые служили бы компенсацией на случай, если артели придется понести убытки вследствие побега рабочих, за которых артель должна была расчитаться с хозяином, или вследствие болезни товарищей, лечение коих падало на ее счет»¹.

Письменный договор при найме представлялся законодателям ненужным, так как «тетрадь заменяет всякое письменное условие, вовсе бесполезное и затруднительное для простого народа, поелику с одной стороны круговая порука и собственная управа артели достаточно обеспечивает хозяина на случай побегов, буйства, лености и проч., а с другой, определительность их обоюдных прав ручается и за благосостояние рабочих, или бурлаков, коих обязаны ограждать все власти полицейские как судоходного, так

¹ Гессен Ю. И. Бурлаки в первой половине 19-го века // Архив истории труда в России. 1921–1922 гг. 1921. Кн. 2. С. 33.

и гражданского ведомств; равным образом они обязаны содействовать всеми средствами судам к замещению убылых по разным случаям людей скорым приисканием благонадежных, с узаконенными видами, рабочих». Все денежные расчеты хозяин вел самостоятельно, записывая в тетрадь, контроля над ним со стороны артели никакого при этом не было. Убытки за простой судна записывались на счет артели. Если же хозяин поиздержался на беглых и больных и средств для оплаты обратного пути артельщиков у него не оставалось, то деньги эти должны были внести либо поручители, либо сами рабочие оставляли за себя двух-трех человек их отрабатывать. Имущество хозяина в случае недостатка у него средств для оплаты работы бурлаков могло быть описано и продано. Смотритель пристани, куда должно было прибыть судно, обязывался контролировать расчет хозяина с бурлаками, а также отправку последних домой¹.

В Положении о частной золотопромышленности на казенных землях Сибири от 1838 года можно отыскать статьи, посвященные организации старательских артелей. Заниматься добычей золота в Сибири позволялось только дворянам, почетным гражданам и купцам первой и второй гильдий. Представители низших классов могли выступать только в качестве наемников. Артельная организация предписывалась старателям еще на этапе их следования к месту работ: «Если из одного селения, волости или города нанято несколько человек, то вменяется им в обязанность отправляться на места работать артелями с самого места их жительства, поставив над собой в каждой артели одного старосту с двумя или более помощниками на весь путь, для сохранения порядка, и вручая ему свои паспорта, с круговой порукой в неотлучке от артели и должном ему повиновении». Артельный староста властен был не только «укрощать, но по совещании с помощниками и наказывать всякое буйство наемника, принадлежащего к его артели».

¹ ПСЗ Т. XI. Ч. 2. № 9818. С. С. 357–363.

Местное начальство должно было следить за тем, чтобы старатели отправлялись к месту работ в срок. По прибытии артельщики отдавали свои паспорта или специальные билеты, а взамен получали расчетный лист, где отмечались суммы, шедшие в вознаграждение труда и штрафы. Старательские артели были строго подконтрольны их нанимателю, а их самостоятельность являлась весьма ограниченной. В Положении специально оговаривалось: «Для сохранения внутреннего порядка между рабочими и для удобнейшего производства самых работ дозволяется каждому промышленнику разделять своих рабочих на новые артели. В каждую таковую артель промышленник назначает от себя старосту, а рабочие со своей стороны двух выборных». Так называемой артельной расправе было предоставлено право «с ведома промышленника или его приказчика» осуществлять «право умеренного домашнего исправления рабочих, артель составляющих», то есть «ленивых, не трезвых, обличенных в запрещенной картежной или иной игре, порывавшихся к побегу и буйных» предполагалось наказывать «по словесному ее приговору набавлением на них работы, удержанием некоторой части из платы в общую пользу артели, и смотря по вине и последствиям проступка, розгами, не более однако ж ста (!) ударов». Наемники были обязаны беспрекословно исполнять все работы, как им укажет хозяин или его приказчик. Старатели не имели права оставлять работы до истечения их срока без согласия приказчиков или хозяина. Не могли они также и требовать прибавки к оплате труда. В Положении закреплялась жесткая зависимость артельщиков от их нанимателя: «Рабочие на промыслах должны быть в полном повиновении у нанявшего их хозяина, или доверенного приказчика, хотя бы и не было между ними формального явочного договора». Неповиновение артели на прииске наказывалось судом по всей строгости законов¹.

¹ ПСЗ. 2-ое собр. Т. XIII. Ч. 1. № 11 188. С. 390–401.

По новому положению об общественном управлении Санкт-Петербурга, вышедшему в 1846 году, действие служебных и рабочих цехов возобновлялось. Цехи наемных слуг и рабочих могли разделяться на артели. Артели учреждались по добровольному решению членов какого-либо цеха и открывались с разрешения цехового и сословного начальства. «Артель составляется из настоящих артельщиков и новиков: первые вносят при вступлении определенную сумму денег; новиками называются те, которые еще не внесли вкупной суммы, но постепенно уплачивают ее из заработков». Артельщики избирали из своих рядов старосту, ведавшего делами артели, и его помощников. В одной артели должно было быть не менее десяти человек. Наконец, деятельность артели могла быть прекращена только по соглашению меж собой артельщиков, с разрешения начальства цеха и с ведома сословного начальства¹. Подобные цеха предполагалось постепенно распространить кроме столицы и на другие города.

По положению от 12 июня 1886 года о найме на сельские работы помимо найма в индивидуальном порядке, предполагался найм целыми семьями, а также артелями. Специально разъяснялось, что собой представляет артель: «Под артелью разумеется совокупность лиц, вошедших в соглашение между собой о совместной работе с круговым друг за друга ручательством». Договор с нанимателем мог быть как словесным, так и письменным. В случае заключения договора и выдачи договорного листа последний служил «доказательством самого существования артели». Порядок устанавливался следующий: «При выдаче договорного листа на артель, установление, выдающее лист, обязано удостовериться, согласны ли все члены артели на включение их в ее состав, а также кого они избирают артельным старостой и его заместителем на случай болезни или смерти. Для такого удостоверения требуется предъяв-

¹ ПСЗ. 2-ое собр. Т. XXI. Ч.1. № 19 721. С. 244.

ление письменного артельного условия, а при отсутствии такого производится опрос всех членов артели при свидетелях, в числе не менее двух»¹.

Все эти правовые нормы в первую очередь имели в виду не интересы самих артелей и их членов, а тех лиц, которым приходилось соприкасаться с артелями в своей предпринимательской деятельности. «В статьях, посвященных артелям, – отмечает Исаев, – почти незаметно стремление законодателя оградить эту форму труда от внешнего давления, и в то же время резко обнаруживается желание создать такие условия, которые были бы способны обеспечить всех, пользующихся услугами артелей, от ущерба, которые артели могут им нанести». При этом Исаев не отрицает того, что в законодательстве «встречаются иногда и статьи, которые имеют целью оградить важнейшие интересы самих артелей», но дело в том, что они «часто неясны, неопределенны, допускают различное и часто несогласное с выгодами артелей толкование, а потому и не могут служить для исследуемых нами союзов оплотом против давления стороны, экономически сильной»².

Земельная реформа 1861 года оказала на крестьянские промыслы, многие из которых велись артельно, неоднозначное влияние. Сокращение земельных наделов, высокие выкупные платежи вынуждали крестьян к более активным занятиям промыслами. Однако отказываться от земледелия крестьяне не спешили, так как в условиях развития капитализма риск пролетаризации существенно повышался, в такой ситуации сельское хозяйство могло выступать как своеобразная страховка на случай неудачи в кустарном производстве³. Хозяйство у деревенских кустарей оказывалось гораздо более устойчивым, чем у городских. Именно заня-

¹ ПСЗ. 3-е собр. Т. VI. № 3 803. С. 292–299.

² Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 236–237.

³ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века). Казань, 2005. С. 46–47.

тие сельским хозяйством придавало им эту устойчивость. Городские кустари, не имея подобных дополнительных источников существования, подчас не могли придерживаться свой товар и ждать подходящей цены, а потому были вынуждены, чтобы обеспечить свои жизненные потребности, сбывать продукцию за бесценок¹. В нечерноземье кустарная промышленность (т.е. производящая продукцию на рынок) была сосредоточена в сельских районах. В земледельческих регионах, напротив, она была сосредоточена в городах и местечках, а в сельской местности преобладали ремесленники, работающие на заказ. В нечерноземных регионах трудилась основная масса кустарей (60%), а связь с земледелием делала их положение более устойчивым. Именно этот путь, как считает В. Г. Егоров, был магистральным для России².

В последней трети XIX века артели сталкиваются с бурным ростом капиталистических отношений. С одной стороны, это означало увеличение капитализации самих артелей, с другой стороны, это происходило на фоне наступления крупного машинного производства, что опережало естественное движение кустарного производства к концентрации, лишало ее экономической целесообразности. Капитализация хозяйства, обусловившая консервацию рудиментарных форм экономических отношений и массовое обнищание мелких товаропроизводителей, ослабляла объективную тенденцию появления кооперативных объединений³.

В этот период русская артель переживает состояние своего рода бифуркации – у нее появляется шанс стать более цивилизованной, развитой, юридически и социально адаптированной формой народной самоорганизации. С другой

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века). Казань, 2005. С. 51.

² Там же. С. 58–59, 62.

³ См. Егоров В. Г. Кооперативное движение в дореволюционной России (новый взгляд) // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 3–18.

стороны, становятся не просто многочисленными, но типичными случаи перерождения артелей под влиянием капиталистов и капиталистических отношений. Этой дилемме в истории мы посвятим отдельную главу своего исследования.

4. После отмены крепостного права

Начало формирования в России капиталистических отношений принято относить к последней трети XVIII века, времени, когда наблюдался стремительный рост числа предприятий в текстильной промышленности, проводилась политика активного поощрения крестьянских промыслов, до полумиллиона увеличивалась масса наемных работников. Л. В. Милов пишет, что «в итоге» сложнейшей эволюции к концу XVIII века... вполне сформировался тот тип производственных отношений, который в историографии именуют капиталистическими¹. Окончательный же переход к новому способу эксплуатации, как это традиционно считалось в отечественной исторической науке, произошел в России после отмены крепостного права в 1861 году. В эту эпоху в стране происходил промышленный переворот, формировался всероссийский рынок товаров, строилась железнодорожная сеть, к середине 1880-х годов заверченный вид приобрела система капиталистического кредита.

Крестьянская община еще долгие десятилетия после реформы сохраняла свои позиции, хотя некоторые ее механизмы могли активно не использоваться, например, земельные переделы производились все реже. Определенное влияние на крестьянское мировоззрение оказывала практика отходничества: исподволь подтачивая общинный уклад, его нравственные скрепы. Однако община продолжала существовать, и даже столыпинская аграрная рефор-

¹ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М., 2006. С. 528.

ма не смогла разрушить устои общины, а в ходе революций 1917 года наблюдалась и своего рода «общинная реакция», когда в крестьянской массе стихийно происходил возврат к традиционному укладу жизни. Что касается артельных форм, то в этих условиях они меняли как свои традиционные ниши в экономике в целом, так и региональные ниши в частности.

Во второй половине XIX – начале XX века в результате развития капитализма в России артельные формы труда сохранялись в областях хозяйства с низким уровнем капиталоемкости, т.е. непривлекательных для инвестиций. Как правило, основную часть стоимости товара в этих отраслях составлял непосредственно труд работника, т.е. они требовали высоких трудозатрат. Это гончарное и камнеобрабатывающее производство; грубая деревообработка (углежжение, смолокурение), рогожный, валяльный, корзиночный, лапотный промысел; утилизация животных отходов и т.д. Артели сохранялись в тех видах хозяйственной деятельности, где невозможно было без потери качества перейти к крупномасштабному производству. Это, например, прикладное искусство. Помимо того, артели продолжали существовать в регионах, связи с которыми были затруднены из-за их отдаленности и труднодоступности. В качестве примера можно привести Вятский столярный район, где, по данным Н. П. Первушина, относящимся к концу XIX века, из 836 промышленников 654 (76%) работали самостоятельно или артельно¹.

Артели ликвидировались в тех отраслях производства, где они сталкивались с конкуренцией крупного производства, а также там, где качество продукции не утрачивалось при переходе к крупному производству. Существенные препятствия создавались для развития артелей также в тех

¹ См. Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): Монография. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. С. 110.

областях, где требовались значительные капитальные вложения. Н. И. Шевлягин, исследуя кожевенное производство Курской губернии (1892 год), отмечал, что в кожевенном и сыромятном производстве артельной организации не встречается, т.к. продукция единоличных производителей имеет хороший сбыт, кроме того, в эту сферу уже начал вторгаться капитал, бороться с которым было затруднительно.

В литературе об артели новая историческая ситуация нашла наиболее концентрированное эмоциональное выражение в работе Г. П. Сазонова «Народные артели»: «Голодная, дочиста обираемая, забитая, но сильная, почти могучая своим существом, проникнутая великими принципами общности, равноправности, кроткая, смиренная, девственница-артель вступает, или скоро должна вступить, в решительный бой с врагом. А враг ужасен. Будучи сам по себе богатырем, с ног до головы закованный в несокрушимые доспехи науки, знания, прогресса, он – любимое детище государства, печати, – хитрый, все рассчитывающий, безжалостный, жестокий, не щадящий ни жен, ни детей, с безмерным желудком, с неукротимым аппетитом¹.

А. А. Исаев дает в связи с развитием капитализма следующую прогноз: «Не подлежит сомнению, что артельная форма, раз она не будет сделана предметом внешнего воздействия, будет получать все более редкое применение. И редкость применения будет следствием давления на артели капиталистических предприятий. 1) Артели, привлекающие из своего промысла обильные выгоды, будут становиться все менее доступными: они будут все более возвышать свой взнос, исполнять все больше работ с помощью людей наемных и, захватив в свое исключительное ведение весь запрос на труд известного вида, препятствовать возникновению новых артелей. (...) С тем вместе, в отраслях труда, которые могут долго сохранить артельную форму, артели имеют стремление утрачивать свою хозяйствен-

¹ Сазонов Г. П. Народные артели // Русская мысль. 1881. № 4. С. 314–315.

ную и, частью, юридическую самостоятельность. (...) Рост капитала, умножение населения, при неизменности площади крестьянских земель, оставление сельского хозяйства многими домохозяевами – все это способствует имущественному неравенству и побуждает артели или прибегать к дорогому кредиту и чрез то терять хозяйственную самостоятельность, или же становиться под главенство предпринимателя. Кто желает охранить артель в силу ее самобытности от внешнего воздействия, тот должен стремиться прежде всего к освобождению предприятий этой формы от давления капитала»¹. При этом Исаев отмечал, что мелкое производство могло еще долго удерживать позиции там, где мода, вкус потребителя играли главную роль, где не приготавливались массы изделий одного образца, а потому введение машин становилось затруднительным.

Бедность населения естественным образом тормозила развитие артельного движения русского общества. Из-за бедности происходила известная зависимость простого населения от местных кулаков и воротил. «Местные кулаки в большинстве случаев являются противниками артелей, и одно это обстоятельство служит значительным препятствием распространению кооперации среди трудящихся»². Банальным невежеством объяснялся и тот факт, что, «будучи вообще склонным к артели, русское население применяет артель только в ограниченных, простых случаях, когда ему известны все обстоятельства данного дела и когда это дело производится на глазах у всех, так что каждый имеет возможность следить за всеми, и все – следить за каждым»³. Создание сложных высокоорганизованных форм кооперации было в России крайне затруднено и происходило лишь при деятельной и масштабной поддержке

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 319–321.

² В. В. (Воронцов В. П.) Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 19.

³ Там же. С. 18.

со стороны государства, земств, общественных институтов, благотворителей.

Имеет смысл привести ряд суждений выдающихся исследователей артели по теме ее противостояния с капиталом.

Ф. А. Щербина совершенно ясно засвидетельствовал еще в XIX столетии тот простой факт, что на смену преобладающего влияния военных условий и обстоятельств явились обстоятельства капиталистические. Артельные формы сразу же столкнулись с такими экономическими комбинациями, вся сила которых направлялась прямо на их разрушение¹. «Личная нажива и накопление капитала получили значительный простор. Явились чумаки-капиталисты, составлявшие валки и ватаги на началах личной предприимчивости и своих непосредственных интересов в ущерб артельному началу. Артели разрушались и атрофировались. В жизни южноруссов зарождался и, точно лавина, охватывал все жизненные стороны новый чисто капиталистический строй торговых отношений, подрезывавший демократическое чумачество в самом корне. На месте чумаков стали появляться купцы, банкиры, банки и компании. Пароходы и железные дороги лишили чумаков последней почвы, отняв у них возможность даже самого извозного промысла. Запорожские рыболовные ватаги были наполовину зависимыми от капитала артелями. Запорожцы нанимали пришлых поденщиков “аргатов”² для своих ватаг. Дележ добычи шел на хозяев рыболовных снастей (50%) и на ватагу (50%)»³.

Совершенно очевидным в истории кооперативной мысли представляется тот простой факт, что капитал мож-

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 45.

² Аргат (греч. εργον – работа) – наймит, работник, батрак. Аргатами называли в Запорожской Сечи в XVIII столетии бедных казаков, которые нанимались на какие-либо работы, в том числе за границей.

³ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 45.

но и должно собирать *путем объединения и сбережения*¹. «Величие кооперации заключается именно в том, что к осуществлению ее можно приступить без всякого капитала. Чтобы начать дело, человеку достаточно иметь только заработную плату и хорошего товарища. Если же они найдут третьего, который соединится с ними, то они могут сказать: тройной шнур не легко рвется»².

К началу XX столетия в отличие от предшествующих полуфеодальных и полукрепостнических производственных отношений капитализм принципиально изменил условия функционирования кооперации:

- социальной базой кооперативов становится подавляющая часть общества, а не отдельные группы крестьянства и других слоев населения;
- на первое место выходят экономические и социальные мотивации, а не религиозные, сословные и кооперативные;
- появляются уставы кооперативов, регистрируемых правительством, формируется законодательная база. Населению после революции 1905 года **предоставляется конституционное право на создание кооперативов**;
- в деятельности кооперативов используются предпринимательские методы хозяйствования, которые в сочетании с принципами кооперативной организации качественно повышают результативность хозяйственной деятельности и социальную устойчивость³.

Капиталистическая индустриализация, напрямую воздействующая на хозяйственный строй кустарей, направила кооперативную эволюцию промыслов в виды труда, неспособные без ущерба качества продукции воспринять черты, свойственные крупномасштабному производству. Кроме того, капитализм теснил кооперацию в отрасли,

¹ Пажитнов К. А. История кооперативной мысли. Пг., 1918. С. 13.

² Там же. С. 16.

³ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 38.

не требующие больших инвестиций, и регионы, где в силу отсутствия транспортных коммуникаций, недостаточной концентрации промыслового населения или сырьевой базы не сложились благоприятные условия для освоения капиталом. Напротив, наиболее активному внедрению буржуазных отношений подверглись отрасли кустарного производства, профиль которых обуславливал их конкуренцию с крупной индустрией и объективно предопределял переход к масштабной технологии. Включение промысловиков в систему домашнего капиталистического производства подрывало общественную значимость уникального труда мастера, изделия которого имели определенную художественную ценность. Унификация товара, выпущенного кустарями по заказу капиталистов, вела к утрате традиционных качеств ручного труда. Таким образом, на смену мастеру, обладающему умениями и навыками, оттачиваемыми веками, являлся иной социальный персонаж – работник, выполняющий примитивные операции фабричного конвейера на дому.

В таких отраслях как деревообработка, гончарное, валяльное и камнетесное производство, преобладающую часть стоимости товара составляла стоимость трудовых усилий мастера. Именно поэтому капиталистическое освоение этих отраслей могло осуществляться лишь в сбыто-снабженческой сфере и не затрагивало собственно производства. Относительно свободное функционирование промыслов в этих видах крестьянского рукоделия допускало естественный ход эволюции мелкой промышленности посредством кооперирования.

Отдаленность некоторых кустарных районов также препятствовала их капитализации. Наиболее распространенной формой хозяйственных объединений кустарей в конце XIX века являлись сырьевые товарищества. В отличие от сбытовых союзов они имели дело с менее капиталоемкими продуктами, а следовательно в меньшей

степени привлекали частную инициативу торговых посредников. Немногим более половины кустарей и ремесленников было втянуто в сферу буржуазных отношений¹. Там же, где обладатели солидных финансов включались в формирование кооперативных форм, было налицо противостояние труда и капитала. Например, в Ярославской губернии организаторами артелей стали зажиточные крестьяне, которые прибрали сыроварни к своим рукам². «Без года неделю существовали артели, метеором промелькнули и, умирая после краткого периода агонии (иначе и назвать нельзя их мимолетное существование), вызвали к жизни как будто нечто противоположное себе, нечто такое, чему они сами должны были идти на смену. Сыграв роль прививки молочного хозяйства, артели «отцвели, не успевши расцвести», а отцветая, удобрили почву, на которой их так усердно насаждали, и на почве этой расцвели пышным цветом маслодельные и сыроваренные заводы “сметливых” предпринимателей. Странный удел, удивительная судьба!»³ Из разных примеров видно, что изначально кулаки и помещики привлекали крестьян к организации сыроваренных артелей, потому что собственных коров у них для такого дела было недостаточно. Однако затем по мере развития дела они старались избавиться от крестьян-участников предприятия, дабы барыши шли уже непосредственно только в их карман. И артели исчезали, превращаясь в частное производство, о чем и свидетельствует все тот же равнодушный автор: «выращивали как будто великое “артельное начало” в русском народе, а на деле — оказались повивальными бабками для отече-

¹ См. Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века): Монография. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. С. 109–112.

² А. П-р-ъ. Артельная эпопея. Из истории «артельных начинаний» // Новое слово. Год III. Кн. 2. 1897. С. 43. (данная работа, по всей видимости, принадлежит перу марксиста и социал-демократа А. Н. Потресова).

³ Там же. С. 50.

ственных предпринимателей, мелких, средних и крупных капиталистов!»¹

Современный исследователь артельных форм справедливо замечает, что в условиях становления крупного капиталистического производства, высокого уровня развития конкуренции сужается сфера деятельности артелей, которые, как правило, вытесняются крупным капиталом в сферу малого и среднего предпринимательства. В современных условиях основной нишей артельного производства можно считать традиционные для этой формы собственности работников разного рода народные промыслы (старательные, рыболовные и т.д.)².

Несмотря на победоносное шествие капитализма и стремительное завоевание им ведущих позиций в национальной экономике, в XX веке его экспансия в России была пресечена социальной революцией. В этой связи судьба артельных и кооперативных форм вновь оказалась под вопросом. В истории русской артели и промысловой кооперации XX век стал, пожалуй, эпохой наибольших надежд и тяжелейших испытаний.

5. Начало XX века: кооперативный бум и революция

На рубеже XX века артельное движение выходит на новую стадию. В 1895 году организуется Общество содействия артельному делу в России, а в 1902 году принимается первый законодательный акт о трудовых артелях, носящий общий характер, в отличие от ряда предыдущих, которые пытались регулировать лишь отдельные виды

¹ Там же. С. 51.

² Зимина Т. В. Артель как форма внутрипроизводственной демократии (опыт исторического анализа производственных артелей на Урале) // ЭКО (Экономика и организация промышленного производства). Новосибирск, 2004. № 5. С. 176.

артельной организации труда. По «Положению об артелях трудовых», утвержденному императором Николаем II в июне 1902 года, трудовой артелью считалось «товарищество, образовавшееся для производства определенных работ или промыслов, а также для отправления служб и должностей, личным трудом участников, за общий их счет и с круговой их порукою»¹. Устав артели подавался на утверждение губернатору. Центральным органом управления в артели являлось общее собрание ее членов. Провозглашался принцип: «Один человек – один голос». Дела решались на собрании, где присутствовало не менее половины членов артели, простым большинством голосов. Вопросы особой важности требовали участия на собрании либо лично, либо по доверенности не менее двух третей всех членов артели. При этом для принятия того или иного решения проголосовать должны были не менее двух третей всех присутствующих².

Принцип равенства и ответственности друг за друга ярко проявлялся в финансовых аспектах деятельности артели. Согласно положению, «членские взносы должны быть одинаковы для всех членов артели; распределение же между ними заработка артели производится соразмерно с участием каждого в работах артели личным трудом, по постановлениям общего собрания». По своим обязательствам и за причиненные убытки артель отвечала всем своим имуществом. Но в первую очередь необходимые суммы могли быть потребованы у тех лиц, по вине которых был нанесен ущерб. Если же для возмещения убытков артельного имущества было недостаточно, то к ответственности по круговой поруке привлекались члены артели, жертвуя своим личным движимым и недвижимым имуществом. В то же время положение содержало норму, согласно которой «имущество и капиталы артели не могут быть обращаемы на

¹ ПСЗ Т. XXII. № 21 550. С. 416.

² Там же. С. 417.

удовлетворение взысканий по личным долгам и обязательствам отдельных ее членов»¹. Нарушители артельных порядков, согласно закону, подвергались выговорам, денежным штрафам, временному устранению из артели или даже исключению из нее. При этом выбывший или исключенный артельщик в течение года продолжал быть ответственным по обязательствам артели, возникшим до его выхода.

На 1 января 1904 года, по некоторым данным, в России насчитывалось 156 кустарно-промысловых артелей, в том числе 26 портновских, 20 столярных, 15 сапожных, 12 слесарно-механических. В начале 1910-х годов кустарно-промысловых товариществ насчитывалось уже более 200². В 1915 году Министерство торговли и промышленности издало «Справочник об артелях трудовых», в котором перечислялись существующие на тот момент артели. Всего в нем значилось 507 артелей. Однако К. А. Пажитнов, проанализировавший материал справочника, отмечал, что некоторые союзы попали туда по случайности, например, артели подрядчиков, управляющих домами, жилищные, коммерческие или биржевые и проч. К сомнительным Пажитнов относит 21 артель, следовательно, действительно трудовыми оставались только 486 из них³. Что же это были за артели? Пажитнов разделяет их на три группы: кустарные – всего 51 артель, трудовые – 212 и производительные – 223.

Среди кустарных выделяются следующие артели: сапожные – 19, кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий – 9, столярные – 6, ткацкие и кружевные – 3, рогожные – 3, портняжки – 2 и прочие – 3.

Трудовые артели представлены союзами грузчиков и крючников – 53 артели, посыльных и носильщиков – 31,

¹ Там же. С. 418.

² Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 122.

³ Николаев со ссылкой на М. Л. Хейсина приводит другое число: 244 промысловых кооператива, объединивших 10 тыс. членов.

строительных рабочих – 25, маляров и живописцев – 24, ночных сторожей и караульных – 15, чертежников, техников, землемеров и т.п. – 13, артелей монтеров и водопроводчиков – 8, газетчиков и продавцов печатной продукции – 7, театральных капельдинеров – 6, бухгалтеров и конторщиков – 6, парикмахеров – 4, комиссионных и по поставке служащих – 3, дворников и домовой прислуги – 3, по убою скота – 3, полотеров – 3, печников – 2, по одной артели банщиков, водолазов, якорщиков, музыкантов, стенографов и интеллигенции.

Наконец, среди производительных товариществ были перечислены следующие: артели в сфере транспортной промышленности – 29, по обработке металлов и изготовлению различного рода орудий и машин – 29, официантов, поваров и кондитеров – 29, по изготовлению предметов одежды – 28, обработке дерева – 27, ювелиров – 19, сапожных – 15, переплетных и типографских артелей – 8, кожевенных и скорняжных – 8, кирпичных – 4, мраморных – 4, ткацких – 3, прочих – 20. Уставы подавляющего большинства перечисленных артелей (392) были утверждены в период с 1905 по 1914 год¹.

Имеются некоторые сведения о численности артелей в двух столицах Российской империи предвоенного периода. Так, по данным 1912–1913 годов, в Московской губернии всех кустарно-кооперативных организаций действовало 29, из них 17 имели утвержденные уставы, а остальные 12 опирались в своей работе на нотариально засвидетельствованные договоры. Из этих 29 кооперативов кустарей в 1913 году 14 являлись производительными артелями, 11 – складочными обществами, 4 – складочно-потребительскими². По дан-

¹ Пажитнов К. А. Рабочие артели // Архив истории труда в России. 1923. № 10. С. 71–72.

² Материалы по кооперации в Московской губернии. Вып. IX. Кооперация среди кустарей Московской губернии в 1912–13 году / Сост. Е. П. Петров, агент-специалист по кустарной кооперации Московского губернского земства. М., 1914. С. 5.

ным 1909 года в Петербурге действовало около двух десятков артелей. Среди основных проблем, с которыми они сталкивались, отмечались такие, как отсутствие дисциплины у артельщиков, пьянство, неумение ориентироваться на рынке. Дисциплина в некоторых случаях восстанавливалась благодаря «самодержавию правления» и применению кооперативно репрессивных мер.

Характеризуя русские артели XIX – начала XX века, О. А. Платонов приводит факты, свидетельствующие об их достижениях и большом размахе их деятельности. Так, в начале XX века несколько десятков артелей менее чем за 4 года выстроили гостиницу «Метрополь». Артелями выстроено 893 км каналов и 1317 км шлюзованных участков рек. С 1838 по 1917 год артели провели 90 тыс. км железных дорог¹. Один из самых грандиозных транспортных проектов – Транссибирская железнодорожная магистраль протяженностью в 7,5 тыс. км – была построена, как пишет Р. М. Гусейнов, «за 10 лет силами всего 8 тыс. русских артельщиков, которые, используя лишь силу кооперативного труда и свою смекалку, сделали это без современных механизмов и сегодняшних достижений инженерной мысли»².

С. С. Маслов в своем исследовании о земледельческих артелях сообщал, что за сорокапятилетний период после отмены крепостного права он имел сведения о существовании только 10 артелей, следующие два десятка земледельческих артелей возникли в 1907–1914 годах³. Н. П. Огановский писал о 150 арендных товариществах, возникших в России после 1905 года, из них многие перешли к производительно-подсобной кооперации и даже к совместной обработке земли⁴. В книге В. В. Кабанова встречаются

¹ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 58.

² Гусейнов Р. М. Фантом капитализма в России // ЭКО. 1999. № 5. С. 159–160.

³ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 216.

⁴ Огановский Н. П. Аграрная реформа и кооперативное земледелие. Пг., 1919. С. 37.

иные данные: «в 1901 году земледельческих артелей насчитывалось 13, в 1903 – 28, в 1905 году – 78; к 1917 году их стало 107, в том числе 56 машинных товариществ, 47 земледельческих артелей и 2 арендных товарищества»¹. Приведенные данные о численности различных артелей, конечно, не претендуют на исчерпывающее отображение реального положения, информация об их количестве сильно разнится – по всей видимости, фиксировались лишь официально зарегистрированные артели, тогда как те, что действовали на основе обычного права, оказывались вне статистики.

Тем не менее очевиден ярко выраженный феномен кооперативно-артельного бума в России в первое десятилетие XX века. Рост числа кооперативов и артелей носил в этот период бурный характер. Как правило, статистика этого вопроса касается различных кооперативных товариществ всех видов в их сумме – так, известно, что за предвоенное десятилетие общее число кооперативных ассоциаций разных видов и типов, среди которых теперь преобладали сельские заведения, возросло с 4 тыс. до 30 тыс.² По данным С. Н. Прокоповича, за 10 лет с момента выхода положения об артелях трудовых (то есть за период 1902–1912 годов) их число увеличилось десятикратно.

Современный исследователь А. В. Лубков отмечает: «На 1 января 1914 года в пределах Российской империи уже действовало 32 218 кооперативов различного вида, объединявших не менее 10 млн членов. По числу кооперативов Россия до войны уступала лишь Германии (на 1 января 1914 года – 35 164 кооператива, в Австрии – 19 091), но в ходе войны она стала лидером кооперативного движения, а годы революции (1917–1918) явились периодом ее наивысшего подъема. На 1 января 1918 года в стране насчитывалось 51 417 кооперативов, членами которых

¹ Кабанов В. В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996. С. 20.

² Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 366.

были около 22 млн человек. Только издание кооператорами разного рода газет и журналов возросло за эти годы (1914–1918) с 29 наименований до 117»¹. К осени 1917 года кооперативная сеть так или иначе охватывала до половины населения страны. По подсчетам М. Л. Хейсина, можно опираться на следующие данные о динамике численности кооперативов разных видов, хотя при этом не были учтены данные по кустарным артелям (см. таблицу).

	1901–1902 годы	1917 год
Кредитные кооперативы	837	16 055
Потребительские общества	600	20 000
Сельскохозяйственные общества	137	6 032
Сельскохозяйственные товарищества	?	2 100
Маслодельные артели	51	3 000
ИТОГО	1625	47 187

Развитие различных видов кооперации в этот период было внутренне связанным: производственная кооперация финансировалась во многом через посредство кредитной, потребительская кооперация все больше охватывала широкие слои населения, накладываясь на участников трудовых кооперативов и артелей. Важным фактором развития всей кооперативной самоорганизации населения стало государство. Особенно масштабной эта государственная поддержка стала в годы войны. Система кредитных кооперативов выросла главным образом именно в этот период и на средства казны: только в 1914 году государство вложило в виде ссуд 100 млн рублей². Правительство начинает активно поощрять развитие промысловой кооперации

¹ Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997. С. 6.

² Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 75.

и даже насаждать ее, постепенно делая шаги, которые в дальнейшем приводят к фактическому ее огосударствлению. «Кооперация, насажденная “сверху”, – пишет В. Г. Егоров, – в отличие от всего остального промыслового “пространства” была в наибольшей степени, нежели стихийная масса мелких товаропроизводителей, скупщиков, предпринимателей, адаптирована к государственному контролю и руководству. Поэтому экономическая политика правительственных ведомств в отношении кустарной промышленности включала в себя два направления: ассигнования на создание технически совершенных мастерских и передачу готового производства в распоряжение организованным в артели кустарям. Правительство не желало, да и не имело возможности строить свою политику, опираясь на разрозненных промысловиков. Причем препятствующие проведению централизованной политики государства в области мелкопромышленного производства представители буржуазии – скупщики, плотно контролирующие промысловые хозяйства, подверглись мерам силового давления»¹. Тем самым артели избавлялись от влияния частного капитала, который прежде действовал на них как извне, так и изнутри. В этой связи можно отметить, что антиправительственные настроения большинства идеологов кооперативного движения не имели ничего общего с реальными интересами тех артельщиков, которые получали в предреволюционный период военные заказы.

С началом войны в 1914–1915 годах прервали свою деятельность 99 артелей, но очень скоро стали появляться новые артели, работающие по военным заказам. «Получая подряды от правительства, – свидетельствовал В. Ф. Тотомианц, – эти артели в деревнях Средней России снабжали армию обувью и одеждой. В области сельского хозяй-

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук.: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. С. 182–183.

ства, где производительная кооперация сравнительно легко преуспевает, возникло значительное число новых видов кооперации: кооперативы для изготовления фруктовых и овощных консервов продавали свои продукты армии и населению. Маслодельные артели Сибири, возникшие еще до войны, снабжали армию превосходным маслом»¹.

В это же время начинается и союзное строительство. Так, в 1914 году приступил к работе Московский артельсоюз, объединивший 13 артелей, а в 1915 году – Боровичско-Валдайский союз, включивший в себя 28 артелей. К 1 января 1919 года насчитывалось уже 17 союзов, которые объединили 780 артелей². Как отмечает А. П. Корелин, после Первого Всероссийского съезда 1908 года кооперативное руководство «меняет свой характер: на смену дворянскому, помещичье-либеральному составу кооперативных “верхов” приходят неонароднические и либерально-интеллигентские представители, которые, декларируя аполитичность, надклассовость кооперации, привносят в кооперативное движение свои политические пристрастия. (...) Главной причиной нарастания оппозиционности последних были существенные расхождения в понимании правового положения кооперации, неприятие ее руководством всеобъемлющей опеки, контроля и надзора властных структур»³.

По данным Совета всероссийских кооперативных съездов, рост числа союзных организаций шел следующим темпом: в 1913 году возникло 11 союзов, 1914 – 26, 1915 – 68, 1916 – 194, 1917, за 9 месяцев – 113. Количество ссуд, выданных Московским народным банком, к 1 января 1918 года достигло 202,7 млн руб. Центральный союз потребительских обществ продал в 1917 году товаров на 210,6 млн руб. После

¹ Тотомианц В. Кооперация в России. Прага, 1922. С. 147–148.

² Пажитнов К. А. Рабочие артели // Архив истории труда в России. 1923. № 10. С. 72.

³ Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009. С. 367.

революции 1917 года созданы Совет всероссийских кооперативных съездов и ряд провинциальных советов¹.

* * *

Для правильного понимания ситуации, сложившейся в кооперативном движении во время войны и в ходе февральской революции, нельзя обходить стороной пресловутый **масонский фактор**. При внешнем нежелании многих деятелей кооперативного движения единым фронтом участвовать в политической борьбе, значительная их часть по совместительству принадлежала к политическому масонству и, вероятно, благодаря данному обстоятельству имела возможность в рамках этих закрытых структур вырабатывать свою консолидированную идейно-политическую позицию. Более того, сам последовательно «беспартийный» курс лидеров кооперативного движения при ближайшем рассмотрении можно оценивать как признак масонства.

Из современных исследователей, большинство которых стремится либо деликатно обойти данную тему, либо говорят о ней скороговоркой, достаточно внятную позицию занял А. В. Лубков, который объективно оценивает картину в верхах кооперативного движения перед Февральской революцией и в период власти Временного правительства. «Тесное взаимодействие масонства и кооперации – явление далеко не случайное, – отмечает Лубков. – Идея коалиции, объединения различных политических сил и партий, противостоящих режиму, была особенно близка обеим организациям (двум главным ложам. – *Прим. авторов*) и весьма искусно использовалась лидерами радикальной оппозиции»². Ряд лидеров кооперативного движения стали активно участвовать в подготовке свержения самодер-

¹ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России. Его теория и практика. Изд. 2-е. М., 1918. С. 3.

² Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997. С. 100.

жавия. При этом царские спецслужбы, судя по документам тайной полиции, были в курсе этих революционных планов, но их действия по предотвращению враждебных шагов демонстрировали малоэффективность.

Видный идеолог кооперации Дмитрий Иванович Шаховской, один из руководителей ложи «Великий Восток» в России, написал целый труд, из которого выводилось, что в России возникает свое самобытное масонство – не каменщики, а плотники. Это движение должно быть основано на духе плотницкого ремесла. Шаховской «ставил знак равенства между масонством и кооперацией. В этом он видел своеобразие отечественного масонства, его отличие от франкмасонства. Кооперация, по его мнению, призвана была сыграть в России ту объединительную роль, на которую претендовала европейская масонская организация»¹.

Временное правительство, как известно, было практически целиком и насквозь масонским коллективом. При этом на протяжении всего 8-месячного периода его деятельности видные кооператоры постоянно входили в кабинет министров и занимали в нем ответственные посты: «Весной 1917 года это были В. Н. Зельгейм, Д. С. Коробов, А. Е. Кулыжный и В. И. Анисимов (министр земледелия); летом – кн. Д. И. Шаховской (министр государственного призрения), С. Н. Прокопович (министр торговли и промышленности, затем министр продовольствия), В. В. Хижняков (товарищ министра внутренних дел); осенью – С. С. Салазкин (министр народного просвещения), С. Л. Маслов (министр земледелия), А. В. Чаянов (товарищ министра земледелия)»².

Сложилась своеобразная артель из высших кооператоров России. Есть основания полагать, что члены «артели» были скованы масонскими узами и дисциплиной, при которых личное желание «брата» играло второстепенную роль. Решение «артели» считалось непререкаемым. Вопрос

¹ Там же. С. 96.

² Там же. С. 154.

сы высшего назначения на ответственные политические посты решались коллегиально. Кооперативная верхушка, таким образом, «представляла собой замкнутый круг довольно близких, посвященных в единое дело людей, связанных между собой особыми связями»¹.

Одним из ключевых правовых решений Временного правительства стал кооперативный закон, о необходимости которого лидеры движения говорили уже много лет. В странах Западной Европы общеккооперативные законы были приняты во второй половине XIX века: в 1852 году в Англии, в Пруссии – в 1886 году, Общегерманский – в 1889 году, в Австрии и Бельгии – в 1873 году, Голландии и Румынии – в 1876 году, Швейцарии – в 1881 году, Италии – в 1882 году, Швеции – в 1895 году, Финляндии (!) – в 1901 году. В России различные виды кооперации были в сфере ведения разных министерств, действовала разрешительная, а не явочная система регистрации, что существенно осложняло и затягивало начало действия товариществ, затруднено было и объединение в союзы. На Первом кооперативном съезде в 1908 году было принято решение о необходимости разработки общеккооперативного законопроекта, создание документа было поручено специальному комитету, избранному на съезде, на Втором кооперативном съезде в 1913 году проект положения о кооперативных товариществах и их союзах был одобрен². И лишь 8 августа 1915 года законопроект был внесен на обсуждение в Государственную думу. Думская комиссия, занимавшаяся подготовкой законопроекта, сформулировала ряд принципов, среди которых было признание необходимости единого кооперативного закона, установление явочного порядка открытия кооперативных товариществ, предоставление им права объединяться в союзы, признание в качестве цели деятельности кооперативных

¹ Лубков А. В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997. С. 155.

² Телицын В. Л., Козлова Е. Н. Российская кооперация: Что это было: Очерки. М., 2009. С. 177–178.

товариществ – содействие материальному и духовному благосостоянию их членов. Но министерства к проекту отнеслись неодобрительно, предлагая его доработать. Так, Министерство финансов и Министерство земледелия предлагали не распространять действие будущего закона на кредитную кооперацию. Министерство торговли и промышленности рекомендовало регистрацию товариществ, основанных на образцовых уставах, возложить на губернские и земские управы, а регистрация кооперативов, возникших на основе устава, отступавшего от образцовых, могла бы разрешаться соответствующими министерствами¹.

24 марта 1916 году проект был одобрен Думой и внесен на рассмотрение Государственного совета, где его существенно переработали: в частности, из документа были исключены кредитная кооперация, а также трудовые и биржевые артели, страховые и смешанные товарищества. Таким образом, проект явно уже не мог претендовать на то, чтобы стать общекрепостным законом. Но помимо этого кооперативы должны были регистрироваться не через суды, а в губернских и городских комитетах по делам общественного присутствия, объединяться в союзы могли только однотипные товарищества в пределах одной губернии, из проекта исключалось положение о том, что целью кооперативных товариществ является духовное совершенствование их членов. Но даже такой усеченный проект своего развития не получил. Дума ожидала, когда будет готов правительственный законопроект².

В результате закон был принят лишь только после Февральского переворота, причем весьма оперативно, поскольку общественники-кооператоры оказались в то время де-факто у власти. 20 марта 1917 года «Положение о кооперативных товариществах и их союзах» было при-

¹ Пеленицына М. В. Законодательство России о кооперации (историко-правовой аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. С. 118–119.

² Там же. С. 122–123.

нято, оно должно было вступить в силу с 1 мая того же года. Согласно документу, кооперативным товариществом признавалось «товарищество с переменным составом и капиталом, которое, действуя под особою фирмою, имеет целью содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприятий или труда своих членов». К числу кооперативных товариществ, помимо кредитных, потребительских и страховых кооперативов, разработчики закона отнесли товарищества для производства, по совместной закупке, сбыту, транспорту и хранению товаров, для совместного пользования средствами производства, переработки продуктов хозяйства, совместного приобретения и пользования землей, общества для удовлетворения жилищных нужд, трудовые и биржевые артели и некоторые другие товарищества.

Для учреждения кооперативного товарищества специального разрешения правительственных органов не требовалось. Учреждаться товарищества могли на основании как договора, так и устава. Выработанный учредителями проект устава должен был предоставляться на утверждение местному окружному суду. Отказ в регистрации подлежал обжалованию. Если же суд по внесенному на рассмотрение проекту устава в течение месяца никакого решения не выносил, то кооператив мог свободно начинать свою деятельность. Согласно Положению, кооперативу предписывалось организовывать запасный капитал, который должен был составлять не менее одной пятой от ежегодной чистой прибыли организации. Ограничивался и размер дивидендов: так, на паи следовало выплачивать не более 8%¹. Появление кооперативного закона было встречено деятелями кооперативного движения с большой радостью и удовлетворением. «Все препятствия к разви-

¹ Положение о кооперативных товариществах и их союзах (1917 г.). Собр. Узак. 1917 г. отд., № 72.

тию кооперации в России, – писал В. Ф. Тотомианц, – были устранены таким решительным образом, как ни в одной стране Западной Европы. Русский кооперативный закон является, несомненно, наиболее совершенным в своем роде»¹. Однако кооперативный закон действовал недолго: приход к власти большевиков и дальнейшее ухудшение экономического положения в стране не благоприятствовали развитию свободной кооперации.

Первоначально большевики довольно скептически смотрели на промысловую кооперацию, так как не считали, что мелкое производство может быть значимым фактором в деле построения нового общества. В производственные кооперативы объединялись мелкие собственники, там присутствовал мелкобуржуазный дух наживы – все это было чуждо большевикам. Гораздо большее доверие у них вызвала рабочая потребительская кооперация, представлявшая собой объединение пролетариев, не имеющих какой-либо существенной собственности. Поэтому в 1910 году В. И. Ленин писал, что производственные товарищества «в том только случае имеют значение для борьбы рабочего класса, когда являются составной частью товариществ потребительных»². Но, придя к власти и столкнувшись с практическим решением хозяйственных задач, большевики меняют свои взгляды. Теперь они убеждены, что развитие мелкой промышленности может идти по пути ее постепенного превращения в крупные социалистические формы. В марте 1919 года председатель Президиума ВЦСПС М. П. Томский заявлял: «Для нас ясно, что кустарное производство есть пережиток старины, пережиток вредный, при котором распыляются и труд, и энергия, расходуется непроизводительно значительное количество сырья и топлива. Оно является одним из нерациональных способов производства. И поскольку экономический распад и обще-

¹ Тотомианц В. Кооперация в России. Прага, 1922. С. 148.

² Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 38. М., 1968. С. 349.

политическое положение заставляет нас считаться с кустарями, постольку мы должны стремиться к тому, чтобы сделать безболезненным переход мелкой кустарной промышленности к более высоким формам производства¹. Томскому вторил Н. И. Бухарин: «Мы должны рассматривать их (мелкотоварные формы. – *Прим. авторов*) не как исходный пункт нового цикла капиталистического развития, не как зародыш долженствующего вновь вырасти крупного капитализма, а как процесс распада старых капиталистических форм, которые не будут приводить к возрождению новых капиталистических форм, а, выражая распад старого, должны будут привести к новым формам социалистической организации общественного хозяйства»².

В апреле 1918 года было создано Всероссийское кооперативное товарищество по производству и сбыту кустарных и артельных товаров (Кустарьсбыт), в его рамках предполагалось объединить промысловую кооперацию страны. На I съезде представителей промысловой кооперации (февраль 1919 года) был избран Артельсовет (идейный центр промысловой кооперации), а статус Кустарьсбыта как всероссийской хозяйственной организации был подтвержден.

В октябре 1918 года кустарная промышленность перешла из ведения Наркомата земледелия РСФСР под контроль ВСНХ РСФСР, в рамках которого было создано Управление по делам кооперации, кустарной и мелкой промышленности, а 20 мая 1920 года на его основе сформировано Главное управление кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Главкустпром). Его задачами стали: планомерное регулирование и организация кустарной, мелкой и ремесленной промышленности, руководство деятельностью промысловой кооперации и всеми ее органами, учреждениями и предприятиями. Во главе Управления стояла коллегия из пяти членов: двое назначались

¹ Восьмой съезд РКП(б), март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С. 82.

² Там же. С. 108–109.

президиумом ВСНХ, двое – от коллегии Наркомата земледелия и один – от промысловой секции Центрального союза потребительских обществ. Коллегией руководил непосредственно член президиума ВСНХ, он же член коллегии Наркомата земледелия. Председатель коллегии Главного управления и его заместитель назначались по взаимному соглашению президиума ВСНХ и Наркомзема¹.

Декретом ВЦИК «О мерах содействия кустарной промышленности» от 26 апреля 1919 года вся мелкая промышленность делилась на две группы: кустарную промышленность, куда включались предприятия, обслуживаемые личным трудом, и собственно мелкую промышленность, к которой были отнесены предприятия, имеющие не более пяти наемных работников. Только кустарная промышленность ограждалась от национализации, в то время как предприятия, использовавшие наемный труд, от этого избавлены не были. И к августу 1920 года было национализировано до 40% таких предприятий².

Государственный контроль и регулирование устанавливались не только в промысловой кооперации, такая политика носила общекООперативный характер. 20 марта 1919 года был издан декрет «О потребительских коммунах», им была продолжена линия на подчинение кооперации государству. «Опубликование этого документа, – пишет А. В. Воронин, – знаменует начало нового этапа кооперативной политики. Этим декретом была полностью ликвидирована и без того уже во многом номинальная самостоятельность кооперации. И хотя рассматривать огосударствление кооперации в качестве свершившегося факта ни в тот момент, ни позднее неверно, такая тенденция

¹ Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967 гг.): Справочник (по материалам государственных архивов) // Интернет. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=8517>

² Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 126.

становится определяющей...»¹ Согласно этому документу, создаваемые потребительские коммуны становились единственными распределительными органами, они должны были объединять все население, при этом отменялись вступительные взносы и пай, а государственные органы вводили своих представителей, наделяемых правом вето, в управляющие органы кооперации².

Промысловая кооперация утрачивала свою самостоятельность в результате слияния органов промысловой кооперации с Центросоюзом согласно декрету СНК РСФСР от 27 января 1920 года «Об объединении всех видов кооперативных организаций». Впоследствии были ликвидированы и такие организации, как Кустарьсбыт и Артельсовет. «Промысловая кооперация, – пишет А. А. Николаев, – оказалась в организационно-финансовом отношении подчиненной Центросоюзу, а в производственно-техническом – специальному отделу ВСНХ Главкустпрому. Главкустпром формировал заказы для кустарно-промысловой секции Центросоюза, а та обращалась в Центросоюз за финансированием»³. Главкустпром по положению от 19 апреля 1920 года оставлял за собой в непосредственном подчинении семь областных кустарно-промысловых объединений, куда вошло примерно 30 кооперативных союзов, вобравших в себя до 80–90% всей российской промысловой кооперации. «Таким образом, – подводит итог А. А. Николаев, – сложившаяся до революции сеть российской кустарно-промысловой кооперации потеряла органы своего управления, избранные демократическим путем, – Кустарьсбыт и Артельсовет, и оказалась в подчинении государственных структур и подконтрольного Центросоюза. В деятельности властей преобладала чисто

¹ Воронин А. В. Советская власть и кооперация. (Кооперативная политика Советской власти: центр и местные власти Европейского Севера в 1917 – начале 30-х гг.). Петрозаводск, 1997. С. 44.

² Там же.

³ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 126–127.

военно-коммунистическая доктрина, согласно которой хозяйственные органы брали на себя функции планового снабжения сырьем и сбыта продукции, тарификации и нормирования труда, защиты юридических прав предприятий...»¹

В годы гражданской войны численность кустарно-промысловых артелей постоянно росла. К 1 января 1919 года их насчитывалось 780, на начало 1920 года их было уже 1722, а еще через год – 4257², то есть число артелей за два года увеличилось почти в 5,5 раз! Кустари спешили объединиться в артели по нескольким причинам. Во-первых, таким образом они могли рассчитывать на получение государственного оборонного заказа, во-вторых, избежать национализации производства, в-третьих, получать от государства поддержку в виде обеспечения сырьем и топливом. К 1920 году по сравнению с предыдущим годом государственные ассигнования по линии Главкустпрома выросли с 87,2 млн до 7,47 млрд рублей³.

По мнению В. Г. Егорова, несмотря на смену власти в результате революции 1917 года, налицо было продолжение той политики, которая проводилась в сфере промысловой кооперации ранее. Историк пишет: «Даже официально провозглашенная политика в отношении кустарно-ремесленной кооперации, предполагавшая создание “нормальных” условий хозяйствования, фактически являла собой преемственный дореволюционный курс на привлечение мелких промышленников к выполнению государственных заказов через объединение их в коллективные предприятия, фактически имеющие лишь внешнее формальное сходство с артелями и товариществами, возникавшими в результате реализации закономерной тяги товаропроизводителей

¹ Там же. С. 127–128.

² Там же. С. 126.

³ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра. ист. наук.: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. С. 216.

к укрупнению своего хозяйства»¹. Именно поэтому Егоров не соглашается с тезисом Л. Е. Файна о том, что при советской власти промартели теряли свою кооперативную сущность: «Для того чтобы утратить “кооперативный характер”, объединениям промысловиков его надо было приобрести. Созданные до революции усилиями общественных формирований энтузиастов-кооператоров, земств, государственной администрации, кооперативы лишь по внешним признакам сходства могли быть отнесены к такому. Поэтому не отличались устойчивостью и могли существовать только при поддержке извне»².

Данный тезис Егорова верен лишь в отношении тех союзов, которые возникли в ходе кооперативного бума. Однако следует учитывать, что далеко не все дореволюционные артели были инициированы «сверху». Кооперативный бум и поддержка движения в эту эпоху создали качественно иную ситуацию по сравнению с ситуацией рубежа веков. Это был период в истории артели, когда она реально могла воспользоваться поддержкой извне, и это происходило в массовом порядке.

6. Советские артели: через НЭП к огосударствлению

С переходом к новой экономической политике большевистское государство стало отказываться от чрезвычайных мер в экономике периода Гражданской войны: отменялась продразверстка, замененная теперь продналогом, разрешалась свободная розничная торговля, допускалась предпринимательская деятельность, была проведена частичная

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра. ист. наук.: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. С. 203.

² Там же. С. 208.

денационализация, благодаря чему в частные руки попало множество мелких и средних предприятий. При этом крупная промышленность так и оставалась под контролем власти, за ней же оставались и регулятивные функции: разработка планов, контроль над ценами и т.д. В этих условиях артели должны были отыскать свою хозяйственную нишу и самоопределиться в качестве субъектов экономической деятельности. Хозяйственная практика первых лет советской власти показала, что в тех конкретно-исторических условиях вариант свободного развития промысловой кооперации реализован не был. Хотя по меньшей мере два момента (в 1922–1923 годах и в 1932 году), когда были сделаны попытки предоставить промысловой кооперации некоторую свободу, все же имели место.

Противоречивый характер нэповской политики в отношении промысловой кооперации отмечает А. А. Николаев: «с одной стороны, на первый план выступал чисто прагматический аспект – решение с помощью промысловой кооперации задачи выхода из товарного кризиса, что предполагало предоставление производителям высокой степени экономических свобод. С другой – подчеркивалась чрезвычайная роль государственного аппарата в управлении кооперацией и социальном преобразовании кустарных промыслов, что делало эту свободу призрачной»¹.

Декретом СНК РСФСР от 17 мая 1921 года «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной с[ельско]-х[озяйственной]. кооперации» предписывалось принять меры к развитию мелкой и кустарной промышленности, в том числе и в кооперативных формах. В частности, декрет призывал «избегать излишней регламентации и налипшего формализма, стесняющих хозяйственный почин отдельных лиц и групп населения». Предприятия могли свободно рас-

¹ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 129.

поряжаться своим товаром, если только он не был изготовлен из предоставляемого государством сырья. В последнем случае действовали особые условия. В декрете предписывалось поощрять деятельность кооперативных организаций мелких производителей и оказывать им более предпочтительные условия по сравнению с частниками: предоставлять заказы, авансы, подыскивать для работы помещения. Наконец, декретом устанавливалось явочная форма организации промысловых кооперативов, добровольное членство и свободное избрание правления¹.

В развитие декрета от 17 мая был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 7 июля 1921 года «О промысловой кооперации», по которому трудящимся предоставлялось право образовывать промысловые кооперативные товарищества или артели. Эти союзы должны были состоять не менее чем из 5 человек, при этом основываться преимущественно на личном труде. Привлечение наемных работников допускалось лишь для вспомогательных работ. Доля наемников не должна была превышать 20% от общего числа членов. Для использования наемного труда на основном производстве артелей требовалась специальная санкция органов Высшего совета народного хозяйства. Предприятия промышленных кооперативов и их продукция не подлежали ни муниципализации, ни национализации, а реквизициям и конфискациям они могли быть подвергнуты только по решению суда или особого решения СНК. Не менее трех артелей могли свободно объединяться в союзы, и только для всероссийских и областных объединений необходимо было предварительное разрешение президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета.

Таким образом, для артелей как будто открывалась полная свобода действий, как будто ликвидировались препоны для их образования и экономической деятельности. В первые два года после перехода к нэпу начался буквально

¹ СУ. 1921. № 47. Ст. 230

взрывной рост числа промысловых кооперативов: с 5681 на 1 июля 1921 года до 18 тыс. на 1 января 1923 года, то есть более чем в три раза за полтора года! В октябре 1922 года из 3 млн кустарей 56% состояло в кооперации¹.

Однако большевистское государство по мере возможностей постаралось подмять под себя кооперативное движение. На Второй Всероссийский съезд промысловой кооперации, открывший свою работу в ноябре 1921 года, съехались в основном антиправительственно настроенные представители кооперации, которые попытались свести роль государственных органов в сфере промкооперации лишь к обеспечению заказов и кредитов. ВСНХ отменил решения съезда и приступил к созыву Третьего Всероссийского съезда, но уже под собственным контролем². Новый съезд открылся 28 апреля 1922 года. На нем было принято решение, подкрепленное постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 года, о создании Всероссийского кооперативного центра промысловой кооперации – Всекопромсоюза³. В 1923–1928 годах его сфера деятельности распространялась на кооперативные объединения, находящиеся в пределах СССР. Через центральные органы промкооперации должны были проводиться все государственные закупочные и сбытовые операции.

В эти годы у советской власти не было последовательной идеологии в области кооперации, при этом в агитационном плане вожди большевизма старались быть комплиментарными к этому влиятельному в народе течению. Так, Бухарин заявлял: «После революции стала мало-помалу, незаметным образом, строиться Великая Русская Коопе-

¹ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 129.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. С. 272.

³ Всекопромсоюз просуществовал 10 лет и был ликвидирован постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1932 г.

рация, великая трудовая Советская Республика. С октября 1917 года трудящийся народ решил, что нужно из всей страны, из всей России сделать одну громадную кооперацию»¹. Троцкий писал, что «кооперация в условиях рабоче-крестьянского режима является – должна стать – основным способом распределения материальных благ в стране и связанного с этим социалистического накопления»².

В январе 1923 г. Ленин пишет статью «О кооперации», в которой пытается наметить основное направление экономического развития советского государства. Мечтания идеологов кооперативного движения прошлого о возможности перехода к кооперативному строю без осуществления революции, свержения класса эксплуататоров и установления рабочей диктатуры он квалифицирует как излишне романтические и даже пошлые³. Однако после победы революции, по его мнению, в России создаются совсем иные условия для развития кооперации, чем раньше: кооперации перестает быть частью капиталистической системы и обретает новое качество, ведь собственность на средства производства оказывается уже в руках государства, и это делает кооперацию вполне социалистической. Ленин заявляет: «Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу»⁴. Более того, он дает свою формулу социализма, которая в ка-

¹ Кооперативный календарь на 1920 год (Издание Всероссийского центрального союза потребительских обществ). М. С. 47.

² Троцкий Л.Д. Вожди коммунизма о кооперации // Союз потребителей. 1923. № 12.

³ Ленин В. И. О кооперации // ПСС. 5-е изд. Т. 45. М., 1970. С. 375.

⁴ Там же. С. 376.

честве одной из важнейших составляющих включает в себя кооперацию: «Строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма»¹.

Ленин задается вопросом о том, какими средствами следует содействовать развитию кооперации, и делает заключение, что поддержка должна быть материальной, в виде конкретных льгот и преимуществ: «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которых стоило рождение “свободного” капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный»². Но, говоря о мерах стимулирования к вступлению трудящихся в кооперативы, Ленин не может избавиться от привычки опираться на принуждение, а не на добровольное вовлечение новых членов. Поэтому он пишет о необходимости именно «заставить всех поголовно (курсив наш. – *Прим. авторов*) участвовать, и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных организациях»! Условия нэпа были благоприятны, по мнению Ленина, для вовлечения возможно большего числа трудящихся; вместе с тем он полагал, что полное вовлечение населения в кооперацию займет одно-два десятилетия³.

На XIII съезде РКП(б) (май 1924 г.) в повестку дня в качестве одной из важнейших хозяйственных задач наряду с развитием государственной промышленности было поставлено кооперирование населения⁴. Приоритетными избраны были два вида кооперации: производственная и потре-

¹ Там же. С. 373.

² Там же. С. 371.

³ Там же. С. 372.

⁴ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 626.

бительская. В резолюции съезда подчеркивалось, что «при диктатуре пролетариата на стороне кооперации и против частного капитала – вся помощь авторитета и средств государственной власти, партии и профсоюзов, льготы, необъятная свобода для развития кооперации»¹. В отношении кооперации необходимыми виделись меры по децентрализации и предоставлению самостоятельности для низовой кооперации; переходу на добровольное членство; удешевлению кооперативных товаров; тщательному подбору служащих и их поощрению; введению соревнования между кооперативами; осуществлению правильной и регулярной отчетности кооперативов; вовлечению женщин в кооперацию, в том числе в руководящие и контрольные органы; созданию хорошего инструкторского и инспекторского аппарата в руководящих органах кооперации; наконец, изданию кооперативной популярной литературы. Государству предписывалось создать для кооперации льготные условия и усилить банковское кредитование².

В 1923–1925 годах артелям были предоставлены налоговые льготы, в частности им разрешалось не платить промысловый налог. Однако в некоторых случаях такие разрешения были обставлены дополнительными условиями: например, по постановлению от 21 ноября 1924 года от промыслового и подоходного налога освобождались лишь артели, действующие в городах, при условии, что они состоят членами союзов, входящих в состав республиканских или общесоюзных центров производственной кооперации. Понятно, что подобные меры лишний раз подталкивали артели к вступлению в союзы, где над деятельностью низовых организаций осуществлялся контроль. По постановлению от 10 апреля 1925 года от промыслового налога освобождались также и артели в сельской местности.

¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 627–628.

² Там же. С. 631–632.

Труд в артелях был поставлен под государственный контроль. Так, в декрете «Об охране труда и обеспечении прав лиц, работающих в промысловых кооперативных предприятиях» от 26 сентября 1922 года особое внимание обращалось на недопустимость применения в артелях скрытого наемного труда. В случае выявления нарушений руководители артели могли по решению суда понести наказание. Кроме того, за деятельностью промкооперации должны были надзирать инспекторы труда¹.

Несмотря на уступки в области экономических отношений, которыми характеризовалась нэповская политика, зависимость артелей от государства была громадной. До 1923 года снабжение значительной части кустарей осуществлялось через Главкустпром: в 1920/21 годах государственным заказом пользовались 350 тыс. кустарей, а в 1921/22 – почти 500 тыс.² Заготавливать сырье (например, хлопок, шерсть, кожу и т.д.) для нужд государства мог только ряд предприятий, ему подконтрольных; в свою очередь, кооперативы могли получить сырье только с разрешения этих учреждений. Постоянно повышались и государственные расходы на снабжение кустарей³.

22 мая 1923 года ликвидировался Главкустпром, а его функции были переданы секции по кустарной промышленности Центрального планово-экономического управления ВСНХ РСФСР; таким образом, диктат государства над промкооперацией несколько ослаблялся. Но численность промысловых кооперативов вдруг начала снижаться: ликвидировались искусственные объединения, которые возникали лишь с целью получения от государства сырья, льгот и иной поддержки. «Лишенные естественной почвы к ро-

¹ Собр. Узак. 1922. № 63. ст. 810.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 243.

³ Там же. 245–246.

сту, – пишет В. Г. Егоров, – распадались созданные в годы войны коллективные объединения, служащие для многих лишь средством избежать мобилизации или быть обвиненными в тунеядстве»¹. К такому повороту дел привело введение свободного членства и добровольности объединения. Когда же помощь государства опять начала усиливаться, то и кривая роста промкооперативов поползла вверх. После экономического кризиса осени 1923 года («ножницы цен») альтернатива более или менее свободного рыночного развития промкооперации была пресечена, с этого времени поглощение государством артелей лишь нарастало. «Практически единственным стимулом к объединению хозяйств промысловиков, – пишет В. Г. Егоров, – становилась гарантированная государственными заказами и предоставляемыми льготами работа в кооперативах, превращающая мастера в подсобного рабочего социалистического сектора экономики. При отсутствии рыночной альтернативы труд в коллективных предприятиях являлся единственно возможным способом сохранения своего рода занятий, да и самого существования кустарей и ремесленников»².

Обеспечение кооперативов сырьем и полуфабрикатами производилось государством при помощи кооперативного аппарата³. Приоритетными для государства являлись кожевенная, текстильная и металлическая отрасли – именно туда первоначально внедрялось плановое снабжение полуфабрикатами и сырьем. Так, в 1925 году 89% всех средств, предназначенных для промкооперации, было потрачено на предприятия вышеперечисленных отраслей⁴. Благодаря этим мерам общее количество артелей росло колоссальными темпами.

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 266.

² Там же. С. 280.

³ Там же. С. 287.

⁴ Там же. С. 281

Таблица 1. Динамика роста численности промысловых кооперативов и числа членов в промысловой кооперации СССР в 1921–1927 гг., тыс. чел.¹

Годы	Кустарно- промысловые		Лесная		Трудовые артели		Всего	
	артелей	членов	артелей	членов	артелей	членов	артелей	членов
1.01.1921	6 424	—	937	—	437	—	7 798	—
1922	12 530	—	782	—	458	—	13 770	—
1.10.1923	4 952	—	1 606	—	289	—	6 847	—
1924	5 049	195,1	1 569	68,3	394	17,5	7 012	280,9
1925	8 641	406,5	1 981	106,0	800	72,3	11 422	584,8
1926	9 107	503,1	2 222	127,6	959	68,4	12 288	699,1
1927	10 004	618,8	1 989	140,3	896	63,9	12 889	823,0

¹ На путях к обобществлению мелкой промышленности в СССР: М., 1929. С. 24.

Процесс кооперирования начинал охватывать уже и тех кустарей, которые еще явно «не дозрели» до концентрации собственного производства¹. Темпы коллективизации промыслов особенно усилились во второй половине 1920-х годов, когда этот процесс затронул отдаленные регионы, где и сами-то кустари встречались нечасто, а какие-либо предпосылки для укрупнения их хозяйств и вовсе отсутствовали².

Постановлением СНК СССР от 3 мая 1927 года «О кустарно-ремесленной промышленности и промысловой кооперации» введение плановых начал в кустарной отрасли закреплялось законодательно. В преамбуле к постановлению говорилось о значении промысловой кооперации для народного хозяйства СССР: «Фабрично-заводская промышленность еще долгое время не будет в состоянии удовлетворить своей продукцией всей потребности деревни в товарах, а также поглотить ее избыточную рабочую силу. Кустарно-ремесленная промышленность использует избыточную рабочую силу преимущественно бедняцко-среднекрестьянских слоев деревни и в значительной мере удовлетворяет потребительский спрос крестьянского и городского рынка»³. Указывалось также, что центральные и местные органы управления не оказывали должного внимания делу снабжения и кредитования промкооперации, недостаточным представлялся уровень кооперирования кустарей. Постановлением вводилось плановое снабжение артелей сырьем и полуфабрикатами через систему промысловой кооперации, то есть через республиканские промысловые кооперативные центры и через местные союзы промкооперации. Государственное снабжение обуславливалось тем, что часть готовой продукции артелей направлялась обрат-

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 283.

² Там же. С. 291.

³ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917–1928 годы. М., 1957. С. 699.

но в государственные органы, а также в потребительскую и сельскую кооперацию. Размер этой доли определялся в договорах в каждом конкретном случае¹. Помимо снабжения было найдено решение и для осуществления постоянного сбыта: он должен был производиться через систему республиканских и местных союзов, формулировка была следующей: «В целях введения большей устойчивости в работу кооперированного населения признать целесообразной дачу заказов промысловой кооперации со стороны государственной промышленности, государственной торговли и других (кроме промысловой) видов кооперации»². Свои финансовые потребности артели должны были удовлетворять прежде всего за счет собственных средств, тем не менее средства для целей кредитования артелей в бюджетах союзных республик на 1927/28 год выделялись, а Наркомфин должен был разработать систему планового кредитования промкооперации³.

На ближайшее время ставилась задача полного охвата промкооперацией кустарей в кустарных гнездах, провозглашалась борьба с эксплуатацией кустарей и с фиктивными артелями. В районах со слабым развитием промыслов предполагалось сосредоточиться на распространении простейших форм кооперации: промыслово-кредитных товариществ, закупочно-сбытовых и т.п. Там же, где кустарное производство было наиболее развито, предписывалось создавать производственные артели с общими мастерскими. Система кооперации должна была выстраиваться по следующей схеме: первичный кооператив – районный или губернский союз – республиканский центр.

В целях поднятия заинтересованности считалось необходимым участие в прибылях кооперативов их членов⁴.

¹ Там же. С. 699–701.

² Там же. С. 701.

³ Там же. С. 702–703.

⁴ Там же. С. 704–706.

Вместе с тем промкооперация должна была вписаться в общий хозяйственный план страны с включением в перспективный пятилетний и ежегодные планы промышленности¹. Таким образом, со второй половины 1920-х годов в промысловую кооперацию стали внедряться методы государственного планирования, они все больше вторгались в сферы снабжения кооперативов материалами и орудиями труда, сбыта готовой продукции и кредитования.

Можно ли артели нэповской поры отнести к разряду государственно-кооперативных форм? В. Г. Егоров полагает, что такой взгляд не вполне соответствует действительности: «Попытки воссоздать эволюционный ход развития мелкопромышленного производства в годы НЭПа, только на основе которого кооперативные процессы и могли вновь обрести реальную почву, не увенчались успехом. Кооперативный уклад в кустарной промышленности если и существовал, то в мизерных размерах, а коллективно организованный труд кустарей имел лишь внешнее сходство с кооперацией. Скорее всего, *уловив ментальность мелких собственников, представляющих собой полупролетариев, их тягу к традиционной организации, государство использовало доступные основной массе населения формы общинной организации коллективного труда* (курсив наш. – Прим. авторов)... Фактически в силу ряда причин отойти от военно-коммунистических методов руководства мелкой промышленностью не удалось. (...) Промысловая кооперация из формы эволюционного укрупнения мелкой собственности трансформировалась в средство социалистического, планового переустройства мелкотоварного промышленного уклада»².

¹ Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917–1928 годы. М., 1957. С. 707.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 318.

Численность членов промысловых кооперативов с 1924 по 1929 год выросла в 5 раз и составила 1 314 636 человек, притом что в кооперацию было вовлечено лишь 33% от общей численности кустарей¹. Если в 1926 году в СССР насчитывалось 5876 низовых промысловых кооператива, то к 1929 – 15 994². Их число увеличилось в 2,7 раза! Основными отраслями, где производство было организовано в артельных формах, являлись текстильная, деревообрабатывающая, кожевенно-обувная, швейная, кружевная, трикотажная, а также производство по изготовлению металлических изделий. Существенно менялся масштаб деятельности артелей: так, в середине 1920-х годов Московский союз производительных артелей арендовал у ВСНХ несколько фабрик и заводов. Артели получили в свое распоряжение механический проволоочно-гвоздильный завод, фабрику металлических изделий, гребенную фабрику, текстильно-галантерейную, парфюмерную³.

Усиливалась и развивалась система кооперативных центров. Вместе с этим изменялся характер деятельности Всекопромсоюза (ВСПК): если в первые годы нэпа он строил отношения с местными союзами на взаимовыгодной основе, то во второй половине 20-х годов ВСПК превращается в мощный контролирующий и направляющий центр⁴. 29 ноября 1927 года была учреждена общесоюзная организация – Всесоюзный совет республиканских центров промысловой кооперации – Всекопромсовет, в который вошло 9 республиканских центров, в том числе Всекопромсоюз РСФСР и Всероссийский кооперативный лесной союз РСФСР (Всеколес), образованный 18 августа 1921 г. Именно

¹ Там же. С. 294.

² Там же. С. 291.

³ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 217.

⁴ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 316.

через Всесоюзпромсовет все государственные органы обязаны были проводить свои закупочные и сбытовые операции. Число союзов промысловой кооперации постоянно возрастало: в 1923 – 85, в 1924 – 160, в 1925 – 68, в 1926 – 91, в 1927 – 134, в 1928 – 188, а в 1929 – 212¹.

Согласно Положению ВЦИК и СНК РСФСР о промысловой кооперации от 11 июня 1928 года, промысловые артели должны были иметь минимальную численность 5 членов, а промыслово-кредитные кооперативы – 50 членов. Этим постановлением «ставился заслон для участия в кооперации имущей части кустарей, так как в артели могли вступать только те из них, кто работал вместе с семьей или привлекал не более одного наемного рабочего»². Хотя время работы в артели засчитывалось работнику в трудовой стаж, члены промкооперации не имели права на социальное страхование. Поэтому промысловые товарищества могли учреждать кассы взаимопомощи с целью обеспечения своих членов во время потери ими трудоспособности или в случае нужды. Основной капитал составлялся из паев, вносимых членами артели, а также некоторых других взносов. Распределение прибыли на пай осуществлялось «сообразно участию членов личным трудом» или паю члена, при этом выдаваемая на каждый пай сумма прибыли в процентном отношении к паю не должна была превышать учетного процента Государственного банка Союза С. С. Р.

Органами управления артели являлись общее собрание членов или собрание уполномоченных, правление и ревизионная комиссия (причем чтобы собрание состоялось, по положению требовалось присутствие всего одной пятой части всех членов кооператива). Помимо собственно промысловых кооперативов или артелей в Положении особо шла речь о

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 286.

² Там же. С. 306.

промысловых кредитных кооперативах. Кредитные кооперативы имели целью «облегчение населению сбережения и накопления денежных средств путем... кредитных операций», они могли выдавать ссуды, принимать вклады, учитывать векселя и т.п. Промысловые кооперативы имели возможность объединяться в союзы, для чего их должно было быть не менее трех. Союзы могли ревизовать, инструктировать и организовывать новые артели, оказывать разного рода содействие развитию промкооперативов, заниматься снабжением их материалами и орудиями производства, организовывать склады и магазины, оказывать правовую помощь и проч.

Положение от 11 июня 1928 года продолжало действовать вплоть до полной ликвидации промкооперации в 1960 году. Оно давало государству новые возможности контроля над артелями: например, путем создания дополнительных поводов для отказа в регистрации новой артели, установления минимальных требований к представительству артельщиков на общем собрании коллектива, что делало артель более управляемой. Власть пыталась вмешаться и во внутриартельные дела, ограничивая прием в артели для предприимчивых кустарей и вводя верхний порог размера процентов, выдаваемых на паи.

Не все кооперативы входили в союзные объединения, существовали и так называемые **«дикие» кооперативы** (около 41% в 1926 году), действовавшие вне союзов. Они были гораздо более тесно связаны с рынком: более 40% их сбыта и закупок осуществлялось через частных посредников, а не через государственные и кооперативные органы. Контролировать «дикие» кооперативы для государства было затруднительно, ведь они выстраивались и функционировали вне централизованной системы. Поэтому у власти возникло осознание необходимости как-то решить данную проблему¹. «Дикие» кооперативы начали подвергать проверкам, выявляя среди них реально не-

¹ Там же. С. 298.

действующие объединения и **лжекооперативы**, которые тут же принудительно ликвидировались. Все остальные «дикие» артели втягивали в союзы. Для этого в рамках союзов стремились создать более благоприятные условия для ведения хозяйства; при этом следует учитывать, что основные потоки снабжения сырьем, различными материалами, орудиями труда, госзаказами распределялись и направлялись именно через централизованную систему кооперативных союзов различных уровней¹.

Была развернута борьба с так называемыми лжекооперативами. Под это понятие попадали фиктивные объединения, которые создавались лишь для получения кредитов и ухода от уплаты налогов. Такие коллективы могли состоять из нескольких родственников, они пользовались положенными артелям льготами, скрывали реальные доходы, иногда глава лжеартели самовольно распоряжался всеми ее средствами². Вот несколько ярких примеров таких объединений: «Во главе московской артели “Ленто-Шнур” стоял бывший владелец этой фабрики, которую “кооператив” арендовал у губсовнархоза. Продукция заведения реализовывалась через частный сектор, а полученные от государственных органов запасы материалов сбывались в отдаленных местах по свободным ценам. В состав другой кожевенно-обувной артели входили торговцы и комиссионеры, занимающиеся скупкой готовой обуви у единоличных кустарей. Доход членов этого предприятия исчислялся: у руководителей – 16 тыс. руб и у остальных от 8 до 10 тыс. руб за полугодие»³.

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 300.

² Ягов О. В. Негативные явления в деятельности кустарно-промысловых артелей Поволжья в годы нэпа // Исторические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 9. Пенза, 2005. С. 134.

³ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 298–299.

Создание лжекооператива и действия лжекооператоров расценивались как мошенничество, а также как экономическая контрреволюция. В постановлении СНК СССР от 29 декабря 1928 года «О мерах борьбы с лжекооперативами», принятом в соответствии с решениями XV съезда партии, отмечалось, что «вытесняемые вследствие успехов государственной и кооперативной промышленности и торговли из важнейших отраслей народного хозяйства капиталистические (кулацкие) элементы в ряде случаев проникают в кооперативные организации и превращают их в лжекооперативы, являющиеся орудием и прикрытием их эксплуататорской деятельности. Это имеет место в особенности в сельскохозяйственной, промысловой и инвалидной кооперации, главным образом вследствие недостаточного хозяйственного и организационного охвата первичных кооперативов соответствующими союзами»¹.

В конечном итоге борьба с лжекооперацией привела к тому, что Экономический совет РСФСР 16 января 1931 года издал постановление «О результатах обследования борьбы с лжекооперативами», согласно которому вводился разрешительный порядок регистрации артелей и их союзов. С точки зрения В. Г. Егорова, все вышеперечисленные мероприятия практически ликвидировали всякое влияние рыночных отношений на кооперативное строительство и саму возможность самостоятельного существования кооперативного уклада².

3 сентября 1928 года ЦК ВКП(б) принимает постановление «О мерах по усилению кооперирования кустарей и о массовой работе кустпромкооперации», которое предусматривало ликвидацию частных промышленных предприятий и передачу их промкооперации для создания

¹ СЗ СССР. 1929. 3. Ст. 28.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 301.

артелей с общей мастерской; выделение целевых кредитов для поддержки создаваемых производственных кооперативов; льготное вступление бедноты в состав членов промысловых артелей; директивное планирование основных показателей развития кооперативной промышленности во взаимосвязи с государственным сектором¹.

Коллективизировались в основном полупролетарские массы кустарей, которые не имели в своей собственности сколько-нибудь значительных средств производства. Для вовлечения бедноты в кооперативы местные объединения кустарей должны были создавать специальные фонды. Беднякам при вступлении в артель предоставлялись льготы, так, например, они могли вносить паевые взносы в течение 2–3 лет; велась также активная агитационная поддержка процесса коллективизации, например, на собрания артелей специально привлекались кустари-единоличники – это делалось с целью привлечь их внимание к коллективным организационным формам². Кооперирование кустарей среди прочего вело к увеличению годовой выработки на одного работника, ведь в общей артельной мастерской она была в три раза выше, чем у кустаря-надомника³.

По состоянию на 1929 год кооперировано было около 25,3% (1 032,5 тыс. чел) всех занятых в кустарной промышленности, а в дальнейшем еще чуть более 600 тыс. чел. стали членами кустарно-промысловой кооперации⁴. Процент кооперированных по отдельным районам был еще выше: в Ленинградской области – 33%, в Иваново – 46%,

¹ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 137.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 303–306.

³ Там же. С. 315.

⁴ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 138.

в Московской области – 56%¹. Однако полностью кооперировать кустарей в ходе первой пятилетки не удалось. В 1931–1932 годах было облегчено налоговое бремя кустарей и ремесленников, им были возвращены инструменты и сырье, незаконно отобранные в прошлом. «При проведении курса на массовое кооперирование кустарей и ремесленников, – пишет А. А. Николаев, – преследовались вполне определенные цели: изъятие доходов и перепрофилирование кустарного производства на нужды индустриализации в ущерб производству товаров широкого потребления. Тотальное экономическое и административное давление сопровождалось достаточно продолжительным кризисом промысловой кооперации в 1930–1933 годах (...) Успешно развивались лишь те отрасли, которые по государственному заказу обеспечивались сырьем, материалами, продовольствием: производство строительных материалов, угледобыча, деревообработка, лесохимия, гужевой транспорт и т.д. Только во второй половине 1930-х годов промысловая кооперация смогла вернуться к традиционной специализации – производству товаров широкого потребления»².

К концу 1933 года кустарных кооперативов насчитывалось 14 811, а в годы второй пятилетки (1933–1937) процесс кооперирования кустарей завершился. **По состоянию на 1 января 1941 года в стране было 25,6 тыс. промысловых кооперативов**, которые объединяли 2,6 млн человек³.

Наиболее приоритетными большевикам виделись те виды кооперации, в рамках которых происходило обобществление труда, все же остальные рассматривались лишь в качестве подготовительных этапов к последующему включению кустарей в «высшие формы» коллективного труда.

¹ Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 217.

² Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 141

³ Бузлаева А. И. Кооперация промысловая // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 13. М., 1973.

А потому был взят курс на скорейшее изживание и ликвидацию «простых» форм кооперации и вовлечение основной массы кустарей в артели, обобществляющие труд.

Таблица 2. Виды кустарно-промысловых кооперативов в СССР на 1 октября 1928 г. (без лесной кооперации)¹

Виды	Число кооперативов	Число членов	Число кооперативов, %	В них членов, %	Членов на один кооператив
Артели с общей мастерской	8 408	231 535	69,8	26,7	28
Сбытоснабженческие	2 442	349 889	20,3	40,4	143
Трудовые	406	29 870	3,4	3,4	74
Промыслово-кредитные	710	245 122	5,9	28,3	345
Смешанные промыслово-сельскохозяйственные	76	10 028	0,6	1,2	132
Всего	12 042	866 444	100,0	100,0	72

Среди общего числа промысловых кооперативов на 1 октября 1928 года около четверти составляли промыслово-кредитные и сбытоснабженческие кооперативы. Промыслово-кредитная кооперация осуществляла кредитные операции (выдачу ссуд своим членам, учет векселей, прием вкладов), а также вела хозяйственную деятельность по сбыту продукции кустарей и ремесленников, снабжению их сырьем, организации производственных предприятий и т.п. Сбытоснабженческие товарищества ограничивались, соответственно, обобществлением операций по сбы-

¹ На путях к обобществлению мелкой промышленности в СССР. М., 1929. С. 30.

ту и снабжению, тогда как труд коллективным здесь не был. Однако по числу членов сбыто-снабженческая кооперация и промыслово-кредитная (68,7%) значительно превосходили численность артелей с общей мастерской, а также трудовых и промыслово-сельскохозяйственных (31,3%) артелей. В период с 1929 по 1930 год численность промыслово-кредитных объединений сократилась с 260 тыс. членов до 160 тыс. А к 1933 году 99% кооперативов стали чисто производственными¹.

«Создание артелей с общей мастерской, – отмечал А. А. Николаев, – соответствовало идеологической доктрине большевизма, нацеленной на включение кустарно-ремесленной промышленности в систему планового государственного хозяйства. Создаваемая на этом этапе кооперативная собственность в значительной мере принадлежала государству, и в качестве ее распорядителя выступала бюрократия, подчиненная хозяйственным и партийным органам. Кооперативный аппарат был поставлен под жесткий политический контроль органов ОГПУ»².

В 1929–1932 годах некоторые виды кооперации в СССР практически исчезли. Кооперативы лишались льгот, на них возлагались обязанности по выполнению плана: так, например, кредитная кооперация должна была выполнять план по кредитам. Однако в конечном итоге кредитная и сельскохозяйственная кооперация были сведены на нет³. «На протяжении 1929–1932 годов, – пишет А. В. Воронин, – политика советской власти в отношении всех видов кооперации носит явно ликвидационный характер: все больше становится решений, уменьшающих права, отменяющих льготы, усиливающих контроль как за внешней, так и за внутрикоопе-

¹ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 139.

² Там же. С. 140.

³ Воронин А. В. Советская власть и кооперация. (Кооперативная политика Советской власти: центр и местные власти Европейского Севера в 1917 – начале 30-х гг.). Петрозаводск, 1997. С. 97–99, 100.

ративной работой, наконец, просто ликвидирующих целые организации и отрасли»¹. И в то же время размах производства в советской промкооперации был внушительным. По статистике, отраженной в Большой советской энциклопедии, в 1934 году промартели, входящие в системы Всесоюзного промсовета и Всесоюзного племсоюза, выдали валовой продукции на 6 млрд 515,2 млн рублей.

Согласно циркуляру Всесоюзного промсовета от 11 сентября 1934 года, простейшие виды сбытоснабженческих и сырьевых товариществ объявлялись «на данной стадии развития промысловой кооперации» изжившими себя. Эти виды кооперативов преобразовывались в артели или ликвидировались². Итог подобной политики ярко отражен в таблице, приведенной ниже.

Таблица 3. Виды промыслово-кустарных кооперативов в СССР в 1933 г.³

Виды кооператива	Численность	в %
<i>Производственные артели и товарищества</i>	12 871	86,9
<i>Промколхозы</i>	1 022	6,9
<i>Промысловые артели</i>	785	5,3
<i>Сбытоснабженческие товарищества</i>	133	0,9
<i>Итого</i>	14 811	100,0

Вся промысловая кооперация, по замыслам большевиков, должна была быть охвачена системой кооперативных

¹ Воронин А. В. Советская власть и кооперация. (Кооперативная политика Советской власти: центр и местные власти Европейского Севера в 1917 – начале 30-х гг.). Петрозаводск, 1997. С. 108.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 323.

³ Создание фундамента социалистической экономики в СССР 1926–1932 гг. М., 1977. С. 290.

союзов, которые ее контролировали и направляли дальнейшее развитие. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 23 июня 1932 года «О перестройке работы и организационных форм промысловой кооперации», система промкооперации выстраивалась по следующей схеме: первичный кооператив – межрайонный гнездовой или областной союз – Всесоюзный совет промысловой кооперации (Всекопромсовет). Среднее звено обеспечивало организационное и хозяйственное обслуживание кооперативов, то есть снабжало инструментами, сырьем, вспомогательными материалами, а также представляло артели перед госорганами. На высшем уровне Всекопромсовет вел организационную работу, учет, директивное и перспективное планирование и представительство промкооперации перед союзными правительственными организациями. Эти взаимоотношения касались кредитования, фондов снабжения, защиты прав промкооперации¹. «Строгая централизация кооперативного аппарата, – замечает В. Г. Егоров, – обеспечивалась наделением руководящих органов промысловой кооперации всей полнотой необходимых рычагов воздействия на низовую сеть. Союзы осуществляли функции, совершенно невозможные в условиях рынка: планирования, учета и контроля всей хозяйственной деятельности своих членов»².

В «Положении о Всесоюзном совете промысловой кооперации» от 10 августа 1933 года были подробно расписаны основные полномочия Всекопромсовета. Всесоюзный совет промысловой кооперации имел своей целью объединение под собственным руководством всей промысловой кооперации в СССР. Всекопромсовет нес также функции совета промысловой кооперации РСФСР (в то время как во главе промкооперации других союзных республик стояли особые

¹ СЗ 1932 № 57. Ст. 340. С. 545.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 325.

советы промысловой кооперации). Всекопромсовет должен был заниматься составлением производственных, финансовых и иных планов, вести учет и контроль всей промкооперации, разрабатывать проекты постановлений, касающиеся промысловой кооперации, осуществлять работу по кооперированию кустарей, оказывать всей кооперативной системе правовую помощь и т.д.¹. С целью лучшей координации работы кооперации и ее увязки с планом народного хозяйства в 1932 году при советах труда и обороны и экономических совещаниях в союзных республиках, в краях и областях были организованы комитеты промкооперации. А согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 10 августа 1934 года ведение промысловой кооперации было поручено Комиссариату местной промышленности СССР².

Подчинение государству и контролируемой им кооперативной системе проявлялось во многих аспектах. Так, Госплан разрабатывал планы для промкооперации, которые не считались с реальным положением дел на местах (это было трудноосуществимо даже с технической точки зрения), Всекопромсовет разверстывал их по артелям. Спут бюрократической отчетности все крепче охватывал артели: они были обязаны отчитываться перед своими союзами по всем аспектам своей деятельности, к началу 1930-х годов отчетность артели осуществлялась по 78 различным формам!³ Кооперация получала от государства сырье по завышенным, монопольным ценам⁴. Значительными были и суммы, которые артели обязаны были передавать кооперативным центрам. Минимум 20% от паевого капитала артели уходило промысловым союзам и 10% – вышестоящим кооперативным организациям, руководящим звеньям

¹ СЗИР 1933. № 53. Ст. 312. С. 624–625.

² Егоров Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 327–329.

³ Там же. С. 330–331.

⁴ Там же. С. 356.

кооперативного аппарата перечислялось 15% прибыли кооперативов. Промсоюзы и промсоветы при этом не несли никакой ответственности по обязательствам входящих в них промысловых кооперативов¹. Принцип неприкосновенности кооперативной собственности не всегда соблюдался. Кооперации навязывались идеологические функции, ее обязывали вести в своей среде активную культмассовую работу. Однако были и некоторые позитивные проявления государственного вмешательства, о которых свидетельствуют такие цифры: основные фонды кооперации за годы первой пятилетки увеличились почти в шесть раз: с 98 173 000 рублей до 582 000 000 рублей².

По постановлению 1931 года в кустарных объединениях создавались производственно-товарищеские суды, которые были призваны бороться с нарушителями трудовой дисциплины и дезорганизаторами производства. Суд мог ходатайствовать перед общим собранием об исключении члена из артели и накладывать штраф до 10 рублей; за срыв учета и отчетности в артелях можно было подвергнуться уголовному наказанию, за систематический выпуск брака получить до 5 лет заключения³. С 1933 года начала проводиться кампания по самоочищению кооперации от классово чуждых элементов. В то же время среди артелей распространилась **борьба за качество**, они активно присоединялись к ударническому движению и социалистическому соревнованию⁴. Помимо этого в артелях создавались культпросветы, оргкооперативные комиссии, проводившие массовую работу и осуществлявшие контроль за социальным составом кооперативов, производственные совещания, привлекавшие работников к управлению производством⁵.

¹ Там же. С. 358.

² Там же. С. 365.

³ Там же. С. 343–344.

⁴ Там же. С. 335.

⁵ Там же. С. 352.

Все эти меры должны были стимулировать развитие промкооперации в условиях отсутствия рынка и ее всесторонней зависимости от государства.

Еще одной тенденцией в развитии промысловой кооперации в 1930-е годы стало стремление к **укрупнению кооперативов**. Так, в 4% от их общего числа трудилось от 100 до 250 работников, при этом на них было занято до 22,8% всех членов кооперации. Доля продукции, выпускаемая этими кооперативами, составляла 23,5%, велика была здесь и доля основного капитала, составившая 25,4%. Политика укрупнения основывалась на глубокой убежденности в том, что крупное предприятие всегда предпочтительнее мелкого. Все это вело подчас к весьма курьезным результатам. Артель «За новый быт» (г. Онега) включала такие разнородные направления деятельности, как обслуживание бытовых потребностей населения, металлоковку, пошив одежды и изготовление обуви. Один из адыгейских кооперативов совмещал изготовление металлических игрушек и трикотажа. Известен также кооператив из города Пятигорска, который занимался варкой мыла, плетением корзин и вязкой веников. «К концу первой пятилетки в системе промысловой кооперации были введены в строй предприятия по механической оснащенности, внутренней организации ничем не отличающиеся от государственных фабрик. Среди них Ленинградская граммофонная фабрика, Московская кожгалантерейная фабрика артели “Кожобъединение”, выпускающая продукции на 30 млн рублей в год с числом занятых свыше 3 тысяч человек, Батумский завод естественных красителей, Ленинградская галантерейная фабрика “Люкс” с числом работающих 1751 чел., производящая товара на 8 млн руб. в год, и т.д.»¹.

Негативные последствия огосударствления и жесткой централизации промкооперации были очевидны многим,

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 337–338.

и игнорировать их становилось все сложнее, поэтому в 1932 году была предпринята попытка изменить ситуацию путем наделения артелей большей свободой действий, своего рода **экономическая либерализация**. Постановление ЦИК и СНК «О перестройке работы и организационных форм промысловой кооперации» от 29 июля 1932 года имело целью рост производственной инициативы артелей, а также расширение производства промкооперацией предметов широкого потребления. Артели теперь могли самостоятельно заготавливать сырье, за исключением хлопка, льна, пеньки, шерсти, шелковых коконов и кожи. Кроме того, промкооперации разрешалось беспрепятственно заготавливать утиль, отходы и отбросы. Например, на государственных предприятиях разрешалось закупать металл, текстильные отходы, лоскуты, брак и лесные отходы¹. В результате доля продукции, выпущенной на недефицитном сырье, утиле и отходах, увеличилась с 34,8 до 52,7%².

В плане сбыта артели получали право свободно продавать свою продукцию, выработанную из собственного сырья, на рынках и базарах по рыночным ценам. Система централизованных обязательных заказов отменялась. Государственные и кооперативные организации могли теперь давать заказы артелям только на основе **добровольного согласия** последних на заключение договора, где определялись и цены на готовую продукцию. Изделия, выработанные артелями из государственного сырья, должны были продаваться соответствующим государственным или кооперативным организациям, но все же некоторая часть продукции на основе взаимного соглашения могла оставаться в распоряжении артели. Практика обязательных отчислений на содержание вышестоящих кооперативных звеньев отменялась. Размеры отчислений на общеккооперативные

¹ СЗИР 1932. № 57. Отд. I. № 340. С. 543–544.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 340.

и культурные нужды определялись собранием уполномоченных от артелей, и предполагалось, что они будут сведены к минимуму. Особые предостережения касались недопущения создания «громоздкого аппарата», – иными словами, это была попытка сократить бюрократизацию высшего звена кооперативной системы. ЦИК и СНК СССР считали, что промкооперации следует ориентироваться в основном на изготовление товаров широкого потребления, особенно важным представлялось изготовление «деревенского ассортимента»¹.

Однако в результате попытки наделения промкооперации большей свободой действий возник ряд проблем, который заставил власть вернуться к прежним методам управления. Что это были за проблемы? Начала ослабевать трудовая дисциплина, срывалось плановое снабжение и выполнение поставок продукции, артели начали взвинчивать цены на свою продукцию, что власти объясняли происками классовых врагов. Помимо того, в 1933 году произошло резкое сокращение численности занятых в промкооперации: с 1 242,4 тыс. чел до 768,8 тыс. чел, то есть на 38%. Весной 1933 года правительство приняло постановление о контроле над ценами, что в значительной мере означало возвращение к прежнему курсу².

Государственная монополизация снабжения кооперативов и сбыта их готовой продукции, фактическая ликвидация рыночных отношений, включение низовых промысловых артелей в единую централизованную союзную кооперативную систему и введение планирования – все это подчиняло промкооперацию нуждам социалистической модернизации, при том что принципы самостоятельности и самостоятельности кооперации подрывались.

¹ СЗИР 1932. № 57. Отд. I. № 340. С. 544–546.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук. М., 2005. С. 346–349.

Промысловая кооперация фактически превратилась «в организационную разновидность государственного сектора экономики»¹. Основания для создания артелей «снизу» были ликвидированы, инициатива в этом деле всецело стала принадлежать союзным организациям. Артели стали ведомым элементом советской экономики, дополняющим госпромышленность. К такому положению, в котором оказалась промысловая кооперация в советский период, ее во многом привела объективная логика собственного развития и собственные же интересы. Ведь обычно артели динамично развивались в тех случаях, когда их обеспечивали постоянными заказами и необходимыми кредитами (ярким примером здесь может служить история Павловской артели), устраняя при этом конкуренцию частников. Большевики как раз и создали подобные благоприятные условия для процветания артелей, и артельщики не могли отказаться от столь полезной для развития их предприятий помощи. Однако государство, обеспечивая артели всем необходимым, предпочитало вмешиваться в их внутренние дела, и вмешательство это зашло довольно далеко, гораздо дальше, чем этого хотелось бы самим артельщикам.

Во время Великой Отечественной войны промысловая кооперация была во многом ориентирована на выполнение оборонных заказов, производя теплую обувь и одежду, транспортные средства и принадлежности для конных формирований, широкий набор разнообразных бытовых приборов². Значительно увеличился объем продукции, выпускаемой промысловой кооперацией в годы войны: если в 1942 году ее стоимость составляла 534 млн рублей, то в 1945 году – 953 млн³. По отдельным данным можно гово-

¹ Там же. С. 372.

² Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 141.

³ Бузлаева А. И. Кооперация промысловая // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 13. М., 1973.

рить даже о росте численности артелей в период войны, например, на Урале их количество возросло с 1505 до 1656 (с 1942 по 1945 год), их валовая продукция увеличилась на 100%, а выработка на одного человека стала больше на 64%, в то время как в государственном секторе – только на 43%¹.

В 1941 году Всесоюзный совет республиканских центров промысловой кооперации ликвидируется, его заменяет государственное ведомство – Управление промкооперации (УПК) при СНК РСФСР². Война выявила, что в существовавшей тогда социально-экономической системе кооперация была сектором, который в значительной степени вписывался в мобилизационную модель хозяйства. Надо сказать, что правительство в самом начале войны сделало определенную ставку на промкооперацию, на два года освобождая ее от большинства налогов и снижая госконтроль над розничным ценообразованием (розничные цены могли превышать государственные на аналогичную продукцию не более чем на 10–13%). При этом цены, по которым для артелей предоставлялось сырье, оборудование, места на складах, транспорт, торговые объекты, были фиксированными. По всей видимости, советские руководители и лично Сталин помнили принципы взаимодействия с кооперацией в годы Гражданской войны и на основе тогдашнего опыта делали правильные выводы. Артели и кооперативы всех видов и на этот раз показали свою эффективность. Что касается потребительской кооперации, она была задействована для организации общественного питания, в том числе «эвакуированных

¹ Пасс А. А. Кооперация и война. Промысловые артели и потребительские общества на Урале в 1941–1945 гг. // Урал в стратегии Второй мировой войны. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, Каменск-Уральский, 27–28 апреля 2000 года. Екатеринбург, 2000. С. 136.

² Назаров П. Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. 07.00.01. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 19.

жителей, инвалидов Отечественной войны, детей-сирот и детей фронтовиков, изыскивала возможности для обеспечения их одеждой, необходимыми товарами повседневного обихода, то есть деятельность ее значительно расширилась, и кооперация приобрела несвойственные ей функции»¹. Кроме того, потребительская кооперация снабжала сотни тысяч рабочих и колхозников, занятых в строительстве оборонительных рубежей.

7. Промкооперация в послевоенный период

В послевоенный период исследователи фиксируют несколько всплесков интереса властей к промкооперации, когда ее деятельность и вопросы дальнейшего развития обсуждались на высоких партийных и государственных форумах. Эти моменты датируются 1946 и 1950 годами. Как свидетельствует П. Г. Назаров, в послевоенное время «артелям разрешили заниматься торговлей, закупочной деятельностью, устанавливать цены, распределять прибыль в виде дополнительного заработка, восстанавливались выборные органы». Но уже к 1952 году промкооперация оказалась на периферии государственных интересов. В 1953–1954 годах опять последовал всплеск внимания к ее нуждам, он был прежде всего связан с необходимостью увеличения объемов производства товаров народного потребления, но вскоре ориентир меняется: заняться выпуском данных товаров должна была госпромышленность².

В послевоенное время в промкооперации назрел ряд проблем. «В 1945–1947 годах, – отмечает А. А. Николаев, – во многих артелях промысловой кооперации имели место

¹ Лысенко И. А. Потребительская кооперация в годы Великой Отечественной войны. Сталинград: Монография. Волгоград, 2007. С. 148.

² Назаров П. Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. 07.00.01. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 6–7.

финансовые нарушения, долгое время не проводилась инвентаризация, своевременно не выдавалась зарплата, практически отсутствовали профессионально подготовленные работники. Большая текучесть кадров не позволяла создать резерв квалифицированной рабочей силы». 14 апреля 1948 года было создано Главное управление по делам промысловой кооперации при СНК СССР (Главкооп), получившее контрольные функции: оно должно было заняться пресечением спекуляций и разного рода злоупотреблений¹.

В 1950 году центральные выборные органы промысловой кооперации восстанавливались, а Управление промысловой кооперации при Совете министров СССР ликвидировалось. Идея эта исходила от самого Сталина, а ответственным за ее реализацию был Микоян. Новый союз решили назвать Центральным советом промысловой кооперации СССР – Центропромсоветом. Особо подчеркивалась недопустимость превращения этого органа в обычное государственное ведомство с директивными функциями. Осенью 1950 года провели собрание уполномоченных от промкооперации. В РСФСР был избран Роспромсовет, а республиканские советы избирали состав общесоюзного Центропромсовета. Но далеко не на всех уровнях идеи самоуправления и самостоятельности были приоритетными: «Если в деятельности Центропромсовета вопросы внутрикооперативной демократии и соблюдения устава занимали важное место, то Роспромсовет формировался преимущественно как производственное управление»², – замечает П. Г. Назаров.

Помимо собственно кооперативных союзных органов управления государство располагало и собственным разветвленным аппаратом управления промкооперацией: это были группы промкооперации в Совете министров РСФСР,

¹ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 141.

² Назаров П. Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. 07.00.01. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 19.

отделы промкооперации при Госплане РСФСР, бюро Совета министров СССР, отраслевые отделы ЦК КПСС и обкомов, управления облисполкомов. Государство также проводило свою кадровую политику внутри кооперативных союзов. В самих артелях была специальная должность заместителя председателя артели по оргмассовой работе и кадрам, который должен был транслировать партийные и государственные установки внутри рабочего коллектива¹.

В 1950-е годы все локальные промысловые союзы, имеющие как бы промежуточный характер и являвшиеся свободными объединениями самих кооперативов (районные, межрайонные, городские, гнездовые и проч.), постепенно были ликвидированы. Вместо них распространялись областные промсоветы, представлявшие собой командно-административные органы².

В 1953 году началась кампания по укрупнению министерств, в ходе которой промысловой кооперации (Всекооппромсовету) передавались художественно-промысловые, лесопромысловые и инвалидные артели, причем осуществлялось это без получения согласия от самих кооператоров³. Особую роль в 1950-е годы Роспромсовет сыграл в деле сохранения российских народных художественных промыслов (Федоскино, Мстера, Гжель, Жостово, Кубачи и др.). Как отмечает П. Г. Назаров, сделано это было во многом благодаря усилиям централизованных государственных и кооперативных структур. Однако и тут возникали свои специфические проблемы на почве крайней идеологизации искусства в СССР. Так, «художники-новаторы», которые воспевали в лаковой миниатюре и вышивке историю КПСС, в печати осуществляли нападки на «художников-кооператоров», отверженных в своем творчестве традиционному направлению изображения былинных сюжетов. Вскоре художественные

¹ Там же. С. 9–10.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 20.

промыслы и вовсе были переданы под жесткое руководство Министерства местной промышленности¹.

В 1950-е годы промкооперация производила от трети до половины некоторых видов товаров народного потребления, являлась монополистом в народных художественных промыслах². В 1955 году в распоряжении промкооперации оказалось 114 тыс. мастерских и промышленных предприятий, на которых производилось до 5,9% валовой промышленной продукции: 40% производства всей мебели, 70% всей металлической посуды, одна треть верхнего трикотажа, практически все детские игрушки и т.д. Система промкооперации имела 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальные лаборатории и два научно-исследовательских института³. На 1 января 1956 стоимость основных фондов промкооперации составила 6 850 млн рублей, а непроизводственных основных фондов – 1 279,1 млн рублей. В целом же промысловая кооперация включала в себя свыше **54,7 тыс. предприятий**, на которых было занято **1,8 млн человек**⁴.

В «Советском юридическом словаре» 1953 года издания различались следующие виды промыслов: «Производственная артель – работа в общих мастерских (предприятиях) при обобществленных орудиях и средствах производства; производственное товарищество – работа на дому у членов товарищества при обобществленных средствах производства; сбытоснабженческое товарищество – работа на дому у членов товарищества при орудиях и средствах производства, принадлежащих членам товарищества (кооперируются лишь снабжение и сбыт); промколхоз – смешанная орга-

¹ Назаров П. Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. 07.00.01. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 12–13.

² Там же. С. 1.

³ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 141.

⁴ Бузлаева А. И. Кооперация промысловая // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 13. М., 1973.

низация, ведущая и промысловую и сельскохозяйственную деятельность». Основной задачей промысловой кооперации называлось производство товаров широкого потребления, а также обслуживание культурно-бытовых потребностей советских граждан (здесь имелись в виду кооперативные прачечные, парикмахерские, мастерские по ремонту предметов обихода и т.п.). Сбытоснабженческие кооперативы рассматривались уже как изжитые формы кооперации¹.

Промысловая кооперация в широком смысле слова включала в себя собственно промысловую, а также лесную кооперацию и кооперацию инвалидов. Артели инвалидов имели собственный республиканский центр – Всекоопинсоюз, а во главе лесной кооперации стоял Всеколес. В 1953 г. лесная кооперация и кооперация инвалидов объединялись с промысловой под началом Центрального совета промысловой кооперации – Центропромсовета.

Несмотря на вмешательство государства и партии в дела промкооперации, всесторонний контроль и нарушение самостоятельности артелей и прав их собственности, кооперативные предприятия все же действовали на основании иных принципов, нежели предприятия государственной промышленности. Что же «кооперативного» осталось в советских артелях?

П. Г. Назаров прежде всего указывает на бытовавшую в артелях систему распределения части прибыли в виде дополнительного заработка², систему вступительных и пае-

¹ Советский юридический словарь / Под ред. С. Братуся, Н. Казанцева, С. Кечекьяна и пр., 1953.

² «Зарплата кооператоров в 50-е гг. возросла с 400 до 700 рублей в месяц, но была при этом ниже на 15–20%, чем в местной промышленности. Распределяемая прибыль покрывала эту разницу лишь наполовину. В то же время персональные оклады руководителей промкооперации достигали 2–4 тыс. рублей в месяц, что, однако, также было ниже аналогичных окладов в госпромышленности. При отсутствии спроса на выпускаемую продукцию артельщики часто оставались вообще без заработка» (Назаров П. Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. 07.00.01. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 8).

вых взносов, делимых и неделимых фондов, практику установления артелями собственных цен на часть выпускаемой продукции. По собственным ценам артель могла самостоятельно реализовывать 14–15% собственной продукции, однако при этом существовал и теневой оборот, который мог значительно превышать разрешенные объемы продаж¹. После всех выплат в государственный бюджет оставшая прибыль поступала в распоряжение артели, и общее собрание решало, как ею распорядиться².

Но у советской промкооперации были и другие черты: так, неделимые фонды в артелях того времени обычно составляли более 90% от стоимости кооперативного имущества, и это не могло не отражаться на заинтересованности артельщиков в результатах собственного труда³. Крупные суммы кооперативных накоплений государство удерживало в своих руках и при необходимости довольно свободно распоряжалось ими. Причем пользование деньгами кооперации было одобрено лично Сталиным, а долг государства перед кооперацией постоянно возрастал⁴. Совет министров планировал до 30% российской кооперативной продукции; помимо того, частично планирование осуществлялось на уровне облисполкомов, облпромсоветов и самими артелями. Создание новых артелей в рамках советской кооперативной системы шло по особому пути: кооперативы основывались не самими артельщиками «снизу», за счет объединения их собственных ресурсов, — созданием артелей занимался Роспромсовет и на собственные средства. Такие системы, как Роспромсовет, П. Г. Назаров предложил называть не кооперативными союзами, а **централизованными кооперативными систе-**

¹ Назаров П. Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. 07.00.01. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 8.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 14.

мами. В год таким образом создавалось от 10 до 30 артелей, но велика была текучка кадров, ведь заработная плата в промкооперации была ниже, чем на госпредприятиях¹. При этом численность работников средней артели в 1950-е годы поднялась с 90 до 200 человек².

«По среднегодовым темпам роста и выполнению плана, – отмечает П. Г. Назаров, – промкооперация шла выше местной промышленности. Однако объем продукции, число предприятий, количество работников и доля кооперативной продукции в общесоюзном производстве в 50-е годы неуклонно сокращалась. Затухающие тенденции являлись следствием не внутреннего развития отрасли, а внешних воздействий: результатом проводимых государством периодических экспроприаций промсистемы»³.

Крупные предприятия в представлении советской власти считались значительно более перспективными, нежели мелкие, с середины 1950-х годов эти взгляды стали активно претворяться в жизнь. 14 апреля 1956 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О реорганизации промысловой кооперации». В результате треть предприятий промысловой кооперации была передана госпромышленности. При этом преследовалось две цели: во-первых, укрепить промышленность за счет привлечения средств и кадров промысловой кооперации, во-вторых, сократить бюрократический аппарат, обслуживающий промысловую кооперацию. В итоге упразднился центральный союзный совет промысловой кооперации – Центропромсовет. Вместо него был создан республиканский совет промысловой кооперации РСФСР⁴.

¹ Там же. С. 9–11.

² Там же. С. 17.

³ Там же. С. 10.

⁴ Кузнецова Т. Советская кооперация в 20–60-е годы: по пути свертывания // Кооперация. Страницы истории / Отв. ред. Н. К. Фигуровская. М., 1991. С. 176–177.

Помимо проведенной децентрализации отрасли наиболее крупные кооперативные предприятия передавались государству.

Идея о передаче предприятий промкооперации местной государственной промышленности, по данным П. Г. Назарова, поступила от Совета министров Украинской ССР, так как там было велико недовольство всесоюзным Центропромсоветом. Н. С. Хрущев поддержал данную инициативу и поручил А. Н. Косыгину заняться непосредственно ликвидацией промкооперации. О решении было объявлено в 1955 году на июльском пленуме ЦК КПСС¹.

Поначалу национализация промкооперации была затруднена тем, что Министерство финансов не желало принимать на себя дополнительные и весьма значительные расходы по социальному страхованию работников артелей, ведь пенсии и пособия они получали за счет собственных фондов и касс. После передачи в 1956 году трети крупнейших кооперативных предприятий государству система кооперативного страхования оказалась подорванной, Роспромстраховету пришлось увеличивать страховые отчисления в 2,5 раза (до 23,5%), в результате чего снижались прибыль и отчисления в бюджет². Кроме того, количество артелей снизилось с 12,6 тыс. до 8 тыс., число работников сократилось с 1,8 до 1,2 млн, объем производства – с 62 до 40 млрд руб., а доля промышленной продукции артелей в общесоюзном валовом объеме снизилась с 8 до 6%. И хотя кооператоры были возмущены и выступили против ликвидации, все же сдержать натиск государства они смогли ненадолго. Окончательная ликвидация промысловой кооперации была проведена в 1960 году, причем произошло это внезапно. Решение было

¹ Назаров П. Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. 07.00.01. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 21.

² Там же. С. 15.

оформлено в виде постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 20 июля 1960 года, оно было принято без согласования с правительством РСФСР и Роспромсоветом¹.

Государственные предприятия находились в более благоприятных условиях, чем артели: они в первую очередь обеспечивались необходимым сырьем и материалами, для них активно строились новые помещения, а на работу туда направлялись наиболее квалифицированные инженерно-технические кадры. Ликвидацией в 1956–1960 годах промысловой кооперации и передачей ее собственности и имущества государственной легкой промышленности решалась проблема с материальным и кадровым обеспечением бывших кооперативных предприятий².

П. Г. Назаров полагает, что в тени промкооперации процветал подпольный бизнес, а потому именно стремление покончить с ним явилось главной причиной ее ликвидации³. А. А. Николаев, напротив, рассматривает факты хищений, взяточничества и наличие теневых операций лишь как повод к закрытию промкооперации⁴.

В любом случае ликвидация промысловой кооперации шла в русле общих тенденций огосударствления, централизации и создания четкой управленческой иерархии в СССР. Наиболее ярким проявлением артельности в последующее время стало создание и распространение множества старательских артелей, расцвет которых пришелся на последние 30 лет существования Советского Союза. Об этом виде артелей в нашей монографии речь пойдет в отдельной главе.

¹ Там же. С. 22–23.

² Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 141.

³ Назаров П. Г. Промысловая кооперация РСФСР и экономическая политика Советского государства. 1950–1960 гг. 07.00.01. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 17.

⁴ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 141.

8. Проект колхозного строя

В первые годы после революции 1917 года в России наметился значительный рост коллективных земледельческих хозяйств. В основном это были хозяйства трех видов: товарищества по совместной обработке земли (**ТОЗы**), **артели** и **коммуны**. В товариществах обобществлялись только земля и труд, а распределение происходило в зависимости от вложенного труда и привлеченных работником средств производства (скот, орудия труда, семена и проч.). В артелях обобществлялись уже не только труд и земля, но и основные средства производства, однако в крестьянской собственности оставались жилище, приусадебный участок, мелкий скот и домашняя птица. Распределение здесь производилось по вложенному труду. Наконец, в коммунах обобществление достигало наивысшей степени: здесь и земля, и труд, и средства производства, и даже жилище часто был общим. Распределение же номинально соответствовало коммунистическим принципам, то есть результаты труда распределялись по потребностям – в реальности же обычно по едокам.

Всего к началу нэпа по 55 губерниям, которые к марту 1921 года находились под советской властью, насчитывалось 14 189 коллективных хозяйств различных видов, которые объединяли 946 тыс. едоков. Из общего числа хозяйств подавляющее большинство – 80,5% – составляли артели, коммун было 11,2% и немногим меньше товариществ – 8,3%. Если в первые годы после революции численность коллективных хозяйств увеличивалась в разы, то за семь последующих лет после начала нэпа прибавка к общей численности составила лишь чуть более 3 тыс. При значительном снижении темпов роста земледельческих объединений существенно изменился их состав в пользу хозяйств с меньшим уровнем обобществления. Так, на 1 января 1928 года доля

артелей в общем количестве коллективных хозяйств сократилась до 41,3%, а доля товариществ, напротив, возросла до 51%, при этом несколько сократилась доля коммун – 7,7%. С. С. Маслов, эмигрант и один из первых исследователей коллективизации в России, рассматривал нэповский период как «время сильно упавших внимания и помощи со стороны власти колхозному движению»¹. Иными словами, крестьяне в эту эпоху не испытывали серьезного давления извне, как это было впоследствии, и вольны были более или менее самостоятельно избирать формы хозяйственной самоорганизации. Из приведенных выше цифр видно, что основная масса объединившихся в коллективные хозяйства предпочла коммуна артели и товарищества, где в большей степени учитывались индивидуальные интересы и мотивации, а также традиционные привычки крестьян.

Взяв на исходе 1920-х годов курс на коллективизацию сельского хозяйства, большевистская партия избрала артель в качестве магистрального пути преобразования единоличных крестьянских хозяйств. Несмотря на расположенность коммунистической идеологии именно к коммуне, И. В. Сталин заявил, что для преобладания подобных хозяйственных форм условия еще не созрели, товарищества по совместной обработке земли виделись ему уже пройденным этапом развития. А вот артель вполне устраивала большевистского вождя. Сталин решительно настаивал: «Основное звено колхозного движения, его **преобладающую** форму в данный момент, за которую надо теперь ухватиться, представляет сельскохозяйственная артель»².

Вероятно, помимо стремления двигаться к идеалу социалистического обобществления большевики при выборе тех или иных форм коллективизации сельского хозяйства руководствовались соображениями чисто практического характера, а именно необходимостью поставить под кон-

¹ Маслов С. С. Колхозная Россия. М., 2007. С. 125.

² Сталин И. В. Головокружение от успехов // Правда. 1930. 2 марта.

троль огромную массу крестьянских хозяйств для стабильной и гарантированной перекачки государством части национального дохода из деревни в город, без чего невозможно была бы индустриализация страны. В товариществах по совместной обработке земли основные средства производства и семенной фонд оставались необобществленными, а значит, оказывались неподконтрольны руководству колхоза, а в конечном счете и государству. В таких условиях для крестьянина сохранялось больше возможностей уклониться от обработки обобществленной земли, например под предлогом отсутствия семенного фонда, болезней рабочего скота и прочее. Сельскохозяйственная артель оптимально соответствовала целям большевиков. С одной стороны, не только земля, но и рабочий скот, необходимый инвентарь и семенной фонд обобществлялись, а иначе говоря, ставились под контроль руководства, что могло в значительной мере гарантировать обработку крестьянами колхозной земли, с другой стороны, колхозникам предоставлялся приусадебный участок. Последний являлся серьезным подспорьем для крестьянского двора, особенно в тех случаях, когда государство изымало колхозную продукцию подчистую. В первые десятилетия после коллективизации благодаря наличию приусадебного участка крестьянин получал шанс на выживание¹.

В литературе встречаются полярные оценки по поводу кооперативной сущности колхозов. Уже среди представителей экономистов-аграрников русского Зарубежья можно видеть расхождение во взглядах. Так, Б. Д. Бруцкус отмечал, что колхозы «не становятся в руках всемогущей со-

¹ С точки зрения А. В. Воронина, причина отказа большевиков от модели коммуны состояла «в том сопротивлении, которое оказало идеям большевиков само крестьянство. Колхозы, как ни странно, представляют своеобразный компромисс между властями и крестьянством, уродливую, но все же уступку со стороны первых крестьянству» (Воронин А. В. Советская власть и кооперация. (Кооперативная политика Советской власти: центр и местные власти Европейского Севера в 1917 – начале 30-х гг.) Петрозаводск, 1997. С. 193).

ветской власти органами планового хозяйства», а по своему уставу являются кооперативами¹. Глава Трудовой крестьянской партии С. С. Маслов полагал, что истинное место колхоза «в группе принудительных хозяйственных коллективов, лишенных самоуправления и служащих интересам не участников, а тех, кто насаждает их»². А. В. Чаянов вообще не считал совместное производство кооперативом, о чем мы уже писали выше. В постсоветское время точка зрения Чаянова была поддержана В. В. Кабановым, А. В. Ворониным и другими исследователями.

2 марта 1930 года в «Правде» был опубликован текст «Примерного устава сельскохозяйственной артели». Не совсем был неправ Бруцкус, усматривая в колхозном уставе кооперативную суть. Действительно, бедняки, батраки и середняки по уставу должны были объединяться в сельскохозяйственные артели добровольно, прием в члены артели производился общим собранием. При вступлении в колхоз следовало внести взнос в размере от 2 до 10% стоимости всего имущества за исключением предметов домашнего обихода и личного пользования. Из стоимости обобществленного имущества членов артели (рабочего и продуктивного скота, инвентаря, хозяйственных построек и т.д.) от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ зачислялось в неделимый фонд артели. Остальная часть имущества составляла паевой взнос члена колхоза. При выходе из артели паевой взнос должен был возвращаться. После покрытия хозяйственных расходов, расходов на содержание нетрудоспособных лиц, отчислений в неделимый и общественный фонды производился расчет по оплате труда. Вопросы об исключении должны были решаться общим собранием членов. Все дела артели находились в ведении правления, избираемого на год, а также общего собрания членов или их уполномоченных. Общее собрание избирало правление и ревизионную комиссию, утверждало

¹ Бруцкус Б. К теории кооперации // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 132.

² Маслов С. С. Колхозная Россия. М., 2007. С. 270.

инструкцию по их работе. Решения собрания принимались большинством голосов на открытом голосовании¹. В колхозах допускалось привлечение наемного труда, в особенности специалистов (агрономов, инженеров, техников и т.д.), а также в исключительных случаях и рабочих, но только на временной основе. В данном случае большевики оказались меньшими доктринерами, чем многие социалисты-кооператоры дореволюционной поры, усматривавшие в использовании наемников путь к перерождению артели, отходу от социалистических принципов.

Однако уже в самом примерном уставе сельскохозяйственной артели кооперативные принципы проводились недостаточно последовательно. Во-первых, колхозные уставы предполагали не просто вступительный взнос за вхождение в артель и внесение точно определенного пая, а непосредственное обобществление имущества крестьянина, вступающего в колхоз. Первоначально в примерном уставе от 1930 года денежный взнос вступающего исчислялся в процентах от стоимости его имущества. По уставу 1935 года хотя и вводилась плата уже не в процентном, а в денежном выражении (от 20 до 40 рублей), однако и она определялась в зависимости от мощности того или иного хозяйства. В уставах неизменно присутствовали положения об обязательствах артели и ее членов относительно ведения хозяйства и выполнения планов перед государством, что уже ярко свидетельствовало о ее подконтрольности и несамостоятельности. Голосование на общем собрании членов колхоза должно было быть только открытым, что давало возможность администрации контролировать волеизъявление и направлять его в нужное для себя русло.

Самостоятельность колхоза должна была предполагать и возможность его распада, но в уставах разъяснения по данному поводу отсутствовали. Правда, выход отдельных членов все же был там прописан, но земельный надел

¹ Примерный устав сельскохозяйственной артели // Правда. 1930. 2 марта.

обратно крестьянину не возвращался. Вышедших предполагалось наделять землей из госфонда, однако в реальности эта процедура была крайне затруднительна, так как земля в основном была поделена между колхозами и совхозами. Запрет на выдел крестьянского надела из колхозной земли был введен отнюдь не в интересах сохранения артели как хозяйственного организма. В реальности укрупнения и разукрупнения колхозов происходили постоянно, власти своевольно производили переделы земель между хозяйствами и часто без объяснения причин.

Некоторые положения примерных уставов 1930-х годов были предельно заострены в классовом ключе, что ярко отражало реалии происходившей тогда революции сверху, когда халатность могла быть истолкована как контрреволюция. Расхищение собственности и «вредительское отношение» к имуществу колхоза должно было рассматриваться артелью как «измена общему делу колхоза и помощь врагам народа»¹. Однако разбирать такие дела и устанавливать наказание за них по уставу колхоза должна была вовсе не артель, а суд.

По уставу 1969 года колхоз, казалось бы, становился более самостоятельным, но в то же время в этом документе прописывалась ликвидация личной материальной ответственности членов колхоза по обязательствам предприятия. Положение устава гласило: «Колхоз не отвечает по обязательствам и долгам членов колхоза. Члены колхоза не отвечают своим имуществом по обязательствам и долгам колхоза». Эта декларация о **ликвидации круговой поруки** по сути закрепляла отчуждение колхозника от колхоза, явно проводя между ними еще один дополнительный водораздел.

Вступление в колхоз предполагало добровольность. И здесь нельзя не учитывать роль крестьянской общины

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 519–530.

в процессе коллективизации. Этот вопрос дискутировался еще в советское время. Так, заведующий отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезников утверждал, что крестьянская община, очистившись от кулаков в 1928–1929 годах, переросла в социалистическую форму народного хозяйства – колхоз. Его точку зрения поддерживает В. В. Кабанов: «Христианское стремление мужика (до поры до времени), его непонимание происходящего, традиционная податливость общины авторитету власти (власть есть власть), готовность к выполнению ее заданий не только хозяйственных, но и управленческих и всех прочих (прием агитаторов, различных уполномоченных, комиссий, проведение кампаний и пр.) делали сельское общество надежной опорой государства. Тем более что сельские советы были безденежными, да и не обладали авторитетом сельского схода. Большевики – из тех, кто посмекалистее, – видели в послушной общине плацдарм для организации будущих колхозов. Так оно и случилось»¹.

Другой крупный специалист по аграрной истории, В. П. Данилов, напротив, считал, что колхозы создавались в результате ликвидации общины, при этом он ссылаясь на закон об упразднении общины в районах сплошной коллективизации (июль 1930 года). А. А. Куренышев, современный исследователь истории русского крестьянства, приходит к следующему выводу: «Община, как можно заметить, всюду и везде демонстрировала свою амбивалентность. Она могла прекрасно служить властям, быть опорой тоталитарного государства и могла быть центром, организующим крестьян на борьбу за свои права и интересы»². Ярким примером использования властью общины в своих интересах может служить так называемый

¹ Кабанов В. В. Судьбы кооперации в советской России: проблемы, историография // Кооперативный план: иллюзии и действительность: Сб. статей / Отв. ред., вступит. статья Ю. Н. Афанасьева. М., 1995. С. 23.

² Куренышев А. А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. С. 203.

Уральско-Сибирский метод (УСМ). «УСМ предполагал использование нажима общины на своих членов, не желавших сдавать хлеб. (...) Суть же его заключалась в том, что инициатива по выполнению установленного планом задания зернозаготовки должна в каждой деревне исходить не непосредственно от зернозаготовительных организаций или госорганов, а от общественных организаций (от актива бедноты, например) и проводиться через общее собрание граждан. Другой особенностью УСМ было то, что он утверждался решением общих собраний граждан, т.е. традиционным путем, с общего согласия общины. Это означало: во-первых, установление коллективной ответственности деревни в целом по доставке квоты зерна государству (круговая порука) и, во-вторых, в претензии на то, что УСМ является не принуждением, а выражением доброй воли крестьянской массы, объединенной коммунальными отношениями общины»¹.

Решение о вступлении в колхоз также часто принималось на сельском сходе. Однако для того чтобы сход принял такое решение, агитаторам приходилось всеми правдами и неправдами уговаривать крестьян, а нередко прибегать к угрозам, запугиванию и даже арестам. Так, характеризуя сельские реалии второй половины 1929 года, американская исследовательница советской колхозной деревни 1930-х годов Шейла Фицпатрик пишет: «Раньше крестьяне, вступавшие в колхоз, считались по сути отделившимися: решение вступить в колхоз само собой подразумевало решение выйти из общины. Новая стратегия лишила коллективизацию этой черты. Более того, если большинство членов сельской общины записывалось в новый колхоз, а меньшинство не соглашалось это сделать, то уже это меньшинство невольно оказывалось в положении отделившихся»². Такие фак-

¹ Там же. С. 202.

² Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. 2-е изд. М., 2008. С. 57.

торы, как аресты кулаков, их дальнейшая высылка, голод 1932–1933 годов, огромный налоговый пресс, действующий на единоличников, порой угрозы – все это вынуждало крестьян записываться в колхоз. Признать вхождение огромной массы крестьянства в колхозы при таких условиях принципиально добровольным не представляется возможным. Однако добровольцы все же были. По крайней мере, таковыми можно назвать тех лиц, которые изначально образовывали колхоз. Это, как правило, были активисты (представители властей, сельские учителя и проч.), батраки, бедняки и безземельные крестьяне¹.

Что касается желаний участвовать в колхозах, то со временем положение изменилось. Та же Ш. Фицпатрик признает, что во второй половине 30-х годов многие единоличники безуспешно пытались вступить в колхозы. Причиной тому были «преимущества, которые давал статус колхозника», такие как право на больший приусадебный участок, более низкое налогообложение, покос на колхозных лугах, «страховка» на случай потери трудоспособности, гарантия респектабельности (т.е. некулацкого происхождения) в глазах городских работодателей². Известны случаи, когда в 1933 году голодающие крестьяне на Северном Кавказе и в Краснодарском крае отчаянно пытались весной вступить в колхозы, потому что у них не было семенного зерна.

Принцип выборности руководства колхоза существенно ограничивался. «Одна из главных функций пред-

¹ По действовавшему примерному Уставу сельскохозяйственной артели от 1935 года членство в колхозе должно было оформляться подачей заявления с последующим решением о приеме на общем собрании членов артели. На практике это правило не соблюдалось по отношению к детям колхозников, которых механически правление заносило в списки колхозников без заявления о приеме. Из этого следовало, что паспорта у них на руках не было (Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996. С. 156).

² Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. 2-е изд. М., 2008. С. 131–132.

колхоза, – пишет Ш. Фицпатрик, – заключалась в посредничестве между селом и районными властями. Чтобы успешно играть эту роль, председатель должен был быть принят обеими сторонами: если его “выбирало” село, требовалось утверждение кандидатуры районом; если “назначал” район – утверждение селом»¹. Случалось, что выбранного колхозниками кандидата мог не утвердить район. Кандидатуры на место председателя порой вносились на голосование местными органами власти. Для того чтобы провалить такую кандидатуру, колхозникам требовалось определенное мужество, так как голосование было открытым и шедшие против воли начальства могли серьезно за это поплатиться. В глазах крестьян должность председателя часто воспринималась не в качестве привилегии, а как тяжелое бремя. Председатель за невыполнение государственных хлебозаготовок и другие провинности мог попасть под суд и даже в тюрьму. Поэтому порой колхозники стремились передать это властное бремя чужаку. Как ни странно, но делу усиления «колхозной демократии» способствовала эпоха так называемого Большого террора, когда стало популярным обвинять начальство в ущемлении прав колхозников и злоупотреблениях, однако значительных перемен все же не последовало, и колхозы продолжали оставаться в подчиненном положении².

Контролю подвергалась и внутрихозяйственная деятельность колхоза. Так, по «Примерному уставу сельскохозяйственной артели», принятому в 1935 году, насчитывалось до десяти обязательных государственных планов, которые должен был принимать и выполнять колхоз. Это были планы сева, подъема паров, междурядной обработки, уборки, молотбы, зяблевой пахоты³, развития

¹ Там же. С. 218.

² Там же. С. 221.

³ Осенняя вспашка земли производилась с целью содействия лучшему увлажнению почвы и борьбы с сорняками.

животноводства, культурного строительства, ежегодных внутренних займов, ежегодных заготовок сельскохозяйственной продукции. Планы спускались сверху и разверстывались по колхозам чисто механически, без учета местных условий. В дела колхоза могло также вмешиваться множество организаций. Это районный партийный комитет и сельская партийная ячейка с их секретарями, районный исполнительный комитет совета и сельский совет с их председателями, правление районного союза колхозов с председателем во главе, районный уполномоченный центральной власти по заготовкам сельскохозяйственных продуктов со своей канцелярией и особо ненавистные колхозникам политотделы при МТС и совхозах, созданные в январе 1933 года и просуществовавшие до 1935 года. При таком всестороннем контроле вряд ли колхоз можно считать кооперативной организацией, самостоятельной в своей хозяйственно-организационной деятельности. В послевоенное время колхозы так и не обрели хозяйственной самостоятельности, преимущественно эксплуататорское отношение к ним со стороны партийных и советских органов не исчезло. Л. Н. Давыдова, исследуя историю нечерноземной деревни 1960–1980-х годов, указывала на зависимое положение сельскохозяйственных предприятий: «Колхозы и совхозы были обременены огромными планами, опутаны долгосрочными, краткосрочными и прочими ссудами и долгами. Они постоянно рассчитывались с государством то за технику, то за комбикорма, то за семена. Постоянный процесс одалживания. Государство иногда лишь списывало часть долга, ибо получить его в любом случае было нереально»¹.

В колхозах вводился принцип оплаты по труду. В зависимости от своей квалификации и качества труда каждый колхозник получал разное количество трудодней.

¹ Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996. С. 18.

Однако крестьяне, вступая в колхозы, ратовали за уравнительную оплату труда по потребностям или по едокам. Такая ситуация наблюдалась до середины 30-х годов, но уже вскоре все более зримо начало наблюдаться расслоение между колхозниками, что несомненно увеличивало степень отчуждения между ними. Так, заработок председателя и членов правления был гораздо больше, чем у других колхозников. Трудодни им начислялись за все дни в году без исключения, в том числе и за выходные, и за праздники. Нередко представители администрации активно стремились установить себе регулярную и фиксированную заработную плату, не связанную с системой оплаты по трудодням.

Другой привилегированной группой в колхозе были механизаторы (комбайнеры, водители, трактористы) и кузнецы. Им начислялись трудодни по повышенной норме. Помимо того, колхоз мог нелегально выплачивать им денежный оклад. Официально в 1933 году для трактористов был введен гарантированный государственный минимум денежного и натурального дохода, а в 1935 году комбайнерам через МТС стала выплачиваться заработная плата.

Наконец третью группу составляли неквалифицированные колхозники, работающие в поле и ухаживающие за скотом. Их работа оплачивалась минимально.

Колхознички,
Бодры пташечки –
Разделили урожай
По чайной чашечке¹.

Эта частушка, свидетельствующая о тяжелом положении колхозников, сложилась уже в северной послево-

¹ Цит. по: Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996. С. 47.

енной деревне. Оплата производилась далеко не всегда в деньгах, часто заработок выдавался в натуральном виде, то есть продуктами. Так, в 1940 году 12% колхозов вообще не выдавали наличных за трудодни¹. Значительную же часть продукции и вырученных от ее продажи денег крестьянин получал со своего приусадебного участка. Картошка, мясные и молочные продукты, яйца – все это в основном давал именно приусадебный участок. В первые десятилетия после коллективизации он, по сути, являлся основным средством выживания для крестьянина, но и позже не утратил своего значения. Так, в 1953 году доля личного хозяйства в доходах колхозников составляла 70%, а во многих районах превышала 90%². «На личном подворье, – отмечает Л. Н. Денисова, – труд, почти полностью лишенный механизации, являлся в два раза более производительным, чем в колхозах и совхозах. Продуктивность гектара личных угодий была в 20 раз выше, чем в совхозах, в тринадцать, чем в колхозах»³. Понятно, что при таких условиях крестьянин стремился выкроить больше времени и сберечь больше сил для работы именно на своей земле.

Вряд ли в старой дореволюционной сельскохозяйственной артели, где царил дух товарищества, могли сложиться образцы народного творчества, подобные тем, что приводит в своем исследовании о нечерноземной деревне 1960–1980-х годов Л. Н. Денисова:

На колхозном на амбаре
Скукарекал петушок:
Бригадир и председатель
Утащили ржи мешок.

¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. 2-е изд. М., 2008. С. 167.

² Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996. С. 90.

³ Там же. С. 92.

И еще одна частушка:

Бригадиру дали гриву,
Председателю – рога,
Счетоводу дали хвост –
Не обманывай колхоз!¹

Положение на селе было весьма непростым. Недаром из колхозов бежала молодежь: мало кто возвращался туда после службы в армии или окончания разного рода курсов по профподготовке, среднеспециальных или высших учебных заведений. Колхозники покидали родную деревню, устраиваясь на промышленные предприятия по оргнабору или самостоятельно². В 1960–1980-е годы труд в колхозе становился все менее и менее привлекательным. Неограниченный рабочий день, низкий заработок, тяжелый труд, отсутствие в селе тех благ, которыми пользовались рабочие в городе, – все это вело к опустошению деревни и ослаблению колхозного строя.

Несмотря на явные нарушения кооперативных принципов как при колхозном строительстве, так и в ходе последующего развития системы колхозов, в научной литературе все же высказывались мнения, отстаивающие кооперативную природу колхоза. Т. Е. Кузнецова пыталась обосновать точку зрения, заключавшуюся в том, что о колхозах «можно говорить как о форме кооперативных

¹ Там же. С. 57.

² При этом открепление колхозника от места его прописки было делом крайне сложным. Только в марте 1956 года решением ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» право на рассмотрение вопроса об исключении (выбытии) из колхоза передавалось общему собранию членов артели. С конца 50-х годов началась постепенная паспортизация сельских районов, в процессе которой паспорта стали наконец выдавать колхозникам. При этом процесс паспортизации затянулся до начала 1980-х годов (Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х – начало 60-х годов. М., 1992. 224 с. С. 20).

предприятий, сформировавшихся в условиях огосударствления экономики»¹. Вопрос о возможности существования кооперации в подобных условиях сам по себе является дискуссионным. Не утрачивает ли при этом кооперация свою сущность и не превращается ли она в нечто зависимое и неспособное к самостоятельной жизни?

Утверждение апологетов колхозного строя как кооперативного о том, что для колхозов было характерно воспроизводство за счет собственных средств, весьма сомнительно. Выше уже была приведена цитата из работы Л. Н. Денисовой, в которой характеризовалась ситуация с задолженностью колхозов государству. Помимо этого исследовательница приводит и сумму общей задолженности сельхозпредприятий государству – она составляла в конце 80-х годов 230 млрд рублей². Для сравнения: в 1985–1989 годах доходная часть бюджета СССР менялась от 360,1 до 384,9 млрд рублей.

В русле уравнивательных тенденций в 1966 году началось введение гарантированного минимума заработной платы колхозникам, что должно было поддержать работников колхозов с низкой доходностью³. Некоторый простор для маневрирования во внутрихозяйственных вопросах существенно ограничивался всесторонней государственной регламентацией, планами, спускаемыми сверху. Вряд ли в этой небольшой возможности для маневра можно усмотреть подлинную самостоятельность кооператива.

Квазиартельная форма была удобна для советского государства тем, что при минимальных гарантиях по обеспечению жизни крестьян позволяла максимально эксплуатировать деревню, перераспределять средства в поль-

¹ Кузнецова Т. Е. Колхоз как форма кооперативного хозяйства // Кооперация. Страницы истории. Вып. III. М., 1993. С. 201.

² Денисова Л. Н. Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996. С. 20.

³ К началу 1971 года гарантированный минимум заработной платы был введен практически во всех колхозах.

зу города, на нужды индустриализации и милитаризации. Нельзя сказать, что при организации колхозов вовсе отсутствовал принцип добровольности: в некоторых случаях он все же имел место. Нельзя также говорить, что и в деле выбора колхозного правления сплошь главенствовал произвол властей. Колхозники так или иначе могли оказывать влияние на свое начальство, порой действительно участвовали в его избрании, могли писать жалобы и доносы. Однако, несмотря на такие едва уловимые в облике колхозов артельные черты, все же видеть в них подлинную артель не представляется возможным. В условиях крайней несвободы, эксплуатации и всепроникающего контроля, в каких приходилось существовать колхозам, идея артели выходила из них, теряя свои и сущность, и привлекательность.

Главным аргументом против артельной природы колхозов можно считать то, что колхозный строй был, в сущности, насажден сверху, тогда как вся история русской артели свидетельствует: насадить ее сверху нельзя, артель всегда создается снизу, в опоре на инициативу и добрую волю ее рядовых участников. Все это позволяет говорить о колхозах как квазиартелях, эксплуатирующих и радикально искажающих традиционную народную форму самоорганизации. Отдельные исключения (когда колхозы добивались серьезных успехов на основе демократизма, таланта руководства, уникальных внешних обстоятельств) не опровергают, а лишь подтверждают это правило.

ЧАСТЬ III. ОПИСАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ АРТЕЛИ

1. Типология артели

Анализ типологии артели позволит лучше представить многообразие тех форм, которые к ней относили исследователи, а также увидеть палитру критериев, положенных в основания выделения тех или иных ее типов. Следует оговориться, что большинство существующих классификаций касается лишь тех артелей, деятельность которых была связана с хозяйственной сферой. Едва ли не единственное исключение представляет подход Е. Д. Максимова (Слобожанина), демонстрирующий более широкий взгляд на тему.

Многообразие источников артельного капитала и способов его формирования, различия в размерах паев, вносимых членами артели, а также сторонними лицами, – все это лежит в основе типологий артелей, представленных в работах А. Я. Ефименко, И. И. Дитяткина и С. Н. Прокоповича.

А. Я. Ефименко, повествуя об артелях в белужьем промысле, предложила деление их на три рода: «Во-первых, те, которые ведут промысел на собственный счет и риск, имеют свои собственные промысловые орудия и

свое содержание, значит, свой капитал; во-вторых, те, которые вносят в артель только свой труд, весь же необходимый капитал, как в виде промысловых орудий, так и содержания на время промыслов, получают со стороны; в-третьих, те, которые часть капитала, именно промысловые орудия, один невод или невод с прочими принадлежностями, получают от посторонних лиц, а часть капитала, идущую на содержание, затрачивают собственную»¹. В данном случае типы артелей, выделяемые Ефименко, условно можно расположить по шкале «Артели с собственным капиталом – артели с чужим капиталом».

И. И. Дитятин в своем двухтомном исследовании «Устройство и управление городов России» делает весьма важное замечание: «Едва только капитал, необходимый для производства промысла, принимает сколько-нибудь значительные размеры, артель изменяет свой характер: в состав ее входит уже начало враждебное, начало, разрушающее ее в самом корне»². Капитал постепенно закабаляет артель, делает ее зависимой от тех лиц, которые обеспечивают им трудовое объединение. Типология Дитятина весьма близка рассмотренной выше типологии Ефименко. Он выделяет две основные группы артелей. Первую составляют артели, основанные «на полном артельном начале, на начале совершенного товарищества». Среди артелей этой группы Дитятин выделяет еще два типа: 1) артели, у которых «капитал, подобно труду, составляет полную и притом общую собственность всех членов артели» и 2) те, которые из-за особенностей своей хозяйственной деятельности «совсем не нуждаются в капитале» (например, артели рыбных крючников, плотников и каменщиков). Вторая группа артелей, по Дитятину, включает в себя «все те промысловые артели, члены-артельщики

¹ Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 56–57.

² Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875. С. 273.

которых вносят в дело только труд», тогда как капитал артель получает извне. Здесь также можно выделить две подгруппы: в рамках первой капитал вносится лицом, не являющимся членом артели, а вторую подгруппу представляют артели, где капитал вносится одним из членов товарищества. В первом случае распределение также осуществляется поровну, а во втором член артели, внесший капитал, получает дополнительное, порой весьма значительное, вознаграждение¹. «Если же при составлении артели, — поясняет Дитятин, — делается отступление от начала равного участия капиталом, и отдельные члены участвуют в общем предприятии неравными долями капитала, в таком случае и принцип равного раздела добычи не имеет более места: она делится пропорционально труду и доле внесенного капитала, насколько возможна эта пропорциональность при таком соединении»².

Типология С. Н. Прокоповича во многом сходна с двумя предыдущими, однако здесь мы встречаем попытку связать изменения в отношениях труда и капитала в артели, с одной стороны, и историческое развитие артельных форм — с другой. Прокопович выделяет **четыре типа** артельной организации. В первом случае «промысел или заработок артели делится между членами ее соответственно затраченному каждым из них труду; орудия производства, как и средства существования, вносятся каждым членом артели поровну, как необходимое дополнение к вносимому ими труду»³. Часть таких артелей работала исключительно для непосредственного удовлетворения потребностей семей самих артельщиков, другая часть работала на рынок, именно в последних трудовое

¹ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875. С. 273–274.

² Там же. С. 276.

³ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 32–33.

начало стало подвергаться ограничениям в пользу капитала. Вторая группа артелей, по Прокоповичу, работала в основном на рынок, орудия и средства производства здесь превращаются в капитал¹. При разделе результатов труда между артельщиками в расчет принималось, кто и сколько внес в артель капитала, то есть денежных средств, различного рода припасов, снастей – иными словами, орудий труда и средств производства. На этом этапе своего развития артель еще не утрачивает своей трудовой основы. Прокопович замечает: «Проникновение капитала в промысел не означает проникновения капитала в артель. Отношения членов артели между собой остаются теми же, как и в артелях первого типа; изменяется лишь то, что вне артели появляется капитал, к которому артель, как целое, вступает в те или другие отношения»². Третий тип артелей Прокопович связывает с появлением у них хозяев, которые нанимали артель для каких-либо работ и получали львиную долю прибыли. «В артельных организациях этого рода первое место принадлежит капиталу, капитал нанимает труд, а не обратно, как это имеет место в артелях второго типа. Эти артели организуются на начале найма, или **покрута** – артельная организация представляет собою коллективно-сдельную форму заработной платы»³. Наконец, артели четвертого типа – это союзы, которые пользовались наемным трудом. Сами артельщики, довольствуясь получением дивидендов на свои пай, могли даже и не принимать непосредственного участия в работе, нанимая вместо себя работников⁴. В качестве примера **выродившихся артелей** Прокопович приводит общество штуров в Петербурге, которое представляло собой объединение подрядчиков по найму рабочих для выгрузки и погрузки

¹ Там же. С. 34.

² Там же.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 47.

кораблей, состоявшее из мещан и купцов третьей гильдии. Прокопович не просто выделяет ряд типов артелей, которые могут сосуществовать друг с другом, но видит их последовательную смену, которая заканчивается упадком и перерождением артелей: «Пока артель работала для удовлетворения нужды семей своих членов в продуктах ее промысла, она была самостоятельна (артель первого типа); с развитием работы на рынок и сопровождающих ее капиталистических отношений производства артель превратилась постепенно в коллективно-сдельную форму найма (артель третьего типа)»¹. Такая трактовка носит скорее гипотетический характер, ибо реальные факты не дают нам возможности подтвердить или опровергнуть ее. Например, по источникам XVII века нам известны как самостоятельные артели, так и те, что представляли собой «коллективно-сдельную форму найма». Артели на началах равного распределения продолжали существовать и в XIX, и в XX веке. Иными словами, различные типы артелей сосуществовали друг с другом в течение довольно длительного времени. А вот случаев, когда одна и та же артель, перерождаясь, проходила более двух описанных Прокоповичем стадий, история не знает.

Если в представленных выше типологиях в расчет брались преимущественно трудовые и производительные артели, то А. А. Исаев и В. П. Воронцов включили в свои классификации те союзы, которые по своей сути стояли гораздо ближе к кооперативам. В книге, посвященной французским и германским ассоциациям, среди хозяйственных товариществ А. А. Исаев упоминал: промышленные, потребительные, кредитные или ссудные, наконец, страховые². В его же исследовании, посвящен-

¹ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 51.

² Исаев А. А. Промышленные товарищества во Франции и Германии. М., 1879. С. 7–8.

ном русским артелям, встречаем подобный подход: помимо промышленных артелей ученый выделяет артели кредитные, потребительские и страховые¹. Потребительские артели существовали в действительности, однако подавляющее большинство кредитных и страховых обществ являлись, на наш взгляд, все же кооперативами в собственном смысле. Существовали и многие потребительские общества, в которых отсутствовало коллективное потребление, а связи между союзом и его членами были более слабыми, чем в артелях.

Помимо прочего, Исаев предлагал типологию промышленных артелей, под которыми он подразумевал общества, «ставящие себе целью занятие каким-либо промыслом или содействие промыслу членов»². Среди них он выделял: а) сырьевые (совместная закупка сырья для производства); б) складочные (совместный сбыт продукции); в) производительно-подсобные (совместное использование средств производства); г) производительные (предприятие, заключающее в себе полный производственный цикл)³.

В типологии **В. П. Воронцова** промышленные артели подразделялись по той хозяйственной роли, которую они играли. Эта типология почти в точности повторяла типологию Исаева. Воронцов лишь называет производительно-подсобные артели вспомогательными⁴. Приобретение сырья, осуществление совместной продажи произведенной продукции, коллективное пользование средствами производства – все это теснейшим образом было связано именно с производством как таковым. Как правило, основной функцией хозяйственных артелей было коллективное производство или промысел. В сырьевых, складочных и

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 26.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 25–26.

⁴ В. В. (Воронцов В. П.) Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 1.

вспомогательных артелях, в отличие, например, от трудовых и производительных сообществ, коллективный труд не предполагался, они объединяли лишь отдельные стороны хозяйственной деятельности, хотя и тесно связанные с производством. Видимо, эта связь и являлась тем основанием, благодаря которому сырьевые, складочные и вспомогательные объединения мелких производителей именовались артелями. Известно, что такого рода артели подчас координировали и определенным образом организовывали само производство, которое осуществлялось на индивидуальных началах.

В чем-то схожей с двумя описанными выше является классификация производственной кооперации А. А. Рыбникова. Она связывает тот или иной тип с конкретной стадией производственного процесса: первичная обработка сырья, создание полуфабриката и окончательная отделка/обработка¹.

В работах В. П. Воронцова и О. К. Федоровой мы видим типологии, в основе которых лежит критерий происхождения тех или иных артелей. В связи с этим Воронцов выделяет два рода артелей: 1) созданные самим народом и 2) учрежденные сторонними лицами и организациями². Эта типология помимо происхождения артелей имеет дополнительные критерии: это **самостоятельность** либо **зависимость** артелей. Народные артели рассматриваются как более или менее самостоятельные, в то время как артели, учрежденные извне, неизбежно должны находиться под влиянием учредителей. Кроме того, артели, выросшие из народной среды, основаны, как правило, на обычном праве (эта закономерность вполне характерна для старинных артелей и артелей XVIII–XIX веков), а те товарищества, что организовывали представители обра-

¹ Рыбников А. А. Организация кооперативного производства. М., 1919. С. 6.

² В. В. (Воронцов В. П.) Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 1.

зованных классов, как правило, имели письменные договоры или уставы.

Типология артелей по способу их образования, предложенная **О. К. Федоровой**, указывает на степень самостоятельности или независимости самой артели и ее членов от внутриартельных лидеров или же не входящих в артель хозяев¹. Первый тип – это объединение равноправных участников. Примером здесь могут служить почтовые станции Архангельской губернии, артели дровосеков в северных губерниях, косарские артели, извозчики Сычовского уезда Смоленской губернии. Второй тип – ведомые, или лидерские, артели. Это «артели охотников, собранные опытным звероловом; артели крымских солепромышленников, собранные бывалым рабочим, берущим с собой на промысел лошадь; артели старателей, собранные нашедшим месторождение золота; рыболовные артели, составленные опытным рыбаком, знающим рыбные места»². Наконец, третий тип – артели, организованные по соглашению с предпринимателем. К ним относятся, например, чумацкие валки – артели для перевозки хлеба, создаваемые по подряду с купцами. «Здесь, – поясняет Федорова, – возникает триада социальных статусов: предприниматель – наемный глава артели – рядовой артельщик. Глава артели зависит от предпринимателя в большей степени, чем от членов артели»³. К предложенным Федоровой трем вышеприведенным пунктам можно было бы добавить еще и тип артелей, формируемый извне, например, государственными агентами, активистами кооперативного движения, разного рода благотворителями.

Другая типология, предложенная О. К. Федоровой, дается с точки зрения **отношения артели к общине**. Ис-

¹ Федорова О. К. Традиционные формы коллективного труда в России: социологический анализ. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2002. С. 20.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 108.

следовательница выделяет четыре группы артелей: 1) колонизационные, которые, обосновавшись на новом месте, превращаются со временем в сельскую общину, а потом и в передельную общину; 2) синхронные артели, которые создаются для ведения промыслов на территории общины и отбывания повинностей, например, почтовой, извозной и пр.; 3) отходнические артели предполагали временный разрыв с общиной, уход артельщиков на заработки; 4) городские артели, связь которых с общиной разорвана, а занятость в них является основной для артельщиков¹. Четыре типа артелей образуют цепочку развертывания артельной формы труда в истории. Федорова поясняет: «Основные признаки, важные для данной типологии: характер хозяйственной цели (освоение новых земель, ведение промыслов, пополнение бюджета в свободное от сельскохозяйственных работ время, добывание основных средств к существованию); наличие, характер и степень связи с общиной (колонизационные артели предшествуют возникновению общины, синхронные тесно связаны с общиной, являются ее продолжением; сезонные-отходнические – связь с общиной сохраняется, но лишь в период сельскохозяйственных работ; городские артели – связи с общиной нет или она носит формальный характер)»².

Что касается второй группы данной типологии, так называемых синхронных артелей, то их принадлежность к артелям остается дискуссионной. В рамках сельской общины действительно существовали разного рода объединения для осуществления тех или иных работ, но многие

¹ Федорова О. К. Традиционные формы коллективного труда в России: социологический анализ. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2002. С. 18–19.

² Там же. С. 100. В отношении четвертой группы следует внести уточнение: артель, у которой разорвана связь с общиной, не обязательно должна быть городской. Это могли быть и фабрично-заводские артели, действующие вне городов, матросские, солдатские, офицерские, харчевые артели и др.

из них не носили вполне добровольного характера (например, помочи или толока), и за отказ от участия в них человек мог подвергнуться осуждению со стороны односельчан. Очевидно другое: занятия общинников, которые не вписывались в основной круг сельскохозяйственных работ, действительно часто несли в себе отдельные черты и признаки артельного устройства – крестьяне как будто создавали временные или специализированные «артели» для решения той или иной задачи, поставленной внешней властью или продиктованной нуждами общества. Однако это были скорее артелеподобные образования, которые следует считать функциональными проявлениями самой общины, а не отдельными от нее формами самоорганизации.

Итак, по соотношению с общиной можно выделить несколько типов артелей:

- артели-общины (переселенческие, для проведения коллективных сельскохозяйственных работ¹);
- внутриобщинные «артели» (помочи, толоки, складки и прочие рабочие группы, созданные для выполнения повинностей, общественных работ и т.д.);
- зависимые от общин артели (например, чередники²);
- наконец, внеобщинные (в значительной степени разорвавшие свои связи с общиной и ее принципами) артели.

Типология Ф. А. Щербины построена сразу по нескольким критериям и оставляет впечатление некоей расплывчатости и нестройности. Попробуем восстановить эти критерии. Итак, Щербина выделяет:

1) Артели, выстраиваемые по принципу Запорожской Сечи (чумацкие валки и ватаги, забродческие или

¹ О. А. Платонов указывает на деревни-общины, образовывавшие артели по обслуживанию почты и переводов в Вологодской и Архангельской губерниях (Платонов О. А. Русский труд. М., 1991. С. 56).

² Чередниками в Малороссии и на юге России назывались пастухи общественных стад рогатого скота. Стада эти именовались «чэред» и состояли преимущественно из коров, реже волов.

заброднические ватаги¹, артели запорожских охотников, общество днепровских лоцманов, артели днепровских речных рабочих и матросов, артели малорусских торговцев-ходебщиков).

2) Артели переходного и смешанного типа, которые в связи с новыми веяниями жизни отошли от принципов Сечи (крымские солепромышленные артели, косарские).

3) Земледельческие и сельскохозяйственные артели или общинно-артельные формы (толока, обычай «спрягаться», артели половинщиков и артели с части, артели неженских табачниц, гуртова², арендаторские артели, новейшие земледельческие артеле-общинные формы, артели чередников, почтовые артели).

4) Артели великорусского типа (артель севастопольских лодочников, артели биндюжников или «дрогаей»³, артели плотников и каменщиков).

5) Артели неэкономические, лишенные народно-трудового характера (батальонные артели, артели нищих).

6) От-артельные формы (рождественские складки, следы артельной организации чабанов, организации конокрадов и скотокрадов в Кубанской области)⁴.

Щербина, во-первых, делит артели на малоросские и великоросские, во-вторых, принимает в расчет близость или отдаленность некоторых артелей от принципов Запорожской Сечи, в-третьих, отдельно выделяет артели, имеющие тесную связь с крестьянской общиной и сельским хозяйством; наконец, исследователь обра-

¹ Заброднические ватаги – артели рыболовов на Юге России. Забродчик – это тот, кто рыбачит с неводом.

² См. раздел о земледельческих артелях.

³ Название «дрогаи», вероятно, происходит от слова «дроги» – телега без кузова, которую использовали биндюжники для перевозки товаров из порта и в порт.

⁴ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 9–12.

щает внимание на экономический или неэкономический характер артелей. Почти для каждого типа у Щербины свой особый критерий, а единое основание для выделения тех или иных групп отсутствует вовсе. Тем не менее исследователь обращает внимание на неэкономические артели (пятый пункт), что представляется весьма важным, ибо большинство авторов включают в свои классификации лишь те формы, которые имели хозяйственный характер.

У **Е. Д. Максимова (Слобожанина)** типология выбирает в себя более широкий круг явлений артельного толка, нежели типологии других авторов. Максимов подразделяет бытовые артели на:

1) Бытовые артели духовного характера. Это религиозные организации, особенно у сектантов, хождение на богомолье, рождественские складки, посиделки, украинские «досвитки» и т.д. Они принимали характер: а) религиозный, б) развлечений и увеселений, в) удовлетворения умственных потребностей (совместная выписка газет, книг, совместный наем учителя и т.п.).

2) Бытовые артели правового характера для поддержания уровня заработной платы, условий труда. По сути дела, эти артели содержали в себе задатки рабочих профессиональных союзов. В период крепостного права и в пореформенное время они никогда не превращались в самостоятельную форму, однако отстаивание собственных прав можно было наблюдать в некоторых артелях в качестве их особой функции, например это было характерно для малорусских артелей косарей.

3) Бытовые артели с хозяйственными экономическими задачами. Сюда относились две самые большие группы российских артелей – промысловые и сельскохозяйственные.

А. Промысловые артели и товарищества

Общие группы артелей (товариществ)	Дальнейшие первичные виды артелей (товариществ)	Осложненные виды артелей (товариществ)
Вспомогательные артели (товарищества)	а) подсобные б) сырьевые в) складочные и т.д.	Подсобно-сырьевые, складочно-сырьевые (или складочно-закупочные, складочно-подсобные, сборные артельные мастерские)
Трудовые артели.	а) собственно трудовые артели б) артели по предложению услуг, служб	Вспомогательно-трудовые (напр., по добыче сырья) артели строительные (производственно-трудовые) не из артельного материала
Производительно-трудовые артели	а) производительно-трудовые артели (строительные, но без использования артельного материала) б) строительно-производительные артели по выстройке зданий из артельного материала	

Б. Сельскохозяйственные артели и товарищества

Основные группы артелей (товариществ)	Важнейшие первичные виды сельскохозяйственных артелей (товариществ)	Осложненные виды сельскохозяйственных артелей (товариществ)
1. Вспомогательные товарищества (артели)	а) супруга б) артели половников, в) товарищества для совместных закупок (например, семян) г) товарищества для совместной продажи (например, зерна) и др.	а) арендно-сырьевые б) товарищества для совместной переработки (например, товарищеские мельницы) в) арендно-трудоовые товарищества г) артель табачниц д) производственно-трудоовые товарищества и др.
2. Трудоовые товарищества (артели)	а) помочи, б) товарищества (артели) сельскохозяйственных рабочих (кустарей, писарские круги) и др. в) артели чередников (пастухов) и др.	
3. Производительно-трудоовые товарищества (артели)	а) гуртова (в Украине) б) земельдельческие артели (полные)	

Общежительские товарищества и артели объединяли как занятых производительной трудовой деятельностью, так и не занятых ею¹.

**Первичные виды артелей
и товариществ:**

а) продовольственные (харчевые) артели и товарищества

б) артельные или товарищеские квартиры

**Осложненные виды
артелей и товариществ:**

Продовольственно-квартирные товарищества и артели²

О. А. Платонов предложил дополнить типологию Максимова еще одним пунктом – «Артельные формы организации труда и производства на государственных и частных предприятиях (артельный подряд)». Внесенное дополнение вполне можно рассматривать в качестве особого пункта, так как среди экономических артелей Максимов выделяет лишь только промысловые и сельскохозяйственные артели и упускает из виду целую группу фабрично-заводских артелей.

Подводя итоги обзору существующих классификаций артелей, мы предлагаем **сводную типологию**, составленную на основе как анализа авторов-исследователей, так и непосредственного изучения документов и свидетельств артельной активности в России.

І. Боевые артели для самозащиты и защиты поселений, захвата и освоения новых земель и организации торговых экспедиций. В качестве примеров таких артелей можно назвать: военные дружины, объединения ушкуйников и по-

¹ Общежительские товарищества также могли обслуживать как лиц, участвующих в производственной деятельности, так и не участвующих в ней.

² Слобожанин М. (Максимов Е. Д.) Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском кооперативном институте. Изд. 2. СПб., 1919. С. 67–69.

вольников, Запорожскую Сечь, казачий круг. Особняком в этой категории артелей стоят артели собственно разбойничьи, связанные с захватом чужого имущества, а также артели кулачных бойцов, которые следует рассматривать как старинные «спортивные» артели.

II. Хозяйственные артели, которые создавались в целях поддержания и улучшения благосостояния членов артели. Среди них особо можно выделить:

1) *Потребительские артели*, основная цель которых заключается в обеспечении и поддержании совместного быта, совместном проживании и времяпрепровождении, а также в совершенствовании связей и отношений между людьми, кроме того, в обеспечении их пищей, одеждой, создании условий для сохранения здоровья, комфорта и безопасности¹. Примерами тут могут служить: солдатские и офицерские артели, сибирские артели декабристов, артели арестантов, харчевые артели.

2) *Артели коллективного труда*.

Трудовые артели, в которых артельщики выступали коллективным продавцом собственного труда и уже в качестве наемной рабочей силы продолжали трудиться, сохраняя при этом самоуправление и автономность внутреннего устройства. К трудовым артелям можно отнести артели бурлаков, плотников, каменщиков, биржевые артели.

Производительные – это артели, которые выступали в качестве коллективного предпринимателя, самостоятельно организуя производство, однако в отличие от предпринимателей артели могли функционировать, и нередко функционировали, без прибыли; примеры: самостоятельные артели охотников и рыболовов, Павловская артель и подобные ей артели, земледельческие артели с собственными орудиями труда и работающие на собственной или арендованной земле, советские артели старателей.

¹ Одновременно они также являются разновидностью потребительской кооперации, а именно: бытовой.

Артельный подряд – артели, сформированные и функционирующие на частных и государственных предприятиях, могли использовать, например, заводские и фабричные средства производства и сырье и представлять собой отдельный цех. К подобным артелям можно отнести артель на Красносельской бумажной фабрике, образованную в 1803 году, артели, созданные во второй половине XIX века: механическая, литейщиков, доменных рабочих, лафетчиков и другие.

3) *Артели, объединявшие отдельные хозяйственные операции:*

складочные (сбытовые) – артели для совместной продажи продукции, произведенной артельщиками порознь; нередко к совместной продаже могла добавляться, например, переработка продукции. Такая практика имела место в маслodelьных артелях, в рамках которых производился и сбыт и переработка молока в масло. У В. П. Воронцова, например, можно найти сведения об артелях для совместной продажи изделий гончаров, сбыта рогож, дров, ювелирных изделий кустарями-ювелирами, практике «торговли в кружку» на ярмарках (совместная торговля по единым ценам, ведущаяся кустарями, представлявшими какой-либо отдельный промысел)¹;

вспомогательные – артели для совместного использования машин и иных приспособлений, необходимых в производстве чего-либо; среди них встречались артельные стирни, парни, горны, кузницы, смолокурные заводы, артельное пользование помещениями²;

сырьевые – артели для совместной закупки сырья, которое может использоваться и перерабатываться артельщиками порознь; известны, например, артели по совместной закупке металла кузнецами, кожи скорняками, овчины овчинниками, дерева древоделами, например сундучни-

¹ В. В. [Воронцов В. П.] Артель в кустарном промысле. СПб., 1895. С. 34–35.

² Там же. С. 42.

ками, тележниками или бочарами, артели по совместной аренде глиняных и каменных гор для добычи там сырья, покупке красок красильщиками и даже по закупке отходов производства серебряников и монетных дворов с целью добычи золота и серебра¹.

4) *Торговые артели* – артели для организации торговли, в рамках которых могло производиться совместное одалживание товара у купцов на продажу, выработка согласованного торгового маршрута, сбыт товаров, полученных взамен «проданных», обратно купцам, у которых ранее одалживался товар на продажу. Таковы были, например, артели украинских мелочных торговцев².

¹ Там же. С. 15–32.

² Несмотря на народное название «артелей», присваиваемых торговым союзам, принадлежность большинства из них подлинному типу русской артели спорна. Если вынести за скобки некоторые древние торговые складчины, подробные сведения о которых отсутствуют, и чумацкие ватаги, реконструкцию которых предпринял в своих работах Ф. А. Щербина, то можно констатировать, что упоминаемые в литературе торговые «артели» классического периода в подавляющем большинстве случаев оказываются своего рода переходной формой между торгово-сбытовым кооперативом и коммерческой сетью, создаваемой на паях из добровольных агентов вокруг купца, крупного «воротилы» и т.п. В последнем случае «артели» представляли собой не более чем инструмент в руках торгового капитала. Исключения из этого правила, когда в союзах торговцев присутствовало сильное артельное начало и реализовывались сущностные артельные принципы, встречались, но они были редки. Н. В. Калачов справедливо отмечал, что товарищества, создаваемые для торговых оборотов, когда в них объединяется небольшое число лиц, как правило, не носит названия артелей (Калачов Н. Артели в древнейшей и нынешней России. СПб., 1864. С. 18). В качестве свидетельства распространения торговых артелей обычно приводят довольно подробное описание И. С. Аксаковым деятельности прасолов (крамарей) из местечка Рашевка Черниговской губернии, это описание цитировалось и пересказывалось многими авторами. Однако, сам Аксаков по этому поводу замечает, что Рашевка представляет собой «любопытное явление, едва ли не единственное во всей Малороссии» (Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858. С. 34). Иными словами, это редкое исключение, лишь подтверждающее правило, согласно которому артельное начало с трудом пробивало себе дорогу в пронизанном индивидуализмом мире торговли. При этом нельзя отрицать того, что некоторые артельные принципы ока-

III. Художественно-творческие артели возникали с целью совместного творчества или содействия творчеству и дальнейшей презентации его результатов. К ним можно отнести артели скоморохов, музыкантов, иконописцев, художников (например, Артель Крамского, Товарищество передвижников); артистов (Артистическая артель С. Юрского).

IV. Интеллектуальные артели организовывались с целью совместного умственного труда, публикации и презентации его результатов. Это артели ученых («Приютинское братство» князя Д. И. Шаховского), экспертов, переводчиков и т.д. Данный вид артельных союзов в русской истории встречается довольно редко.

Дискуссионным является вопрос о степени реализации артельного принципа в **духовных общинах**: в монастырях, братствах, на приходах или, с другой стороны, в сектах, старообрядческих согласиях. Очевидно, что иногда можно встретить в этой среде довольно сильные формы кооперации, в том числе и артели. Однако спорным остается вопрос – **можно ли говорить о самой религиозной общине как об артели**, созданной с целью спасения душ. На наш взгляд, за такими союзами справедливо закрепилось более точное понятие «община». Некоторые исследователи (И. Г. Прыжов, В. Б. Шепелева и др.) видели артельное начало в группах странствующих певцов – калик переходящих, которые объединялись на синтетических началах: одновременно религиозном, духовно-интеллектуальном, художественном.

зывали влияние на взаимоотношения внутри сообществ и торговых сетей офеней, коробейников, ходябщиков, щепетильников, прасолов и т.д. Однако как правило эти сообщества использовали слабые формы кооперации, не далеко продвигались в согласовании своих действий и крайне редко поднимались до уровня координации и солидарности, присущего настоящей артели. С точки зрения Ф. А. Щербины, артельный характер организации мелких торговцев имел место на более ранних этапах истории, в частности, был свойствен украинским чумакам, тогда как в XIX веке сохранились не более как отголоски этой древней традиции.

Необходимо четко указать также и на ряд других типологических рядов. Во-первых, артели различаются **по степени самостоятельности**:

- самостоятельные (только артельщики влияют на дела артели, максимальная автономия);
- полусамостоятельные (зависимость от поставщика сырья, владельца средств производства, покупателя продукции, при этом вмешательство извне во внутренние дела артели и ее хозяйственную деятельность отсутствует);
- несамостоятельные (контроль над артелью извне, вмешательство в ее внутренние дела и хозяйственную деятельность, произвольное отчуждение ее собственности); несамостоятельные артели часто встречаются на практике, при этом дискутируется вопрос о том, в какой степени они могут считаться подлинными артелями (фактически речь идет уже о некоей переходной форме между артелью и другими социальными сообществами: цехом, акционерным обществом, группой наемных работников и т.д.)¹.

Далее, артели различаются **по времени деятельности**:

- бессрочные (для постоянного ведения деятельности);
- сезонные (например, промысел, для которого артельщики собираются на определенное время в течение года);
- разовые (например, постройка избы или рытье канавы); принадлежность разовых форм объединения к артелям также дискуссионна.

Артели можно классифицировать **по сложности внутренней структуры**:

- простые (один уровень иерархии);
- сложные (два и более уровней иерархии). Например, подразделение на бригады во главе с бригадирами внутри артелей.

¹ Иногда артельные институты напоминали по своему устройству обычные кооперативы. Такие «кооперативы» создавались «сверху» и решительно отличались от тех товариществ, которые были рождены самостоятельной хозяйственной практикой артельщиков. В этом смысле можно говорить о резком водоразделе между искусственными (насаждаемыми «сверху») артелями и артелями народными, создаваемыми снизу.

Артели различаются также и по степени интегрированности с общиной и семьей:

- полностью состоящие из членов одной общины/семьи;
- артели, включающие группу представителей одной общины/семьи (например, костяк артели состоит из родственников/земляков) или несколько групп представителей разных семей;
- артели, состоящие из членов разных общин/семей (отсутствие внутри нее групп, принадлежащих одной общине/семье).

2. Учреждение артели, права и обязанности участников

Почти все артели занимались промыслами, в которых применялся исключительно мужской труд. Встречались и исключения, например, использующие труд женщин артели половинщиков в южных губерниях и пушниц¹. При этом в земледельческих артелях наличие женщин-участниц было распространено довольно широко, кроме того, в некоторых артелях женщины могли выполнять вспомогательные работы бытового характера. Семейное состояние лица также часто обуславливало право на вступление в артель. В некоторых случаях занятие артельным промыслом было возможно лишь в определенном семейном состоянии. Например, артели нежинских табачниц составлялись исключительно из девиц. Это объяснялось неудобством для замужних женщин или вдов, имеющих хозяйство на своих руках, отлучаться из дома для уборки табачных плантаций. Иногда условием для вступления в артель могло быть родство с ее членами. В некоторых артелях родство облегчало членство, но не являлось необходимым условием. Артели половин-

¹ В состав первых входили мужчины, женщины и дети, в состав вторых – женщины и дети (вероятно, обоего пола).

щиков в малороссийских губерниях составлялись преимущественно из лиц, связанных между собой родством. Нередко большая часть членов артели принадлежала к одной семье, что придавало союзу семейный характер, влияло на его уклад. Артели парильщиков в Петербурге предпочитали избирать в члены родственников артельщиков: сыновей, братьев, племянников. В артели лоцманов в Архангельске издавна существовал обычай вербовать членов преимущественно из детей или братьев лоцманов, имеющих ранний навык к лоцманскому делу. Доступ в петербургские артели купоров также облегчался родством. Если отец *вкупал* сына или брат брата, то *вкупная* сумма, естественно, понижалась¹. Во многом опираясь именно на такие факты, Георг Штер определял артели как «патриархально-семейные общежития». К артельщикам в подобных «общежитиях» было только одно требование – чтобы они были годны к артельной жизни, т.е. – были уживчивы, обходительны, честны в сношениях между собой и безусловно подчинялись главе артели². К тому же, по мнению Штера, выбор членов артели производится не артелью, так как он почти всегда происходит до возникновения артели: желающий присоединиться принимается не в артель, а в круг лиц, намеревающихся совместно образовать артель. Артель, как правило, не долговременный, а кратковременный союз, который поэтому вовсе не добивается обыкновенно приема еще новых членов после своего основания или в течение своего существования³.

Немаловажным условием, определяющим доступ во многие артели, могло быть и место жительства человека, вступающего в артель. Известны случаи, когда большинство рыболовных артелей составлялись из жителей одной деревни на Ростовском озере, озерах Новгородской и Псков-

¹ См. Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 113–114.

² Цит. по: Акимов В. В. О существе русской артели // Вестник права. 1901. № 6. С. 133.

³ Там же. С. 135.

ской губерний и др. *Общие* в Вологодской губернии составлялись обыкновенно из односельчан. То же встречалось и среди так называемых *согласных артелей крючников* в Рыбинске. Эти артели составлялись преимущественно в Смоленской и Тверской губерниях из крестьян одной деревни и удерживали свой первоначальный состав в течение всего времени навигации. В Северо-Восточной Сибири артели охотников составлялись также из жителей одного селения¹. Совершенно очевидно, что в артель входили люди из одного сельского общества, связанные между собой тесными узами: они также хорошо знали друг друга, имели представление о нравственных качествах односельчан, их промысел располагался рядом с поселением, многие имели необходимые для промысла орудия и т.п.

Общественное положение лица, принадлежность к известному сословию также играли роль при вступлении. Кроме крестьянских артелей известны были и мещанские артели, в основном это портовые артели в Петербурге и Архангельске, десятники, вязчики, балластная артель и др. В некоторых артелях сословный статус не имел никакого значения. Примером безразличного отношения к кандидату отличались рыболовные артели – заброднические ватаги – на Черноморском и Азовском побережьях. В их состав входил всякий «гуляцкий» и беспаспортный люд: «Здесь есть и великороссы, и малороссы, и греки, и молдаване; и дворяне, и крестьяне, и студенты, и недоучившиеся гимназисты»².

Некоторые артели могли также определять возраст кандидата, дающий право на приобретение членства. В большинстве русских артелей это условие было необязательным, т.к. обычно кандидат априори был более или менее равен по силе другим артельщикам. Кроме того, рабочая сила вступающего легко могла быть известна артели, если союз составлялся из членов, знакомых между собой.

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 115.

² Там же. С. 116.

Для того чтобы артель могла убедиться в искусности кандидата, он мог пройти этап ученичества или сдать экзамен. Немаловажное значение имели и нравственные качества кандидата. Например, в артелях охотников требовались от вступающего смелость и мужество. Как правило, требовалось трезвое поведение. Иногда кандидату был нужен поручитель из членов артели.

Нововступающий вносил свою долю в артельный капитал. Многие артели не требовали от своих членов имущественных взносов, потому что производимые работы по самому характеру не нуждались в капитале. Это происходило либо потому, что все артельщики и так имели необходимые орудия, либо потому, что орудия и съестные припасы предоставлялись предпринимателем. Старинные артели могли производить взносы в натуральном виде, в артелях нового происхождения преобладали денежные взносы. Обычно взносы составляли от 25 до 500 рублей (московская артель половых) и даже до 1600 рублей. Эти взносы назывались вкупом, вкупными деньгами, новизной¹. В некоторых артелях наблюдалось неравенство взносов. Так, на Белоозере рядовые члены вносили в общий капитал только редкие сети в одинаковом количестве, а ватаман – более ценную часть невода – матицу. В некоторых биржевых артелях практиковалась покупка и продажа мест в артели, но купивший место все же принимался с согласия других артельщиков².

На примере петербургских биржевых артелей, весьма подробно описанных Г. Немировым, видно, что кандидатом могло быть лицо, достигшее 14 лет и выше. Каждый вступающий в артель обязывался взносом в артель известной денежной суммой – вкупом. При вкупе же несовершеннолетних (*мальчиков*) прибавлялась еще особая сумма сообразно возрасту мальчика, так что она была тем больше, чем моложе вступающий на правах *мальчика*. Взнос этот мотиви-

¹ Там же. С. 120–122.

² Там же. С. 123.

ровался необходимостью беречь *мальчика*. Деньги, идущие на бережение мальчика, назывались береговыми деньгами. Бережение не могло продолжаться более четырех лет.

Артельщик со взносом полного вкупа назывался полным артельщиком, или *стариком*. До тех пор пока артельщик не сквитается с артелью он назывался *новиком*.

Кроме вкупной суммы нововступающий обязан был еще внести: 1) особую сумму в капитал артели, 2) небольшую сумму на угощение артели, 3) еще небольшую сумму на масло к артельному образу и 4) еще небольшую сумму на обзаведение артели, или на артельный каталаж¹.

По артельным правилам каждый вступающий в артель должен был быть честного, трезвого и вообще благонадежного поведения и быть известным нескольким артельщикам той артели, в которую желает вступить; причем один из знающих его принимал на себя обязанность его поручителя, т.е. ручался артели в аккуратном расчете нововступающего с артелью. Кроме того, нововступающий должен был уметь читать и писать и не иметь существенных телесных недостатков. Со дня выхода первый раз на артельную работу новику полагался шестимесячный срок для ознакомления с правилами, обычаями и порядками артели. Если он в течение этого времени не находил возможным далее оставаться в артели и желал выйти, то ему обыкновенно по правилам большинства артелей выдавались обратно внесенные деньги за вычетом только рублей пятидесяти попятного да тех денег, которые внесены «на угощение артели и на образ». Сверх того ему выдавалась плата за работу².

Интересно складывались и так называемые земледельческие артели, которые рассматривались земствами как способ преодолеть последствия голода в 1891 году. Организация подобных артелей в Пермской губернии,

¹ Немиров Г. Биржевые артели в С.-Петербурге (Очерк их организации и современного состояния). СПб., 1876. С. 49–51.

² Там же. С. 52–54.

по Н. Г. Федорову¹, сводилась к следующим принципам. В каждом селении организовывались артели по шесть человек. Артель выбирала распорядителя, которому вручались две лошади и две усовершенствованные сохи. В уставе артели задачи ее формулировались так: а) дать возможность своим членам продолжать занятие земледелием; б) оказывать им в случае голода помощь на посев и продовольствие из артельных запасов, избавляя таким образом членов от новых правительственных и земских ссуд и от тяжелых условий частного кредита; в) облегчить уплату продовольственных долгов и разного рода повинностей и т.д. Интересы земства и правительства ограждались артельным уставом. Над артелями в каждом селе назначался попечитель. Все работы исполнялись артельно². В 90-е годы XIX века подобные артели возникли в Вятской губернии, на Алтае, а десятилетие спустя – в Саратовской, Нижегородской, Тамбовской и других губерниях³.

Н. П. Огановский первым основным правилом для образования устойчивой земледельческой артели считал то, что она должна быть небольших размеров: ибо она должна состоять из людей сжившихся, близких друг к другу и раньше, иначе она развалится от внутренних раздоров. Второе – эти артели должны быть «вольными» объединениями, не связанными ни с общиной, т.е. сельским обществом, ни с каким бы то ни было земельным союзом принудительного публично-правового характера. Ибо тогда не может получиться отбор наиболее сознательных, искренне стремящихся к объединению хозяйственных ячеек. Третье – «земледельческие артели, как видно из примера Западной Европы и России, возникают бесконечно легче и идут успешнее,

¹ Федоров Н. Г. – секретарь земской управы Шадринского уезда Пермской губернии, действовал в 1890-е гг.

² Хейсин М. Л. История кооперации в России. Все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. Л., 1926. С. 153–154.

³ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 1. М., 1976. С. 248.

если они закладываются не на собственной земле членов артели, а на арендованной, совместно купленной, вообще посторонней. Вот почему мы видали, что и у нас, как и в Европе, такие артели чаще всего вырастают из арендных товариществ, но очень редко на надельной земле»¹.

Дореволюционная русская артель жила патриархальным ритмом. С самого образования артели зажигали свечи, молились Богу, потом пили вино. В артелях, организуемых предпринимателями, после обсуждения и заключения договора хозяин угощал артельщиков сытным обедом, давал каждому на дорогу по деревянной ложке и куску серого сукна для рукавиц². Этот, по сути, религиозный обряд, лишенный каких-либо бюрократических формальностей, отличающийся простотой и искренностью, как бы освящал жизнь артельного человека, а вместе с ним и саму артельную организацию.

По А. А. Исаеву, все обязанности артельного человека могут быть сведены к трем основным группам:

1. *Обязанность члена участвовать (производительные артели) в общем деле своим трудом.* Не имея возможности являться на работу, артельщик должен отписаться от артели, т.е. заявить на собрании о невозможности работать. В некоторых артелях отписка, которая чаще случается летом, облагалась особым сбором «за нелетованье».

2. *Члены многих артелей обязаны делать определенные взносы в общий капитал.* Речь идет об обязательности тех взносов, которые составляют пай артельщика, эти суммы могут удерживаться из зарплаты артельщика.

3. *Наконец, третья группа обязанностей касается поведения членов в широком смысле слова:* а) дисциплина; б) качество работы и отношение к третьим лицам, внушающее к себе доверие, исполнение обязанностей; в) артельщи-

¹ Огановский Н. П. Аграрная реформа и кооперативное земледелие. Пг., 1919. С. 44.

² Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 107–108.

ки не должны ни словом, ни намеком вредить делу артели; г) в отношениях между артельщиками должна господствовать искренность, готовность помогать друг другу¹.

Известны также и особые артельные клятвы. Например, в артелях охотников на медведей артельщики, найдя берлогу, скрывали эту новость от женщин, перед охотой давали клятву друг друга не оставлять в опасности, мылись в бане, «смывая» грехи, собравшись перед охотой, до рассвета прощались друг с другом и низко кланялись на четыре стороны².

А. А. Исаев, подробно исследовавший права и обязанности артельщиков, особо рассматривал и вопросы, касающиеся участия каждого члена в материальных выгодах артели. Каждый артельщик имел право на долю общего заработка. В связи с правом получать известную долю артельного дохода члены имели право и на вспоможение со стороны товарищей в случае болезни. Артели проводили резкую границу между болезнями, случившимися «по воле Божьей», и недугами, вызванными укоризненным поведением заболевшего. Исаев приводит ряд примеров: в Коломбейской артели, например, член, заболевший *по воле Божьей* или на артельной работе, получает из заработков артели в течение года долю, одинаковую с долями здоровых; в некоей московской артели член получает свою долю из доходов в течение шести месяцев болезни. Но заболевшие сифилисом или пьянством этим преимуществом не пользуются.

Право артельщика участвовать в управлении артелью зависело от устройства самой артели. В артелях, утративших самостоятельность, право этого рода часто понижалось до минимума; в артелях же независимых пределы этого права были очень широки. Хотя в артелях последней группы не все члены могли удовлетворить тем тре-

¹ Там же. С. 126–127.

² Там же. С. 106.

бованиям, которые союз ставил органам исполнительной власти, а потому не все члены и могли быть избираемы в должностные лица. Однако юридически ни за одним из участников артели не отрицалось право быть старостою, писарем, кассиром и т.д.¹

При выходе из артели могли выплачиваться выводные деньги («вывод»), равный 25–33% вкупных. Это правило в основном касалось биржевых артелей. Так, в Московской биржевой артели при выходе артельщик должен был найти взамен себя новую кандидатуру и продать ей свое место. Если кандидатура артелью не одобрялась, то артель сама искала нового члена, брала с него деньги и отдавала уходящему артельщику. Исключенные за провинности артельщики обычно лишались вывода².

Относительно численности членов русские артели представляли собой крайнее разнообразие. Многие из биржевых имели несколько сот членов: так, например, Шестовская артель в Москве – более 400. В ряде артелей численность членов достаточно четко определялась особенностями промысла и степенью разделения труда. Так, артели на новоземельских моржевых промыслах состояли из 10 членов; на тюленьих – из трех-пяти. На озерах Новгородской и Псковской губерний артели для зимнего лова рыбы могли состоят из 32 человек, летнего – из двадцати. В землепашеских артелях южной России – из четырех-пяти. В артелях крючников число членов, определяемое размерами разгружаемого судна, могло колебаться между девятью и пятнадцатью. Число членов в составных рыболовных артелях было кратным числу участников в каждой артели. На белужьих промыслах оно составляло не менее 32 и не более 96 и всегда было кратным четырем, то есть числу людей, поднимаемых одним карбасом³.

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 133.

² Там же. С. 134–136.

³ Там же. С. 139.

Появление на работе в нетрезвом виде в ряде артелей штрафовалось так же, как и прогул. Нетрезвый лоцман лишался части пая. Наказания следовали и за халатное отношение к делу. Наказывали за дурные пороки, ослушание старосты. К провинности старика относились более сурово, чем к провинности новика. В биржевых артелях за проступки были следующие наказания: денежные пени, отписка от работы (1 месяц без работы, потом 1 месяц работы даром и даже до трех лет исключения), исключение (если не было денежного ущерба, то исключаемый получал выводные деньги)¹.

В артелях плотников Вологодской губернии каждый член был обязан довести до сведения остальных о подмеченном дурном поступке товарища. В артелях лесорубочных расправу над виновным учиняла вся артель. Нередко артель находила невыгодным для себя предавать гласности проступок члена, так как эта гласность может поколебать доверие ко всему союзу.

Ответственность друг перед другом скреплялась и круговой порукой, которую мы можем встречать во всех артелях, хотя и не везде она имела случай обнаруживаться одинаково выпукло. Например, в некоторых артелях круговая порука могла проявиться лишь в отработке хозяину нанесенного ущерба. Часто артель стремилась прежде всего виновного артельщика сделать ответственным за возмещение убытков (Метелкина биржевая артель), отдавая его капитал и исключая из артели².

3. Самоуправление. Староста (атаман)

Многообразие русских артельных форм привело к тому, что каждая отдельно взятая артель представляла

¹ Там же. С. 172, 174–175.

² Там же. С. 193, 195.

собой свой, непохожий на другие, самодостаточный коллектив, особый микромир. Можно сказать, что к русской артели применима известная поговорка, относящаяся к монастырским практикам: «В чужой монастырь со своим уставом не лезь!» В то же время, как замечает исследователь рабочей кооперации, в подобных «микромирах» очень трудно организовать в демократическом порядке авторитетное управление: «Это удастся редко и обычно лишь в среде ограниченного круга “спевшихся” товарищей. В этом основная причина сравнительно слабого развития рабочих кооперативов. Если такая организация создается, то она именно вследствие трудности дисциплинировать членов неохотно принимает новых людей в свою среду. При расширении производства наряду с членами кооператива появляются кадры наемных рабочих»¹.

Но даже в артелях «спевшихся товарищей» решение текущих задач могло приниматься не путем общего голосования, а длительным обсуждением, длящимся до тех пор, пока не найдется правильное решение. «В особо сложных, трудных и спорных случаях для того, чтобы досконально разобраться в деле, члены артели разбивались на группы при обсуждении дела, в которых можно было вникнуть в его существо, каждому высказать свое мнение, сопоставить различные точки зрения, выработать общее решение группы. Затем групповые решения обсуждались всеми членами артели, и принималось общее решение (как в общине). Как видим, это было не просто единодушное принятие решения, а способ его выработки»².

А. А. Исаев выделял «простейший» тип артелей, к которому относил половинщиков и нежинских табачниц в южнорусских губерниях. «Так как большая часть членов этих артелей связаны между собой родственными узами,

¹ Бруцкус Б. К теории кооперации // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 131.

² Мазаев А. А. Артель как общинное явление // Российская государственность и местное самоуправление. М., 2001. С. 169–173.

то союзы и не нуждаются в особых органах управления; все общие дела решаются семейно; работа распределяется между участниками согласно их способностям, которые хорошо известны всем»¹. Все эти артели самостоятельны и имеют ту общую черту, что каждый член принимает участие как в исполнительной, так в поверочной и распорядительной деятельности.

В более сложных артелях ключевым вопросом организации являлось избрание руководителя. Исаев приводит наиболее употребительное для него название – староста; затем рядчик (вологодские плотники), батырь (крючники), артельщик (крымские солепромышленники), сотский (лоцманы на Свири), кормщик, бережник, юровщик, карбасник (в рыболовных и звероловных артелях северных побережий), ватаман, жердник, сощец (рыболовы озер северных губерний)»².

Способ образования подобных артелей определяет и условия, которыми обуславливается вступление в органы исполнительной власти. Если при составлении артели заметно выдается инициатива одного из участников, то этот учредитель становится и руководителем всего союза. Переход к учредителю исполнительной власти объясняется весьма легко: кто первый подаст мысль об устройстве артели, тот не без основания считается лучше других участников знакомым с целью, во имя которой складывается союз, и с наилучшим способом его организации. Во всех этих артелях, по меткому замечанию Исаева, «выборное начало как бы дремлет»³. Например, в охотничьих артелях Сибири кто нашел логово медведя – тот становился во главе артели; в артелях крючников батырем становился тот, кто, услышав о работе, начал подбирать товарищей.

Если «охотник, открывший берлогу, не довольно искусен и мужествен, то он уклоняется от распоряжения охо-

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 141.

² Там же.

³ Там же. С. 142.

той; если бы он не уклонился сам, то никто не последует за ним, и он, по соглашению с товарищами, будет принужден искать иного руководителя. Стоит только батырю оплошать – молва о его непригодности быстро распространяется по рыбинской бирже, и впредь ему никогда не удастся образовать артель»¹.

От избираемого старосты прежде всего требовали умения управлять оборотами артели. В случае, если органами исполнительной власти являлись несколько лиц (совет), то от старосты требовали умения исполнять те работы, которые возлагались на него советом. Некоторые артели обращали внимание и на степень состоятельности своего руководителя, т.к. человек состоятельный имел меньше поводов злоупотреблять оказываемым ему доверием. Кроме того, будучи более других членов заинтересован в успехе общего дела, он приложит и больше стараний для искусного его направления². Важную роль играла и хорошая репутация кандидата, возможность получить кредит и проч. В петербургских биржевых артелях каждый член обязан был принимать на себя обязанности старосты, очередь соблюдалась по старшинству вкуп.

При отказе становиться старостой налагался особый сбор. Исаев полагает, что эта артель не отчуждает от себя право избирать старосту, т.к. уже при принятии человека в артель предполагается, что он будет занимать должность старосты. Архангельская балластная артель, например, могла избирать в старосты посторонних артельщиков. В артели старателей Енисейской губернии предприниматель назначал старосту, а артель ограничивала права хозяина, ставя наряду со старостой двух своих выборных³.

Подобные артели производили сложные обороты, за что получали значительные денежные суммы. Это требова-

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 143.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 145.

ло правильного ведения учетных книг, своей бухгалтерии. Для этого артель нанимала писарей, кассиров, сборщиков, подручных писарей и прочих люд. Весьма функциональными в этом плане были артели биржевые, дрягилей, лоцманов, архангельская балластная и др.

Функциональные обязанности руководителя в простых и сложных артелях отличались кардинально, что означало и принципиально иные качества лидера. Вот что по этому поводу писал в 1892 г. А. Н. Егунов: «Совсем иное дело артель промышленная в истинном значении этого слова, где помимо более или менее крупных капиталов, основного и оборотного, неизбежными участниками являются люди разных профессий, дарований и степеней искусства, труды которых нелегко поддаются учету; где, сверх того, немыслимо самое ведение дела без авторитетного и талантливого руководителя, который бы хорошо знал и рынки заготовки сырья, и рынки для сбыта готовых изделий, умел бы и клиентуру привлечь, и не ослабить энергию труда...»¹

Посвящение в старосты могло сопровождаться особым ритуалом. Например, в артелях рыболовов Новгородской и Псковской губерний выработался обычай, по которому лицо, избираемое в ватаманы, должно было несколько раз отказываться от принятия ватаманского звания. Артель усердно предлагает – избираемый упорно отказывается и уступает предложениям только после многократных притворных отклонений от себя должности ватамана.

Староста обычно занимался как внешними, так и внутренними делами артели. Функции старосты могли быть следующими: распоряжение работами, организация сбыта, контроль за исправностью орудий труда, имуществом артели, закупка припасов, ведение артельных книг,

¹ Цит. по: Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист.наук. М., 2005. С. 170–171.

получение и хранение денег. В некоторых артелях охотников основная обязанность старосты сводилась к закупке припасов и приготовлению пищи¹.

Общая характеристическая черта всех простейших артелей – совмещение в одном должностном лице самых разнообразных функций. В некоторых простых артелях встречалось и разделение исполнительной власти. Так, в артелях плотников Вологодской губернии рядчик сносился с заказчиками, староста же заведовал продовольственной частью, закупал припасы².

Частые злоупотребления должностных лиц в биржевых артелях побудили установить строгое разделение труда между органами исполнительной власти и создать такую комбинацию, при которой каждый орган мог бы контролировать действия других. Так, писарь контролировал старосту в финансовых вопросах, совместно с ним обязан был участвовать при закупках, к этому могли присоединяться и другие опытные артельщики³.

Заметим, что в артелях древнейшего происхождения органы исполнительной власти пользовались чрезвычайно широкими полномочиями по управлению предприятием; наоборот, в артелях нового поколения полномочия руководителей, точно определенные уставами, представляются довольно ограниченными. Примером первого рода могут служить многие рыболовные артели. Среди рыболовов Новгородской и Псковской губерний ватаман пользовался большой властью: «Полный хозяин, хоть до полусмерти убьет кого, никто до поры до времени не смеет слова сказать»⁴. То же встречалось в лесорубочных артелях. Напротив, в биржевых артелях права старост были довольно скромными.

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 148.

² Там же. С. 149.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 152.

Сильная власть ватамана в рыболовных артелях объяснялась опасностями промысла и необходимостью поддержания строгой дисциплины. Главная же причина широты этих полномочий крылась в том, что отношения между членами артели отличались патриархальной простотой, сохранившейся в глуши деревни. Все участники близко знали друг друга. Выбирая себе главу, они останавливались на лице, известном и своей добросовестностью, и опытностью в ведении промысла. Они имели его на глазах в течение всей своей жизни, а потому и могли смело облечь его сильной властью. Однако по окончании лова, если артельщики оставались ватаманом недовольны, они могли больше не собираться под его началом, и такому ватаману было нелегко в будущем собрать новую артель¹.

Права старост находились в прямой зависимости от типа артели, ее местоположения и ее функционала. Например, в биржевых артелях размеры хозяйственных оборотов и городская атмосфера порождали недоверие, побуждали артельщиков ограничивать власть старост и точно определять их права.

В селе Пингишах артели, устраиваемые для ловли разной рыбы, облакали своего «еровщика» полномочиями на наказание розгами членов, виновных в ссоре, краже. Подобные нормы встречались в артелях камнетесов на Брусяной горе, старателей Енисейской губернии. Напротив, в биржевых артелях староста мог как максимум наложить денежный штраф².

Существовала практика вознаграждения старост за их специальные обязанности; нередко это вознаграждение значительно превышало долю, получаемую рядовыми членами из доходов артели. «Чем древнее артель, чем более патриархальные отношения между членами, тем менее значительно вознаграждение должностных

¹ Там же. С. 153.

² Там же. С. 154.

лиц»¹. Староста, как и старейший член в семье, не претендовал на большую долю, кроме того, его деятельность не столь сильно отличалась от деятельности других артельщиков. В случае, если обязанности старосты исполнялись поочередно, то вознаграждение могло и отсутствовать. Кроме того, должностные лица могли требовать себе повиновения от всех товарищей, исполнения наказаний и часто с этим право наказывать провинившихся. Право приказывать и карать было наиболее широко развито в патриархальных («старинных») артелях.

Доход старосты обычно определялся количеством паев, т.е. относительной величиной. Исаев дает важное пояснение: этот порядок частично объяснялся колебаниями в доходе артели, зависящими от разных внешних обстоятельств; «но гораздо более важная причина определения вознаграждения старосте не абсолютной цифрой, а относительной, лежит, думаю мы, в том, что эти артели состоят из людей, в которых еще довольно крепко держится сознание равноправности членов. Назначение точно определенного жалованья, выраженного довольно крупной цифрой, могло бы иногда повести к резкой разнице между заработками рядовых членов и долей старосты, и тем сильно нарушить равноправность. А потому жалованье должностного лица приводится в прочную связь с долями всех членов и доходностью промысла»².

Чем более патриархальной была артель, тем менее могло быть изменений в личном составе ее управления. В патриархальных артелях близкое знакомство с атаманом, привычка повиноваться ему, отсутствие значительных материальных выгод, связанных с этой должностью, способствовали сохранению власти за одним лицом. Иное дело в артелях, где артельщики были мало знакомы друг с другом: староста, получая значительное вознаграждение, нередко

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 154.

² Там же. С. 159.

злоупотреблял своими полномочиями. Стремление к смене власти в подобных «не спевшихся» артелях оказывалось довольно сильно выраженным.

В новых артелях староста обычно переизбирался через полгода-год. В сложных и больших артелях иногда возникал особый наблюдательный или контрольный орган. У бурлаков мог выбираться посыльный, который всегда сопровождал старосту при покупке съестных припасов. В биржевых – писарь, ревизионные комиссии (3–5 членов). Однако Исаев скептически смотрит на эффективность подобного контроля, т.к. не исключает возможности сговора старосты и писаря, ведь они все время принуждены действовать вместе. Только в некоторых артелях нового наслоения, построенных по западноевропейским образцам, для наблюдения был особый орган – поверочный совет. Например, в Павловской складочной артели контроль могли осуществлять земские органы¹.

Хотя юридический центр тяжести управления союзом лежал на общем собрании, фактически оно нередко передавало свою распорядительную власть должностным лицам. Часто общее собрание в таких артелях проявляло себя всего два раза: при избрании вождя и при окончании действий артели, когда артельщики либо одобряли действия вождя, либо порицали его и выражали нежелание избирать его вновь. В артелях со сложными оборотами собрания были более частыми. Так, в петербургских биржевых артелях проходили ежедневные утренние и вечерние «собрания у образа», где руководство отчитывалось о дневных делах и давало распоряжение на будущий день, здесь же разбирались жалобы на старосту и должностных лиц. Кроме того, были очередные и чрезвычайные собрания: так, по поводу оплаты работ собрания происходили четыре раза в год, а по поводу исключения, займа, большого расхода – по обстоятельствам. Созыва чрезвычайных

¹ Там же. С. 166.

собраний могла требовать и определенная группа артельщиков¹. Во всех артелях любой член имел только один голос и не пользовался правом передавать его. В зависимых артелях общее собрание теряло свое значение. В артелях лоцманов приговор собрания должен был утверждаться командиром порта².

Таков в общих чертах был организационный строй русской артели. При этом артели так или иначе иногда отступали от описанных принципов. Например, бывало, что устанавливалась твердая оплата труда для старосты, дабы пресечь его возможные злоупотребления. В северных артелях-«покрутах», формируемых внешними состоятельными предпринимателями, кормщик получал больше остальных покрученников – тем самым хозяин покупал его верность себе. Но бывало, что в той же местности в самостоятельных артелях кормщик получал наравне с остальными.

Стоит также отметить, что впоследствии, при смене власти и создании колхозов в XX столетии, председатели, бригадиры и другие руководители стремились выхлопотать себе вне зависимости от успехов колхоза и его доходов твердый оклад вместо оплаты по трудодням. Тем самым началось формирование «колхозной аристократии», что свидетельствовало об отходе от традиционного артельного уклада.

4. Доходы и их распределение

Производители промышленных изделий, люди, работающие своими руками и известные под названием *кустарей*, оставили в артельной истории русского народа самый загадочный след. Отличаясь крайним индивидуализмом, привычкой работать в одиночестве либо со своими домо-

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 167.

² Там же. С. 171.

чадцами, русский кустарь вряд ли задумывался над тем, что «артельный труд *вообще* плодотворнее одиночного»¹. Попытки «сверху» организовывать и сплачивать в артели кустарей-одиночек, как правило, терпели неудачу. «Если известная группа соседей или земляков соединяется для выполнения какой-нибудь определенной, всем равно доступной и легко усчитываемой работы, при которой только нужно выбрать из своей среды доверенное лицо для расчетов с нанимателем, для закупки провизии и т.п., то никакие меры для организации таких исполнительных артелей совсем не нужны. Такие артели устраивает сама жизнь, и не только в среде собственно русских крестьян, которым будто бы особенно присуща такая форма труда, но даже в полудикой среде наших инородцев. Совсем иное дело артель промышленная (читай – кустарная. – *Прим. Егунова*). (...) Нигде в среде наших кустарей кустарные артели не возникали самостоятельно, а где вызывались к жизни искусственно, там влачат жалкое существование и не могут выбиться из долгов или под гнетом внутренних раздоров очень скоро разлагаются»². Егунов приводит примеры из практики в Пермской губернии, когда, например, устроенная красноуфимским земством смолокурная артель в 1889 году в селе Белянке не просуществовала и года «вследствие плутней приставленных к ней заправил – мастера и волостного писаря. Первый стал обсчитывать артельщиков, а второй открыл на земские деньги лавочку и стал рассчитывать кустарей-артельщиков не деньгами, а разным товаром, да притом по дорогой цене»³. Однако вопреки мнению Егунова, можно привести и примеры успешных артелей кустарей – к примеру,

¹ Кустарные промыслы в Пермской губернии, в связи с добывающей промышленностью. (Извлечение из отчета 1892 г. А. Н. Егунова) // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. III. СПб., 1895. С. 163.

² Там же. С. 163–164.

³ Там же. С. 164.

знаменитую Павловскую артель или артели, описанные в работах Е. П. Петрова¹.

Ясное дело, что артельный капитал зависел от уровня организации той или иной артельной единицы, от устройства и типа отдельно взятой артели и т.п. факторов. «Путем образования артелей, например, по образцу Павловской – при достаточно значительном кредите и при участии интеллигентных сил, возможно достичь значительного усовершенствования техники, когда будут средства на обзаведения орудиями производства. Где можно найти наличность таких благоприятных условий: сознательное желание кустарей образовывать артели, достаточный на нормальных условиях кредит для оборудования и ведения дела, участие интеллигентных техников-руководителей, заботы земств о доставлении и расширении рынков сбыта и т.д. Конечно, возможно на время создать такие условия, при которых осуществится артель; но коль скоро эти искусственно созданные, а не представляющие собой последствия естественно-го хода развития производительные силы подвергнутся тем или иным изменениям, так и артель, как тепличное растение в непривычной для него атмосфере, немедленно начнет гибнуть»².

У многих артелей капитал шел не для целей производства, а для потребления (жилище, съестные припасы и т.д.). Такая практика была распространенной в артелях охотников, нежинских табачниц, рыбинских крючников, плотников и др. В иных случаях, где совместная работа

¹ Материалы по кооперации в Московской губернии. Вып. IX. Кооперация среди кустарей Московской губернии в 1912–1913 годах / Сост. Е. П. Петров, агент-специалист по кустарной кооперации Московского губернского земства. М., 1914; Петров Е. П. Промысловая кооперация и кустарь. Организация и практика промысловых кооперативов в России. М., 1917.

² Об устройстве складов сухого леса и железа для кустарей Саранинского завода Пермской губернии. (Отчет А. А. Алова, 1897 г.) // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. V. СПб., 1898. С. 117.

требовала орудий производства, капитал артелей составлялся из взносов участников. В самостоятельных артелях весь капитал вносился членами или из их собственного имущества, или же добывался ими в кредит. При этом часто там, где артель приобретала частный кредит, она утрачивала хозяйственную самостоятельность.

Сознавая, что членство в артели давало возможность человеку получать заработок, какого он не имел бы при одиночном труде, артель считала, что известная доля этого заработка может рассматриваться как особый, совершенно специальный вид дохода, – он должен быть, по мнению артели, куплен. Отсюда – система вкупов. Такова логика артели в изложении А. А. Исаева.

При этом артельщики хорошо осознавали силу репутации и исповедовали следующий принцип: «Чем дольше существует артель, тем бóльшую известность она приобретает, тем охотнее обращаются к ее услугам, и потому тем значительнее ее доход и доля каждого участника»¹.

Блюстители интересов купечества, биржевые комитеты побуждали биржевые артели создавать внушительные капиталы обеспечения, то есть страховые суммы, которые в случае нанесения артелью ущерба могли покрыть убытки. В биржевых артелях встречались оборотный или запасный капитал (разницы часто не делалось), капиталы для благотворительности (в петербургских артелях из них делались пожертвования на церкви), капиталы вспоможения (помощь пострадавшим).

Артельный капитал мог образовываться сразу или постепенно. «В артелях новейшего происхождения мы находим обычным тот порядок образования капиталов, при котором оборотный составляется из паев членов, оплачиваемых в определенные сроки, запасный же – исключительно из отчисления известных долей чистой прибыли, взысканий с членов, процентов на ценные бумаги, принад-

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 204.

лежащие артели и т.д.»¹. Артели могли вносить сами как весь капитал (например, биржевые артели), так и часть капитала (например, печерские камнетесы, плотничьи артели и проч.). В большинстве случаев члены вносили равное количество паев, но бывали и исключения (рыболовные артели на Байкале, на Белом озере, артели для почтовой гоньбы, московские биржевые) – артели, где член мог внести два, три, четыре пая одновременно.

Раздел дохода на абсолютно равные доли практиковался у вологодских обчих, нежинских табачниц. Тюленьи артели, входившие в состав бирсы, самостоятельные артели на белужьих и семужьих промыслах, звериные и птичьи промыслы, плотники, бурлаки также делили доходы поровну между членами. Раздел на неравные доли, обусловливаемый неодинаковым участием членов в общих работах или неодинаковой оценкой специальных обязанностей, лежащих на отдельных участниках, был характерен для биржевых артелей, петербургских купорных, дрягилей и проч. По мнению Исаева, все это не нарушало самого принципа равенства². Исаев также отмечал, что в ряде артелей (таких как артели на Новой Земле, медведицкие бурлаки) доходы, которые артельщик получал параллельно работе в артели, т.е. вне ее рамок, также должны были поступать в общий раздел³. Такого рода мера способствовала привязке артельщика к своему союзу, фактически исключала возможность сепаратного трудового договора без учета интересов собратьев по артели. На семинарах в Институте динамического консерватизма сходные черты советских артелей старателей отмечал профессор Б. А. Виноградов: случаи, когда артельщикам предоставлялась возможность взять новый подряд на стороне, были нередкими. Если факты таких сторонних за-

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 210.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 233–234.

работков утаивались, в артели начинался разлад. Выгода должна была быть общей.

В биржевых артелях возникал некий антагонизм *стариков* и *новичков*, из среды первых выбирался староста, более трудные работы он давал новичкам, а старикам доставалось большее вознаграждение. Высокие частные заработки членов вели к потере артелью того духа солидарности, который вытекает из самого существа этой формы, из тесной связи между членами¹. Но искренность и честность во внутренней жизни артели особенно были развиты в тех союзах этой группы, которые были предоставлены собственным силам. «Стоит вспомнить, для характеристики артелей лесорубщиков, встречу с подобной артелью Потапа Максимыча в керженских лесах. “Разве можно артельному леснику с чужанина хошь малость какую принять?.. Разве артель спустит ему хошь одну копейку взять со стороны?.. Да вот я старшой у них, “хозяин” называюсь, а возьми-ка я с вашего степенства хоть медну полушку, ребята не поглядят, что я у них голова, что борода у меня седа, разложат да такую вспорку задатут, что и-и...”»²

Итак, распределение дохода в артели определялось прежде всего степенью зависимости от предпринимателя и заимодавца. А. А. Исаев выделял три способа раздела доходов между членами артели:

1. Раздел всего дохода на равные доли (такой способ встречается во многих старинных артелях).

2. Раздел дохода на неравные доли в соответствии с неодинаковым участием членов в общих работах и различием видов труда, исполняемых разными участниками.

3. Раздел дохода в определенном соотношении между трудом и капиталом.

В тех артелях, деятельность которых требует значительных вложений капитала, за последним признается са-

¹ Там же. С. 272.

² Там же. С. 273.

мостоятельное право на участие в доходах артели. По классификации О. К. Федоровой, распределение дохода между трудом и капиталом может происходить по трем схемам: 1) весь доход соединяется в одну массу, определенная часть которой поступает капиталу, оставшаяся – труду; 2) весь доход разбивается на самостоятельные части, одна из них поступает труду, другая – капиталу; 3) члены артели получают за свой труд определенную плату, а прибыль по истечении года распределяется между артельщиками пропорционально их доле в общем капитале¹.

Таково в общих чертах было положение финансовых дел в русских артелях XIX столетия.

5. Наемный труд в артелях

Среди исследователей и идеологов социалистического направления сложилось некое негласное правило, своего рода аксиома, согласно которой подлинная артель не должна пользоваться услугами наемного труда, внешних для артели нанятых работников, либо же должна минимизировать использование такого рода труда. У Туган-Барановского из этой аксиомы вытекали и выводы теоретического характера: по его мнению, артель «не имеет никакой свободы в выборе своего рабочего персонала и должна довольствоваться персоналом, которым являются члены артели»². Таким образом, артель оказывается ограничена в своих возможностях привлекать необходимых специалистов высокой квалификации, в то время как в других кооперативах ограничения на привлечение наемного труда отсутствуют.

¹ См. Федорова О. К. Традиционные формы коллективного труда в России: социологический анализ. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2002. С. 111–112.

² Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 2010. С. 200.

Туган-Барановский приходит к этому выводу, исходя из неверной посылки. Так, по его мнению, «в отрицании наемного труда вся сущность производительной артели»¹. В действительности же для сохранения сущности артели отсутствие или наличие в ней наемного труда не играло столь важной роли. Ошибочность посылки Туган-Барановского в данном случае заставляет усомниться и в его утверждении о стесненности артели в деле привлечения наемных специалистов, тем более многочисленные факты также свидетельствуют не в пользу данной точки зрения. Если же посылка эта относится лишь к кооперативным формам, искусственно созданным по почину социалистов и схоластиков утопической идеи, то причину перечисленных проблем следует искать именно в этой упорной приверженности инициаторов и идеологов их идеологическим постулатам, а не в органическом отталкивании трудовыми людьми наемного труда.

То, что возможность нанять работников не вызывала в народных русских артелях отторжения, имеет массу подтверждений и свидетельств. Приведем данные земских исследователей начала XX века. Агент по кустарной кооперации Е. П. Петров сообщает в ответах на специальную социологическую анкету: «Наемным трудом пользуются все артели. В женской артели одевальщиц в способе пользования наймом такая особенность: в общей мастерской артели наемных не бывает. Дома же каждый отдельный член работает совместно с членами семьи (с дочерью, сестрой, с мужем); кроме того, 4 члена имеют по одной наемной мастернице. (...) В четырех артелях (столярная, “Кустарь-художник”, одевальщиц и Архангельская) нанимают временно, в зависимости от срочных заказов или от какой-либо их особенности. Фактически, однако, по артели “Кустарь-художник” наемные рабочие были беспрерывно. В Зайцевской артели совсем не бывает наемных по

¹ Там же. С. 199.

промыслу; она изредка прибегает к найму только черно-рабочих. В артелях Федоскинской и Марфинской имеют наемных рабочих постоянно. В первой потому, что “не хватает членов”, а во второй постоянный наем обуславливается частью срочными заказами, частью же тем, что молотобойца, например, и давилщика нельзя принять в члены, так как “на него не хватило бы постоянной, обеспечивающей существование, работы”. При чередовании наемных разных специальностей выходит, что они, в том или ином количестве, имеются при артели круглый год»¹.

В качестве помощников в артелях практически всегда работали ученики, при этом некоторым из них платят, другим нет (в основном когда обучают особо выгодному мастерству в Федоскинской артели). Немаловажные детали озвучены тем же Петровым в его отчете 1914 года: наемники привлекались в тех случаях, когда для некоторых специалистов артель не могла обеспечить круглогодичного заработка или в случае слабой внутренней организации артели (Бабьевская артель столяров, Архангельская артель счетчиков). Плата наемным рабочим была либо равной с артельщиками, либо немного ниже. Порой на время испытательного срока будущего члена артели привлекали в качестве наемника; если он подходил как мастер и устраивал как человек, то становился полноправным членом².

Примерно такую же картину можно наблюдать и в отношении более старых артелей. Так, еще А. А. Исаев оспаривал позицию проф. Вредена, состоящую в том, что артели не должны нанимать работников, а биржевые

¹ Материалы по кооперации в Московской губ. Вып. III. Кооперация среди кустарей. (Сводка на программу вопросов, разосланную скл. потребительным обществам и производит. артелям) / Сост. Е. П. Петров, агент по кустарной кооперации Московского губернского земства. М., 1912. С. 14–15.

² Материалы по кооперации в Московской губернии. Вып. IX. Кооперация среди кустарей Московской губернии в 1912–13 году / Сост. Е. П. Петров, агент-специалист по кустарной кооперации Московского губернского земства. М., 1914. С. 39.

артели, которые этим активно занимаются, суть отклонение. Исаев полагает, что применение наемного труда – дело вполне обычное, фактическая составная часть любой артели. Артель при наличии найма не теряет своих основных особенностей – равных прав и обязанностей, круговой поруки, трудового участия. Хотя Исаев признает, что отсутствие наемного труда – идеал будущего, однако предостерегает от предъявления таких требований к современным ему артелям.

Склонность нанимать рабочих всегда присуща тем артелям, которые пользуются экономической самостоятельностью и получают значительный доход от своего промысла. Последнее, полагает Исаев, делает для артели выгодным прибегать к наемному труду даже в тех случаях, когда для ведения промысла достаточно рабочей силы одних артельщиков; но в тех артелях, обороты которых сильно колеблются по временам года, наем рабочих принимает очень большие размеры. Если к этому присоединяется трудность приобретения членства, высокий имущественный взнос, то наемный труд становится необходимой принадлежностью артели¹. Положение наемника хуже, чем положение артельщика, потому что, во-первых, артель возлагала на наемника наиболее тяжелые работы, а во-вторых, платила зарплату не выше среднего уровня, уступающую заработкам артельщиков².

Весьма любопытные суждения о наемном труде в артелях находим у Г. Штера, полагавшего, что несчастье русского артельного движения крылось в отходе от патриархальных норм и традиций. Факт привлечения наемных рабочих артелями известен был с древнейших времен. Например, артели сокольников, морских звероловов, рыбаков, извозчиков и т.д. так или иначе в случае надобности эксплуатировали наемных рабочих, платили им мень-

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 181–182.

² Там же. С. 184.

шую заработную плату против той, какую они получали сами¹. По мнению Штера, сущность патриархальной семьи не изменится, если она будет использовать труд наемных рабочих. Это же относится и к «патриархальным артелям». Наймит должен повиноваться, работать, как и прочие члены семьи/артели; его кормят, он живет, спит и развлекается, как и все, — короче он живет в кругу семьи или же артели, совершенно в таких же условиях, как и прочие члены общежития. Только в одном отношении наймит отличается от последних: он не участвует на одинаковых с ними правах в дележе семейственной или артельной прибыли и в имуществе².

Большинство исследователей рассматривали применение наемного труда в артелях, как нормальное явление. С. С. Маслов считал сам факт найма артелью рабочей силы ее обязанностью. Артель очень часто не могла без него обойтись — если во время жатвы, например, заболели члены артели или произошла неожиданная и неисправимая поломка уборочных машин, без работы которых членам артели не справиться, то наемный труд становится неизбежным. Не избежать его и в тех случаях, когда артель вводит в свое хозяйство новые отрасли или предполагает совершить те или иные действия, требующие специальных знаний, которыми не обладают артельщики. В самом факте найма никакой беды артельный человек не видел. Иное дело, если артель начнет жить за счет чужого труда, т.е. будет его эксплуатировать³.

В то же время картина, согласно которой артельщики всегда находились в более выгодных условиях, чем наемные работники, не вполне соответствует действительности.

¹ Акимов В. В. О существе русской артели // Вестник права. 1901. № 7. С. 161–162.

² Там же. С. 163–164.

³ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 288–289.

Во-первых, в некоторые артели могли привлекаться высококвалифицированные специалисты (инженеры, техники, кузнецы и т.п.), норма оплаты труда которых была выше, чем норма оплаты остальных работников. Но даже безотносительно подобных случаев на практике встречались факты, которые М. И. Туган-Барановский называл не иначе как странными и в чем ему виделось банкротство артельной идеи. В ряде артелей, утверждает исследователь, условия труда членов гораздо хуже, чем нанятых ими работников, так что получалось, что будто бы «наемные рабочие эксплуатировали своих хозяев»: «Возникает вопрос: для чего вообще нужны артели, если они не могут доставить своим членам лучших условий труда и заработка, чем обычные капиталистические предприятия?»¹

В. Г. Егоров приводит данные, согласно которым до 50% московских артелей становились жертвами своего рода фиктивного найма: «Неустойчивость артелей подталкивала артельщиков выходить из артели и уже за большую з[аработную].п[лату]. работать в той же артели в качестве наемника»². Особенно частыми такие случаи бывали во время экономических кризисов, когда доходы артелей падали и основная нагрузка по покрытию убытков предприятия ложилась на хозяев (нанимателей). Переход из категории участника-пайщика в категорию наемника был выгоден, поскольку с плеч данного артельщика снималась коллективная ответственность, как в том случае, если бы он оставался полноправным членом.

Причины, по которой представители марксизма и близких направлений жестко критиковали практику найма работников артелями, заключались не только в нрав-

¹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 2010. С. 207, 208.

² Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление: Первая треть XX века: Дис. ... Д-ра ист. наук.: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2005. С. 177.

ственных оценках и предвзятых идеологемах данных авторов. Еще одной причиной такой критики следует считать многочисленные факты вырождения и перерождения артелей, в ходе чего баланс между трудовыми участниками и наемными работниками нарушался, а мотивация артельщиков разлагалась и уводила их далеко от традиционных ценностей русской артели. В этом контексте вопрос о характере привлечении наемного труда вставал чрезвычайно остро¹.

Одни из самых ярких примеров такого дисбаланса, ведшего к профанации принципов и сущности артели, было использование артельной формы при найме работников на железные дороги Петрограда в начале 10-х годов XX века. Кроме вагоновожатых и кондукторов, нанимаемых непосредственно Петроградским управлением городских железных дорог (ПУГЖД), большое число кондукторов и вагоновожатых нанимались через артели. Так, например, в сентябре 1913 года артельных кондукторов и вагоновожатых было 1122, в то время как «городских» было немногим более чем 1000 человек. Порядок найма через артели начал применяться после забастовки 1909 года и имел целью застраховать город от убытков, могущих произойти от участия кондукторов и вагоновожатых в забастовке. Договоры о поставке кондукторов и вагоновожатых и об их ответственности были заключены управлением ПУГЖД с тремя артелями: Владимирской, Биржевой Александровской артелью и Невским взаимно-комиссионным товариществом. Артель обязана была, по указанию и требованию управляющего ГЖД, принимать в свой состав кондукторов и вагоновожатых, состоящих на городской службе. Тем самым город мог возложить на

¹ Тот же Туган-Барановский в этой связи говорил о легкости перерождения артели в капиталистическое предприятие на паях, при этом внутри артели поляризовались представители двух классов – наемных работников и пайщиков, «которые постепенно перестают работать сами» (Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 2010. 206 с.).

артели ответственность за участие в забастовке кондукторов и вагоновожатых, не принятых через артели¹.

Артель отвечала за убытки, причиненные городу вследствие забастовки, за исключением всеобщей политической забастовки. Жалование кондукторов и вагоновожатых ПУГЖД вносило в артели. В «обеспечение интересов города» артель вносила в кассу управления ГЖД залог в размере 200 рублей за каждого поставляемого артелью кондуктора и вагоновожатого. Против найма через артели высказывались гласные городской думы и, в особенности, кондуктора и вагоновожатые. Некоторые гласные (в 1913 году) замечали, что «город отдал кондукторов и вагоновожатых на откуп артелям», т.к. «1200 кондукторов и вагоновожатых получают жалование не лично, а через артели. Артели берут с них залог в 200 рублей, процентов с этого залога не платят, удерживают с каждого по 1 руб. в месяц, при поступлении на службу удерживают с каждого 2 р. 10 коп., штрафуют в свою пользу за разные провинности».

В декабре 1911 года артельные кондуктора и вагоновожатые Василеостровского трамвайного парка подали петицию об уравнивании их содержания с жалованием кондукторов и вагоновожатых, принятых управлением ПУГЖД помимо артели. В своей петиции они писали, что «с залога процентов не получаем, жалование всегда задерживают, за большие дни всегда выдают после, когда они, подрядчики вздумают. А за что платим каждый 1 руб. в пользу их каждый месяц – не знаем... Кондуктора и вожатые в артели не члены, пользы от артели мы не имеем и рабочими их быть не можем... Артель чужой труд продавать не имеет права, членами мы не состоим и доверенных от кондукторов не посылали заключать условия, а какие-нибудь три выходца чужой труд продать не имеют права... Подрядчикам по доставке кондукторов и вожатых просим отказать, пожалеть наши рубли, которых ежемесячно в пользу подрядчиков 1000 р.».

¹ Гордон Макс. Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда // Архив истории труда в России. 1923. № 8. С. 91–92.

В 1913 году артельные кондуктора и вагоновожатые обратились к управляющему ГЖД со следующей петицией: «Просим покорнейше Вас, не отдавайте нас в руки живой болезни; лучше мы согласны страдать без неполной подмены, да не быть у этих артелей; вся надежда только на Вас... у нас забастовки не будет никогда, за это мы ручаемся».

Таким образом, под маскою артели организовались обыкновенные посредники, промышленявшие продажей рабочих рук. Кондуктора и вагоновожатые закабалялись этими «артелями», так как иначе они не могли поступать на городскую службу. Что представляли собой эти «артели», показывают следующие извлечения из «Устава СПб биржевой Александровской артели», изданного в 1912 году: «Артель учреждается с целью производства личным трудом участников, за общий их счет и с круговой друг за друга порукою, работ». Размер членского взноса определяется в 500 рублей. Кроме членского взноса каждый вступающий вносит в артель 50 рублей в резервный капитал и 50 рублей на обзаведение и устройство¹. Ясно, что такие крупные капиталы могли вносить не работавшие личным трудом, а лица, спекулирующие по поставке рабочих рук и превратившие артельную правовую форму в прикрытие для собственных махинаций.

На этом примере мы подошли к такой важной теме, как перерождение артели под влиянием растущих капиталистических отношений.

6. К вопросу о вырождении или перерождении артели

Одним из самых ярких и иллюстративных примеров вырождения принципов и ценностей русской артели

¹ Гордон Макс. Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда // Архив истории труда в России. 1923. № 8. С. 92–94.

следует признать феномен **«артельного азарта»** в начале XX века. Из-за высоких расценок мест в биржевых артелях во многих из них осуществился процесс, совершенно извращающий артельные начала и артельную сущность. В биржевых артелях главную статью дохода постепенно перестал составлять ее заработок, или *дуван* артельного места. Цена артельного места (пая) росла прогрессивно. Спекуляции на раздутии этой цены были очевидны. И даже многие новые артели стали открывать уже не потому, что на их работу существовал спрос, и не в интересах самих трудовых артельщиков (в их труде как таковом надобности не было). «Открывают обыкновенно артель учредители и ближайшие их сторонники лишь исключительно ради спекуляции с повышением артельных паев, ради наживы. Внесший при учреждении артели 500 руб. через 2–3 года становится собственником имущества (права на место) ценою в 2000–3000 руб. В день первого же учредительного собрания цена пая повышается на 100% и более. Таким образом, заинтересованность современного артельщика делами артели ограничивается лишь выгодой от владения паем, от вздувания продажной цены своего места; в работах же артели он не заинтересован»¹.

Подобный «артельный азарт» шел вразрез с определением Правительствующего сената по Судебному департаменту от 18 марта 1893 года № 480 по делу Дмитриева с Шестаковской биржевой артелью, в котором специально оговаривалось, что «владельцем артельщиком может быть признано лишь такое лицо, которое участвует в артельном договоре, известно артели (а не некоторым лишь артельщикам), как член ее, состоит таковым с согласия артели и принимает участие в работах артели, и притом за исключением лишь некоторых особых случаев лично, а не через посредство наемного работника; владение артельным

¹ Полянский В.С. Артельный азарт (Расценка мест в биржевых артелях). М., 1912. С. 8–9.

местом именно ввиду присущего артельному договору личного элемента не может быть приравнено к владению паем в товариществе, связанному исключительно с имуществом и, притом с имуществом, совершенно обособленным от имущества данного товарищества, – владелец же артельного места, артельщик, по необходимости, по самому существу артельного договора, всегда должен быть известен артели как ее член»¹.

«Артельный азарт» биржевых артелей мог, по мнению Исаева, возникнуть и на той почве, что «биржевые артели, за исключением капиталов оборотного и благотворительного, незначительных по своей высоте, не имеют капитала, неразрывно связанного с предприятием, размеры которого не зависели бы от изменений в числе участников»².

Практика организации и функционирования биржевых артелей неоднозначно воспринималась современниками и до «артельного азарта». По мнению С. Н. Кривенко, «в такого рода артелях, как, например, наши биржевые, благодаря специальности их цели и замкнутости, обуславливающей вступление нового члена не только приемом, но и значительным денежным взносом, разумеется, гораздо больше уже акционерных, чем чисто артельных начал»³.

Кроме печально известного «артельного азарта» вследствие стремления к наживе вкрадывались в артельное движение и новые правила ведения игры, которые искажали традиционные артельные принципы. Собственно, тема вырождения или перерождения артелей поднимается и обсуждается исследователями и публицистами еще в третьей четверти XIX века. Вот что писал, к примеру, русский экономист А. В. Яковлев: «Во многих ассоциа-

¹ Полянский В.С. Артельный азарт (Расценка мест в биржевых артелях). М., 1912. С. 4.

² Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 208.

³ Кривенко С. Н. На распутье. (Культурные скиты и культурные одиночки). Изд. 2-е. М., 1901. С. 193.

циях, а равно и в наших артелях, часто можно заметить допущенное различие членов по отношению прав их на участие в выгодах, полученных ассоциацией; мы замечаем подручников, в отношении которых остальные члены представляются лицами привилегированными, извлекающими себе выгоды более или менее насчет поставленных в менее выгодные условия подручников. Наконец, в наших артелях мы видим совершенно безобразные явления; например, вместе с стремлением наблюдать за нравственностью своих членов в виде штрафов за нарушение артельных правил и правил нравственности мы видим штрафы в виде поставки на артель ведра или полтора водки»¹.

По мнению В. П. Воронцова, обращение к наемному труду – вполне нормальное явление для артели в тех случаях, когда оно практикуется при временном оживлении заказов, в случае же прочного расширения производства здоровым путем развития для товарищества должно было бы стать увеличение числа постоянных членов (пайщиков или учредителей): «Но беда в том, что члены производительного товарищества находятся под соблазном использовать самим выгоды положения хозяев, и они затрудняют или вовсе прекращают прием новых членов, даже если по ходу дел создается прочное расширение предприятия; взамен того они более и более увеличивают контингент наемных рабочих, и кооперативное трудовое товарищество в конце концов превращается в род акционерного общества с участием акционеров в работе на своей фабрике»². При этом, по мнению того же исследователя, кооперативы, не брезгающие злоупотреблять наемным трудом и при этом ограничивающие число полноправных своих членов, имеют в складывающихся социально-

¹ Яковлев А. В. Ассоциация и артель (1872) // Кооперация. Страницы истории: избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: В 3 т. М., 2001. Т. 1. Кн. 2. С. 486.

² Указ. соч. Кн. 3. С. 259.

экономических условиях больше шансов на выживание и успех сравнительно с теми, которые «держатся трудового и демократического начала»¹.

По мнению А. А.Исаева, перерождение грозит артели в силу той интенсификации производства и бурного роста предприятий, которые были связаны с развитием капиталистических отношений и невиданным ранее расширением рынка. По его мнению, там, «где обширность и разнообразие оборотов побуждают артель нанимать много рабочих, где или доходность промысла все более и более повышает вкуп, или составление капитала вменяется в обязанность сторонними учреждениями, в жизни артели вкрадываются начала, способные привести к вырождению союза не только по духу, но и по форме»². Во-первых, полагает Исаев, сам размер вступительного взноса (вкупа) делает вступление в артель невозможным для многих желающих. Во-вторых, среди артельщиков постепенно распространяются склонности и стремления, несовместимые с духом классической трудовой артели: они все больше уклоняются от физического труда, предпочитая функции заведования, наблюдения и контроля, продажи и т.п. «Затем увеличение доходов и накопление имущества отдельными членами дают им вкусить всю прелесть пользования капиталом и побуждают видеть в труде второстепенный, низший источник дохода. Сознание этого ведет к возможно большему применению наемных рабочих, к дальнейшему затруднению желающим вступить в артель, равно как и давлению на тех, которые, быв приняты в союз, не уплатили взноса сполна. Развитию во внутренней жизни капиталистических интересов долго препятствует сама артель: она своими постановлениями обязывает каждого члена работать, карает за прогул и т.д. Долго повинаясь этим требованиям и сдерживая личные побуждения, члены стремятся изменить обременительные

¹ Указ. соч. Кн. 3. С. 261.

² Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 283.

для них правила и наконец достигают отмены обязательства участвовать личным трудом в делах артели. Раз вырвано это обязательство – один существенный признак артели уничтожен, и она перестает быть артелью даже по форме: она переходит в ряд капиталистических предприятий, наиболее приближаясь к полному товариществу»¹.

Более того, при отмене какого-либо составного элемента артели, допустим, той же круговой поруки – артель могла стать обычным неполным товариществом или акционерным обществом. В конце XIX века во многих петербургских артелях исчезал «дух артели», но форма оставалась нетронутой; «в тех же московских, где не запрещается приобретение артельного места лицом, уже участвующим в другой артели, и самой форме скоро угрожает полное изменение»².

Процессы вырождения артели быстрее всего происходили там, где артель попадала в зависимость от внешних субъектов, отдающих предпочтение капиталистическим методам и формам хозяйствования и социальной организации. Этого нельзя сказать про многие общественные, земские организации, а также государственные проекты, в рамках которых и благодаря которым артели получали поддержку, опеку и заказы. Очень часто общественные и государственные программы организации кооперативных и артельных союзов были направлены в сторону, диаметрально противоположную тенденциям, связанным с безоговорочным ростом и доминированием капитализма. Иными словами, Российская империя конца XIX – начала XX века, вопреки стереотипам критиков тогдашней политики, при всем огромном росте капиталистических предприятий развивалась в сторону многоукладной экономики, внутри которой находилось место, и немалое, для кооперативных и артельных форм. «Царская Россия, – пи-

¹ Там же. С. 283–284.

² Там же. С. 285.

сал позднее И. Л. Солоневич, – была самым социалистическим государством мира. Именно в России целый ряд коллективистических предприятий – начиная от казенных заводов, бывших государственной собственностью, и кончая сибирской кооперацией, опиравшейся на мелкую частную собственность, бесконечными “артелями”, строившимися по принципу “трудовых коллективов”, офицерской кооперации, опиравшейся на нищенское офицерское жалование, – проявил бóльшую хозяйственную жизнеспособность, чем где бы то ни было в мире. Что “самодержавная власть” не только никак не препятствовала всяким “обобществленным формам”, но и всячески поддерживала их – и там, где это было нужно (кооперация), и даже там, где это не было нужно (община). Или, иначе, что самодержавная власть искала наилучших способов хозяйствования и поддерживала все то, что оказывалось лучшим, совершенно независимо ни от Оуэна, ни от Маркса»¹.

И в то же время процессы перерождения артели в России набирали обороты. Отличие исследователей, близких марксизму, от более объективных апологетов своеобразной русской кооперации заключалось в том, что первые видели картину в двуцветных тонах: капитализм и все то, что ему противостоит. «Очевидно, – писал один из таких исследователей-идеологов, – артельное начало чуждо и враждебно капиталистическим отношениям производства. ...Во-первых, трансформируя весь строй экономических отношений, капитализм лишает артель былой самостоятельности. Пока артель работала для удовлетворения нужды семей своих членов в продуктах ее промысла, она была самостоятельна (...) Если раньше артель была господствующей формой общественной организации труда, то в современном капиталистическом обществе артель уцелевает только в расщелинах капиталистического мира, в тех уголках его, куда не успел еще проникнуть ка-

¹ Солоневич И. Л. Народная монархия / Отв. ред. О. Платонов. М., 2010. С. 70.

питализм. Во-вторых, капитализм изменяет не только среду, в которой живет артель, но проникает и в нее самую. В плотничьих артелях рядчик вносит в артель торгово-предпринимательскую деятельность; в биржевых артелях наемный труд становится источником дохода. Эти капиталистические начала не могут ужиться с трудовым началом артели, и появление их в артели показывает нам, что близок ее смертный час; рядчик из члена плотничьей артели становится хозяином ее, биржевые артели идут к тому, чтобы освободить своих членов от обязанности участвовать в деле личным трудом. Таким образом, капитализм, проникая в среду, окружающую артель, лишает ее былой самостоятельности; проникая в артель, убивает ее»¹.

В том же ключе рассуждал о перерождении артелей и Туган-Барановский, на что мы уже ссылались выше. Данные наблюдения во многом справедливы, однако действительность была все-таки сложнее, чем подобная двучветная, черно-белая схема неумолимой гибели народной артели в капиталистической стихии. Взять те же плотничьи артели. Еще в своих «Письмах из деревни» (то есть в 70-е годы XIX века) Энгельгардт, сравнивая плотничьи артели с граборскими, демонстрирует кардинальную разницу между ними: «В граборских артелях рядчик имеет совершенно другое значение, чем в плотничьих, где рядчик обыкновенно есть хозяин, берущий работу на свой страх, получающий от нее все барыши и несущий все убытки, а члены артели – простые батраки, нанятые хозяином-рядчиком за определенную плату в месяц и на его, рядчика, харчах. В граборских артелях все члены артели равноправны, едят сообща, и стоимость харчей падает на всю заработанную сумму, из которой затем каждый получает столько, сколько он выработал, по количеству вывезенных им кубов, вырытых сажень и пр. (...) Рядчик имеет только то преимущество перед другими членами артели, что сверх

¹ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 51.

заработанного своими руками получает от артели так называемые лапотные деньги, то есть известный процент – 5 или 10 копеек с рубля – с общей суммы заработка»¹.

Лапотные деньги – сумма, выплачиваемая как вознаграждение (бонус) руководителю за то, что он нашел заказ и организовал работу. В плотницких артелях, наблюдаемых Энгельгардтом, эти «лапотные деньги» превращаются из права рядчика на награду в право на прибыль. Рядчик же сам превращается из собрата артельщиков, равного им, в предпринимателя, стоящего над ними, отчасти в посредника, наживающегося на разнице между суммой сделки и стоимостью труда.

Такие же факты можно продемонстрировать на примерах артелей плотников и каменщиков, весьма распространенных в Малороссии XIX века под названием *захожих* артелей. Артели плотников и каменщиков были фактически тождественны друг другу по своему характеру и строению. Они состояли из совершенно самостоятельных и равноправных рабочих, равномерно распределяющих между собой как труд, так и заработки. Большинство этих артелей встречались в Южной России, главным образом в таких городах, как, например, Одесса, Николаев, Севастополь, Харьков, Таганрог, Ростов-на-Дону, Екатеринодар, Керчь и др. Городские работы отдавались, как правило, с подряда. Подрядчик в таких случаях являлся неизбежным посредником между рабочим людом (артельщиками) и нанимателями. Таким образом, многие из тех выгод, которые могли прийтись на долю артелей, становились достоянием этого посредствующего лица. Существовало два рода подрядчиков в строительных артелях: мелкие и крупные. Мелкие подрядчики составляли и содержали по найму артели в качестве так называемых «хозяев»². Мелкие подрядчики

¹ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 294.

² Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 332–333.

были по факту теми же рабочими, только стоящими в хозяйских отношениях к другим рабочим. Крупные подрядчики вели дела в более широких размерах, при этом одинаково собирая свою дань как с артелей, содержащихся мелкими рядчиками-хозяевами, так и с артелей без подобных хозяев, существовавших, так сказать, в чистом виде.

В этих артелях сохранилось лишь внешнее выражение артельного начала – соединение рабочих в группы для достижения возможно лучших результатов труда. Рядчик нанимал рабочих на определенный срок. Рабочий жил большею частью в артели, ел из общего артельного котла, работал в артели. Рядчик, как хозяин, являлся полнейшим и неограниченным распорядителем всех действий рабочего, как нанятого им работника. Он совершенно произвольно мог ставить артельщика на ту или другую работу, мог разбивать артель на части, заставлять артельщиков работать одиночно и т.д. Прямая цель рядчика заключалась в одном – получить как можно больше выгод сверх тех издержек, которые он тратил на содержание рабочих. Таким образом, как свидетельствует описатель, «рабочий в такой искусственной артели является мало того что лицом в значительной степени обсчитанным и обобраным, но еще и несамостоятельным, подневольным»¹.

Плотник, который получал у мелкого рядчика какие-нибудь 8–12 рублей в месяц, на самом деле вырабатывал 20–25 рублей в месяц. Артельный принцип гарантии труда от эксплуатации посредником, так же как и другие артельные принципы, нарушался. Это свидетельствовало о том, что под внешними артельными чертами крылось далеко не артельное содержание.

Следовало бы не просто констатировать эти факты, но и уметь объяснять их. Почему процессы перерождения начались еще задолго до существенного проникновения капитала в русскую деревню? И в чем различие между

¹ Там же. С. 335.

типами граборских и плотничьих артелей? И те, и другие занимались предоставлением услуг. Однако граборы представляли узкоспециальный сегмент, связанный с благоустройством земельных угодий. В нем стойко держались традиции старинной русской артели. Одновременно уже в середине XIX века плотническое дело по величине и широте рынка плотничьих услуг, высокой конкуренции на рынке выходило из обычного ряда артелей. Рядчик у плотников все чаще должен был становиться ловким и динамичным агентом на рынке, и это его качество становится ключевым для предприятия, его способность найти заказчика, договориться с заказчиком резко возрастает в цене по сравнению с тем, как эта деятельность и роль оценивались в классической русской артели¹.

Иными словами, с возрастанием роли рынка, роли торговой сделки, влияния конкуренции создавались благоприятные условия для падения начала равенства, равноправия в артели, но происходило это падение не сразу, нелинейно, русская артель сопротивлялась этим новейшим веяниям. Собственно, речь шла о смене архетипов, вернее, об ослаблении и постепенном уходе архетипа «сильного артельного человека», того самого, который превыше всего ставил артельное братство и мог наказать рядчика или старосту, если тот «шкурничал», нарушал принципы артели ради собственной корысти. Эта своего рода **артельная честь**, сила братства, до поры до времени не позволяла артельщикам смиряться с внедрением новомодных начал частной корысти, рыночной ловкости, рыночного неравенства. Однако там, где архетип артельного человека ослабевал, на место артельного приходил другой сильный, инициативный человек: кулак, рядчик-посредник подминал под себя артель, подкупал выбранных артельщиками руководителей, стремился сломить либо размыть дух братской солидарности.

¹ Тот же Щербина отмечает, что процессы разложения артелей бурно развивались в городах и вблизи городов, тогда как в глухих местах артельное начало сохранялось (Там же. С. 337).

Артель, эта, по выражению В. Ю. Скалона, **«складчина трудом»**, превращалась в складчину труда с предприимчивостью посредника. Затем, по логике марксистов и близких им идеологов, она должна была превратиться в складчину труда с внешним капиталом – и примеры («артельный азарт», махинации с артелями петербургских железнодорожников и др.), казалось бы, подтверждающие этот прогноз, жизнь предоставляла в избытке. И в то же время предреволюционная Россия была многоукладной, в ней рос мощный сектор народной кооперации. Наряду со всеми этими якобы неумолимыми процессами перерождения артели, разложения и поглощения ее стандартными буржуазными предприятиями, в ней жили и созревали иные потенции, которые обещали раскрытие некоего третьего, не капиталистического, но и не революционно-марксистского пути социального развития. Вопрос о перерождении артели (так же, к слову, как и вопрос о гибели в условиях капитализма русской крестьянской общины) так и не был решен до 1917 года. Ни рост индустрии, ни столыпинская реформа так и не подорвали традиционный крестьянский уклад России в его корне. И артель, и община в превращенных формах (промкооперации, колхозов и др.) еще какое-то время пытались выжить, цеплялись за жизнь, несли в себе сильные отголоски старой крестьянской традиции и психологии.

ЧАСТЬ IV.

МНОГООБРАЗИЕ АРТЕЛИ: ОБЗОР СОЮЗОВ И ПРЕДПРИЯТИЙ

1. Артели охотников, рыболовов и бортников

Об артелях охотников и рыболовов мы уже частично писали в 1-й и 2-й главах. В этом небольшом очерке мы постараемся компактно и более предметно изложить доступные сведения об артелях охотников, рыболовов и *бортников*¹, которые, несмотря на их долгий исторический путь развития, сохранили вплоть до XX века² свои сущностные и характерные черты.

К какому времени следует отнести появление первых артелей у славян, сказать весьма затруднительно в силу отсутствия точных исторических указаний. Есть основания полагать, что уже с VIII века славяне Поднепровья занимались звероловством, бортничеством, лесными промыслами; торговали, пользуясь рекой, начинали

¹ Бортничество – древний промысел добычи в лесах меда диких пчел (от древнеслав. «бортъ» – дупло в дереве, где пчелы откладывают мед). См.: Булгаков М. Б. Бортничество // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008–2009. Т. 1. С. 277.

² Исключением является бортничество, постепенно сменившееся колодным и пасечным (домашним) пчеловодством. В южных районах России оно просуществовало почти до XIX века. См. там же. С. 276.

переходить к земледелию¹. Образовавшиеся группы для совместной деятельности могли носить название *братчин, ватаг* или даже *дружин*. В домосковский период по косвенным данным можно говорить о существовании рыболовных и звероловных товариществ. В источниках находим упоминание о товариществе (артели рыболовов), договорившемся (порядившемся) о рыбной ловле при Кирилло-Белозерском монастыре в 1577 году, о чем мы уже писали во II части².

То же касается и артелей бортников. Упоминания о товариществах «*для выемки меду из бортей*» относятся к 1663 году, когда был заключен договор между двумя русскими крестьянами с игуменом Макарьево-Желтоводского монастыря (современная Нижегородская епархия). Договоривающиеся упоминают, что хотя они приняли к себе еще трех бортников «*подущеников*» (в интерпретации О. А. Платонова, «*подушенников*»³), но все они будут «ходить заодно». За бортное ухажье они обязываются платить оброк, в лес никого не пускать, дельного лесу самим не рубить и «*борти со пчелами не пустошить*», в противном же случае должны заплатить заряду по записи 50 рублей, а за дерево и пчелы по уложению⁴.

Известно, что мурманский тресковый промысел со второй половины XVII века велся всегда артелями крестьян, посадских людей, монастырей и даже ссыльных⁵. Многие мурманские артели рыболовов были основаны

¹ Максимов Е. Д. (Слободжанин М.). Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском кооперативном институте. Изд. 2-е. Боровичи, 1919. С. 15.

² Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 10. На Русском Севере духовенство в лице монастырей и архиерейского дома являлось собственником разнообразных рыбных угодий (треска, палтус, семга).

³ Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. М., 2008. С. 280.

⁴ Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 10.

⁵ Ефименко А. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об Артелях в России. СПб., 1874. Вып. 2. С. 3.

на началах *покрута* (подмоги). Характерная особенность этих артелей заключалась в том, что весь капитал, вкладываемый в предприятие, принадлежал одному лицу – хозяину, который мог и не принимать личного участия в промысле; он снабжал промышленников лодками, промысловыми орудиями, пищей, дровами, нанимал или устраивал для них помещение, нес все расходы и получал за то известную, вперед определенную часть продуктов промысла. Члены артели вносили в дело лишь свой труд и получали остальную часть добычи¹. Артели же, все члены которых являлись равными хозяевами, участвуя в предприятии равным количеством труда и капитала, встречались даже в XIX столетии лишь в немногих местах поморья, в Колежме и Сороке, отчасти в Коле. Такие артели обычно составлялись крестьянами и посадскими людьми. Эти артели состояли из четырех членов или четырех «участников» промыслового капитала². Основной капитал артели составлялся из четырех паев.

Артели *вешняков*³ состояли также из четырех человек⁴. «Во главе лодки стоял *кормщик*. Он вместе с тем был старший одной из трех маленьких артелей, составлявших лодку; старшие других двух артелей назывались *карбасниками*, от слова “карбас” – маленькое судно, на котором каждая артель особо производила промысел. Выражение “кормщик” понималось по отношению к целой лодке, по отношению к своей артели кормщик был карбасником, так что в общих расчетах под карбасниками понимаются

¹ См.: Книпович Н. О положении рыбных и звериных промыслов Архангельской губ. СПб., 1895; Его же. О рыбных и морских звериных промыслах Архангельской губ. СПб., 1897.

² Ефименко А. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об Артелях в России. СПб., 1874. Вып. 2. С. 3.

³ Весна, веснование, весновальный промысел; идти на вешну, собственно за треской, на мурманский берег (В. И. Даль).

⁴ «Крутятся в пай обыкновенно четверо: *кормщик*, *тяглец*, *весельщик* и *наживочник*» (Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 29).

и карбасники собственно, и кормщики. Остальные члены артелей назывались “промышленные рядовые люди” или *покрученники*. Артели эти представляли собою чистый тип артелей, держащихся на начале покрута. Предпринимателю – архиерейскому дому – принадлежал весь капитал, как основной, так и оборотный; члены артели участвовали в деле исключительно своим личным трудом. Значит, капитал и труд были совершенно разделены»¹.

Раздел полученной части доходов производился внутри артелей таким образом, что старшим в артелях (кормщикам и карбасникам) доставалось больше *барышей*, нежели простым рядовым покрученникам. Такой расклад, естественно, несколько притеснял последних. Доля карбасника относилась к доле рядового покрученника как пять к двум, т.е. была больше в два с половиною раза².

В 70-е годы XIX столетия в Белозерском уезде Новгородской губернии рыболовные артели носили местное название *тагас*. Этими артелями рыба ловилась только зимой на озерах, где употреблялись невода длиной до 250 сажень (около 530 метров), состоящие из *матицы* (мешок из мелкой сети, куда попадает рыба, захваченная крыльями невода), 12 *притонов* (сеть, связанная реже, чем матица) длиной каждый по 3 сажени, 32 *палевых* (сеть еще реже притонов) по 3 сажени длиной, 32 *тагасков* (реже палевых) тоже по 3 сажени и 8 *редких* (реже тагасков) по 4 сажени. Кроме того, при неводе требовались *ужища* (веревки около 300 сажень длины), *жерди* и *крюки*. При неводе работали от 35 до 40 человек и от 22 до 25 лошадей, необходимых для перевоза рыболовов и рыболовных снастей на озеро и с озера. Ватаман обязан был иметь свою матицу, знать хорошо рыболовные места, распоряжаться всеми действиями тагаса на озере и, наконец, продавать наловленную рыбу.

¹ Ефименко А. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об Артелях в России. СПб., 1874. Вып. 2. С. 6.

² Там же. С. 9.

За это из вырученных денег он получал 4 *жеребья* (пая). Члены тагаса должны были иметь собственные снасти, притон, палеву и т.п., за что получали за притон жеребий, за палевую, тагаски и редкий по полжеребью. *Ужищник* обязан был иметь свое ужище и за него получал жеребий. Два *жерденика* обязаны были иметь свои крюки и жерди, во время лова гнать жерди подо льдом, – с лошадьми получали по 2 жеребья. Два *матишника* обязаны были при ловле вынимать матицу (для чего на них были хорошие кожаные фартуки и рукавицы), что в морозы очень затруднительно, – получали с двумя лошадьми 4 жеребья¹.

Тагас сшивал свои снасти по наряду ватамана, расширял тоже по его распоряжению и тогда делил вырученные от продажи рыбы деньги по жеребьям (т.е. по паям). Чаше всего члены одного тагаса не переходили в другой и имели одного и того же ватамана, который старался управлять действиями тагаса, сообразуясь с желаниями большинства артельщиков, – отсюда в тагасе чрезвычайно редки были раздоры и ссоры.

Но не все рыболовные артели славились такой образцовой организацией труда. Например, на Черноморском и Азовском побережьях встречались заброднические ватаги, в состав которых входил «всякий гуляцкий и беспаспортный люд»². Будучи совершенно разнородными по своему социальному и даже этническому составу, эти рыболовные артели имели дурную репутацию. В таких артелях, как правило, господствовало безразличное отношение к труду, а сами «артельщики» вступали в такие артели за неимением другой работы и места проживания на данный момент.

Артели для рыбной ловли составлялись в малых размерах едва ли не в каждом селении, где были рыбная река

¹ Сборник материалов об артелях в России. СПб., 1873. Вып. 1. С. 200–201.

² Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 116.

или озеро. В большом размере рыболовство производилось артелями на Белом море, на Чудском озере, на Урале и т.д. К рыболовам присоединялся еще и звериный промысел в виде охотничьих артелей.

Одним из самых ранних источников, содержащим упоминание об охотничьих артелях, является *Грамота Великого князя Московского Андрея Александровича на Двину*, цитированная нами во второй части¹. Из приведенного текста источника видно, что сын ватамана, Кузьма, ходил по Двине с Белого моря «с потками». Скорее всего, речь идет о том, что в конце XIII – начале XIV века под Архангельском была известна артель для охоты за кречетами (птица из семейства соколиных)².

В ранних источниках встречается много упоминаний о сокольниках, кречатых, *помытчиках* (царские охотники на соколов, ястребов и кречетов) и ватагах для кречатого промысла³.

Сохранились также сведения и о южнорусских артелях звероловов-охотников, промышлявших уже в XV–XVI веках⁴. Вероятно, эти артели предшествовали возникновению Запорожской Сечи.

В Запорожье существовал особый класс казаков, занимавшихся звериным промыслом, – *лисичники*, охотники за лисицами. «Обыкновенно партия лисичников под предводительством искусного охотника-вожака отправлялась

¹ Грамота Великого князя Андрея Александровича на Двину, о кормах и подводах трем великокняжеским ватагам, ходящим на промыслы и проч. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 1.

Основание датировки: время княжения вел. кн. Андрея Александровича.

² Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 37.

³ Ефименко А. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. СПб., 1874. Вып. 2. С. 2.

⁴ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 197.

осенью по берегам Буга в места, изобиловавшие пушным зверем. Здесь она рыла землянки и запасалась съестными продуктами на зиму, занимаясь самым промыслом в течение только того времени, когда бывают годны лисьи меха. Покончивши с охотой, артель отправлялась в “зимовник” какого-нибудь “гарбаря”, т.е. кожевника, который и “чинил” для артели шкуры. И только обделавши окончательно шкуры, артель производила самый “дуван” их между членами»¹.

Естественно предположить, что охотничьи артели требовали от вступающего мужества и смелости. Как правило, это были весьма сплоченные коллективы из хорошо знающих друг друга людей. Староста таких артелей должен был детально вникать в нужды подопечных, заниматься закупкой съестных припасов и даже заботиться о приготовлении пищи. Бывало и так, как, например, в охотничьих артелях Сибири: кто нашел логово медведя – тот становился во главе артели². В охотничьих артелях, если «охотник, открывший берлогу, не доволен искусен и мужествен, то он уклоняется от распоряжения охотой; если бы он не уклонился сам, то никто не последует за ним, и он, по соглашению с товарищами, будет принужден искать иного руководителя»³.

Очевидно и то, что звериный промысел был распространен в привольных местах – там, где в обилии водились лисицы, олени и другие ценные звери. С заселением людей исчезали приволья, а следовательно, постепенно исчезали и сами обитатели животного мира. Охотничьи артели бесследно исчезали с наступлением цивилизации. Во многом эта участь коснулась и других артелей.

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 198.

² Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 142.

³ Там же. С. 143.

2. Объединение в котляны

Слово «котляна», скорее всего, происходит от слова «котел». Неизвестно только, от какого именно котла: из котлого ела артель или в котором вываривали сало?

А. Я. Ефименко, изучившая котляный промысел, дала ему следующее определение: «Промысел, который производился несколькими договорившимися артелями сообща, назывался котляным промыслом, сама же такая большая артель, срок существования которой не определялся в предварительном договоре, называлась котляною»¹. Суда, принадлежавшие к одной котляне, и стояли вместе, в одной бухте. Из этой бухты, или становища, ездили промышленники на промыслы на маленьких баркасах. Каждый раз отправлялось на промысел, по общему согласию всей котляны, по несколько человек с каждого судна, т.е. из каждой артели. Добыча каждого промысла делилась полюдно, т.е. поровну между котлянщиками (членами котляны), принимавшими участие в этом промысле; т.е. промысловики, которые не ходили на конкретный лов, ничего не получали на свою долю. При этом долю, равную доле участвовавших в промысле, могли получать те артельщики, которые оставались по общему приговору котляны для ее надобностей, например затем, чтобы стеречь суда, и т.п.

Котляна держалась при разделе добычи иного принципа, чем простая артель при том же моржовом промысле: она допускала полное равенство всех участвовавших в деле трудом, между тем как отдельная артель принимала в расчет и искусство промышленника, и большую или меньшую успешность его труда, и свойство того специального занятия, которое на него возлагалось разделением труда. Однако принцип полного равенства участвующих, при-

¹ Ефименко А. Я. Исследование народной жизни Александры Ефименко. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 15.

нимаемый котляной, оказывался на деле фиктивным, хотя дележ производился «**полюдно**», но доля каждого лица шла затем в общую артельную добычу, и окончательный раздел, передающий продукт в руки отдельных лиц, производится на основаниях, принятых артелью¹.

Видимо, еще во времена новгородской независимости в каждой артели был глава, который назывался юровщиком. Остальные члены артели также носили особые названия, получаемые от свойств тех занятий, которые возлагались на них разделением артельного труда; например, были кормщики, загребщики, косники и простые, рядовые лямовщики. Каждая артель выбирала из своей среды одного члена, на обязанности которого лежало заниматься приготовлением пищи. Повар этот, приготовив кушанье, нес его на то место, где предполагалось, и тут, по обычаю, громко читал молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» – Затем, обращаясь к артели, делал такого рода воззвание: «Кормщики, загребщики, носники, добрые молодцы – рядовые лямовщики, к нашему юровщику хлеба есть!» Тогда вся артель усаживалась в круг, и юровщик начинал трапезу.

Промыслы, по свидетельству летописного сказания, были так прибыльны, что давали штук по 120 зверя на каждого члена артели. Промысловая добыча, приобретенная таким опасным и тяжелым трудом, сбывалась новгородским скупщикам-спекулянтам, которые назвались «звериные кенти». Кенти эти держали промышленников в экономической зависимости и имели между ними немало кабальных рабочих². Накопившийся запас носил название ужны (имеется в виду провизия, одежда и орудия). Оттого и **пай**, на которые делилась промысловая добыча, также назывались ужнами. Каждый мог принять участие в промысле, лишь стоило доставить какому-нибудь промышленнику ужну,

¹ Ефименко А. Я. Исследование народной жизни Александры Ефименко. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 16.

² Там же. С. 23–24.

т.е. необходимый для промысла запас или соответствующее количество денег, 8–10 рублей. Кто дал ужну, тот имел право на часть из общей артельной добычи, приходящуюся на долю одного человека. Промышленник, который в таком случае назывался покрученником, получал за свой труд только $\frac{1}{4}$ этой части. Кто вносил не целую ужну, а, например, $\frac{1}{2}$ ее, тот получал право на $\frac{1}{2}$ пая.

Артели для так называемого весновального тюленьего промысла состояли из четырех человек; во главе такой артели стоял кормщик, которому остальные обязаны были повиноваться. Часто такую артель составляли покрученники, состоящие на ужне у разных хозяев. Хозяева старались, чтобы артели составлялись именно таким образом, рассчитывая на лучшую гарантию от утайки со стороны покрученников.

Отношения покрученников и хозяев были патриархальными и отличались удивительной честностью, случаи утайки денег при бесконтрольных сделках практически не встречались. По существовавшему обычаю, хозяин не должен был есть отдельно от покрученников, и во время трапезы он подчинялся установившемуся порядку, режет столько равных ломтей, сколько в артели людей, включая и себя, так что все получают хлеба поровну (исключения делаются для мальчиков лет 15–17, которых берут на промыслы, тем иногда хозяин прибавляет хлеба даже против доли покрученников); поровну же едят и похлебку, причем хозяин берет первую ложку, за ним остальные по очереди берут по ложке, и хозяин начинает снова. «Эти по-видимому ничтожные обыкновения имеют большой смысл и значение на промыслах, они предупреждают много взаимных неудовольствий, которые иначе неминуемо возникли бы, так как промышленники во время своих трудных и опасных занятий принуждены бывают наблюдать строгую экономию в пище, чтобы не страдать от недостатка ее в случае несчастья, например, если их отнесет на льдинах в открытое море»¹.

¹ Там же. С. 38.

Иногда, до начала промыслов или во время них, несколько артелей соединялись, чтобы промыслить сообща, — такое соединение артелей называлось ромшей. Во время же самого промысла, на море, ромши соединяются в еще большие артели, в бурсы. Составление ромш и бурс делается по инициативе хозяев артелей, и союз закрепляется тем, что все члены всех артелей, как хозяева, так и покрутки, молятся вместе Богу — постоянный способ скрепления договоров. «Соединение в ромши и бурсы обязывает всех членов этих союзов помогать друг другу во время промысла, главным образом при самой трудной части его, выволочке юрков (кожи с салом убитого зверя). Хозяева всех отдельных артелей держат между собой совет, который определяет ход промысловых работ, например, по сколько юрков взять на человека для выволочки, в какой ветер идти искать новой залежи зверя и проч. Весь зверь, добытый после соединения в ромши и бурсы, делится поровну между артелями, но добытое раньше изъято из дележа. Соединяются в ромши и бурсы собственно только для производства промыслов, в остальном артель сохраняет свою отдельность, например, съестные припасы остаются у каждой артели свои, и она ест отдельно»¹.

Доход от промысла распределялся часто далеко не так справедливо, как этого можно было бы желать. Форма артели, основанной на покруте, передавала все выгоды в руки хозяина, оставляя покрученников в вечно обязательных отношениях к своим хозяевам, так что участие их в выгодах предприятия оказывается совершенно номинальным, и сами они сводились на степень простых рабочих, связанных с хозяином условиями найма, да еще такими условиями, которые и определяют то в значительной степени произволом хозяина. «Правда, хозяин несколько стесняется обычаем в определении части, какую получает из промысла его покрученник; но он волен назначить

¹ Ефименко А. Я. Исследование народной жизни Александры Ефименко. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 41.

какую ему угодно цену за промысловую добычу, которую покрученник обязан ему продать, волен вместо денег расплатиться съестными припасами также по произвольно назначенной цене»¹.

Приведем также небольшой тезаурус котляных терминов, встречающихся в разных артельных промыслах. Тезаурус выполнен на основе *«Исследований народной жизни»* замечательной русской научной подвижницы XIX столетия **Александры Ефименко**.

В моржовом промысле

Кормщик – глава морской промышленной артели, главная распорядительная власть на судне, управляющий плаванием.

Полукормщик – помощник кормщика, второй по старшинству в артели.

Полууженщик – третий по старшинству в артели.

Наместник – уполномоченный хозяина, главная исполнительная власть на судне, на обязанности которого лежит битье зверя.

Рядовые промышленники, покрученники или покручники – остальные члены артели.

Покрута – род артели, где хозяин представляет капитал, а остальные члены артели – труд.

Котляна – соединение нескольких артелей для общего промысла.

Плотная котляна – соединение нескольких артелей на все время промысла.

Смашная котляна – соединение нескольких артелей для одного случая.

Участок или ужна – пай в промысловой добыче.

В тюленьем промысле

Юровщик – глава артели или ромши.

Кормщики, загребщики, носники – члены артели, исполняющие особые обязанности.

¹ Там же. С. 54.

Рядовые лямовщики, уженщики или уженники – остальные члены артели.

Ромша – соединение нескольких артелей для общего промысла.

Бурса – соединение нескольких ромш для общего промысла.

В белужьем промысле

Кормщик – глава артели.

Половинщики – участники в одном пае.

Ромша – артель, употребляющая обметный невод (название, употребляемое на Онежском берегу).

Бурса – название той же артели, как и предыдущая, употребляемое на остальных берегах.

3. Строительные артели (плотники и каменщики, судостроение)

Ассоциации строителей известны издревле. На Руси бурный рост деревянных и каменных построек совпадает с периодом христианизации. Со временем распространения христианства кирпичное мастерство прилагалось долгое время исключительно к сооружению церквей. Главные архитекторы и художники были, как правило, из греков, но сами постройки церквей производились при посредстве русских плотников, каменщиков и столяров. Это подтверждается рассказом о создании киевской Десятинной церкви¹ в конце X века. Перед освящением соборной церкви в Печерском монастыре недоставало каменной доски для престола, кто-то тайно пожертвовал и положил эту доску в алтаре; игумен с братией долго и напрасно искали жертвователя.

¹ Десятинная церковь Успения в Киеве, первая русская каменная церковь, возведенная на Руси Владимиром Святым в 989 году. См.: Русские монастыри и храмы: Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2010. С. 164.

Наконец решили послать *«тамо, идеже делаются таковыя вещи, 3 гр. серебра, да тоя мастеръ возьмет за свой трудъ»*¹. Но пожертвовавший мастер так и не объявился. Из этого случая можно сделать предположение, что в то время были уже мастерские и особые близкие артели формы, занимавшиеся постройкой каменных зданий.

Во II части мы уже приводили пример из истории русского плотничества, связанный с князем Изяславом Ярославичем (XI век), который, по летописному свидетельству, призвал *«старейшину древоделямъ»* и построил с помощью союза древоделов церковь в сжатые сроки². *«Старейшины древодельскы»* в плотничьем деле упоминаются на протяжении продолжительного периода X–XV веков. Следовательно, были какие-то артели, союзы плотников, которые работали под руководством «старейшин», судя по названию, лиц выборных. Одно из известий XII века указывает, что строительные рабочие порою организовывались в «братии», а сообщение от XIII века определенно говорит, что «братство» присуще и другим ремесленникам, например, кузнецам, ливцам, древоделам и т.д. Одно летописное известие зафиксировало любопытный момент постройки здания, когда рабочий хотел уйти в трактир с места работы; по-видимому, только общий руководитель работ, «строитель», имел право дать разрешение простому рабочему, «плотнику», уйти в «винницу». Строитель – это тот же «старейшина», который позднее, в XV веке, встречается под наименованием мастера. Так, в 1420 году псковичи *«наняша мастера Феодора и дружину его побивать церковь»*³. Эти организации имели свои орудия труда, свой материал. Например, в 1435 году Псков,

¹ Лавр. 65. Цит. по: Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 102.

² Речь идет о церкви во имя блаженных страстотерпцев князей Бориса и Глеба. Цит. по: Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 87.

³ 2 Псков., 6928 г. Приводится по: Гессен В. Ю. К истории ремесленного труда в Древней Руси (10–15 вв.) // Архив истории труда. 1922. Кн. 4. Ч. 1. С. 54–55.

порядившийся с плотниками на постройку нового моста, условился, что балки поставляются рабочими (ремесленниками), а быки и дубовый лес – городом¹.

Из-за частых пожаров промысел плотников был весьма выгоден. Существование лодок, деревянной посуды, мер, телег, саней и проч. указывает на присутствие в Древней Руси особых судостроителей, столяров, бондарей, колесников. Известно, что еще до Крещения Руси торговые отношения с Византией и военные набеги русских на Царьград (Константинополь) производились на кораблях и лодках – здесь-то и находило себе плотническое ремесло большое применение. Разнообразие морских и речных судов у русских потрясает воображение. Кроме больших военных или торговых судов были популярны *учаны*, *мишаны*, *паузски* и т.п. К XIV веку появляются *ушкуи*, легкие лодки, на которых разгуливали новгородские разбойники по Балтийскому морю, по Волге, Каме и Вятке². Многочисленные судостроительные работы выполнялись мастерами-плотниками, в том числе организованными в союзы.

В условиях средневековой Руси (X–XV века) купцы пользовались преимущественно водным путем; это вызвало необходимость в значительном количестве разнообразных судов и лодок, для чего требовались рабочие самых различных специальностей; *«не ставится корабль без гвозди»*, весла надо тщательно обтесывать, делать уключины и т.д. Создается специальность – кораблестроительство, а плотник, занимающийся подобными работами, начинает носить именование *корабльчий*. Кораблестроение – это одно из важнейших направлений плотнического ремесла, корабльчий – квалифицированный специалист: постройка судов, выделка весел и др. частей, особенно подводных, требовала знаний далеко не одного только

¹ Гессен В. Ю. К истории ремесленного труда в Древней Руси (10–15 вв.) // Архив истории труда в России. 1923. Кн. 8. С. 184.

² Аристов Н. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 97.

древообделочного ремесла. Суда и лодки самого различного калибра и типа (ушкуи, лойва, шнеки, галеи и т.д.), выделяемые на Руси с древнейших времен, служили не только торговым, но также и военным целям¹.

Согласимся с Е. Д. Максимовым (Слобожанином), что ко времени возрастания Московского государства (XV–XVI века) плотнический промысел стал природным русским промыслом. «Плотнические артели напоминали собой западные братства свободных каменщиков (*масонов*), в состав которых входили опытные мастера с необходимым числом учеников, исполнявших подготовительную работу... Вся деревянная Россия была застроена русскими плотничьими артелями»². К этому нужно добавить и то, что мелкие деревянные сооружения возводились собственными силами данной местности, так как многие русские люди были по природе отличными плотниками. С умением владеть топором был знаком каждый крестьянин. «Плотничий промысел является таким же типичным для русского народа промыслом, как промысел земледельческий: почти каждый житель самой природой родины вынуждался быть в такой же мере пахарем, как и плотником»³.

Среди русских каменных строителей известность приобрел артельный староста каменного дела второй половины XV столетия Василий Дмитриевич Ермолин. «Самобытная фигура этого русского зодчего, бывшего, как и большинство зодчих того времени, старостой в артели каменного дела, сильно выступает вперед из среды своих современников, работавших на одном и том же поприще»⁴.

¹ Гессен В. Ю. К истории ремесленного труда в Древней Руси (10–15 вв.) // Архив истории труда. 1922. Кн. 4. Ч. 1. С. 49.

² Максимов Е. Д. (Слобожанин М.). Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском кооперативном институте. Изд. 2-е. Боровичи, 1919. С. 25.

³ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Изд. 2-е. Т. I. Вып. 1. (Классификация и определение кооперации) Пг., 1919. С. 79.

⁴ Там же. С. 78.

Ермолин работал в Москве при Иване III. Примерным образцом его каменного зодчества является знаменитый Георгиевский собор (1471 год) в Юрьеве-Польском (Владимирская область)¹.

Подробных описаний артелей каменщиков тех столетий не сохранилось. Любопытные сведения об одной такой артели находим у Н. Калачова со ссылкой на неопубликованный акт XVII века, в соответствии с которым в 1686 году в Москве у некоего колокольного мастера Маторина артель каменщиков сделала себе два погребца *«с жилими на верху полатками, сенями и крыльцами»*. Артель состояла из 14 каменщиков Костромского и Ярославского уездов из числа монастырских и помещичьих крестьян. *«Они рядятся заодно, ручаясь друг за друга круговой порукой. За подробным исчислением и описанием принятой ими на себя работы... говорится, что все припасы должны быть хозяйские, а латки и шайки – каменщиков. Порядная сумма назначена в 105 рублей, из коих взято в задаток 40 рублей, а остальные получают “как понадобится”*. В случае неисполнения каменщиками подрядных работ или даже плохой кладки хозяину предоставляется взять на том из каменщиков, *“кто будет в лицах”*, 200 рублей пени»².

Как и в случае со звероловными и рыболовными артелями, артели плотников и каменщиков не смогли сохранить свое «артельное кредо» при нарастающей капитализации и урбанизации России.

Из нижеприведенной таблицы с анализом ленской артели судостроителей начала XX века³ видно, что *система подряда* четко закрепилась в обозначенное время.

¹ Георгиевский собор в Юрьеве-Польском построен в 1230–1234 гг. В XV столетии значительная часть здания обрушилась. Силами В. Д. Ермолина собор был восстановлен. О самом соборе см.: Русские монастыри и храмы: Историческая энциклопедия / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2010. С. 139.

² Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 9.

³ Таблица составлена на основе: Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. XI. Пг., 1915. С. 182–184.

Артель ленских судостроителей

1. Время и место существования артели (+ ее тип):	Начало XX века – 1910-е годы; река Лена, Бирюльская волость. Артель разовая, иногда сезонная. Либо синхронная, либо отхожий промысел.
2. Ее специализация (цель союза)	Постройка сплавных торговых судов
3. Правовой статус (наличие/отсутствие договора/устава)	Договор с подрядчиком или грузоотправителем, гарантируемый круговой порукой
4. Способ формирования артели (по чьей инициативе учреждена)	Подрядчик + крестьяне
5. Структура управления, проявление хозяйственной демократии, число членов	2–3 семьи + возможные наемные рабочие
6. Насколько свободной/зависимой является деятельность артели (зависимость от кредиторов, от нанимателей, от лиц, предоставляющих средства производства)	При организации артели подрядчик выдает задаток, у него же артель кредитруется в течение срока работы. Оплата производится либо деньгами, либо товаром. Обычно артель остается в долгу и заключает у того же подрядчика договор на новое судно, чтобы отработать долг. Подрядчик, пользуясь зависимостью, вынуждает строить суда по низким ценам. Часто работа в таких артелях разоряет крестьянина, заставляя его продавать свое имущество, в итоге он переходит в ряды батраков или наемных рабочих

7. Наличие наемных рабочих	Артели пользуются наемным трудом для заготовки леса и постройки судов
8. Степень интегрированности с семьей, общиной	В артель, как правило, соединяются члены 2–3 семей. Артели в основном состоят из односельчан
9. Паи и капитал. Разделение труда между артельщиками	Кредит подрядчика. Специализация на отдельных работах отсутствует
10. Оплата труда (от чего зависит, есть ли разница в оплате труда различных артельщиков)	По возможности, равная
11. Организация приобретения сырья и сбыта продукции	Лесом артель снабжает подрядчик, он же платит за готовое судно
12. Проблемы и причины ликвидации деятельности артели	После постройки судна артель, как правило, распадается
13. Другая значимая информация (производительность труда и проч.)	Доходность судостроения невысока

Таковы в общих чертах черты строительных артелей дореволюционной России.

4. Сельскохозяйственные артели

Среди сельскохозяйственных артелей условно можно выделить артели для работы по найму, принудительные артельные формы, создаваемые по инициативе поме-

щиков, артели для работы на арендованной и купленной земле, крестьянские артели на общинной земле и артели переселенцев.

Названия для земледельческих артелей в различных регионах страны были разные. Так, например, в одной только Олонецкой губернии в Вытегорском уезде их именовали «сябрами», «артелями» и «местовщиною», в Пудожском – «мисляною», в Волосовской, Троицкой и Устьвельской волостях – «обчиною», в Мошкинской – «общиною»¹.

Артели земледельцев для работы по найму

Самые ранние сведения о существовании артелей земледельцев обнаруживаем у Н. В. Калачова, он упоминает о двух наемных записях от 1700 года, согласно которым в первом случае три семьи нанимались на семь лет, а во втором две семьи – на три года к помещику Григорию Сабанину в его деревню Сычовку Симбирской губернии. Поручаясь друг за друга и обещая возмещать все убытки, которые понесет хозяин по их вине, работники должны были пахать пашню, раздирать залоги, рубить лес, возводить строения, косить сено, возить дрова, жать и убирать хлеб, плотничать и выполнять иные работы. Пахать артельщики должны были на собственных лошадях и жить на своем хлебе. За это они могли распахивать для себя помещичью землю, а хозяин обязывался платить «большим» из них по рублю, «средним» и «малолетним» по полтине, причем деньги были получены сразу за все годы вперед»².

Артели половинщиков и артели с части

Для этого явления существовало несколько названий: «становиться с половины», «браться с мерки, с копы,

¹ Зюрюкин В. Е. Земледельческие артели и товарищества в России. Пг., 1918. С. 18.

² Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 11.

снопа», «скопщина», а также и некоторые другие¹. Как полагал Ф. А. Щербина, артели половинщиков встречались в основном в тех районах, где встречался земледельческий пролетариат, там же, где были распространены малоземельные крестьянские хозяйства, преобладали артели, «производящие свои работы с снопа, с копы или меры»². Хозяева обычно предоставляли в распоряжение половинщиков свою землю, собственные земледельческие орудия и рабочий скот. В «артелях с части» работы ограничивались уборкой хлеба или молотьбой. Работая от снопа, копны или меры, артели могли как пользоваться, так и не пользоваться хозяйскими орудиями и скотом. «Так, съемка хлеба от снопа или с копы производится артелями единственно при посредстве своих рабочих средств и орудий, без всякого участия в этом отношении хозяев; напротив, уборка хлеба с меры, всегда соединенная с молотьбой, непременно производится при посредстве хозяйских орудий и рабочего скота...»³

Артели эти организовывались по типу семьи, в них совершенно отсутствовали какие-либо специальные должности, например старосты, атамана и проч. Почетным положением могли пользоваться лишь опытные и авторитетные артельщики. В артели наряду с мужчинами входили и женщины, и подростки, и даже иногда дети. Нередко такие артели складывались в результате объединения двух или трех семей. Артели половинщиков могли постепенно превращаться в действующие по несколько лет артели арендаторов. «Артели с части» обыкновенно были весьма кратковременными: их срок деятельности ограничивался несколькими неделями или даже днями⁴.

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 263.

² Там же. С. 266.

³ Там же. С. 268.

⁴ Там же. С. 269–271.

Распределение работ в артели напоминало распределение обязанностей в семье. «Каждый член артели, – писал Щербина, – делает столько, сколько позволяют ему силы, и притом те работы, которые ему знакомы ближе других или сподручнее. Какой-нибудь “пацан”, т.е. мальчик, мальчуган, только пасет волов, а “парубок”, взрослый парень, и “за плугом ходит”, и косит, и молотит, и веет, и т.д., и т.д. Между тем как на обязанностях женщины лежит кухня и вообще более мелкие и легкие работы, мужчина исполняет самые трудные операции земледельческого труда». Дележ урожая в равной мере производился между мужчинами, женщины получали в два раза меньше, доля подростков и детей зависела от договоренности¹.

Артели чередников

Чередниками в Малороссии назывались пастухи общественных стад рогатого скота. Стада эти именовались «чѐред» и состояли преимущественно из коров, реже волов. Артели чередников распространены были на Кубани и в Полтавской губернии². (Вообще же Полтавская губерния, как мы увидим далее, славилась тем, что в ней встречалось множество самых разнообразных артелей.)

В большинстве станиц указанных регионов России существовало примерно от двух до четырех черед, и каждая из них включала несколько сотен, а то и более тысячи голов рогатого скота. Череды обычно собирались ранней весной, приблизительно около Благовещения. В это же время чередники договаривались с сельским обществом или той его частью, скот которой они подряжались пасти. Выпас скота продолжался с весны и до глубокой осени, когда начинались заморозки³.

¹ Там же. С. 271–272.

² Там же. С. 306.

³ Там же. С. 308.

«По своему составу, – пишет Щербина, – артели чередников представляют ту особенность, что в состав их входит несколько, от двух до трех, семейств или, по крайней мере, по несколько членов из разных семей. Нередки случаи, когда эти семьи бывают связаны между собой взаимным родством; случается также и противное. Но и в первом, и во втором случаях в состав череднических артелей входят и мужчины, и женщины, и взрослые, и дети. Каждая семья поставляет условное, по возможности равное с прочими семьями, число лиц, и в тех случаях, когда в семье оказывается нехватка таких лиц, она запасается наемными членами... Сообразно с этим и взаимные отношения вступивших в товарищество чередников отличаются своей простотой и немногосложностью и вообще чисто семейным характером». Опять же никаких особых распорядительных должностей в артелях чередников не встречается¹.

Артели чередников пасли скот, который принадлежал общине, поэтому они находились в зависимости от сельского общества и подчинялись сельскому сходу. А потому чередником мог быть только тот, кто пользовался доверием у общины. Выбор чередников осуществлялся на общинном сходе. Если в общине было несколько черед, то каждая череда зависела только от той части домохозяев, чей скот она пасла. «На обязанностях чередников, – сообщал Щербина, – лежит прежде всего хороший и добро-совестный уход за скотом, как то: достаточная выпаска скота, своевременный водопой и пр., – и в этом отношении они ответственны пред целой общиной, которая в случаях провинностей чередников налагает на них штрафы в пользу общественных сумм. Чередники же отвечают – при известных, разумеется, условиях – за пропажу из череды скота, за потравы чередой хлеба, травы и проч.»².

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 309.

² Там же. С. 310–311.

Оплачивался труд чередников частично натурой, то есть зерном, и некоторым денежным вознаграждением. Каждый хозяин должен был платить тем больше, чем большее число его скотины паслось в стаде. Свое вознаграждение чередники собирали самостоятельно, проходя от одного двора к другому, собранные деньги распределялись по количеству семей чередников, участвовавших в общем деле¹.

Косарские артели

Артели косарей получили широкое распространение в южных регионах России (Новороссийский край, Земля Донского войска, Кубанская область, Ставропольская губерния и пр.) с 1860-х годов. Множество крестьян шли на этот промысел для того, чтобы выплатить необходимые податные суммы. В состав артелей обычно входили односельчане или земляки. Великорусские артели косарей состояли из взрослых равноправных артельщиков с выборным старостой во главе. Малорусские косарские артели отличались от великорусских, Щербина указывал на существование у малороссов двух вариантов: «Во-первых, артели с некоторыми признаками древнемалорусской организации с отаманом во главе и, во-вторых, артели, организация которых держится на общинно-семейных отношениях. Первые состояются исключительно из одних взрослых мужских членов, выбирают для заправления своими внутренними делами и распорядками “отамана” и самые их участники пользуются полнейшей равноправностью во всем. (...) В артелях второго рода совсем не существует лица, несущего на себе обязанности отамана или артельного старосты. Обязанности этого рода выполняются двумя или тремя лицами, в числе которых попадает, впрочем, зачастую и так называемый расходчик, т.е. лицо, на обязанности которого лежит закупка прови-

¹ Там же. С. 312.

зии или, по крайней мере, ведение счетов по этой части. Представители эти ведут дела с хозяевами как при найме, так и при окончательных расчетах. Кашеваром или “кухарем” также редко является какое-нибудь постоянное лицо; чаще обязанность этого рода исполняется поочередно, и только тогда, когда она исполняется женщиной, обязанность эта превращается в своего рода специальность, лежащую на одном лице. Женщины в малорусских артелях этого рода составляют довольно значительный процент, и на обязанности их лежит обыкновенно “гребовица”, вязка снопов и киданье сена в стога и копны, причем эти две последние работы производятся большей частью вместе с мужчинами¹. В состав артелей косарей нередко входили и мальчишки-подростки, обычно они получали вознаграждение, равное с вознаграждением женского труда, мужчины же обычно получали в два раза больше.

Однако «отаман» в малорусских косарских артелях вовсе не обязательно являлся главой артели, это мог быть просто косарь, отличающийся от других своим мастерством и умением. Для того чтобы выявить косарей, достойных звания «первого отамана», проводились специальные состязания. «Для состязания партиями обыкновенно выбирается по лучшему косарю из среды своей, и каждый такой косарь носит название отамана. Тот, кто выкашивает в назначенное время большое количество сена, считается “первым отаманом” между всеми партиями и выигрывает для себя и своей партии приз, состоящий обыкновенно из полведра или четверти водки, которую покупают проигравшие отаманы и их партии»².

Объединения малорусских косарей различались также по степени их сплоченности, более свободный характер носили союзы косарей, они по сути играли роль профсоюзов;

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 243–244.

² Там же. С. 238.

непосредственно же артели предполагали совместный труд и более тесное взаимодействие членов.

Смысл союзов заключался «в поддержке заработной платы на известном уровне, и затем – застраховка отдельных рабочих при самой работе от различного рода незаконных поползновений со стороны хозяев». При этом каждый косарь работал только на себя и заключал договор индивидуально с работодателем. Обычно члены союза косарей вместе питались, а также поддерживали друг друга в случае болезни. Такие союзы включали в себя несколько небольших партий по 2–4 человека. На время партии могли расходиться и работать в разных местах и лишь во время попоек и при отстаивании поденных цен на базарах, где осуществлялся наем работников, эти группы выступали как единое целое¹.

Собственно артели представляли собой объединения от трех до пятнадцати и более человек. Они занимались уборкой хлеба и сена, такие работы назывались работами «от десятины», «с круга» или «с ланка». Артели производили работы на своих харчах, покупая их самостоятельно или беря у хозяев в счет будущей получки. Некоторый необходимый для работы инвентарь, как то: косы, «бабки», брусья, молотилки – должны были иметь сами косари. Быки, возы, бочки и ведра для воды, грабли и вилы (а иногда брусья, бабки и молотилки) всегда предоставлялись хозяевами². Объединение косарей в артели спасало их от произвола и притеснений работодателей. «Малейший повод, нарушающий права отдельных членов, неудовлетворительность пищи, непосильная работа, руготня какого-нибудь приказчика или хозяина – все это вызывает в среде малорусских кругов особенное единодушие и солидарность, и малороссы в большинстве таких случаев со свойственным их характеру пассив-

¹ Там же. С. 241–242.

² Там же. С. 241–243.

ным протестом бросают работы без всяких слов и разговоров, бросают все без исключения, и или добиваются таким путем удовлетворения заявленных нужд, или же ищут нового хозяина»¹.

Артели нежинских табачниц или половинщиц

В радиусе примерно 50 верст от города Нежина Черниговской губернии были чрезвычайно распространены артели незамужних женщин, занимавшихся возделыванием табака. Другое их название – артели половинщиц, так как они нанимались убирать урожай за его половину, которая отходила в итоге им самим. То, что в артели входили именно незамужние женщины, вероятно, было неслучайно, подобные артельные объединения были распространены и у великороссов, и это являлось отголоском существования в глубокой древности у славян деления общины по половому признаку на женские и мужские союзы. Артели носили сезонный характер и действовали с середины апреля до середины ноября. После посадки табака и до момента сбора урожая табачницы имели свободное время для подработки на других работах в городе.

При основании артели обыкновенно между двумя-тремя табачницами и землевладельцем подписывался договор, который определял условия работ и дележа. Далее табачницы, заключив договор, подбирали необходимое количество дополнительных работниц. В среднем артель составлялась из 6–9 девушек.

Внутри артели царило полное равенство, не было ни особых должностей, ни официальной главы союза. «Свою солидарность табачницы выражают так: “Мы как овцы, куда одна – туда и все”». Тем не менее в каждой артели была «старшая», но у нее были такие же обязанности, как

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 237.

и у всякой другой, а вся власть ее ограничивалась «одним нравственным влиянием»¹.

Владелец предоставлял половинщикам сараи для сушки табака, избы для проживания, удобренную и огороженную землю. Разница была только в обеспечении артельщиц продовольствием, она зависела от расстояния до той или иной плантации: на ближайших к городу Нежину плантациях табачницы сами обеспечивали себя провизией, на среднем отдалении они могли получить от владельца земли половину необходимого продовольствия или его стоимости, а вдали от Нежина – обычно выговаривали себе полное хозяйское довольствие. Помимо того артельщицы за дополнительную отработку или даром получали от хозяина огород для выращивания овощей для собственного стола.

Равенство в оплате труда достигалось благодаря тому, что в артель подбирались женщины с относительно равными способностями. Заработок составлял от 30 до 50 рублей, а после повышения цен на табак в 1872 году заработки увеличились вдвое. Многие артели выработали по 100 и даже по 150 рублей на члена! Если артель не успевала выполнять всех работ, то дополнительно нанимала недостающих работниц. Оплата их труда зависела от предварительного соглашения. Ликвидировались артели осенью после раздела урожая, хотя костяк объединения мог в будущем сохраниться.

Труд артелей был более производительным и оплачивался лучше по сравнению с трудом табачниц, в артели не входивших. Исследователь артелей табачниц А. Шликович утверждал, что затраты на одну десятину табачной плантации при обработке наемными рабочими были значительно больше затрат при работе половинщиками, соотношение получалось 100 к 38. Однако валовой доход с одного и того же пространства при работе половинщиков вдвое меньше, чем при работе наемных рабочих. Но еди-

¹ Сборник материалов об артелях в России. СПб., 1874. Вып. 2. С. 254.

ница капитала при обработке артелью давала больший результат при равном количестве занятых рук¹.

Артели граборов

В «Письмах из деревни» у А. Н. Энгельгардта встречается достаточно подробное описание артелей граборов, он называет их даже «интереснейшим» и «интеллигентнейшим» типом рабочих. Граборы представляли собой землекопов и занимались рытьем канав, прудов, погребов, отсыпкой плотин, выкапыванием торфа, перекапыванием садов и огородов, отделкой парков, а при случае могли и косить, и молотить, и т.д. Основными их рабочими инструментами были заступ и тачка².

Граборы нанимались на работы только в строго определенные периоды: с 25 апреля по 1 июля и с 25 августа по 22 октября. Июль и август граборы отрабатывали в своих хозяйствах, не желая растрачивать ценное для крестьянина время, когда заготавливалось сено и убирался хлеб. Весной рядчики из граборской среды отправлялись на поиски работы. Найдя работу, определив ее характер и объем, рядчик договаривался с хозяином насчет цены и в условленное время для начала работ являлся уже вместе с артелью. Питание у граборов было собственное, его приготовлением занимался либо кто-то из их же среды, либо, в случае, если артель была большая, держали кухарку. Рядчик работал наравне с другими граборами, но помимо того он вел все дела с хозяином, получал харчи и расчет.

В случае, если артели граборов приходилось заниматься обустройством большого и богатого поместья, то по своей численности она могла составлять более сотни человек. Однако в пореформенное время, когда поместья стали разоряться, граборы действовали в основном артелями по 5–10 человек. Заработок граборов доходили до 35 и более

¹ Сборник материалов об артелях в России. СПб., 1874. Вып. 2. С. 251–256.

² Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010 С. 287.

рублей на человека, такая сумма позволяла и уплатить повинности, и даже брать в аренду луга для сенокоса.

Энгельгардт ценил работу граборов за ее высокое качество. «...Настоящий грабор, – писал он, – отлично определит, как нужно провести канавы, чтобы осушить луг, отлично спустит воду, сделает запруды и стоки, чтобы наименее дорогим образом исправить худое место на дороге... вычислит емкость вырытого пруда (для этого всегда в артели есть особенный умственный человек), поставит лизирки, чтобы нивелировать местность. Замечательно еще и то, что граборы обладают большим вкусом, любят все делать так, чтобы было красиво, изящно. Для работ в парках и садах, при расчистке пустошей, если кто хочет соединить полезное с приятным, граборы – просто клад. Даже немцы-садовники, презирующие “русски свинь мужик”, дорожат граборами. В самом деле, стоит только сказать грабору, чтобы он так-то и так провел дорожку, обложил дерном, перекопал клумбу, сделал насыпь, сточную канаву, и он тотчас поймет, что требуется, и сделает все так хорошо, с таким вкусом, с такою аккуратностью, что даже немец удивляться будет»¹.

Для граборов важно было поддерживать хорошую репутацию собственной артели, ибо от этого зависел и их заработок. «В артели граборы, – свидетельствовал Энгельгардт, – всегда отлично ведут себя, ни пьянства, ни шуму, ни буйства, ни воровства, ни мошенничества. Артель не только зрит за своими членами, но, оберегая от всяких подозрений свою добрую славу, наблюдает и за всем, что делается в усадьбе, дабы не случилось какого воровства, подозрение в котором могло бы пасть на граборов»². Конечно, нельзя было назвать граборов отъявленными трезвенниками, но все же пьянство было ограничено и не должно было мешать работе: «Все граборы пьют охотно, любят выпить и когда гуляют дома, то пьют много, по-русски, несколько

¹ Там же. С. 288.

² Там же. С. 295.

дней без просыпу, но в артелях ни пьяниц, ни пьянства нет. Никто в артели не пьет в одиночку, а если пьют, то пьют с общего согласия, все вместе в свободное время, когда это не мешает работе. Поступая, например, на работу, пьют “привальную”, оканчивая работу, пьют “отвальную”, и тут пьют здорово; во время же работ пьют по малости, когда холодно, сыро и есть особенно трудная работа»¹.

Артели земледельцев для работ в бывших помещичьих хозяйствах

Н. В. Калачов приводил пример артелей, действовавших в его саратовском имении в пореформенное время после введения уставных грамот. Артели эти занимались пашней, сенокосами, жнитвом и возкой снопов. «В саратовском нашем имении, — сообщал ученый, — на пашню нанимается у нас обыкновенно целое сельское общество на таком условии, что, получив задатку по рублю серебром на каждую десятину, по числу всех десятин, снятых крестьянами, они вслед за тем приступают к парке, весенней или осенней, а когда приходит время пашни и посева, то по первой повестке принимаются за пашню, бороньбу и посев и только по окончании всей работы в полной исправности получают следующие по найму остальные деньги. При этом помещику нет дела до отдельных рабочих: он требует лишь хорошей работы и исполнения ее во всем условленном количестве, а наблюдение за всем остальным, как то: за теми, кто именно дурно работал, кто не вышел на работу, как заменить того, кто не в состоянии отпахать свои десятины, — есть дело мира. Покос и жнитво исполняются, напротив, небольшими артелями, которые, впрочем, отвечают за исправность всех и каждого товарища и без того не получают следующих денег. Возка снопов делается опять большей частью целыми обществами, и эту работу принимают иногда на себя не только сельские

¹ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010 С. 295.

общества наших бывших крестьян, но и сторонних помещиков. В пензенском нашем имении точно так же самая значительная часть полевых работ исполняется товариществами бывших крепостных крестьян в том же имении, с которыми заключаются для того письменные условия, свидетельствуемые в волостном правлении»¹.

Весьма распространенной являлась практика работы «с круга», или, иначе, обработка «гнезда». Крестьяне трудились на бывших помещиков, отрабатывая ранее сделанные займы, ради возможности пользоваться сенокосами, выгонами и прочими необходимыми им земельными ресурсами, находившимися в помещичьей собственности. Вот что об этом в «Очерках русской жизни» писал известный публицист XIX столетия Н. В. Шелгунов: «Гнездовая обработка заключается в том, что несколько семейств составляют артель и за условную плату обрабатывают известное пространство земли, которое и называется “гнездом” или “кругом”. В круге обыкновенно бывает три десятины земли – десятина озимая, десятина яровая и десятина луговая. За обработку крестьяне кроме денег получают или сенокос, или выгон, или право пастбы. Для землевладельца такой способ обработки очень выгоден: не нужно ему иметь ни плугов, ни сох, ни борон, ни лошадей, ни кос, ни грабель. Все это привезут, принесут и приведут крестьяне свое собственное... В нашей местности (Смоленская губерния. – *Прим. авторов*) обрабатывают этим способом все землевладельцы, даже такие, у которых земли более 1000 десятин. В окружности 50 верст у нас живут 15 владельцев, и все они, кроме одного, сдают землю “гнездами”. Владелец же, не заботясь ни о чем, может, как и при крепостном праве, сидеть спокойно у себя дома и курить папиросы или же выехать в поле только для прогулки». За обработку такого «гнезда» мужики брали 20–30 рублей².

¹ Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 46–47.

² Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни. СПб., 1895. С. 4.

Опыт создания принудительных артелей

Одна из известных принудительных артельных организаций была создана в селе Миловидове под городом Сумы помещиком Н. С. Стремоуховым примерно в 1814–1815 годах. Всю землю поместья (как собственную, так и крестьянскую) он разделил на «уделы», каждый такой удел обрабатывался артелями, они именовались здесь «дружинами» или «сохами», состоявшими из 25 человек. Все работы дружины выполняли под надзором старшего, которого называли «дружинным» или «соховым». Две дружины, чьи уделы были соседними, образовывали посад, во главе него стоял «посадский», назначаемый помещиком. В работах посадский не участвовал, а лишь только надзирал. Три посада (шесть дружин) возглавлялись вотчинным старшиной, он также назначался помещиком и подчинялся ему. Однако существовали должности, на которые людей избирала сама община. Это судья, ключник или артельщик, токовой или гуменной. Из дружинных судей формировался общий «суд справедливых».

Скот содержался на общем скотном дворе. Урожай делился между помещиком и крестьянами пополам. Причем из половины помещика шли деньги на уплату крестьянских податей, расходы на семена, разнообразные постройки. Известно, что доходы и крестьян, и помещика со временем росли. Такая принудительно-артельная форма продержалась в имении Стремоухова 15 лет¹.

Принудительную «артельную» организацию ввела в своем имении графиня Разумовская в 1820 году. Это имение, насчитывавшее 7093 крестьянина, перешло графине в разоренном состоянии, поэтому для поддержания обедневших крестьян было решено ввести организацию, внешне схожую с артельной. В нее вошло 520 семей, и хотя через 12 лет 90 семей оправилось от бедственного положения и вышло из

¹ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 166–167.

«артели», все же в ней продолжала оставаться еще 431 семья. На помощь «артельщикам» было израсходовано 13 тыс. рублей, за 12 лет артельный капитал вырос до 44 тыс.¹

Известны также сходные с описанными выше опыты создания принудительных артелей помещиком Вилькинсом в конце XVIII века в Рязанской губернии и помещиком Акинфом Жуковым в Балашовском уезде Саратовской губернии². И хотя с хозяйственной точки зрения подобные опыты, по сведениям, которыми мы располагаем, заканчивались успешно, все же их принудительный характер вел к тому, что, проработав в «артели» и укрепив свое личное хозяйство, крестьяне стремились освободиться от навязанной им организации.

В 1840-е годы в 70 верстах от Киева в местечке Ржищев помещик решил передать своим крестьянам, которых насчитывалось 800 душ, землю в арендное пользование. Переданное поле крестьяне должны были обрабатывать всей общиной и выплачивать помещику оброк. Первоначально для того, чтобы стимулировать крестьян, помещик снизил арендную плату и разрешил вносить ее по третям, а также отдал им засеянное озимыми поле. Яровое крестьяне засеяли, взяв семена со всех хозяев в виде займа. Первый год выдался для артели тяжелым, крестьянам пришлось даже занимать деньги под проценты, однако в последующие годы дело пошло успешнее: долги были возвращены, и хозяйство стало приносить прибыль. «В Ржищеве существовали правила, установленные с общего согласия крестьян и владельца имения. Этими правилами требовалось: избирать из среды крестьянского общества, смотря по надобности чрез известный срок, двух выборных или старшин, которые имели значение общих представителей хозяйства или арендаторов. На них лежала обязанность заведовать всем хозяйством, распоряжаться полевыми работами, назначать работ-

¹ Там же. С. 168–170.

² Там же. С. 168, 170.

ников сообразно инвентарю, который дается ежегодно им от экономии, взыскивая за неисполнение работ; они же отвечали за распоряжение в хозяйстве, за неисправность взноса податей и арендной суммы, за побег крестьян и нерадение в их отдельных хозяйствах; словом, они отвечали за все, что относилось к невыгодам общества и его обязанностям.

Как помощник, для них назначался из вольных людей писарь или эконо́м. На нем лежала обязанность вести прихода-расходные книги. Писарь, кроме провизии и прислуги, получал жалованье из общего дохода.

Кроме писаря назначались еще четыре смотрителя при работах на гумне, от этого один из смотрителей назывался “гуменный”, а остальные – “эссаулами”. Все свободны от общественных повинностей и получают, как вознаграждение за должность, обувь и деньги на уплату податей. Писарь ведет прихода-расходные книги со слов старшин, а гуменный ведет свой особенный счет, и затем происходит проверка. Такая проверка делала известными все приходы, расходы, займы, а также и то, кто отбыл свои повинности и кто не отбыл; а это давало возможность избегать многих злоупотреблений. Старшины не получали никакого вознаграждения, кроме долей из общих выгод хозяйства, потому что эта должность считалась выборной и каждый обязан был отбыть ее известное число лет; но зато они освобождались от повинностей и общественной барщины и выбирались всегда из лучших хозяев, известных своей честностью.

Старшины не пользовались самостоятельностью в управлении хозяйством. В случаях важных, как-то: при продаже продуктов, доставке их, при раскладке податей, при умолотной пробе, после уборки хлеба – созывались лучшие из хозяев для совещаний. Неисполнение этого правила или даже отступление от него считалось злоупотреблением, за которое старшины подвергались ответственности пред обществом и даже наказанию. Деньги, выручаемые за продажу продуктов, должны были храниться у старшин».

«Не менее важным условием в этой хозяйственной ассоциации было то, что каждый, кто только не хотел лично участвовать в общественных работах, тот мог внести сумму от 7–16 руб. в год, смотря по числу работников, и быть свободным от общественной барщины, не лишаясь при этом права на получение части из доходов хозяйства. Нужно, впрочем, заметить, что этим правом воспользовались немногие, именно: не более пяти семейств...»

«При такой постановке дела все повинности общины отправлялись исправно. Наряд подвод, поправки дорог, починки мостов и плотин совершались своевременно и прочно. Деньги за подати вносились также своевременно, а иногда даже вперед»¹.

Артели земледельцев на собственных земельных наделах

А. А. Николаев определял трудовую и демократическую производительную кооперацию в сельском хозяйстве как «добровольный и самоуправляющийся союз лиц, составленный с целью вести сообща и личным трудом, при равенстве всех участников, полное земледельческое хозяйство или обслуживать отдельные и специальные его отрасли»². Но добровольность встречалась далеко не во всех артелях, например она как таковая отсутствовала в армейских и арестантских союзах. Самоуправление, или хотя бы его элементы, были присущи всем артелям, оно являлось их основополагающей чертой, и в этом Николаев не ошибся.

Положение артелей в сельскохозяйственной отрасли А. А. Николаев считал более благоприятным, чем в промышленности³. В обоснование своей точки зрения он при-

¹ Земледельческие артели (ассоциации). Киев, 1876. С. 33–36.

² Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Изд. 2-е, переработанное и дополненное автором. Т. 1: Вып. I. Классификация и определение кооперации. Пг., 1919. С. 79.

³ Там же. С. 84.

водил ряд аргументов: 1) капиталистические предприятия в сельском хозяйстве в то время отсутствовали; 2) возможным было постепенное развитие хозяйственного предприятия; 3) вполне допускалась раздробленность сельскохозяйственного капитала на части; 4) кооперация могла охватывать только отдельные стороны хозяйства; 5) средством производства здесь являлась земля, под залог которой мог быть предоставлен кредит; 6) капитал, вложенный в землю, возрастал «благодаря производительному труду, прилагаемому к ней, и мелиорационным работам, производимым на ней»; 7) борьба за сбыт сельскохозяйственной продукции не была столь острой, так как в ней было заинтересовано все население; 8) часть продуктов потреблялась самим кооперативом; 9) легче устанавливалась дисциплина, «так как мотивы для распределения работ подсказываются самой природой»; 10) «мелкий сельский хозяин оказывается жизнеспособнее крупного сельскохозяйственного предприятия» (вероятно, такая точка зрения была сформирована под влиянием роста крестьянского землевладения после отмены крепостного права и уменьшения помещичьих хозяйств. – *Прим. авторов*); 11) «всякое крупное хозяйство поставлено, прежде всего, неблагоприятно по отношению к участкам, отдаленным от хозяйственного центра данного предприятия»¹. Тем не менее масштабный рост земельных производителей артелей начался только после революции 1917 года, до этого в большом количестве встречались лишь наиболее примитивные союзы земледельцев.

Артели для расчистки новых земель под пашню

Расчищать земли под пашню являлось делом весьма трудоемким, здесь сил одной крестьянской семьи часто

¹ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Изд. 2-е, переработанное и дополненное автором. Т. 1: Вып. I. Классификация и определение кооперации. Пг., 1919. С. 85–90.

не хватало, поэтому земледельцы соединялись в артели и производили расчистку общими усилиями. В Воробьинской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии крестьяне сообща расчищали лядины (лесные участки под пашню): «Каждый домохозяин выставляет обыкновенно с этой целью определенное число работников, столько, сколько и всякий другой, и если при этом у него не хватает в семьях рабочих рук, то в таком случае он нанимает недостающих работников на стороне. Каждый участник харчуется на свой счет; на свой счет участники содержат также и необходимые орудия труда. Сообща участники рубят лес и “катят” новину, сообща сеют, внося каждый приходящуюся на него долю семян, сообща жнут и возят хлеб, сообща затем молотят и окончательно обмолачивают зерно. В конце концов они делят на равные доли как само зерно, так и солому и другие получающиеся при молотье побочные продукты, и каждый получает свою совершенно равную с другими часть. Этим и оканчиваются взаимные обязательства членов общины»¹.

В Олонецкой губернии практиковались артели для ведения подсечного земледелия: «Согласившись работать вместе, крестьяне идут в лес, сообща выбирают место подсеки, назначают, по сколько “топоров” (под термином “топор” разумеется взрослый человек, могущий работать топором; два подростка составляют один “топор”; женщина на подсеку идет на одинаковых правах с мужчиной) должно явиться на работу, сообща рубят на первый год лес, в следующий год сжигают его, обносят изгородью, сеют все поровну, боронят, назначают для жатки своих баб и делят или сжатый хлеб снопами, или же обмолоченный уже зерном по количеству топоров или семейств»². Обычно в такие артели соединялись две-три и более семей.

¹ Николаев А. А. Трудовые земледельческие артели. Тверь, 1919. С. 59–60.

² Куликовский Г. П. Из общинно-артельной жизни Олонецкого края. Петрозаводск, 1897.

Работы, осуществляемые силами крестьянской общины артельно

А. А. Николаев сообщал, что в общинах Орловской, Тамбовской, Вологодской, Петербургской, Архангельской, Псковской и других губерний крестьяне косили луга артельно, которая составлялась из жителей всей деревни, а сено они делили между собой.

Крестьяне соединялись в артели и для осушки болот. Так, в Туксинской даче Олонецкого уезда «более 800 крестьян соединились на общую работу и, в четыре года осушив огромный участок, получили прекрасный сенокос», которым стали пользоваться сообща. В селе Якимском Ярославской губернии крестьяне, чтобы осушить болото, соединенными силами прорыли канаву в 5 верст длиной.

Известно, что крестьяне объединялись для общих работ по орошению полей, садов и огородов, такая практика была в Забайкалье. Силами всей деревни осуществлялся покос камыша в Днепровском уезде Таврической губернии и в Миргородском уезде Полтавской губернии. В Горбатовском уезде тысячи крестьян окопали канавой общественный лес. В Орловской волости Архангельской губернии жители пяти деревень объединились в артели, чтобы ликвидировать в окрестностях ядовитые травы¹.

Крестьянская артель в Бессарабии

В 1863 году была организована артель в одном из сел Сорокского уезда в Бессарабии. Началось все с того, что несколько групп крестьян решили помогать друг другу в обработке наделов. Помощь при основании союза оказал один молодой помещик². Помещичье хозяйство, где земля обрабатывалась сразу несколькими работниками и давала большие урожаи, наглядно демонстрировало крестьянам преимущества коллективного труда. Помещик обеспечил

¹ Николаев А. А. Трудовые земледельческие артели. Тверь, 1919. С. 60.

² Там же. С. 19.

крестьян зерном для посева, он также побудил земледельцев построить общее гумно. Общими усилиями урожай был собран, зерно обмолотили силами всей общины. Урожай разделили по числу рабочих рук в каждом семействе, включая сюда женщин и детей. Неразделенной осталась часть зерна, предназначенная к посеву на будущее, а также и другая часть – на продажу. После продажи зерна крестьянам удалось выручить 560 рублей серебром. По общему решению на эти средства было арендовано несколько десятин земли, а также организована мелочная лавочка для приобретения самых необходимых в хозяйстве предметов. Товары в лавку закупались по оптовым ценам, а наценка при продаже артельщикам была всего 2%, тогда как частные торговцы накидывали по 20%. Торговля принесла небольшую, но заметную прибыль, и артельщики приняли решение организовать сверх того питейное заведение. По результатам второго года была получена прибыль в 1000 рублей серебром. Крестьяне организовали школу и ветряную мельницу. За счет увеличившихся доходов были выплачены недоимки по земельным налогам тех хозяев, кто не мог их заплатить. Впоследствии артель обзавелась общим двором для скота, где собирали навоз для удобрения наделов и огородов, была учреждена ссудная касса с капиталом в 2000 рублей серебром. Коллективный труд позволил гораздо скорее выполнять земледельцам работы, и они получили возможность в свободное время подрабатывать у соседних помещиков, а это, в свою очередь, дало им дополнительные средства для приобретения орудий труда и улучшения благосостояния¹.

Еще два примера крестьянских артелей на надельной земле приводил В. Е. Зюрюкин. В селе Лох Саратовской губернии крестьяне сообща сеяли на двух десятинах капусту и подсолнечник, работая на артельном хозяйстве лишь по праздникам. Доход от предприятия решено было использовать для дальнейшего расширения совместного хозяйства.

¹ Там же. С. 19–25.

Получив опыт взаимодействия, крестьяне решили в дальнейшем взять в аренду мукомольную мельницу сроком на 12 лет. Другая артель, в деревне Малые Святицы Новгородской губернии, начала свою деятельность с устройства общей пекарни и столовой, затем крестьяне устроили общий скотный двор и стали сообща удобрять поля, сеять хлеб и травы. Приучаясь действовать вместе, получая первоначальный положительный опыт, крестьяне обычно продолжали расширять масштабы своей деятельности¹.

Шуваевская артель в Вятской губернии

В 1902 году в деревне Шуваевская Ракаловской области Слободского уезда Вятской губернии была основана артель на надельной земле общины. Шуваевские крестьяне были грамотными и сначала хотели поделить свою землю на отруба, но это оказалось затруднительно, тогда и было принято решение создать артель. Всего в деревне было 10 дворов, 38 мужчин и женщин, 12 подростков, 10 лошадей, 18 коров и 45 голов мелкого скота². «Хозяйство здесь велось трехпольное, земля, как водится, поделена на узкие полосы, положение крестьян было неважное. Чтобы улучшить его, они и порешили устроить земледельческую артель. Повелось у них дело таким образом. Сначала крестьяне решили вести общественное хозяйство на один год, на пробу. Весной 1902 года они без всякого приговора, на совесть посеяли вместе яровое, потом сообща свозили навоз, подняли пар, убрали сенокос, сжали и обмолотили рожь и яровое. Все собранное поделили просто: на сколько душ кто имел земли, столько получил хлеба, сена и соломы. Всем это дело понравилось, работать было легче и веселее, да и все делалось скорее, чем раньше, когда работала

¹ Зюрюкин В. Е. Земледельческие артели и товарищества в России. Пг., 1918. С. 14.

² Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 206–207.

отдельно каждая семья. Решили такой порядок оставить и на будущее время. Купили всем миром молотильную машину и веялку; плуги же, бороны и другие орудия решили покупать на будущее время тоже на мирские деньги, когда постепенно будут приходить у крестьян в негодность. На следующий год дело шло еще лучше; кроме ржи и овса сеяли клевер, лен и ячмень, а землю удобряли не только навозом, но и фосфоритной мукой. Оказалось, что всей деревней можно обрабатывать земли больше, чем имелось, и потому в 1904 году сняли в аренду еще столько земли, сколько было, и всю ее без труда обработали своими силами. Урожай делят по работникам. Затем возникла мысль купить жатвенную машину и землю разделить на шесть или восемь полей, для правильного севооборота. Разделенный хлеб каждый хранит в своем амбаре; только при дележке откладывается часть для продажи на уплату податей, наем пастуха и другие общественные расходы; потом на семена стали откладывать отдельно. Скот у каждого держится на своем дворе, огороды тоже отдельные.

Самая работа идет таким образом. Пашут и боронят все вместе, один за другим, а на кого не хватает лошади, те идут в лес готовить дрова или исполняют такую работу, где не требуется лошади. Сеют тоже вместе, а на кого не хватает лошади, те рассеивают и готовят семена, а остальные пашут и заделывают бороной. Навоз возят сначала все с одного двора, потом с другого, и так по очереди до тех пор, пока не вывезут со всех дворов. Дальше все бабы, подростки и мужики, на которых не хватает лошадей, разбивают навоз, а остальные на лошадях запахивают. В долгие летние дни работают на лошадях посменно, одни до полудня, другие после полудня. На сенокос и жатву выступают всей деревней, и делается все это дружно и быстро. Старших никаких нет, а между дел соберутся мужики и все вместе обсуждают свои дела и распределяют, кому что делать на следующий день. За три года такой работы мужики стали

жить лучше; раньше мало оставалось хлеба на продажу, у другого едва-едва хватало только на прокормление семьи, при артели же стали много и продавать»¹. Урожай в итоге стали делить по работникам по одному паю на мужчину и на женщину и по половине пая на подростка². А. В. Глебов сообщал, что в Вятской губернии были известны случаи, когда велась коллективная обработка общинной земли в течение не менее 10 лет³.

Расширяя свое артельное хозяйство, крестьяне, как мы это видели, увеличивали свою землю за счет аренды, но гораздо более распространенными являлись артели, сразу же создаваемые на арендованной земле.

Земледельческие артели на арендованной земле

Гораздо легче земледельческие артели возникали на арендованных землях. «Частные собственники, — как справедливо замечал С. Л. Маслов, — опасаются соединять свои участки с другими. Застарелая привычка работать в одиночку и только на своем участке, а главное, и опасение, как бы не лишиться своего права на земельный участок от соединения его с другими, лежат тяжелым камнем преткновения на пути производительной кооперации при настоящих условиях»⁴. В случае же с арендой крестьянское чувство собственности на землю не находило почвы, арендованную землю проще было считать общим достоянием артели. Причем, как замечал В. Е. Зюрюкин, в России вначале появились именно союзы с совместной обработкой земли, а затем только объединения для коллективной аренды, но с индивидуальным пользованием и обработкой

¹ Глебов А. В. (Меркулов) Сельскохозяйственные товарищества (трудовые артели). Изд 2-е, испр. Пг., 1917. С. 22–24.

² Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 207.

³ Глебов А. В. (Меркулов) Сельскохозяйственные товарищества (трудовые артели). Изд 2-е, испр. Пг., 1917. С. 24.

⁴ Маслов С. Л. Кооперация в крестьянском хозяйстве. Лейпциг, 1922. С. 96.

земли¹. Прибегать к аренде крестьян побуждало малоземелье, а коллективная аренда избавляла от посредников и обходилась дешевле; более того, аренда артелью позволяла интенсифицировать хозяйство, предотвратить дробление земли, экономить семена, снизить количество сорняков, которые распространялись с межи².

С. С. Маслов, осмысливая опыт земледельческих артелей в России, приходил к выводу о том, что крестьянами двигало несколько основных мотивов: «1) стремление увеличить доходность хозяйства путем подъема производительности труда и земли; 2) невозможность разделить землю, попавшую в руки крестьян; 3) «земельный голод» и возможность получить землю только при условии ее совместной обработки; 4) недостаток скота для ведения индивидуального хозяйства»³.

Кортомщики

Наиболее древние сведения о существовании артелей арендаторов относятся к концу XVII века, в то время их называли кортомщиками, так как «кортома» – это наем или аренда. Н. В. Калачов упоминает о двух документах, где фигурируют кортомщики. Согласно одному из них, два крестьянина Жуковской пустыни Солдовского монастыря брали лес и покос в аренду на 10 лет. По акту от 1699 года архимандрит рязанского Богословского монастыря представлял двум священникам и двум крестьянам луг на 10 лет, для того чтобы они могли его распахать и засеять. Кортомщики обязывались отвечать по круговой поруке в случае причинения монастырю каких-либо убытков⁴.

¹ Зюрюкин В. Е. Земледельческие артели и товарищества в России. Пг., 1918. С. 25.

² Там же. С. 41.

³ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 217.

⁴ Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 12.

Гуртова

Малороссы говорили: «Гуртом добре всяку роботу роботы». Гуртовá встречалась в Полтавской губернии, губернии, в которой вообще разнообразные формы артелей были чрезвычайно широко распространены по сравнению с иными регионами Российской империи. Члены этих артелей брали землю в аренду и коллективными усилиями ее обрабатывали. Ф. А. Щербина характеризовал гуртову как «едва ли не самую совершенную форму южнорусских артелей». Земля предоставлялась артелям в аренду за деньги или же часть земли распахивалась в пользу землевладельца, что и представляло собой как бы плату за аренду. Аренда на этих условиях обычно заключалась на срок от года до четырех лет.

Все артельщики выплачивали равную долю арендной платы (3–5 рублей за десятину). Артельная аренда была более выгодной для крестьян, так как плата за большие участки всегда была ниже. В гуртову обычно входили 6–8 домохозяев вместе с тем или иным количеством членов своих семей. При этом главы семейств старались, чтобы число их домочадцев, участвующих в артели, было равным с числом домочадцев других хозяев. Недостаток в рабочих руках восполняли наемными работниками. В случае, если по бедности тот или иной хозяин не мог нанять работников, то он объединялся с другим маломощным земледельцем, и они вступали в гуртову совместно. В равных долях хозяева стремились вносить в общее предприятие рабочий скот и сельскохозяйственные орудия. Каждая гуртова таким образом оказывалась вооружена 4–6 плугами.

Гуртова обычно вспахивала землю и сеяла, помимо того, сообща осуществлялась боронование, прополка, косьба, жатва, вязка снопов в «полукипки» и «стаи». Щербина так описывает работу в гуртовы: «Одни члены... косят, другие жнут, третьи гребут, четвертые вяжут снопы, пятые свозят или сносят их в “копы” и “стаи” и т.д.». Дележ урожая производится равномерно между всеми хозяевами.

В гуртове все члены-хозяева равны между собой, и никто ничем особо не выделялся.

«Споры и раздоры положительно несвойственны гуртове. Взаимные притязания и обман подрываются в самом корне примерными порядками этих примерных артелей. Сколько нам известно, ни одна артель этого рода не распалась еще вследствие внутренних неурядиц и несогласий», — заключал Ф. А. Щербина¹. По сути дела, гуртова строилась на уравнительном принципе, причем осуществлялся этот принцип не столько между всеми входящими в артель, сколько между семьями, то есть семьи выступали здесь в качестве коллективных членов артели.

Артели односельчан для организации зимовки скота

Крестьяне арендовали землю артелями не только для земледельческих работ, но также и для выпаса скота и покосов. Описание таких артелей находим у Щербины: «Когда обыкновенно бывает неурожай на травы в той или другой части Южной России, тяготеющей к Дону и Северному Кавказу, несколько хозяев-односельцев или земляков сговариваются идти на Дон, на Кубань или в Ставропольскую губернию со скотом на зимовку. С этой целью они отправляют в эти места из среды своих семей определенное количество рабочих, лишь только окажутся признаки неурожая травы, и здесь посланные нанимают степь под попас и под сенокосы, если время позволяет еще косить траву, и таким образом или закупают, или заготавливают сами на зиму сено. Потом уже пригонится на место зимовки и самый скот. Арендаторы живут вместе и часто проводят артельное начало в мельчайшие свои отношения при уходе за скотом. Как только минует беда на родине, они снова возвращаются домой»².

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 279–287.

² Там же. С. 290–291.

Коллективная аренда в Черниговской губернии

Во второй половине 1870-х годов в Черниговском уезде Черниговской губернии была распространена практика коллективной аренды: «Сначала несколько хозяев берут целое имение в 200, 300, 500 десятин всякой земли у владельца с условием охранять лес, унавоживать известным количеством возов навоза, пахать; по большей части эти арендаторы принимают к себе в компанию еще несколько лиц для большей гарантии своевременного взноса арендной платы. Таким образом, одна артель в Кувечичах состоит из 40 домохозяев, другая – из 15, в Гученье же – только пять.

Каждый хозяин смотрит на артель как на лицо, дающее ему землю на обычных условиях возврата половины урожая; всякий поэтому отдает половину урожая со снятой им земли в компанейскую клуню¹, и от распродажи этой половины артель выручает сумму для внесения в срок арендной платы; другая половина урожая остается артельщикам, каждому порознь, как заработок от его операций. Таким образом, в этих артелях есть только раздел арендуемой земли на “урезы”, причем каждый распоряжается взятым на себя урезом по своему усмотрению и сеет на нем что хочет, обязавшись только возвратить в артель половину собранного урожая». Конечно, в полном смысле артелями объединения для коллективной аренды земли назвать нельзя, так как такой важнейший элемент, как коллективный труд, здесь отсутствовал. Союзы арендаторов встречались в Пензенской, Саратовской, Киевской, Полтавской, Екатеринославской и других губерниях².

Артель-община в Полтавской губернии

В 1870-х годах в одном из уездов Полтавской губернии несколько односельчан в складчину арендовали землю и стали обрабатывать ее сообща вместе с собственной

¹ Клуня (укр.) – гумно.

² Зюрюкин В. Е. Земледельческие артели и товарищества в России. Пг., 1918. С. 7–8.

надельной землей. «Когда же жатва была уже готова, они распределили ее по числу рабочих рук в каждом семействе и убедились, что такой общий труд удобен и способ распределения жатвы правилен, выгоден и полнее применим к такому общему предприятию.

Выгода этого общего дела стала очевидной для всех, и артельщикам нетрудно уже было убедить остальных односельчан присоединиться к их компании и составить одну большую артель.

Такая могучая силами артель могла уже взять в аренду 200 десятин земли у землевладельца. Обработка всей земли совершалась общими силами, но распределение жатвы некоторые пытались изменить. Однако ж попытка эта не удалась, и потому прежняя форма дележа осталась в силе». Далее артель собиралась купить арендуемый ею участок и приобрести новые земледельческие орудия¹. Известно также об организации артели и на купленной крестьянами земле, – так, в Черниговской губернии земскими статистиками был отмечен опыт «коллективной покупки земли и общей ее обработки товариществом». Артель образовалась из восьми крестьян-домохозяев села Дедова, купивших в 1912 году 40,5 десятин земли².

Артель на хуторе Греков

В 1870-х годах также в Черниговском уезде в хуторе Греков сельское общество, состоящее из 15 домохозяев, взяло в аренду целое имение с 100 десятинами пашни, сенокосами и мельницей. «Снявши землю обществом, члены артели нашли, что, так как качество пашни крайне разнообразно и было бы трудно разделить ее точно и справедливо (“да и что там делить?” – на Круглице, единственном урочище с удобной для гречих почвой, у них всего несколько десятков десятин), и так как, даже разделивши, они никогда

¹ Земледельческие артели (ассоциации). Киев, 1876. С. 37.

² Маслов С. Л. Кооперация в крестьянском хозяйстве. Лейпциг, 1922. С. 114.

не уравнивают интересы (“потому оттуда гора, а ему выпав низ, будут цей год дощи – у него травую поросте, а мени Бог хлеб даст, от ему и обида!”), словом, порешивши, что дележ земли по домохозяевам крайне невыгоден по местным условиям, они ввели общественные запашки, совместный сжон, обмолот и дележ готовым зерном и соломой»¹.

Артельное ведение хозяйства пришлось по нраву земледельцам: «Як вышли в поле, та як закурили в десять сох, ставши в ряд, только дым пошов: люде девуются, а мы за день же одмахали»².

Земледельческие артели в начале XX века

Рост числа артелей стал наблюдаться с 1902 года, и к концу 1917 года было известно о существовании порядка трех десятков земледельческих производительных артелей. «...Из тридцати артелей, о времени возникновения которых у нас имеются сведения, – писал С. С. Маслов, – только 10 приходится на сорокапятилетний период после освобождения крестьян и до 1907 года, возникновение остальных двадцати приходится на последующее десятилетие. Говоря точнее, возникновение 20 артелей следует отнести не к десятилетию, а к восьмилетию (1907–1914), так как война остановила их численный рост, и мы не знаем ни одной артели, которая бы возникла бы после 1914 года... большинство из 20 артелей возникло в течение четырех последних предвоенных годов (1911–1914)»³.

В Сарапульском уезде Вятской губернии артель была устроена на особый манер: «Там земля, арендованная крестьянами у землевладельца Баранова, “разделена на крупные участки. Арендаторы крестьяне сгруппировываются в

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 293.

² Зюрюкин В. Е. Земледельческие артели и товарищества в России. Пг., 1918. С. 11.

³ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 216.

десятки, с одной или двумя лошадьми. Участки земли распределяются между десятками по жребию. Земля между отдельными лицами не делится, а делится урожай. Такой способ хозяйства практикуется уже 10 лет, с прекрасными для обеих сторон результатами»¹.

Столыпинская земельная реформа, коренным образом затрагивавшая былой деревенский уклад, не могла не отразиться и на деятельности артелей. Известно, что артель 10 домохозяев села Ломакина Нижегородской губернии просуществовала с 1905 года по 1907 год и, по некоторым сведениям, распалась из-за изменения ситуации: по некоторым данным, земельная реформа создала тяжелую и невзвозную атмосферу среди артельщиков².

Большая часть земледельческих артелей начала XX века, о которых сохранились какие-либо сведения, возникли и действовали при участии и содействии разнообразных кооперативов, прежде всего сельскохозяйственных обществ и кредитных товариществ³. В 1909 году в Полтавской губернии зеньковское сельскохозяйственное общество сдало в аренду с условием коллективной обработки землю четырем малоземельным крестьянам. В 1911 году оно сдало землю с такими же условиями еще двум товариществам. В 1911 году земские статистики сообщали о существовании в селе Зизирки Глуховского уезда Черниговской губернии артели из 14 крестьян-домохозяев, они арендовали 140,5 десятины земли, пахали в 16 плугов. «Для распорядков никакого старосты не выбирают и все делают и решают домашним способом, семейным порядком. Несогласий не бывает»⁴.

¹ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 59.

² Зюрюкин В. Е. Земледельческие артели и товарищества в России. Пг., 1918. С. 45.

³ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 210.

⁴ Зюрюкин В. Е. Земледельческие артели и товарищества в России. Пг., 1918. С. 26–27.

В 1908 году Нефорощанское сельскохозяйственное общество Константиноградского уезда сдало в аренду четырем домохозяевам землю с условием совместной обработки¹. Под влиянием первоначального успеха на Полтавщине в Зеньковском уезде Борковским обществом были «организованы еще 4 товарищества: 1) на четырех десятинах из 4 членов (в 1911 году); 2) на 6 десятинах из 6 членов (1912 год); 3) из 3 мелких хозяев на 8 десятинах (1912 год); 4) из 4 членов на 3 десятинах (1912 год)». В селе Песчаном Полтавского уезда сельскохозяйственным обществом на данной им в аренду земле была основана артель из четырех домохозяев. Кредитное товарищество каждому выдало в долг по 50 рублей на приобретение лошади. Общество предоставило земледельцам орудия и машины напрокат. Хозяйство велось под наблюдением агронома². С. Л. Маслов отмечал, что «работа каждого члена считается как наемная, и ей ведется специальный счет... Полученный чистый доход распределяется между участниками соответственно работе каждого: по числу рабочих дней и заработной плате»³. Кредитным кооперативным товариществом в 1913 году была организована Дар-Надеждинская артель, товарищество сдало ей в аренду 35 десятин, которые обрабатывались сообща. В тех случаях, когда артели основывались на арендованной земле при посредничестве кооперативных организаций, денежные средства за аренду поступали владельцам земли обычно вперед⁴. Наконец, при содействии кредитного общества в 1912 году была организована самая крупная из известных артелей – Морозовская Переяславского уезда Полтавской губернии. Она состояла из 80 членов и располагала 260 десятинами арендованной земли.

¹ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 210.

² Там же. С. 211–212.

³ Маслов С. Л. Крестьянское хозяйство. 2-е изд. М., 1915. С. 177.

⁴ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 212–213.

Все вопросы решались на общем собрании. Посевной фонд составлялся из ежегодных трехрублевых членских взносов. Артель пользовалась кредитом в местном кредитном кооперативе. Сельскохозяйственные работы велись под наблюдением земского агронома. В случае с Морозовской артелью земство вовсе не требовало от ее членов совместной обработки земли, к этому решению крестьяне пришли самостоятельно. Правда, принято оно было, по всей видимости, не без влияния местного учителя и агронома¹.

В 1900-х годах возникали артели на религиозной основе, именно такая артель была организована в селе Тарановке Змиевского уезда Харьковской губернии И. Беневским, братом участницы покушения на Дубасова. «Она состояла из 12 взрослых работников и 22 детей. Ее членами были преимущественно крестьяне Харьковской и Полтавской губ., но среди них были и 2 интеллигента (один окончивший кадетский корпус, второй – народный учитель). Хозяйство велось на 80 десятинах арендованной земли, и дела шли сносно. Артель погибла под влиянием полицейских преследований. Устав артели был напечатан в брошюре И. Беневского «Христианская община и землевладение» (в 1907 году)»².

Специфика отечественных сельскохозяйственных артелей

Из 24 артелей, по которым у С. С. Маслова имелись данные, 12 объединяли полевою работу, в четырех помимо полевой работы общей была еще и молотьба, в трех в общей собственности находилась часть инвентаря, еще в одной артели сверх перечисленного осуществлялась совместная продажа продукции, в другой совместно выполнялась полевая работа, молотьба, часть инвентаря находилась в общей собственности, обобществлена была продажа и скот, в трех артелях было объединено несколько сторон хозяйственной деятельности. Иными словами,

¹ Там же. С. 213.

² Там же. С. 209.

«в половине наших артелей объединением захвачена только полевая работа, во второй половине сюда прибавилась совместная молотба, в девяти имелись общие орудия и машины, в пяти прибавилась совместная продажа продуктов, в четырех появился совместный рабочий скот, и лишь в трех артелях объединение коснулось и других, помимо полеводства, хозяйственных операций членов (общая мельница, совместная столовая, артельная лавка, пекарня и т.д.)»¹. Таким образом, отечественные земледельческие производительные артели находились на различных стадиях обобществления разнообразных элементов хозяйственной деятельности и средств производства. Наиболее распространенными являлись более простые артели, обобществлявшие минимум труда и собственности. Напротив, артели с высоким уровнем обобществления встречались тем реже, чем выше был этот уровень.

В целом С. С. Маслов совсем не лестно отзывался о земледельческих артелях: «В полном соответствии с малочисленностью² и примитивностью русской артели и с низким культурным уровнем ее членов все внутренние взаимоотношения и расчеты в ней упрощены до крайности. Здесь до минимума сведена администрация, и обычно ее нет вовсе, обычно нет счетоводства, и работа производится обязательно всеми одновременно. Здесь земля разделена на “доли”, и соответственно последней каждый из членов в одно время с другими должен выставить для работы определенное количество животной тяги, инвентаря и людской силы. При таких условиях крайне просты все расчеты, легок раздел урожая и просто до последней степени дело управления хозяйством артели.

¹ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 218–219.

² В среднем артели имели в своем составе около 22 работников обоего пола (в итальянских товариществах – 232) (Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 218).

Распределение в русских артелях происходило по чисто кооперативному принципу: каждый получал продукты в количестве, строго соответствовавшем затраченному труду, причем в полном соответствии с последним находилось и количество технического капитала, вносимого временно или на все время существования артели каждым из членов. Формально распределение совершалось по одному трудовому началу, то есть по принципу социалистических колоний, но труд был тут только удобное мерило, не больше, по существу же при распределении тут учитывался и капитал, вносимый обычно натурой. Если бы кто-нибудь участвовал в работе только личным трудом, но без вноса в общее дело скота и инвентаря, то он получил бы несомненно меньшую против труда долю продуктов»¹.

Чрезвычайно важно то, насколько широко в народной среде была распространена традиция действовать сообща, артельно. Очевидно, что такая традиция была свойственна огромному большинству русских крестьян. В некоторых случаях им удавалось создавать производственные земледельческие артели с достаточно высоким уровнем обобществления и тесным взаимодействием. Для больших же достижений в артельном строительстве крестьянам требовалась инструкторская, техническая, агрономическая и иная помощь, которую могли оказать только представители образованных классов и которой не хватало. Но там, где такая помощь предоставлялась, результаты этой работы не заставляли себя долго ждать, что видно на примере алтайских маслодельных артелей.

Причины малой распространенности производительных земледельческих артелей

Причины малого распространения производительных артелей, по мнению некоторых авторов, крылись

¹ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 220–221.

в «полном отсутствии умственного развития в народе», а также в приоритете государственных, а не народных интересов¹. В. Е. Зюрюкин выделял следующий ряд причин неудач сельскохозяйственных артелей в России: «1) невежество и темнота народная, 2) его экономическая “маломочность, или даже настоящая бедность, 3) неподготовленность населения для кооператизма, да еще сразу столь полного, как в земледельческих артелях, 4) не без влияния оказывались, конечно, и ссуды, которые сильно привлекали маломочных крестьян в артели (херсонские и пермские) (здесь артель воспринималась как нечто временное. — *Прим. авторов*)... 5) отсутствие близких к крестьянскому населению если не его собственных... кредитных организаций, оказывающих им необходимую поддержку, 6) крайне тяжелое правовое положение крестьянства, неблагоприятно действующее на проявление инициативы и самостоятельности крестьянства, и, наконец, 7) то, что земледельческие артели организовывались не самими крестьянами, они не выросли изнутри собственной его жизни, быта и сознания (говоря это, мы имеем в виду главным образом артели в Херсонской губернии), а привнеслись к нему сторонним элементом»².

После революции 1917 года количество земледельческих артелей и коммун начало быстро увеличиваться — конечно, здесь первенствовал фактор содействия властей строительству данных организационных форм. Однако невозможно отрицать и то, что коллективизация сельского хозяйства в целом имела свои предпосылки в предыдущем развитии страны, а не просто была навязана большевистской властью³.

¹ Земледельческие артели (ассоциации). Киев, 1876. С. 6, 8.

² Зюрюкин В. Е. Земледельческие артели и товарищества в России. Пг., 1918. С. 219–220.

³ Подробнее о динамике коллективных форм сельскохозяйственного труда после революции см. главу «Проект колхозного строя» во 2-й части нашего исследования.

*Коллективные формы труда в сельском
хозяйстве Советской России в 1920 году¹*

	<i>Число</i>	<i>В них десятин</i>	<i>В них едоков</i>
<i>Коммун</i>	1 774	142 175	83 061
<i>Артелей</i>	7 348	388 100	481 866
<i>Общественная обработка земли</i>	927	53 676	48 043
<i>Всего</i>	10 049	583 951	612 960

Выводы

К объединению в сельскохозяйственные артели людей подталкивала возможность коллективной защиты своих рабочих интересов (косари) и неплохого заработка, причем подчас заработок мог быть весьма и весьма существенным (как примеры – артели нежинских табачниц и граборов). Кроме того, для некоторых видов деятельности, например для расчистки новых земель под пашню и ряда других, требовалось соединение многих рабочих рук, а сил одной семьи было недостаточно, и тогда на помощь приходила артель. Недостаток орудий труда и тяглового скота также побуждал земледельцев к объединению, что мы видим, например, в супрягах и гуртовах. Недостаток пашни, лугов и выгонов, а также бедственное положение толкало крестьян к работе на бывших помещиков, и в ряде таких случаев крестьяне трудились артельно. Необходимость выпаса общинного скота также давала основание для создания артелей, именно с этой целью возникли, например, артели чередников. Невозможность разделить землю между общинниками по справедливости, положительный опыт совместной деятельности, выгоды коллективной аренды земли – все это также побуждало соединяться в артели.

¹ Маслов С. Л. Кооперация в крестьянском хозяйстве. Лейпциг, 1922. С. 123. (Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за 3 года (1917–1920). С. 18.)

Самыми крупными являлись принудительные артели, организуемые помещиками (560 семей в имении графини Разумовской, 800 душ в Ржищеве), тем не менее крестьяне и сами могли создавать также весьма значительные по своей численности объединения в несколько сот человек (800 человек объединилось в Олонецком уезде для работ по осушению). Размеры арендованной артелями земли могли доходить до нескольких сот десятин (Морозовская артель – 260 десятин; артель-община в Полтавской губернии – 200 десятин). О продолжительности деятельности многих артелей судить сложно, однако некоторые из них просуществовали не менее 10 лет.

В случае успешного развития артельного хозяйства крестьяне обзаводились общими орудиями труда, скотом и необходимой инфраструктурой. Так, артель в Бессарабии имела собственные лавку, питейное заведение, школу, ветряную мельницу, скотный двор и ссудную кассу.

Несмотря на широкое разнообразие проявлений артельных форм в сельском хозяйстве дореволюционной России, сама организация артелей была довольно простой, здесь часто отсутствовал даже формальный староста и какие-либо специальные должности. Наиболее сложная структура была у артелей, которые в принудительном порядке основывали помещики в своих имениях, здесь встречалась и иерархия руководителей, и счетоводы, и специальные должности. Нередко в сельскохозяйственные артели крестьяне входили семьями, конечно же включающими и женщин, и подростков, – в таком случае структура семьи переносилась в артель, и механизм регулирования семейных взаимоотношений начинал определять отношения между членами артели.

Анализ сведений о сельскохозяйственных артелях показывает, что гораздо чаще союзы земледельцев возникали для работы на арендованной или помещичьей земле. На надельной земле крестьяне, как правило, продолжали

трудиться традиционным образом, то есть семьями, объединяясь лишь только для вспомогательных работ (косьба, осушение болот, орошение земель и т.д.).

Основным стимулом создания сельскохозяйственных артелей в пореформенный период, включая предреволюционный период, являлось малоземелье. Одним из наиболее доступных способов увеличения земельного надела была аренда, а аренда, в свою очередь, была более выгодной в том случае, если она являлась не индивидуальной, а коллективной.

Степень обобществления хозяйственной деятельности и собственности в земледельческих артелях была, как правило, невысокой. Часто при работе в артели крестьяне использовали собственный скот и хозяйственный инвентарь.

Семейные и общинные формы взаимоотношений и хозяйствования теснейшим образом переплетались в сельскохозяйственных артелях. Например, несколько семей, объединившись, складывались в артель, где основными членами союза были главы семей, а их домочадцы находились в подчиненном положении. Если в артель входили разновозрастные и разнополые члены, то в таком случае для упорядочивания их взаимоотношений также могла использоваться семейная модель. В соответствии с ней происходило распределение рабочих обязанностей: работа, требующая больших физических усилий и более ответственная, доставалась мужчинам; женщины и подростки выполняли менее ответственные и более легкие обязанности. Распределение результатов труда также было неравномерным и зависело как от вложенного труда, так и от вложенного капитала.

Ф. А. Щербина замечал, что «некоторые артели являются только следствием видоизменения общинных форм труда»¹. Тесная связь артели с семейными и общинными формами заставляет нас согласиться с Щербиной, признав,

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 254.

что община, где вместе бок о бок трудились разнополые и разновозрастные члены семей, являлась одним из основных истоков артели. Во многих случаях крестьянская община, объединяя свои усилия, могла выступать как единая артель. Артели для расчистки земель под пашню, а также артели для переселения со временем становились менее сплоченными, коллективный труд в них исчезал, и они превращались в обычные крестьянские общины. Таким образом, на примере сельскохозяйственных союзов мы наглядно видим перетекание форм общины и артели друг в друга, причем при различных исторических и хозяйственных условиях¹.

5. Заводские артели

Заводские артели XIX – начала XX века в техническом плане вполне можно назвать самыми передовыми среди объединений подобного рода для того времени. При этом далеко не все из них могли похвастаться действительно серьезными успехами. Но ведь и помощь, которую общество оказывало этим еще не крепким росткам новой организации труда на заводском производстве, была невелика, а нередко и вовсе отсутствовала.

Современный исследователь русской артели О. А. Платонов со ссылкой на Архив истории труда России приводит интереснейшие данные по поводу первых русских заводских артелей. «Артельный дух русских работников, – пишет он, – всегда принимался правительством как реальность, с которой надо считаться, хотя отношение к нему

¹ С. Н. Кривенко также приходил к выводу о том, что «и артельное производство может перейти в общинное, и община может придать некоторым сторонам своей хозяйственной деятельности артельную организацию, и в одной и той же общине могут быть несколько различных и вполне уравновешивающихся и уживающихся друг с другом артельных производств» (Кривенко С. Н. На распутье. (Культурные скиты и культурные одиночки). Изд. 2-е. М., 1901. С. 193).

у разных царей и правителей было неодинаковое. Одни только мирились с ним, другие, их было мало (такие, как Анна Иоанновна и Бирон), пытались даже бороться, третьи (Петр I, Екатерина II) стремились поддерживать его. Правительству приходилось считаться с крестьянскими традициями трудовой демократии и самоуправления. Петр I, а за ним и Екатерина II создали и развивали ремесленные цехи на основах, рожденных еще средневековыми ремесленными артелями, дружинами и братиями. В тех случаях, когда на заводы привлекались крестьяне, труд организовывался с учетом их общинных и артельных представлений. Характерный пример – организация внутреннего самоуправления приписных крестьян во время исполнения ими вспомогательных работ на заводах, впервые выработанная князем Вяземским для Ижевского и Боткинских заводов (1763), а затем распространившаяся на другие заводы. Приписные крестьяне, работавшие на заводах, делились на сотни, которые должны были выбирать ежегодно с общего согласия сотника выборного, старост и по два писчика. Протоколы о выборах за подписью крестьян отсылались в заводскую контору, чтобы она могла знать, с кого требовать исполнения ее распоряжений. Все выборные, по желанию крестьян, могли переизбираться и на следующий год. Крестьянские выборные занимались разбором всяких ссор между крестьянами, назначением работников на определенные виды работ по требованию руководства завода, выбором и отсылкой на завод здоровых, годных людей, если контора будет нуждаться в мастеровых, а также наблюдением за порядком выполнения работ крестьянами. То есть крестьянам давалось полное самоуправление. (...)

При Екатерине II дело дошло до того, что даже рабочих из беглых крестьян и беспаспортных организовывали в артели. Указ гласил, что всех их следует “разделить на десятки и к каждому десятку выбрать десятника, к пятидесяти – пятидесятника, а ко всем – одного выборного, опо-

ручить их кругом, а буде из них по десяткам или порознь будут в состоянии поставить порук и не из между себя, а из посторонних людей, мещан или крестьян... людей надежных, то и сих поручительства принять”.

В XVIII – начале XIX века артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что явилось одной из главных причин бурного развития крупной железодельной промышленности, которая уже с 1730-х годов обогнала Англию. К 1782 году выплавка чугуна на всех заводах России достигла 7,5 – 8 млн пудов, то есть была значительно выше, чем в Англии, Швеции, Франции, Пруссии или Америке. Не мы ввозили железо из-за границы, а наоборот, Запад потреблял ежегодно до 4 млн пудов русского железа. А это доказывает, что у нас железо производилось дешевле и лучшего качества. Хорошие результаты наблюдались и в других отраслях»¹.

Далее мы приведем данные о нескольких наиболее заметных предприятиях этого типа, относящихся к более позднему времени

Артельное производство на Красносельской бумажной фабрике

Самые ранние известные нам сведения о создании артели на заводском производстве относятся к 1803 году, их мы обнаруживаем в докторской диссертации М. И. Туган-Барановского по теме «Русская фабрика». Вот что он пишет: «Красносельская бумажная фабрика близ Петербурга была прежде казенной, но затем была передана гр. Сиверсу, от которого переходила к другим владельцам и в начале этого века принадлежала Хлебникову. У рабочих на той фабрике возникали беспрестанные столкновения с фабрикантами еще в прошлом веке. В 1803 году им удалось заключить с Хлебниковым крайне любопытный договор, утвержденный в софийском уездном суде. По этому до-

¹ Платонов О. А. История. Душа. Победы. М., 2013. С. 306–307.

говору, между фабрикантом и мастеровыми установились следующие отношения. Рабочие получают в свою пользу $\frac{1}{5}$ часть цены всей продаваемой бумаги. Сверх того они получают от хозяина даром дрова. Мастеровые обязываются сами за свой счет производить необходимый ремонт фабричных зданий и машин, кроме “знатных в машинах перемен”. Цена продаваемой бумаги должна определяться раз в год представителями хозяина и мастеровых. Хозяин обязуется исправно поставлять тряпье (причем если тряпье не будет доставлено, то мастеровые получают от владельца определенную плату за каждый прогульный день), а рабочие образуются выделять из доставляемого тряпья не менее определенного количества бумаги, и притом хорошего качества (в противном случае бумага не принимается фабричной конторой).

Мастеровые обязаны подчиняться уполномоченному фабриканта, но всем ходом работ на фабрике заведовал мастер, выбранный самими рабочими (на фабрике числились по 5-й (?) ревизии 181 д. м. п.¹). Распределение суммы, следуемой рабочим, производилось их собственными выборами. Продолжительность рабочего дня на фабрике устанавливалась всем обществом.

От Хлебникова фабрика перешла к помещице Полторацкой, при которой начинаются непрерывные жалобы содержательницы фабрики на рабочих, и обратно, причем главным поводом к раздорам был названный договор.

Полторацкая жаловалась министру внутренних дел, что “мастеровые отпали от всякого повиновения, составили между собой общество, которое ими управляет, отклоняя всякое над собою начальство и никому не отдавая отчета как в прогулах, так и в хорошей отделке бумаги. В сутки они не работают более четырех часов, имеют, кроме табельных, множество праздников и предаются пьянству”. Ввиду этого Полторацкая просила о совершенном

¹ Душ мужского пола.

уничтожении договора 1803 года или же об утверждении нового Положения для фабрики.

С другой стороны, рабочие жаловались на то, что Полторацкая не исполняет договора, не допускает к исправлению своих обязанностей выбранных рабочими мастеров и проч.

Министр внутренних дел командировал для осмотра фабрики особого чиновника Прилуцкого, который не замедлил обнаружить многие “неправильности” рабочих. Так, по донесению этого чиновника, им “примечено, что в сей фабрике иные мальчики и до 15 лет не ходят на работу”. Женщины совсем на ней не работали. Рабочий день, по показаниям самих рабочих, не превышал 10 часов в сутки.

В виду этих “неправильностей” сенат в 1813 году утвердил новое Положение Красносельской фабрики, которое сохраняло в силе договор 1803 года с тем изменением, что: 1) мастер и подмастерье должны не выбираться рабочими, а назначаться содержательницей; 2) работа должна продолжаться не менее 12 часов в сутки, и 3) дети должны работать на фабрике с 12-летнего возраста. Прочие пункты изменения были несущественны.

Новое Положение вызвало целый ряд жалоб рабочих. В 1814 и 1816 годах рабочие подали жалобы Александру I, указывая на несправедливые вычеты из их заработной платы и прося о принятии фабрики в казну и выдаче им в ссуду 100 тыс. руб., с тем, чтобы они сами заведовали фабрикой и платили бы в казну по 15 коп. с каждой выработанной стопы бумаги.

Иными словами, рабочие мечтали ни более ни менее, как об устройстве собственной кооперативной фабрики – и это в крепостной России!

Само собой разумеется, что просьба рабочих об отдаче их фабрики в полное пользование не была уважена; но жалобы на несправедливые вычеты оказали действие. По приказанию императора вопрос поступил на рассмотре-

ние комитета министров, который на заседании 23 января 1817 года признал, что Полторацкая действительно делала значительные вычеты из платы рабочих, и постановил, чтобы содержательница фабрики вернула рабочим всю недоплаченную им сумму. Вместе с тем комитет не согласился с предложением министра внутренних дел – обязать мастеровых подпиской о неподаче жалоб, “считая сие излишним, ибо несправедливо было бы заграждать мастеровым путь к жалобам в случае какого-либо им притеснения”.

Решение комитета министров было утверждено Александром I, который приказал, чтобы министр внутренних дел донес ему лично о выполнении постановления комитета министров – о возврате рабочим Полторацкой суммы 5715 руб. 17 коп.; эти деньги были получены рабочими в мае того же года.

Естественно, что решение комитета министров не понравилось Полторацкой, которая вслед за тем подала несколько просьб министру внутренних дел о покупке ее фабрики в казну, отказываясь вести дело при том духе “независимости”, который укоренился среди рабочих. В конце концов столкновения владелицы фабрики и рабочих привели к расстройству фабрики и приостановке производства. В 1825 году Красносельская фабрика была приобретена удельным ведомством; фабричное производство было прекращено, а мастеровые признаны удельными”»¹.

Многое впечатляет в этой истории, для нас же важно то, с каким напором посессионные рабочие (то есть приписанные к заводу, по сути – крепостные!) отстаивали свой порядок самоуправления. В итоге владелице завода пришлось все-таки отступить и в пользу казны отказаться от предприятия, так как дух независимости оказался среди рабочих неискореним! Этот пример показывает всю силу

¹ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. 2-е изд, доп. СПб., 1900. С. 160–163.

артельного духа в нашем народе, его волю к самоуправлению и самоорганизации.

Нижнетури́нская механическая артель

В 1860-х годах на Нижнетури́нском заводе Гороблагодатского округа (район современного Нижнего Тагила) было решено наладить производство ударных трубок для артиллерийского ведомства. После неудачных попыток организовать это дело по старинке наконец решили наладить производство трубок «с задельной платы по переделам», то есть, иными словами, была введена сдельная система оплаты труда. Это сразу подстегнуло изобретательность мастеров, и с помощью новых приспособлений, внедренных ими в производство, производительность повысилась аж в 20 раз! Положительный новый опыт привел мастеров к мысли о создании артели. В 1867 году об этой своей идее мастера заявили горному начальнику Гороблагодатских заводов В. А. Грамматчикову. Грамматчиков пошел рабочим навстречу и решил выдать им заказ на изготовление 33 тыс. трубок, но при этом потребовал, чтобы мастера пригласили к себе особого распорядителя, который бы помог им наладить производство. Артель избрала для этой цели местного жителя К. А. Протопопова, который самым активным образом начал содействовать артельным начинаниям. Он распределял работы, устанавливал размеры оплаты труда, разрабатывал принципы распределения прибыли артели, устанавливал расценки на различные работы, взаимодействовал с главной конторой Гороблагодатских заводов. Образовавшаяся таким образом артель состояла из 60 человек. Успех при выполнении первого заказа способствовал увеличению численности артели, и уже в 1868 году в нее вошло до 150 человек. Известно также и о привлечении наемных рабочих, однако число их было незначительным: в 1872 году – всего 10 человек при 153 артельщиках.

Новое производство было налажено весьма эффективно, ведь ранее казна тратила на производство одной ударной трубки 1 рубль, артель же изготавливала трубку менее чем за 44,5 копейки. Тем более заказы выполнялись намного раньше установленных сроков. Техническое вооружение артели пополнилось 33 токарными, восемью сверлильными и несколькими другими станками, причем их спроектировали и собрали сами рабочие. На протяжении всего существования артели в производство внедрялись разнообразные новшества, уменьшалось количество брака и росла производительность, а цена произведенных трубок снизилась до 37–39 копеек.

Успешный ход дела отразился на материальном состоянии артельщиков: по приблизительным подсчетам Н. Белова, среднегодовой заработок артельщика составлял 259 рублей 25 копеек. Одно время артель решила организовать собственную лавку, однако дело это вскоре потерпело неудачу. Успех артельного производства способствовал открытию местного общества трезвости, у рабочих пробудился интерес к чтению, они озаботились вопросом обучения собственных детей, – в результате мастера общими усилиями пожертвовали около 500 рублей на постройку школы.

Все же положение артели, несмотря на все ее успехи, было шатким. Во-первых, отсутствовал устав, что мешало трудовому коллективу играть более или менее самостоятельную роль, в частности невозможно было взять кредит. Во-вторых, артель работала в помещении казенного завода, заводоуправление обеспечивало ее заказами и топливом, без чего производство в принципе не могло существовать. Видимо, поэтому рабочие не заглядывали далеко в будущее, и когда в работе наступали простои из-за отсутствия заказов, артельщики производили раздел запасного капитала; за время существования артели это происходило три раза. В таком положении итог был предсказуем. После того

как производство ударных трубок было переведено в Петербург, артель прекратила свое существование¹.

В проекте устава Нижнетуринской механической артели, который так и не был утвержден, управление делами артели поручалось старшине и четырем старостам, избираемым на один год. Старшина мог избираться как из самих артельщиков, так и из посторонних лиц, а старосты – только из среды артельщиков. Артельному управлению позволялось самостоятельно совершать денежный расход до 100 рублей, прием заказов до 200 рублей и заключать заем размером до 500 рублей. Правление также ведало всеми текущими делами, вело расчеты, несло ответственность за сохранность общей собственности. Общее собрание состояло из выборных артели, по одному от пяти членов, оно избирало председателя. За возможные убытки артель отвечала только собственным имуществом, но не имуществом своих членов.

Паевой взнос установлен был в размере 20 рублей, и вносить его можно было в рассрочку в течение года. Половина прибыли отчислялась в запасный капитал, не более половины по окончании года разделялась пропорционально заработку каждого работника².

Успех Нижнетуринской механической артели повлиял и на других рабочих завода. Кричники (занимались изготовлением кричного железа) выступили с предложением организовать артель и снизить стоимость пуда железа на 10 копеек. И хотя первая артель кричников потерпела неудачу и распалась, но следом за ней была организована новая. В 1870 году на том же заводе была организована артель среди мастеров листокатального цеха, она также предложила заводу управлению скидку на стоимость своей продукции. Далее артельное движение перекинулось и на другие

¹ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 96; Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 172–179.

² Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 180–187.

заводы Гороблагодатского округа. На Верхнетуринском заводе была создана артель по изготовлению гранат, на Кушвинском заводе в 1871 году – артель по выплавке чугуна, в Екатеринбурге – товарищество мастеровых механической фабрики под названием «Братство»¹.

Артели доменных рабочих и литейщиков на Кушвинском заводе

От 1873 года имеются данные о существовании на Кушвинском заводе артелей доменных рабочих и литейщиков, также известно, что в 1880 году они все еще продолжали свою деятельность. Работали артели на основе ежегодно заключаемого договора с администрацией завода, согласно которому они получали материалы, инструменты и оборудование.

Артель доменных рабочих осуществляла свои работы под надзором управителя завода. Готовые изделия принимались заводоуправлением по установленной цене. «Члены артели доменных рабочих получают от артели поденную плату, в размере от 32 до 49 к. (мастер получает 25 р. в месяц), а в конце года оставшаяся у артели сумма, за вычетом 2% в кассу горнозаводского ссудного товарищества, распределяется между членами артели пропорционально назначенных плат, вследствие чего их заработок увеличивается на 45–50%».

Артель литейщиков состояла из 10 человек, каждый получал равное вознаграждение, за исключением старшего, у которого был двойной пай². Приведенная информация не дает, однако, достаточно ясного представления об организации коллективов; вероятно, самоуправление в данных артелях было ограниченным, а заводская администрация могла вмешиваться во внутренние дела коллектива.

¹ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 96–97.

² Там же. С. 98–99.

Артель по производству лафетов «Братство»

В 1870 году при Екатеринбургской механической фабрике по инициативе главного начальника уральских заводов В. А. Грамматчикова и при содействии главного механика уральских заводов Н. К. Штейнфельда была организована артель по производству лафетов, ей было дано наименование «Братство». Численность союза составила 87 человек, в том числе 63 пайщика. Первый полученный казенный заказ артель пообещала выполнить по стоимости в три раза меньшей, чем брали за него частные промышленники. С целью обеспечения гарантий заказчикам членам артели пришлось даже закладывать собственные дома. Структура артели была следующей: доверенный заведует общими делами, комиссионер занимается закупкой припасов, также имелись письмоводитель и три надзирателя, решавшие финансовые вопросы. Каждый из трех цехов артели выбирал двух старост, в их ведении был ряд второстепенных вопросов, а также надзор за 130 нанимаемыми поденщиками. Мастера-пайщики вели надзор за расходом припасов и за отчетностью. «В 1871 году артель получила 19 тыс. руб. прибыли, из которых назначила в раздел пайщикам по расчету от 180 до 400 руб. на каждого. На 1872 год вместо домов артель в обеспечение исполнения работы внесла залог в 7 000 руб. Казна сдавала производство лафетов артели по 610 руб. за штуку, тогда как сама производила их по 703 руб.»¹. Артельщики получали от 50 копеек до 1 рубля в день плюс процент отчисления от прибыли. Безусловно, артель лафетчиков находилась в явной зависимости от администрации завода, ведь именно от нее она получала помещение, топливо, материалы для производства и заказы. Справедливости ради стоит отметить, что артель могла работать и по частным заказам, но в этом случае 6% от их стоимости она должна была отда-

¹ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 98.

вать заводоуправлению за пользование машинами. Артель просуществовала по меньшей мере до 1880 г.¹

Артели на Мальцевских заводах

После свертывания работ на Мальцевских заводах многие рабочие оказались в весьма бедственном положении. Ситуация дошла до критической точки, и местное земство даже решило выдавать пособия по бедности. Для мастеров, привыкших зарабатывать себе на жизнь работой в промышленной сфере и давно порвавших с сельскохозяйственными занятиями, организация артелей стала чуть ли не единственным выходом из ситуации. До нас дошли сведения о трех таких артелях – Чернятинской, Любохонской и Людиновской.

Бывшие мастера Чернятинско-Старской стеклянной фабрики (Орловская губерния) где-то «вычитали, что, ежели завод банкротом оказывается, рабочие могут взять его на себя». Поэтому они обратились к конкурсному управлению Мальцевских заводов с предложением организовать стекольную артель. Директор-распорядитель заводов В. К. Стукалич одобрил их предложение, и в феврале 1890 года артель была основана. Зависимость от администрации завода определялась тем, что от нее артель получала необходимые для производства материалы, ей же сдавала готовую продукцию; помещение, где производились работы, также принадлежало заводу; выборные должностные лица артели утверждались заводоуправлением, им же регламентировалось артельное производство. Контора завода продавала артели сырье по заранее определенной цене, по заранее же установленной же цене контора забирала у артели готовую продукцию, размеры производства также согласовывались с конторой.

В 1891 году в артели числилось 244 мастера, а также 30 женщин и 70 детей. Во главе союза стояли заведующий

¹ Там же. С. 99.

делами и его помощник-конторщик, им выплачивалось определенное ежемесячное жалование, так же как и вспомогательным рабочим. Заведующий получал не больше обычных рабочих, а его помощник даже меньше этого. Те артельщики, кто был непосредственно занят изготовлением стекла, вознаграждение получали сдельно, при этом убытки или прибыли раскладывались на всех пропорционально зарплатку. Заработок мастеров был поначалу в среднем 10 рублей, потом 7 рублей 40 копеек в месяц. Артель в условиях сильной безработицы позволяла рабочим работать партиями, по очереди, что обеспечивало хоть и малые, но деньги для всех желающих работать. Это помогало избежать ситуации, когда одни рабочие оставались вовсе без работы, а другие хорошо зарабатывали. Безработными рабочими деятельность артели воспринималась позитивно.

Известно также, что артельщики взаимно контролировали друг друга, более того, в коллективе возникла оппозиция, которая критиковала действия старост и поднимала разные насущные вопросы. В то же время, как отмечали лица, специально знакомившиеся с деятельностью артели, рабочие плохо разбирались в финансовых и хозяйственных вопросах, и нередко по данным вопросам обращались за консультациями к директору заводского правления¹.

В 1889 году 150 рабочими села Любохонь, где проживали трудящиеся на Мальцевских заводах, была образована артель, специализировавшаяся на чугунном литье. Инициатором создания артели выступил директор-распорядитель заводов В. К. Стукалич. В 1891 году был утвержден ее устав. Артель получала заказы от заводоуправления. Рабочие зарабатывали около 10 рублей в месяц. Дела Любохонской артели шли несколько хуже, чем у Чернятинской, потому что заказы на чугунное литье поступали с перебоями, и некоторое время производство вынужденно простаивало.

¹ Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. 1. СПб., 1892. С. 310–313; Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 99–100.

Кроме того, артель постепенно шла по пути перерождения, коллектив подпал под влияние состоятельных артельщиков, которые стали использовать их менее состоятельных коллег и наемных рабочих в целях личной наживы, тем самым ликвидировался трудовой принцип в распределении доходов и артельная суть предприятия утрачивалась¹.

Третья известная артель – Людиновская – была основана в 1889 году агентом Мальцевских заводов на Юге России Цубербиллером. Артель эта представляла собой объединение кустарных рабочих, и основная масса работ производилась ими по месту жительства², а потому отнести ее к разряду заводских нельзя, и подробно рассматривать в данном разделе ее деятельность мы не станем.

Сохранилось краткое известие о том, что в 1888 году артель из 50 человек взяла в свое заведование Курганский гвоздильный завод. Просуществовав до 1891 года, она прекратила свою деятельность после того, как из-за прорыва плотины был уничтожен водяной двигатель, приводивший в движения кузнечные меха. 1 июня 1891 года состоялось утверждение устава артели литейщиков при чугунолитейном заводе в селе Радице Брянского уезда Орловской губернии. К сожалению, этим вся информация об упомянутых артелях и ограничивается³.

Артельный Абаканский чугуноплавильный и железоделательный завод

Завод, расположенный в Минусинском округе Енисейской губернии, перешел в руки артели в 1889 году, после смерти его бывшей арендаторши Пермякиной. Артель насчитывала 127 мастеров и рабочих. Руководителем был избран опытный инженер Д. Н. Степанов, «управлявший дела-

¹ Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. I. СПб., 1892. С. 312–313.

² Там же. С. 313–314.

³ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 101.

ми почти неограниченно», причем он вложил в предприятие свой собственный капитал. После его ухода во главе артели стояли малоопытные и неподходящие лица, что отразилось на финансах, в частности сократился капитал. Среди членов артели начался разлад и интриги, в особенности при уполномоченном артели, занявшем эту должность в 1893 году. Благодаря его стараниям в артели появилось течение, стремившееся исключить из ее членов наиболее бедных рабочих. Приговор артели от 13 августа 1893 года предполагал при заключении нового договора с казной об аренде ввести должности техника, а также попечителя, который бы наблюдал за хозяйственной и административной частью. Уполномоченный, видимо, и собирався стать попечителем с весьма широкими правами.

После неудач с приглашенными для управления артелью лицами рабочие с 1894 года решили выбрать из своей среды 12 человек и им поручить ведение всех артельных дел. Степанов смотрел на эти изменения скептически: по его словам, «артельное хозяйство Абаканского завода стоит на низшей ступени, порядка в управлении по производствам нет; доходит часто до того, что некому распорядиться исполнением заказа». Иными словами, недостаточные знания и отсутствие опыта в делах управления оказались для артельщиков довольно серьезной проблемой. Конечно, в данном случае артели требовалась квалифицированная помощь извне, но таковая, к сожалению, отсутствовала.

Несмотря на проблемы с управлением и интриги, артель смогла расплатиться по своим долгам и образовала собственный капитал. Инженеру Степанову необходимо было вернуть 15 тыс. рублей, что и было через некоторое время сделано. За 4,5 года своего существования артель выплатила долгов, податей и налогов более чем на 94 тыс. рублей, а ее собственный капитал составил 30,5 тыс. рублей¹. О дальнейшей судьбе артели, к большому сожалению, ничего не известно.

¹ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 101–102.

Артель на уральском Нижне-Исетском заводе

Артель возникла на казенном железоделательном заводе, который в 1905 году решили закрыть из-за убыточности производства. «По уставу назначение артели заключалось в производстве личным трудом и сбыте сортового железа, чугунного литья, земледельческих машин и орудий, разных кузнечных поковок и экипажно-мебельно-столярных изделий. Стоимость всего заводского имущества, зданий и оборудования, переданных артели, определялась в сумме свыше 210 000 руб. Артель открыла свои действия в начале 1907 года в составе около 200 членов. Прежде всего было открыто пудлингово-сварочное отделение по выделке сортового железа, затем механический, кузнечный, кирпичный, литейный и столярный цехи»¹.

Дедюхинский солеваренный завод

К. А. Пажитнов приводил сведения об организации артели на закрывшемся казенном пермском Дедюхинском солеваренном заводе. «По заключенному (1908 год) договору с казной Дедюхинская артель получила в арендное содержание на 25 лет участок земли в количестве 25 десятин с возведенными на ней зданиями, оцененными в 15 000 р. Первоначально в состав артели вошло 100 человек, но к 1 января 1910 года это число увеличилось до 155 ч. На участке имелось четыре варницы, несколько рассоло-извлекательных труб, амбары и паровой двигатель. Но, как и в случае Нижне-Исетской артели, завод был сдан в жалком, полуразрушенном виде, так что оказался необходимым крупный ремонт. После энергичных строительных работ летом 1909 года была пущена в ход первая варница, затем вторая и третья, и в течение первого же года своей деятельности артельный завод выпустил около полумиллиона пудов соли высокого качества»².

¹ Пажитнов К. А. Рабочие артели // Архив истории труда в России. Кн. 10. Пг., 1923. С. 70.

² Там же.

Павловская артель

Среди попыток насаждения артелей в народной среде наиболее, пожалуй, яркой является история артели, основанной в селе Павлово Нижегородской губернии в 1890 году Александром Генриховичем Штанге¹. Штанге основал ар-

¹ Штанге (Stange) Александр Генрихович (13 августа 1854, Могилев – 13 ноября 1932, Ессентуки; по др. данным, ст. Минер. Воды) – создатель Павловской кустарной артели, кооператор, общественный деятель. Штанге родился в семье крупного чиновника, происходившего из немецкого дворянского рода. В гимназии, которую окончил с золотой медалью, Александр познакомился с учением революционных демократов Писарева и Чернышевского. Позднее, поступив в Петербургский университет, вошел в нелегальный студенческий кружок. Служил в департаменте железных дорог Министерства путей сообщения в Петербурге. После разгрома «Народной воли» на Штанге в департаменте начались гонения, и в 1881 году он был вынужден уйти в отставку. В Петербург он возвращается в 1886 году. В то время Александр Генрихович увлекся идеями государственных реформ на мирных началах. С 1887 года он в качестве земского служащего в селе Павлово Горбатовского уезда Нижегородской губернии занимается организационно-просветительской деятельностью среди кустарей-металлистов, заведует земским музеем образцов кустарных изделий (1887).

«После крушения партии “Народная воля”, – пишет А. Г. Штанге, – русская социалистическая мысль пошла двумя путями – политической классовой борьбы и путем культурно-экономической и кооперативной работы с идеологией, сближающейся с учением Л. Н. Толстого. Второе течение и привело меня в 1887 году в Павлово для работы в кустарной области. Ко времени учреждения Павловской артели я уже был известен и нижегородской власти как уполномоченный павловских кустарей для ходатайства об учреждении ломбарда и других кустарных мероприятий, осуществление которых земством растянулось на 20 с лишним лет, и как написавший в сенат жалобу на незаконные действия властей, поддерживающих партию “богатых” в их борьбе на сходке с партией “народа”, за эту деятельность тогдашний губернатор Баранов выслал меня из Нижегородской губернии, но мне удалось выяснить всю ложность доноса, и я получил возможность вернуться в Павлово – случилось это уже по учреждении Павловской артели. Из сказанного ясно, что местные условия для возникновения артели были с самого начала неблагоприятные...» (Спиридонов Г. В. Первая в России: Очерк истории предприятия. 1890–1990. Горький, 1989. С. 9).

По приезду в село Александр Генрихович поселился в доме кустика И. Елагина на Острожной улице (ныне улица Кольцова, 24). Именно здесь спустя три года начала свою деятельность артель. Здесь он и начал свои беседы с кустиками, все больше и больше расширяя круг своих знакомых, все больше узнавая кустарное, в особенности замочное, производство. На одной из сходов он был утвержден уполномоченным от кустарей для разных ходатайств. Деятельностью Штанге, естественно, были недовольны павловские богачи, «живоглоты», как их называли кустики. Чтобы к нуждам павлов-

тель после обстоятельного знакомства с положением дел в селе Павлове и после долгих бесед с рабочими. Первоначально ее численность составила 13 человек. Помимо Штанге к

ских кустарей привлечь внимание широкой общественности и правительства, Штанге составил подробный доклад о бедственном их положении и о мерах содействия замочному промыслу, с которым выступил в Петербурге в кустарном отделе Общества содействия русской промышленности и торговли, а затем выступил со статьей «Как помочь кустарям-замочникам Павловского района» в «Экономическом журнале». В ней он пишет, что отношение к кустарным промыслам напоминает отношение белоголичего к неграм. Штанге свидетельствует о положении кустарей: «Шабашут в 9 часов вечера, а встают в 3 часа ночи, а в некоторых семьях даже в 1 час ночи» (Экономический журнал. 1889. № 7–8. С. 30). Вся недельная получка кустика уходит на покупку материала для работы на следующую неделю и на расплату в мелочной лавке за забранные в течение недели припасы. Далее Штанге пишет: «И если важно освобождение кустика от эксплуатации со стороны скупщика, то не менее важно и освобождение его от допотопного ручного производства. Машина необходима. Нужно только позаботиться, чтобы, являясь в области кустарного производства, машина оказалась другом кустарей, а не слугою капитала, стремящегося потопить их» (Там же. С. 80).

Штанге был активным участником кооперативного движения. Он являлся сторонником объединения кооперативов в союзы, выступал за создание единого кредитного центра для кооперативов всех типов, принятия общеккооперативного законодательства, а также предлагал казенные заводы передать в управление артелей рабочих. С 1899 года Штанге – один из директоров Товарищества помощи московским артелям «Союз». В 1914 году содействовал мобилизации производственной кооперации на военные нужды.

После октября 1917 года сотрудничал с советской властью, работал в руководящих органах промкооперации. С марта 1919 года – товарищ (заместитель) председателя президиума Артельсовета – идейного центра промкооперации. Делегат от Артельсовета в кустарном отделении Наркомата земледелия, разработал программу развития промысловой кооперации, кооперирования мелкой промышленности. Участвовал в разработке декрета ВЦИК от 26 апреля 1919 года «О мерах содействия кустарной промышленности», направленного против национализации артельных предприятий с числом работников менее 10 человек. С 1920 года – член Совета и инструктор Главкустпрома, член специальной комиссии, которая разработала декрет СНК от 7 сентября 1920 года о регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности. Летом 1921 года на базе Павловской артели организовал местный промысловый союз, который объединил 15 металлообрабатывающих артелей района. Отстаивал явочный порядок основания артельных союзов. Член правления (с ноября 1921) и председатель Совета (с 1922) Всероссийского союза промысловой кооперации (Всекопромсоюза) – центрального объединения промысловых артелей. С 1930 – персональный пенсионер. Все свои сбережения завещал пенсионному фонду Павловской артели.

делам артели были причастны еще два представителя интеллигенции – инженер-механик Ефремов и агент по сбыту готовой продукции в Петербурге М. В. Григоров. Сама артель представляла собой предприятие, в рамках которого полностью реализовывался производственный процесс, для этих нужд имелась общая мастерская. Первоначально изготавливались ножи, вилки, ножницы, пчеловодческие инструменты, позже – замки и пехотные лопатки.

В 1893 году устав артели был утвержден госорганами. Правление поначалу состояло из трех, потом пяти человек (трое из них – рабочие), проводились общие собрания. Секретарем правления и счетоводом стал В. Н. Зельгейм – в будущем видный деятель потребкооперации. В дополнение к правлению был создан ряд комиссий: для упорядочения приема и выдачи заготовок, расценочная, браковочная, техническая, по закупкам, ревизионная. В 1908 году организуется комиссия по общим вопросам, впоследствии превратившаяся в совет артели.

Постепенно росла и численность членов: в 1894 году – 44 артельщика и 15 наемных рабочих, в 1898-м – 84 чел., в 1908 году – 161 чел.¹ Пай составлял значительную сумму – 25 рублей, он вносился как долговая расписка кредиторам из-за отсутствия средств у рабочих. Рабочий должен проработать от 3 до 6 месяцев, прежде чем его могли принять в артель. В 1895 году Воронцов так характеризовал положение с заработной платой: «...Артель не считает пока возможным вознаграждать работу своих членов выше платы, обычной для наемных рабочих на лучших фабриках с. Павлова, а два интеллигентных члена артели вовсе не получают от нее вознаграждения за свои труды»². В начале XX века оплата труда была уже несколько выше, чем на заводах, что замед-

¹ Воронцов дает несколько иные цифры: при основании артель состояла из 18 чел., в 1894 году – 32, в начале 1895 – 51 член и 20 сторонних кустарей, из которых постепенно пополнялся состав артели (Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 87).

² Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 87.

ляло накопление капитала. Штамповщики и прессовщики получали 23–24 руб. в месяц, шлифовщики – 26–27 руб., а чернорабочие – 16 руб.¹ Рабочий день был ограничен 12 часами, в то время как на близлежащих фабриках его длительность составляла 14–16 часов². Артель сдавала рабочие места в мастерской, практиковала раздачу заказов местным кустарям с последующей браковкой и продажей изделий. В начале XX века были внесены изменения в устав: теперь количество наемников не должно было превышать 25% от общего количества артельщиков, а срок пребывания наемников в артели не должен был превышать 6 месяцев. При артели были созданы столовая и библиотека, проводились групповые беседы и гулянья, артельщикам постоянно оказывалась материальная помощь.

Поначалу артели приходилось сталкиваться с серьезными трудностями. Это и недостаток в средствах, и низкое качество изготавливаемых изделий, и козни конкурентов. В первое десятилетие своего существования артель не получала помощи ни от земства, ни от правительства. А в 1895 году она пережила пожар, уничтоживший помещения для работы. Про самого Штанге циркулировало множество слухов, например о том, что он «антихрист», «немецкий шпион», «убийца царя», считали, что он «продаст артель, заберет деньги и скроется». Но сами артельщики относились к своему старосте с глубоким уважением и называли его «дедушкой».

Заказы для артели искал Штанге, с его помощью был налажен сбыт готовой продукции в Москве через торговую фирму «Мюр и Мерилиз». А в 1898 году артель открыла свой магазин в Москве на улице Петровка в доме № 10, в 191 – организовала работу склада для продажи кустарных изделий в Петербурге.

¹ Спиридонов Г. В. Первая в России: Очерк истории предприятия. 1890–1990. Горький, 1989. С. 26

² Там же. С. 19.

В первое десятилетие деятельности артели финансовая зависимость ее от кредиторов была велика. «Артель имеет собственную усадьбную землю, – писал Воронцов в 1895 году, – с выстроенной на ней фабрикой и другими зданиями – общей ценностью около 7 тысяч руб. С другой стороны, на ней лежит беспроцентный долг по долгосрочной ссуде в 7 тысяч руб. и процентный в 3 тысячи руб. Кроме того, артели открыт кредит в государственном банке в размере 2 тысячи руб., и она принята в члены Общества взаимного кредита в Нижнем Новгороде, с кредитом пока в размере 500 руб. Вместе с тем увеличился и кредит артели у местных торговцев: в 1894 году у них по заборным книжкам взято материалов, припасов и пр. на сумму 3123 руб. Всех этих сумм, однако, недостаточно для того, чтобы сразу же поставить дела артели на достаточно широкую ногу и значительно увеличить численный ее состав. Валовой доход артели в 1893 году достиг 13 тысяч руб., и он еле покрыл расходы. [...] В 1894 году, благодаря расширению оборота, валовой доход артели превысил 20 тысяч руб., и получилась прибыль в 1322 р. Ввиду незначительности собственного капитала из чистой прибыли артель обратила в дивиденд своим членам всего только 150 р., а остальную сумму, за некоторыми выдачами, распределила в разные капиталы. [...] Вспомогательный капитал артели состоит из 790 р.; из него члены артели брали ссуды на постройку изб, покупку скотины, уплату оброков и т.д.»¹.

К началу XX века артель смогла расплатиться по первоначальным займам. А в 1901 году Штанге сумел хлопотать у министра финансов С. Ю. Витте ссуду в 50 тыс. руб. Убытки с 1902 года начали снижаться, а начиная с 1905 года сменились хотя и незначительными, но прибылями. Тем не менее их часть, помимо уплаты процентов по ссудам и займам, шла на погашение безнадежных долгов

¹ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 87–88.

за покупателями, на покрытие убытков по организованному в Москве магазину, на покрытие убытков прежних лет. В 1906 году были получены новые правительственные ссуды – 3 тыс. руб. от Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) сроком на три года (беспроцентная) и 7 тыс. руб. от Министерства финансов, тоже на трехгодичный срок, но из шести процентов годовых.

К 1908 году артель в Павлове имела хорошо оборудованную двухэтажную фабрику и ряд деревянных мастерских и служб, крытых железом. Работало два нефтяных двигателя – в 12 и 25 лошадиных сил¹.

В 1910 году по завещанию инженера Дмитриева артель получила 6 тыс. руб., которые он ей в свое время ссудил, а вся сумма с процентами составила 9 600 р. В 1911 году от ГУЗиЗ была получена ссуда в 30 тыс. руб. на 3 года. В результате артель приобрела новый нефтяной двигатель мощностью в 75 л.с., построила механическую кузницу, купила ряд станков и устроила особую мастерскую для лопатного производства. [...] В начале 1914 года артель получила новую правительственную ссуду в 50 тыс. руб., которая давала ей возможность дальнейшего строительства и оборудования предприятия, а также расширения производственных направлений². Поступали также заказы от правительственных ведомств, например от ГУЗиЗа. В довоенный период на различных выставках Павловская артель получила 9 золотых и 13 серебряных медалей, и сверх этого две высшие награды на двух всероссийских кустарных выставках³.

Во время Первой мировой войны артель изготавливала ножницы для резки колючей проволоки, саперные лопаты, хирургический инструмент. В этот период она, получая военные заказы и зарабатывая благодаря им значительные

¹ Спиридонов Г. В. Первая в России: Очерк истории предприятия. 1890–1990. Горький, 1989. С. 23.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 21.

средства, купила обширный участок земли и построила три каменных двухэтажных фабричных здания¹.

После февраля 1917 года на ближайшем мартовском собрании артель ввела у себя 8-часовой рабочий день с увеличением платы на 25% и пересмотром сдельных расценок в сторону их повышения. Вводилась оплата сверхурочных часов и двойная в праздники. В августе был установлен двухнедельный отпуск. В 1917 году для наемных рабочих был установлен двухмесячный срок пребывания в артели. После октября 1917 года артель пытались национализировать. Чтобы пресечь эти попытки, Штанге написал письмо Ленину, и артель не тронули.

С 1919 года предприятие стало именоваться просто: «Павловская артель», без употребления определения «кустарная», так как производство ее уже кустарным не было. После революции несколько изменилась и номенклатура производимых изделий, стали выпускаться плуги, грабли, вилы, лопаты, столовые весы и т.д.

8 декабря 1921 года состоялось учредительное собрание Метартельсоюза, организованного Штанге, в него вошла и Павловская артель. Численность членов артели продолжала неуклонно расти: в 1923 году – 368 чел., в 1930-е годы – 1,5 тыс. чел.² Усиливалась и техническая мощь предприятия: в 1929 году артель подключилась к Балахнинской электростанции. В 1932 году умер отец-основатель Штанге, и предприятие получило новое почетное название – «Артель имени Штанге».

С 1927 года преобладающее большинство правления артели составили коммунисты. В 1930 году насчитывалось 34 артельщика-коммуниста и 70 комсомольцев. Для работников было построено общежитие, а еще в 1920-х годах организован свой дом отдыха, в 1930-е годы у артели

¹ Спиридонов Г. В. Первая в России: Очерк истории предприятия. 1890–1990. Горький, 1989. С. 27.

² Там же. С. 41.

появились своя футбольная команда, детский сад и подсобное хозяйство. Постоянно внедрялось новое оборудование, была сделана вентиляция. Перед войной в артели работали 605 стахановцев, 290 ударников, 59 человек постоянно давали более двух норм¹.

Артель активно проявила себя в годы Великой Отечественной войны. Зимой 1943 года средняя выработка всей артели составляла 237%. В это время большинство работников составляли женщины. Несмотря на тяжелые условия, постоянно происходило совершенствование технологии производства и внедрялись рацпредложения. С 1942 года название предприятия вновь поменялось, теперь оно стало называться «Артель имени Кирова».

При Хрущеве артели ликвидировались, так как считалось, что государственная форма собственности (а она воспринималась как социалистическая собственность) для предприятия предпочтительнее, чем кооперативная. С 1956 года история артели, по сути, заканчивается, предприятие переходит полностью в государственную собственность, теперь это уже был «Завод имени Кирова», он существует и в наши дни (с 1994 года) под вывеской ОАО «Павловский ордена Почета завод художественных металлоизделий им. С. М. Кирова»².

Выводы

Заводские артели насчитывали от нескольких десятков до двух сотен и более членов. Обычно они зависели от выполнения государственных заказов, причем им удавалось выполнять их по более низким ценам, чем частновладельческим и казенным предприятиям. Прослеживается также

¹ Там же. С. 47.

² Спиридонов Г. В. Первая в России: Очерк истории предприятия. 1890–1990. Горький, 1989. С. 13–60; Дударев М. И. Павловская кустарная артель // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: В 2 т. М., 2008–2009. Т. 2. 2009. С. 217–218; Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб., 1895. С. 86–88.

значительная зависимость заводских артелей от заводского начальства. Администрация завода обычно поставляла для артели сырье, предоставляла для работы машины, оборудование и помещение, завод принимал готовые изделия по условленной цене и мог ограничивать возможность исполнения артелью частных заказов.

Артели на Мальцевских заводах (Чернятинская, Любохонская, Людиновская и др.), артели на Нижне-Исетском и Дедюхинском заводах были созданы в результате свертывания частного или государственного производства, рабочие получали подчас изношенное оборудование и помещения, требовавшие ремонта. На объединение в союзы рабочих толкала нужда и нежелание утрачивать статус промышленного рабочего, так как эти люди привыкли зарабатывать на хлеб своим трудом именно в сфере индустриального производства. В случае с артелями на Красносельской бумажной фабрике, Нижнетуринской механической, Чернятинской стекольной и, вероятно, некоторыми другими можно говорить об образовании этих союзов по инициативе самих работников, то есть возникновение артелей происходило как бы снизу. Если не брать в расчет те случаи, когда объединение в артель являлось чуть ли не единственным источником заработка в ситуации, когда рабочие бедствовали, то во всех иных случаях видно, что работа в артели представлялась рабочим выгодной. Вероятно, достаточно высоким можно считать заработок рабочего в Нижнетуринской артели, а в Павловской заработок артельщика даже немного превышал оплату труда работников на близлежащих предприятиях. На Красносельской артельной фабрике и в Павловской артели рабочий день был на 2–4 часа короче, чем на казенных и частновладельческих предприятиях, и составлял 10 и 12 часов соответственно. Красносельская артель ограничила на собственном производстве детский и женский труд.

В случае с Нижнетуринской и Павловской артелью можно уверенно говорить о таких положительных сторо-

нах производства, как рост производительности, внедрение технических и технологических новшеств, снижение себестоимости продукции и уменьшение доли брака в производимой продукции. В этих же коллективах наблюдался рост нематериальных потребностей у рабочих.

Заводским артелям пришлось столкнуться и с множеством проблем. На их деятельности сказывались необразованность и неопытность артельщиков в делах управления, при решении финансовых, хозяйственных и юридических вопросов. Некоторые артели столкнулись с угрозой перерождения, которое вело коллектив к утрате трудового принципа и самой артельной сущности предприятия. Зависимость от казенных заказов и весьма ограниченная этим возможность для маневра также ставили заводские артели в весьма неустойчивое положение.

6. Артели по добыче полезных ископаемых

Артельная организация труда получила довольно широкое распространение в сфере добычи полезных ископаемых. Еще в дореволюционное время известно было об артелях по добыче камней, соли, шахтерских и старательских артелях. История старательских артелей была наиболее славной, а особо выдающихся успехов они достигли в 1960-е – 1980-е годы, уже в советское время. Далее в общих чертах осветим деятельность артелей по добыче полезных ископаемых дореволюционного периода, а более подробно остановимся на артелях старателей советского времени.

Артели по добыче камня

В ряде российских губерний исследователи, обследовавшие местные промыслы, зафиксировали наличие артелей по добыче камней. Так, В. И. Каталей сообщал о подоб-

ных артелях в пореформенное время в Орловской губернии. Добываемые камни были необходимы для изготовления мельничных жерновов. Добыча производилась артелями, состоящими из 7–15 человек. Помимо непосредственных членов в артель могли входить и наемные рабочие, пользовавшиеся такими же правами, как и сами артельщики. Однако наемные работники должны были часть добытого материала отдавать хозяину, который выдавал им заработную плату и расходовал свои собственные средства на инструменты, питание и т.д.¹ Один артельщик в год мог заработать 100–150 рублей, но случались и неудачи, когда хозяевам приходилось оплачивать труд рабочих из собственных средств. Обыкновенный же годовой заработок составлял 60 рублей, иногда он мог снижаться и до 20–25 рублей².

Артельная добыча камня была распространена также в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, где из разных пород камня крестьяне изготавливали мельничные жернова, молотильные катки, косарские бруски, надгробные памятники и некоторые другие изделия. Артелей по добыче камня в Бахмутском уезде насчитывалось порядка 120, в них входило $\frac{2}{3}$ всех работников из тех, кто занимался данным промыслом (всего около 600 человек). «Каменоломни находятся преимущественно на крестьянской надельной земле, поэтому кустари пользуются ими безвозмездно; при этом участки залежей камня достаются артелям не по распределению сельских обществ, а больше по захвату. Сбываются изделия не только в Екатеринославской губернии, но и в других губерниях, а также в Донской и Кубанской областях». Ежегодный заработок камнетесов в уезде составлял примерно 15 тыс. рублей, то есть в среднем 25 рублей на человека³.

¹ Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России. Т. I. СПб., 1892. С. 307.

² Там же. С. 308.

³ Там же. Т. II. СПб., 1894. С. 161–162.

Добыча камня для производства точил и жерновов встречалась в ряде волостей Иркутской губернии. Так, в деревне Пономаревской Тутурской волости, как было установлено в результате обследования местных промыслов, «добычей жернового камня и выделкой жерновов занимается до 15 дворов. Жерновой камень начинают здесь добывать в конце сентября, на одной из ближайших к деревне горе, для чего крестьяне соединяются в артель. Артель уходит, запасшись провизией, в лес, где для временного проживания располагается в “зимовье”.

В земле отыскивается жерновой камень, для чего верхние покровы почвы протыкаются железной тростью, затем над камнем снимаются лес и земля, и очищается на камне площадка, окопанная кругом так, чтобы удобно было потом вытаскивать каменные плиты.

На площадке разводится огонь, под действием которого камень дает трещины, после чего он взламывается на плиты. Последние вывозятся из леса домой и здесь уже с помощью “насеков” превращаются в жернова. По размеру жернова делятся на пятерики (5 четвертей аршина в диаметре), шестерики, семерики и восьмерики. Жернова продаются “как придется”; на месте шестерики обычно стоят 25–30 рублей, семерики 35–40 рублей, восьмерики 45–50 рублей. Большей частью крестьяне сами развозят жернова по селениям Верхоленского уезда и сбывают их по мельницам, – в этом случае стоимость жерновов, благодаря их доставке, сильно повышается. Под восьмерик запрягают четырех лошадей, под семерик – трех»¹.

Артели по добыче соли

Товарищества по добыче соли, как об этом можно судить по скудным данным дошедших до нас источников, имели весьма древнюю историю. Концессии на право пользования землями Подвинья предоставлялись не только монастырям,

¹ Там же. Т. XI. СПб., 1915. С. 192–193.

но и товарищеским объединениям. Например, до нас дошла грамота от 1524 года великого князя Василия Иоанновича, выданная Наумке Кобелю со товарищи на «дикие леса» по случаю открытия ими соляных ключей в Двинском уезде, на речке Юрье. Этой артели предоставлялись и различные льготы: «Пожаловал Двинян Наумка Кабеля Савина сына, да Давыдка Степанова сына, да Марка Матвеева сына, да Олешка Фомина сына, да Саву Савина сына (5 человек), велел есми им на тех местах ключи соляные чистить и людей звати к себе на те места нетяглых и непостоянных»¹. Объединение товарищей, или артель, получало, таким образом, право строить варницы, где получали соль, обзаводиться хозяйством, использовать окружающие леса и земли. Однако со временем товарищеские объединения стали тесниться крупными собственниками: монастырями и купеческой солеваренной промышленностью. Общая собственность солеваренных товариществ постепенно дробилась, переходила в иные руки, вероятно, утрачивался трудовой характер союзов. Исследуя солеваренную промышленность Архангельской губернии, Ф. Остроумов обнаруживал, что сохранившиеся грамоты, касавшиеся дел целого ряда варниц, «указывают на крайнюю дробность паев товарищей, и чем ближе мы к началу XVI стол.[етия], тем эти мелкие пай все более и более находятся и распределяются по рукам крестьян, а чем далее идем к XVII стол.[етию], тем все более видим сосредоточение этих мелких паев в руках богатых лиц, иногда даже иногородных и монастырей, т.е. наблюдаем тот же процесс уничтожения мелкого крестьянского товарищеского солеварения крупным монастырским или купеческим, при неизменяющихся технических условиях солеварения...»². Сами пай могли делиться

¹ Цит. по: Остроумов Ф. Древнерусские солеваренные товарищества (К истории русской промысловой общины) // Устои. Ежемесячный литературно-политический журнал. № 5. СПб., 1882; № 8. С. 64.

² Там же. С. 66.

и на двенадцать, и на шестнадцать частей, в других случаях существовала иная система деления паев на четверти, половины, седьмые части и осьмины. Причем «каковы бы ни были паи, малы или велики, они составляли полную почти собственность владельца, переходили по наследству, делились, закладывались, продавались, отдавались в монастырь на помин души, а иногда уступались другим лицам только на несколько ночей»¹. Разные по своему составу товарищества могли владеть теми или иными частями соледобывающего хозяйства, то есть у самих варниц, колодцев, у труб для рассола и различных орудий труда могли быть различные собственники или группы собственников². В XVII веке товарищеское солеварение в сельской местности уступило место монастырскому, хотя не исключено, что первое еще могло кое-где и оставаться. В посадах и городах товарищества удерживали промысел в своих руках несколько дольше. Но и тут постепенно товарищеские хозяйства подминали под себя монастыри, купцы и крупные вотчинники. Причиной слабости и неустойчивости товарищеского солеварения являлись не только дробность и возможность свободно передавать из рук в руки и паи целиком и их отдельные части, но и то тягло, которое приходилось тянуть промышленникам, выходцам из податного населения: «Податная тягота и разные сборы и розрубы и розметы земские для отбывания натуральных повинностей и сборов, судебная волокита – способствовали значительно разрушению крестьянских солеваренных товариществ; а разные льготы и несудимые и тарханные грамоты, дававшиеся крупным вотчинникам, благоприятствовали последним в борьбе с мелкими промышленниками»³. К сожалению, какие-либо более или менее подробные сведения о внутреннем устройстве товариществ, об организации труда на солеварнях до

¹ Там же.

² Там же. № 5. СПб., 1882; № 9–10. 159.

³ Там же.

нас не дошли. А потому предположение о том, что солепромышленные товарищества можно в полной мере причислить к артелям, достаточно условно.

Если выше речь шла о товариществах, имевших производительный характер, то далее будут рассматриваться солепромышленные объединения, представлявшие собой трудовые артели. Ф. А. Щербина знакомит нас с таковыми у малороссов. Эти артели, действовавшие на крымских соляных озерах перекопских, керченских и евпаторийских, формировались следующим образом. Обычно тот или иной предприимчивый работник, имевший собственные лошады и повозку, приглашал товарищей отправиться на совместный промысел; созданная таким образом артель избирала из своих рядов артельщика и кашевара¹. Однако ни тот, ни другой не имели какой-либо особой власти. Артельщик лишь осуществлял закупки провизии, вел счета артели, мог указать на необходимость исполнить те или иные работы. За эти дополнительные обязанности он получал сверх обычной платы 2–3 рубля «на сапоги», так как по своим обязанностям ему приходилось много ходить и разъезжать. При этом артельщиком чаще всего становился владелец повозки и лошади, последний (даже если он не становился артельщиком) получал от всех остальных участников дела плату за доставку их вещей к месту работы. Прибыв на соленые озера, артельщик договаривался с солепромышленником об условиях работы и оплате труда, и артель приступала к вывозке соли, при этом использовались тачки, лопаты, доски, по которым возили тачки и т.д. Орудия труда и помещения для жилья работникам предоставлял солепромышленник. При заключении договора солепромышленник должен был вручить артели барана, пуд соли, два пуда пшена и полведра или ведро водки. И по окончании работ хозяин также дарил артели барана. Число артельщиков в одной артели

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 217.

обычно составляло от 17 до 25, редко до 30, рабочих. Возраст артельщиков составлял 20–45 лет. Артели для добычи соли встречались не только у малороссов, в Крыму действовали и великоросские артели, и татарские, и греческие.

«Успешность и производительность труда, отсутствие почти всяких пререканий и ссор, освобождение хозяев от всякого контроля работ – вот те выгоды, которые признают за артельным ведением дела хозяева, – отмечал Ф. А. Щербина и добавлял, – артели находятся в лучшем экономическом положении сравнительно с положением рабочих одиночек. Та же производительность труда и успешность работ, соединенные с сокращением расходов по продовольствию и в особенности с гарантией членов в случае болезни, делают артель устойчивой и относительно выгодной формой труда и для рабочих»¹. Заработок в артели за полтора месяца работ в среднем составлял 50 рублей, что было весьма и весьма прилично. Однако и работа была нелегкой.

То, насколько рабочие были привержены артельной форме труда, показывают передаваемые Щербиной слова самих артельщиков: «“Нет лучше, – говорят они, – как работать “гуртом”, в артели... И дело идет скорее и веселее работается”... Рабочие всегда сопровождают работы песнями, веселыми прибаутками, рассказами и остротами, и это весьма много значит при тяжелом труде. “Зарею, – рассказывают рабочие, – аж озеро реве, як заспивають кругом в артілях, а тачки тіки – цоко-цоко-цок-цок!”»²

Артели рудокопов и шахтеров

Русский народ, свыкшись с артельной формой организации труда в одном промысле, при случае переносил ее и в иные отрасли хозяйства. Н. В. Калачов сообщал, что «в Вятской губернии от уменьшения бурлачества (вследствие распространения коноводных машин и пароходств) быв-

¹ Там же. С. 229–230.

² Там же. С. 230.

шие бурлаки обратились в рудокопов. Они ходят на этот промысел также партиями, как и на бурлачество, от 10 до 15 человек, в пермские, сибирские и оренбургские рудники, а также на рудники железоплавительных и чугуноплавительных заводов Слободского и Глазовского уездов, в числе до 2000 человек»¹.

Артели получили широкое распространение на рудниках Екатеринославской губернии. «Так, в Бахмутском уезде на рудниках Шейермана, Нестеровой и Горнопромышленного общества работы производились ими преимущественно или даже исключительно. Артели составлялись отдельно для подземных и наружных работ в числе от 3 до 15 человек каждая. Работы артелями считаются более выгодными, так как они идут ровнее, да и наблюдение за ними легче, чем за одиночными “упряжными” рабочими. Но к важнейшим условиям, вследствие которых рудничные управления предпочитали иметь дело с артелями, относится, несомненно, тот пункт договора, на основании которого артель обязуется постоянно содержать такое число рабочих, какое нужно руднику; если у нее не хватает членов, то она должна нанять в недельный срок со стороны, в противном случае управление может нанять рабочих за счет артели. Все без исключения артельные рабочие на поверхности и под землей меняют по очереди свои занятия и заработок делят поровну, за исключением мальчиков – погонщиков лошадей, которые нанимаются артелью особо»². Таким образом, предоставляя работникам свободу самоуправления, хозяева выигрывали за счет того, что за работой артельщиков не требовалось надзирать, что позволяло снижать издержки на администрацию; кроме того, работа исполнялась более качественно и вопросы, связанные с увеличением или уменьшением рабочего штата, целиком перекладывались на артели.

¹ Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 48.

² Пажитнов К. А. Рабочие артели // Архив истории труда в России. Кн. 10. Пг., 1923. С. 65.

В Славяносербском уезде Екатеринославской губернии артельная форма найма была весьма распространена. «Так, непосредственно конторами был нанят поодиночке всего лишь 271 человек, через подрядчиков – 262 отдельных рабочих и 15 артелей с 237 чел.; наконец, самостоятельных артелей было нанято 31 с 798 рабочими»¹. То есть 1035 нанятых работников являлись артельщиками и состояли в 46 артелях, и только 533 углекопа были наемниками-одиночками. Обычно механизм артельного найма заключался в следующем: «Некоторые из углекопов, толкаясь долго по рудникам, облюбовывают какой-либо из них, где и поселяются на более или менее продолжительное время, в иных случаях с семьями. Зная хорошо этих рабочих, знакомых с положением рудников и работами в недрах, контора, когда предполагается работа или открытие новой шахты, обращается к ним, чтобы они составили артель. Рабочий начинает списываться с родными и односельцами, которые набирают нужных рабочих в соседних селах. Если же таким путем ему не удастся сделать набор, то остальные набираются из посторонних, приходящих на заработки из разных мест, или же из местных крестьян. Последним во многих случаях конторы сами указывают, к кому они должны записаться в артель. Другие же артели являются перед конторой в готовом виде, уже организованными. Они еще у себя на селе собираются партиями идти на заработки. Инициаторами в таких случаях являются горнорабочие, прежде работавшие на рудниках. Они выбирают распорядителями и представителями в артели, чтобы являться в конторы с предложением рабочих рук и для заключения условий»².

Известно о существовании артелей на руднике Новороссийского общества в начале XX века. Артель разделялась на три группы: «одна prepares шнуры, другая разбивает породу, грузит ее в вагонетки и подает по наклонной

¹ Там же. С. 67.

² Там же. С. 66–67.

плоскости и, наконец, третья работает наверху на откатке. Такое разделение труда не остается постоянным; наоборот, время от времени одна часть заменяет другую. Иногда откатчики образуют самостоятельную артель. Артель составляется, особенно в начале, из людей, знающих друг друга. Она старается сама замещать выбывающих, но не без санкции ближайших заведующих работами (штейгеров, десятников). Расчет заработка производится по числу поданных вагонеток – будет ли то руда или кварцит. Для уравнивания заработка производится перестановка артели, причем иногда дело не обходится без мздоимства со стороны старших десятников. Грузчики составляют особую артель и получают плату по числу груженых ими вагонов»¹.

Среди шахтерских артелей встречались не только трудовые артели, но постепенно стали возникать и производительные товарищества. В особенности они возникали на шахтах, строящихся на крестьянских землях. В селе Железное Бахмутского уезда «все крестьянские шахты – артельные, причем в состав артели (10 человек) входят и богатые и бедные крестьяне, но инициатором дела всегда являются первые. Они вкладывают за бедных причитающуюся (равную) часть денег в общий капитал предприятия на покупку сруба для шахты, барабана, бадей, подпорок и т.п. и получают обратно эти деньги постепенно, по мере выручки за добытый и проданный каменный уголь. В виде процента бедные уплачивают за каждые 10 р. долга по одной четверти угля». В дальнейшем неравенство среди артельщиков, скорее всего, приводило к эксплуатации менее состоятельных более состоятельными, хотя на первоначальном этапе эти отношения могли выстраиваться на более или менее справедливой основе.

«Разработка каменоломен в селе Луганском также производилась артельным способом; здесь их насчитыв-

¹ Пажитнов К. А. Рабочие артели // Архив истории труда в России. Кн. 10. Пг., 1923. С. 71.

валось 47 с 207 членами. В течение года одни выбывали, другие вступали, но начатая яма обыкновенно заканчивалась артелью в ее первоначальном количественном составе. Всякий член артели обязан был иметь все необходимые инструменты, кроме бабы и кайла, приобретаемых за счет артели; починка инструментов также производилась за общий счет. Заработок делился поровну между всеми рабочими. Сбыт продуктов производился самой артелью, хотя некоторые из них находились в зависимости от барышников»¹. Здесь уже процесс попадания артелей в зависимость выступал более явственно.

«В Славяносербском уезде, – сообщал К. А. Пажитнов, – крестьяне также в виде общего правила организовывались для добывания угля в небольшие артели из 5–6, редко 7–8 человек, из молодежи, – старики почти не встречались. Всего крестьянских шахт насчитывалось 107, и артелей было также 107 с 541 членом. Наемных рабочих обычно не имелось; только у государственных крестьян на 65 артелей с 294 членами приходилось 27 наемных рабочих. Когда намереваются производить добычу угля, то предварительно сговариваются об основаниях своей внутренней организации... и просят разрешения у общества на розыски при условии закладки новой шахты... Открыв уголь, артель закладывает шахту, которая считается ее полной собственностью, в особенности в тех случаях, если это происходит на собственной наделной земле государственных крестьян. При этом нужно заметить, что все участники в первоначальной закладке шахты считаются с равными правами на часть добываемого продукта. По числу их определяется число равных паев на шахте. Каждому пайщику, однако, предоставляется право разбивать свой пай на части и продать или передать другому одну из них на известных условиях»². Таким образом, производительные артели

¹ Там же.

² Там же. С. 67.

шахтеров были малочисленны, они почти не пользовались наемным трудом и, что весьма примечательно, образовывались при согласовании вопроса с сельским обществом и при получении его согласия. Свобода распоряжения собственным паем, вероятно, привела бы шахтерские артели к вырождению, и им бы пришлось в будущем пережить ту же эволюцию, которую претерпели солепромышленные товарищества в XVI–XVII веках.

Однако известно и более крупное предприятие углекопов, образовавшееся в 1915 году под Пермью на Архангело-Пашийском чугунном и железоделательном заводе. У К. А. Пажитнова находим описание этой артели: «В состав ее к началу января входило более 80 членов, но фактически разработка шахты началась с середины лета. Согласно договору, все члены артели отвечают друг за друга круговой порукой и обязаны принимать личное участие в работах на условиях, какие будут установлены артелью, ежедневно по восьмичасовой трехсменной очереди, исключая праздники – по усмотрению артели. Доходы распределяются между членами по количеству отработанных поденщин, и выдача производится два раза в месяц. Если кто-либо из членов пожелает добровольно выйти из артели, то обязан предупредить ее об этом за две недели. В случае допущения членами поступков, противных интересам артели, такой член может быть исключен из ее состава постановлением большинства. Однако выбывший из артели член остается ответственным по ее делам в течение трех месяцев со дня выхода. Управление делами находится в руках комиссии, состоящей из членов-учредителей (13 человек); член-распорядитель и заместитель избраны были всей артелью из числа учредителей. Средний заработок за 8-часовую смену достиг 2 р. 20 к. для забойщиков, которые составляли главную массу работающих; этот заработок нужно считать очень хорошим, ибо заводоуправление своим рабочим платило по 80 к. в сутки; два плотника получали по 2 р., два кузнеца по 1 р. 50 к.

в сутки и два сторожа – по 20 руб. в месяц. В летнюю пору на этом же заводе работала за последние годы артель старателей-рудокоепов в составе 13 членов, добывавших при содействии наемных рабочих до 300 000–500 000 пудов хромистого железняка за лето»¹.

7. Артели по оказанию услуг (бурлаки, дрягили, биржевые)

Среди разнообразных видов артельной самоорганизации русского народа особенно выделялись артели, оказывающие услуги транспортировки, перемещения и т.п. Можно выделить несколько артелей такого вида: биржевые артели, артели крючников, лодочников, биндюжников (бэндюжников), извозчиков, носильщиков (дрягилей), половых, бурлаков, почтовых и др. По словам **Ф. Г. Тернера**, в первой половине XIX столетия подобные артели существовали почти во всех областях рабочего быта. На низшей ступени развития стояли **бурлацкие артели**, т.е. артели *судо-рабочих* и людей, тянувших суда на Волге².

Подробное определение бурлакам дает **Ю. И. Гессен**: «Обычно бурлаками называются рабочие, идя в ногу вдоль горного берега Волги, тянут против течения судно, закинув свою лямку (широкий кожаный ремень) за бичеву, прикрепленную к судну. Однако к бурлакам причисляются и другие рабочие, находящиеся на судне при сплаве»³. В Тверской губернии судорабочие назывались «коноводами», а также «коренными». Это наименование

¹ Пажитнов К. А. Рабочие артели // Архив истории труда в России. Кн. 10. Пг., 1923. С. 71.

² См.: Тернер Ф. Г. О рабочем классе и мерах к обеспечению его благосостояния. СПб., 1860.

³ Гессен Ю. И. Бурлаки в первой половине 19-го века // Архив истории труда в России. 1921. Кн. 2. С. 25.

применялось и в других местах к бурлакам, нанимавшимся на целый рейс («путину») в отличие от «добавочных», которых брали на время, по мере надобности.

Часто живописуют бурлацкую жизнь весьма негативно. «Волею рока выбитые из обычной колеи, потерявшие надежду на лучшее будущее, проводившие ряд месяцев под открытым небом в непосильном труде, в неотвратимой нужде, бурлаки искали утешения и забвения в водке; в кабаках и в крайне тяжелой работе формировался тот духовный их облик, который позволял бурлака отождествить с грубым человеком, для которого нет ничего святого, с буяном, драчуном»¹. В подобный контекст прекрасно вписывается знаменитое стихотворение **Н. А. Некрасова** («На Волге»). Яркой иллюстрацией к стихотворению Некрасова является знаменитое полотно **И. Е. Репина** «Бурлаки на Волге».

Тем не менее среди бурлаков порою встречались и те, которые при всем физическом и материальном гнете бурлацкой жизни оставались внутренне свободными. Многие из бурлаков порывали общественные связи и уходили на Волгу, чтобы вдали от родины забыть о прошлом, «чтобы зажить новой жизнью, чуждой повседневных забот, сковывающих человека, чтобы почувствовать себя таким же непокорным, своевольным, как сама река»². Такой бурлак воспет поэтом **И. Никитиным** в стихотворении «Бурлак».

Есть основания полагать, что бурлачество являлось не только промыслом, но и неким сообществом свободного и гулящего люда (по Никитину, «*взял я паспорт, подушные отдал, и пошел в бурлаки*»). Прослеживаются аналогии с казачеством. Многим малороссам, по словам Н. И. Костомарова, «нравилась такая разбойническая, одинокая, бурлацкая жизнь, оставались в построенном укреплении».

¹ Гессен Ю. И. Бурлаки в первой половине 19-го века // Архив истории труда в России. 1921. Кн. 2. С. 25.

² Там же. С. 26.

нии зимовать; их называли сиромá, т.е. серая голь, которой нечего было жалеть на родине и для которой жизнь была копейка во всякое время»¹.

Отличительным знаком волжского бурлака была ложка, заткнутая за ленту на шляпе. В зависимости от исполняемых обязанностей бурлаки делились на несколько категорий: старший из них, следящий, чтобы груз не подмок, – *водолив*; управляющий судном – *лоцман*; переводной в лямке – *шишка*; идущие в хвосту и обязанные освобождать бичеву, когда зацепляется за куст или дерево, – *косные*. Лишь немногие из бурлаков были сведущи в судоходном деле; остальные не знали ни приемов и правил судовой службы, ни самой реки, хотя почти все они работали на судах с детства, по примеру отца и деда. «В ряды бурлаков вступали: беднейшие из крестьян, которые не могли прокормиться своим хозяйством по малоземелью или неплодородию почвы; мещане, не находившие других источников пропитания; пьяницы и вообще опустившиеся люди, рассчитывавшие провести при попутном ветре некоторое время в праздности; бродяги, порою с фальшивыми паспортами, помышлявшие лишь о коротком отдыхе от бесконечных скитаний. Особо нужно упомянуть о крестьянах, которых помещики или волостные головы за неплатеж оброка или податей принудительно отдавали целыми партиями на судовую работу, чтобы полученным от судохозяина задатком покрыть их долги»².

Вопрос о пропитании был чрезвычайно остро поставлен у бурлаков. Сразу закупить продукты на всю путину судовая артель не могла, так как судохозяин, предотвращая побег бурлаков, выдавал им деньги частями; да и сами бурлаки уклонялись от оптовой покупки, рассчиты-

¹ Цит. по: Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 19.

² Гессен Ю. И. Бурлаки в первой половине 19-го века // Архив истории труда в России. 1921. Кн. 2. С. 26.

вая, что в другом месте будет дешевле; но такие надежды обычно не оправдывались, а между тем, сойдя на берег во время стоянок для покупки провианта, но ничего не купив, бурлаки посещали кабаки. «Количественно скудная, пища бурлаков состояла из хлеба, нередко плохо выпеченного, толокна и щей, приправленных испорченной солониной. Вследствие недоедания и употребления алкоголя организм их был настолько подорван, что при эпидемиях бурлаки гибли в первую очередь. Нередко бывало, что бурлак не выдерживал работы, выбивался из сил, и в этих случаях его высаживали на берег, порою вдали от жилья; без денег, едва одетый, бурлак с трудом тащился домой, выпрашивая пристанища и пропитания, а иногда он падал в изнеможении тут же, на берегу, и умирал в одиночестве»¹.

По положению о судоходстве на Волге 1810 года судовладелец обязан был снабжать заболевшего бурлака, снимаемого с судна, деньгами за счет той артели, к которой бурлак принадлежал; но далеко не всегда составлялись артели, а если и была артель, то ее члены, сами бедствуя, не могли помочь заболевшему². Покидая судно, бурлак знал, что его поступок останется безнаказанным.

В 1837 году Николай I утвердил «Положение о ярыжных артелях» (бурлаках)³, чему предшествовала полемика в правительственных кругах, о чем мы уже писали во II части нашей монографии.

Законодательная регулировка артелей появилась уже в 1799 году при Павле I. Одной из первых была учреждена артель **дрягилей** (в пер. с нем. – «носильщики») ⁴, известных

¹ Гессен Ю. И. Бурлаки в первой половине 19-го века // Архив истории труда в России. 1921. Кн. 2. С. 29.

² Там же. С. 30.

³ Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 116.

⁴ Максимов Е. Д. (Слобожанин М.). Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском кооперативном институте. Изд. 2-е. Боровичи, 1919. С. 42.

под именем **биндюжников** (бендюжников) или «дрогалей», по-малорусскому выговору¹. На юге России рабочих этого рода можно было встретить практически во всех портах XIX века – в Одессе, Николаеве, Херсоне, Севастополе, Керчи, Мариуполе, Таганроге, Ростове-на-Дону и т.д. Везде их специальность заключалась в том, чтобы перевозить продукты/товары из магазинов в магазины и на суда. Они же доставляли с парохода в город каменный уголь, железо, фрукты, занимались грузоперевозками. Их труд сопровождался лошадью с повозкой или *дрогами*.

Биндюжники были двух категорий: постоянно промышляющие этим делом и временные биндюжники. «Когда обыкновенно пригородный биндюжник узнает о нагрузке и разгрузке судов в порте, то снаряжает свою повозку и, захвативши одну или две вязанки сена и известное количество овса для лошади, отправляется в сообществе односельцев или знакомых ему сотоварищей в конторы или на гавань отыскивать работы. Так как хлеботорговцы и судохозяева всегда предпочитают, в силу большей успешности дела, иметь дело с целыми партиями, с артелями биндюжников, а не с одиночными возчиками, то таким образом уже одно это обстоятельство служит связующей причиной для таких партий односельцев или знакомых сотоварищей. Партия не только подряжается перевозить известный товар, зерно или тяжести гуртом у одного хозяина, но и самые работы производит сообща. Биндюжные работы всегда носят такой характер, что производить одиночно, а не сообща, положительно невыгодно, а иногда и просто невозможно. Таскать пятипудовые чувалы или кули одному рабочему почти немыслимо, или если и мыслимо, то с такими неудобствами, проволочками и тратами времени и сил, что работа вряд ли могла бы окупаться по своей действительной стоимости. Значит, так или иначе наезжим

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 323.

биндюжникам приходится группироваться в партии и прилагать к делу артельный труд»¹.

Каждому биндюжнику желательно было как можно скорее сдать свою клажу или получить новую, каждый спешил поскорее пробраться к пароходу или в гавань, — «вследствие этого брань и споры, а нередко нахальство сильного и взаимные потасовки, бывают довольно частыми явлениями в среде рабочего люда... Тут нередко берет тот верх и, следовательно, больше зарабатывает, кто сильнее, а так как сила всегда оказывается на стороне артели, то одинокий рабочий при таком порядке дел оказывается положительно бессильным. Стало быть, артель, — заключает Ф. Щербина, — как форма, взаимно гарантирующая отдельных рабочих при отстаивании ими очередей и возможности скорого исполнения работ, является прямой необходимостью и с этой стороны»².

Таким образом, артельное начало обнаруживалось в партиях биндюжников в форме взаимопомощи и самозащиты по отношению к совместной работе в отстаивании друг друга при потасовках во время разгрузок. В остальном каждый член артели вел совершенно самостоятельную жизнь, траты и расчеты. «Сегодня он член одной артели, а завтра может быть членом совершенно другой. Сегодня он работает в городе на гавани, а через день он станет пахать пашни у себя на дому. Лошадь свою он кормит на свой счет и независимо от других. Точно так же и харчуется сам. И только изредка, при случае, он участвует в общей товарищеской складчине на выпивку или пьет компанией для сокращения издержек чай в трактире»³. При расчетах с хозяевами артель выставляет из своей среды представителя, опытного, знающего и грамотного члена. Сам «дележ за-

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 324–325.

² Там же. С. 325–326.

³ Там же. С. 326.

работков производится пропорционально или количеству пудов, перевезенных каждым членом артели, или же количеству рабочих сил и повозок, смотря по предварительному или обычному соглашению»¹.

В артелях постоянных биндюжников отношение участника к руководству и посредникам носило в большей степени подневольный характер. Часто такие артели оказывались в руках какого-нибудь лукавого афериста. Дело в том, что в больших портовых городах чернорабочий люд, обладая превосходными практическими знаниями и сноровкой при работах, не имел самого главного – лошадей. Лошадь же обеспечивала возможность производить работу самостоятельно. Этим обстоятельством пользовались разного рода мелкие и крупные посредники, содержащие биндюжных лошадей, «кладя себе в карманы все те выгоды, какие выпадают на долю артельного ведения дела»².

Поэтому самостоятельными артелями были те, в распоряжении которых были свои собственные лошади. По свидетельству описателя, «живут эти артели иногда вместе, на одной квартире, харчуются из одного общего котла, но даже в таких случаях почти всегда каждый член артели содержит свою лошадь на свой собственный счет независимо от других. Работы также производятся гуртом, сообщая всей артелью, а в тех случаях, когда одному или нескольким членам приходится работать отдельно, общий поденный заработок считается общей артельной выручкой, так что дележ заработков производится большею частью пропорционально количеству рабочих рук или повозок. Сообразно с этим и сами артели составляются так, чтобы было по возможности равное участие труда и капитала со стороны каждого члена. Для заправления общим ходом дел артель выбирает артельного старосту, который и ведет артельные расчеты с хозяевами, не получая, впрочем, никакого вознаграждения

¹ Там же. С. 327.

² Там же. С. 327.

за это. Затем все остальные члены – совершенно равноправные участники артели. Сама продолжительность существования артели всегда бывает значительнее, чем всех других видов артелей этого рода, и не носит такого случайного характера, как в артелях наезжих биндюжников»¹.

Перейдем к краткому описанию **биржевых артелей**, к которым в своем исследовании мы уже неоднократно обращались. Возникновение биржевых артелей в России связывают с концом первого десятилетия существования Санкт-Петербурга (1712–1714). Поводом послужило открытие постоянных торговых сношений с заграницею чрез петербургский порт. По сословному составу в биржевых артелях преобладали крестьяне, затем мещане; в небольшом числе были и иногородние купцы второй гильдии. Рабочие занятия биржевых артелей сводились к товарным и конторским работам. Биржевые артели отвечали не только за утраченное или поврежденное, но вообще за всякую неисправность, хотя бы она и не имела следствием именно утраты или повреждения чего-либо, и притом отвечают не только за своих действительных членов, но и за нанимаемых рабочих².

Дело биржевых артельщиков главным образом сводилось к нагрузке и выгрузке товаров на бирже, упаковке этих товаров и охране («стережению») товаров в складочных местах. Биржевые артельщики взвешивали и провожали товары, кроме того, исполняли разные обязанности у купцов – в конторах (в звании приказчиков, по посылкам, нередко с весьма значительными суммами), по домашней прислуге и проч. Эти артели представляли еще ту особенность, что они обеспечивали исполнение своих обязанностей не только круговой порукой, как этой свойственно было прочим артелям, но, сверх того, страховыми суммами.

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 328.

² Немиров Г. Биржевые артели в С.-Петербурге (Очерк их организации и современного состояния). СПб., 1876. С. 29.

Вступление в артель обуславливалось взносом от каждого вновь принимаемого определенной суммы, которая называлась *вкупом*, *вкупными деньгами*, а также *новизной*. Эта сумма требовалась для обеспечения исполнения артельщиком его обязанностей. Всю сумму редко вносили при самом поступлении. Обычно *новик* (так назывался артельщик до уплаты всей вкупной суммы) довольствовался частью этой суммы, которая называлась *переводными деньгами*. Остальная сумма составлялась вычетами в течение нескольких лет из заработанных денег. Если бы новик пожелал внести весь вкуп разом, то ему делалась сбавка. Внесенные деньги распределялись между всеми членами артели с тем условием, что передовые деньги делились между ними тотчас, а остальные, вычитаемые из заработков новика, делились между теми артельщиками, которые находились в артели при его поступлении. При выходе из артели *исправные* (т.е. ничем не опорооченные) артельщики, внесшие весь вкуп (*старики*), получали в виде награды *вывод*, или *выводные деньги*, которые обыкновенно равнялись трети новизны. Этот капитал составлялся вычетом из заработных денег у тех артельщиков, которые получали с выходящего новизные деньги. В случае смерти артельщика вывод выдавался его наследникам¹.

Заработанные деньги уплачивались артелям хозяевами (поручающими им работы) в один срок, по взаимному согласию. Уплаченные деньги хранились у артельного старосты. В определенные сроки накопившаяся таким образом сумма денег делилась между всеми членами артели, — этот раздел назывался *дуваном*.

Биржевые артели, как и прочие артели, управлялись лицами, избираемыми артелью из своей среды на сходе всех артельщиков. Главным лицом был *староста*, выбираемый на срок не более года. За старостой по важности должности следовал *писарь*, ведавший приходные и расходные книги,

¹ Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 20–21.

заведовавший письменной частью по делам артели. В некоторых артелях были еще и особые должностные лица – *выгрузные* или *амбарные*, а в других – кассиры, получающие также жалованье¹. Разнообразие должностных лиц в биржевых артелях было обусловлено разнообразием занятий этих артелей. Артели эти можно было встречать при работах не только на биржах, но и при таможенных, на городских буянах, в амбарах, в рядах, в банках коммерческого кредита, в разных казенных и частных учреждениях и т.д.²

За проступки артельщиков полагался штраф, размер которого, смотря по степени вины, определялся или артельными правилами, или каждый раз по приговору всей артели. Особой штрафной книги в артелях не велось. Более того, по истечении года после общего раздела денег все артельные книги уничтожались³.

В XIX столетии в русских биржевых артелях выработалось два типа уставов – санкт-петербургский и московский, отличающиеся главным образом большей или меньшей зависимостью артелей от биржевых комитетов. Большинство артелей имели уставы, допущенные к действию Министерством финансов, остальные действовали на основании артельных правил, принятых по добровольному согласию членов⁴.

Есть основания полагать, что московские артели в отличие от петербургских были более набожными. Необходимые артельные расходы определялись старостой *у образа*, объявление о штрафе происходило также в молитвенной обстановке при иконе. Девизом многих московских биржевых артелей был – *верность и честность*. Во время работ московские артели должны были повиноваться тому,

¹ Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 22–23.

² Интернет. Режим доступа: // <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6640&tm=13>

³ Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 24.

⁴ Интернет. Режим доступа: <http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=6640&tm=13>

кому старостой был доверен хозяйский приказ, хотя бы он был годами и моложе, «не возвышаться друг перед другом старшинством или званием и не заводить никаких ссор»¹. Как представители торгового сословия, так и внешние наблюдатели сходились в своих превосходных оценках качества услуг биржевых артелей. «По уверению всех торговых домов, – отмечал В. И. Даль, – заведение, которому нет подобного по пользе его ни в одной земле»².

Таким образом, по своей организации и порядку деятельности биржевые артели представляли черты, общие всем артелям. По выражению Немирова, артели эти являлись «главнейшими представителями русской рабочей артели вообще, так что во многих местностях, несмотря на существование там других артелей, под именем артельщика разумеется прежде всего именно артельщик биржевой»³.

8. Потребительские артели (солдатские, офицерские, морские, арестантские, харчевые)

В потребительских артелях на первый план выступал не столько коллективный труд, сколько обеспечение и поддержание общего быта, организация совместного питания артельщиков. В какой степени в данном случае правомерно употребление термина «артель»? Во многих трудовых артелях мы также сталкиваемся с наличием не только коллективного труда, но и общего, хотя, может быть, лишь на время, быта (артели охотников на морских зверей, рыболовов, старателей и т.д.). В потребительских артелях эле-

¹ Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 27.

² В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.–М., 1880. Т. 1 С. 24.

³ Немиров Г. Биржевые артели в С.-Петербурге (Очерк их организации и современного состояния). СПб., 1876. С. 2.

мент коллективной деятельности как основного занятия группы исчез, а сохранился лишь другой элемент древних союзов и ассоциаций – общий быт и коллективная забота о его поддержании. Такой взгляд позволяет также провести вполне четкую черту, разделяющую потребительские артели и потребительские кооперативы. Если в первом случае обязательной представляется общность быта, то во втором случае ни о каком общем быте говорить не приходится, характер потребления здесь можно условно обозначить как индивидуальный. Потребительская кооперация, как правило, имеет дело с обеспечением разрозненных потребителей, которые могут представлять совершенно отдельные друг от друга семейные хозяйства. Связи между членами потребительского общества могут быть самыми минимальными, что радикально контрастирует с артельными порядками, где тесные взаимоотношения и взаимодействия участников являются вполне обычным явлением.

Н. В. Калачов характеризовал потребительские артели как «товарищества лиц, составляющих между собой на некоторое продолжительное время складчину деньгами или припасами для общего продовольствия пищей или также другими предметами жизненных потребностей»¹. Потребительские артели отличаются от более кратковременных объединений – складчин, которые были распространены в России среди простого люда, «особенно, – как полагал Н. В. Калачов, – для взаимного угощения вином и пивом»².

В данном разделе остановимся более подробно на артелях в русской армии и на флоте, артелях арестантов в Сибири и харчевых артелях среди великорусских рабочих.

Артели в русской армии

В русской армии самое широкое распространение получили солдатские артели для организации и обеспечения

¹ Калачов Н. В. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 53.

² Там же. С. 54.

быта. Большую часть своей службы солдаты проводили, живя в сельской местности и разделяя с крестьянами их кров на так называемых обывательских квартирах, или, иначе, на зимних квартирах; нередко солдаты кормились у крестьян, принимали участие в сельских работах. Нижние чины русской армии, происходящие в большинстве своем из крестьян, и на время службы, таким образом, не порывали связи и продолжали контактировать и взаимодействовать с деревенской средой. Более того, крестьянский и солдатский быт имел некоторые схожие черты: в обоих случаях встречалась общая собственность, в обоих случаях основные решения принимались на общих сходках.

Хотя местные жители и могли оказывать помощь в снабжении расквартированных войск провиантом, все же делалось это по особой договоренности в каждом конкретном случае. Например, помощь продовольствием могла оказываться крестьянами в обмен на отдаваемую им войсковую провизию, которую составляли крупа и мука. В таком случае крестьяне обеспечивали солдатам так называемый приварок, то есть горячую приготовленную еду. Требовать пищу в принудительном порядке солдаты у крестьян не имели права (тут вспоминается сказка про кашу из топора!), однако хозяева должны были обеспечить солдату крышу над головой, тепло, освещение, место для сна и посуду для еды и питья¹.

Ближе к лету в армии проводились марши, маневры и учения, по этой причине солдатам приходилось покидать обывательские квартиры и организовывать свой быт теперь уже в полевых условиях. Именно в это время артельная организация солдатского быта начинала проявлять себя наиболее явственно. Ведь необходимо было обеспечить перемещение всего хозяйства, причем на значительные расстояния, для чего требовались подводы и лошади, надо было заниматься вопросами продовольственного снабже-

¹ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С. В. Карпущенко. М., 1999. С. 182.

ния и приготовлением пищи, возникало огромное множество и разных других проблем. Если во время проживания на зимних квартирах нижние чины столовались, как правило, у хозяев, в чьих домах жили, то в период сборов солдаты питались совместно из одного котла, такая практика существовала также среди служащих в крепостях и городах¹.

Примерно до середины XIX века на солдатское питание казна выделяла исключительно только муку и крупу, горячее питание и какие-либо дополнительные продукты воины должны были обеспечивать себе самостоятельно, для чего им выделялись специальные суммы². Питаться в одиночку на эти деньги было практически невозможно, ведь тратиться приходилось не только на продовольствие, неизбежными были многие другие мелкие бытовые расходы, а артель позволяла существенно удешевить солдатское питание. Но дело не только в деньгах. Сама организация питания требовала объединенных усилий. Именно эти причины и побуждали солдат соединяться в артели. Возникновение солдатских артелей относят ко времени учреждения в России регулярной армии, то есть ко времени правления Петра I³, хотя не исключено, что и в более раннее время в русской армии также бытовали артельные формы организации.

Со временем солдатское довольствие улучшалось, качественные перемены произошли в середине XIX века: с 1848 года им стали выдавать по 20 фунтов соли ежегодно, а с 1850 года нижние чины стали получать по пять полуфунтовых порций мяса еженедельно на каждого, за исключением четырех постов⁴. Эти меры позволили

¹ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С. В. Карпущенко. М., 1999. С. 186.

² Баяндин В. И. Питание русского солдата во второй половине XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 2. С. 69–70.

³ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С. В. Карпущенко. М., 1999. С. 180.

⁴ Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000. С. 254–255.

уменьшить те суммы, которые шли из солдатского жалования на продовольствие, вероятно, тем самым уменьшались и круг артельных забот.

Самоуправление в ротном хозяйстве

Хозяйственное самоуправление в русской армии было делом вполне обычным, о чем даже можно найти упоминания и в художественной литературе, например в повести «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого: «В те времена на Кавказе каждая рота заведовала сама через своих выборных всем хозяйством. Она получала деньги от казны по шесть рублей пятьдесят копеек на человека и сама себя продовольствовала: сажала капусту, косила сено, держала свои повозки, щеголяла сытыми ротными лошадьми».

Именно ротное хозяйство и ротное хозяйственное самоуправление представляло собой более или менее самостоятельную хозяйственную единицу в русском войске. В роте действовало несколько артелей, но они представляли собой подразделения внутри роты.

Во главе ротного хозяйства стоял ротный командир, назначаемый командиром полка и утверждаемый командиром дивизии. Он ведал вопросами, касающимися амуниции, обмундирования, продовольствия, отвечал за расходы, в этом деле ему помогали фельдфебель и каптенармус. Первый следил за хозяйством, а второй ведал приемом и расходом мундиров, амуниции, оружия, провианта и дров. Кроме того, хозяйственными вопросами занимались четыре унтер-офицера и ефрейторы. Ротный командир назначал кашевара, хлебопексов и конюха. При этом по ряду хозяйственных вопросов решение принималось на ротных сходках по приговорам. В сходках принимали участие половина всех унтер-офицеров, не менее 12 старослужащих солдат, а также фельдфебель и каптенармус. Сходка собиралась один или два раза в месяц по инициативе ротного командира, он же предлагал вопросы к обсуждению. По-

следние могли касаться покупки новой лошади, перемены котла, расходов на продовольствие, определение размеров вычетов из жалования в собственную артель и в экономическую сумму. Самовольные сходки запрещались. Недостатком ротных порядков, по мнению некоторых специалистов, являлось присутствие на сходах фельдфебеля и каптенармуса, то есть лиц, которые были назначены начальством и могли оказывать давление на сход.

Наиболее ярко хозяйственное самоуправление роты проявлялось в выборах ротного артельщика и ротного хозяина, избрание осуществлялось на сходе при участии личного состава всей роты. Весь личный состав обыкновенно присутствовал на сходах и при решении ряда вопросов в период размещения роты на зимних квартирах. На сходках рота избирала хозяйственную администрацию: пятерых артельщиков (одного ротного и еще четырех), а также ротного хозяина. Ротный хозяин заведовал продовольствием роты. На это он получал у ротного командира деньги и закупал продукты при помощи артельщиков и выдавал их кашевару. Ротный хозяин также выделял деньги тем нижним чинам, которые по каким-либо причинам столовались отдельно от ротного состава. Ротный артельщик в основном занимался денежными вопросами. Он принимал, хранил и выдавал денежные средства, которые выдавались на непродовольственные нужды. Он также снабжал всем необходимым ротную канцелярию, ведал содержанием лошадей, ротным образом, похоронами. Иногда должность ротного хозяина отсутствовала, и его обязанности лежали на ротном артельщике, а обязанности ротного артельщика в таком случае перекладывались на одного из артельщиков. Обычные артельщики должны были следить за хозяйством собственной артели и отчетываться в этом перед своими товарищами. Артельщики также являлись помощниками ротного хозяина и ротного артельщика. Рота отвечала своим имуществом за растраты,

которые могли причинить эти должностные лица. Но многие из них оставались на своих постах много лет подряд и считали за честь, когда солдаты ими были довольны¹.

Историю одного такого артельщика рассказал руководитель военно-исторического клуба «Московец» С. В. Прокопович: «Есть сведения по пятому году после Аустерлица. Один из артельных попал в плен. Во-первых, артельный должен был быть очень честным человеком, чтобы у своего товарища не украсть ни копейки. Он попал в плен и, будучи несколько лет в плену, израсходовал все свои личные сбережения. И потом, когда ему удалось бежать из плена, он пришел в полк и голодал, но ни одной копейки артельных денег не потратил. И его как чудо водили по всем полкам, показывали другим солдатам. И Александр приказал присвоить ему звание унтер-офицера, на что командир полка или его ротный офицер написал, что мы не можем ему присвоить звание сержанта, так как он неграмотный. На что Александр ответил: “Унтер-офицера присвоить, грамоте обучить”»².

Для того чтобы лучше представить функционирование ротного хозяйства, нелишне будет привести основные статьи доходов и расходов ротного бюджета, который являлся общей собственностью нижних чинов. Их перечисление находим в статье Л. Клугина, посвященной солдатским артелям. Итак, артельные доходы включали в себя: «1) деньги, получаемые на продовольствие... 2) деньги, выручаемые от продажи провианта или уступаемого по добродетели жителей, у которых нижние чины при квартировании находятся на полном довольствии, или сберегаемого при вольных работах, когда солдаты получают все содержание во время работы от хозяев, или, наконец, остающегося от при-

¹ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С. В. Карпущенко. М., 1999. С. 182–184.

² 1812 год. Русский солдат // Радио «Голос России». Интернет. Режим доступа: <http://rus.ruvr.ru/2010/06/25/10701352.html>

пека; 3) деньги, платимые за производство нижними чинами государственных работ; 4) часть денег, выручаемых за вольнонаемные работы, на основании особых правил, а также тех, которые жалуются за парады, смотры и пр.; 5) артельные и собственные деньги убитых и умерших, если они не будут потребованы родственниками покойных, взятых в плен, без вести пропавших, а также бежавших. Последним артельные деньги не возвращаются при их поимке; 6) в крайних случаях умеренные вычеты из жалования нижних чинов по собственному их приговору. Наконец, 7) в исключительных, редких случаях отчисление части артельных денег также по приговору»¹.

Артельный капитал делился на две части: одна шла на продовольствие ($\frac{1}{3}$ всей суммы), другая – на хозяйственные нужды ($\frac{2}{3}$ всей суммы)². Расходы ротного хозяйства касались следующих статей: «1) на продовольствие нижних чинов; 2) на Пасху, ротный и полковой праздники; 3) на покупку и содержание артельных котлов, повозок, лошадей и сбруи; 4) на наем вольных подвод, если нужно облегчить в походе солдат от вещей, которые им положено иметь на себе, или под такие вещи, которые иметь дозволено, а между тем они не могут быть перевозимы на одних артельных лошадях; вес этих вещей на роту ограничен правилами; 5) на содержание ротной канцелярии – не более одного рубля в месяц; 6) священнику за проповедь; 7) снабжение нижних чинов, переводимых на дальнейшее расстояние, особой одеждой и обувью, смотря по времени года»³.

Чрезвычайно любопытная характеристика солдатской артели екатерининских времен встречается в работе французского эмигранта графа А. Ф. Ланжерона, посвященной

¹ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С. В. Карпущенко. М., 1999. С. 191–192.

² Веремеев Ю. Г. Ротное хозяйство в русской армии в конце XIX века // Интернет. Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/rotnoe-hozjaistvo.php>.

³ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С. В. Карпущенко. М., 1999. С. 192.

составу и устройству русской армии: «Русские солдаты (...) имеют, чего нет ни у одного солдата в Европе, — свою собственность. Эта собственность называется артелью; она составляется из суммы, получаемой от экономических продовольственных денег за зимнее время (...) и из удерживаемых у солдата, с его согласия, половины или трети его жалованья; эта сумма находится на руках четырех старых солдат каждой роты, избираемых остальными солдатами и называемых артельщиками; сумма эта составляет общую собственность роты, и в нее ни ротный, ни полковой командиры ни под каким видом не должны вмешиваться. На эту сумму покупают небольшие повозки, в которые запрягают по две или по три лошади и которые служат в походе для перевозки солдатского багажа, для принятия больных или раненых. Часть этой суммы употребляют также во время лагерного сбора на покупку мяса, овощей и пр., так как казна (...) отпускает только ржаную муку и крупу.

Остаток суммы остается на руках у артельщиков и в полках, хорошо управляемых, в которых полковые и ротные командиры не обманывают солдата и не удерживают у себя части продовольственных денег, каждый солдат имеет независимо своей части в повозках, лошадях и пр. восемь или десять рублей, вложенных в артель. Товарищи наследуют после умершего, если только он не завещает свою часть другу или родственнику.

Из этого видно, что учреждение это представляет много выгод; оно предоставляет солдату известную собственность, поддержку, занятие, удовольствие. Невозможно себе представить, до какой степени привязаны солдаты к своим лошадям и насколько они любят ухаживать за ними и кормить их. Сверх того солдат, в случае желания дезертировать, бывает заинтересован и иногда удерживаем от этого опасением лишиться восьми или десяти рублей, вложенных в артель; эта же мысль о собственности заставляет защищать с ожесточением повозки, когда они подвергаются

неприятельскому нападению. Наконец, в случае крайней нужды артели эти могут предоставить средства начальникам; но эта статья весьма деликатного свойства. Офицер, который бы позаимствовался в артели без согласия на то солдата, или тот, который не мог бы возвратить взятой из нее в долг суммы, был бы разжалован¹.

Но, с другой стороны, артели эти представляют некоторые неудобства; они отнимают у фронта по меньшей мере по восьми солдат с роты, обременяют армию огромным количеством лошадей и повозок и, наконец, способствуют грабежу (солдаты, зная, куда спрятать похищенные вещи, воруют обыкновенно у крестьян фураж для своих лошадей). Это последнее настолько укоренилось в артели, что первым делом солдат, когда они располагаются на квартирах, — это красть сено и овес, сносить их к своим ротным командирам и таким образом устроить у него свои магазины. Экспедиции эти производятся по ночам или в снежную погоду и обыкновенно под начальством унтер-офицера. Однако, сопоставляя преимущества с неудобствами, я нахожу, что артели более полезны, чем вредны»².

В 1855 году государь император обратил внимание на тяжелое положение войск, расквартированных в Царстве Польском, где среди солдат весьма частыми были болезни и высока смертность. Было принято решение ежедневно

¹ В примечании Ланжерон приводит следующий пример из его собственного опыта: «В 1796 году в Польше, когда полки оставались 11 месяцев без получки ни жалования, ни продовольствия, полковые командиры были вынуждены, для содержания лошадей своих полков, позаимствоваться в артелях. Я занял от четырех до пяти тысяч рублей у двадцати рот моего полка. Солдаты не только согласились на это, но большая часть рот прислала мне денег больше, чем я просил, и отказалась от моих заемных писем. Когда мне заплатили, я в точности выполнил мои обязательства. Но многие полковые командиры играли на полученные деньги, проиграли их и не уплатили артелям» (Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство рус. армии // Русская Старина. 1895. № 4. С. 150).

² Ланжерон А. Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II. Состав и устройство рус. армии / Предисл. и примеч. авт. Сообщ. Н. Шильдер. [Пер. по рукописи В. Н. М.] // Русская Старина. 1895. № 4. С. 149–151.

выдавать на человека по 5 копеек «приварочных денег». По этому случаю давались и особые инструкции, касавшиеся артельного устройства: «По случаю довольствия нижних чинов и при роспуске их на широкие (зимние. — *Прим. авторов*) квартиры в особых артелях, величина которых будет зависеть от числа дворов тех селений, в коих разместятся нижние чины, следует, чтобы в каждом десятке они сами выбирали себе честных и расторопных артельщиков, которые бы знали толк в приискании и покупке съестных продуктов и умели бы готовить из них пищу. В свободное от служебных обязанностей время все вообще люди каждого десятка должны участвовать в приискании и заготовлении себе съестных продуктов и приготовлении из них пищи. Расходование артельщиками приварочных денег должно быть в подробности известно каждому солдату, а потому ежедневно, при сборе к обеду, когда люди все находятся налицо, артельщики должны постоянно объявлять им, какие именно припасы и по каким ценам куплены и на какое время оных достанет. Также сколько ежедневно копеек будет выходить на всякого человека и сколько оставаться, дабы, смотря по остатку денег, люди могли увеличивать количество продуктов и улучшать тем пищу. Приварочные деньги раздавать ротному и другим артельщикам через каждые 10 дней. Ротные командиры не должны вмешиваться в расходование сих денег, а обязаны только наблюдать за верностью их расхода и чтоб нижние чины непременно имели хороший приварок. Так как теперь средства к продовольствию солдата увеличились, то предоставить собственному обсуждению нижних чинов, нужно ли продолжать определенный прежними правилами вычет по 8 фунтов с солдатского месячного пайка в съестную их артель»¹. Вскоре

¹ Цит. по: Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С. В. Карпушенко. М., 1999. С. 184–185. (Из отношения военного министра к генерал-фельдмаршалу 2 августа 1855 года за № 11399).

такой порядок был распространен на все русские войска вне зависимости от мест их дислокации.

Артельный капитал мог порой расходоваться на организацию солдатами бани. Конечно, при размещении войск в русских деревнях в том не было необходимости, ибо бани были здесь повсеместно. Иное дело в Литве, где подобные заведения в селах отсутствовали. В Литве и других подобных регионах империи солдатам приходилось тратиться, помимо прочего, и на организацию бань. Артель также могла расходовать средства на обучение солдат грамоте и наем обывательских подвод для подвозки провианта к месту дислокации роты¹.

Нижние чины роты в случае необходимости для обеспечения собственных нужд могли подрабатывать, при этом часть (половина или даже две трети)² денег работникам на руки не выдавалась, а сохранялась на случай будущих чрезвычайных расходов, например дальнего похода, который мог потребовать значительных расходов на перевозку имущества³. Подрабатывали солдаты обычно в конце лета, когда после окончания учебных занятий и пребывания в военных лагерях им давался отпуск. В частях оставалось лишь некоторое количество солдат для исполнения караульных и иных обязанностей. Тем не менее средства, которые удавалось заработать уходящим в отпуск товарищам по артели, распределялись и на долю оставшихся в части⁴.

¹ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С. В. Карпущенко. М., 1999. С. 301.

² Несколько иначе о распределении заработка пишет в своей статье Ю. Г. Веремеев, утверждая, что $\frac{1}{3}$ поступала в артельные суммы, $\frac{1}{3}$ выдавалась на руки непосредственно участвовавшим в работах, $\frac{1}{3}$ распределялась между всеми нижними чинами роты (Веремеев Ю. Г. (подполковник). Ротное хозяйство в русской армии в конце XIX века // Интернет. Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/rotnoe-xozaistvo.php>).

³ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С. В. Карпущенко. М., 1999. С. 198.

⁴ Веремеев Ю. Г. Ротное хозяйство в русской армии в конце XIX века // Интернет. Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/rotnoe-xozaistvo.php>.

«Многие солдаты, освоив какое-нибудь ремесло, – пишет А. И. Бегунова, – использовали свое свободное время для получения дополнительного заработка. На заказ они шили (например, рубашки, мундиры), тачали сапоги, вязали шерстяные носки. Командование поощряло эти занятия, так как без своих денег служить солдату было тяжело. После обеда нижних чинов даже отпускали из эскадронов на “вольные работы”, и они нанимались к местным обывателям строить, класть печи, копать огороды, пилить дрова, убирать дворы и улицы. Особенно это было распространено в столице и других крупных городах, где имелось немало возможностей получить заработок»¹. Так, барон А. Е. Розен писал о том, что «солдаты семеновские отличались не одною наружностью... не одним щегольством в обмундировании, не одною только образцовою выправкой и ружейными приемами; но они жили гораздо лучше солдат других полков, потому что бо́льшая часть из них были отличные башмачники, султанщики² и обогащали свою и артельную казну...»³.

В приведенной выше цитате из произведения Л. Н. Толстого помимо прочего упоминалось о том, что солдаты, ведя свое хозяйство, косили сено и сажали капусту. Такое упоминание неслучайно, ибо гвардии и местным войскам, имевшим постоянное место дислокации, разрешалось иметь собственные огороды, а на Кавказе, в Туркестанском, Омском и Восточно-Сибирском округах огороды разрешалось держать даже и в полевых войсках⁴.

В русских войсках существовало такое довольно любопытное явление, как «собственная артель», нечто вроде личного страхового фонда. Это была сумма, которая со-

¹ Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000. С. 262.

² Султан – украшение из перьев на шляпах.

³ Цит. по: Бегунова А. И. Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000. С. 262–263.

⁴ Веремеев Ю. Г. Ротное хозяйство в русской армии в конце XIX века // Интернет. Режим доступа: <http://army.armor.kiev.ua/hist/rotnoe-xozaistvo.php>.

ставлялась за счет вычетов из жалования у каждого солдата, в итоге она должна была достигнуть 7 рублей 15 копеек. «Эта сумма – собственная артель – предназначается на два главных предмета: чтобы доставить по возможности солдату при выходе его в отставку и бессрочный отпуск средства для путевых издержек до избранного им места жительства и на первоначальное обзаведение и на пособие ему в экстренных случаях, например на издержки для присоединения своего семейства. В исключительных же случаях, когда все экономические средства истощены, часть денег отчисляется в экономическую сумму...»¹

Качество солдатской жизни зависело от региона, где была расквартирована та или иная военная часть. Порой даже и при помощи артельной организации быта не удалось серьезно облегчить суровый воинский быт. Л. Клугин на основании сведений старослужащих и собственного опыта приходил к заключению, что «солдатская артель не одинаково, не везде и не всегда обеспечивала содержание нижних чинов. При одном и том же взносе денег в артель в одних местах она едва покрывала расходы на покупку масла или сала для каши, приготовляемой из отпускаемых солдату из казны круп, в других – доставляла средство к весьма хорошему, вполне питательному продовольствию»².

Расквартированные в западных регионах страны войска оказывались в нелегких условиях, так как цены на продовольствие там были высоки и питаться порой приходилось почти исключительно кашей. Нелегко приходилось и тем частям, которые были вынуждены идти на дополнительные артельные расходы, возникавшие, как правило, из-за смены дислокации, – в таких случаях переезд осуществлялся именно за артельный счет, больно ударяя по ротному бюджету³.

¹ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С. В. Карпущенко. М., 1999. С. 192.

² Там же. С. 180.

³ Там же. С. 180–181.

Иная жизнь была у солдат, расквартированных в Сибири: их пища была отличного качества, а в скоромные дни они постоянно имели на своем столе мясо. Дело в том, что в Сибири продукты были значительно дешевле, а военнотружущим нередко удавалось закупать скот гуртом по крайне низким и выгодным ценам и обеспечивать себя мясной пищей на длительные сроки.

В гвардии артельной организации не существовало, объяснялось это тем, что «средства, предоставляемые гвардейским войскам, до такой степени обеспечивают все нужды солдата, что у нижних чинов не может явиться сомнения в незаконных действиях ротных хозяев, тогда как в армии, при недостаточности этих средств, необходимо привести каждого солдата к убеждению, что, по крайней мере, эти ограниченные средства употребляются полностью по своему назначению»¹.

Ф. А. Щербина приводил сведения об элементах артельной организации, сохранившихся у кубанских казаков. У них встречались батальонные артели, организовывавшиеся казаками-пехотинцами для перевозки их имущества на подводах, для чего казаки с особой тщательностью выбирали и покупали себе на ярмарках быков. Нередко с целью снаряжения подводы объединялись выходцы из одной станицы, они и выступали в качестве артели. Все участники вносили на общее дело равный вклад и на том основании получали возможность в равной мере пользоваться подводой. Самого хозяйственного и толкового коллектив избирал на должность артельщика, он и следил за волами и подводой. Благодаря этому артельщик избавлялся от некоторых других обязанностей по батальону, что и являлось своеобразным вознаграждением за его труд. Более того, когда казаки расходились после сборов по станицам, артельщик мог свободно пользоваться быками и подводой в своих личных целях, но при этом обязан был кормить и содержать скоти-

¹ Там же. С. 195.

ну. В период службы обязанность ухаживать и кормить быков падала равно на всех казаков, участвующих в артели¹.

Заканчивая службу и переходя к обычной жизни, бывшие солдаты, скорее всего, не утрачивали привычку к артельной организации, она переносилась и на обычные «мирные» их занятия. Подтверждение этому находим у А. Н. Энгельгардта: «Я знаю пример, – пишет он, – что те же мужики, три отставных солдата – люди артельные, бывшие на службе к делу сообща, – поселились в деревне и, взяв землю, *сообща* построили овин и *сообща* (курсивы Энгельгардта. – *Прим. авторов*) молотят на нем; сегодня все молотят хлеб, принадлежащий одному, завтра – другому»².

Офицерские артели

В русской армии артельная организация встречалась не только у солдат, но и у офицеров; к сожалению, подробных сведений о последних нам найти не удалось. Ясно также, что офицерские артели имели несколько иной характер, чем солдатские, ведь офицеры находились в более благоприятном материальном положении, а потому в меньшей степени нуждались в каких-либо бытовых объединениях. Офицерские артели отдаленно напоминали древние мужские союзы с их обрядами посвящения, совместными пирами и лихими забавами. В работе по истории декабристов М. В. Нечкина замечала, что «создание офицерской артели в гвардейском полку было, вообще говоря, делом обычным: хозяйственные полковые артели вырастали из общих экономических интересов офицерства, а режим полковой жизни в условиях мирного времени легко соединял офицеров в коллектив с общим распорядком дня и одинаковыми жизненными потребностями»³.

¹ Щербина Ф. А. Очерки истории южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 338–340.

² Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 554.

³ Нечкина М. В. Декабристы. М., 1984. С. 21.

Ритуал приема молодого офицера в воинское братство происходил в присутствии всех офицеров полка, организовывался парадный обед с полковыми музыкантами, где молодому офицеру преподносился именной прибор. Попадая в часть, молодой офицер должен был представиться всем старшим офицерам, а всем равным по чину нанести визиты, визиты необходимо было сделать и всем должностным лицам той местности, где располагался полк.

Вот как ритуал приема в полк описывал в своих воспоминаниях офицер-кавалергард С. Д. Безобразов: «В день допущения камер-пажей в офицерскую артель я был назначен дежурным по полку. Это был своего рода день страшного суда. Находясь на дежурстве, я не расставался с пашкой, револьвером и фуражкой, даже за столом. Когда все уже сидели, вошел командир; я подошел к нему с рапортом, и командир занял свое место во главе стола. Дальше сидели полковники и командиры эскадронов. Противоположный конец стола был занят штабс-ротмистрами и поручиками, а нам и молодым корнетам была предоставлена середина.

Первые дни в артели очень стеснительны, и, как правило, на нас никто не обращал внимания. За одним из таких завтраков подошел ко мне вестовой со стопкой на серебряном блюде: «От корнета графа Толстого». Я уже знал, что надо делать. Со стаканом в руках, обойдя весь стол, я отправился чокнуться с отправителем. Это был первый признак оттепели. Одна за другой стали появляться другие стопки – это тоже было признаком полного признания. ...Недели три спустя мы совсем привыкли к своему положению и постепенно были приняты наравне со всеми»¹.

Офицерская артель жила на широкую ногу, организация быта должна была соответствовать офицерскому статусу, в то же время нередко здесь присутствовала и излишняя роскошь и расточительство. Приведем две характеристики,

¹ Цит. по: Морихин В. Е. Традиции офицерского корпуса русской армии // Интернет. Режим доступа: http://artofwar.ru/m/morihin_w_e/text_0010.shtml

касающиеся офицерских артелей, и проливающие свет на царившие в них порядки. «Главной заботой полка, – писал легендарный российский и советский военный деятель граф А. А. Игнатьев, – была перевозка офицерской артели – с буфетчиками, поварами, посудой и тяжеловесным полковым серебром. Все это тянулось на крестьянских подводах. Полковой обоз разбухал до невероятных размеров, особенно из-за подвод, нанимаемых офицерами на собственный счет для перевозки их палаток и чемоданов».

Офицерская артель должна была обеспечивать разгульную жизнь, значительные суммы уходили на представительские расходы и попойки: «Выходя в полк, – писал А. А. Игнатьев, – мы все прекрасно знали, что жалованья никогда не увидим: оно пойдет целиком на букеты императрице и полковым дамам, на венки бывшим кавалергардским офицерам, на подарки и жетоны уходящим из полка, на сверхсрочных трубачей, на постройку церкви, на юбилей полка и связанное с ним роскошное издание полковой истории и т.п. Жалованья не будет хватать, далее, на оплату прощальных обедов, приемы других полков, где французское шампанское будет не только выпито, но и разойдется по карманам буфетчиков и полковых поставщиков. На оплату счетов по офицерской артели требовалось не менее 100 руб. в месяц, а в лагерное время, когда попойки являлись неотъемлемой частью всякого смотра, и этих денег хватать не могло. Для всего остального денег из жалованья уже не оставалось. А расходы были велики. Например, кресло в первом ряду театра стоило чуть ли не 10 руб. Сидеть дальше 7-го ряда офицерам нашего полка запрещалось.

Умение выпить десяток стопок шампанского в офицерской артели было обязательным для кавалергарда. Таков был и негласный экзамен для молодых – надо было пить стопки залпом до дна и оставаться в полном порядке»¹.

¹ Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1941 // Интернет. Режим доступа: <http://adjutant.ru/cavaler/29-1.htm> ; <http://history.scps.ru/cavaler/29-2.htm>

Именно в форме офицерских артелей зарождалось в России декабристское движение. Здесь к обычному общению в офицерской артели стала примешиваться оппозиционная идеология, шел интенсивный обмен мыслями и идеями, на почве близких интересов налаживались тесные связи. «После войны 1812 года возникают четыре ранние преддекабристские организации: две офицерские артели – одна в Семеновском полку, другая среди офицеров Главного штаба (“Священная артель”), каменец-подольский кружок Владимира Раевского и “Орден русских рыцарей” Михаила Орлова и Матвея Дмитриева-Мамонова. (...)»

О Семеновской артели свидетельствует декабрист И. Д. Якушкин, один из ее основателей. Она сложилась в гвардейском Семеновском полку вскоре после окончания войны, по-видимому, в 1814 году, когда гвардия из Парижа вернулась в Петербург. В артель входило, по воспоминаниям И. Д. Якушкина, человек 15 или 20 семеновских офицеров, которые сложились, чтобы иметь возможность каждый день обедать вместе. Однако обеды “не одни вкладчики, но и все те, которым по обязанности службы приходилось проводить целый день в полку”.

Новизну явления отмечает и сам Якушкин: “В 1811 году, когда я вступил в Семеновский полк, офицеры, сходявшись между собою, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг друга, или пили и кутили напропалую”. Теперь же все стало иначе – культурным и осмысленным: “После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе, – такое времяпровождение было решительно нововведение”.

Полковой командир Семеновского полка генерал Я. А. Потемкин, как свидетельствует И. Д. Якушкин, покровительствовал артели и иногда обедал вместе с ее членами. Но “через несколько месяцев” после возникновения артели Александр I приказал полковому командиру “пре-

кратить артель в Семеновском полку”, сказав при этом, что “такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся”.

Офицерскую “Священную артель” основал офицер Генерального штаба Александр Муравьев, будущий основатель тайного общества декабристов. Друг А. С. Пушкина лицеист Иван Пущин был членом этого содружества: «Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михайло), Бурцов, Павел Колошин и Семенов. С Колошиным я был в родстве. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком; я сдружился с ним, почти жил в нем. Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вольховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил”. Так описывает И. И. Пущин свое вступление в тайное общество декабристов.

Артель устроила свой внутренний быт на республиканский манер; в одной из комнат висел “вечевой колокол”, по звону которого все участники артели собирались для решения общих дел: “Каждый член общества имел право в него звонить, — замечает Николай Муравьев. — По звуку все собирались, и тогда решались требования члена». Расставаясь с “братьями и товарищами”, Николай Муравьев горько оплакивал и этот колокол.

Преклонение перед Новгородской вечевой “республикой” — яркая, характерная черта декабризма. Национальное чувство освящало желаемую форму политического бытия воспоминанием о славном историческом прошлом»¹. Оказавшись в сибирской ссылке, декабристы

¹ Нечкина М. В. Декабристы. М., 1984. С. 21–23.

и там организовали артель, которая была призвана поддерживать их быт в изгнании.

Пример декабристских артелей показывает, каким образом обычные, казалось бы, бытовые формы самоорганизации при случае превращались в центры заговорщицкого движения, причем на первоначальной стадии развития декабристского движения далеко не последнюю роль также сыграли и масонские организации, в которых, в особенности до 1818–1819 годов, состояли многие декабристы¹.

Морские артели

Артели для организации питания и обеспечения бытовых нужд действовали и на русском флоте – в частности, во флотских уставах разного времени не только говорится об артелях, но даже и предписывается их организовывать. Вряд ли стоит считать, что артели моряков являлись вполне независимыми организациями, но все же некоторые элементы традиции самоуправления, вероятно, сохранялись и здесь. В уставе военного флота 1797 года в том разделе, где речь шла об обязанностях боцмана, ему и шкиперу предписывалось «разделить всех матросов по артелям, и каждую артель поручить квартирмейстеру, или старому и надежному по своему хорошему поведению матросу». Эти «старые и надежные» матросы, или артельные начальники, обязывались «ежедневно о своих артелях... рапортовать боцману», «учить матросов своей артели всем матросским должностям и искусству, показывать, как вязать узлы, сплеснивать, брать рифы, крепить риф-сезни, стопорить, и тому подобное; и смотреть за их поведением». Помимо того, «наблюдать, чтобы при расписании на вахты таковые артели разделяемы не были, а расписывались бы поартельно, дабы могли быть всегда неотлучно со своими артельщиками и старшинами»². Ис-

¹ Брачев В. С. Масоны у власти. М., 2006. С. 287.

² Устав Военного флота (25 февраля 1797 г.) // ПСЗ РИ Т. XXIV. № 17.833. 1830. С. 381.

ходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что, по мысли составителей устава, артели должны были нести прежде всего функцию обучения морскому делу и передачи опыта от более опытных моряков к новичкам.

Согласно морскому уставу 1853 года, «боцманматы и квартирмейстеры, каждый в своей артели, наблюдают за исправностью и опрятностью нижних чинов и чистотою их одежды; заботятся, чтобы нижние чины их артелей всегда выходили на вахту с должною скоростью и в предписанной форме, и чтобы, по смене с вахты в дурную погоду, они переменили мокрое платье и белье». Кроме того, устанавливался такой порядок, что «боцманматы и квартирмейстеры при раздаче в артели провизии наблюдают, чтобы прием производился исправно и заслуга была верно записываема в артельной книге»¹. В уставе 1853 года большое внимание уделялось контролю над артелями, а об их правах, обязанностях и функциях, к сожалению, ничего не говорилось.

Известно также, что питались матросы, так же как и солдаты, артелями. Вот как на судне проходил обед: «На палубе раскладывались брезенты, на которые усаживались матросы с ложками – необходимости в вилках особой и не было, а ножи в ножнах были почти у каждого. Едоки составляли “артели” человек по десять каждая... из среды членов которых выделялся так называемый бачковый.

Обязанность бачкового состояла в том, чтобы получить у повара полную деревянную емкость – бачок – первого и второго блюда. Особое внимание бачковые уделяли тому, чтобы повар положил для артели должное количество мяса или солонины. Иногда, впрочем, мясо клалось не прямо в бачок, а нанизывалось на лучинку, приобретая вид знакомого нам шашлыка.

Меню матросов было непритворным, но пища – сытной. Начинали с жирных щей либо борща, которые варились на говядине, солонине или рыбе. Причем вначале ели

¹ Морской устав. СПб., 1853. С. 163.

только бульон и овощи. Когда на дне бака оставалось только мясо, его вынимали, крошили на деревянных досках и высыпали обратно. После чего вся артель, не спеша, не мешая друг другу, теми же ложками ела “мясное блюдо”. Если же кто из молодежи спешил, то легко мог получить от артельщика деревянной ложкой (у каждого была своя) по лбу. Обижаться в таких случаях было не принято. Очень часто бачковому приходилось бегать за добавкой»¹.

Артели арестантов

Замечательное исследование, в котором весьма ярко и увлекательно рассматриваются быт и нравы, царившие в сибирской тюрьме и ссылке XIX века, было написано и издано исследователем Сибири Николаем Михайловичем Ядринцевым² в 1872 году. В этой работе автор подробно рассматривал артели или общины арестантов, формы самоорганизации для обеспечения и поддержания быта узников, имевшие также функции самозащиты и взаимопомощи.

Арестанты организовывались в артели уже в процессе их этапирования к месту заключения. Попадая в острог, арестант вливался в уже действовавшую артель заключенных, именно она устанавливала тюремные правила и законы, наказывала провинившихся и оказывала помощь попавшим в трудную ситуацию товарищам, передавала опыт от искушенных жизнью каторжан новичкам и организовывала быт в неволе. Для многих и многих арестантская артель на долгие годы заменяла семью и ближайшее окружение, а некоторые бродяги после своего освобождения, не найдя

¹ Менвелов Н. В. Жизнь и смерть на корабле Российского Императорского флота. М., 2008 // Интернет. Режим доступа: <http://oldcoookery.com/consp/consp000.html>

² Сама фигура автора была не менее примечательна. Ядринцев (1842–1894) был основоположником так называемого сибирского областничества, центральной его работой является труд «Сибирь как колония», где высказываются идеи о независимости региона. Кроме того, Ядринцев был археологом, этнологом, публицистом, а погиб он от неразделенной любви: покончил с собой, приняв яд.

приюта на воле, стремились как можно скорее вновь вернуться в заключение и воссоединиться с привычным и даже родным для них сообществом.

Как это ни странно, но среди заключенных, как отмечал Н. М. Ядринцев, существовало «и чувство справедливости, и глубокое сострадание к ближнему», а сама артель основывалась «на строгой равноправности и взаимопомощи»¹. Конечно, самоорганизация заключенных существовала и формировалась под влиянием народного духа, в котором велика была тяга к справедливости и равноправности, стремление обезопасить себя от невзгод, — все это находило свое воплощение в таких социальных формах, как артель, община, казачий круг и т.д. Однако принцип равноправия имел свои исключения, существенные проблемы с интеграцией в сообщество арестантов возникали у представителей привилегированных классов, о чем в «Записках из мертвого дома» писал Ф. М. Достоевский: «Нет; важнее всего этого то, что всякий из новоприбывающих в остроге через два часа по прибытии становится таким же, как и все другие, становится у себя дома, таким же равноправным хозяином в острожной артели, как и всякий другой. Он всем понятен, и сам всех понимает, всем знаком, и все считают его за своего. Не то с благородным, с дворянином. Как ни будь он справедлив, добр, умен, его целые годы будут ненавидеть и презирать все, целой массой; его не поймут, а главное — не поверят ему. Он не друг и не товарищ, и хоть и достигнет он наконец, с годами, того, что его обижать не будут, но все-таки он будет не свой и вечно, мучительно будет сознавать свое отчуждение и одиночество. Это отчуждение делается иногда совсем без злобы со стороны арестантов, а так, бессознательно. Не свой человек, да и только. Ничего нет ужаснее, как жить не в своей среде. Мужик, переселенный из Таганрога в Петропавловский порт, тотчас же

¹ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 144.

найдет там такого же точно русского мужика, тотчас же сговорится и сладится с ним, а через два часа они, пожалуй, заживут самым мирным образом в одной избе или в одном шалаше. Не то для благородных. Они разделены с простонародьем глубочайшею бездной, и это замечается вполне только тогда, когда благородный вдруг сам, силою внешних обстоятельств, действительно, на деле лишится прежних прав своих и обратится в простонародье»¹.

Каким же образом сохранялся и передавался артельный опыт в арестантской среде, которая по существу своему находилась в изоляции, а состав ее в том или ином конкретном остроге со временем менялся? В таких условиях носителями артельного опыта становились бывалые арестанты, бродяги и каторжные, они, «то идя в Сибирь, то снова возвращаясь в Россию, были всегда живыми резервуарами острожного опыта, распространителями острожной науки, деятельными проводниками идей арестантской общины; пионерами и учителями арестантской независимости. В продолжение своей жизни они деятельно поддерживали знакомства и сношения с сотоварищами по разным острогам; поклоны, поручения, послания, известия постоянно переносились ими от общины к общине, от острога к острогу»². В тех острогах, где большинство арестантов было новичками, там их союз оказывался слабым, артель проявляла себя ограниченно; другое дело, когда острожная среда состояла из матерых каторжан, там авторитет артели был высоким, она упорнее боролась за свои права, организация ее была сложнее и более multifunctionальной³.

Центральным органом самоуправления арестантской артели являлась общая сходка, где каждый из узников имел право голоса. Сходка решала все важнейшие вопросы, и ее приговоры являлись законом для всех каторжан.

¹ Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Ч. 2. Гл. 7. «Претензия».

² Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 144.

³ Там же. С. 146–147.

«Здесь налагались подати и сборы на общественные нужды, утверждался бюджет общины, поверялась касса и месячные расходы, происходил дележ подаяния, производился выбор острожных чиновников – старосты и писаря, вершился суд над провинившимися против общества арестантами, об-суждались хозяйственные дела, производились торги на майдан, проектировались субсидии палачу и обсуждался образ поведения в отношении начальства»¹. Арестантская артель занималась не только управлением и хозяйственными нуждами, но также защищала и ограждала заключенных от произвола администрации и зорко следила за хранением «острожных тайн» – донос считался самым страшным преступлением, за него немилосердно избивали, могли забить и до смерти. Артель требовала преданности себе и сплочения, соблюдения и защиты арестантских интересов.

Общество арестантов исполняло целый ряд функций, среди них судебные, полицейские, по наблюдению за исполнением членами повинностей и обязанностей, хозяйственные, финансовые и т.д. *Арестантский суд* отличался жесткостью и суровостью наказаний: могли избить до полусмерти, и при этом даже не оставив никаких внешних следов побоев, могли и убить. Жаловаться было запрещено, невозможно было даже обратиться в больницу, ибо тем самым могли быть выданы сами судьи, а это означало бы неминуемую смерть для попавшего в переплет. «Создавши свой суд, арестантство таким образом гарантировало себе безопасность всевозможных занятий и ненарушимость тайны острога». *Полицейские функции* общины подразумевали поддержание порядка в арестантской среде. «Всякие кражи, грабежи и обиды разыскиваются самой общиной или камерой обиженного; все буйства и драки прекращаются самими арестантами; таким образом, в хорошо организованных острожных и каторжных общинах начальство избавлено от всяких жалоб и претензий, которые иначе ему

¹ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 147–148.

пришлось бы разбирать тысячами: суд общины вполне заменят его»¹, – отмечал Ядринцев.

В остроге существовало множество «должностей», артель должна была следить за соблюдением правильной очередности при исполнении обязанностей, а также назначать толковых людей на постоянные должности, для которых были необходимы особые умения и опыт. Так, у Ф. М. Достоевского мы находим упоминания о «парашниках» и «кашеварах». «Во всякой казарме, – писал Федор Михайлович, – по положению был один арестант, выбранный артелью, для прислуги в казарме. Он назывался парашником и не ходил на работу. Его занятие состояло в наблюдении за чистотой казармы, в мытье и в скоблении нар и полов, в приносе и выносе ночного ушата и в доставлении свежей воды в два ведра – утром для умывания, а днем для питья». «Кашевары выбирались артелью, в каждую кухню по двое. У них же сохранялся и кухонный нож для резания хлеба и мяса, на всю кухню один»².

Обязанности дневального, дежурного по камере исполнялись по очереди. Однако был целый ряд «должностей», требовавших особых качеств, умений и навыков. Естественно, далеко не все заключенные могли выполнять обязанности повара, хлебопека, квасника, водовоза и т.д. Очередность в выполнении этих обязанностей допущена быть не могла. Поэтому была введена денежная повинность. Она распределялась равномерно, но с учетом того, к какому сословию принадлежал арестант. Бродяги платили 30 копеек, поселенцы – 75 копеек, крестьяне и мещане – 1 рубль 50 копеек, купцы и дворяне – 2 и 3 рубля³.

Община брала на себя финансовые и хозяйственные функции. «Для наблюдения за кухней и пищей, за поряд-

¹ Там же. С. 148–149.

² Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Ч. 1. Гл. 2. «Общие впечатления»

³ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 150–151.

ком раздачи хлеба, порций и подаваний, для распределения работ и повинностей, для ведения расчетов по взносам и расходам общины, так же как и для представительства пред начальством, каждая арестантская община выбирает старосту и писаря. Староста является столь удобным и необходимым членом в организации острожной общины, что его существование признано даже самим начальством. Поэтому в каждой арестантской общине, где бы она ни была – в остроге, в дороге, на этапе, в обширной каторге и миниатюрной чижовке всегда выбирается староста. Он – представитель исполнительной власти во всех арестантских делах; он же доверенный и адвокат арестантских интересов пред лицом начальства. Должность эта выборная, и избранное лицо несет ее до тех пор, пока ему доверяет община. За все свои действия он отдает отчет общине, которая во всякое время может сместить его и заменить другим; за действия же общины он не ответствен и служит только исполнителем ее приговоров. Он не управляет, но сам подчиняется ей, и где является сходка и община, там авторитет его стушевывается. Во внутренней жизни острога он скорее экономай и рассыльный общины, чем правительственная власть. Он бегаёт в фартуке (единственном атрибуте его власти) за смотрителем при выдаче провизии, смотрит за поварами, делит подавание, собирает подати, указывает очередь на работы, но не вмешивается во внутреннюю жизнь арестантов, даже в виде полицейской власти. На руках старосты хранится касса и приходно-расходная книга острога, для ведения которой он имеет помощника – писаря». За исполнение своих обязанностей община выплачивала старостам ежемесячное жалованье, Ядринцев сообщал, что в том остроге, где ему лично пришлось отбывать наказание, размер оклада составлял 3 рубля, вместо денег также могли выдать сапоги, а писарь при старосте получал 1 рубль. «При исполнении должности старосты, – сообщал Ядринцев, – требуется, конечно, большая опытность, проворство, преданность аре-

стантскому делу и умение ладить с начальством: поэтому в старосты обыкновенно выбираются люди умные, сметливые и опытные. В ссыльно-бродяжнической общине всегда выбор падает на старых каторжных, этих знатоков арестантских обычаев и людей, преданных по гробе арестантству; большей частью это люди самые даровитые и авторитетные из всей среды. Но редкий из них, по арестантской привычке, сохранял в целостности артельные арестантские деньги: истратить их на себя, — и делу конец; они — превосходные хозяева, организаторы, но плохие казначеи»¹.

Одним из наиболее любопытных артельных предприятий являлась организация так называемых **майданов**. В словаре В. И. Даля приводится несколько значений слова «майдан» — это площадь, место поприще, торг, базар. В нашем конкретном случае ближе всего оказываются два последних значения, а в особенности «торг». «...Нигде в такой степени не проявляется инициатива общины, как в деле устройства майданов, снабжающих арестантов табаком, чаем, сахаром, съестными припасами, вином и картами. Необходимость этих припасов для арестантов очевидна, и потому всякая острожная община покровительствует возникновению майданов. Но так как майданы открываются почти всегда ростовщиками и капиталистами из арестантов, которые, во-первых, стараются всеми средствами монополизировать все наиболее выгодные отрасли торговли, как то — вино, карты и табак, а во-вторых, прикрываясь трудностью получения в остроге запретных продуктов, страшно повышают на них цены и лихоимствуют, то острожная община, во избежание торгашеской эксплуатации своих членов, объявила майдан общественной собственностью, взяла на себя право дозволять и не дозволять открытие майдана, смотря по его пользе. Она воспользовалась конкуренцией майданщиков и установила отдачу его с торгов; наконец, что важнее всего, плату за пользование майданом, установ-

¹ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 151–152.

ленную общиной, обратила в артельную собственность. Майдан сдается с торгов в каждом большом и правильно организованном остроге...» Ядринцев сообщал, что в остроге, где он оказался, майдан сдавался за 30–40 рублей в месяц, и эти деньги поступали в артель. «Кроме того, в случае нужды община могла отнять майдан и передать его другому майданщику, точно так же как могла назначить за него высший взнос, смотря по доходам майдана и сообразно интересам общества. При отдаче майдана община объявляла, какие товары обязан иметь майданщик, на что он получал монополию, на что нет. Так, он должен был иметь во всякое время карты, вино, калачи, чай, сахар, табак и папиросы. Монополия большей частью предоставляется лишь на карты и вино, иногда на табак, но иногда вино изымается от монополии, так же как какой-нибудь из товаров сдается на откуп другому лицу. Кроме того, ссыльно-бродяжническая община налагает на майдан и другие условия – так, например, обязывает открыть бродягам и неимущим арестантам кредит на полтора рубля. При передаче и прекращении пользования майданом заведен обычай в каторжных общинах квитать долги с подрядчиком, более покровительствуя несостоятельным членам, чем ему. Таким путем осторожная община старалась обложить своих кабачников и торгашей самым суровым налогом и самыми строгими условиями и тем убить в корне торгашескую монополию и злоупотребления. Всякий лишний процент, взятый майданщиком с бедного арестанта, она признавала самым бессовестным налогом на него и считала долгом в виде налога на майдан возвращать его в общую кассу арестантства»¹.

Книга Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» была опубликована в то время, когда в России только-только появлялись первые потребительские кооперативы, которые были еще весьма далеки от совершенства. «...То, чего добивались другие общества созданием потребитель-

¹ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 152–154.

ных ассоциаций и общественных лавок, – восхищался исследователь, – арестантская община создала у себя простым здравым смыслом русского простолюдина»¹. Контроль артели за торговцами и капиталом, ограничение их жесткими рамками и использование торга в интересах арестантского сообщества – все это лишний раз подтверждало преимущества народной самоорганизации. Арестантские артели смогли продемонстрировать примеры умелого приспособления к тяжелейшим условиям сибирской каторжной жизни.

Общественную кассу Ядринцев называет «самым солидным учреждением» арестантов. Средства в кассу поступали от арестантов в качестве взносов и тех денег, что удавалось добыть благодаря подаянию, сюда же шла плата за майдан. Собранные суммы расходовались на содержание старосты, писаря, выплачивались некоторым должностным лицам артели, выполнявшим работы, требовавшие особых знаний и умений. Но основной расход шел на содержание палача и смягчение приговоров, на подкуп и взятки писарям в земских судах и полиции. К средствам общей кассы прибегали в тех случаях, когда нельзя было при подкупе ограничиться небольшими суммами. «Писцы не оставались в долгу, – замечал Ядринцев, – и в арестантских делах являлись, конечно, незначительные подчистки, поправки, дополнения задним числом, иногда утеривались листы показаний и т.п.; также получались инструкции, как давать показания, как лучше вывернуться и т.д.»². Значительные по арестантским меркам суммы получал палач, который мог смягчить наказание. Так, по свидетельству Ядринцева, если от казны палач получал 3 рубля, то община доплачивала ему дополнительно от 6 до 10 рублей в месяц. Палача одаривали подарками, всякий раз его старались угостить: поили и кормили его, этот налог был самым тяжелым для артели арестантов. За такие услуги палач должен был при

¹ Там же. С. 154.

² Там же. С. 154–155.

исполнении наказания щадить заключенных и не бить их сильно. За легкость наказания палач, конечно, мог ответить и перед своим начальством, за что ему грозило битье палками и розгами, но палачи все же шли на этот риск. Многие палачи до того усовершенствовали свое мастерство, что могли очень искусно, играя на публику, создать полную видимость жестокого наказания, а на деле не причинить заключенному никакого существенного вреда. «Известны рассказы о палачах, которые, подобно индийским фокусникам, разбивали на спине лист бумаги, не рассекая кожи»¹.

Арестантская артель оказывала помощь своим членам в виде юридических консультаций. Советы могли давать опытные каторжане, в особых случаях с этими целями привлекались знатоки-юристы. Побег, как крайнее средство для спасения заключенного, как правило, мог осуществляться только с согласия артели. Перед принятием решения о побеге взвешивались все «за» и «против», ибо побег мог затрагивать интересы артели и даже вредить ей, но опасность для собрата-арестанта и сочувствие к нему осторожного сообщества могло перевесить, и тогда артель помогала ему бежать. Способов побега было множество. «Собратья-арестанты подсадят бегущего через стену, спустят через отверстие ретирада², вывезут в бочке с нечистотами в поле (побеги в параше особенно часто употребляются арестантами), отвлекут внимание часовых в другую сторону, собьют поверку во время тревог, так что караул станет вне возможности узнать, все ли налицо и кого нет (это делается перебеганием из камеры в камеру, подделкой чучел, подменом людей и т.д.), оттянут время розысков или направят их в другую сторону»³. Порой результатом совместной подготовительной работы являлся побег сразу целой партии заключенных.

¹ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 155–156.

² Отхожее место, уборная.

³ Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 158–159.

Арестантская община помогала и тем, кто выходил на волю. Хотя денежная сумма помощи могла быть незначительна, все же во многих случаях она оказывалась очень важной и существенной поддержкой для безденежных, оборванных и нищих выходцев из острогов.

Честное слово, данное артелью арестантов, являлось своего рода нерушимым законом для всех и каждого. Под честное слово арестантам позволялись такие вольности, которые могут показаться уж чересчур расходящимися с расхожими представлениями о тюремных и каторжных порядках. Вот как живописал Ядринцев подобные ситуации: «“Ребята, – говорил наш патриархальный смотритель бродягам и каторжным своего острога, – я не буду затворять на замки ваши камеры на эти дни Пасхи; условие одно: чтобы буйства, драки, дебошу, шуму и жалоб не было, – чтобы все было смирно!” – “Все будет тихо, отец: верьте нам!” – гремит острожная община, – и действительно, лишь только разбушует какой пьяный, лишь только кто съездит друг друга в зубы, лишь только начнется потасовка, как арестанты мигом умирят сильными кулаками буйства, вяжут непокорных пьяных и соблюдают свято три дня обещанного спокойствия».

А вот иной случай: «“Братцы, – говорит сметливый офицер, конвоирующий, под незначительным конвоем старых инвалидов, партию каторжных к какому-либо пункту, – я сниму с вас оковы, чтобы дойти поскорее; даете ли слово, что никто не уйдет из вас?” – “Все будет благополучно – верьте нам, выше высокоблагородие!” – гремит масса народа, поставившая целью жизни побег. – “Ладно!” – говорит офицер, снимает с арестантов кандалы, – и арестанты достигают благополучно все в целости назначенного пункта; никто и мысли не имел пуститься бежать; община решила всем дойти исправно – и никто не посмеет подумать противиться такому решению»¹. Под честное слово заключенные

¹ Там же. С. 176–177.

отпускались для сбора подаяния по близлежащим деревням, растягивались на этапе на многие километры.

С. Максимов также приводил несколько примеров, когда артель бралась за некоторые обещанные ей льготы следить за тем, чтобы никто не разбежался во время этапа, а тех, кто бежал, артель сама и разыскивала. Бывали случаи, когда партия арестантов выполняла какие-либо работы либо с минимальной (только для вида!) охраной, либо вообще без таковой под поручительство артели!¹ Тюремная практика показывала, что излишняя строгость вызывала у заключенных раздражение и могла привести к восстанию, допущение же некоторой свободы, напротив, улучшало общую атмосферу в арестантской среде. Когда честному слову заключенных верили, это поднимало их человеческое достоинство, они во что бы то ни стало стремились не обмануть оказанного им доверия и действовали в рамках договоренностей.

Харчевые артели

Харчевые артели были распространены среди великорусских рабочих. Преимущественно в них объединялись те рабочие, которые жили при заводе или фабрике отдельно от своего семейства. Общий стол и ведение общего хозяйства для одиночек являлось значительно более выгодными, чем индивидуальное питание в трактирах, столовых, кухмистерских и прочих подобного рода заведениях. При всей выгоды харчевых артелей для рабочего люда, покидающего ради заработков на время свой дом и семью, такие объединения могли выступать в некоторых случаях и в качестве средства эксплуатации рабочих их хозяевами фабрикантами. Последние действовали в связке с торговцами и лавочниками или же организовывали лавку самостоятельно, где отпускали продовольствие и необходимые для рабочих товары обычно в кредит по завышенным це-

¹ Максимов С. Сибирь и каторга. Ч. 1. М., 1900. С. 64, 65, 73.

нам, а нередко еще и с дополнительной надбавкой в 10% от стоимости закупок. Забирать товар в лавке рабочие должны были в принудительном порядке. Затем староста артели, часто назначаемый администрацией завода, подавал туда сведения о том, сколько и какого товара было взято из лавки, и администрация самостоятельно расплачивалась, а из заработной платы рабочих удерживалась для покрытия расходов определенная сумма. Нередко рабочие попадали в долговую кабалу, что усугублялось еще и тем, что заработная плата выдавалась им крайне нерегулярно, часто задерживалась и выплачивалась не в полном объеме, что конечно не могло не вызывать недовольства рабочих. Такая практика была в особенности распространена до принятия закона от 3 июня 1886 года, который предписывал выплачивать заработную плату рабочим ежемесячно, выдавая им ее непосредственно на руки, кроме того, запрещалось принуждать рабочих к участию в харчевых артелях. После принятия закона принудительные лавки стали исчезать, но самостоятельно действующие харчевые артели продолжили свое существование, хотя постепенно они уступали место другим способам организации питания. В 1880-е годы быт рабочих и в частности харчевые артели обратили на себя внимание многих исследователей. Изучением этих вопросов занимались первые фабричные инспекторы, например, академик И. И. Янжул и земский врач П. А. Песков, а также исследовавшие по поручению московского губернского земства санитарное состояние фабрик профессор Ф. Ф. Эрисман, Е. М. Дементьев и А. М. Погожев.

В харчевые артели обычно объединялись рабочие, чей заработок был более или менее равным, ведь в таком случае количество и качество потребляемых ими совместно продуктов питания могло наиболее соответствовать бюджету каждого отдельно взятого артельщика. В связи с этим существовали артели рабочих разного достатка, а также женские и даже детские. Женщины зарабатывали

как правило меньше мужчин, а дети и того менее. Иногда женщины объединялись в артели вместе с детьми, тогда первые, помимо обычных взносов, доплачивали 25 копеек ежемесячно для удешевления питания вторых. Также женщины и малолетние могли входить в одну артель вместе с мужчинами, тогда они вносили лишь половинную сумму от размера мужского взноса, плюс от половины до двух копеек так называемой «накладки», при этом мясо исключалось из их порциона. Для ведения артельных дел на не продолжительные сроки выбирался староста. Становясь на хозяйство в больших артелях, он подчас терял возможность трудиться на производстве, поэтому артель брала его полностью на содержание. Староста получал либо ежемесячное жалование со всей артели, либо каждый артельщик отдельно выплачивал ему по 5–10 копеек ежемесячно, либо староста брал деньги с «недели» (за семь дней). До принятия закона 1886 года старосты нередко являлись всего лишь своеобразными приказчиками, которые ставились администрацией над артелями. Они занимались нелегальной продажей водки, ростовщицеством и продажей «билетов» на покупки в кредит в частных лавках.

В больших артелях для оказания помощи старосте и для контроля над ним существовали «чередовые» обязанности, их несли по очереди все члены артели. В случае неграмотности старосты, а также в артелях, отличающихся своей многочисленностью, из рядов артельщиков избирался «земский», он вел счетоводство и делал необходимые записи. Для временной ему помощи могли избираться «счетчики», это случалось тогда, когда было необходимо подведение итогового баланса.

При вхождении в артель рабочий вносил «вступные» деньги 40–50 копеек, формально на приобретение новой посуды, а в действительности эти суммы обычно шли на общую выпивку. Приход и расход тщательно фиксировался, отмечалось, когда каждый член пользовался общими

харчами. Итоговый подсчет и раскладка всей суммы на каждого артельщика обыкновенно делались каждый месяц. Основные артельные траты, как правило, шли на топливо, на содержание кухарок и собственно на продовольствие. Ежемесячная плата за харчи у мужчин была 12–25 копеек, женщины и дети платили по 9–10 копеек¹.

Выделяют несколько типов питания фабрично-заводских рабочих в дореволюционное время: рабочие могли жить на хозяйских харчах, могли питаться поодиночке в столовых, трактирах, кухмистерских и т.д. либо в харчевых артелях, и, наконец, в своих семьях. Питание в артелях по своему качеству ставилось сразу после семейного, которое было гораздо более разнообразным. Однако при семейном типе питания рабочий реже потреблял горячую пищу, которая, в свою очередь, гораздо чаще появлялась на артельном столе². Все остальные типы значительно уступали артельному и в количественном, и в качественном отношении, а также и в плане денежных затрат. В 1896 году медицинская полиция в Петербурга отмечала, что «рабочие, живущие при фабриках, продовольствуются артелью и, приобретая оптом провизию, которая готовится под их постоянным контролем, имеют более здоровое и правильное питание, чем рабочие, живущие на вольных квартирах и продовольствующиеся в большинстве случаев в закусочных, а иногда и в мелочных сухой пищей»³. Положительный отзыв находим и у академика И. И. Янжула: «Харчевые артели представляют собою излюбленную форму продовольствия русских рабочих и на более благоустроенных фабриках при правильной получке денег и умеренной цене припасов в фабричной лавке, без всякого сомнения, доставляют наиболее

¹ Дементьев Е.М. Харчевые артели // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

² Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. С. 172.

³ Там же. С. 168.

обильный и хороший стол, какой только рабочий по своему вкусу может иметь на свои средства»¹.

Ю. И. Кирьянов, ссылаясь на материалы санитарного обследования фабрик и заводов Московского уезда, сообщал, что «рабочий при артельном питании обыкновенно получал в обед щи с мясом, гречневую кашу и черный хлеб, а в ужин то, что оставалось от обеда. Питание рабочих в артелях было гораздо хуже, и в пост они потребляли нередко так называемые пустые щи (даже без рыбы или грибов). Обычной принадлежностью стола рабочего являлись ржаной хлеб, гречневая каша и квашеная капуста, к которым в скоромные дни прибавлялись говядина и топленое сало, а в постные – рыба и конопляное или подсолнечное масло, а также грибы и горох; “почти ежедневно” рабочие пили чай (расходуя 100–200 г чая и 600–800 г сахара на человека в месяц)»².

В количественном отношении, по мнению профессора Ф. Ф. Эрисмана, исследовавшего артели фабрик Московской губернии, совместное питание было вполне удовлетворительным, в целом оно удовлетворяло потребности рабочего люда в белках, жирах и углеводах, в чем не уступало питанию рабочих в Германии³. Кроме того, артельное питание у рабочих Московской губернии первой половины 1880-х годов «было лучше, чем крестьянской бедноты (богаче белками и жирами) и даже среднего, зажиточного крестьянина (богаче жирами), но уступало питанию богатых крестьян»⁴.

Главными же недостатками являлось однообразие питания в харчевых артелях (ржаной хлеб, гречневая каша,

¹ Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. С. 161.

² Там же. С. 172.

³ Дементьев Е.М. Харчевые артели // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

⁴ Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. С. 198.

щи, говядина и топленое сало) и почти полное отсутствие вкусовых изысков: пищу обычно приправляли редькой, солью и луком, и была она в основном растительного происхождения, молочные продукты практически совсем не употреблялись, за исключением масла¹. Другой недостаток артельного питания состоял в том, что оно являлось как бы принудительным, что отмечал Ю. И. Кирьянов². Иными словами, каждый артельщик должен был есть то, что предлагала артель, разнообразить свой стол он мог лишь только собственными усилиями.

Хотя исследователи и указывали на однообразие артельной пищи как на существенный недостаток этого типа питания. П. А. Песков, обследовавший в 1881 году 97 харчевых артелей текстильщиков Москвы, отмечал, что такие продукты, как сельдь, булки, баранки, ситный хлеб, колбаса, яйца, огурцы, редька, обычно не входили в рацион артельного питания, все же продукты эти «очень нередко составляли предмет мелочных расходов рабочих и потому совершенно ускользали от более или менее точного определения количества их, потребляемого всею артелью рабочих»³. То есть рабочим все же удавалось разнообразить свое питание, только делалось это вне рамок артелей.

В 1908 году было проведено обследование бюджетов 632 рабочих, в результате оказалось, что среди одиноких и рабочих с минимальным бюджетом в равной мере встречались домашний, артельный и трактирный типы питания, в группе со средним бюджетом падало число питающихся артельно и росло количество питающихся в трактирах, а наиболее обеспеченные рабочие в основном предпочитали домашние обеды⁴.

¹ Дементьев Е.М. Харчевые артели // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

² Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. С. 166.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 158.

Изменения в типах питания среди рабочих наблюдались не только в зависимости от размера их бюджетов, но и с течением времени. Ю. И. Кирьянов в результате исследования данного вопроса приходит к следующему выводу: «В связи с изменением состава рабочих – увеличением доли постоянных и вместе с тем семейных рабочих, а также увеличением доли женщин в промышленности – общей тенденцией было вытеснение семейным питанием других типов питания. Раньше всего этот процесс начался в таком развитом промышленном центре, как Петербург. В конце XIX – начале XX века он захватил и другие промышленные районы и центры страны (Московскую, Харьковскую губернии и др.). Что же касается одиноких рабочих, то в 80-е годы XIX века для них наиболее характерным типом питания был артельный и домашний (“горшечники”), а в начале XX века – домашний и питание в столовых, трактирах и т.п. (особенно в городах). Артельное питание хотя еще и сохранялось в начале XX века, но уже в конце XIX века стало утрачивать свою былую значимость даже в губерниях Центрального промышленного района, где оно имело наибольшее распространение»¹.

Выводы

Образование потребительских артелей было продиктовано необходимостью выживания в тяжелых условиях военной службы, пребывания в местах лишения свободы, отлучки от дома, связанной с занятостью рабочих на промышленном производстве. Причем объединение людей в армейские, арестантские, а в некоторых случаях и в харчевые артели при заводах и фабриках нельзя назвать вполне добровольным. Военнослужащий и арестант поневоле должен был включаться в существовавшие и сложившиеся до его прихода артели. От умения ладить с другими члена-

¹ Кирьянов Ю. И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979. С. 164.

ми сообщества, находить с ними общий язык и взаимодействовать зависело порой само выживание индивида.

Глава или староста потребительской артели являлся не столько начальником над ее членами, сколько хозяйственным, экономом, у которого центральными были именно обслуживающие функции.

Потребительские артели порой могли располагать своим собственным хозяйством или каким-либо источником дохода. Это были солдатские и арестантские огороды, мастерские, солдаты могли подрабатывать ремеслом и за счет иных работ. Потребительские артели контролировали и получали доход с майданов.

Благодаря артелям осуществлялась передача опыта, обеспечивалась самозащита (арестантские общины), артели повышали обороноспособность русской армии и делали для солдат невыгодным переход на сторону противника. Армейские артели способствовали первоначальной консолидации идейно близких офицеров в 1810-х годах и в конечном итоге дали начало декабристскому движению.

Хотя артельное питание не отличалось особым разнообразием, все же, как правило, оно обеспечивало необходимое количество калорий, – это можно уверенно утверждать об армейских и харчевых артелях.

9. Артель и мужской союз (кулачные бойцы, древнерусские дружины, ватаги ушкуйников, казачьи союзы, Запорожская Сечь)

Для понимания истоков артельности на Руси большое значение имеет тема мужских союзов. Такие формы организации, как артели рукопашных бойцов, княжеские дружины, ватаги ушкуйников, различные казацкие сообщества, включая Запорожскую Сечь, во многом воспроизводили архетипы так называемых мужских союзов первобытного общества.

Исследователь артелей кулачных бойцов Г. Н. Базлов указывает на родство таких институтов, как княжеская дружина, казачий круг, разбойничья шайка, отряд ушкуйников-повольников, скоморошья ватага, офицерское собрание, артель кулачных бойцов. В большинстве этих организационных форм в обращении между членами употреблялись термины родства, например, глава союза часто именовался «отец», «батька», «атаман» («ота» по-тюркски отец), «батюшка», в то время как рядовые члены сообщества назывались «братьями» и «сестрами», «отроками», «братчиками», «братами» и т.д.¹

Начнем с небольшого экскурса в этологию – науку, в которой, в частности, описываются и исследуются «клубы» и «банды» в животном мире. Бродячие группы ищущих себе места молодых особей – обычное дело у многих социальных видов. Такие группы этологи называют бандами – жестко иерархизированные, агрессивные сообщества². У животных встречаются объединения, носящие и более мирный характер – это так называемые клубы. Клуб охватывает один слой социальной структуры животных одного вида. Наиболее распространены клубы неполовозрелых самцов, клубы холостых самцов, но бывают и клубы самцов, занимающих высокий ранг в иерархии. Суть клуба состоит в том, что несколько, а иногда и очень много особей одного ранга собираются вместе и на время сборища уединяются от других членов животного общества. Они являют собой и безопасное место отдыха под коллективным присмотром, и место, где реализуется потребность в игровом поведении, и место отдыха от напряженных иерархических отношений доминирования-подчинения, и место самоустранения на время из общества пока ему

¹ Базлов Г. Н. Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников: Опыт реконструкции: По материалам Северо-Западной России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

² Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб., 2011. С. 126–127.

ненужных, «резервных» молодых самцов. Неудивительно, что отношения животных в клубе мягче, чем вне его. Иерархической структуры в клубе нет даже у видов, в иных местах поддерживающих жесточайшую иерархию¹.

У многих народов, находящихся на первобытной стадии, этнографы фиксируют наличие так называемых домов холостяков или же обособленное проживание мужчин от остальной общины в какой-либо иной форме. В то же время обнаруживаются и отдельные дома, где проживают девушки, либо встречаются пережитки отдельного проживания: например, у восточных славян были распространены девичьи «посиделки», «досветки», «беседки»² и т.д. Предполагается, что дома холостяков и дома девушек обязаны своим происхождением существованию в первобытную эпоху дуально-родового брака, при котором половые отношения внутри рода исключались, а возможность осуществления таковых допускалась лишь с представителями другого рода³. Пережитками такого раздельного проживания в более позднее время было, в частности, разделение домов на мужскую и женскую половины⁴. В мужских

¹ Там же. С. 122–123.

² Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 177–178.

³ Там же. С. 179.

⁴ «У многих народов Северного Кавказа и Дагестана глава семьи жил в особом помещении, которое носило название кунацкой. Последняя служила помещением для всех мужчин дома. В ней же принимали гостей, причем, конечно, мужчин. Кунацкая существовала либо в виде отдельного строения, либо в виде части общего жилища – его мужского отделения. В свою очередь, кунацкая как особое строение могла находиться либо вне ограды, за воротами усадьбы, либо внутри ограды. В первом случае она выступала как своеобразное общественное учреждение, по целому ряду признаков сходное с общим мужским домом. Расположение кунацкой внутри ограды, рядом с основным жилищем, является шагом по пути ее превращения в часть последнего. Но даже и соединившись с общим жильем, кунацкая на первых порах остается изолированной от него, их отделяет глухая стена. Фактически здесь пока не единое жилище, а два строения под одной крышей. И лишь в дальнейшем кунацкая сливается с основным жилищем, окончательно трансформируясь в его мужскую половину» (Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С. 182–183).

домах, по сути дела, жили коммуной. У таких сообществ существовали и особые святыни, часто расположенные в самых укромных местах и тщательно оберегаемые. В мужских домах проводились различные церемонии, пляски, обряды, могли храниться маски и иные необходимые атрибуты. С появлением парного брака женатые мужчины переходили жить в семью и все реже появлялись в мужском доме. На основе мужских домов могли выстраиваться мужские союзы, причем они создавались по возрастному принципу, то есть отдельный союз для юношей, отдельный для зрелых мужчин и отдельный для пожилых.

Этнографы обнаруживают пережитки мужских союзов у огромного множества народов и племен: в Ахейской Греции, древнем Крите, Спарте, Милете, Коринфе, Мегарах, Беотии, Фурии, Карфагене, древней Италии, у кельтов в Ирландии, древних германцев, китайцев, по всей Средней Азии, у народов Дагестана, в Западной Африке, у юкки, помо, хидатса, манданов, омаха, арапах, черноногих, крой, квакиютлей, нутка и других племен Северной Америки, а также у русских, украинцев и белорусов. О существовании мужских домов и союзов мы имеем представление не только благодаря этнографическим сведениям, но и из фольклора. Детально эту тему на фольклорном материале разрабатывал В. Я. Пропп. Анализ народных сказок позволил ему выделить ряд характерных внешних черт так называемого мужского (большого) дома. Проживание коммуной предполагало равное распределение общих благ. Мужской коллектив занимался преимущественно охотой, а также разбойничьим промыслом. Новопосвященным часто предоставлялись права разбоя или по отношению к соседнему племени или, гораздо чаще, по отношению к своему собственному, как показывают исследования немецкого этнографа Генриха Шурца. Юноши, которые порвали с привычным образом жизни своей общины, а также с ее порядками и правилами поведения,

теперь могли проявлять агрессию и совершать насильственные действия, например, воровать, вымогать, осуществлять набеги на поселения.

На стадии позднеродовой общины основной функцией мужских союзов была инициация юношей и их подготовка ко взрослой жизни. Вместе с тем мужские союзы начинают довлеть над женской частью общины. Иногда исследователи именуют их тайными союзами. «Обозначение “тайные” в применении к мужским союзам в высшей степени условно: о существовании союза обычно прекрасно знали все члены данного коллектива, больше того, совершаемые союзом акции, направленные на то, чтобы запугать непосвященных, и прежде всего женщин, достаточно широко рекламировались. В тайне от непосвященных сохранялись, как правило, имена главарей и членов союза, места его сборищ и характер этих сборищ, имена непременных духов-покровителей союза и связанные с ними церемонии»¹. Мужские союзы могли быть как демократичными, так и элитарными. Порой они оказывались своеобразным средством для «взлома» первобытных экономических отношений, помогая обойти эгалитарные традиций общины, способствуя наживе и формированию института частной собственности. Помимо экономической роли, мужские союзы в некоторых случаях могли играть значительную роль в становлении политической власти и ее институционализации, по факту являясь структурами, функционирующими вне родовой иерархии и как бы параллельно с ней. Мужские союзы помимо деятельности по подготовке и обучению молодежи нередко занимались проведением общественных работ.

У индоевропейских и некоторых других народов инициации и мужские союзы были связаны с образом волка или пса, которые, по всей видимости, являлись тотемами, то есть покровителями и особо почитаемыми объектами,

¹ История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988. С. 238.

в данном случае животными, с которыми люди ощущали определенную родственную связь. Вот что пишет на эту тему А. И. Иванчик в своей работе «Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию». Он отслеживает эту линию, связанную с инициацией молодых воинов, в спартанских криптиях, у древних ирландцев, скифов, осетинов, иранцев, других народов¹. Исследователь указывает на ряд черт, которые присущи мужским союзам индоевропейцев, а именно: оборотничество, применение опьяняющих средств, проживание членов вдали от поселений, агрессивное поведение, смена имен, возможно, проявление гомосексуализма. В дальнейшем проявления почти всех этих черт, разве что кроме последней, мы сможем обнаружить при рассмотрении русских боевых артельных форм. Следует также заметить, что, по крайней мере, в славянской традиции «оборотничества» мы сталкиваемся с превращениями людей не только в псов или волков, но также, например, в медведей, туров, птиц и т.д.

В Малороссии своим буйным нравом и удалью славилась парубочьих громады. Их связь с мужскими союзами довольно очевидна, так как общность многих черт налицо. Например, парня, который только становился парубком, в некоторых селениях называли «вовком» (волком)². «Парубочтво» представляло собой объединение юношей, которые уже не являлись «хлопцами», но еще не были женаты. «Хлопец» становился «парубком» в 16–17 лет с разрешения отца, но отец мог и отказать³. Парубкам по сравнению с хлопцами дозволялось более вольное поведение и более тесное общение с девушками, они прини-

¹ Иванчик А. И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. 1988. № 5. С. 40–41.

² Балужок В. Г. Инициации древних славян (попытка реконструкции) // Этнографическое обозрение. 1993. № 4.

³ Боржковский В. «Парубочтво» как особая группа в малорусском сельском обществе // Киевская старина. 1887. № 8. С. 767.

мали участие в так называемых «музыках», «улыцях» и «вечерных», то есть таких увеселениях, где «хлопцы» и женатые участвовать не могли¹.

В великорусских губерниях нравы юношества также были весьма буйными. Так, в Новгородском уезде, «когда крестьянские девушки, в числе пяти–шести в банях осенью треплют и чешут лен, тогда парни молодые артелями ходят по баням, пугают девушек, бросая камни или палки в окна бань, разламывают двери или кровлю бани и, взойдя в нее, производят шум, буянство и нередко драку»². В некоторых местах Архангельской губернии парни пугали девушек на отдаленных пастбищах, где те доили коров³.

Философ и культуролог Вадим Юрьевич Михайлин в работе «Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции» (М., 2005) указывает на смену инвариантов поведения представителей мужских сообществ на различных территориях: так, нормы поведения на «охотничьей» территории (агрессивность, ориентированность на группу и т.д.) откровенно противоположны тем качествам, которые приемлемы в качестве системообразующих на территории совместного проживания ряда индивидуальных семейных коллективов (уровень агрессивности должен быть неминуемо снижен, ориентация на коллектив должна, по крайней мере, сочетаться с отстаиванием интересов собственной семьи)⁴. В таких условиях формируется, по мнению Михайлина, «револьверная» структура сознания, ее суть состоит в том, что «каждая культурно маркированная территория автоматически “включает” адекватные ей формы поведения и “выключает” все

¹ Там же. С. 772.

² Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского геогр. об-ва. Вып. 2. 1915. С. 854.

³ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. М., 1988. С. 236, 256.

⁴ Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 13.

остальные, с ней несовместимые»¹. Покидая маргинальную территорию «Дикого поля», где велась охота и военные действия, мужчина утрачивал свою роль воина, охотника или вождя. Возвращаясь домой в свое поселение, он становился отцом, сыном, мужем, главой семейства² и т.д. Домашние роли предполагали контроль за собственным поведением, сдерживание агрессии, запрет на употребления «волчьей» лексики, в том числе матерного языка. Что было допустимо и даже поощрялось на одной территории, являлось строжайшим запретом на другой. Однако «волчье» поведение на домашней территории все же могло быть дозволено, но на время, и это было время праздника или карнавала, когда границы допустимого поведения расширялись³. Неслучайно, например, у русских проведение кулачных боев было приурочено к каким-либо праздникам.

Пребывание в «волчьем» статусе могло и не ограничиваться лишь периодом инициации, человек мог пребывать в нем порою всю свою жизнь. Таким был путь воина, например, дружинника, казака или разбойника. Дворянское сословие, чьей специализацией изначально являлся именно военный промысел, как замечает В. Ю. Михайлин, сохраняло за собой многие элементы «волчьего» статуса⁴.

Артели кулачных бойцов

Артели деревенских бойцов-рукопашников были повсеместно распространены у славян, но примерно с середины XX века происходит угасание этой традиции. В настоящее время лишь отдельные подвижники предпринимают попытки возродить древнее искусство. Среди них Григорий Николаевич Базлов, историк, этнограф и хранитель народ-

¹ Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 13.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 342.

⁴ Там же. С. 365–366.

ных боевых традиций, президент Центра традиционного русского боевого искусства (ЦТРБИ), где ведется изучение национальной боевой традиции, известной под названием «Буза»¹. «Буза» была распространена в Северо-Западном регионе России – в Вологодской, Тверской, Псковской, Новгородской областях. Какого-то определенного наименования борьба первоначально не имела, в различных местах она могла называться по-разному. Дело в том, что состязания обычно сопровождалась музыкой и особым боевым плясом, и по названию наигрыша, как правило, получала свое наименование и сама борьба. Наиболее распространенным наигрышем в указанных областях являлась «Буза».

В 2002 году Г. Н. Базлов в Московском университете защитил по материалам этнографических экспедиций, проводившихся на протяжении 12 лет, диссертацию «Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников. Опыт реконструкции по материалам Северо-Западной России». В работе приводятся интереснейшие и весьма ценные для нас сведения об артелях деревенских кулачных бойцов в России, об их традициях и организации.

Артелью, ватагой или партией называли обычно боевое мужское объединение одной деревни. Несколько деревень (обычно три, семь и более) образовывали так называемый округ, нередко такое объединение происходило вокруг какого-либо храма; таким образом, артели округа формировали православное боевое братство, его возглавлял «утаман», избираемый на общем сходе. Во главе каждой артели также стоял утаман (в новгородской области – «вотаман», на Урале – «башлык»), он обладал весьма широкими полномочиями: мог объявлять войну, заключать мир, призвать на месть, назначал время боев, он также производил суд и наказывал провинившихся, мог изгонять их из артели, а если решено было стоять в бою насмерть, то утаман срывал с головы и кидал перед собой шапку, что означало намерение

¹ Этой народной боевой традиции посвящен и интернет-сайт www.buza.ru

сложить голову, но не уступить в битве, шапка же в данном случае символизировала голову. Утаман избирался артелью и мог стоять во главе нее довольно длительное время, особенно если он продолжал сохранять свою силу и авторитет. В противном случае утаман мог быть лишен своих полномочий. Как видно, особые качества атамана являлись неременной необходимостью. Г. Н. Базлов приводит весьма примечательные характеристики выдающихся артельных вожаков: «Утаман Волк один гонял чужую, вооруженную ножами партию, голыми руками, так как боялся кого-нибудь нечаянно убить. Утаман Конка три телеги одна на другую в одиночку ставил, утаман Межуи кулаком вышибал из печки кирпичи и т.п. Нередки рассказы об утаманах-тактиках, личными боевыми качествами не блиставших, но отважных и верных побратимству, не раз выводивших своих бойцов из затруднительных положений»¹.

Глава артели имел нескольких помощников (обычно двух-трех), они должны были при необходимости замещать «утамана», охранять его, а в стеношном бою, например, отвечать за левый и правый фланги. Оплотом боевой артели были так называемые записные или расписные драчуны – это наиболее подготовленные, отважные и даже отчаянные бойцы, на них держалась власть утамана, они играли ведущие роли во время боев, хранили воинские традиции. Название «расписные» появилось, как отмечает Базлов, в результате того, что эти артельщики «как бы расписывались под своим обязательством биться за интересы артели»². Рядом с «расписными драчунами» во время боя могли сражаться «халявшики», они прикрывали и поддерживали ведущих бойцов. «Халява» – это голенище сапога, куда прятали нож. По аналогии с голенищем, скрывающим

¹ Базлов Г. Н. Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников: Опыт реконструкции: По материалам Северо-Западной России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 27–28.

² Там же. С. 29.

нож, «халявшики» как бы охраняли и прикрывали «расписного» артельщика. Еще одну специфическую боевую функцию выполняли «резаки», или «головорезы», или «оторви головы». Как уже явствует из самого названия, они специализировались на убийствах, совершая их по требованию утамана, и было это, как правило, мстью за смерть товарища. «Задиры» или «заводилы» играли роль своеобразных артельных провокаторов и, хотя они могли быть неплохими бойцами, ценились в основном за наглость и острословие. Перед боем «задиры» должны были раздражить своими шутками, ругательствами, оскорблениями и едкими частушками бойцов чужой артели, спровоцировать их на внезапные необдуманные действия и тем самым добиться преимущества в бою для своей партии¹.

Одну из центральных ролей играл артельный музыкант. Можно сказать, что он руководил боем посредством музыки. Вот как это описывает Базлов по данным этнографических экспедиций: «В районе села Кушалино наигрыш “под драку” “Буза” считается “плохой игрой”. Негативная оценка связана с тем, что под эту музыку дрались и убивали. Все опрошенные подчеркивали, что если гармонист заиграл “Бузу”, то не начать драку невозможно. Она может закончиться, только если он перестанет играть либо если кому-то из противников удастся добраться до хорошо защищаемого гармониста и проткнуть ему ножом меха. ... Заканчивалась музыка, вместе с ней прекращался и бой. Такую власть над собой бойцы объясняют отчасти тем, что гармошка, играющая “Бузу”, – это вызов, от которого невозможно отказаться, потому что драка все равно начнется»².

По мнению, Г. Н. Базлова, у артелей кулачных бойцов был целый ряд функций:

«1. Обряды кулачных бойцов снимали накапливающееся психологическое напряжение и давали выход естествен-

¹ Там же. С. 30, 34.

² Там же. С. 35.

ной мужской агрессивности. Оформляли – ритуализировали конфликт, разрешая его в наиболее безопасной форме.

2. Готовили молодежь к вероятным физическим и психологическим нагрузкам военного быта. Формировали в обществе нравственный поведенческий стереотип, поддерживали этнический эталон молодого человека.

3. Обрядовые действия постоянно воспроизводили древние архетипические образы славянской мифологии, тем самым сохраняя в народе традиционное восприятие времени и привычную пространственную конструкцию окружающего мира.

4. Не исключено, что в древности кулачные бои были тренировкой, поддерживающей обороноспособность боевой родовой дружины. Можно предположить, что в прошлом бытовали архаичные представления о способности кулачных состязаний защитить общину от “темных сил”¹.

Приведенный выше перечень функций артели бойцов-рукопашников демонстрирует теснейшую связь этой народной формы самоорганизации с мужскими союзами первобытной эпохи. Артель здесь выступает как традиционный институт, в рамках которого было дозволено агрессивное, неприемлемое в условиях мирного быта поведение; кроме того, осуществлялась боевая подготовка молодежи и передача традиций и опыта следующим поколениям, что, в свою очередь, было не чем иным, как своеобразной инициацией юношей.

Подростки не могли участвовать в артелях наравне со взрослыми, поэтому существовал ряд разновозрастных соединений, в которых они получали боевые навыки и проявляли себя. Эти объединения назывались «беседами». Г. Н. Базлов приводит несколько вариантов того, как назывались участники «бесед»: «подшалимки», «пареньки»,

¹ Базлов Г. Н. Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников: Опыт реконструкции: По материалам Северо-Западной России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 42.

а также «подносчики». «Подносчики» являлись, по сути, оруженосцами взрослых бойцов – когда наступал момент боевого столкновения, из рук «подносчика» артельщик получал оружие. Такое поведение было продиктовано тем, что несовершеннолетний подросток не нес ответственности за ношение боевого оружия в отличие от взрослого. Чаще всего было три вида «бесед», в зависимости от возраста их участников: в первых объединялись дети до 12 лет, во вторых – подростки с 12 до 17 лет, и, наконец, в старших «беседах» участвовали юноши с 17 лет. В ходе этнографических экспедиций удалось зафиксировать некоторые элементы обряда, которым сопровождался перевод из одного возрастного объединения в более старшее: в одном случае использовалась жеребьевка, а именно «вытягивание кандидатами бумажек из шапки приходившего в младшую беседу старшего парня», в другом «переводили, набрасывая пояс, рушник или ремень на шею избранника, и так уводили его, как за уздечку, из младшей беседы»¹. Такое поэтапное посвящение ребенка, затем подростка и, наконец, юноши в ряды взрослых бойцов можно рассматривать как растянутый во времени многоступенчатый процесс инициации, что практиковалось не только у славян².

В боевых артелях их участники получали новые имена или прозвища, которые использовались при общении артельщиков друг с другом. Г. Н. Базлов в своем исследовании приводит некоторые типичные имена. Так, выделяется группа прозвищ, где используются глаголы в повелительном наклонении: Зуй, Межуй, Бушуй, Забей; в другом случае подчеркивались внешние черты бойца: Ко-

¹ Там же. С. 38–39.

² У славян фиксируется проведение инициаций по меньшей мере в два этапа, это отмечает В. Г. Балушок, указывая на то, что такой порядок был в парубочьих громадах. Для городских ремесленников характерны этапы ученичества и подмастерничества; наконец, и древнерусские дружины делились на две части по возрастному принципу (Балушок В. Г. Инициации древних славян (попытка реконструкции) // Этнографическое обозрение. 1993. № 4).

лесо (кривоногий), Жердай (длинный), Шиш (маленький); наконец, ряд имен был заимствован из животного мира: Воробей, Змей, Волк, Сокол, Окунь¹.

Интересно, что боевую музыку, которая использовалась при проведении боев, порой сравнивали с матерной руганью, и здесь мы вновь сталкиваемся с чертой мужских союзов, на которую обращает внимание в своем исследовании В. Ю. Михайлин, утверждая, что мат как раз и представлял собой «собачью лаю», то есть особый, табуированный в обычной жизни язык воинов-псов.

Совершенно осязаемыми были пережитки тотемизма и «оборотничества» в артелях кулачных бойцов. Использование шкур волков и медведей во время некоторых артельных обрядов, видимо, практиковалось в отдаленном прошлом, тогда как из материалов этнографических экспедиций следует, что в более позднее время использовались имитация шкур, их своеобразные заменители, например, вывернутая шуба, а то и просто накинутый на голову пиджак. «При такой свободной замене реальной звериной шкуры условной или чем-либо понимаемым как шкура, сохранилось представление о защите бойца тотемным животным, в которое он “оборачивается” во время боя или ритуального танца. ...Древние танцы, имитирующие передвижения и повадки животных, были прежде всего бесписьменным способом передачи в поколениях надежных движений, помогающих охотиться и сражаться. Боевые танцы с пиджаком (“буза”, “веселый”, “под драку”) – живой отголосок древнего охотничье-воинского танца со шкурой-символом любимого зверя-союзника... Бузаящийся размахивает пиджаком вокруг себя, бьет им о землю, рычит и в конце концов набрасывает его себе на голову и спину, моделируя “оборачивание” в боевого зверя»².

¹ Базлов Г. Н. Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников: Опыт реконструкции: По материалам северо-западной России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 37.

² Там же. С. 50.

Некоторые черты древних мужских союзов проглядываются в нормах обычного права, регулировавших поведение бойцов-артельщиков. Например, запрещалось бить человека, если он забежал в дом, применение силы было здесь запрещено. Архаичные территориальные поведенческие коды воспрещали проявлять агрессию в пределах поселения, а в данном случае запретная территория сузилась непосредственно до домашнего пространства крестьянской избы. Запрещалось выхватывание оружия без необходимой на то потребности или же во время драки, когда был уговор его не применять. Наказание могло последовать незамедлительно и быть весьма жестоким, вплоть до убийства. В данном случае мы также вероятно имеем налицо отголосок древнего табу на проявление излишней агрессии в условиях недостаточной опасности.

Мстить за потерпевшего могли как родственники, так и артельщики, ибо последние находились в ритуальном родстве. По сути, это было проявлением круговой поруки, причем ручались друг за друга и родственники, и артельщики. Отказ по каким-либо причинам от мести вел к бесчестью.

Невозможно удержаться, чтобы не привести здесь ряд характерных норм обычного права для бойцов -артельщиков, которые представлены в диссертации Г. Н. Базлова:

«1. Решение, принятое в артели, является законом для всех ее членов.

2. Девки и женщин в драке не били, хотя они могли помогать своим бойцам.

3. Запрещалось бить упавшего, если сверху легла девка, иногда после спасения парень был обязан жениться на ней.

4. Если парень провожает девку во враждебную деревню, то его не трогают, бьют на обратном пути, когда он один.

5. Запрещалось бить в заулке дома.

6. Запрещалось нападать на дом, укрывший беглеца, также сводить счета с хозяином.

7. Выхватившего оружие можно было сразу убивать.

8. Защищаясь, можно было применять любое оружие, за это не осуждали.

9. Мсть распространялась на виновника и на его артель в том случае, если она не выдавала его пострадавшей стороне.

10. Потомки имели право мстить.

11. Жизнь – за жизнь, рана – за рану.

12. Виновник имел возможность откупиться.

13. Нарушение уговора перед боем (например, запрет на применение оружия в обряде) наказывался обеими сторонами.

14. Бегство с боя и предательство наказывалось внутри партии.

15. Все артельщики обязаны были драться друг за друга.

16. Нарушение границ округов – достаточная причина для конфликта между деревнями»¹.

Традиции деревенских артелей бойцов-рукопашников, схваток «стенка на стенку» подпитывали мощь партизанского сопротивления русских в военные и смутные времена. Г. Н. Базлов указывает на существенную роль боевых артелей в движении «зеленых» в годы Гражданской войны XX века. Артели бойцов-рукопашников могли порой выступать в качестве деревенских отрядов самообороны. «Нередко, – пишет Г. Н. Базлов, – деревенские артели давали вооруженный отпор бандам мародеров, действующим на территории всей России постреволюционного времени. Так, под городом Торжком в деревне Мошки, по воспоминаниям, приблизительно в 20-х годах артель, вооружившаяся боевыми тростями и ножами, полностью уничтожила банду разбойников-мародеров, терроризировавших всю округу. Интересно, что против хорошо вооруженных бандитов применялось только холодное оружие, правда, весьма умело»².

¹ Базлов Г. Н. Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников: Опыт реконструкции: По материалам северо-западной России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 45.

² Там же. С. 41.

Периодом угасания традиции Базлов считает первое послевоенное десятилетие, когда сельские жители, а в их числе и носители рукопашной традиции, из колхозной деревни потянулись в города. В новых условиях проживания возобновить артельные состязания не удалось. Постепенно традиция деградировала, все свелось к дракам на танцах или к выяснению отношений с заезжими чужаками, оказавшимися на территории того или иного сельского поселения¹.

Древнерусская дружина

Древнерусская княжеская дружина, по всей видимости, представляла собой форму организации, родственную мужскому союзу. И хотя до нас дошли весьма ограниченные сведения о дружинах на Руси, все же принципы, характерные для мужских союзов, здесь проглядывают более или менее четко. Для нас же важно отметить еще и то, что в более позднее время (XIV–XV века) мы сталкиваемся с термином «дружина», который используется по отношению к объединениям мастеров-живописцев и строителей.

Само слово «дружина» является общеславянским. И. Я. Фроянов замечает, что дружина «означала сперва просто товарищей, спутников, домочадцев, челядь, а также общину, членов общины, товарищество, артель, компанию»². Более того, историк предполагает, что этот термин употреблялся изначально для наименования военных отрядов племен, а также мужских союзов³.

Дружина в освещаемое древнерусскими летописями времена представляет собой институт, отделенный от родовой общины. Это проявляется, во-первых, в том,

¹ Там же. С. 46.

² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 66.

³ Там же. С. 69–70.

что она «набирается и строится не по родовому принципу, а по принципу личной верности; во-вторых, дружина находится вне общинной структуры общества: она оторвана от нее социально (дружинники не являются членами отдельных общин, так как дружины существуют при вождях более крупных объединений) и территориально (в силу обособленного проживания дружинников)»¹. Такие черты дружины, как ее обособленность от остального населения, военная специализация, территориально привязанная к «Дикому полю», излюбленное занятие дружинников охотой – во всем этом проглядывают элементы присущие древним мужским союзам. Скорее всего, молодые воины, поступающие в княжескую дружину, должны были пройти через стадию обучения и посвящения в ее равноправные члены, то есть, иными словами, пройти инициацию. Попытку восстановить буквально по крупницам элементы этого обряда в русских землях принял в своей работе «Инициации древнерусских дружинников» В. Г. Балушок². Обучение будущих воинов начиналось с того, что их еще в детском возрасте отдавали в дом к так называемым кормильцам, знатым боярам, на воспитание; затем, попадая в дружину, юноша проходил несколько этапов посвящения. При этом обучение боевому мастерству велось под руководством наставника, а в конце юный воин должен был выдержать экзамен, который предполагал испытание его боевых, физических и нравственных качеств. Посвящаемый в воины проходил обряд препоясывания мечом, ему вручалось военное снаряжение, конь и конская упряжь. Важнейшим моментом в процессе инициации было установление личной и как бы родственной связи между молодым дружинником, князем

¹ Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М., 1989. С. 25.

² Балушок В. Г. Инициации древнерусских дружинников // Этнографическое обозрение. 1995. № 1.

и дружиной. Князю давалась клятва верности, а дружинники между собой братались, что и было запечатлено в былине, посвященной Илье Муромцу и Святогору:

Золотыми крестами поменялись,
Обнялись они поцеловались,
Святогор-богатырь да будет больший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат,
Хлеба-соли тут они откушали,
Белой лебеди порушали¹.

В IX–X веках дружина уже играет значительную роль в общественном устройстве русских земель, поэтому можно предполагать, что в более раннее время этот институт также существовал и находился в процессе своего становления. Дружинники устанавливают систему сбора дани с лично свободных земледельцев-общинников, такой порядок в литературе именуется «системой корпоративной эксплуатации»².

Состав дружины обычно делился на две основные части: «старейшую» и «молодшую». Более влиятельным и авторитетным был круг старших дружинников – бояр, они пользовались наибольшими привилегиями, участвовали в княжеском совете, являлись ближайшей опорой князя. Первоначально к «старейшей» дружине, видимо, принадлежали действительно взрослые и опытные воины, но со временем боярский статус стал в большей степени отражать положение в социальной иерархии и долю в распределении дохода от корпоративной эксплуатации населения. К «молодшей» дружине относились «отроки» или «гриди», первоначально представлявшие собой молодых малоопытных воинов, выполнявших роль ближайшей сви-

¹ Былины / Ред. Калугин В. И. М., 1986. С. 33.

² Горский А. А. Древнерусская дружина... С. 38.

ты или вспомогательную роль во время боя. В «молодшей» дружине со временем стали выделяться с одной стороны отроки, а с другой – «детские», последние, вероятно, были не столь близки к князю¹.

А. А. Горский в своей монографии, посвященной исследованию древнерусской дружины, выделил несколько основных черт принадлежности к дружинной организации: «1) ведущая (для каждого данного индивидуума) роль дохода, получаемого корпоративным путем (в родоплеменном обществе – от распределения военной добычи и приношений соплеменников, в раннефеодальном – от системы корпоративной эксплуатации населения); 2) обязанность военной службы предводителю – князю; 3) наличие отношений личной верности, носящих взаимный характер: члены дружины служат князю и сражаются за него, князь обеспечивает их содержание и распределяет в среде дружинников получаемые благодаря их деятельности доходы»². Институт дружины ликвидировался с развитием боярских вотчин, его исчезновение А. А. Горский относит к XIII веку³.

Взаимоотношения дружины и князя не строились лишь на принципе безусловного подчинения и доминирования. Князь был первым среди равных⁴ и должен был прилагать все свои усилия, чтобы обеспечить должное содержание своим дружинникам, в противном случае последние имели полное право перехода к другому господину. Из «Повести временных лет» мы узнаем о том, как дружина князя Игоря понуждает его к сбору дани: «“Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добу-

¹ Горский А. А. Древнерусская дружина... С. 48, 53.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 88.

⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. С. 68.

дешь и мы”. И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью, и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город»¹. Известный летописный сюжет о поведении дружинников князя Владимира на пирах демонстрирует эталон заботливого отношения князя к своим соратникам: «Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: “Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными”. Услышав это, Владимир повелел искать серебряные ложки, сказав так: “Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра”»². И. Я. Фроянов замечает, что «в летописных некрологах о смерти того или иного князя особо восхваляется княжеская щедрость по отношению к дружине», в особенности же превозносились те князья, которые занимались не собственным обогащением, а стремились одарить прежде всего собственную дружину³. В летописях встречается обращение князя к своим дружинникам как к «братьям», именно это слово использует Святослав, обращаясь к дружине Игоря Новгород-Северского во время похода на половцев в 1185 году⁴. Определенное сходство с мужскими союзами более древних времен здесь несомненно прослеживается, хотя в дружинах приобретает все большую силу принцип иерархии, а не равноправия. Все же в первые века складывания Русского государства произвол князя по отношению к своему окружению сдерживался правом дружинников переходить к другому господину. Такие отношения можно охарактеризовать как договорные, что

¹ Повесть временных лет / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Ч. 1. М.–Л., 1950. С. 236–237.

² Там же. С. 285.

³ Фроянов И. Я. Киевская Русь. С. 76.

⁴ Балушок В. Г. Инициации древнерусских дружинников...

следует из приведенных выше основных принципов дружинной организации, выделенных А. А. Горским.

В глубокой древности дружинники, вероятно, проживали коммуной. Постепенно бояре заводили отдельное хозяйство и обособлялись, тем не менее отроки продолжали жить вместе с князем и на его содержании, разделяя с ним общий быт¹. Бояре также продолжали поддерживать связь с князем, в частности это проявлялось в общих застольях. Совместная трапеза, возможно, здесь выступала как пережиток бывшего совместного быта, представляя собой «единение по хлебу»².

Князь привлекал своих дружинников к решению основных государственных вопросов. Так, в «Повести временных лет» говорится о том, что князь «Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны»³. При этом в особых случаях дружинники, по всей видимости, могли даже принудить князя к определенным действиям, в особенности если свою точку зрения они выражали консолидировано, благодаря чему князь лишался возможности играть на внутренних противоречиях. Судьбы князя и его дружины были тесно связаны. Вот что пишет об этом И. Я. Фроянов: «Вместе с князем дружинники переживали его удачи и (что особенно показательно) неудачи. Однажды Владимир Мономах, вынужденный Олегом Святославичем оставить Чернигов, ушел в Переяславль со своей дружиной. Там ему и дружине было очень несладко. «И седех в Переяславли, – рассказывает Мономах, – 3 лета и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы беды прияхом от рати и от голода». Изяслав Мстиславич, обращаясь к дружине, говорил: «Вы есте по мне из Рускы земли вышли, своих сел и своих жизни лишився, а яз поky своя дедины и отчи-

¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. С. 70.

² Там же. С. 74.

³ Повесть временных лет. С. 285.

ны не могу презрети, но любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налезу и вашу всю жизнь»¹. Таким образом, князь и дружина были связаны в своих отношениях взаимными обязанностями и ответственностью, а судьба их и жизнь подчас зависели друг от друга.

Ушкунники

С конца XIII века русские летописи упоминают неких «лодейников», которые отражали набеги на новгородские земли немцев и свеев, а также и сами предпринимали военные экспедиции в чужеземные владения². Во второй половине XIV века летописи сообщают об активных действиях отрядов «ушкунников». Само слово «ушкунники» впервые встречается в Рогожском летописце под 1360 годом, а термин «ушкун» первоначально появляется в летописной записи 6828 года (1320), и означал он новый для того времени тип судна³. «Ушкун» (ускуй, скуй, вушкул), как полагал В. Н. Бернадский, – термин новгородского происхождения. В чем была особенность ушкуев? Это были достаточно большие, вмещавшие до 20–30 человек гребные суда для плавания по большим рекам, однако при этом их размеры позволяли перетаскивать ушкуи волоком, благодаря чему ушкунники могли перебираться из одной речной системы в другую⁴.

В зависимости от территориального происхождения источников мы встречаем различное отношение к ушкунничеству: новгородские летописи изображают это явление как походы «молодцев», которые, правда, осуществлялись без официального согласия новгородских

¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. С. 71.

² Кузьмин А. Г. Община и общежитийные монастыри в XIV веке // Вопросы российской и всемирной истории. Материалы V научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы российской истории в вузовском и школьных курсах». Арзамас, 2002. С. 189.

³ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.–Л., 1961. С. 38.

⁴ Там же. С. 37–38.

властей; иное отношение бытовало в московском летописании, где слова «ушкуйники» и «разбойники» выступали как синонимы, а порой и вовсе употреблялись вместе – «ушкуйницы-разбойницы»¹.

И. Д. Беляев сравнивал дружины-отряды новгородских ушкуйников-повольников с дружинами скандинавских викингов². Приведем красочную зарисовку, касающуюся ушкуйничества, которую делает историк: «В повольники легко и беспрепятственно мог поступить каждый вольный человек, не связанный с общиной, и богатый, и бедный, и из боярской или купеческой фамилии, и из черных людей; не спрашивалось ни о состоянии, ни о происхождении пришельца, а требовалась только сила, ловкость и охота; и посему дружины повольников обыкновенно составлялись из самой буйной и неугомонной молодежи, которая не знала, куда деваться со своей силой и молодечеством: у кого душа не терпела обузы скучных житейских обязанностей, а просилась на волю погулять по белу свету, людей посмотреть и себя показать; у кого молодая кипучая кровь не боялась никаких трудностей, никаких опасностей, лишь бы труд был свободен и вел за собой полный разгул, лишь бы забота не глодала сердца. Предводителями и собирателями повольничьих дружин преимущественно были сыновья богатых бояр и купцов новгородских, которые бы могли хорошо вооружить и на первое время содержать дружину на свой счет. Но случалось, что собирали дружины повольников и люди не очень богатые, впрочем только в таком случае, когда собиратель уже не раз бывал в отдаленных походах и прославился подвигами своего удалства и молодечества, когда о его удали уже пелись песни скоморохами»³. А. Г. Кузьмин писал о несколько иных источниках ушкуйничества, так, он полагал, что отряды повольников пополнялись

¹ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.–Л., 1961. С. 39.

² Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. Кн. 2. Изд. 2. М., 1866. С. 89.

³ Там же. С. 90.

так называемыми перемещенными лицами, то есть теми, кто бежал в новгородскую землю от татарских бесчинств и гнета. Эти изгнанники, «не желавшие или не умевшие за-кабалить себя в качестве холопов или закупов», не найдя себе какого-либо места, «сбивались в артели и ватаги для выживания любой ценой»¹.

По мнению Бернадского, исходным пунктом экспедиций ушкуйников являлось Верхнее Подвинье². До 1360 года походы ушкуйников были направлены в те земли, которые всегда являлись объектом интереса новгородских колонизаторов. Поначалу мы встречаем летописные известия о походах на Мурман (Норвегия), Карелу (находилась под властью шведов), Устюжну и Белозерье, Двинскую землю. С 1360 года обозначилось новое направление походов: Волга, Кама, Кострома, при этом совершались набеги на бесермен (монгольское племя)³. Активизация ушкуйников в этом регионе объясняется, вероятно, тем положением, которое сложилось на Средней и Нижней Волге в связи с наступившей «великой замятней» в Золотой Орде (1359–1380), когда на ее престоле сменилось 25 ханов, в результате чего контроль за территорией значительно ослаб⁴. В 1360 году ушкуйники заявили о себе взятием города Жюкомень (Жукотин) на реке Каме. Хан Хидырь, сидевший в Сарае, потребовал от русских князей, чтобы те наказали распоясавшихся разбойников, ограбивших татарских купцов. По этому поводу русские князья Андрей Константинович Суздальский и Нижегородский, князь Константин Ростовский и князь Андрей Федорович во главе с великим князем Дмитрием Константиновичем съехались на совет в Костроме, где было принято решение отловить и выдать ушкуйников. При этом сами князья были недовольны тем, что в результате набега

¹ Кузьмин А. Г. Община и общежитийные монастыри в XIV веке... С. 189.

² Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.–Л., 1961. С. 46.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 48.

от татар пострадали русские, оказавшиеся на татарской территории и ставшие объектом мести за набег¹.

Во главе похода ушкуйников 1365–1366 годов под Нижний Новгород стояли крупнейшие новгородские бояре. В результате были ограблены татарские, болгарские и армянские купцы, причем пострадали и русские. Это вызвало гнев великого князя Дмитрия Ивановича, и с целью мести московские власти захватили в Вологде новгородского боярина. Известно, что в 1371 году ушкуйники взяли Кострому, в 1374-м – пограбили Вятку и взяли Булгар. В 1375 году их отряды в количестве от 1,5 до 2 тыс. человек под предводительством Прокопа вновь взяли и разграбили Кострому, уведя в плен многих ее жителей, затем они разграбили и сожгли Нижний Новгород. Русские пленные при этом были проданы бесерменам. В 1390 году ушкуйники взяли вновь Жукотин и, кроме того, Казань, а также ограбили на Волге купцов. Известия о походах ушкуйников оканчиваются после летописного сообщения 1409 года о неудачном походе Анфала на Каму и Волгу, в котором принимали участие новгородцы².

Двойственность оценок действий ушкуйников в летописных и фольклорных³ источниках ставит историков перед проблемой более или менее объективной трактовки этого явления. В. Н. Бернадский отмечает, что летописный рассказчик показывает различное отношение к русским и татарским купцам: «Гости христианския грабятчи, а бесермены быючи» или: «Бесермен избивающе гостей, а товар их емлюще, а хрестьяны грабяху». На этом основании Бернадский делает вывод о том, что «поход ушкуйников был направлен своим острием против “бесерменов”»⁴. Н. И. Костомаров также пытается оправдать ушкуйников за то, что

¹ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.–Л., 1961. С. 40.

² Там же. С. 41–45.

³ Идеальный образ ушкуйника выведен в былине об Акундине Акундиновиче.

⁴ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.–Л., 1961. С. 44.

они грабили и убивали единоверцев. Вот что он пишет на этот счет: «Предлогом для походов таких ватаг, однако, было грабить и разорять бесермен и татар: это казалось извинительным по тогдашним обстоятельствам и понятиям; а на русских они озлились за то, что русские встречали их недружелюбно. На Кострому они нападали два раза. Очень может быть, что они питали особенную злобу именно к этому городу за то, что здесь перехватили и выдали татарам их бранию, разорившую Жукотин»¹. Даже если принять версию Костомарова о разорении Костромы как о мести, то неоправданным продолжает оставаться захват и разграбление отрядами Прокопа Нижнего Новгорода в 1375 году. Хотя и в этом случае можно предполагать, что разорение Нижнего Новгорода являлось мстью князьям, принявшим решение о выдаче ушкуйников Андрею Константиновичу Нижегородскому и его младшему брату Дмитрию Константиновичу, получившему Нижний Новгород в 1365 году. Бернадский, стремясь обелить образ повольников, утверждает, что хотя Кострома и Нижний Новгород страдали от их набегов, но не они были основной целью военных экспедиций, так как «многие... походы ушкуйников (так было, например, в 1374 и 1379 годах), минуя русские волжские земли, направлялись непосредственно в те области, которые главным образом привлекали внимание ушкуйников (Нижнее Прикамье, земля Булгар)»². В любом случае отряды повольников представляли собой достаточно маргинальную и плохо контролируемую военную силу, которую князья, стремящиеся к укреплению государственности, должны были либо подчинить, либо ликвидировать.

Конец походам ушкуйников, видимо, был положен с усилением московского могущества. Так, в 1386 году

¹ Костомаров Н. И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М., 1994. С. 310.

² Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.–Л., 1961. С. 45.

князь Дмитрий Иванович взыскал с Новгорода за набеги повольников 8 тыс. рублей¹. Новгородцы, испытывая давление Москвы, предприняли меры к искоренению ушкунничества, и в начале XIV века сведения об их походах исчезают со страниц летописей.

Какого-либо определенного представления об организации и структуре отрядов ушкунников мы не имеем, хотя вряд ли будет далеким от истины предположение о том, что перед нами формы самоорганизации, генетически связанные с мужскими союзами и во многом схожие с другими боевыми артелями, в частности известными в более позднее время казачьими сообществами.

Характерные черты мужских союзов в организации казачества

Некоторые исследователи обратили внимание на то, что казачьи сообщества выстраивались по типу мужских союзов древности². По сходным моделям формировалось, например, гуситское религиозно-политическое движение в Чехии, а также движение «братиков» во главе с Яном Искрой в Словакии³.

Во второй половине XVI века ниже днепровских порогов основываются казачьи укрепленные поселения, осевший в этих местах люд образует Казачью низовую республику, или Запорожскую Сичь. Слово «сичь» обозначало «засеку», или частокол, иными словами, оборонительные сооружения. От 1568 года мы имеем четкие указания

¹ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.–Л., 1961. С. 50.

² Галямичев А. Н., Михайлин В. Ю. Государственная власть и традиции воинских мужских союзов в славянском мире (к постановке проблемы) // Логос. 2003. № 4–5. (39). С. 241; Яровой А. В. Обычаи казачьего круга в агональном пространстве культуры // Интернет. Режим доступа: <http://dikoeopole.com/publikation/obichaikruga/>

³ Галямичев А. Н., Михайлин В. Ю. Государственная власть и традиции воинских мужских союзов в славянском мире (к постановке проблемы) // Логос. 2003. № 4–5. (39). С. 240–241.

исторических актов на существование Сичи, представлявшей собой военную общину¹. Ряды ее пополнялись в основном бежавшими от польского гнета малороссами. «Вероятно, образование Запорожской Сичи совершилось не вдруг, а постепенно, и возникло из рыболовов и звероловов, которые, как показывают акты конца XV и начала XVI века, издавна имели обычай отправляться весной к порогам и за пороги ловить там рыбу и зверей, а осенью возвращались на Украину и в украинских городах продавали свежую и просоленную рыбу и звериные шкуры. Условия пустынного края, куда отправлялись эти промышленники, были таковы, что они невольно должны были сделаться воинами. Занимаясь ловлей и солением рыбы, они каждую минуту могли ожидать нападения татар, и потому каждую минуту должны были быть готовыми отражать их. (...) Из промышленного товарищества неизбежно должно было образоваться рыцарское. Стали ходить за пороги на острова и в поле не только за рыбой и зверями, но и за военной добычей, нападали на татарские улусы, захватывали скот, лошадей, брали у побежденных конскую сбрую и вооружение»². Так один из крупнейших русских историков XIX столетия Николай Иванович Костомаров представлял себе пути формирования Запорожской Сичи, основ быта и нравов ее населения. Место пребывания казачества – это, по сути, ничейная территория, «Дикое поле», здесь они ведут свои промыслы: охотятся, ловят рыбу, устраивают набеги, грабят и проч. Условия проживания обуславливают военную специализацию и воинственный характер казачества.

Как пишет А. А. Исаев: «По тем сведениям, которые сохранились о Казанской станице Донского войска, граждане в старину образовывали **сумы**, общежительные брат-

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 14.

² Цит. по: Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 18–19. (У Щербины ссылка: Костомаров Н. И. Южная Русь и казачество. С. 39–40).

ства; в состав их входило человек десять и более; все население станицы было разбито на такие сумы. Члены сум владели только деньгами на праве частной собственности; все остальное было общим достоянием. Сумы занимались набегами, охотой, рыбной ловлей. Набегами занималось сообща все население станицы; но сумы и в этом случае не утрачивали значение самостоятельных групп. По окончании набега добыча вблизи станицы делилась между участниками поровну, и каждый вносил свою долю в имущество сумы. (...) Сума, будучи артелью для набегов, вела и промышленные занятия»¹.

Для нас важно, что такая крупная организация с разветвленным аппаратом управления, какую представляла собой Запорожская Сичь, выросла на основе простейших форм народной самоорганизации. Более того, мелкие сообщества продолжали функционировать внутри Сичи, сохраняя при этом значительную самостоятельность и свободу самоуправления. «Дробилась ли она в этом отношении на отдельные группы и ватаги или составляла одно общее товарищество, основным типом организации и в том, и в другом случае служил союз вольных казаков с одним, по крайней мере, выборным во главе. “Отаман” и “товариство” – вот те два элемента, без которых не обходилось в то время ни одно товарищество этих беглецов и охотников»². Товарищество отличалось равноправием, каждый имел полное право замещать любые должности в казачьей иерархии и в любое время мог быть отстранен и заменен другим казаком. «Отаман», в свою очередь, хотя и избирался из среды самих казаков, однако в минуту опасности или во время боевых действий превращался в командира, по сути, диктатора, бравшего на себя всю ответственность за принятие решений. И это было неслучайно, ибо того требовали интересы

¹ Исаев А. А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 34.

² Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 20.

мобилизации казачьего отряда. Но при этом атаман всегда должен был помнить о том, что он лишь первый среди равных, и в случае, если казаки будут недовольны им, он может и потерять свою должность. «Бывало, что за шиворот только что избранному атаману старики сыпали землю, в Запорожской Сечи землю сыпали на голову, иногда вместе с грязью, если случится дождь, делали это для того, чтобы он помнил, что все казаки равны. Равенство это выражалось пред Матерью-Землей, “из земли пришли в землю и уйдем”»¹. 1 января каждого нового года все запорожское товарищество собиралось на общую *раду*, в которой каждый имел голос наравне с кошевым и старшиною и которая представляла высшую народную инстанцию. Кроме того, были рады по куреням, по паланкам и военные и войсковые сходки, составлявшиеся из войсковой старшины.

Частная собственность в Запорожской Сичи отсутствовала. В основе экономики была община. Земля, различные угодья, постройки – все принадлежало товариществу. Каждый казак был приписан к своему куреню, представлявшему собой длинный дом или казарму (примерно 4 на 30 метров). В таких куренях казаки жили мужскими коммунами, где велось общее хозяйство и был общий стол. К куреню обычно была причислена сотня или даже несколько сотен казаков. Во главе стоял куренной атаман, он избирался казаками куреня, и в его руках было руководство всеми делами куреня, продовольствием и хозяйством, он хранил имущество казаков, распределял материальные средства. Но помимо хозяйственных функций он должен был следить за порядком и благопристойностью поведения подведомственных ему казаков, а также мог наказывать провинившихся, применяя телесные наказания². Тот, кто не был куренным отаманом,

¹ Яровой А. В. Обычаи казачьего круга в агональном пространстве культуры // Интернет. Режим доступа: <http://dikoeopole.com/publikation/obichaikruga/>.

² Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 27.

не мог попасть в войсковую старшину. И наоборот, лица, сложившие с себя звание войсковой старшины, считали для себя честью быть избранными в куренные отаманы. В лице куренного отамана соединялась власть отца и хозяина. Это были своего рода патриархи Сечи.

Изначально казачий быт – это мужская коммуна, женщины на ее территорию не допускались, казаки были бес-
семейными. Отсутствие жен и семьи, как отмечает А. Ф. Щербина, было характерной чертой для гайдамацких и раз-
бойничьих шаек, рыболовных и чумацких ватаг¹. В Запо-
рожской Сичи семейные казаки селились вместе со своими
семьями отдельно в так называемых паланках (округах), во
главе которых стояли полковники.

Специфика хозяйственной деятельности запорож-
цев представляется весьма характерной для мужских
союзов. Земледелие как способ для пропитания стояло
здесь отнюдь не на первом месте. Так, вице-адмирал Кор-
нелий Крейс, находившийся на русской службе в конце
XVII века, свидетельствовал о том, что «казаки, живущие
по Днепру у порогов, мало занимаются хлебопашеством,
потому что трудно было бы всякого рода хлеб перевозить
сухим путем в Азовское море или торговать около него»,
но помимо этого была и иная причина «их несклонности к
земледелию – та, что как запорожцы, так и донские казаки
мало употребляли в пищу хлеба и вообще плоды зерно-
вых растений, а более охотники до рыбы, разных мяс, яиц,
молока и овощей; всего этого находится в излишестве»².
Особенности питания казаков также характерны именно
для мужских союзов.

Какие-то отголоски образов воинов-псов или воинов-
волков, характерных для мужских союзов индоевропейцев,

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 17.

² Сичь Запорожская // Энциклопедия казачества / Сост. Г. В. Губарев, ред. А. И. Скрылов. М., 2007.

можно обнаружить и в казачьих сообществах. Например В. Г. Балушок замечает, что «колдуном, умевшим превращаться в пса и, возможно, в волка, выступает в украинском фольклоре известный кошевой атаман запорожцев Иван Сирко», и, помимо того, «само прозвище “атаман”, полученное согласно запорожским обычаям в Сечи, имеет явную волчье-собачью этимологию, поскольку является одним из наиболее распространенных в Украине собачьих имен»¹. Известно, что казаки использовали особый «тайный язык», обычно за основу брался язык соседних народов, например татарский (уральские казаки использовали киргизский)². «С непривычки, – пишет Л. Масянов, – можно было иногда попасть в тупик, услышав, что казаки оживленнейшим образом болтают между собой на каком-то непонятном диалекте. Это их французский язык: уральцы очень часто говорят между собой по-киргизски»³.

Инициации у казаков были растянуты во времени и предполагали несколько этапов⁴. Посаждение на коня совершал отец мальчика, когда у того появлялся первый зуб, при этом родня обычно дарила «на зубок» разные подарки, чаще всего военные: патрон, стрелу, пулю, лук. В шестилетнем возрасте проводилось посвящение в казаки: «На майдане собирались на круг казаки. Мальчиков сажали на лошадей. Каждый из них должен был проехать на лошади по кругу. Кто не удержится в седле, того посвящали в казаки через год. Для тех мальчиков, кто проехал по кругу и не упал с лошади, начиналось посвящение в казаки. Обряд проходил в торжественной обстановке на майдане. Каждо-

¹ Балушок В. Г. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // Этнографическое обозрение. 1996. № 3.

² Яровой А. В. Обычаи казачьего круга в агональном пространстве культуры // Интернет. Режим доступа: <http://dikoeopole.com/publikation/obichaikruga/>

³ Масянов Л. Гибель уральского казачьего войска // Казачий круг. Специальный выпуск. № 1. М., 1991. С. 29.

⁴ Яровой А. В. Обычаи казачьего круга в агональном пространстве культуры // Интернет. Режим доступа: <http://dikoeopole.com/publikation/obichaikruga/>

му из них атаман надевал ленту из красной материи с надписью “казачок рода Астаховых”. Но перед тем как ленту надеть, мальчиков сажали на лошадей старшие казаки из их казачьего рода. После надевания ленты атаман важно всех обходил, поздравлял посвященных в казака, приветствовал старых казаков-воинов»¹. Подросток обычно участвовал в скачках, всевозможных военных играх (шермициях) и в потешных сражениях. 17–19-летние юноши, или «малолетки», должны были проходить подготовку в летних лагерях и участвовать в состязаниях, малолетки также участвовали и в кулачных боях².

Итак, очевидно, что казачьи сообщества организовывались по типу мужских союзов, о чем свидетельствует их особое местоположение («Дикое поле»), воинственное и даже агрессивное поведение, коммунальный быт, самоуправление, самоорганизация (включающая два основных элемента: атаман и товарищество), равноправие казаков, отсутствие частной собственности, недопущение женщин в военное поселение, специфика хозяйственной деятельности, особые предпочтения в еде, наличие отголосков праиндоевропейского «оборотничества», тайный язык и, наконец, инициации.

Связь мужских союзов с артельными формами

Типология артелей Ф. А. Щербины, представленная им в работе «Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм», имеет много недостатков, прежде всего, как уже отмечалось, в ней используется сразу несколько критериев для выделения тех или иных типов артелей. Тем не менее эта типология содержит в себе весьма важную черту: некоторые типы артелей в ней выделены

¹ Казачьи инициации // Интернет. Режим доступа: <http://dikoeполе.com/2009/11/16/казачьи-инициации/#more-388>

² Там же; см. также: Морячков Н. О некоторых компонентах мужской традиции в духовной культуре донских казаков // Интернет. Режим доступа: http://www.razdory-museum.ru/c_male-tradition.html

по степени их приближенности (или отдаленности) к модели Запорожской Сечи. Во-первых, Щербина выделяет артели, выстраиваемые по принципу Запорожской Сечи (чумацкие валки и ватаги, забродческие ватаги, артели запорожских охотников, общество днепровских лоцманов, артели днепровских речных рабочих и матросов, артели малорусских торговцев-ходебщиков); во-вторых, артели переходного и смешанного типа, которые в связи с новыми веяниями жизни отошли от принципов Сечи (крымские солепромышленные артели, косарские)¹. Все эти артели находились в различных отношениях к общине запорожцев. Рыболовные ватаги и артели звероловов существовали, вероятно, уже задолго до появления Сечи. Артель днепровских лоцманов возникла непосредственно в самой Сечи, артели торговцев-ходебщиков стали появляться в последние годы ее существования, а артели днепровских рабочих и матросов создавались уже после ликвидации Сечи, хотя продолжали использовать ту же древнюю модель организации. Таким образом, организационная форма Сечи была своеобразным аналогом этих артелей, но не непосредственной причиной их появления². Суть принципа, который наблюдался как в Запорожской Сечи, так и в родственных ей артелях, заключалась в наличии двух составных элементов организации – атамана и товарищества, а также полувоенном характере объединения. И хотя деятельность артелей обычно носила мирный промысловый характер, все же в тех опасных условиях, в которых им приходилось действовать, они продолжали сохранять свою военную организацию³. Вот как эту древнюю полувоенную артельную модель описывает сам Щербина: «В чистом виде типическая организация ар-

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 9–12.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 31.

телей первой группы существовала главным образом в более или менее отдаленные времена, когда она имела не только традиционное значение, но и практический смысл. Тогда каждый член артели с такого рода организацией, и в особенности ее выборные члены, играли ту роль, какая определена была им историческими условиями и обстоятельствами. В лице отамана соединялась деятельность не только хозяина-распорядителя артели, но и начальника-диктатора в известных случаях. Обыкновенные члены артели были не только рядовыми рабочими, но и безусловно подчиненными, опять-таки в известных случаях, отаману воинами. И при всем этом существовала самая строгая равноправность между всеми членами артели и самое справедливое и последовательное проведение артельного начала в дело. Завещанная от этих отдаленных времен организация артелей имела такой вид: артель состояла из совершенно равноправных лиц, избравших из среды своей отамана, заправлявшего на основании обычаев всем ходом артельных дел, и кухаря, на обязанности которого лежала продовольственная часть¹. В отдельных случаях являлось третье посредствующее лицо — осаул или писарь»². Артельщики должны были сочетать в себе качества воинов и работников. Довольно отчетливо военная роль атамана прослеживается в чумацких валках и заброднических ватагах.

Артели второго типа еще дальше отстояли от древней полувоенной модели. Поначалу объединения крымских солепромышленников организовывались по принципу Запорожской Сичи: товарищи избирали из своей среды артельщика и кухаря, внутри сообщества царило равно-

¹ Щербина цитирует Скальковского (Т. 1. С. 111), который отмечал, что во всяком мелком низовом объединении казаков, кроме отамана и писаря, была должность кухаря, он считался выше всех товарищей, за исключением отамана. С. 27.

² Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 34–35.

правие. Но с переходом Крыма к России, в результате чего ликвидировались военные угрозы для промысловиков, у этих артелей стало утрачиваться военное начало, что являлось уже отступлением от «сичевой» модели¹. Артели косарей еще дальше отстояли от организационного принципа Сичи, чем солепромышленные. Среди косарей обычно избирался «кухарь», иногда «отаман»², но часто роль последнего сводилась лишь к тому, что он направлял за собой своих товарищей при косье³.

Родство артелей с мужскими союзами просматривается не только в наличии тесных связей между артелями и казачьими организациями. Г. Н. Базлов в своей диссертационной работе указывает на связь, с одной стороны, артелей кулачных бойцов и промысловых объединений – с другой. «Значительная часть боевого уклада, – пишет исследователь, – продолжала существовать в промысловых охотничьих и рыболовецких артелях. Работа с неводом была довольно сложна, и функции членов артели были дифференцированы. На самом озере Ильмене (как и на других озерах) существовала сложная организация рыбацких артелей с выборным атаманом, его помощниками... Название рыбацкой артели “дружина” сохранилось на Псковском озере еще в XIX веке, а в д. Умбской вол. Кемского у. Архангельской губ. так называлось “подразделение мужского населения по отношению к общинной ловле сельдей”. Организация рыбного промысла была сходной со

¹ Там же. С. 52–53.

² Рассматривая артели косарей, Щербина делает попытку на их примере выявить этнические особенности великорусских и малорусских артельных организаций: «У великоросов она принимала обыкновенный великорусский характер товарищества с выборным или самостоятельно формирующим артель старостой. У малороссов становилась просто товариществом односельцев или земляков без всяких выборных лиц, но с сильным влиянием на дела артели со стороны ее старших по летам и опыту членов» (Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 55).

³ Там же. С. 55–56.

зверобойным, также основываясь на артельных началах. Промысловики располагали оружием и могли значительную часть года сохранять традиционный быт почти неизменным». Более того, Базлов видит тесную связь между боевыми артелями и артелями охотников, отмечая, что лес и охота занимали отнюдь не последнее место среди интересов деревенских бойцов¹.

Следует отметить, что артели рыболовов и звероловов на Белом море на время промысла организовывались по принципу коммуны с общим бытом и совместным питанием, староста или кормщик в экстремальных условиях северного мореходства превращался, по сути, в диктатора, у которого были самые широкие полномочия, его приказы должны были беспрекословно исполняться, а за неподчинение или какие-либо провинности могло последовать телесное наказание. То есть и здесь мы видим схожую с южно-русскими артелями полувоенную организацию.

В артелях, как и в мужских союзах, встречается где-то ярче, где-то слабее выраженная традиция своеобразной инициации. Артели, как правило, были связаны с отходничеством, то есть на какое-то время мужской коллектив покидал место своего поселения и отправлялся промыслять на чужую территорию. На это время артельщики оказывались вне границ родной деревни или села, в результате чего менялся статус каждого конкретного участника такой экспедиции.

Со временем старая полувоенная модель артельной организации уходила в прошлое: «по мере того как историческая жизнь Южной России, – писал Щербина, – принимала все более и более мирные гражданские формы, по мере того как военное начало, следовательно, утрачивало все большее и большее свое значение, – и самая типическая организация

¹ Базлов Г. Н. Деревенская артель кулачных бойцов-рукопашников: Опыт реконструкции: По материалам Северо-Западной России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.

артелей теряла свой прежний характер. То, что было прежде практически необходимо, становилось с течением времени только обычно традиционным, и притом необходимым только номинально»¹. Вместе с военным началом артель теряла свой важнейший организационный стержень.

В. Ю. Михайлин, рассматривая особенности функционирования мужских союзов, обращает внимание на весьма характерную их черту на этапе формирования дружинного быта – таковой являлась **песенная традиция**. Автор убежден в наличии смысловых и тематических параллелей между «песьей лаей» и ранней эпической традицией. Он полагает, что «сам способ организации и функционирования ранних эпических песенных текстов примечательно похож на способ организации и функционирования кодового мужского говорения», то есть матерного языка, более того, «эпические песни были изначально делом сугубо “стайным”, они исполнялись не автором (за отсутствием личностного автора), но “носителем коллективного знания” и адресовались не личностному слушателю, но мужскому собранию в походе (то есть в маргинальной территориально-магической зоне) или на празднике (то есть на магически “выгороженной” территории)»².

Характерная для мужских союзов песенная традиция продолжала бытовать и в артелях, о чем пишет этнограф М. М. Громыко: «Старины (былины) исполнялись при разных обстоятельствах: во время больших пеших переходов, при дальнем плаванье на лодке, за долгой ручной работой. Все были рады, если в компании оказывался сказитель, просили “вещего” дядю поведать им “старинку”. Певец быстро овладевал вниманием слушателей, и время трудного пути или однообразной работы проходило не-

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 43.

² Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М., 2005. С. 350–351.

заметно. По окончании горячо благодарили исполнителя. Артели, отправлявшиеся на дальние промыслы, старались залучить в свой состав “старинщиков”. На Печоре, например, это делалось при сборах на осеновья – ловлю белой рыбы на озерах осенью или в начале зимы. На осеновья отправлялись артелями в 6–10 человек за 100–150 верст от своей деревни на долгий срок, с запасами провизии. День на Печоре осенью короткий, и с наступлением темноты работы прекращались – в 4 часа наступал бесконечный вечер вынужденного досуга. Вот тут-то и незаменим был талантливый сказитель. Артель создавала для него льготные условия: старинщику не поручали самые трудные виды работ, обычно он делал то, что считалось посильным для детей и подростков. Пай же при разделе добычи он получал равный с другими членами артели, а иногда и лучший – если имел особенный успех у своих товарищей. Так случалось не только на Печоре, а во многих местах Севера. В рыбацких артелях, на охотничьих зимовьях в одиноких избушках часами звучал голос сказителя былин, завораживая слушателей поэтичными рассказами об удивительных подвигах богатырей»¹.

В некоторых артелях пение носило одновременно духовный и функциональный характер, как средство синхронизации трудовых усилий. Любопытнейшее исследование артельной хоровой традиции предпринял А. А. Банин, собравший материал старых трудовых песен, сохранившихся в народной среде до 60-х годов XX века, в основном у лесосплавщиков. В исследовании Банина приводятся тексты таких песен, во многих из которых в качестве припева упоминается «дубинушка»: «Эх, дубинушка, ухнем! / Эх, зеленая, сама пойдет, / Сама пойдет!»; «Ай, дубинушка, охни! / Ай, кудрявая, сама пойдет, / Подернем, подернем, подернем!» По мысли Банина, эти мотивы восходят к древнейшему виду коллективной деятельности – валке леса

¹ Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 120.

и корчевке пней¹. В XX веке позднейшие варианты этих песен исполнялись при таком виде артельного труда, как забивание свай. Банин считает песенную артельную традицию мужской, в женском исполнении такого рода песни звучат «жидко» и не столь выразительно. «Свойство музыкального ритма воздействовать на моторику человеческих мышц лежит в основе прикладного назначения трудовых артельных песен: через свой ритм и интонацию, через веками сложившуюся форму-структуру (запев – хоровой подхват) артельная песня позволяет всем работающим легко регулировать напряжение мышц как по известному каждому команде. Эффективность такой команды-песни чрезвычайно велика: каждый командует и сам себе, и одновременно всем остальным, командует даже в том случае, если в данный момент лично не поет, так как “участвует” в песне своими рабочими мускулами»². Хоровые трудовые песни жизнерадостны, настраивают на веселый лад, полны импровизаций, шуток, каламбуров, достаточно разнообразны и зависят от характера выполняемого труда.

Выводы

Наличие общих характерных черт для мужских союзов и артелей, а также генетическая близость этих форм позволяет сделать вывод о том, что древние мужские союзы являлись одним из важнейших истоков артелей и их прототипом. Неслучайным в связи с этим видится употребление термина «дружина» как по отношению к чисто военным организациям на Руси, так и применительно к ремесленным и промысловым объединениям.

Основными побуждающими факторами к участию в артелях кулачных бойцов, на наш взгляд, являлось стремление юноши социализироваться, то есть стать взрослым мужчиной-воином. Важную роль играла здесь и жажда ис-

¹ Банин А. А. Трудовые артельные песни и припевки. М., 1971. С. 4.

² Там же. С. 63.

пытать себя, померяться силой, посостязаться и тем самым самоутвердиться в собственных глазах и в глазах окружающих, недаром исследователи обращают внимание на агональный (А. Яровой) характер многих традиционных культур, вряд ли культура восточных славян была здесь исключением. Неслучайно бои проводились между артелями, то есть состязания были групповыми. Чувство принадлежности к коллективу, ощущение боевого братства добавляло привлекательности членству в артелях. Участие в дружинных организациях, в отрядах ушкуйников, казачьих сообществах, помимо прочего, могло быть выгодно с материальной точки зрения, сулило добычу и боевую славу.

Эффективность рассмотренных боевых сообществ, по всей видимости, была результатом продолжительной (у казаков военное обучение велось с детства, в Северо-Западной России дети и подростки уже состояли в «беседах») и многоэтапной (проводился целый ряд промежуточных испытаний) боевой подготовки. Боевая сплоченность усиливалась тем, что между соратниками устанавливались отношения побратимства, не было редкостью наличие и реальных родственных отношений в объединениях такого рода¹. К этому следует прибавить общность быта, более или менее справедливый дележ добычи и наличие круговой поруки.

10. Экзотические артели, квазиартели

Артели скоморохов

Шуты и скоморохи известны издревле. Как справедливо замечает во введении к своему труду А. Газо, «потребность в смехе и развлечениях присуща человечеству на протяжении всей его истории». Вот почему «человек во все времена и во всех странах постоянно искал случая раз-

¹ Например, казак служил бок о бок со своими родственниками и односельчанами.

влечься среди разных тягостей и забот своей обыденной серенькой жизни, а так как он не всегда находит в себе самом источник развлечения, то весьма понятно, что он вынужден прибегать к посторонней помощи»¹. Особый род людей и брал на себя развлекательную функцию тех, кому жизнь казалась скучною и однообразною. «Эти люди, пользуясь безнаказанностью шутовства, говорили прямую истину в глаза сильным мира сего для того, чтобы довести до трона добрый совет или попросить милости для притесненных. Шутам было дано право говорить все»².

Например, древний баснописец Эзоп (VI век до н.э.) исполнял должность домашнего шута, или *морософа*, т.е. безумного мудреца, который говорил философские сентенции и, кроме того, часто выводил своего господина из разных затруднений³. В Средние века в Европе шут всегда занимал более высокое место, чем собака, обезьяна или орлик, которых благородные дамы кормили из своих рук и которые служили им также развлечением⁴.

В России чуть ли не единственными представителями народной светской музыки и пения вплоть до половины XVII столетия были скоморохи. Народ русский любил послушать пение и игру скоморохов, но все же относился к этим людям как «к бесову отродью». Слово «шут» прямо отождествлялось со словом «черт»: «Шут его поberi!»

По свидетельству «Повести временных лет» мы знаем, что скоморохи при князе были заняты не только на пирах, но увеселяли князя и в другое время, и это было делом обычным. Можно, следовательно, предположить постоянное присутствие таких скоморохов при княжеском дворе, вполне вероятно, что они были в числе его челяди как

¹ Газо А. Шуты и скоморохи всех времен и народов / Пер. и дополн. Н. Федоровой. СПб., 1898. С. I.

² Там же. С. II.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 16.

артисты-профессионалы. В документах скоморохи имену-
ются как представители особой профессии. По-видимому,
в христианской Руси не существовало совмещения скоморошества с другими видами хозяйственной или иной деятельности. Однако скоморохи, участвовавшие в народных игрищах, не могли не иметь других занятий. Как бы часты такие игрища ни были, в периоды между ними скоморохи должны были наравне с другими иметь дом и хозяйство. В период родоплеменной жизни славян скоморохи были, по-видимому, у каждого племени или большого рода. Вероятно, когда-то скоморохи каждый раз выбирались или назначались старейшиной рода или племени из способных к этому искусству людей, и значительно позже, с усложнением их обязанностей, эта роль стала постоянной¹. Существовал и элитарный тип певцов-любителей, входивших в княжескую дружину и, как правило, принадлежащих к знатному роду. К числу таких артистов относился и быллинный Добрыня Никитич².

В XVI столетии скоморохи объединились в ватаги, т.е. в своего рода артели, труппы, в связи с чем стали складываться драмы больших жанров, т.е. емкого действия, рассчитанные на несколько действующих лиц. Так стал складываться театр устной традиции. Это произошло на рубеже XVI–XVII веков, и это было основным источником русского национального театрального искусства.

Кроме скоморохов на Руси были еще и *бахари*, или сказочники; этот род потехи появился к концу XV столетия. В XVII веке к ним присоединились и *домрачеи*, которые сопровождали свои рассказы игрою на домрах. Бахари уже не пели своих сказок, а говорили нараспев, то повышая, то понижая голос. «Так, царь Иоанн Васильевич

¹ Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975 // Использована Интернет-версия издания. Режим доступа: http://svitk.ru/004_book_book/5b/1196_belkin-skomorohi.php

² Газо А. Шуты и скоморохи всех времен и народов / Пер. и доп. Н. Федоровой. СПб., 1898. С. 207.

Грозный во время своего пребывания в Александровской слободе после вечернего богослужения уходил в свою спальню, и там его ожидали три слепых старца, или бахаря, которые начинали говорить по очереди сказки; царь от этого скорее засыпал и крепче спал. У царя Василия Шуйского был свой бахарь Иван. У царя Михаила Федоровича известными бахарями были: Клим Орефин, Петр Сапогов и Богдан Путята. Но эти бахары являлись не только в царских палатах, но и у бояр и даже зажиточных людей; эти своего рода домашние шуты забавляли своего господина, когда ему было скучно, или усыпляли его своими сказками»¹. Князь Даниил фон Бухау, бывший в Москве, в качестве посла от императора Максимилиана II во время царствования Иоанна Грозного, описывая московские нравы и обычаи, говорит, что юношам и молодым девушкам не дозволялось на свадьбах водить хороводы, взявшись за руки, так как это послужило бы к разжиганию страстей; плясали одни только скоморохи².

Скоморохи часто переряживались или костюмировались. Вероятно даже, что само название «скоморох» имеет некоторую связь со словом «маска»; по-арабски «масхара» значит «смех, насмешка, глумление». Маски на Руси носили самые разнообразные названия: личины, обличия, наличники или просто хари; вероятно, последнее слово происходит от греческого «хара», что значит голова, или от сербского «харея», что также значит голова³.

Скоморохам на Руси давали всевозможные названия; так, они были известны под именем глумцов, и смехотворцев, и плясунов, и глумотворцев. У белорусов скоморохи занимались импровизацией со сцены, изображая различные социальные типы⁴.

¹ Там же. С. 218.

² Там же. С. 220.

³ Там же. С. 222.

⁴ Там же. С. 226.

Также вместе со скоморохами упоминаются в памятниках и *медведчики* (т.е. вожаки медведей), о которых известно также и то, что кроме своего ремесла они занимались воровством и даже убийствами для грабежа¹. Важные сведения о ватагах (артелях) скоморохов дает Стоглав. В нем прямо говорится, что ватаги скоморохов «по дорогамъ (людей) разбиваютъ», т.е. грабят. Как мы уже отмечали в своем исследовании, Стоглав оговаривал, что «скоморохи совокупяся ватагами многими до **штидесяти и до семидесяти и до ста человек** и по деревням у крестьян сильно ядят и пьют и из клетей животы грабят, а по дорогам разбиваютъ»².

В XV–XVII веках нередко скоморохи, а подчас и нищие занимались воровством, грабежом и разбоями. Вот причина, «почему обыкновенно в жалованных и уставных грамотах мы находим не только запрещение попрошатаям и скоморохам, как и вообще сторонним людям, являться незванным (без приглашения) на пиры и братчины, но и положительные постановления о том, чтобы никто не смел дергать их и чтобы попрошатаев и скоморохов преследовать и ставить перед великим князем»³. Например, в *Жалованной грамоте великого князя Василия Иоанновича Кассиано-Учелскому монастырю* (об освобождении от пошлин монастырских сел и деревень в Углицком уезде, с изъятием крестьян от суда наместников и тиунов, и проч., 1 июня 1522 года) специально оговаривается: «А попрошатаемъ у нихъ в техъ деревняхъ, ездя, не просить и скоморохомъ не играти; а учнуть у нихъ попрошатаи, ездя, просить и скоморохи играти, и азъ техъ велелъ имати и давати на поруки, и ставити передъ собою передъ великимъ княземъ»⁴.

¹ Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 15.

² Цит. по: Стоглав. Казань, 1862. С. 181–182.

³ Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 14.

⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 171. С. 140.

Ватаги скоморохов и нищих, как и шайки разбойников, имели в своей главе начальников, которые назывались атаманами и избирались на эту должность своими товарищами. Естественным образом скоморохи являлись по преимуществу на большие сборища народа и попойки, во время праздников, пиров и братчин, где начинался соблазн – «играние и плясание и гудение». Часто скоморохов запрещали и наказывали: «а бубны и домры и сурны и гудки» велели «ломать без остатку, а *хари* жечь в огне»¹.

Большая часть народных шутов жили изо дня в день, не заботясь о будущем и часто предавались разгулу и пьянству. Многие из них очень дурно оканчивали свое существование.

«Артели» нищих

Для понимания характера союзов нищих имеет большое значение исследование И. Г. Прыжова, по выражению которого, Христовы слова «*нищие всегда имате*»² запечатлелись над всею историей России³. Нищими на Руси называлась категория людей, не трудящихся и промышляющих сбором подаяний Христа ради⁴.

Среди разнообразных форм нищенства весьма примечательны т.н. украинские *слепцы-старцы* – это были или неспособные к земледелию работники, или нищие, сохраняющие из поколения в поколение народные думы и предания. Они были певцы и вместе музыканты. Призываемые народом, они ходили по хатам и пели, получали

¹ Попов А. Н. Пирь и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемые Николаем Калачовым. М., 1854. Кн. 2. Ч. 2. Отд. VI. С. 28–29.

² *Ибо нищих всегда имате с собою, а Меня не всегда* (Ин 12, 8).

³ Прыжов И. Нищие на Святой Руси. Материалы для истории общественно-го и народного быта в России // Прыжов И. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии / Комм. М. С. Альтмана под редакцией Л. Я. Лурье. М., 1996. С. 128.

⁴ Там же. С. 107.

за это плату, и часто, нажив деньгу, сами покупали хату с огородом, обзаводились женою и детьми и платили подати наравне с другими крестьянами. Некоторые же, приобретая хату, заводили школу певцов. Такие хозяева старческих ватаг носили прежде названия старческих королей¹.

Лица, поющие колядки, назывались в Белоруссии *волочобниками*, от слова «волочиться», т.е. ходить с места на место пением, иначе – перехожими. Волочобники – это певцы, которые ходили с пением по деревням в ночь с воскресенья на понедельник Пасхи. Они приносили мир и счастье дому, и хозяева ждали их как благословенных гостей. Певцы набирались из крестьян, ходили партиями (ватагами) от восьми до двадцати человек. Глава партии – починальник – мужик зажиточный и богатый, и он обычно начинал песнь, а подхватники подхватывали; подавание собирало особое лицо, называемое мехоношей².

В московских землях возник образ калики перехожего. Калики перехожие, как древние мифические лица и как певцы вещей глаголов, сохранились вплоть до начала XX века и донесли до памяти древнейшие космогонические предания о сотворении мира и сохранили даже самую древнюю форму предания, именно загадку, которая составляется из вопросов и ответов³. Калики жили преимущественно около монастырей, и у монастырских ворот было главное поприще их деятельности. Ходили они артелями; во главе артели (ватаги) стоял атаман, которого выбирали в круг. На каликах надеты были сумки и под-сумки, в руках у них были клюки. Придя на место, они становились в круг, клюки-посохи в землю втыкали и на

¹ Прыжов И. Нищие на Святой Руси. Материалы для истории общественно-го и народного быта в России // Прыжов И. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии / Комм. М. С. Альтмана под редакцией Л. Я. Лурье. М., 1996. С. 114.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 116.

них вешали сумочки. Жили они подаянием за распеваемые ими духовные песни и стихи. В одном из вариантов такого рода песни сами калики поют про себя:

Не рублями мы берем и не полтинамы,
Берем-то мы целыми тысячами.

В XIX столетии после 1812 года Москва не вдруг отстроилась заново, а долго еще оставались целые пустыри, на которых жилья не было: там-то, в развалинах домов, был притон всякому непутному народу, в том числе нищим. По ночам слышались из этих катакомб шум и гам страшные, доказывавшие, что нищенствующие артели, которым не для чего было отправляться на ночной промысл мазуриков, отдыхали от трудов лицемерия и наглости за веселым пиршеством¹.

В середине XIX века в Москве по разным частям города нищих набиралось до 40 тыс. человек. Каждый из них, по подсчетам И. Г. Прыжова, ежедневно набирал 25 копеек серебром. «Все они в день набирают 10 тыс. рублей, в месяц 300 тыс. рублей, в год 3 600 тыс. рублей. Три части этой суммы идут в ведомство московского откупа, отчего так и богаты московские откупщики»².

В Петербурге в то же время нищие составляли иногда между собою артели, которые занимали одну квартиру. В таких квартирах артель нищих помещалась под председательством и поручительством избранного старосты, который, собирая со своей артельной братьи деньги за квартиру, отдавал их хозяину квартиры вперед. Кроме того, на обязанности старосты лежали хлопоты об освобождении нищих, когда кто из них попадался в полицию за попрошайничество или пьянство³.

¹ Там же. С. 139.

² Там же. С. 148.

³ Калачов Н. Артели в древней и нынешней России. СПб., 1864. С. 52–53.

В Малороссии артели нищих встречались также в XIX столетии. «Кто бывал на малорусских ярмарках и базарах, тот, наверное, встречал на них группы нищих, сидящих где-нибудь на бойком, видном месте и поющих какого-нибудь “Лазаря”, аккомпанируя пение звуками “кобзы” или “рели” <...> Вслушайтесь, в самом деле, в тот возглас, которым нищие заключают свое пение – и вы заметите, что форма этого возгласа есть форма артельной, коллективной просьбы. “Подайте нищим каликам ради Христа!” – восклицают обыкновенно нищие, как бы выражая этим одну общую свою просьбу. Но найдите другую группу нищих, сошедшихся вместе случайно, и вы здесь уже услышите, как каждый из этой группы восклицает: “подайте нищому калици ради Христа! Подайте убогому! Подайте слипенькому!” – давая этой формой обращения как бы невольно знать, что в подаении заинтересован каждый просящий единолично»¹.

Артели нищих представляли много темного и таинственного, т.к. содержали в строжайшей тайне свои взаимные отношения (!). «Расчет со стороны нищенствующей братии очень простой. Нищенство во всяком случае носит характер ремесла, и выдавать поэтому некоторые непривлекательные тайны этого ремесла значило бы причинять ему существенный вред. Таким образом, уже одно это обстоятельство ясно указывает на то, что само существование нищенских артелей есть дело выгоды. Раз нищие хранят свои артельные тайны из-за расчетов, значит, им это выгодно»².

На ярмарках, рынках и вообще в местах людных нищие «добывали» артелью больше, чем в одиночку. «Малоросс большой охотник до пения, но когда он слушает пение нищей братии, то любит, чтобы в этом пении и бас

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 341.

² Там же. С. 342.

гудел, и дискант пищал, и “реля грала”, – любит, одним словом, общее хоровое пение и предпочитает его пению одиночного певца»¹. Значит, для нищих прямой расчет состоял в том, чтобы петь и просить в людных местах артели, а не в одиночку.

Иногда артели нищих конкурировали между собой так, что одни артели находили «почему-либо невыгодным петь и просить вместе с другими, так, например, одна артель располагает каким-нибудь особенно редкостным певцом-ревуном, другая выставляет на показ какой-нибудь импонирующий экземпляр калеки, а третья просто поэтому просит отдельно, что ее не принимают в товарищество другие, как не представляющую никаких преимуществ чисто в техническом смысле»².

Артели нищих состояли, как правило, из двух элементов: собственно нищих, «старцев», и так называемых поводатырей. «Первый элемент – нищие по профессии, второй – только слуги, наемники нищих. Поэтому и само положение в артели тех и других весьма различно»³. Поводатырь в большинстве случаев представлял необходимого члена артели в качестве исполнителя разного рода услуг. Обычно поводатырями бывали дети из беднейших семей, отдающих их нищим «за кусок хлеба», на прокормление, или за денежное вознаграждение, смотря по условию. В редких случаях поводатырями бывали дети самих нищих.

В состав артелей нищих входили в буквальном смысле «и слепые, и хромые, и немощные, и болящие»⁴. В местах людных – на ярмарках, базарах, у храмов и монастырей – артели выпрашивали милостыню всем составом своих членов вместе. Во всех других случаях каждый член артели действовал большей частью одиночно. Это были

¹ Там же.

² Там же. С. 343–344.

³ Там же. С. 344.

⁴ Там же. С. 345.

передвижные группы нищих. Сегодня они просят в одном месте, а завтра в другом.

Способы распределения добытых артелью подаяний остались большей частью тайной нищей братии. Надо полагать, что распределение добычи между членами совершалось неравномерно: главный певец или воротила, вероятно, получал больше какого-нибудь второстепенного нищего. Жадность нищих и бесконечные споры при дележах вошли в поговорку. «Не поділяться, як старці», – говорили обыкновенно малороссы о всяком спорном дележе¹.

Нищие часто женились и рожали детей. Им не чужды были веселье и разврат. Они напивались и воровали. «Одним словом, – заключает Ф. Щербина, – нищий, как народный певец, как хранитель народных дум и песен, измельчал, превратился в попрошайку и притворщика, и артель служит для него только средством достижения часто самых низких целей»².

Группы нищих, безусловно, следует отнести к **квазиартелям**, поскольку нищие зарабатывали не трудом, а попрошайничеством. Вообще же в России существовали самые разные и подчас причудливые квазиартели, объединявшие не «аристократическую» часть народа, а его паразитическую часть, не чуждую криминала, мошенничества, подчас просто опустившиеся люди. В народе такие союзы называли **«неправильными артелями»**. Самый простой пример такого рода артелей – обманщики, пользующиеся доверием. Они состояли, как правило, из пьющих людей, находивших кого-то одного, более прилично, чем остальные, выглядящего, который договаривался с заказчиком о подряде, – квазиартельщики брали задаток, исчезали, а деньги пропивали. А. Н.Энгельгардт пишет в своих «Письмах из деревни»: «И между граборами есть вовсе отпетые пьяницы, есть и воры, которые способны воровать даже у своих братьев, граборов, есть и буяны, и мошенники, сварливые,

¹ Щербина Ф. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 346.

² Там же. С. 347.

нигде не способные ужиться люди, не артельные люди, как говорят мужики. Таких людей ни одна артель не принимает. (...) Иногда пьяницы-одиночки соединяются в артели, выбирают которого побойчее рядчиком и снимают где-нибудь работу. Но такие неправильные артели нередко оканчивают дело бесчестно: возьмут непосильную работу, напьют, наедят, наберут вперед денег, а работы не кончат и уйдут, когда наступит время покоса, оставив, например, недоделанным пруд, так что деревня остается на жаркое время без водопоя. Жертвами таких артелей бывают новички-помещики, а больше добродушные на миру и доверчивые крестьяне, которые иногда целой деревней нанимают артель граборов для очистки прудов и т.п. Опытные хозяева поэтому держатся раз облюбованных рядчиков и знакомых артелей»¹.

В. И. Белов в своей книге «Лад» приводит пример более безобидной квазиартели, когда артельщики пытались выдать себя за специалистов в копании колодцев. Эти люди задатка не брали, а принялись копать на свой страх и риск, «выкопали огромную яму, а до воды не добрались, так ушли». «После таких копателей общество с большим недоверием относится уже и к настоящим мастеровым, которые, недолго думая, ступают дальше, в следующую деревню. Приходится бежать за ними до околицы, уговаривать... И вот седенький старичок, негласный руководитель артели копателей, брякает ногтем по табакерке, покашливает, поглядывает. Утром, до солнышка, ходит по закоулкам, глядит, где пала роса, где и как толкается мошка, где какая выросла травка. Прикидывает, покашливает. Не торопится. Это про таких стариков говорят, что они на три сажени в землю видят. Колодцы, выкопанные под их руководством, служат людям не десятилетия, а века»².

Артельная форма могла использоваться как инструмент мошенничества. Описанные в третьей части случаи с артельными злоупотреблениями подтверждают тот факт, что

¹ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 296

² Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики. М., 2013. С. 43–44.

к началу XX века подобные случаи махинаций и создания квазиартельных паразитических предприятий учащались. Ф. А. Щербина в своих «Очерках южнорусских артелей и общинно-артельных форм» целый параграф посвящает конокрадам и скотокрадам Кубанской области. Это занятие в данном регионе выросло до огромных масштабов, и крупные воров («табунщики») приобрели огромное влияние, так как с их помощью можно было хозяевам возвращать украденное. Ф. А. Щербина показывает, как работает в этом случае механизм взаимодействия, взаимного укрывательства воров, однако он не предлагает называть их артелями в прямом смысле этого слова, признавая, что внутренние, интимные стороны и отношения воров в разных группах мало известны. Исследователь относит их к «от-артельным» формам, «склад и организация которых заимствованы от чисто артельных форм»¹. А. А. Исаев также упоминает об уголовном деле большой действовавшей в Радомской губернии «артели» конокрадов, доходившей до 200 человек и имевшей свои строго выработанные правила, почту, станции и даже полицию².

11. Артели старателей

Вача – это речка с мелью
Во глубине сибирских руд,
Вача – это дом с постелью,
Там стараются артелью, –
Много золота берут!

В. С. Высоцкий

Добыча золота в России началась во второй четверти XVIII века, когда были открыты месторождения на Алтае (1729) и на реке Выг в Карелии, где в 1745 году был устроен

¹ Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1881. С. 12.

² Исаев ссылается на сообщение: Русские ведомости. 1880. № 165.

рудник. В мае 1745 года первооткрыватель рудного золота Ерофей Марков добыл первый самородок золота на Урале под Екатеринбургом, а в 1747 году там началась разработка Березовского месторождения, ставшего центром уральской золотодобычи. Этим было положено начало отечественной золотопромышленности. Золото добывали на государственных и частных предприятиях, но всегда весьма значительным (а порой и преобладающим) в этой отрасли оставался промысел старателей.

Старателями обычно называли рабочих, занимавшихся кустарной добычей золота, как правило, в составе артелей золотодобытчиков. В «Толковом словаре» В. И. Даля есть указание на прямую связь между словом «стараться», т.е. «делать со рвением, усердно, прилагать все средства», и понятием «старательская работа», которая производилась «сверх урока или урочных часов, за особую плату». Старателями в дореволюционную пору называли тех золотодобытчиков, которые, отработав на хозяина, трудились с его позволения дополнительно, сверхурочно. Кроме того, работники могли заключать особый договор с владельцем прииска и вести добычу самостоятельно. Золото они сдавали хозяину и закупали у него необходимые им товары. Сданное золото мерялось золотниками¹, отсюда название таких работников – золотничники. Часть золотодобытчиков промышляла без всяких соглашений и договоров с владельцами приисков, их именовали «хищниками», так как они, по сути, похищали то, что им не принадлежало². Хищники не были нигде зарегистрированы, действовали в одиночку или небольшими артельками в труднодоступных казенных землях, а затем контрабандно сбывали добытое золото.

¹ Золотник по «Положению о мерах и весах» 1899 года был равен 4,26575417 г.

² Афанасьев П. Ю., Трубников Н. Б. Виток золотой спирали. К истории золотодобычи на юге Российского Дальнего Востока. Благовещенск, 2008. С. 26.

Законодательство Российской империи колебалось между двумя тенденциями – полной либерализации частной золотодобычи и жесткой государственной регламентации¹. Согласно Положению о частной золотопромышленности на казенных землях Сибири от 1838 года, заниматься добычей золота в Сибири позволялось только дворянам, почетным гражданам и купцам первой и второй гильдий. Представители низших сословий могли лишь выступать в качестве наемной рабочей силы, при этом законом им предписывалась именно артельная форма организации². Добыча золота требовала усердия, а нередко и творческого подхода от тех, кто его добывал, поэтому и в царской России, и в советской наряду с крупными частной и государственной добычей действовала артельная. «Отличие этой системы (артельной. – *Прим. авторов*) от обыкновенно господствовавшей состояло в том, что, тогда как при последней рабочие со своим трудом являлись совершенно пассивными личностями, нисколько не заинтересованны-

¹ Первые законодательные акты, касающиеся горного дела, были разработаны при Петре I, в 1719 году все они были сведены в единый акт – «Горную привилегию», устанавливавшую возможность всем и каждому на собственных и чужих землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы. Указ правительства 1727 года разрешал всем вести поиски и разработку полезных ископаемых, а полученные металлы свободно продавать. Однако после открытия золота в России правительство пошло по пути ограничения частного промысла, уже в 1746 году Сенат прекратил действие Указа от 1727 года. Петровские привилегии постепенно сходили на нет, а в 1782 году «горная свобода» была отменена.

В 1806 году правительство в целях стимулирования в интересах казны частной инициативы и предпринимательства утвердило новое «Горное положение». В 1812 году был издан указ Сената «О предоставлении прав всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати», при этом правительство оставляло за собой право преимущественной скупки металла. Население же, занимавшееся поисками и добычей, должно было выплачивать в казну от 10 до 15% подати натурой. В 1838 году правительство издало особое Положение о частных золотых промыслах Сибири, а в 1842 году – Положение о разрешении частного промысла на казачьих землях. Принятый в 1857 году Горный устав вновь ограничил доступ к золотому промыслу.

² См. раздел об истории артелей XIX века.

ми в успехе или неудаче операций, получали одну, искони установленную сумму вознаграждения, при первой они являлись уже личностями вполне активными, ведущими дело на свой риск и страх, и получали за свой труд вознаграждение уже не по заранее определенной норме, а смотря по успешности и выгодности работы, – другими словами, получали плату по мере своего усердия, *старания*, отчего, вероятно, и самое название этих рабочих – *старатели*»¹. То есть центральным моментом старательской добычи была сдельная оплата труда, оплата по результату, а конкретнее – вознаграждение за сданное золото.

В 50-е годы XIX века частная золотодобывающая промышленность в Сибири освоила пространства от киргизской степи до Верхнеудинского и Баргузинского округов Забайкалья. «Золотая лихорадка» распространялась все дальше и дальше на восток. В те годы стали широко привлекать старателей к разработке россыпей с относительно невысоким содержанием золота в песках, а также к доработке отдельных участков и целых приисковых отводов после завершения на них основных работ. По своей организации и роду деятельности артели старателей-золотничников позволяли владельцам приисков существенно снизить себестоимость добычи на разработке низкорентабельных запасов. Старатели состояли на собственном содержании и получали сдельное вознаграждение за свой труд, сдавая добытое золото в приисковую контору.

В первой половине 1860-х годов в Сибири деятельность старателей-золотничников приобрела особо широкий размах, прежде всего из-за отмены правовых ограничений на этот промысел. При этом встречались артели уже не только работающие по договору с подрядчиками, но и действовавшие самостоятельно. В 1870-х и 1880-х наблюдалось расширение и развитие артельной деятельности, что было связано с обеднением ранее открытых рудников.

¹ Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 188–189.

Хотя по закону артели должны были состоять не менее чем из десяти человек, обычно они насчитывали от четырех до восьми работников, а иногда всего только двух. За свою работу, которая включала отвод воды, вскрытие торфа, добычу и промывку золота и т.д., артели получали вознаграждение с золотника и этим были весьма привлекательны для старателей. По свидетельству одного исследователя данной темы, «кто стал ходить на золотники, тот уже редко возвращается на общие работы, каковы бы ни были превратности золотничной работы»¹. Артельная организация труда давала работникам не только материальные, но и моральные преимущества: «Работая самостоятельно, рабочий чувствует себя свободнее, изменяется даже его способ держать себя и говорить с начальством»². Менее предприимчивые, менее активные, но более терпеливые и выносливые золотодобытчики сторонились артелей, предпочитая работать на хозяев.

Создание артелей старателей обычно проходило следующим образом. Горное управление либо позволяло старателям вести разработку того или иного уже известного участка, либо предоставляло право заниматься отысканием новых месторождений золота. В первом случае подобрать членов для артели и снарядить группу было проще, ведь тут требовался лишь небольшой капитал для приобретения основных орудий труда и само желание работать. Иное дело, когда артель должна была отправляться на самостоятельные поиски и разработку новых месторождений, тогда к кандидатам в ее члены предъявлялись повышенные требования: они должны были обладать и соответствующими знаниями, и выдержкой, и располагать некоторыми материальными средствами, которые требовались на общее дело. «Очевидно, что оборотный капитал

¹ Цит. по: Пажитнов К. А. Рабочие артели // Архив истории труда в России. Кн. 10. Пг., 1923. С. 63.

² Там же.

артели в каждом случае может быть различен, в одном случае он может ограничиваться каким-нибудь десятком рублей, необходимых для приобретения инструментов, вообще не очень ценных, в другом же – достигать нескольких сот рублей, что случается особенно при открытии новых месторождений золота. В том случае, когда работы происходят в ближайших окрестностях селений, продовольствие каждого члена производится отдельно, в семье, но когда артель работает в далеком расстоянии от места жительства членов, то харчи обыкновенно закупаются сообща, для всей артели»¹.

Никаких письменных договоров между членами артели не заключалось. Старостой избирался обычно самый толковый и грамотный – как правило, занимал эту должность тот, кому принадлежала инициатива создания артели. Нельзя, однако, сказать, что староста приобретал какое-либо особое влияние в артели. «Все обязанности этого как бы представителя артели ограничиваются только ведением счетоводства при оборотах артели, он должен вести счет расходам артели по обзаведению инструментами, по продовольствию, когда артель имеет общий стол... наконец расходам по найму поденных работников, когда таковые требуются; он же равным образом ведет счет заработка, сдает казенным приемщикам намытое золото, получает из казначейства следующие за него деньги и производит дележ их между членами»².

Уральские старатели предпочитали делить заработок между собой, более или менее округляя суммы, получаемые каждым на руки, а все остальное, что оставалось, шло на общее дело: вклад в церковь, молебен, попойку и т.д. Заработок обычно делился на равные части, так как и трудовой вклад каждого был в основном одинаков. Артель в случае необходимости могла общими силами нанимать дополни-

¹ Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 190–191.

² Там же. С. 191.

тельно поденных рабочих, делать займы для собственных нужд, отвечая по ним круговой порукой. Р. Попов отмечал, что старательские артели носили временный характер, состав их мог постоянно меняться. Отсутствие капиталов у рядовых работников заставляло прибегать к помощи капиталистов, которые за предоставление капитала обычно получали в артели довольно крупный пай, не участвуя, конечно, в общем деле собственным трудом¹.

Большинство старательских артелей были малочисленными (обычно не более десяти человек), однако бывали исключения: известно, что в 1910 году на Северном Урале недалеко от Денежкина Камня была организована артель на основе устава и насчитывала она первоначально около полусотни, а затем и сотню человек, так как работа в ней оказалась весьма прибыльной².

Если говорить об объеме старательской добычи по сравнению с частной и государственной, то, по свидетельству К. А. Пажитнова, в Канском и Нижнеудинском округах «более половины приисков разрабатывалась в 1879 и 1880 годах старателями, а количество золотничников значительно превосходило число общеконтрактных, доходя до 68% общего количества». В Амурской области в 1890-х годах в сфере добычи золота также преобладали старатели. А кабинетские промыслы³ на Алтае в 1873 году целиком были отданы на разработку артелям⁴.

¹ Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 192–193.

² Пажитнов К. А. Рабочие артели // Архив истории труда в России. Кн. 10. Пг., 1923. С. 70.

³ Кабинетские промыслы, кабинетские земли – с середины XVIII века так называли частную собственность царской фамилии в Алтайском и Нерчинском округах, земли, недра, леса на этих землях, а также некоторые предприятия с приписанными к ним крестьянами (название связано с тем, что эта собственность находилась в ведении «Кабинета его Императорского Величества»).

⁴ Пажитнов К. А. Рабочие артели // Архив истории труда в России. Кн. 10. Пг., 1923. С. 63.

В 1913 году удельный вес старательской добычи составил 58,9 % (на Урале – 49,8%, в Западной Сибири – 33%, в Восточной – 62,7%)¹. По данным В. И. Таракановского, до 1917 года было добыто 2 500 т учтенного золота, из них старатели добыли 1 620 т, то есть 55,8%².

30 апреля 1920 года большевистская власть выпустила декрет «О недрах земли». Согласно ему, частное владение и пользование недрами отменялось. Эксплуатация недр и распределение полезных ископаемых, а также руководство и надзор за горнопромысловыми операциями отдавались в ведение Горного совета ВСНХ³. Декрет «О золотой и платиновой промышленности», подписанный 31 октября 1921 года, существенно корректировал декрет «О недрах земли» в духе нэповского курса: теперь производить поиски, разведку и добычу золота разрешалось всем гражданам РСФСР, а также кооперативам, артелям и различным объединениям; стало возможным также получать от государства в пользование золото-платиновые предприятия. Все добываемое золото и платина должны были сдаваться в государственные приемные пункты, где тут же производилась оплата либо денежными знаками, либо, по желанию сдающего, продовольствием, предметами широкого потребления и т.д.⁴

На исходе лета 1927 года Сталин встретился с заместителем председателя ВСНХ начальником «Главзолота» А. П. Серебровским и завел разговор об организации золотодобычи в Калифорнии, которая осуществлялась при помощи старателей. Сталин отметил, что, несмотря на давление капиталистических горнодобывающих предпри-

¹ Старатели России. М., 2009. С. 57.

² Таракановский В. И. 20 лет Союзу старателей России. История, современное состояние и задачи // Золотодобыча. 2009. Февраль. № 123.

³ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 245.

⁴ Там же. С. 993.

ятий и банков, артели в США сохранились и продолжали довольно успешно развиваться. Вскоре после состоявшейся беседы Серебровский был отправлен в США изучать опыт и постановку дела у американских старателей. Возвратившись в СССР, он ознакомил Сталина с положением дел за океаном в области золотодобычи. Вероятно, в результате этого у Сталина созрело решение сделать ставку на добычу золота силами старателей. В данном случае подъем уровня добычи обеспечивался без значительных капиталовложений при сохранении госсобственности на землю и монополии на золото¹. Между тем основной движущей силой развития становилась инициатива и прямая материальная заинтересованность старателей.

Согласно постановлению, принятому 27 мая 1934 года, старателями-золотничниками именовались лица, «которые получают от государственных предприятий по договорам, разрешительным удостоверениям или нарядам площади под разработку золота и платины, выполняют всю работу производственного характера личным трудом, с помощью членов своей семьи или на артельных началах (без применения наемного труда для выполнения этой работы), и сдают предприятию все добытое золото и платину»². Организовываться в артели старатели должны были самостоятельно, по договору с горнодобывающими предприятиями. Законодательство о труде на старателей-золотничников не распространялось. Предприятие за особую плату могло снабжать старателей инвентарем, оборудованием, инструментами, лесными материалами, прозодеждой³, также оказывать им производственные услуги и техпомощь. Под последней понималось полное

¹ Старатели России. М., 2009. С. 69.

² Цит. по: Старатели России. М., 2009. С. 74.

³ Одежда, выдаваемая работающим на производстве за счет предприятия для предохранения обычной одежды от грязи и самих работающих от повреждений; рабочий костюм.

или частичное выполнение подготовительных работ, обработка руды, сооружение промывательных устройств, содержание водоотливных и водоподъемных установок, предоставление транспорта, содействие в производстве механических работ и т.д. Предприятие также могло предоставлять старателям жилище и коммунальные услуги¹. В случае обнаружения старателями богатых месторождений они получали от предприятия премию. Горнодобывающее предприятие в местах работы старателей должно было создать необходимую инфраструктуру: открыть магазины для приема и отоваривания золота, обеспечить печи и котлы для приготовления пищи. Несмотря на самостоятельность старательского хозяйства по отношению к государственной промышленности, на вольных золотодобытчиков распространялось социальное страхование, а заработок артельщиков освобождался как от государственных, так и от местных налогов и сборов, хозяйства старателей освобождались от сельскохозяйственного налога, от трудовой и гужевой повинностей². Артель старателей несла ответственность перед госпредприятием, по договору с которым она была учреждена, при этом каждый член артели должен был отвечать своим имуществом «в размере приходящейся на него доли ущерба». Ликвидация артели старателей могла происходить в следующих случаях: при ликвидации предприятия, прекращении эксплуатации участка, на котором вела работы артель, или при переходе к непосредственной разработке данного участка предприятием; при невыполнении старателями норм сдачи в течение двух месяцев; в случае утайки и хищения металла; нарушения правил безопасности ведения работ; нарушения плана и порядка разработки участка, закрепленных в договоре. Предприятие обязано было до-

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. М., 1948. С. 479.

² Там же. С. 480.

пускать к ведению самостоятельных старательских работ собственных рабочих и служащих во внерабочее время¹.

Журнал «Советская золотопромышленность» в 1935 году с восторгом заявлял, что «старатели-золотничники являются лучшими практиками-разведчиками, выявляя в глухой сибирской тайге богатейшие площади...». Государство стремилось всесторонне содействовать старательству, ведь стране для индустриального строительства требовалось золото, в том же номере журнала указывалось: «Все предприятия системы Главзолото обязаны широко объявить о льготах и поощрениях, которые будут оказаны первооткрывателям и наиболее активным частным (вольным) разведчикам»².

Приказами наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе от 7 июля 1933 года, от 27 февраля 1934 года и на основании постановлений СНК СССР от 21 января и 11 марта 1935 года предписывалось «повсеместно развернуть старательско-золотничные работы и широко оповестить население золотопромышленных районов о закреплении прежних льгот и о новых льготах старателей-золотничников». Руководство трестов и предприятий обязано было следить за тем, чтобы «золотодобыча была окончательно превращена в дело всего трудящегося населения золотопромышленных районов»; чтобы «было привлечено к работе в золотопромышленности все население приисков и близлежащих районов»; а «все препятствия к свободному и повсеместному занятию золотым промыслом» были устранены. Повсеместно должна была вестись механизация старательских работ, для них должны были организовываться «промывалки», их необходимо было обеспечивать водой, паром, освещением, оборудованием

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1934 г. М., 1948. С. 481–482.

² Цит. по: Новое – это хорошо забытое старое // Золотодобыча. 2006. Декабрь. № 85.

и обслуживанием. Старательские магазины должны были иметь в продаже все необходимые для налаживания быта и работы старателей промтовары и инструменты. Вводилась система премий для поощрения лучших старателей – им могли предоставляться квартиры, отводиться лучшие участки для золотодобычи, путевки в дома отдыха и на курорты и т.п. Руководители трестов и предприятий обязаны были следить за тем, чтобы на пути получения старателями льгот не было никаких препятствий¹.

В результате системы принятых мер численность старателей к 1937 году достигла 120 тыс. человек. В 1934 году они сдавали в Гохран 23,4 т золота, а в 1937-м – уже 46,6 т, составлявшие 34,2 % от общесоюзного уровня добычи (134,4 т)². Общая добыча золота в СССР с 1932 по 1936 год возросла с 31,9 т золота до 138,8 т, то есть в 4,4 раза³. С этого времени Советский Союз прочно занимал второе после ЮАР место в мире по уровню золотодобычи, удерживая лидерство вплоть до 1991 года.

Казалось бы, государство всячески стимулировало и поощряло старательский труд, было заинтересовано в его дальнейшем развитии и укреплении. Однако интенсивное наращивание старательского сектора и его удельного веса в общем объеме золотодобычи встревожило некоторых советских руководителей, которые видели в старательстве «несоциалистическую форму развития промышленного производства». И постановлением Экономсовета при СНК СССР от 25 июля 1938 года старательскому сектору был придан статус государственного с одновременной ликвидацией установленных ранее старателям льгот и преимуществ. Но постановление это бумерангом ударило по го-

¹ Цитируется и излагается по: Кавчик Б. К. Как увеличивали золотодобычу при Сталине // Золотодобыча. 2009. Май. № 126.

² Старатели России. М., 2009. С. 75.

³ Кавчик Б. К. Как увеличивали золотодобычу при Сталине // Золотодобыча. 2009. Май. № 126.

сударственным же интересам. В результате в 1939 году численность старателей по сравнению с 1937 годом сократилась со 120 тыс. до 70 тыс. человек, а объемы добычи, ими осуществлявшейся, сократились с 46 до 26,7 т.

Уменьшение добычи столь важного для страны металла не могло пройти незамеченным: урон, нанесенный золотодобыче, вызвал реакцию Сталина, который потребовал восстановить старательский сектор. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 апреля 1940 года отменяло директиву Экономсовета, было обращено внимание на «ошибки и перегибы», допущенные по отношению к старателям, отмененные льготы и преимущества восстанавливались. Своих постов лишился ряд работников Наркомцветмета. К 1941 году ситуация со старательской золотодобычей значительно улучшилась, был достигнут максимальный уровень добычи золота по сравнению с предыдущим периодом, он составил 174,1 т (в 1937 году – 134,6 т)¹. В СССР при Сталине был накоплен громадный золотой запас, составляющий в 1953 году 2049,8 т.²

Попытки ограничить или даже свернуть старательский сектор предпринимались и в дальнейшем. 9 февраля 1950 года вышло постановление Совета министров СССР, запрещающее старательский способ добычи в стране. Была проведена так называемая золотая реформа, которая упраздняла бонусы, ликвидировала приоритетное снабжение старателей, устанавливала новые, очень низкие, цены на добываемое золото. В 1951 году прииски, добывавшие золото с помощью старателей, начали закрываться. В течение нескольких лет добыча золота старателями в стране не производилась. В 1956 году старательство в стране вновь было разрешено.

¹ В ЮАР добывалось 448,1 т, в Канаде – 166,8 т, в США – 150,3 т, в Австралии – 46,6 т.

² Для сравнения: на начало 2002 года золотой запас России составлял порядка 480 т при суммарном объеме производства этого металла в 2001 году 154,5 т.

Давление властей на артели вновь заметно усилилось в начале 1980-х годов. Активно проводились проверки и ревизии, заводились уголовные дела. В тюрьмах Читы оказалось 150 старателей крупных артелей. В книге «Старатели России» ситуация в верхах обрисована следующим образом: «В Москве отношение к старательской добыче золота было неоднозначным. Поддерживал и требовал ее развития Совмин СССР. В ЦК КПСС к старателям относились негативно, считая их носителями частнособственнических взглядов. В Минцветмете сложились две партии. Министр¹, руководители “Главзолота”, отвечавшие за добычу золота, поддерживали старательский способ добычи. Первый заместитель министра, ведавший кадровыми вопросами, некоторые начальники управлений, и прежде всего управления бухгалтерского учета и контроля, делали все, чтобы если не изжить старательский способ, то и не дать ему развиваться. Постепенно они взяли верх»². Порой дело заканчивалось разгромом артелей. Так, в 1987 году после обысков на базе артели В. Туманова «Печора» было начато уголовное дело о хищении золота, и артель была закрыта.

После того как в 1956–1960 годах производственная кооперация в СССР была ликвидирована, артельная форма совместного труда формально сохранилась в сельском хозяйстве (колхозы), а реально – только в старательском промысле. Расцвет артельного строительства в золотодобывающей промышленности пришелся на 1960-е, а в особенности на 1970-е и 1980-е годы. В это время артели старателей играли важную роль в отечественной золотодобыче, важную настолько, что государство, несмотря на свою настороженность в отношении самостоятельных кооперативных форм труда, все же так и не смогло отказаться от услуг артельщиков. Вклад старателей в общий объем добычи золота в СССР отражен в таблице, приведенной ниже.

¹ Петр Фадеевич Ломако (1904–1990).

² Старатели России. М., 2009. С. 355.

**Объемы добычи золота старателями
в СССР (1976–1990 гг.)¹**

Период	Добыча золота ста- рателями, т	Добыча золота в СССР, т	Доля добычи золота старате- лями в общем объеме добытого золота в СССР, %
1976–1980 гг.	222	1 363	16,3
1981–1985 гг.	238	1 283	18,5
1986–1990 гг.	260	1 415	18,4

Как правило, во главе артели вставляли авторитетные и яркие личности с организаторскими способностями и знанием дела. Председателями становились и профессиональные горняки, и фронтовики-орденоносцы, и бывшие зеки. Вокруг таких лидеров образовывался сплоченный костяк людей – он и составлял основу артели. Власти стремились контролировать артели, выдвинуть свою кандидатуру на пост председателя, однако окончательное утверждение проходило на общем собрании коллектива.

Артели создавались по договору с государственными предприятиями, занимающимися золотодобычей. Как правило, госпредприятия выделяли артелям отдаленные, труднодоступные или небогатые золотом месторождения, которые государству разрабатывать было накладно. Регистрация артели проходила в местном Совете депутатов. По согласованию со своим предприятием артель могла также заниматься и различного рода строительными работами. Госпредприятие устанавливало для артели минимальный план по золотодобыче, предоставляло аванс для проведения разведочных, горно-подготовительных и строительных работ, для приобретения необходимого

¹ Источник: Кочетков В. С., Лешков В. Г. Золотопромышленное производство в России. История и современность. М., 2006.

оборудования, леса, фуража и проч.¹, снабжало техникой; оно же выкупало добытое золото и производило ревизию. Хотя старатели и жаловались, что власть их «держала на коротком поводке», тем не менее возможность сбывать добытое золото государству в полном объеме и по фиксированной цене было важнейшим условием нормального развития артелей. Уже после крушения СССР, когда цены на золото стали колебаться, а государство оказалось не заинтересовано в закупке у артелей всего добытого ими золота, для последних настали тяжелые времена: средств стало не хватать на выплаты по кредитам и на зарплату рабочим. Эта ситуация заставила многих артельщиков задуматься о преимуществах централизованного управления отраслью.

В старательских артелях советского времени определялось, что валовой доход артели мог расходоваться ею только на производственные и административно-хозяйственные нужды и платежи; неделимый фонд – на строительные и ремонтные работы и транспортные расходы; запасной фонд, состоявшийся из ежемесячных двухпроцентных отчислений от той части валового дохода артели, которая распределялась между ее членами, расходовался на покрытие убытков артели.

Госбанку СССР было разрешено выдавать артелям кредиты сроком на 12 месяцев, чтобы артели могли своевременно подготовиться к промывочному сезону и начать его во всеоружии. Порядок выдачи артелям авансов горнодобывающими предприятиями определялся при этом Минцветметом. Вместе с тем горнодобывающим предприятиям разрешалось принимать на себя часть расходов артелей в их производственно-хозяйственной деятельности, но так, чтобы эти расходы не снижали рентабельность самих этих предприятий.

¹ Там же. С. 84.

По мнению легендарного создателя многих артелей **В. И. Туманова**¹, «артели были привлекательными для властей возможностью занимать освобождающихся из лагерей людей, не имеющих семьи и дома, не знающих, куда податься»². С другой стороны, самостоятельность артелей,

¹ **Туманов, Вадим Иванович** (род. 1 сентября 1927 года в городе Белая Церковь Киевской области) – легендарный создатель целого ряда старательских артелей, золотопромышленник и предприниматель, президент АО «Туманов и К^о».

Окончил школу штурманов, горный техникум в городе Магадане и курсы горных мастеров, занимался боксом, работал штурманом на судах Дальневосточного пароходства, участвовал в Великой Отечественной войне. В 1948 году его арестовали и осудили на 25 лет лагерей за антисоветскую пропаганду, а по словам самого Туманова, «за любовь к Сергею Есенину». Не смирившись с несправедливым приговором, он восемь раз пытался бежать из колымских лагерей.

В 1956 году вышел на свободу и занялся организацией старательских артелей и золотодобычей. География деятельности его артелей обширна: Колыма, Якутия, Охотское побережье, Приморский край, Сибирь, Урал. Туманов создал целый ряд старательских артелей: в 1957 году артель «Семилетка», в 1964 – «Прогресс», в 1968 – «Алдан» (в 1973 году переименована в артель «Амур», которая существует и поныне), в 1971 – «Восток», в 1976 – «Лена», в 1979–1987 годах действовала артель «Печора», наконец, в 1987 году был создан кооператив «Строитель».

Туманов был личным другом Владимира Высоцкого, который посвящал ему свои песни. В годы перестройки Туманов подвергался жестоким нападениям со стороны чиновников Министерства цветной металлургии, высших партийных органов и прессы. В 1986 году было начато уголовное дело о хищении золота в тумановской артели «Печора», вследствие чего артель была ликвидирована. Однако дело закрыли из-за отсутствия состава преступления. В 1987 году Туманов организовал в г. Петрозаводске крупный дорожно-строительный кооператив «Строитель» и стал его председателем, а в 1991 году создал на базе этого кооператива в Москве многопрофильное акционерное общество «Туманов и К^о».

Туманов – автор ряда проектов по разработке месторождений минерального сырья и драгоценных металлов, развитию холодильного и рыбоперерабатывающего производства. Вадим Иванович женат, имеет сына. В 2004 году вышла автобиографическая книга Вадима Туманова «Все потерять – и вновь начать с мечты...», где он рассказывает о годах, проведенных на Колыме, о создании крупнейших старательских артелей, о ярких и интересных людях. Туманов явился прообразом главного героя книги В. Высоцкого и Л. Мончинского «Черная свеча», а также художественного фильма «Фартовый» (2006, реж. В. Яканин).

² Туманов В. «Все потерять – и вновь начать с мечты...» М., 2004. С. 101.

альтернативная официально признанной организации труда, высокие заработки, бóльшая производительность – все это контрастировало с положением на государственных предприятиях, а потому отношение к артелям не могло не вызывать настороженности, а порой и враждебности.

С точки зрения Туманова, можно вычленить несколько основных принципов артельного дела, которые, как он считал, обеспечивали данному виду предприятий существенные конкурентные преимущества внутри советской экономики. К таким принципам Туманова относилось то, что в уставах колхозов и артелей его основные положения (коллективная собственность, самоуправление, демократическое решение всех вопросов и т.д.) существовали только на бумаге, а в старательских артелях эти положения стремились реализовать на практике. Другим важным принципом было то, что государство минимально вмешивается в дела артели. Еще один принцип, едва ли не самый главный: «Каков твой личный вклад, таков фактический заработок». И в то же время старатели осознавали солидарность, взаимную зависимость друг от друга, откуда еще один принцип: «В артели руками работали на себя, а головой – на всех»¹. «В артели – поясняет этот принцип Туманов, – любая реализованная идея, кому бы ни принадлежала, в конечном счете вела к увеличению заработка всех. Потому профессионалы, изобретатели, умницы среди старателей котируются высоко»². Безусловно, свидетельства самих артельщиков не должны восприниматься как истина в последней инстанции. Тем более что не все артели имели лидеров одинакового уровня. Даже о советских колхозах можно сказать, что при талантливом руководителе многие из них добивались значительных успехов и высокой производительности труда.

Преимущества такой формы предприятия не могли не обернуться и своей обратной стороной. «Многие, – вспоми-

¹ Там же. С. 101–103.

² Там же. С. 116.

нает Туманов, – старались скомпрометировать саму идею артельного труда: “Они же загребалы, а мы пусть хуже работаем, зато для нас важней наших собственных интересы страны!” Золотая промышленность Колымы и всего Северо-Востока находилась в особом положении. Стране требовался драгоценный металл, его не хватало для закупки нового оборудования, материалов, технологий, и властям не так было важно, кто, каким образом и на каких условиях добывает золото, только бы оно шло бесперебойно в запланированных количествах¹.

Однако дело было не в плановой экономике. В этом артельщики Туманова смогли убедиться уже в начале 90-х годов, когда их карельский кооператив «Строитель» получил подряд на ремонт столичных автодорог, в том числе крупного участка МКАД. «Мы перебазировали в столицу часть техники, – пишет об этом эпизоде своей биографии Туманов, – и начали реконструкцию 12-километрового участка МКАД. За 28 дней был выполнен объем работы, запланированный московскими дорожниками на год». Довольно скоро строительный сектор лужковской Москвы отторг тумановский кооператив, поскольку «заниженная» стоимость и великолепное качество работ, а также неготовность тумановцев идти на компромиссы с быстро нарождающейся коррумпированной системой не устраивали чиновников².

Коллективы старателей можно отнести к типу экономических производственных артелей совместного труда. Однако они также близки еще и другим двум типам: 1) экспансионистским артелям, основной целью которых является освоение новых территорий, и 2) бытовым, или общежительским, артелям, целью которых является организация и обеспечение совместного проживания. Конечно, основные цели артелей старателей лежали в экономи-

¹ Туманов В. «Все потерять – и вновь начать с мечты...» М., 2004. С. 107.

² Там же. С. 186.

ческой сфере, тем не менее для их реализации требовалось перебрасывать людей и технику на огромные расстояния в труднодоступные места, осваивать новые территории, организовывать совместное проживание порой весьма многочисленных коллективов.

В артелях применялся особый метод труда, именуемый вахтово-экспедиционным. **Вахтово-экспедиционная форма занятости** – это организация работы, применяемая при значительном отдалении производственных участков от местонахождения предприятия, организации и места жительства. Работа на таких участках осуществляется сменным персоналом, который в период пребывания на объектах проживает в специально создаваемых вахтовых поселках и через определенное время возвращается к месту нахождения предприятия, жительства¹. Авторы книги «Старатели России» (2009) приводят ряд принципов, которые отличали артели старателей от государственных предприятий:

«– простои как таковые отсутствуют, ибо всегда есть другая работа;

– никакой работой брезговать нельзя, отказ выполнять ее равносителен увольнению из артели;

– устные распоряжения председателя артели – закон для всех и для каждого;

– в артели нет выходных и праздников, здесь работают всегда, в любое время суток;

– ни один водитель не клянет дорогу, какой бы труднопроходимой она ни была;

– при поломке бульдозера или промустановки оба сменщика работают по две-три смены подряд до полного устранения поломки, столько, сколько потребуется;

– обращение по имени-отчеству отсутствует: обращаются либо по сокращенным именам, либо по прозвищам, а к специалистам – по должности;

¹ Свободный словарь терминов, понятий и определений по экономике финансам и бизнесу [бесплатный онлайн-справочник] // Интернет. Режим доступа: <http://termin.bposd.ru/publ/3-1-0-4922>

- на любом участке есть свой повар, организовано горячее питание в любое время суток;
- на любом участке обязательно есть баня;
- в артели строго соблюдается “сухой закон”, нарушивший его несет самое суровое наказание, вплоть до моментального увольнения»¹.

Яркую зарисовку производственных и бытовых особенностей старательских артелей делает В. Д. Макаров, бывший гендиректор объединения «Амурзолото»:

«...Работа старателя по 12 часов через 12 часов, оплата труда по количеству наработанных трудодней, установление коэффициентов по трудодню за качество и сложность работы, никакой агитации, что надо хорошо работать, а железный принцип: плохо работаешь – десятку в зубы на трудодень, и катись из артели. Минимум вспомогательных служб. Отлично оборудованные на каждом участке ремонтные мастерские с полным набором запасных частей, необходимых станков, сварочного и кранового оборудования.

В отличие от государственных работ, у старателей включались простой землеройной техники из-за отсутствия или даже несвоевременного завоза запасных частей. При работе старателя по 12 часов через 12 ему создавались хорошие условия для отдыха и поддержания здоровья. После смены старатель обязан был идти в баню, у него регулярно менялось постельное белье. Восхищало великолепно организованное питание: во-первых, трехразовое высококалорийное горячее питание. Один раз горячее привозили прямо на рабочее место, старатель мог, если хотел, в течение 12-часового отдыха зайти в столовую, где на столах всегда были подготовлены закуска и горячий чай. Считалось престижным, когда повар в столовую на участке приглашался очень высокой квалификации, из прославленных ресторанов Москвы, Сочи и других таких же известных городов. Труд этих поваров был таким же, мягко говоря, интенсив-

¹ Старатели России. М., 2009. С. 11.

ным, как и труд любого другого старателя: они не только готовили горячую пищу, но и пекли хлеб, стряпали сдобу. На участках в банях стояли стиральные машины, в которых старатель стирал свое белье, а стиркой постельного белья занимался комендант, или по-лагерному “шнырь”. Этот же “шнырь”, как правило, откармливал свиней на участке, что значительно удешевляло питание.

На каждом участке был врач, который совмещал свою основную работу с работой в качестве охранника при съемках золота на приборах. И так старатели работали весь сезон. Заработки были очень хорошими, и в артель было не так-то легко попасть, несмотря на высочайшую интенсивность труда. Вообще-то порядки в артели председатели вносили жесткие, в которых им судьба в свое время предназначала пробыть долгие годы...»¹

Валерий Рудаков, начальник Главного управления драгоценных металлов и алмазов при Совете министров СССР (Главалмаззолото СССР), вспоминал: «В условиях плановой экономики артельная организация производства и сама философия этого дела на сезонной добыче россыпного золота имели громадное преимущество перед госпредприятиями. В первую очередь это связано с тем, что артели не были опутаны гигантской сетью инфраструктур с затратами на содержание социальных институтов, а во-вторых, с тем, что там работали истинные трудяги. В артелях происходил естественный отбор кадров. Там быстро отсеивались ленивые, ханыги и забулдыги. Они просто не могли там существовать»².

По мнению профессора, заслуженного деятеля науки РФ, создателя и первого ректора Амурского государственного университета Б. А. Виноградова, на Дальнем Востоке советская власть объединила старательскую артель с при-

¹ Там же. С. 408.

² Годы золотые. Артели старателей «Амур» – 30 лет. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 1999. С. 64.

иском, то есть фактически с новейшей разновидностью общины. Часть прибыли артелей передавалась приискам, которые содержали местную социальную сферу. При разрушении СССР артели путем ликвидации объединений стремились освободиться от приисков, которые подавляли их свободу. Артель, с точки зрения Виноградова, по своей природе стремится избежать социальной нагрузки, ее преимущество – в легкости, способности сняться и уйти в поисках новой работы, искать оптимальное место и форму своей занятости. В этом ее отличие от «оседлой» общины.

У ветеранов советской золотодобычи накопилось по отношению к советскому типу экономики немало претензий, и в то же время переход к рыночным отношениям для большинства из них не стал избавлением. Виктор Таракановский, председатель совета Союза артелей старателей России, говорил по этому поводу: «В 1995 году страна вошла в печально знаменитый “валютный коридор”, который буквально разорил многие артели и поставил их на колени. Затем начались проблемы с авансированием, следом обрушился вал неплатежей за сданный металл»¹.

Советские старательские артели представляют собой особый, уникальный случай воспроизведения древней формы народной самоорганизации вопреки всем превратностям и колебаниям государственной политики своей эпохи. Артель обрела у старателей современные, высокотехнологичные формы, освоила целый ряд преимуществ и сильных черт индустриального уклада. По технической оснащенности и размахам своей деятельности артели 1970–1980-х годов разительно отличались от своих предшественниц. Так, в 70-е годы в распоряжении артели «Амур» было 15 промывочных приборов, 90 бульдозеров, 15 «КрАЗов» и 20 «Уралов», при этом численность работающих составляла 410–420 человек².

¹ Годы золотые. Артели старателей «Амур» – 30 лет. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 1999. С. 68.

² Там же. С. 24

Так же как большинство артелей в старой России, старательская артель во второй половине XX столетия была притягательным источником высокого дохода для рядового труженика, стремившегося вырваться из нужды. Участие в такого рода артели многими рассматривалось как большая удача. Не менее важно то, что на фоне официальной проповеди трудового братства старательские артели становились школами естественной солидарности своих членов. Улучшению быта артельщиков, вероятно, способствовала все возрастающая конкуренция между артелями за рабочую силу. «Если заработок старателей в основном не сильно различался (вспомним об уравнительном планировании), то, сравнивая условия быта и труда, сравнивая отношение руководства к рабочему человеку, рабочие шли в те артели, где все это было лучше поставлено. На их места поступали те, кто был отбракован в других артелях, менее способные или менее мотивированные к творческому, производительному труду. Все это стимулировало руководителей старательских артелей “держат марку”, равняться на лучшего»¹. Артели конкурировали не только за рабочую силу, но и за то, чтобы заполучить более выгодную сырьевую базу, опередив при этом другие артели².

Какие факторы лежали в основе сохранения и развития старательской отрасли в советское время? Во-первых, властям был выгоден труд старателей: они разрабатывали неудобные для госпредприятий месторождения, при использовании артельного труда государству не требовалось расходовать средства на создание социальной инфраструктуры. А главное, производительность труда в артелях была в среднем в два раза выше, чем на госпредприятиях. В 1981 году на предприятиях «Союззолота» числилось 175 артелей, в составе которых трудилось

¹ Афанасьев П. Ю., Трубников Н. Б. Виток золотой спирали. К истории золотодобычи на юге Российского Дальнего Востока. Благовещенск, 2008. С. 174.

² Там же. С. 174.

23 тыс. человек¹. В случае ликвидации артелей государству, для того чтобы восполнить объемы добываемого ими золота, потребовалось бы, по некоторым подсчетам, до 70 тыс. новых работников², для которых нужно было бы создавать необходимые условия работы и нормального проживания, что потребовало бы значительных расходов. Во-вторых, работа в артели старателей была в советское время одной из немногих возможностей заработать большие деньги за относительно короткий период времени, причем легально. В-третьих, в артелях были сведены к минимуму проявления бюрократизма, нерациональной организации производства, уравнилельной системы оплаты труда. В-четвертых, старателями были люди, стремившиеся к лучшей жизни: судьба многих из них была связана с военным лихолетьем, лагерями и многими лишениями. В-пятых, особую роль в развитии старательства сыграли организаторы артелей, особый тип народных лидеров.

В завершение обзора, касающегося советских старательских артелей, приведем один примечательный факт. В 2001 году службой информационного управления ЦРУ были рассекречены аналитические рапорты, свидетельствующие о том, что американские спецслужбы внимательно следили за развитием советской золотодобычи. Помимо прочего их интересовала и деятельность советских артелей старателей, на что обратила внимание в своей статье Л. В. Сапоговская. Вот фрагмент из ее работы: «Учитывая новые перспективы наращивания в СССР золотодобычи “за счет развития старательства на базе предприятий государственной системы добычи”, аналитики провели расчеты потенциала этой новой системы. В том числе на двух реальных приисках в Магаданской области (Перспективный и Сусуманский), где по одному участку было выделено на старательскую добычу, и со знанием ре-

¹ Старатели России. М., 2009. С. 102, 103.

² Там же. С. 102.

ального положения дел оценена эффективность работы, с одной стороны, артелей, с другой – “государственной системы добычи”. Результаты сравнения оказались не в пользу последней, где себестоимость добычи оказалась почти в три раза выше старательской. (...) “Главным фактором роста старательской добычи в течение 1970-х годов, – подчеркивалось в рапорте ЦРУ о деятельности “Союззолото”, – [была] поддержка со стороны Лешкова Владимира Ивановича (на самом деле – Григорьевич. – Л. С.), который являлся полномочным представителем А. Н. Косыгина по золотодобыче”. Интерес к старательству был настолько велик, что ЦРУ задались целью изучить происхождение и развитие артелей в советской промышленности¹. Подобное отношение в годы холодной войны к советским артелям со стороны спецслужб из враждебного лагеря, на наш взгляд, лишний раз доказывает практическую значимость отечественного опыта организации труда.

¹ Сапоговская Л. В. Экономика золота и золотодобывающая промышленность СССР в материалах аналитики ЦРУ США // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12 / Под ред. Л. И. Бородкина. М.: Изд-во МГУ, 2006. С. 128–129.

ЧАСТЬ V. АРТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК – АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

1. Об «артельности» и артельном человеке

Как уже отмечалось выше, среди современных культурологов, социологов, экономистов все чаще можно встретить понимание русской «артельности» как специфической черты национального характера. Наряду с общинностью и соборностью артельность рассматривают как один из важнейших культурно-психологических и социально-исторических архетипов России. Данные трактовки восходят к большой и богатой традиции исследования и осмысления феномена русской артели и кооперации, начиная с поздних славянофилов, почвенников, народников, социалистов и кооператистов разных толков. По замечанию современного автора, «анализ комплекса литературы, затрагивающей проблему русской артельности, позволяет говорить о его внутреннем единстве. Начавшись с отголосков славянофильских теорий, пройдя через разочарование в социальных реформах, через «хождение в народ», через критику со стороны марксистского и других лагерей, через три революции, эта литература тем не менее оставляет впечатление монолита»¹.

¹ Смирнов И. П. Идея об артельности русского народа в своем историческом развитии (историографический обзор) // Кооперация. Страницы истории. Вып. 7 / Отв. Ред. Н. К. Фигуровская. М., 1999. С. 67.

Апологетическое и в целом комплиментарное отношение к русской артельности характерно для многих авторов почвеннического направления, но иногда даже и для либеральных авторов, пытающихся апеллировать к артельной теме¹. В работах О. А. Платонова, Е. С. Троицкого, И. П. Смирнова, С. Г. Кирдиной, несмотря на все различия в методологии и идеологии этих исследователей, получает подтверждение тот идейный пафос ценителей и защитников артельности, который был характерен для русских социалистов и неонародников в начале XX века. В работах многих других современных ученых эта же линия проводится в более мягком выражении, как стремление учитывать опыт артельных форм социальной организации. Высшим воплощением и наиболее развернутым выражением идеи «артельности» являются работы Е. Д. Максимова-Слобожанина, сделавшего ее главным тезисом своей философии и социальной программы.

Есть сегодня и критики идеи «артельности» как черты русского менталитета. Так, например, Н. П. Дроздова посвятила целое исследование тому, чтобы развенчать «декларативные утверждения» об артельности русского человека. По мнению Дроздовой, «соборность, коллективизм, артельность, общинность и другие провозглашаемые ценности российского человека на поверку могут оказаться не более чем мифологемами, фальсифицирующими социальную действительность и ведущими к коллективному аутизму и формированию очередных идеологических иллюзий»². Чтобы обосновать этот полемический вывод, Дроздова прибегает к лингвистическим аргументам: «Этимологический анализ показывает, что сами слова “артель-

¹ В качестве примера см.: Ясин Е. 2003. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4. С. 4–36.

² Дроздова Н. П. Российская «артельность» – мифологема или реальность? (Артельные формы хозяйства в России в XIX – начале XX в.: историко-институциональный анализ). Научные доклады № 44(R)–2006. СПб.: НИИ менеджмента СПбГУ, 2006. С. 23.

ность” и “общинность” не использовались ни в дореволюционной отечественной литературе по данной проблематике, ни в обыденном разговорном языке»¹. Дроздова утверждает, что, поскольку с помощью суффикса *-ость* широко образуются научные термины, современный неологизм «артельность», семантически соотносясь с прилагательным «артельный», приобретает обобщающий абстрактный характер и, по сути, представляет собой попытку сконструировать термин для обозначения специального понятия: «Отсутствие вплоть до последнего времени в русском языке слова “артельность” свидетельствует о том, что потребность выразить и закрепить в языковой форме те особые качества русского характера, которые современными авторами вкладываются в это понятие, не возникала, хотя в самом языке для этого были все возможности. Вряд ли это случайно»².

Данные выпады направлены, по сути, против идеологии «кооператизма-артельности» и современных авторов, усвоивших логику Максимова-Слобожанина и его сторонников. Е. Д. Максимов в своих лекциях заострял внимание именно на принципе артельности **как универсальном**: «Артельность не выдумана, не искусственное движение, созданное в каких-либо групповых интересах, а общечеловеческое стихийное явление, творчество всего народа, во всей совокупности его сил, истинная социальная система, всесторонне охватывающая как жизнь человеческой личности, так и всего человеческого общества»³.

Термин «артельность» действительно не встречался в народной речи и крайне редко встречался в литературе до

¹ Дроздова Н. П. Российская «артельность» – мифологема или реальность? (Артельные формы хозяйства в России в XIX – начале XX в.: историко-институциональный анализ). Научные доклады № 44(R)–2006. СПб.: НИИ менеджмента СПбГУ, 2006. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Максимов Е. Д. (Слобожанин М.). Историческое развитие идей артельного движения. Из лекций, читанных в Петроградском кооперативном институте. Изд. 2-е. Боровичи, 1919. С. 39.

зарождения движения «кооператизма-артельности». Безусловно, этот факт не является сколько-нибудь весомым аргументом против самой идеи «артельности» или против ее аутентичности. Ведь стоящее за этим термином содержание фиксировалось в русском языке постоянно и отчетливо. У теоретиков кооперации и артели функцию этого термина выполняло словосочетание «артельное начало» – в XIX веке наша общественная мысль вообще неохотно брала на вооружение неологизмы. Термин «артельное начало» (в единственном числе слова «начало») встречается у большинства видных исследователей этой темы, начиная с самых первых из них (Калачова, Дитяткина, Исаева, Щербины). Что же касается живого языка, смысл и содержание термина «артельность», вне всякого сомнения, жил в народном сознании и выражался посредством такого распространенного понятия, как **«артельный человек»** (варианты – «артельный мужик», «артельный парень» и т.д.) Выражение «артельный парень» донесено народной разговорной речью до наших дней.

Понятие «артельный человек», в первую очередь, означало такое важнейшее свойство участника артели (и требование к нему), как **психическая совместимость** с другими артельщиками. Выражение «неартельный человек», соответственно, выражало противоположное значение: в широком смысле слова – неуживчивый, необщительный, неприятный в общем деле и времяпрепровождении; в узком смысле – человек, артелью забракованный, не годный быть участником солидарного совместного предприятия. Понятия «артельный человек», «артельные люди» имели самое широкое хождение в народной речи, чему есть немало свидетельств.

Во введении и в основных частях своей работы мы уже приводили данные об огромном нравственном и воспитательном значении артели как своего рода народной школы жизни, школы, в которой **воспитывался правиль-**

ный национальный характер. Современный исследователь А. А. Мазаев видит объяснение этому свойству артели в том, что артельные черты характера, душевные качества формируются у артельщиков главным образом в соответствии с их установкой на справедливость: все они связаны с тем, что «заработок делился по трудовому вкладу каждого в конечный продукт». При этом «в артели не только создавался продукт, оказывались услуги, но и происходило становление и совершенствование человеческой личности самой по себе и как члена общества»¹.

Мы уже приводили примеры того, какого высокого накала достигала в среде идеалистов-народников мысль о моральном очищении и совершенствовании человека и духовном братстве, демонстрируемом многими народными артелями. Напомним одно из процитированных во «Введении» артельных правил Н. В. Левитского: «Отвыкать от злобы друг к другу, учиться братской жизни, взаимному уважению и любви». В целом объективный и не идеалистически настроенный исследователь А. А. Исаев, указывающий на недостатки артели как таковой и на случаи неудачных артелей, пишет по этому поводу: «Мы далеки от того, чтобы признавать за каждой артелью способность благотворно влиять на членов» – и тут же добавляет: «Везде же, где устанавливается продолжительное и прочное общение, где члены не только работают вместе, но и живут, где каждый находится на глазах у других, – там везде артель способствует нравственному улучшению участников»².

Предшественником идеологии «артельности» Слобожанина явился А. Н. Энгельгардт, один из самых последовательных певцов русской артели, при этом глубокий реалист, знаток аграрного хозяйства и народной жизни, а не кабинетный теоретик. У Энгельгардта мы встречаем

¹ Мазаев А. А. Артель как общинное явление // Российская государственность и местное самоуправление. М., 2001. С. 169, 172.

² Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 269.

целую философию «артельного человека» и, как синоним этого понятия, «союзного человека». Ссылаясь на мужиков, Энгельгардт приводит народное определение «артельных людей» – как **«людей более гуманных, способных сдерживать свои эгоистические инстинкты, уступать другим, уступать общему духу, общим потребностям, общему благу»**¹. По Энгельгардту, в эту категорию людей попадают преимущественно мужчины, как более свободные, развитые, более видевшие свет и проникшиеся артельным духом. Женщины, как правило, более склонны к частнособственническому и индивидуалистическому выбору, к разделу больших родовых семей и деревенских общин на мелкие хозяйства, в социальном плане более «жестоки» к чужим людям, менее уживчивы.

В своих «Письмах из деревни» Энгельгардт развивает целое учение о бедном, но независимом, полном собственного достоинства земледельце, которому противопоставляется батрак (лакей, служащий), подлаживающийся под начальство и «мерсикающий ножкой». С точки зрения крестьянина-общинника, крестьянина-артельщика, батраки – пропадающие люди, хоть бы они и разбогатели в услужении у господ. Но даже если единицы и разбогатели, отмечает Энгельгардт, большинство ушедших с земли погибает в батраках и поденщиках². Антиподом батрака является как раз артельный человек. Это своего рода «всечеловек», **не единоличник, не индивидуалист, а идеалист, поэт**. Артельные, союзные люди, по Энгельгардту, означает **дружные, солидарные люди**. Артельные, союзные деревни – это дружные деревни³. Даже среди деревенских богачей иногда встречаются артельные люди, хотя, как правило, дело обстоит с точностью до наоборот: мироеда за глаза ненавидят, кланут и в то же время ему кланяются в нужде, ему все

¹ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 305.

² Там же. С. 318.

³ Там же. С. 344.

должны: «Сам он знает, что его ненавидят, сам устроится посреди деревни, втесняясь между другими, потому что боится, как бы не спалили, если выстроится на краю деревни. Но не скажу – грех огульно во всех бросать камень, – бывают и “богачи” артельные, союзные, мирские люди, миру радители. Деревню, где есть такой “богач”, ни помещик не затеснит, ни купец, ни кулак-кабатчик какой-нибудь. Такие деревни быстро поправляются, богатеют, и нужно сказать, что соседнему владельцу, если он понимает хозяйское дело, ведет настоящее хозяйство и не слишком барин, такие деревни гораздо сподручнее»¹.

Из большого числа работ об артелях, проанализированных в нашем труде, можно без особого труда вычленить эту философию «артельности», союзного солидарного мироустройства, испытанного на прочность в ходе развития русского капитализма. Главным продуктом и носителем этой философии был артельный человек, представлявший собой тип широко распространенный и в то же время далеко не единственный. Настоящих, сильных артельных людей, способных к сопротивлению внешним влияниям, отстаиванию братских интересов своей артели, своей деревни, своего «мира», было не так уж и много. Но они занимали ключевые позиции в старом крестьянском укладе, на них держались и общины, и артели, их авторитет в народе был непререкаем. Сломить силу этого авторитета удалось лишь советской власти, которая целенаправленно поставила эту задачу и решила ее. Те из сильных артельных и общинных людей, кто уцелел в Первой мировой и гражданской войнах, были в значительной своей части репрессированы в ходе раскулачивания. Какая-то их часть сохранилась в артелях промкооперации, кто-то успел переселиться в город. Но последние были вынуждены приспособливаться к новому укладу. Тем не менее мы убеждены, что на генетическом уровне

¹ Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М., 2010. С. 335.

архетип сильного артельного человека, архетип русской артельности – неистребим.

2. Артель и кооперация: борьба за общественный идеал

Идея об органическом перерастании русского крестьянского мира в основание новой, более совершенной общественно-экономической формации, в основание более высокого типа цивилизации восходит ко многим выдающимся мыслителям России. Эту идею можно увидеть уже в «Русской правде» Пестеля, и, конечно же, в работах, посвященных общине, у первых славянофилов и западников. Так, А. С. Хомяков видел в общине не только прочную опору настоящего порядка, но и принцип построения будущей русской цивилизации. Он писал о создании «промышленных общин», которые должны будут стать развитием общины земледельческой¹. Именно славянофилы убедили немецкого исследователя А. Гакстгаузена в полезности и прогрессивности русской общины по сравнению с разложившимися традиционными формами на Западе. Эти мысли от Гакстгаузена почерпнули в Германии К. Маркс, а в России А. И. Герцен, который сделал апологию общины как «монады, клетки огромной ткани, именуемой Россией», основой собственного учения – «общинного социализма». Своего рода сакрализацию русского мира встречаем у одного из самых тонких мыслителей своего времени К. Д. Кавелина, писавшего об общине как о «драгоценном залоге правильной социальной организации», которым нужно дорожить как зеницей ока, изучать его и не стремиться преобразовать до тех пор, пока не вникнешь в его «сокровенный смысл»².

¹ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М., 1914. Т. 3. С. 467.

² Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 123.

В контексте великого русского спора об общине¹, который длился не одно десятилетие, зародился и диалог русских исследователей по поводу артельного начала. Политически заостренная программа революционных демократов и революционных народников была в значительной мере развитием программы Герцена, который провозгласил артель и сельскую общину, распределение земли и продуктов производства, общинный сход и объединение деревень в самоуправляемые округа фундаментом для «будущего режима национальной свободы»². Эту политическую линию на провозглашение артели и общины базисом прогресса продолжили и развили Чернышевский, затем Бакунин, Кропоткин, революционные народники, эсеры.

Другая линия осмысления, связанная с народниками-эволюционистами, дала ряд блестящих имен в антологии изучения русской артели, включая В. П. Воронцова, А. Н. Энгельгардта, Е. Д. Максимова-Слобожанина, ряда теоретиков кооперации начала XX века. Для этой линии важной была мысль о том, что интеллигенция должна многому научиться у народа, что в крестьянском мире **сбережен** ценнейший антропологический тип, необходимый для будущего социализма. Ведущий теоретик, стоявший у истоков этого направления, Н. К. Михайловский видел в современном ему крестьянском укладе не только высокое воплощение органического сотрудничества, человеческой солидарности, но и защиту типа личности высокого образца. По его выражению, защитники общины хотя и стояли, казалось бы, «на почве стеснения личной свободы, стоя-

¹ См.: Качоровский К. Р. Русская община. СПб., 1900; Вениаминов П. Крестьянская община: Что же она такое, к чему идет и что может дать России? СПб., 1908; Emmonce T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968; Сухов А. Д. Столетняя дискуссия: Западничество и самобытность в русской философии. М., 1998; Русская община / Сост. О. А. Платонов. М., 2013.

² Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1965. Т. 20. С. 515.

ли, в сущности, за личность, и стояли твердо»¹. Народники выступили с жесточайшей оппозицией по отношению к развивающемуся капитализму как разрушителю русской человечности и социальности. А. Н.Энгельгардт с тревогой говорил о том, что «открытое, честное, полное собственного достоинства лицо» патриархального крестьянина находится под угрозой разорения и обатрачивания. В. П. Воронцов огласил требование преобразовать капиталистическое производство в государственное и артельное, протягивая прямую нить от исконных народных устоев к построению высокоразвитой цивилизации².

Один из основоположников научного руссиеведения великий русский химик Д. И. Менделеев, не относившийся к народникам, оценивал русский традиционный уклад с позиций необходимости промышленного развития. Он писал: «Общинное крестьянское земледелие, господствующее в России, включает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение, так как общинники могут, при известных условиях, вести крупное хозяйство, допускающее множество улучшений (...) Считаю весьма важным сохранение крестьянской общины, которая со временем, когда образование и накопление капиталов придут, может тем же общинным началом воспользоваться для устройства (особенно для зимнего периода) своих заводов и фабрик. Вообще в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения, исходя из исторически крепкого

¹ Михайловский Н. К. Сочинения. СПб., 1896–1900. Т. 4. С. 452.

² В. В. [В. П.Воронцов] 1882. Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 68.

общинного начала, чем идя от развитого индивидуализма к началу общественному»¹. Менделеев не только теоретически, но и практически высказывался в пользу передачи предприятий в руки рабочих коллективов, объединенных в артель. «По мнению Д. И. Менделеева, побывавшего в конце XIX века на Уральских металлургических заводах, — пишет современный исследователь О. А. Платонов, — многие из них могли бы быть переданы артельно-кооперативному хозяйству»².

Новый виток полемики вокруг крестьянских форм самоорганизации был связан с развитием в России марксизма. Марксисты выступили с резкой критикой народничества, указывая на неизбежность разложения старого крестьянского уклада. При этом они долгое время утаивали те оценки самого Маркса, которые тот сделал в последние годы жизни, опираясь на собственное прочтение уже разгоревшегося тогда русского спора об общине. В «Письме в редакцию “Отечественных записок”» он акцентировал внимание на том, что специально изучил русский язык и большое количество материалов, и в результате пришел к выводу, что продолжение движения по пути разложения общины и установления капиталистических порядков означает для русских не что иное как упустить «наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу»³. В своем «Письме Вере Засулич» он признавал, что знакомство с русской литературой и периодикой заставило его развить и уточнить свой подход к общине: «На Западе дело идет о превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, превратить их общую собственность в частную собственность. Анализ, представленный в “Капитале”, не

¹ Менделеев Д. И. Собрание сочинений. М., 1952. Т. 20. С. 326.

² Платонов О. А. Предисловие // Русская артель. М., 2013. С. 19.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 19. С. 120.

дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того, чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы, прежде всего, устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹. В набросках к этому письму, сохранившихся в рукописи, Маркс утверждает мысль, прямо противоположную Плеханову и Ленину: «Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. (...) Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя»². Вопрос, в понимании Маркса, стоял уже не о том, чтобы пройти путем Западной Европы – разложения традиционного хозяйства, – но о том, чтобы поставить сельскую общину в «нормальные условия развития», направить всю мощь государства на ее поддержку. Капиталистическая аренда на английский лад противна сельскохозяйственным условиям России, полагает Маркс, а происходящее после 1861 года разрушение русской общины является не следствием неумолимых законов истории, а злой волей правящих классов. В отношении русской артели Маркс отмечал: «Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к артельным отношениям облегчает ему переход к хозяйству коллективному, и, наконец, русское общество,

¹ Там же. С. 250–251.

² Там же. С. 410.

так долго жившее за его счет, обязано предоставить ему необходимые авансы для такого перехода»¹.

Фактически, говоря о русском аграрном вопросе, в лице Маркса мы видим скорее сторонника революционных народников, нежели русских марксистов. Многие европейцы на разные лады повторяли и развивали эту мысль. Так, в работе Г. П. Сазонова цитировался французский ученый Крепу, который писал: «Нет страны в Европе, более чем Россия подготовленной к кооперативному земледелию. Русские должны этим воспользоваться. Рабочий вопрос грозным громом пронесется над Европой, но гроза не заденет России. В ее земле, общине и артели ее великий громоотвод». На этот эпиграф к работе Сазонова ссылается и Плеханов в своем «Бернском реферате»². Но ему видится в такого рода возможностях не надежда для России, а угроза делу пролетарской революции.

Н. О. Осипов, видевший в русской народной артели не пережиток старины, а передовой по меркам даже Западной Европы опыт сочетания высокоразвитого индивидуализма с христианской нравственностью, отвечал марксистам на их критику народнического идеала: «Как только видят, что та же община или артель отлично уживается с экономическим индивидуализмом и что обе формы общего владения орудиями производства и совместного труда вовсе не имеют в виду всеобщего благополучия, в особенности независимо от индивидуальных свойств членов, — и община, и артель объявляются “низшими ступенями высшего типа развития”»³. Осипов видел в народных устоях и в крестьянской личности более высокий нравственный смысл, чем в новейших проповедниках социалистической «любви к ближнему».

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 19. С. 405.

² Группа «Освобождение труда». Сб. 3. М.—Л., 1925. С. 14.

³ Осипов Н. О. Пособие для устройства промышленных артелей. СПб., 1897. С. 21.

В первой части работы мы уже затрагивали вопрос о соотношении русской артели и западной кооперации. В конце XIX века этот вопрос приобрел особую остроту, поскольку бурное развитие капитализма, процессы разложения общины и деградации артели, которые бросались в глаза, ставили под сомнение народнический идеал перехода к развитой цивилизации на основе традиционного уклада (подчеркнем, эта идея не могла быть приватизирована народниками, поскольку была созвучна мыслителям других направлений, таким как А. С. Хомяков, К. Н. Леонтьев, В. Н. Лешков, А. И. Васильчиков, А. Г. Щербатов, Д. И. Менделеев и мн. др.). К. Р. Качоровский прямо выделяет два основных направления апологии крестьянского мира: идущее от Герцена и Чернышевского «прогрессивное» и, с другой стороны, «консервативное»; при этом, говорит он, «разные теоретические схемы и партийные программы преломлялись по отношению к этому вопросу в высшей степени разнообразно и своеобразно»¹.

Российские теоретики кооперации по отношению к народной низовой артели разделились на два главных направления: одно из этих направлений отстаивало верность западной теории и старалось применить ее к русской действительности, другое стремилось максимально учесть русский опыт и на основе уникальных черт и достоинств отечественного уклада предложить самобытный путь развития кооперативного хозяйства.

Здесь необходимо сделать краткий экскурс в западную теорию производственной кооперации². Вопрос

¹ Цит. по: Русская община / Сост. О. А. Платонов. М., 2013. С. 979.

² В академической науке кооперация рассматривается как древний принцип взаимодействия и понимается в трех значениях: как этическая норма, социальный процесс или институциональная структура. Согласно Р. Нисбету, «к кооперации обращаются все основные религии и системы моральных ценностей мира. Она является краеугольным камнем индуизма и конфуцианства и занимает сакральное место даже в такой индивидуалистической религии, как христианство». В такой трактовке артель может быть отнесена к типу так называемой **традиционной кооперации**. К ключевым фигурам

о путях ее развития начал будоражить умы еще в середине XIX века. В шестидесятых годах этого столетия выдающийся кооперативный теоретик и практик **Герман Шульце-Делич** выдвинул теорию естественного развития кооперации от простых ее форм к более сложным. Исходя из этих представлений, первоначально должны организовываться и развиваться кредитные и потребительские кооперативы, что дает возможность членам данных товариществ накопить необходимые средства. Это, в свою очередь, позволяет перейти ко второму этапу кооперативного строительства, который заключается в основании сырьевых и магазинных товариществ, специализирующихся на закупке и сбыте. Наконец, накапливая средства и опыт, участники кооперативного движения могут переходить к созданию высшей формы кооперации – производительной, которая завершает строительство кооперативной системы и устраняет потребность в других формах кооперации. При таком подходе преждевременная организация артелей крайне вредна, для успеха дела требуется длительная эволюция кооперативного движения от простых форм к более сложным, необходимо воспитание людей в кооперативном духе. Именно поэтому Шульце-Делич выступал против насаждения артелей «сверху» и поддержки их извне, ибо это неизбежно приведет к распространению слабых и нежизнеспособных сообществ.

в мировой мысли, выведшим осмысление кооперации на новый уровень, Нисбет относит Йоханнеса Альтузиуса (1557–1638) с его философией примата дружелюбия и сотрудничества, Эмиля Дюркгейма с его теорией «механической солидарности» архаических обществ и Петра Кропоткина. Последний в своей работе «Взаимопомощь как фактор эволюции» (1890–1896) представил всестороннее философское обоснование принципов кооперации, при этом он проанализировал факты альтруизма и солидарности не только в человеческом обществе, но и в животном мире. Из более поздних авторов Маргарет Мид в ее труде «Кооперация и конкуренция среди примитивных народов» (1937) показала то, что могло быть сделано среди дописьменных народов, но было осуществлено единицами (Nisbet, Robert A. Cooperation // International Encyclopedia of the Social Sciences, ed. David L. Sills (New York, 1968) vol. 3, p. 384–390).

Иное мнение было у основателя немецкой социал-демократии **Фердинанда Лассалья**. Он прежде всего исходил из приоритета интересов рабочих. Последним, считал Лассаль, кооперация кредитная и сбытовая, рассчитанная в основном на мелких производителей, ничего не дает. Потребительская кооперация в том случае, если она охватит значительные массы рабочих, не принесет им серьезных выгод, ибо капиталисты неизбежно понизят заработную плату. Поэтому данные формы кооперации не могут эволюционно привести рабочих к созданию производственных ассоциаций, ведь они либо оказываются для пролетариев бесполезными, и те не принимают участия в подобных обществах, либо, как потребительская кооперация, невыгодны. Выход – в немедленном создании производственных ассоциаций при государственной поддержке, так как рабочие не имеют средств для организации ассоциаций за собственный счет. Однако чтобы государство оказало поддержку рабочим, последние должны были получить в свои руки рычаги воздействия на правительство, – для этого, по мысли Лассалья, им нужно было добиться всеобщего избирательного права.

Отзвуки спора зарубежных теоретиков о путях развития кооперации можно обнаружить в работах отечественных авторов. Так, например, В. Н. Зельгейм повторял мысли Шульце-Делича. В исследовании, посвященном кооперации сельского хозяйства, бывший министр земледелия Временного правительства, эсер Семен Леонтьевич Маслов, также стоял на позициях Шульце-Делича, считая, что «кредитная кооперация, сбытовая, а затем закупочная являются необходимыми предпосылками для развития производственной кооперации в собственном смысле»¹. В. Ф. Тотомианц считал русскую кооперацию «почти всецело результатом западноевропейских

¹ Маслов С. Л. Кооперация в крестьянском хозяйстве. Лейпциг, 1922. С. 140.

влияний»¹. При этом издавна существовавшие в России артели этот исследователь считал примитивной формой кооперации. Лишь в одном из современных исследователю государств, а именно в Италии, существовали, по его мнению, подобные русской артели организации – итальянские трудовые кооперативы².

Среди отечественных авторов были и взгляды, близкие позиции Лассалья. Так, К. А. Пажитнов был убежден в том, что для создания производительных товариществ эволюция кооперативных форм не является необходимой, потому как рабочие создают их и без предварительного опыта участия в более «простых» кооперативах, а в хозяйственной практике крестьян и ремесленников никакой подобной эволюции отыскать невозможно³. Социалист-революционер Сергей Семенович Маслов на страницах книги о трудовых земледельческих артелях оставил такие размышления: «Может быть, за границей, где частная собственность на землю крепче срослась с основными понятиями и настроениями крестьян, где индивидуализм глубже и разветвленней в крестьянской душе, – может быть,

¹ Тотомианц В. Кооперация в России. Прага, 1922. С. 9. Говоря о растущем в русском образованном обществе увлечении кооперацией в начале XX века, действительно прослеживается существенное подражание опыту западной кооперации. Влияние идей Шульце-Делича оказало решающее воздействие на **братьев Лугининых**, основавших первое ссудо-сберегательное товарищество. **Н. П. Баллин**, инициатор общества потребителей, кооперативной столовой и производительного кооператива портных в Харькове, находился под влиянием английского кооперативного опыта. **Н. Г. Чернышевский** был последователем Фурье. В основу устава Московского народного банка был положен устав итальянских народных банков, вдохновителем которых был Луиджи Луццатти, и т.д. При этом Московский народный банк, имевший в 1917 году отделения во всех более или менее крупных городах России, сделался величайшим кооперативным банком в мире. Столь же масштабными были Союз сибирских маслодельных артелей и Московский, или Центральный, союз потребительных кооперативов. Что касается кредитной кооперации, Россия превзошла свою первую наставницу в этом отношении – Германию – и еще до войны заняла первое место в мире (См.: Тотомианц В. Там же. С. 23).

² Там же. С. 17.

³ Пажитнов К. А. Основы кооператизма. Пг., 1917. С. 62.

там широкое развитие земледельческих артелей и в самом деле невозможно без предварительного развития и долгого существования кооперативов по сбыту, закупке, переработке, кредитов и т.д., но мы имеем в виду Россию, где артель и община близки душе крестьянина. А это многое значит»¹. Таким образом, русская общинность должна была заменить процесс длительного кооперативного воспитания масс, предлагаемый Шульце-Деличем.

Как видим, и у кооператоров-западников произошло своеобразное разделение по отношению к значению и будущности русской общины и артели. Вообще в отечественной общественной мысли мы наблюдаем по отношению к народным формам самоорганизации **удивительное взаимопроникновение** различных идейных направлений.

Важно понимать, что для многих из русских мыслителей и теоретиков большое значение имел уже сам факт исторической склонности народа к тем или иным формам социальной жизни. У части народников этот факт приобретал значение установочного, поскольку, как известно, они руководствовались не только принципом просвещения народа, но и стремлением научиться от него жизненной мудрости. В народной склонности к общине и артели видели своеобразный мост между позавчера и послезавтра. Имея в виду артель, А. А. Исаев так выразил свое видение этого дела: «Верный заветным преданиям, наш народ помимо всякого участия образованного слоя в десятках и десятках промыслов избирает ту форму труда, в которой лучше всего охраняются самые ценные права человека. Одно слово, один взгляд, один намек – и тысячи наших сограждан соединяются в артели»².

С другой стороны, сторонники «прогрессивного» направления верили в то, что народ необходимо освободить

¹ Маслов С. С. Трудовые земледельческие артели, их значение, история, их организация и устав. Ярославль, 1918. С. 37.

² Там же. С. 335.

от сковывающей его инициативу опеки и подавляющего его государства. Верили, что, освободившись от «паразитизма» старого строя, народ самостоятельно поднимет эти формы самоорганизации до уровня высокоразвитых.

Скепсис по отношению к артели, как правило, высказывали те из идеологов кооперации, которые считали нереалистичным или бессмысленным ставить вопрос о сохранении традиционного уклада, не желали рассматривать какие-либо его конкурентные преимущества как основу для будущего развития. Такие идеологи призывали отказаться от защиты русского мира и народной артели и взять на вооружение западный опыт кооперации, социальной эволюции либо классовой борьбы. С. Н. Прокопович, не соглашаясь с Ф. А. Щербиной, считавшим артели «зататками лучшего экономического строя и общественных отношений», утверждал, что в противостоянии артели и капитализма последний ведет победное наступление. Роль кооперативного движения видится Прокоповичу скорее как вспомогательная по отношению к борьбе политической, которая занимает первенствующее значение: «Кооперативный путь – не глухая тропинка, уводящая нас в сторону от широкой дороги общественного движения и борьбы, а одна из колеи этой дороги, – правда, не такая глубокая, как политическая колея, но идущая рядом с нею и ведущая к той же конечной цели»¹. Современник Прокоповича А. А. Николаев в полемике с ним указывал на то, что демаркационную линию между артелью и кооперацией западноевропейского образца тот проводит с помощью разницы в «экономической психике» хозяйствующих лиц, якобы совершенно различной на трех стадиях развития экономических отношений: натурального хозяйства, менового докапиталистического хозяйства и хозяйства капиталистического. Николаев считает такое деление

¹ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913. С. 449.

искусственным, потому что артель нельзя причислить к какой-либо одной экономической формации, она встречается в промыслах на разных стадиях развития экономики и в различной степени капитализированных¹.

Скептическое отношение к артели среди теоретиков кооперации всегда было связано с отстаиванием «правильной» кооперативной иерархии, в которой, по меркам Запада, на вершине эволюции стояли кредитные и потребительские ассоциации. Так, В. А. Поссе видит выход из социально-исторического тупика как в Европе, так и в России, в развитии в первую очередь потребительской кооперации. Определяя артель (производственное товарищество) как союз производителей продукта, потребляемого вне данного общества, он утверждал, что артели «развиваются чрезвычайно слабо, а гибнут чрезвычайно быстро». Артель ищет сбыта, зависит от колебания цен и кризисов, тогда как потребкооперация сама есть организованный сбыт². Причина неудач производительных товариществ в самой их природе: «Производительным артелям необходимо искать покупателей для производимого ими продукта, прибегать к дорогому посредничеству, выдерживать конкуренцию с капиталистами-предпринимателями, выпускающими на рынок тот же продукт. Торгово-промышленные кризисы для артельщиков гораздо опаснее, чем для капиталистов. Хозяева-рабочие живут на выручку от продажи производимых ими продуктов и в случае приостановки их сбыта вынуждены немедленно ликвидировать предприятие и искать другого заработка, чтобы не умереть с голоду»³.

¹ Николаев А. А. Теория и практика кооперативного движения. Изд. 2-е, переработанное и дополненное автором. Т. 1: Вып. I. Классификация и определение кооперации. Пг., 1919. С. 64.

² Поссе В. А. Идеалы кооперации. СПб., 1908. С. 13.

³ Поссе В. А. Основы кооперативного движения. 2-е дополненное издание. Пг., 1918. С. 72.

Исследователь различных кооперативных практик Б. Д. Бруцкус, находясь в эмиграции, отмечал в своей работе 1937 года: «Кооператив есть коллективное предприятие, целью коего является наиболее совершенное и дешевое удовлетворение в рамках менового хозяйства индивидуальных потребностей его членов». Удовлетворение индивидуальных потребностей населения, которое в капиталистическом предприятии является лишь средством для получения прибыли, превращается в кооперативном предприятии в самоцель¹. Бруцкус, который учитывает уже и опыт коллективистских форм советской экономики, подчеркивает при этом важную, с нашей точки зрения, мысль: «Коллективизм, безгранично расширяя функции государства, отрицает хозяйственную свободу, в то время как кооператизм стоит на основе хозяйственной свободы, и это сближает его с капитализмом. (...) Так как и капитализм, и кооператизм основываются на принципе хозяйственной свободы, то их сосуществование возможно. Кооперативные предприятия способны внедряться в капиталистический строй, причем между кооперативными и капиталистическими предприятиями могут установиться равновесие сил и разделение труда. Напротив, кооперация несовместима с коллективизмом, ибо последний естественно превращает кооперацию в орудие выполнения единого хозяйственного плана, то есть в государственное предприятие. Это подтверждается историей кооперации в советской России»². Бруцкус всячески акцентировал, что накопление прибыли не является мерилom успешности потребительского кооператива, который может продавать своим участникам товары по предельно низким ценам. «Между покупателями нет конкуренции, а имеется полная солидарность интересов: чем больше оборот потребительского общества, тем дешевле оно может

¹ Бруцкус Б. К теории кооперации // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 126.

² Там же. С. 126–127.

снабжать товарами своих членов. Это объясняет нам быстрое распространение кооперативов покупателей (потребительских обществ, кредитных касс)»¹.

«Правильное», по западным образцам, развитие кооперации, исповедниками чего выступали многие представители кооперативного движения в России накануне 1917 года, предлагало иной, чем у большинства народников, кооперативистов-артельщиков и тем более консерваторов, путь развития. Этот путь виделся им во вхождении России в общеевропейскую цивилизацию на правах младшего партнера. В значительной степени этот пафос был повторен «демократами» в России в начале 90-х годов. Знаменательно, что и тогда эта идея пришла в паре с призывами к возрождению народной кооперации.

Один из авторитетов французского кооперативного движения Шарль Жид (1847–1932) провозгласил лозунг: «Потребитель – король экономического строя». Он рассматривал потребительские кооперативы как ответ в борьбе с торговыми монополистами. При этом кооперативное начало в его понимании воспитывает альтернативную породу избранных людей – тех, кто исполнен альтруизма и готов служить другим². Несмотря на такой альтруистический флер «кооперативного социализма», сегодня мы с большой степенью уверенности можем сказать, что эта идеология была предшественницей современной идеологии **«общества потребления»**³, выращивания класса «консьюмеров»,

¹ Там же. С. 129, 130.

² Жид Ш. Конкуренция и кооперация. М., 1913.

³ Неслучайно это совпадение: термины «общество потребителей» как форма кооператива и «общество потребления» (Э. Фромм, Ж. Бодрийяр и др.) как новый тип и идеология потребительства – практически идентичны. Вопреки прогнозам многих теоретиков кооперации, это направление привело не к выработке нового социализма или кооператизма, а к слиянию с капитализмом, созданию цивилизации «консьюмеризма» с диктатурой брэндов, культурой мегамаркетов, торгово-развлекательных центров, одержимостью шопингом. Забавная параллель: о превращении магазинов, райпо в центры культуры и досуга много написано и идеологами социалистической кооперации.

«консьюмериата». Суть данного превращения – идея объединения потребителей и овладения их ожиданиями и покупательской активностью привлекала крупный капитал, который успешно решил задачу подчинения этой идеи своим интересам. При этом монополисты не пострадали, а только выиграли. Прав оказался Л. Н. Литошенко, писавший, что «в кооперации живут разрушительные для социализма силы – господство личного интереса и любовь к собственности»¹.

Этот последовательно западнический, альтернативный как «самобытным», так и марксистским идеологиям вектор в российском обществе в качестве ключевого звена предлагал рост общественной солидарности на основе взаимной выгоды и дешевизны потребления как основы перехода к новому уровню цивилизации. В этом направлении главной руководящей силой выступало русское масонство. Неспособность Временного правительства удержать власть и обеспечить условия для выгодного им хода выборов в Учредительное собрание поставила тогда крест на больших надеждах, питаемых этим влиятельным и достаточно мощным крылом кооперативного движения.

3. На пороге новой цивилизации

Высшей точкой развития западнического кооператизма в России можно считать теорию М. П. Туган-Барановского, представившего наиболее развернутую критику народных артелей и противопоставившего им близкую марксизму концепцию социалистической кооперации. Мы отчасти уже касались этого в 3-й части, когда исследовали вопрос о наемных работниках в артелях.

В значительной степени Туган-Барановский предопределил часть положений кооперативной политики

¹ Литошенко Л. Н. Кооперация, социализм и капитализм // Вопросы экономики. 1995. № 10. С. 136.

большевиков после ленинского «поворота лицом» к кооперации. Туган-Барановский подвергает жесткой критике производительные артели как нежизнеспособные образования, не справляющиеся с торговой функцией, недисциплинированные, плохо ориентирующиеся на рынке. Именно Туган-Барановский всесторонне развил тезис о плохих адаптивных свойствах артели, которым трудно расширять и сокращать производство, реагируя на рыночные колебания. Артель ликвидируется в первую очередь вследствие ее неспособности выдержать конкуренцию с капиталистическими предприятиями – это «первая и самая обычная судьба производительных артелей»¹. С другой стороны, артель может легко переродиться в капиталистическое предприятие на паях, при этом в ней сосуществуют два класса – наемных работников и пайщиков, причем последние постепенно перестают работать сами. Туган-Барановский пришел к выводу, что долговечные и доказавшие жизнеспособность трудовые артели – это, как правило, те артели, которые не имеют большого успеха на рынке². Производительные артели «естественно тяготеют к замкнутости», в отличие от других кооперативов, почему Туган-Барановский ставит их в иерархии кооперативного движения на одно из последних мест. По причине той же склонности артели к закрытости Туган-Барановский считал, что они неохотно входят в союзы с другими артелями. А посему для артелей в значительной степени перекрывался путь союзного строительства³. Последнее же всегда рассматривалось как важнейший этап на пути воплощения кооперативного идеала.

Против доктрины Туган-Барановского резко выступил Е. Д. Максимов-Слободжанин. Он заявил: «Учение о ко-

¹ Туган-Барановский М. И. Социальные основы кооперации. М., 2010. С. 202, 205.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 210.

операции в понимании и изложении г. Туган-Барановского навсегда останется одним из самых ярких примеров не-научности и узкой предвзятости сторонних кооперации теоретиков, рассматривающих ее как средство и орудие для достижения других целей, как путь, ведущий к другим социальным системам»¹. Слобожанин признает, что Туган-Барановский выражает на данный момент «господствующее учение о кооперации», согласно которому кооперация – паллиатив в социальном строительстве, т.к. главное не в ней самой, а в том, что на смену капитализму идет социализм. Кооперация – это «заплаты на старое платье», это тактика, поэтому-то среди кооператоров обычно встречаются либо социалисты, либо приверженцы капиталистической идеологии². Если для Туган-Барановского кооперация – это плод деятельности отдельных людей, нечто искусственное, то Слобожанин утверждает: «...кооператизм сопровождает человечество в его исторических путях с отдаленнейших времен. (...) Он родился в естественном ходе эволюционного процесса социальных форм. (...) Явился он не “искусственно”, а как стихийная потребность проснувшейся в процессе распада родового быта индивидуальности, искавшей выхода и простора как в хозяйственных делах, так и в других»³. Попытки Туган-Барановского представить кооперацию как своеобразное примирение двух начал: свойственного капитализму эгоизма и свойственного социализму альтруизма – Слобожанин именует «словесными упражнениями», ибо оказывается, что Туган-Барановский и в социалистических общинах, как и в капиталистических предприятиях, видит сочетание эгоизма и альтруизма. Приводя примеры древнерусских форм солидарности, Слобожанин подчер-

¹ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг., 1919. С. 24.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 9.

кивает: «Кооператизм или, говоря еще общей, артельность (в русской жизни) не паллиатив, не частное явление в социальном строительстве, а *социальная система*, охватывающая и экономическую сторону жизни человечества, и духовную, и область управления (политику, право)»¹.

Фактически в этой полемике Слобожанин использовал учение противника, чтобы максимально развить и довести до апогея собственное учение о кооператизме-артельности. В первую очередь он декларирует моральное превосходство своей идеологии над социализмом и капитализмом. В «кооператизме» Слобожанина высшей целью и ценностью идеологии является человеческая личность, а потому переход к лучшей форме социального устройства не может и не должен происходить путем насильственного принуждения личности: «Кооператизм не подголосок социализма, коммунизма, не возник в результате влияния на капиталистическое общество социалистических идей, а, как феномен самого высшего порядка, является первоисточником ряда социальных систем, не имеющих в своей основе господства одних людей над другими. С этой точки зрения формула г. Туган-Барановского, определяющего кооператив в первую очередь как “хозяйственное предприятие”, – ложна. Ни кооператизм вообще, ни кооператив в частности не ограничиваются только хозяйственными целями. Задачи их шире, понимание глубже: они являются не предприятием, понятие о котором ограничивается хозяйственными интересами, а организацией широко социального характера, охватывающей и экономические интересы, и духовно-моральные, и правовые, и политические. Кооператизм поэтому – цельная социальная система, а не один из путей в составе других, которыми идет рабочее движение»².

В отличие от Туган-Барановского и кооператоров-западников Слобожанин утверждает, что потребительская

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 20–21.

кооперация не может считаться высшим типом кооперации, поскольку она обслуживает лишь одну часть хозяйственного процесса. Наиболее полно идеал кооператизма способна воплотить производительная кооперация, объединяющая и труд, и технику, и сбыт, и заготовку сырья, и в то же время открывающая наибольшую возможность социального воспитания: «Лишь в производительной артели вполне осуществляется распределение выгод от производства на началах труда и трудового капитала, только в ней создается трудовая культура и проникновенность высшими общественными и личными моральными идеалами» и т.д. Поэтому только одна производительная артель является истинной носительницей и хранительницей идеалистических элементов кооперации во всей их полноте и чистоте¹.

На Третьем Всероссийском съезде деятелей по кустарной промышленности отец-основатель знаменитой Павловской артели А. Г. Штанге заявил, что «производительная артель является единственной формой полного кооперативного единения, глубоко воспитывающей и перевоспитывающей в смысле высших моральных начал ее участников»². На том же съезде деятели производительной кооперации – А. Г. Штанге, Н. В. Левитский, Е. Д. Максимов, В. В. Мавричев, А. Е. Малахов, А. В. Меркулов и др. провели резолюцию, в соответствии с которой производительная артель является «высшей и идеальной формой кооперативного единения в техническом, экономическом и воспитательном отношении»³.

Единичная артель должна была стать клеткой всеобъемлющей системы кооператизма. Именно в этом был смысл модели нового социально-экономического устрой-

¹ Идеалистический элемент в кооперативном движении // Вестник Всерос. съездов деятелей по кустарной промышленности. 1913. № 12.

² Вестник Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности. № 7. 1913. С. 19.

³ Там же. С. 20.

ства, предлагаемой «артельщиками». Одним из видных организаторов и практиков артельного движения А. Е. Маляховым был предложен конкретный план. Артели какой-либо конкретной местности должны были группироваться в соответствии с интересами населения и его хозяйственными нуждами, при этом административные границы не должны определять и стеснять данное объединение. В союз могут входить артели, производящие различную продукцию, они же принимают участие в его управлении. Союз, в свою очередь, занимается сбытом продукции, произведенной местным населением, осуществляет совместные закупки с целью снабжения населения всем необходимым как для домашнего потребления, так и для производственного. Он же прежде всего обеспечивает товарообмен данной территории за счет средств и по поручению входящих в него кооперативов. К союзу примыкают артельные лавки, общественные, волостные и потребительские, что дает возможность миновать торговых посредников. Союз также выполняет и другие функции: он может выступать в качестве страхового агента, ходатаем, юрисконсультom, в его распоряжении должны быть разного рода специалисты, ревизоры, инструкторы, юристы и т.д. «Каждой ячейке-кооперативу, входящему в союз, предоставляется право автономного управления своими делами: они самостоятельно организуют производство, самостоятельно и за свой счет содержат торговлю; право же самостоятельной закупки и продажи допускается только в том случае, если от этого не страдают другие кооперативы. Переработка сырых продуктов в высший товарный вид должна производиться хотя и отдельными артелями, но обязательно за счет союза, чтобы прибыли и убытки равномерно ложились на все участвующие артели. Артели избирают уполномоченных, которые и являются фактическими хозяевами союза». Финансирование артелей производится посредством кредитных товариществ, кото-

рые выдают необходимый кредит; кроме того, на каждую артель заводится собственный счет, и весь ее денежный оборот должен проходить через кредитное учреждение¹. Слобожанин отмечал, что изложенная на съезде концепция Малахова вызвала критику и неодобрение со стороны марксистов, но «представители земли» ее приняли.

В. П. Воронцов поддержал идеи Малахова, он полагал, что перед кустарной промышленностью стоит задача, не чуждаясь свободного рынка сбыта, прежде всего удовлетворить спрос на предметы потребления самих кустарей. «Первым шагом на пути осуществления данной идеи, – полагал Воронцов, – было бы возложение на действующие земские и кооперативные склады кустарных изделий задачи обмена изделиями между районами, изготовляющими предметы личного и хозяйственного потребления крестьян... Это возможно сделать при условии, если бы кустари, прибегающие к помощи склада, покупали в нем предметы своего потребления или согласились принимать их в счет следуемой им за изделия суммы. Этим был бы установлен определенный спрос данного района на изделия чужих районов и вместе с тем определенный сбыт местных произведений, поступающих в эти чужие районы в обмен на требуемые от них товары». Воронцов полагал, что необходимо «перейти к кооперативной организации всего производительно-потребительного процесса в целом...»².

Е. Д. Максимов-Слобожанин следующим образом определял сущность идеологии кооператизма-артельности: 1) Неприятие капитализма. Народ воплощает свои идеалы в небольших организациях – артелях. 2) Именно через артель народ должен вступить в новую жизнь. Идея союзов артелей, устранение посредников в торговле, прямой обмен

¹ Малахов А. Е. Сбыт продуктов народного труда союзом артелей при параллельном участии разнородных кооперативов // Вестник Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности. 1913. № 5. С. 31–33.

² Вестник Всероссийских съездов деятелей по кустарной промышленности. 1913. № 6. С. 38, 40.

между производителями, постепенное устранение частной собственности. 3) **Проведение в жизнь принципов народо-правства и трудового начала**, связь артельного строя с введением широкого и полного местного самоуправления¹.

Построенная на добровольности участия, договорности, свободе, равноправии артельность указывает на лежащую в ее истоке глубокую веру в человека. По мнению Слобожанина, это всецело оптимистическое мировоззрение. С усилением капитализма артель условиями быта трудового населения направляется на защиту личности от гнета капитала и отстаивание интересов труда, в ней появляется элемент трагического мировоззрения, и именно в этот период артельность временно сливается с освободительными организациями Западной Европы, внешне обретает форму, сходную с европейской кооперацией и отчасти созвучную социалистическим идеям². При этом «кооперативно-артельная система выше других политических, экономических, религиозных и социальных систем (...) Она способна поднять настроение личности до пафоса и “героизма самого высокого напряжения”. С этой стороны она может иметь такое же значение, как и религиозное воодушевление»³.

Любопытно отметить, что уже в этой работе Слобожанин отмечает, что его оппонент начал менять свою точку зрения: отходя от своих прошлых взглядов, Туган-Барановский теперь выступает за общество – добровольный кооператив, где все виды кооперации, кроме кредитной, найдут свое место⁴.

Многие кооператоры и сторонники артельного социализма встретили Февральскую революцию с воодушев-

¹ Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг., 1919. С. 43.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 76.

⁴ Речь идет о брошюре Туган-Барановского «О кооперативном идеале» (М., 1918) (Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Статьи. Пг., 1919. С. 58).

лением. Казалось, что страна с ее огромным избытком жизненных сил, не подорванных даже в изматывающей мировой войне, стоит на пороге построения новой цивилизации. «Пророк» крестьянской кооперации (по выражению А. В. Чаянова) А. А. Евдокимов в своей работе 1917 года писал, что пока в России есть только враждующие течения западного социализма, но теперь путем всенародного творчества будет создаваться подлинный социализм и подлинный кооператизм: «На крестьянских кооперативных учреждениях лежит почетная задача создать это чудо – деревенскую цивилизацию»¹. Евдокимов видел в нарождающейся народной цивилизации синтез науки и религии, интеллигенции и крестьянства, то есть реализацию старой мечты народников, а также и многих традиционалистов.

Роковым в плане крушения иллюзий стал 1918 год. В этом году с затаенным дыханием страна ждала итогов Учредительного собрания, но не дождалась их. Она ждала появления парламента, новой политической системы – но дождалась массового террора и гражданской войны. В этом году верующая Россия ожидала итогов Поместного собора и новой эры религиозной жизни. В результате она получила новоизбранного Патриарха, который повел Церковь фактически на мученичество. В феврале 1918 года прошел I Очередной всероссийский кооперативный съезд, чувствовавший за собой такую силу, что прямо выразил

¹ Евдокимов А. А. Крестьянская кооперация в свободной России. М., 1917. С. 15. В другой своей статье, написанной осенью 1917 года, Евдокимов описывает три основных течения внутри кооперативного движения России, которые в скором будущем «могут определиться как школы для разработки идеологий». Это, во-первых, рабочая кооперация; во-вторых, потребительская кооперация и, в-третьих, нарождающаяся школа крестьянского кооператизма. Высоко оценивая второе направление, Евдокимов отмечал, что «в стране, где три четверти населения – крестьяне, на потребительском коне далеко не уедешь, и новой России на таком коне не построишь». Самого себя он относил к нарождающемуся третьему направлению (Михеев Д. (Евдокимов А. А.) Крестьянский кооператизм: Статья вторая // ВКС. 1917. № 12).

свое недоверие советской власти и потребовал восстановления работы Учредительного собрания¹. Такое самомнение было не беспочвенно: предыдущий, 1917 год, стал пиком подъема кооперативного движения и уже можно было говорить о начале доминирования кооперации в экономике страны. Ленин был вынужден пересмотреть свое отношение к кооперации, представлявшей собой хотя и мирную, но грозную силу (грозную, в частности, своей способностью к саботажу политики большевиков). Он признал, что большевики вынуждены мириться с этой реакционной буржуазной силой и отставить «красногвардейскую» атаку на капитал. Еще в конце 1917 года большевики начали готовить проект декрета о потребительских коммунах, предполагавшего, по замыслу Ленина, «поголовно» загнать всех жителей конкретной местности в национализируемые потребительские общества. В кооперативной среде этот проект восприняли как введение «своего рода крепостного права» и решительно отвергли².

В результате большевики были вынуждены вступить в переговоры с лидерами кооперации. Объясняя смысл выработанного в ходе этих переговоров декрета «О потребительских кооперативных организациях», Ленин писал в «Правде» 28 апреля 1918 года: «Декрет является соглашением с буржуазными кооперативами и с рабочими кооперативами, остающимися на буржуазной точке зрения. Соглашение или компромисс состоит, во-первых, в том, что представители названных учреждений не только участвовали в обсуждении декрета, но и получили фактически право решающего голоса, ибо части декрета, встретившие решительную оппозицию этих учреждений, были отброшены. Во-вторых, по сути дела, компромисс состоит в отказе Советской власти от принципа бесплатного всту-

¹ Первый Всероссийский съезд // Кооперативное слово. 1918. № 31. С. 15–18.

² Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М., 1996. С. 176.

пления в кооператив (единственный последовательно пролетарский принцип), а равно от объединения всего населения данной местности в *одном* кооперативе»¹. Благодаря этому маневру большевикам удалось вовлечь кооператоров в сотрудничество, которое фактически послужило спасению нового государства от продовольственного и товарного голода в условиях Гражданской войны.

Поддержка артельно-кооперативными силами большевиков была тем моментом прохождения исторической развилки, после которого многие политические процессы стали уже необратимыми. Ленин не скрывал, прямо заявляя в печати, что компромисс с реакционными силами является временным. То же касалось позднее и введения нэпа. В нашей работе не место подробно останавливаться на этой теме. Для нас важно, что после 1918 года та роковая развилка, по которой русский народ мог двинуться в другую, нежели с большевиками, сторону, была пройдена. Важно, что поддержка советской власти в Гражданской войне со стороны миллионов входящих в артельно-кооперативные союзы крестьян (поддержка ее своим трудом, своей готовностью к производству необходимых продуктов и изделий, в том числе военного назначения) была необходимым условием ее победы над «контрреволюцией» и способствовала уничтожению самой возможности перехода России к новой крестьянской по своему генезису цивилизации. С другой стороны, ни интервенция, ни Белое движение также не олицетворяли этой возможности.

Таким образом, в самых крупных чертах проблема этого перехода состояла в том, что у него не оказалось продвигающей его сколько-нибудь мощной и адекватной политической силы. Несмотря на то что большинство народа шло к выработке этой «деревенской цивилизации» нового, высокоорганизованного, индустриального

¹ Ленин В. И. Сочинения. М., 1950. Т. 27. С. 226.

по уровню развития типа, о чем писали и Менделеев, и кооператисты-артельщики, и многие неонародники, – ни лидеры кооперативного движения в своем подавляющем большинстве, ни политические партии, претендовавшие на выражение интересов крестьян, не доросли до решения данной назревшей задачи, отставали от требований своего исторического времени.

В сущности, вся аграрная политика России, начиная с отмены крепостного права, через Столыпинские реформы до политики большевиков представляла собой разные стадии уклонения от поставленной историей задачи в пользу других задач (развития буржуазных отношений в угоду капиталистической цивилизации Запада, либо жертвования крестьянским укладом ради индустриального уклада в угоду предполагаемой коммунистической глобализации). Оба эти пути шли вразрез с идеей развития собственно-русской цивилизации новейшего образца и высокой степени технологического развития. Как официальная власть Российской империи, так и ее освободительное движение в аграрном вопросе представляли собой как будто две стороны **авантюристического невроза**, который обычно рассматривают только с одной его – радикально-революционной – стороны. Русская интеллигенция в лице своих политиков, общественных деятелей не захотела, не пожелала пожертвовать своими иллюзиями ради менталитета народа, предпочитая пожертвовать народом ради своего, интеллигентского, менталитета. Те же ее представители, которые хотели бы и готовы были бы отказаться от иллюзий во имя народа, не успели выработать внятной и убедительной идеологии и программы, не сумели обеспечить этот переход к новой своеобразной цивилизации, перед потенциальной возможностью которого стояла страна. Их опередили догматики, поддержанные глобальными конкурентами России, – догматики, говорившие о безальтернативности избранного ими пути.

4. Возвращение к прежним вопросам

Что же представляла собой русская цивилизационная альтернатива, которая просматривается в связи с эволюцией крестьянства в ходе нашего национального развития? На этот вопрос трудно найти исчерпывающий ответ. В задачи нашего труда не входит полное раскрытие этой сложнейшей темы, к тому же содержащей большой элемент гипотетичности, требующей масштабной ретроспективной реконструкции «будущего, которое не состоялось». Тем не менее мы бы хотели указать на ряд идей и наблюдений, которые проливают свет на русскую цивилизационную альтернативу, демонстрируют, что это не мифологизация, а объективная возможность истории.

Современный исследователь А. А. Николаев обращает внимание на то, что де-факто артельное движение в России длительное время «развивалось автономно и даже в противофазе к ведущим видам кооперации – потребительской и кредитной. Теоретики артельного движения относили артели к исконно традиционным, русским формам организации производства, ничем не уступающим западноевропейским ассоциациям»¹.

Другой наш современник, В. Г. Егоров, которого мы в своем труде уже неоднократно цитировали, строит собственную теорию кооперации как «третьего пути», усматривая в ней цивилизационный дуализм, наличие черт традиционного и индустриального общества. По его мнению, кооперация мелких собственников (в том числе русская артель) возникла не в связи с капитализмом, а проявила себя как самостоятельная историческая реалья на этапе перехода человечества от традиционной к инду-

¹ Николаев А. А. (Александр Алексеевич). Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007. С. 123

стриальной цивилизации¹. С одной стороны, в характере кооперативных объединений отчетливо проявляются признаки традиционного общества: прямая демократия, солидарность, отсутствие целевой установки на прибыль. С другой стороны, кооперация органично вплетается в капиталистический уклад, образуя внутри него собственный значимый сектор производства.

Кооперацию Егоров определяет как демократическую самостоятельную форму общественного производства или особый тип производственных отношений, рожденный в результате эволюционного развития традиционного общества, создающий дополнительную производительную силу за счет обобществления и соединения труда и собственности, гармонизации интересов коллектива и личности и организуемой в малые экономические структуры². Будучи явлением, рожденным в переходный период, кооперация представляет собой самостоятельную модель социальной организации и в зависимости от исторических обстоятельств может сохраняться и возрождаться, невзирая на смену господствующего уклада. С точки зрения Егорова, кооперация вправе претендовать на особый, «третий», социального развития, отличный от социализма и капитализма. То, что этот «третий» путь не был в достаточной степени реализован и развернут, – не что иное, как искажение социальной эволюции, связанное с колониализмом Запада, создавшим особое сословие «набобов», экспроприаторов колоний. Естественный исторический путь – рост «коллективных форм труда», из которых должен эволюционно вызревать способ индивидуальной трудовой деятельности, тогда как разрушение кооперативного начала повсюду сопряжено с массовым обнищанием (пауперизацией) насе-

¹ Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве: становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века). Казань, 2005. С. 10, 17.

² Егоров В. Г. Кооперация – «третий путь» (К теории вопроса). Челябинск, 2003. С. 142.

ния¹. В этих своих воззрениях Егоров опирается на теорию известного советского теоретика В. В. Крылова. Для нас особенно важно, что, по мысли Егорова, русская артель содержала в себе альтернативу пролетаризации, классовой борьбе, а также доминанте капитализма.

Разговоры о безальтернативности капитализма, рыночного уклада, западного типа индустриализма (а теперь и постиндустриализма) сегодня уже не так популярны, как десятилетия назад. Тем не менее такая постановка вопроса все еще отчетливо звучит в научной и общественной дискуссии. С точки зрения цивилизационного подхода, принятие доктрины безальтернативности западного пути развития представляется ущербным и близоруким, а иногда и злонамеренным искажением объективной картины мира. В современном мировом кооперативном движении весьма распространены взгляды на кооперацию как на альтернативу капитализму, патологизирующему человека и общество. В. Б. Шепелева в своей работе приводит многочисленные примеры представителей такого подхода: индийского профессора Матура, латиноамериканцев Р. Вильдосолы и де ля Роche, мексиканца Родригеса Росы и многих других. «Альтернативисты Запада (речь идет о возрождении сисмондизма, о выдвижении дилеммы “Быть или иметь?”, установок: “Малое – это прекрасно” и т.д.), неизбывные коммунитарные эксперименты (см., например, историю кооператива-общины “Лонго май”, непосредственно поддержанного М. Фришем, Ф. Дюрренматтом) – все это со своей стороны работает на поиск выхода из нынешней цивилизационной парадигмы», – полагает Шепелева².

¹ Егоров В. Г. Кооперация – «третий путь» (К теории вопроса). Челябинск, 2003. С. 18.

² См.: Шепелева В. Б. Отечественное кооперативное движение с точки зрения русского менталитета: возможные перспективы // Кооперация как компонент рыночных отношений: Проблемы теории и истории. Выпуск 2. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: Ивановский государственный университет, 1997.

По мысли О. А. Платонова, в большинстве западноевропейских стран и в США хозяйственный механизм сформировался на основе экономического учения Талмуда, согласно которому «хорошо и богато» могут жить только «избранные»: «На других началах строились хозяйственные механизмы таких стран, как Япония, Китай, Тайвань (см.: Макмиллан Ч. Японская промышленная система. М., 1988). В отличие от экономики западных стран, где господствовал эгоистический индивидуализм, в общинной модели предпочтение отдавалось коллективизму, обеспечению органичной естественности связи и взаимозависимости между работниками, поддержанию духа общности и ответственности перед коллективом»¹.

Одним из самых ярких примеров высокоорганизованной системы производства и социума на основе синтеза общинных и клановых традиций собственной культуры являются японские **кэйрацу** (это слово переводят как «группизм», «иерархия» либо как «система дочерних предприятий»). Аналогии между кэйрацу второй половины XX века и русской артельностью как принципом нового типа цивилизации, которая могла бы возникнуть на основе общины и артели, представляются довольно убедительными. На эту аналогию указывает, в частности, цитированный выше В. Г. Егоров. Рассматривая подобные аналогии, следует иметь в виду, что буквальные параллели здесь неуместны, однако с учетом специфики национального менталитета сама постановка вопроса о современном развитии индустриальном (или постиндустриальном) укладе, построенном на основе традиционных общинных принципов, абсолютно оправдана².

¹ Платонов О. А. Экономика русской цивилизации. М., 2008. С. 6.

² О специфически японском опыте возрождения общинных отношений в крупных корпорациях и урбанизированной среде см.: Цветов В. Я. Пятнадцатый камень сада Реандзи. М., 1986.; Tatsuno S. M. Created in Japan: From Imitators to World-Class Innovators. N.Y., 1990; **Окумура Хироси. Корпоративный капитализм в Японии** / Пер. с японск. М., 1986; Япония-2000: Консерватизм и традиционализм / Отв. ред. А. Е. Жуков, А. И. Кравцевич. М., 2000.

Суть модели кэйрацу может быть сформулирована в следующих шести тезисах¹.

1. Кэйрацу представляют собой следующее поколение по отношению к старым японским кланам (дзэйбацу), возглавляемым «семьями» крупного капитала, наследниками феодальных сегунатов: многие принципы японской традиции возрождаются в кэйрацу именно на основе прямой преемственности, поддерживаемой представителями старой патриархальной аристократии или теми, кто себя с нею ассоциирует. При этом принцип «семьи» распространяется не только на деловых партнеров и родственников, но на всю корпорацию, так что лидер кэйрацу, в соответствии с нормами японской культуры, считает себя отцом всех своих сотрудников. Члены кэйрацу – патриоты своей корпорации, держатели ее пая, а не просто наемные работники. Они не могут быть уволены без крайне уважительной причины и могут рассчитывать на гарантированное рабочее место и социальный пакет.

2. Кэйрацу, в отличие от дзэйбацу, – послевоенная система кооперативных сетевых отношений между компаниями, сплоченными вокруг крупного банка. Между этими компаниями существуют отношения перекрестного директората и владения акциями. Каждая головная фирма владеет небольшими пакетами акций всех остальных компаний, и все головные компании вместе контролируют каждую фирму, входящую в кэйрацу. Американцы называли этот тип суперкорпорации «непотопляемым авианосцем», поскольку никакой внешний субъект не может проникнуть в данную систему, тем более применить

¹ При составлении этих тезисов использовались разные источники, из которых необходимо в первую очередь назвать работы И. П. Лебедевой: Лебедева И. П. Японские корпорации: стратегия развития (финансово-организационные аспекты). М., 1995; Лебедева И. П. Традиции и экономическая целесообразность в японском бизнесе (на примере системы субординационных отношений в промышленности) // Япония-2000: Консерватизм и традиционализм. М., 2000. С. 129–152.

к ней методы рейдерского захвата или силового давления на высший менеджмент¹.

3. Каждый кэйрацу построен как пирамида, в основании которой находятся десятки тысяч субподрядчиков, находящихся в разной степени подчинения или вовлеченности в кэйрацу. Как правило, в отношениях с субподрядчиками культивируется железная дисциплина в отношении качества продукции и сроков ее сдачи. Некоторые из субподрядчиков являются временными партнерами, другие – постоянными. Внутри кэйрацу между его вершиной и субподрядчиками принят не открытый рыночный, а закрытый, конфиденциальный характер сделок и договоренностей. В горизонтальных отношениях внутри сети партнеров приняты принципы солидарной ответственности, разделения рисков, согласованного принятия решений об изменении внутренних расценок, внедрении инноваций, использовании изобретений и рацпредложений, путей оптимизации корпоративных отношений для сглаживания последствий рыночных кризисов.

4. Именно кэйрацу обеспечили Японии в 1970–1980-е годы место «локомотива» мировой экономики и сферы технологий, а также самые высокие среди развитых стран темпы роста ВВП и национального дохода. Если не считать корпорацию «Сони», кэйрацу создали весь цвет японской техники, покоровшей мир. Это «Митсубиши», «Тойота», «Тошиба», «Кэнон», «Нисан», «Хитачи», «Фуджицу», «Мазда», «Ямаха» и множество других знаменитых брэндов. Вместе с тем кэйрацу занимают ключевое место и на внутреннем рынке, поделив между собой бóльшую часть японской промышленности, включая пищевую, текстильную, химическую и т.д.

¹ Отметим, что система перекрестных связей в кэйрацу напоминает проекты кооперативных комплексов или конгломератов, предложенные русскими кооператистами в начале XX века.

5. С точки зрения сторонников свободной конкуренции и открытого рынка, японская экономика и кэйрацу внутри нее должны были бы уступать в плане эффективности хозяйствам западных стран. Однако именно японские корпорации, опираясь на кэйрацу, смогли резко расширить долю на мировых рынках и существенно потеснить своих конкурентов в других развитых странах. Из этого можно сделать вывод, что кэйрэцу нарушают рыночные принципы и при этом обладают рядом конкурентных преимуществ по сравнению с чисто рыночными структурами (вывод И. П. Лебедевой).

6. С точки зрения ряда исследователей, кэйрацу представляют собой идеальные «абсорбенты потрясений» на рынке, в частности за счет гибкой системы взаимоотношений с субподрядчиками, которые в значительной степени остаются внешними по отношению к корпорации агентами и подразделениями. Этими внешними партнерами в случае необходимости кэйрацу могут и пожертвовать. Таким образом, кэйрацу напоминают собой патриархальные артели, кооперативы или общины, которые, как будто переносясь из прошлого, превратились в руководство современных сетевых корпораций – сложности рыночной конъюнктуры внутри кэйрацу минимизируются, так что участники этой «нео-общины» чувствуют себя в высокой степени защищенными и всесторонне поддерживают внутреннюю солидарность. Другая сторона защищенности и солидарности внутри кэйрацу – готовность входящих в них отраслевых компаний, конкретных подразделений и групп, а также отдельных работников в моменты кризисов и испытаний идти на жертвы, «затягивать пояса», отказывать себе в чем-то ради сохранения и развития общего дела.

Что касается последнего, шестого тезиса, то в нем нам видится аналогия с теми мыслями, которые адресовал в своем письме министру С. Ю. Витте создатель знаменитой Павловской кустарной артели А. Г. Штанге. Он отмечал,

что кредитоспособность артели не могла измеряться на тех же основаниях, на которых определялась кредитоспособность частных предприятий: «Последние создаются с целью извлечения дохода на затраченный капитал, малая же доходность предприятия, а тем более убыточность побуждает частного владельца всеми силами стремиться развязаться с невыгодным делом. В артели же все члены ее заинтересованы не в извлечении дохода на затраченный капитал, а в постоянном прочном заработке в качестве участников в деле. Поэтому, заботясь о сохранении своего артельного предприятия, они легче, чем частные предприниматели, могут выдерживать заминки во время кризисов и других затруднений, могут уменьшить зарплату и, насколько возможно, сократить прочие расходы. Поэтому ликвидация артели является делом маловероятным»¹.

Другим существенным примером из русской экономической жизни, который показывает, что общинные по своему типу отношения способны демонстрировать значительный успех, является организация предприятий **русскими старообрядцами**. Это можно увидеть на примере целого ряда ткацких мануфактур, в производстве фарфора, высококлассном производстве кирпича в конце XIX – начале XX века. Это знаменитые Морозовские фабрики, которые перебрались из Москвы в Зуево и в Ивано-Воскресенск. На стыке Московской, Рязанской и Владимирской губерний существовала целая «старообрядческая империя», где обширные предприятия строились **преимущественно на артели**². «Старообрядцы, – пишет Платонов, – продолжая сохранять трудовые традиции и идеалы Древней Руси, внесли огромный вклад в развитие промышленных промыслов на артельной основе. Все их предприятия строились на артельных началах и скре-

¹ Цит. по: Спиридонов Г. В. Первая в России: Очерк истории предприятия. 1890–1990. Горький, 1989. С. 22.

² Платонов О. А. История. Душа. Победы. М., 2013. С. 305.

плялись круговой порукой. В свои артели они старались привлекать единомышленников; административные должности принадлежали также им; во главе предприятий стояли самые заслуженные старообрядцы, выбившиеся из низов, обладавшие сильным природным умом. И недаром исследователи считают, что в “течение долгого времени лучшая часть населения и рабочих на фабриках и заводах состояла из старообрядцев”»¹.

Приведенные примеры являются далеко не исчерпывающими тему альтернативных западной цивилизации путей современного прорывного развития. Несомненно, ряд существенных открытий и достижений в области построения проектов прорывного развития принадлежит советской цивилизации, послужившей примером и образцом для многих реформаторов второй половины XX века. Мы далеки от того, чтобы огульно отрицать значимый опыт советской системы социальной организации, в том числе и учета в СССР опыта и ценностей русской общины и артели. (В особенности эти оговорки справедливы по отношению к сталинской модели развития 40–50-х годов.) Однако сегодня идея об артельной альтернативе находит себе немало парадоксальных подтверждений.

5. Новейшие команды и «артельный параметр»

Изучая эволюцию различных форм организации труда малых коллективов с элементами самоуправления, нельзя не упомянуть об опыте внедрения в СССР в 70-е – начале 80-х годов бригадного подряда. При бригадном подряде размер оплаты за достижение конечного результата гарантировался независимо от фактических трудо-

¹ Платонов О. А. История. Душа. Победы. М., 2013. С. 304.

затрат или численности работников. Бригада получала общую сумму заработка при условии выполнения установленного объема работы качественно и в срок. Члены бригады самостоятельно распределяли между собой полученный заработок¹. Применение новых форм организации труда должно было способствовать достижению более высоких результатов с наименьшими ресурсными затратами. В 1986 году был принят Закон СССР «О бригадном подряде».

Бригадный эксперимент в советской промышленности длился недолго. Однако за это время ряд исследователей уже успели провести некоторый анализ применения этой формы труда. А. А. Парменов в одной из своих работ отмечает, что важнейшей проблемой бригад стал подбор кадров. «Коллектив не механическое соединение индивидов». «Бригадир не только руководитель, но и “свой” человек. Оценка его деловых, моральных качеств постоянно в поле зрения бригады»². На проверку оказалось, что одним из главных секретов успешного опыта бригадного подряда является именно качество рабочих, их способность к слаженной командной работе. Таких бригад удалось создать не так уж много, и далеко не везде это получалось. Э. Л. Эйдельман отмечал, что, хотя в 1979–1982 годы бригадный подряд массово внедрялся, это главным образом была просто схема оплаты по конечной продукции, тогда

¹ Одним из самых известных примеров внедрения бригадного подряда является работа коллектива Николая Злобина в тресте «Зеленоградстрой» при строительстве 14-этажного корпуса в г. Зеленограде в 1970 году. Сущность эксперимента заключалась в том, что все средства выделялись непосредственно бригаде. Это позволило сэкономить значительную часть денег и сдать объект раньше нормативного срока. В дальнейшем эксперимент получил широкую известность и применялся на строительстве других объектов народного хозяйства.

² Парменов А. А. Некоторые социологические аспекты управления внедрением бригадной формы организации труда // Социально-психологические аспекты бригадных форм организации труда». Сборник тезисов к областному семинару. Пенза, 1983. С. 17

как реального бригадного самоуправления и участия в управлении производством было куда меньше¹.

Здесь интересно провести параллель с современными исследованиями надежности работы малых групп. С. В. Сарычев и А. С. Чернышев в работе «Социально-психологические аспекты надежности группы в напряженных ситуациях совместной деятельности» (2000) отмечают, что малые группы могут иметь низкий, высокий и средний уровень организованности². Высокоорганизованные группы имеют высокие уровни по таким показателям, как:

- Направленность активности
- Самоуправляемость
- Лидерство
- Единство действий
- Стрессоустойчивость
- Межгрупповое единство

В стрессовых ситуациях низкоорганизованные группы начинают допускать в своей деятельности массу ошибок и терять сплоченность. В то же время высокоорганизованные группы в напряженной ситуации работают безотказно и высокопродуктивно, стабильно (часто даже лучше, чем в обычной ситуации). Такие ситуации не выбивают группу «из колеи», не вносят дезорганизации, не ведут к апатии и раздражительности. Высокоорганизованным группам присуще наличие планов совместной деятельности, способность гибко перестраивать взаимодействие в изменившейся ситуации, не снижая уровня согласованности действий³.

¹ Эйдельман Э.Л. Бригадная организация труда и психология управления // Социально-психологические аспекты бригадных форм организации труда». Сборник тезисов к областному семинару. Пенза, 1983. С. 3

² Сарычев С.В. Чернышев А.С. Социально-психологические аспекты надежности группы в напряженных ситуациях совместной деятельности. Курск, 2000. С. 60–85.

³ Там же. С. 140

Важным компонентом надежности группы является групповое сознание, которое проявляется, во-первых, в выработке единства мнений, в принятии групповых целей, обобщенной и адекватной оценке внешних и внутренних условий совместной деятельности. Групповая мотивация, о которой пишут С. В. Сарычев и А. С. Чернышев, проявляется в том числе в готовности каждого индивида включиться в решение задачи на каждом этапе не только за себя, но и за любого другого индивида в случае его растерянности или выбытия¹. (Тут мы видим противоположность механизму внутренней конкуренции в коллективе, который долгое время считался определяющим при построении капиталистических предприятий.)

Отсюда следуют два важнейших принципа эффективной команды: **взаимозаменяемость сотрудников** и их широкая профессиональная квалификация: большинство из них должны быть **универсалами**, «многостаночниками», способными переключаться в случае необходимости на другую специальность или иной фронт работ. Как указывает Ключников, бригадные формы организации труда (БФОТ)² дают значительный эффект в коллективах с высоким уровнем социальной зрелости. Чем выше этот уровень, тем выше взаимозаменяемость рабочих.

А. А. Парменов пишет, что «узкая специализация порождает монотонность, что ведет к снижению творческой активности и сказывается на эффективности труда»³.

¹ Там же С. 141–142

² Ключников С.А. Проблемы формирования коллектива в условиях бригадной формы организации труда (БФОТ). // Социально-психологические аспекты бригадных форм организации труда». Сборник тезисов к областному семинару. Пенза, 1983. С. 16

³ Парменов А. А. Некоторые социологические аспекты управления внедрением бригадной формы организации труда // Социально-психологические аспекты бригадных форм организации труда». Сборник тезисов к областному семинару. Пенза, 1983. С. 17.

Взаимозаменяемость выступает не только как производственная необходимость, но и как инструмент достижения психологической сплоченности. Понимание, что коллеги могут помочь и в трудный момент подменить, даст сотруднику чувство уверенности. Здесь приходят на ум разительные параллели с опытом старой русской артели. «Готовность ручаться за всех товарищей, – писал Исаев, – отвечать за их промахи и даже злоупотребления и трудом своим, и имуществом доказывает прочность связи между членами, их знакомство друг с другом, а потому и вызывает то доверие, с которым относятся к артели лица, нуждающиеся в ее услугах»¹.

В. П. Поздняков пишет об опыте бригадного арендного подряда в 1989 году. Когда люди начали сами формировать свои бригады, то такой коллектив «с самого начала складывался как группа людей, объединенных не только формальной организацией и совместным производственным трудом, но и общими экономическими интересами, сходными целями совместной жизнедеятельности, тесными эмоционально-психологическими отношениями»². В случае, когда такие коллективы формировались «сверху», а не «снизу», многие работники воспринимали «аренду» как очередную кампанию, которая не даст ощутимого результата. Именно о подобном эффекте пишут и современные западные авторы, приводя примеры неудач с «обязательным» командообразованием, которое сотрудникам навязывает руководство. Опять же мы видим подтверждение этому и в целом ряде аналитических работ по русской артели и кооперации вековой давности.

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 13.

² Поздняков В. П. Социально-психологические отношения в трудовом коллективе в условиях изменения форм собственности. Сборник «Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений». М., 1997. С. 95.

Многие бригады «споткнулись» о проблему справедливости. Сказывалось и отсутствие элементарной психологической совместимости в созданных по поветриям моды коллективах, так и отсутствие разработок, позволяющих объективно измерять трудовой вклад каждого в общие результаты работы и увязывать эти результаты с общественной полезностью производимой продукции и ее оплатой. Разработки по применению КТУ (коэффициента трудового участия) не всегда помогали на практике, и среди рабочих часто возникали конфликты относительно вклада каждого в общий результат.

Социологические исследования работы бригад и их формирования показали, что сам по себе бригадный принцип далеко не всегда способствует улучшению социального климата. Так, Ключников приводит пример, как на одном из заводов почти треть рабочих заявили, что отношения в их коллективе ухудшились с введением БФОТ, и только пятая часть – что отношения между людьми улучшились¹. С нашей точки зрения, советский опыт внедрения бригадного подряда наглядно показал, что такой метод не являлся панацеей и не давал идеальной модели построения производственных социальных отношений. При этом он давал прекрасные результаты при условии специального подбора в команду единомышленников, способных к сплоченной и солидарной работе, к выработке общего для всей команды представления о справедливости воздаяния «по труду», к тому же обладающих качествами специалистов-универсалов. Немаловажным фактором для складывания такого коллектива было наличие лидера-харизматика, способного компенсировать отсутствие надлежащих качеств солидарности посредством личного авторитета, убе-

¹ Ключников С.А. Проблемы формирования коллектива в условиях бригадной формы организации труда (БФОТ). // Социально-психологические аспекты бригадных форм организации труда». Сборник тезисов к областному семинару. Пенза, 1983. С. 16

дить работников в случае необходимости пойти на жертвы и уступки, работать в авральном режиме, напрягая силы не только ради вознаграждения, но и ради репутации бригады. При отсутствии какого-либо из этих факторов (близость по духу, психологическая совместимость, взаимная поддержка, согласие в вопросах справедливости оценки вклада каждого, наличие олицетворяющего бригадный дух лидера, командный «патриотизм») бригадный подряд мог давать ощутимые сбои.

Эти же выводы во многом справедливы в отношении такой широко распространенной формы советской организации производства, как студенческие стройотряды. На семинаре Института динамического консерватизма заслуженный деятель науки РФ профессор Б. А. Виноградов высказал убеждение, что в советском студенческом стройотряде также нашел свое воплощение артельный архетип. Виноградов изучал эту форму на собственном опыте, на практике, как один из командиров и организаторов «трудовых семестров» в 60–70-е годы. Не все стройотряды были одинаково эффективными и органичными, некоторые из них представляли собой кампанейщину и «обязаловку» с имитацией самоуправления и уравнильной оценкой трудового вклада. Однако были нередкими весьма успешные и сплоченные трудовые студенческие «артели», внесшие немалый вклад в ударные стройки социализма, освоение целинных земель и др. Для студентов стройотряды давали возможность заработать приличные деньги, поучаствовать в самоуправлении производственным коллективом, испытать на деле свое представление о социальной справедливости. Стройотряды приветствовались властью, давали освобождение от налогов, сближали интеллигенцию с людьми труда.

В последнее десятилетие существования советского строя на слуху был целый ряд инициатив, который, так же как и широко распропагандированный бригадный подряд, вызывает ассоциации с русской артелью. В на-

чале 1980-х годов в одном из звеньев колхоза им. Ленина Кишертского района Пермской области молодые механизаторы при обсуждении условий коллективного подряда предложили начальству разумную «сделку»: звено должно получать твердый процент от разницы между стоимостью продукции и затратами на ГСМ, запчасти и удобрения. Доля звена оговаривалась при заключении договора, до начала работ. «Наш расчет, – писал участник событий А. Росляков, – вкратце был таков: высчитывается стоимость всей произведенной продукции, отнимаются производственные затраты и из остатка установленная взаимным соглашением доля выплачивается звену, остальное идет в прибыль колхозу. Естественно, при такой системе звено заинтересовано исключительно в двух вещах: увеличении производства и сокращении затрат. Чем выше первое и ниже второе, тем больше в конце года заработает каждый»¹. Звено демонстрировало большие успехи, и его опыт перенимали в других хозяйствах.

Еще более далеко идущие инициативы стали проявляться во второй половине 80-х годов. В книге А. Г. Махоткина «Преодоление капитала» приведены многочисленные примеры таких инициатив, из которых можно отметить наиболее известные и показавшие свою жизнеспособность модели Святослава Федорова (Институт микрохирургии глаза в Москве) и Магомеда Чартаева (союз собственников-совладельцев «Шухты» в Дагестане). Так же, как и в русской артели, в этих двух моделях работники являются не наемниками, а собственниками (пайщиками) и не получают зарплату, но сами распределяют по справедливости полученный доход. Зарплата при таких подходах рассматривается как «пережиток» капиталистического типа распределения, а доход – как более зрелая форма присвоения, отвечающая более высокой ступени развития общества².

¹ Росляков А. Чужое и свое // Новый мир. 1984. № 1. С. 180, 185.

² Махоткин А. Г. Преодоление капитала. СПб.: Серебряный век, 2006.

Фактически на излете советского строя целый ряд думающих практиков и ученых (Федоров и Чартаев, безусловно, относятся к синтетическому типу ученых-практиков, ученых – социальных организаторов) предложил проводить реформы в стране не путем создания частных предприятий и буржуазных акционерных обществ, но путем поощрения форм общенародной собственности индивидуальных паев или долей. Далеко не всегда эти формы увязывали со старинной артелью, но фактически, так же как и 70 лет до того, инициаторы предлагали испробовать тот самый путь цивилизационной альтернативы, который был отвергнут в «революциях» 1917 года. Тот же Магомед Чартаев вполне ясно характеризовал свою систему не просто как социальный эксперимент, но как **выражение цивилизационной идеи**: «Специфика, на которую часто ссылаются, отмахиваясь от нас, действительно есть, но она не в особенности горного климата, не в сельскохозяйственном характере нашего труда и уж подавно не в форме носа наших собственников-совладельцев. Это чисто российские условия нашей прошлой и нынешней жизни, потому наш союз собственников-совладельцев – это наш российский вариант, наш путь в будущее»¹. Сегодня идеи Чартаева поддерживает такой неординарный политик и организатор, как губернатор Белгородской области Е. Савченко. На встрече с Изборским клубом в 2013 году Савченко, описывая успехи своей модели социально-экономических отношений, апробированной на Белгородчине, признался, что «следующим шагом должно стать внедрение экономической модели собственников-совладельцев, предложенной российским ученым Магомедом Чартаевым. Когда работающий на каждом предприятии человек не только получает зарплату за свой труд, но и выступает как совладелец части созданно-

¹ Чартаев М. Союз собственников-совладельцев. Выход из тупика // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика. Материалы международной конференции. Т. 1. М., 1996. С. 186.

го им капитала, который будет участвовать в дальнейшем производстве и приносить работнику дивиденды»¹.

Обращение к опыту русской артели на переломе эпох начиналось, хотя медленно и трудно. Кооперативное движение, развернутое во второй половине 80-х годов, довольно быстро было направлено руководителями перестройки на капиталистический путь – эта ситуация чем-то напоминала то, что происходило в начале XX века, когда кооператисты-западники пытались втиснуть созданную снизу артель в «готовые» формы, копируемые в «передовой» цивилизации. Тем не менее мыслящие ученые и публицисты задавались вопросом о применении подходов русской артели к советским предприятиям, колхозам и совхозам ради предотвращения их разорения, а также расчленения социума в новых реалиях².

Если в начале XX века кооперативное движение имело в своих рядах целое направление самобытных «артельщиков», теоретиков своеобразного пути развития отечественной кооперации, то в конце века наше общество, за небольшими исключениями, легко «проскочило» мимо возможности такого пути, некритически приняв предложения о заимствовании опыта капиталистических стран, причем в его наиболее очевидном и жестком, «американизированном» варианте. Другой же фланг общественной мысли, оппозиционный к реформаторам, также не сумел поднять на свои знамена идеал русской артели, фактически оставшись на позициях банального советского консерватизма. В основной своей массе оппозиция реформам не предлагала никаких «синтетических» путей, настаивая на необходимости возврата в недавнее прошлое.

¹ Изборский клуб. 2013. № 7. С. 35.

² В качестве примера назовем книгу: Салуцкий А. С. Артельные люди: Публицистика. М.: Советский писатель, 1990. Автор, анализируя ситуацию на селе, предлагал в качестве альтернативы пропагандируемому тогда фермерству развивать и поддерживать форму «поземельной артели», наделенной правом свободного сбыта своей продукции.

Результатом кооперативного эксперимента конца 80-х годов стало то, что большинство кооперативов превратились в квазибуржуазные предприятия, в которых количество наемных работников в десятки раз превосходило число пайщиков. Многие кооперативы создавались в качестве придатков чиновничьих корпораций, использовались для теневой перекачки государственных ресурсов в частные руки, а само слово «кооператор» в народе стало ругательным¹. По данным В. А. Марьяновского, около 86% кооперативов эпохи перестройки было создано ведомствами, учреждениями и госпредприятиями². На временной дистанции восторженные отзывы о кооперативном движении той поры выглядят довольно комично: «Где выявляется потребность в работе – туда немедленно устремляется кооператив. (...) Возникли кооперативные организации по борьбе с тараканами. Кооператоры учат детей рисовать, организуют репетиторство, со взрослыми проводят занятия по гимнастике, оказывают услуги престарелым. Есть спрос на шашлыки – пожалуйста, на лаваш – к вашим услугам. При московском производственном объединении “Союзпечать” создан торговый кооператив, который за комиссионное вознаграждение продает ночью газеты, журналы, сувениры, открытки, бижутерию и т.д. (...) Воркутинские горняки в отработанных подземных шахтах начали выращивать на кооперативных началах шампиньоны. Начавшись с шашлыков и маечек, кооперация по мере насыщения этого исходного и самого доходного на первых порах спроса переходит к более фун-

¹ Абова Т. Е. Производственные кооперативы в России. Правовые проблемы теории и практики // Государство и право. 1998. № 8. С. 71–81; Яковлев А. Н. «Синдром врага»: анатомия социальной болезни // Литературная газета. 1990. № 7 (14 февраля); Хачатуров Ю. Н. Трудный поворот к рынку. М., 1990. С. 193–194; Никифоров Л. В., Кузнецова Т. Е. Судьба кооперации в современной России // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 86–96.

² Марьяновский В. А. Советская экономика и кооперация: несостоявшийся альянс. М., 1993. С. 79.

даментальным делам...»¹. В начале 90-х годов началось открытое давление на те кооперативы, которые органично восприняли кооперативную форму собственности, с тем чтобы они переходили на форму частной собственности, искусственно создавались условия, при которых классическая кооперативная организация становилась ненужной, невыгодной, юридически не обеспеченной и даже опасной (в связи с разгулом рэкета и коррупции)².

Слепота по отношению к русской артели со стороны идеологов новой России проявилась как в действиях исполнительной власти, так и в законотворчестве. По мысли В. В. Демьяненко, «антикооперативная акция конца 1991 – начала 1992 года – преступление, разрушительные последствия которого будут сказываться на народной жизни в течение многих лет, если не десятилетий. Не было в истории нашей страны такого периода, когда импортировалось более 50% продуктов питания, наблюдались обвальный спад отечественного производства и упадок всей социальной сферы села»³. Не поменялись знаки и в начале XXI века: агропродовольственная политика в период 2000–2010 годов исходила из того, что сельскому населению надлежит выбирать в перспективе «одно из двух: или наемный, батрацкий труд, или свободное предпринимательство (*фермерство*)». В результате, – развивает мысль Демьяненко, – игнорируется кооперативная форма организации сельскохозяйственного труда и производства. И это несмотря на то, что условия для развития кооперации в России одни из лучших в мире, а главное – положительное отношение большинства граждан к коллективизму. Проблема состоит в предвзятости власти к кооперации, в

¹ Бунин П. Г. Новые ценности. М., 1989. С. 146–147.

² Никифоров Л. В., Кузнецова Т. Е. Судьба кооперации в современной России // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 91–92.

³ Демьяненко В. В. Крестьянская производственная кооперация в современной России: правовые проблемы становления и развития. Автореф. дисс. ... докт. юр. наук. Саратов, 2004. С. 4.

отсутствии хорошей законодательной базы и продуманной системы кооперативного просвещения, образования и воспитания, пропаганды гуманных кооперативных ценностей, этических норм и принципов»¹.

Гражданский Кодекс РФ ничего не говорит об артельной форме организации, предусматривая такие формы, как «товарищество на вере» (юридическое лицо), а также «простое товарищество» (не являющееся юридическим лицом). А. А. Мазаев указывает на тот факт, что законы «О сельскохозяйственной кооперации» (1995) и «О производственных кооперативах» (1996) «дают возможность вести хозяйственную деятельность, взяв за основу традиции русской артели, то есть встать на пути построения значительного сектора экономики на собственной основе, а не пытаться создать так называемый средний класс. Дело в том, что в этих законах кооператив равнозначен в юридическом смысле артели. Можно создать кооператив, а можно артель. Но в этих законах практически не раскрыт механизм функционирования артели, например, обеспечение равных условий для заработка, методика принятия единогласных решений, методика раздела заработка между членами артели и другое. Для того чтобы создать настоящую артель, нужно знать историко-правовые отношения артели с потребителями и заказчиками ее продукции и между членами артели»².

Таким образом, если лакуны в теоретическом изучении русской артели постепенно заполняются и мы все ближе подходим к пониманию ее сущности, тем не менее в практической жизни, в существующих ныне социально-экономических отношениях мы как народ остаемся «иванами, не помнящими родства», обществом с отрезанной памятью, не видящим собственной традиции в такой важной

¹ Демьяненко В. В. Крестьянская производственная кооперация в современной России: правовые проблемы становления и развития. Автореф. дисс. ... докт. юр. наук. Саратов, 2004. С. 5.

² Мазаев А. А. Артель как общинное явление // Российская государственность и местное самоуправление. М., 2001. С. 172.

сфере как хозяйственная и общественная самоорганизация. В событиях XX века русский народ утратил на низовом уровне присущую ему ранее солидарность, степень нашей атомизации зашла слишком далеко – этим объясняются многие пороки современного российского общества.

Примеры, приведенные нами в предыдущей, четвертой главе данной части, должны свидетельствовать в пользу отказа от того, чтобы принимать всерьез наукообразные разговоры о безальтернативности западного пути модернизации и социального устройства. Успехи западной буржуазной цивилизации во многом были построены на ограблении других народов, о чем ярко и убедительно писал в своих трудах Вернер Зомбарт. Если бы не эта колониальная практика, процветающий капитализм XX века был бы невозможен. Против безальтернативности этого пути свидетельствуют и японский пример (кэйрацу), и примеры старообрядцев, создавших внутри Российской империи своего рода субэкономiku, и пример Советского Союза, который, к сожалению, в целом отверг артельно-общинные традиции. Теперь китайская цивилизация демонстрирует еще один доказательный аргумент против такой безальтернативности.

Вместе с тем сегодня в западных странах, наряду с кризисными явлениями в экономике как таковой наблюдается бум переосмысления принципов и моделей организации труда и социального сотрудничества. В этом контексте можно увидеть немало любопытнейших совпадений и параллелизмов с исследуемой нами темой. Это касается новейших западных теорий по командообразованию в корпорациях, когда команда понимается как «живая структура», способная к синергетическим эффектам, возникают идеи о самомотивации сотрудников, самоуправляемых бригадах, проектных командах, «викиномике», возрождение интереса к ценностям товарищества и взаимной ответственности на производстве как факторов вовлечения в корпорацию, обращение к ценностям открытости лидера, эмпатии между

сотрудниками и т.д.¹ Большим откровением для западного бизнеса стали новейшие разработки по теме вредоносности для производства факторов внутренней конкуренции. Так, сформулированный в XIX веке принцип пастора Фредерика Мориса, который стал вдруг актуальным, гласит: «Настоящие работники должны поддерживать друг друга, а не соперничать». Согласно Р. Нисбету, в пределах «кооперативных» групп была отмечена более высокая дифференциация функции личности, что является следствием разделения труда; в «конкурентных» же группах многократное дублирование усилия было значительно, поскольку каждый должен был самостоятельно делать все, что требовалось².

Отказ от принципа конкурентности на Западе означает определенное сближение с «восточными» подходами. Известно, что в советской системе малые команды на производстве в идеале не вытесняли друг друга, а соревновались в одном русле и в одном направлении, выдавая вал одного и того же продукта («социалистическое соревнование»). Победитель не вытеснял проигравшего в соревновании, но заставлял задуматься об оптимизации системы в целом, о рецепции удачного опыта и т.д. В артельной практике также имела место здоровая соревновательность между артельщиками, не отставать от собратьев-мастеров считалось делом чести.

Другим, не менее важным аспектом эволюции подходов к труду на Западе стали новейшие разработки по мотивации сотрудников. Индустриализация и массовое производство предъявляли в XIX веке к рядовому рабочему довольно жесткие требования – как только стала понятна

¹ См., например: Хейдема Дж., МакКензи К. Как создать команду, увлеченную своим делом. М., 2009; Гостик Э. Сотрудник-невидимка. М., 2008; Граттон Л. Точки кипения. СПб, 2008; Гэлегер Р. Душа организации. М., 2006; Мэддакс Р. Успешная команда. М., 2008; Роббинс Х., Финли М. Почему не работают команды, М., 2005.

² Nisbet, Robert A. Cooperation // International Encyclopedia of the Social Sciences, ed. David L. Sills (New York, 1968). Vol. 3. P. 390.

выгодность предельного разделения фабричного труда, возник «тейлоризм», разработанная Фредериком Тейлором методика распределения трудовых операций и рационализации трудовых движений. По сути, от работника требовалось стать максимально ловким и удобным придатком к станку. Критикуя этот метод, Ленин называл его «“научной” системой выжимания пота»¹, хотя при этом советовал присмотреться к рациональной идее оптимизации трудовых операций. Кроме Тейлора отцом-основателем теории массового конвейерного производства считается Генри Форд. Рабочие, по сути, считались «мышцами» предприятия, действиями которых руководит «мозг» – менеджеры и управленческая вертикаль. Человек-работник понимался как живой автомат².

Во второй половине XX века западные теоретики труда все ближе подходили к идее команды, понимаемой не как механизм, а как **живая структура**. Эффект от командной работы в удачном случае можно выразить формулой « $2 + 2 = 5$ », то есть это **синергетический эффект**, когда происходит возрастание эффективности деятельности в результате интеграции, слияния отдельных частей в единую систему. Такое слияние оказывается возможным только при условии активной мотивации конкретного сотрудника, его позитивного включения в процесс командной работы. (Перечитав эти утверждения, читатель наверняка

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5 изд. Т. 23. С. 18.

² Создатель Центрального института труда в Москве (существовал с 1921 года) А. К. Гастев предложил иной подход к этой теме, в значительной степени вдохновленный русским цивилизационным опытом, в частности, опытом русской артели. Суть подхода Гастева видится нам в выработке трудовых установок как результата тренировки, достижения максимально четкого и экономного способа действий, «наращивания», «накапливания» установок-автоматизмов, «наладки» как техники, так и самого техника. Философия трудовых установок Гастева перерастает чисто «производственные» рамки, превращаясь в программу «новой культурной установки», подразумевающей подготовку рабочих кадров, воспитание и культивирование особого человеческого фактора в расчете на становление нового социального и технологического уклада (Гастев А. К. Трудовые установки. М., 1973).

испытывает ощущение чего-то знакомого: похожие мысли мы встречали как у теоретиков артели, так и чуть выше, у аналитиков, описывающих опыт бригадного подряда.) Возникла также мода и на самоуправляемые команды, или самоуправляемые бригады (**Self-Managed Teams**)¹. Ставка на такие формы была сделана, например, на американских заводах концерна «Toyota». Сотрудники подобных коллективов привлекаются не только к исполнению, но и к постановке производственных задач. Товарищество оказалось также очень важным фактором: в окружении дружелюбных коллег, добровольно объединенных общим делом, гораздо лучше работают все – от дворников до руководителей. Таким образом, «артельный параметр» коллектива на принципах равенства и взаимного уважения играет серьезную роль в современном командообразовании.

Важным свойством дореволюционных артелей была их временность: они часто создавались под, как сейчас сказали бы, «конкретный проект» и по окончании его самораспускались. Сегодня такой подход – на пике востребованности, особенно на Западе. **Проектные команды** – схема работы, которая предполагает существование мобильного коллектива, способного быстро собраться под определенный проект, и не теряющего своего единства во время «пауз» между такой работой. Человеческие и личные связи между членами такого коллектива не рвутся с окончанием совместного проекта. Этот момент отмечают в знаковых книгах по современным формам сотрудничества, таких как «Викиномика» Д. Тапскотта² или «Умная толпа» Г. Рейнолда³. Уходит в прошлое «прикрепленность» к определенному месту работы – теперь дешевле и эффективнее создавать группу для решения определенной задачи. В то же время сказанное

¹ См., например: Сирота Д. Работай с огоньком! М., 2005.

² Тапскотт Д., Уильямс Э. Викиномика. Как массовое сотрудничество меняет все. СПб., 2009.

³ Рейнолд Г. Умная толпа. М., 2006.

справедливо в большей степени по отношению к новейшим секторам экономики, связанным с хай-теком и информационными технологиями, тогда как в классических индустриальных предприятиях сохраняются подходы, в большей степени напоминающие классический капитализм.

Главные принципы отбора кандидатов в проектные команды:

- психологическая совместимость,
- доверие, надежность,
- профессиональные навыки,
- способность разделить ответственность,
- эмпатия, способность к сопереживанию и взаимопомощи,
- способность учиться у старших и учить младших.

Как можно увидеть, эта схема полностью противоположна набору-перекупке лучших профессионалов методом «хедхантинга». В нее включается целый ряд социальных, человеческих навыков, а не профессиональных. Фактически артельные качества опровергают утверждение, что «хороший человек – не профессия». Напротив, только «хороший человек» может работать в синергетическом коллективе. И если в целом кандидатура не вызывает неприятия у остальных участников, то можно перейти к этапу проверочного задания – испытательного срока.

Сравнивая с опытом русской артели современные западные теории лидерства, можно заметить, что оптимальный тип руководителя наиболее близок к конфигурации, предложенной Ф. Ликертом на основе исследований в Мичиганском университете (хотя и не полностью с ней совпадает)¹. И в случае артели, и в случае передовых команд на Западе в конце XX века в руководителе преобладают черты не «начальника», а лидера. Для лидера характерна ориентация не на достижение целей любой ценой, а на сам коллектив (и уже через его слаженную работу – к резуль-

¹ Карякин А. Организационное поведение. Иваново, 2001. С. 128

татам). В артелях каждый рядовой артельщик имел право просить у атамана отчета о решениях и планах. В современных условиях это осмысливается как принцип открытости – когда руководитель команды держит сотрудников в курсе принимаемых им решений, планов и намерений. Принципиальное отличие синергетического коллектива от традиционного корпоративного подразделения как раз и состоит в том, что руководителя там все признают «главным» без всякой формальной иерархии и принуждения (если, к примеру, такой коллектив расторгает отношения с большой корпорацией и становится просто группой людей, руководитель и тогда останется для них лидером).

Важнейшей формой обучения и «введения в строй» новых сотрудников в артельно-синергетическом коллективе является наставничество¹. Человека нельзя отправить куда-то учиться командной работе и потом внедрить в такой коллектив по той причине, что каждое синергетическое единство уникально. Наставник не связан формальными методами обучения, не обязан их применять. Вместо этого самое главное передается в непосредственном общении. Когда у новичка есть наставник, ему проще обратиться к нему за помощью и советом, нежели к формальному преподавателю. Наставник может передать детали внутренней культуры, правил и опыта данного коллектива в непосредственном контакте с учеником и прямо в ходе его вживания в коллектив. Наставник отвечает за ученика, «защищает» его перед остальным коллективом, что дает возможность ученику чувствовать «страховку».

Все это говорит о резком росте в самой западной цивилизации внимания и интереса к «артельному параметру» социальных групп и начинающему повороту от

¹ В отношении классической русской артели тема обучения мастерству, ученичества и наставничества отражена у ряда исследователей, таких как Г. А. Немиров, А. А. Исаев и др. Тема инициатического наставничества в древних союзах затрагивается в работе: Балушок В. Г. Инициации древнерусских дружинников // Этнографическое обозрение. 1995. № 1.

удобной модели *Homo Economicus* к другим, более сложным социально-философским и теоретико-экономическим моделям. В России же, как это стало уже нашим дурным обыкновением, в области экономической теории и практики после распада СССР стали перенимать не передовую, а «позавчерашний» теоретический капитал, ударились в крайности неолиберальных подходов, пытаясь насадить модельный тип личности *Homo Economicus*, находящийся в глубоком конфликте с национальными архетипами. В этих условиях возможности возрождения общинно-артельного уклада не использовались, а попытки отдельных энтузиастов работать в данном направлении оставались маргинальными. История между тем возвращает нас к невыученным урокам и несданным заданиям. Необходимо внимательно присмотреться к опыту предков и отказаться от упорно навязываемых нам шаблонов как об изжитых национальных традициях, их архаичности, так и о безальтернативности, «нормальности» и естественности якобы единственно верного типа экономики. Будущий экономический и производственный уклад, следующая более высокая ступень развития с ее «новой сложностью» будут, вне всякого сомнения, чем-то непривычным и небывалым, но в этом новом обязательно возродятся черты «хорошо забытого старого». Иначе не бывает.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чем объясняется склонность русского культурного типа к артельным отношениям? В ответе на этот вопрос нам видятся как более прозаические, так и высшие мотивы, которые не исключают друг друга. Безусловно, артельные формы нередко создавались как естественная модификация общинных отношений. С другой стороны, артель нередко являлась единственно возможным способом организации труда в условиях отсутствия капитала у ее членов. Специфика промыслов часто требовала объединения усилий нескольких работников. Кроме того, артели порой носили, условно выражаясь, экспедиционный характер: группа крестьян, покидая привычный мир деревни, отправлялась в незнакомый и небезопасный «большой мир» в поисках заработка. Каждый равно претерпевал трудности, подвергался опасностям и рискам, необходимость действовать сообща подталкивала работников к самоорганизации.

При этом русская склонность к артели проявлялась и там, где в ней не было необходимости. И здесь мы можем видеть группу факторов эндогенного типа, то есть обусловленных культурным укладом, в котором жил русский человек, в котором формировались его привычки и предпочтения. Нужда иногда служила стимулом к проявлению русской «смекалки», особой изобретательности, в том числе и в вопросах самоорганизации. В то же время в ходе своего исследования мы увидели на многих при-

мерах, что создание артелей чаще всего было не следствием нужды ее участников, но, напротив, следствием отбора лучших людей, наиболее пригодных к участию в творчестве более сложного, более рискованного социального уклада, чем община, и при этом уклада, несшего для каждого из них большие материальные и моральные выгоды, чем те, что они могли получить, оставаясь в общине и ограничивая свою деятельность ее рамками. В этом смысле артель стала надстроечным по отношению к крестьянской общине укладом, плодом многовекового всенародного творчества.

Выгодность артели для артельщиков иногда оспаривалась исследователями. К примеру, М. И. Туган-Барановский указывал на некоторые разновидности артелей как архаические формы, работающие чуть ли не в убыток своим участникам. Данные наблюдения носили выборочный характер и относились к тем артелям, которые подвергались систематическому выдавливанию с рынка капиталистическими предприятиями. При этом невозможно согласиться с критиками артели в том, что подобные случаи дают основания подвергнуть сомнению выгодность участия в артели по сравнению с обычным наемным трудом. Если исходить не из тенденциозного подбора фактов эпохи рыночного кризиса или обострения капиталистической конкуренции, то мы увидим обратную картину.

В классической артели человеку труда было везде и всегда работать выгоднее, чем в батраках или наемниках. Современный историк Александр Елисеев в работе «Социализм с русским лицом» справедливо отмечает: «Артель представляла собой высокоэффективную хозяйственную организацию, члены которой всегда получали значительный материальный стимул к хорошей работе – великолепные заработки. Они во много раз превышали заработки наемных рабочих – и государственных, и «частных»¹.

¹ Елисеев А. Социализм с русским лицом. М., 2007. С. 30.

О том же пишет и А. А. Исаев в своей работе «Артели в России»: «Обращает на себя внимание то благотворное влияние, которое артель, экономически самостоятельная, оказывает на материальный быт участников. Причины этого благотворного влияния слишком понятны, чтобы нуждаться в подробных пояснениях. Раз производительной артели принадлежат весь труд и капитал, влагаемые в предприятие, она получает и все доходы, добываемые путем совместной деятельности»¹. При этом Исаев оговаривается, что все эти закономерности действительны только в отношении хозяйственно самостоятельных артелей, — если же артель впадает в зависимость от предпринимателя или кредитора, то она «спускается до уровня группы наемных рабочих; в этих случаях она слишком слаба, чтобы давать своим членам те выгоды, которыми пользуются участники самостоятельных артелей»².

Укажем и конкретные примеры, приведенные Исаевым в подтверждение явной выгоды труда артели в сравнении с наемным трудом в финансовом выражении: в Казанской губернии средний дневной заработок члена земледельческой артели составляет 1 руб., а наемного рабочего — 60 коп.; нежинские табачницы зарабатывают в артелях по 30 руб. в 7 месяцев, а при единоличном найме — только 17 руб.; в родионовской артели рыбаков на члена приходится 150 руб. в год, что составляет, по местным условиям (Кадниковский уезд), очень высокий заработок; в южной России плотник, который получает у рядчика 8-12 руб. в месяц, зарабатывает в артели 20-25 руб.; по вычислениям, сделанным для Ярославской губернии, до введения артельных сыроварен, за молоко крестьяне выручали цену, почти вдвое меньшую, чем позднее посредством этих артелей³. На основании этих и множества других подобных

¹ Исаев А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 251.

² Там же. С. 252

³ Там же. С. 254.

примеров можно говорить о том, что в эпоху классической русской артели артельщик был в среднем примерно **вдвое более успешен и состоятелен** по сравнению с наемником. Не удивительно, что в народе профессиональные артельщики пользовались уважением, а отправка на артельные заработки представлялась для крестьян, особенно молодых и холостых, привлекательной.

Что касается высших мотивов, то, как показало наше исследование, они имели важнейшее влияние на выбор тех или иных форм самоорганизации, в первую очередь это касалось воплощения народных представлений о справедливости. В свете современного анализа самоорганизации в малых командах (мы затрагивали эту тему в последней части своей монографии), русская артель ее классического образца может быть определена как выдающийся образец **социальной синергии**. Термин **синергия** (греч. Συnergyia – «содейственность», «сознергичность») в новогреческом языке представлял собой абсолютный синоним понятий **кооператив** или **артель** («соратничество», латинское cooperatio). При этом он имеет огромное значение в православном богословии, обозначая соединение энергии человека и нетварной Божественной энергии, в сопряжении которых происходит духовное возрастание и преображение подвижника.

В артельном коллективе и в синергетической команде этот принцип «со-энергичности» отражает не только простое объединение усилий с целью больше заработать или решить производственные проблемы, но и эффект взаимопомощи, слаженной работы, осознания взаимозависимости участников. Степень доверия, старательности, солидарности в такого рода коллективах на порядок больше, чем в коллективах наемных работников, в которых главной и определяющей личную мотивацию является вертикальная связь между нанимателем и на-

емником, а не горизонтальные связи между работниками. В синергетических коллективах люди учатся совместно решать общие задачи, ценить тех, кто способен предложить оптимальное решение этих задач. Артельность и синергичность не тождественны коллективизму, здесь возникает более сложное качество сложения усилий, когда командный характер деятельности сочетается с глубоким индивидуализмом, от человека требуется не только уживчивость и демократизм, но и многопрофильность, и высокая адаптивность к меняющимся внешним условиям, и строгость в следовании признанным в данной команде принципам справедливости. С нашей точки зрения, такое сочетание гораздо глубже соответствует русскому культурному архетипу, чем элементарный коллективизм с его уравнительностью и инертностью.

В своем труде мы в подробностях описали модель классической русской артели. Если попробовать свести важнейшие ее черты и признаки воедино, мы увидим, по крайней мере, **двенадцать положений, которые задают рамочные характеристики артели**. При выходе за эти рамки, с нашей точки зрения, следует говорить об изменении самой сущности классической артели или разрушении ее исторически обусловленной целостной модели. При систематическом нарушении того или иного принципа исследователь вправе говорить о вырождении или деградации артели.

1. Добровольность участия в артели ее основных взрослых членов, возможность выхода из артели, осуществляемого по определенным правилам.

2. Основа артели – личный труд участников. При этом участие внешнего пайщика, заказчика, посредника, наемных работников часто имеют весьма важное значение для жизнедеятельности конкретного союза, но все эти факторы не определяют суть артели и не должны вести к размыванию ее базовых принципов.

3. Согласованность действий, совместное распределение функций и участков работы.

4. Самоуправление, которое проявляется в *общем собрании* участников как высшем органе власти в артели, *избрании* руководителя и иных органов управления, *контроле* участников за ходом исполнения решений и реализации принципов артели. Самоуправление, если несколько абстрагироваться от привычной рефлексии на эту тему, означает в первую очередь не какие-то формально-процедурные демократические черты, но в первую очередь глубинный характер участия всех и каждого в общем деле, не только в самом труде, но и в управлении, организации труда, согласовании спорных вопросов. Демократической процедуры в таком самоуправлении могло и не быть, многие решения принимались по молчаливому согласию, при том что голос участника артели не мог быть заглушен.

5. Круговая порука как солидарная ответственность участников перед внешними субъектами правовых и экономических отношений.

6. Наличие в артели гласного или негласного договора (устава), основу которого составляли известные всем обычаи и традиции данной местности и данной хозяйственной отрасли, промысла.

7. Элементы общего быта и стола, специальных артельных ритуалов и обрядов (иногда приобретающих всеобъемлющее значение, как, например, в обычае «помочей», преобразующих взаимопомощь трудом в эстетизированный фольклорный ритуал сродни религиозному).

8. Распределение доходов пропорционально личному вкладу участников на основе равенства их прав. В подавляющем большинстве артелей критерии и приоритеты, связанные с оценкой вклада участников, долей их труда и заслуг в общем деле, были детально ясны всем опытным артельщикам и связаны с идущей из прошлого традицией справедливого распределения. Хотя встречались и случаи

абсолютно равного распределения доходов среди артельщиков, это практиковалось при условии доверия между артельщиками, на основе общего понимания и согласия по поводу справедливости в каждом конкретном случае такой схемы распределения, то есть согласия по поводу равенства самих артельщиков как трудовых единиц (в их производительной силе, мастерстве, полезности для собратьев), равенства или эквивалентности выполненных каждым долей общей работы.

9. Отсутствие ответственности артели по *личным* долгам и провинностям конкретного артельщика (их нельзя путать с артельными обязательствами, на которые распространялась круговая порука); при этом нарушение артельщиком законов и нравственных норм внешнего по отношению к артели общества, наносящее или способное нанести ущерб репутации артели, порицалось вплоть до наказания и исключения из артели.

10. Сочетание хозяйственно-экономических целей деятельности с целями духовными, нравственными, связанными с осознанием артели как высшей социальности, братства и взаимопомощи; поощрение артелью этих высших качеств (образ «артельного человека» как приспособленного к взаимодействию и согласованной, предсказуемой, ожидаемой его собратьями деятельности, высоко ценящего артельное братство).

11. Жесткое пресечение индивидуальных действий артельщика, когда тот получает какие-либо частные выгоды или корысти за счет артели без согласования с ней, без ее ведома, без учета общей пользы и интересов собратьев.

12. Отбор людей в артель по сложной системе критериев. В большинстве артелей был строгий подход к компетенциям и навыкам новопринимаемых лиц, строгий подход к их нравственному облику и способности соблюдать писанные и неписанные нормы артели. Как правило, артель в народном сознании воспринимается как образец **высокой**

общности: не каждый может работать в артели, до уровня «артельного человека» необходимо подняться, возрасти, а поднявшись – удержаться на этом уровне. Артельный человек, в особенности руководитель и организатор артели – уважаемый в народе человек. Это своего рода «знак качества» личности.

Русский народ с его ментальными и культурными архетипами в разные исторические эпохи воспроизводил эту благородную модель высокой социальности. Присутствием артельных архетипов объясняется и внутреннее сопротивление носителей русской культуры попыткам навязать чужие модели коллективизма коммуны, частнособственнического предпринимательства, пресловутого «рационального» экономического поведения, протестантской хозяйственной этики.

Русская артель и артельный человек будут воспроизводиться и впредь, и важно сделать все возможное для того, чтобы различные препятствия, столь часто встречавшиеся в нашей истории на их пути, были устранены. Нам необходимо достигнуть новой ясности в понимании естественных склонностей и преимуществ нашего народа, чтобы не повторять ошибок прошлого, и не жертвовать во имя каких-то абстракций и экспериментов этим величайшим внутренним богатством Русской цивилизации.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Артель – один из устоев русской народно-хозяйственной жизни, излюбленная форма социальной, трудовой и хозяйственной организации русского народа, широко распространенная до революции 1917 года, а также после революции в виде различных форм кооперации, в первую очередь промышленной кооперации. По В. И. Далю, товарищество за круговой порукой, братство, где все за одного, один за всех. Известны разные исследовательские попытки дать то или иное определение этому понятию. Мы понимаем под артелью **добровольное (товарищеское) объединение с приоритетом личного трудового вклада участников, создаваемое для совместной деятельности на началах самоуправления, солидарности и взаимной ответственности**. Слобожанин (Е. Д. Максимов) определял артель как «добровольный союз нескольких лиц, согласных т.е. солидарных, между собою, доверяющих друг другу и скрепивших свои договорные отношения обетом или клятвой содружественных людей, преследующих общую цель оказания личности возможности свободного проявления своей индивидуальности». Он же относил артель к одному из типов народовластия и трудового начала. В фундаменте классической русской артели: справедливость (равноправие), самоуправление, солидарность (в том числе в форме *круговой поруки*), согласованность действий.

Артели могли устраиваться для достижения самых разнообразных целей: религиозных, образовательных, воспитательных, общежительских, хозяйственных (земледельческих

и промысловых), торговых, политических, военных и т.д. См. *разновидности артелей по роду занятий*.

Существует расширительная трактовка понятия «артель», которая опирается на народное словоупотребление. Так, даже преступные союзы (разбойнические артели) или союзы нищих-попрошайек могли называть артелями. Вопрос о границе между артелями и квазиартелями, псевдоартелями остается дискуссионным. С нашей точки зрения, союзы, созданные с паразитическими целями, группы нищих, «артели», созданные как прикрытие мошеннической и воровской деятельности и т.п., не могут называться артелями. См. также *неправильные артели*.

«Артель» – сообщество масонов-кооператоров перед революцией 1917 года, куда входили С. Л. Маслов, А. В. Чаянов, А. А. Рыбников, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров. Есть основания полагать, что члены «артели» были скованы дисциплиной, при которых личное желание «брата» играло второстепенную роль, тогда как решение «артели» считалось непререкаемым. Вопросы высшего назначения на ответственные политические посты решались коллегиально. Источником основных сведений об «Артели» служат письма А. В. Чаянова, которые изучались историками Э. М. Щагиным, А. В. Лубковым.

Атаман – одно из самых распространенных, наряду со *старостой*, наименований руководителя артели. См. также *ватаман*.

Биндюжники (бендюжники) – занимались перевозкой хлеба и сырья из магазинов в магазины и на суда. См. *дрягили*.

Биржевые артели – возникшие в начале XVIII века артели по обслуживанию морских портов. Дело биржевых артельщиков главным образом сводилось к погрузке и выгрузке товаров на бирже, упаковке и сопровождению этих товаров и охране («стережению») их в складочных местах. Биржевые артельщики кроме того, исполняли разные обязанности у купцов. Отличались достаточно большим числом членов, высоким заработком, большой величиной артельного пая, высокой степенью регламентации артельной деятельности.

Братчина – в широком смысле то же, что братство, товарищество; в узком смысле – организация совместного пира вскладчину, сообща. Братчина, по самому своему названию, как «пирушка мірская», представляется одним из выражений общинного начала (см.: Попов А. Н. Пир и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. М., 1854. Кн. 2. Ч. 2. Отд. VI. С. 19–41).

Бригадный подряд в СССР – система организации труда, с помощью которой пытались повысить производительность и мотивацию советских рабочих. Принцип бригадного подряда: бригада вступает в особые отношения с предприятием, которое выделяет ей фронт работ, средства производства и бюджет; бригада самостоятельно распределяет этот бюджет между работниками. На практике этот принцип, как правило, нарушался, партийные органы и начальство вмешивались во внутрибригадные отношения, пытались навязывать модельный опыт и механизмы самоуправления, в частности, контролировать бригадные собрания, определение коэффициента трудового участия, согласно которому распределялись деньги и т.д. Во многих своих чертах бригадный подряд напоминал старинные артели, в особенности *заводские артели*.

Бурса – соединение нескольких *ромш* для общего промысла. В белужьем промысле: артель, использующая обметный невод (название, употребляемое на Онежском берегу). См. также *котляна*.

Ватага – древнерусская форма организованной самозащиты и самоорганизации русских людей. По Далю, дружная толпа, шайка, артель; временное или случайное товарищество, для работ, для попутья и пр. Известны «ватаги переселенцев в пути». Также существовали и промышленные ватаги, упоминания о которых находим в средневековом Новгороде. Чаще всего ватагами назывались рыболовные артели. См. *ватаман*.

Ватаман – глава, начальник, старшина ватаги. Одно из распространенных в России названий главы артели, чаще всего рыболовной. В польском языке *wata* – рыболовная сеть.

По Далю, в этом слове будто сошлось двоякое производство: атаман и ватага.

Вкуп – взнос определенной суммы денег за вступление в артель.

Громада – многозначное слово; мир, общество, мирская сходка, слово в данном значении употреблялось в Воронежской и Курской губерниях. См. *община*.

Гуртовá – в Малороссии артели, которые совместно арендовали и обрабатывали землю.

Договорные семьи – общинно-артельная форма объединения крестьян, находящихся в близком родстве. Чаще всего они состояли из нескольких семей, хозяйства которых были ослаблены в результате семейного раздела – «договорные семьи» служили своего рода компенсационным механизмом после распада патриархального уклада. Руководителем подобной артели обычно был старший брат. Семьи жили в разных избах, но сообща трудились, питались, закупали необходимое, нередко разгораживали дворы и создавали общий большой двор.

Дружина – 1) древнерусский тип военно-промышленного союза во главе с князем. Ближайшие сподвижники князя. В дружинах князь не являлся бесспорным вершителем дел, подобно отцу в патриархальной семье. Дружины имели старших представителей, которые могли заявить князю о готовности либо неготовности идти с ним в поход, о претензиях и т.п. 2) Синоним *ватаги*. Потребность в самозащите населения от внешних и внутренних врагов произвела воинские артельные организации – дружины, создаваемые снизу. Дружина в данном значении – военное братство, основанное на договоре «на жизнь и смерть».

Дрягили, дрогали (нем. *Träger*, носильщик; возможно также происхождение от слова «дроги» – телега без кузова, которую использовали для перевозки товаров). Артели приморских носильщиков или грузчиков (биндюжников). Они встречались во всех южнорусских портах, где занимались в основном доставкой на суда идущего на экспорт сырья и хлеба, но также и на севере (Архангельск и др.). Кроме того, дряги-

ли принимали товары, подлежащие обложению пошлинами, и размещали их на складах таможи. В 1827 году специальным положением о дрягилях была одобрена их деятельность при портах и таможах. См. также *биндюжники*.

Дуван – акт раздела доходов между артельщиками.

Забродники (заброднические или забродческие ватаги) – артели рыболовов на Юге России. Забродчик – тот, кто рыбачит с неводом.

Заводские артели – артели, связанные с заводской деятельностью, прикрепленные к государственным или частным заводам. На ряде российских заводов XVIII–XIX веков многие цеха укомплектовывались рабочими, организованными артелями или артелеподобными группами, в рабочих коллективах использовался в той или иной мере артельный принцип.

Задруга (*серб.*) – в балканских славянских странах употребляется в значении артели.

Калики (перехожие) – в широком смысле – путешественники или паломники, странники. Нищенствующие богатыри в старину. Ходили иногда целыми «артелями» с атаманом во главе. Калики считались хранителями и исполнителями древней традиции духовных песен и стихов.

Каталаж артельный – имущество артели.

Киббуц (*ивр.*) – сельскохозяйственная община (коммуна) в современном Израиле. В киббуцах происходит обобществление собственности на коммунистических началах. См. *мошав*.

Киновия (от *греч.* Κοινός – общий, βίος – жизнь). Общежительный монастырь. В жизнедеятельности киновии использовались глубокие формы кооперации. См. *общезитие*.

Колхоз – форма коллективного хозяйствования в советском сельском хозяйстве. По уставу колхозы именовались сельскохозяйственными артелями. В отличие от коммун в колхозах обобществлялось не все имущество крестьян, а только главные средства производства. У крестьян оставались дом и приусадебное хозяйство и минимальное количество скота. Луга, пашня, мясомолочный и тягловый скот отходил в колхозную собственность. Колхозы представляли собой компромисс

между коммунистическими установками партии и общинно-артельными традициями крестьянства.

Коммуна (лат.) – в широком смысле коммунистическая община, община, где отсутствует частная собственность, а жизненные блага распределяются между трудящимися по их потребностям; в узком смысле в период 1918–1929 годов – экспериментальные сельские коллективные хозяйства, где обобществлялось все имущество крестьян, включая личную собственность.

Кооператизм – идейное направление в отечественной мысли и практике, связанное с народничеством. Термин восходит к Э. Пфайфферу, видевшему в кооператизме альтернативу как капитализму, так и социализму, своего рода третий путь. Кооператизм провозглашал целью социальных преобразований постепенное, эволюционное построение нового типа общества как всеобъемлющей системы кооперативов. В противовес набирающему силу учению о кооперации была выдвинута идеология **кооператизма-артельности**, поддержанная «артельщиками» из среды организаторов промышленной кооперации и интеллигенции. Наиболее яркое свое выражение она получила в работах **Евгения Дмитриевича Максимова** (1858–1927), который также часто публиковался под псевдонимом **Слобожанин**. В основе кооператизма – первенство личности и ее интересов. В этом отношении кооператизм противоположен индивидуализму (капитализм) и коллективизму (коммунизм). Идеи кооператизма-артельности получили поддержку на III Всероссийском съезде деятелей по кустарной промышленности (1912), который провозгласил производительную артель высшим типом кооперации.

Кооперация (лат.) – совместный труд, совместное действие многих для одной общей цели. 1) Форма организации труда, для которой характерно взаимодействие нескольких или многих лиц. 2) Экономико-правовая форма организации деятельности рабочих, служащих, мелких производителей (крестьян, кустарей и ремесленников) и т.д. Кооперативам присущи: добровольность и свободное членство; самоуправ-

ление; равенство и демократизм (принцип «Один член – один голос» вне зависимости от количества паев); самостоятельность, самодеятельность, взаимопомощь; личное участие; нацеленность на удовлетворение индивидуальных потребностей членов кооператива путем повышения производительности, доходности, облегчения или удешевления ведения хозяйства или домохозяйства; материальная ответственность членов кооператива друг за друга (круговая порука, субсидиарная ответственность).

Кооперативы отличаются от капиталистических предприятий тем, что их основной целью является не получение прибыли на вложенный капитал, а удовлетворение потребительских, производственных, кредитных и иных потребностей их членов. Кооперативы отличались от артелей тем, что: 1) являлись открытыми для вступления в их ряды неограниченного числа членов; 2) сохраняли и укрепляли индивидуальное хозяйство пайщиков; 3) не представляли собой объединения живого труда своих членов; 4) сфера деятельности связана не только с производством, но и в значительной степени с областью сбыта, переработки, кредита, закупок, страхования, снабжения потребителей и производителей и т.д.

Среди известных и ярких деятелей российской кооперации выделяются имена П. А. Кропоткина, М. И. Туган-Барановского, А. В. Чаянова, Ф. А. Щербины, Е. Д. Максимова (псевд. М. Слобожанин), С. Н. Прокоповича, А. И. Чупрова, А. А. Николаева, В. П. Воронцова, А. А. Исаева, А. Н. Анцыферова, А. А. Евдокимова, Н. В. Левитского, К. А. Пажитнова, С. Л. Маслова, Б. Д. Бруцкуса и многих других.

Классификации кооперативов весьма разнообразны. В настоящее время, согласно классификации МКА (Международный кооперативный альянс), кооперативы делятся на семь групп:

1. Потребительские
2. Кредитные
3. Сельскохозяйственные
4. Многоцелевые
5. Жилищные

6. Производственные

7. Рыболовецкие

Кооперация в России сосуществовала с артелью и общиной. Производственная кооперация, создававшаяся в XIX – начале XX века в соответствии с теоретическими образцами, заимствованными из опыта западноевропейских ассоциаций, представляет собой позднее явление в сравнении с русской артелью. Вопрос о родстве этих форм самоорганизации широко дискутировался.

«Кооперация» – масонское сообщество, объединявшее ряд лидеров российского кооперативного движения и сыгравшее заметную роль в Февральской революции. В масонские ложи входили такие видные деятели кооперации, как Н. В. Чайковский, Д. И. Шаховской, С. П. Прокопович, В. В. Хижняков, С. П. Середа, И. И. Скворцов-Степанов. См. также *«Артель»*.

Копартнершип – предприятия на паях, в которых часть паев принадлежит рабочим, а часть капиталистам. Таким образом, рабочие получают на этих предприятиях не только заработную плату, но и дивиденды как собственники-пайщики. Правление предприятия избирается общим собранием пайщиков.

Кормщик – глава морской промысловой артели, главная распорядительная власть на судне.

Котляна – соединение нескольких артелей для общего промысла. В рыболовном промысле отдельные суда, как правило, представлявшие собой отдельные артели, могли соединяться с другими судами и совместно координировать свои действия, тем самым артели взаимно страховали друг друга от неудачи, а их шансы на успех промысла улучшались. См. также *ромиша, бурса*.

Круговая порука – в обобщающем смысле ответственность всех членов артели за каждого из ее членов. Круговая порука имела место и в крестьянской общине, там она применялась также и с фискальными целями: для обеспечения выплаты недоимок, выполнения повинностей, общественных работ и т.п. В юридическом плане разновидность солидарной ответственности. Древняя формула круговой поруки: «Кото-

рой из нас в лицах, на том деньги» – встречается во многих письменных источниках. Сущность круговой поруки заключается в том, что внешний субъект (работодатель, заказчик, заимодавец и т.д.), вступая в какие-либо отношения с артелью, получал расширенные гарантии своих прав. На практике круговая порука не означала перекладывания ответственности или вины с одного члена артели на других, но означала верховенство внутреннего суверенитета и автономности артели, которая сама разбиралась с виновником ущерба, тем самым он был огражден от судебных преследований. Возмещение ущерба, как в артели, так и в общине, практически всегда осуществлялось за счет реального виновника, при этом артель смягчала его положение, могла предоставить займ, рассрочку, не допуская его полного разорения.

Кустари – представители мелкого домашнего производства, выходящего со своими товарами на рынок. (В отличие от кустаря, ремесленник, как правило, выполняет заказы.) Большинство кустарей работали вне артелей, однако встречались и успешные кустарные артели, в особенности при наличии систематических централизованных закупок их продукции. Среди кустарных артелей наиболее распространенными были артели сапожные, кузнечно-слесарные и столярные.

Кэйрацу (*япон.*) – крупные японские корпорации, выстроенные на кооперативных началах с использованием ряда принципов традиционных общинных отношений.

Лапотные деньги – вознаграждение артельщику, нашедшему заказчиков для артельной работы.

Маслодельные артели – артели, рядовыми участниками которых выступали владельцы коров, сдававшие излишки молока в общий фонд с целью совместной его переработки и сбыта. Особенно широко этот род артелей распространился в Сибири в начале XX века. По своему характеру эти союзы приближались к сбытовой кооперации.

Масонство и кооперация – см. *Артель, Кооперация.*

Мир – синоним «общины» как единицы местного самоуправления. В России территория с центром в сравнительно

большом населенном пункте называлась волостью, а население волости – миром. См. также *община*.

Мошав (*ивр.*) – в Израиле сельскохозяйственный кооператив, близкий по устройству артели.

Неправильные артели (квазиартели) – групповые союзы лиц, внешне напоминающие артели и обычно именовавшиеся артелями, но по сути занимавшиеся недобросовестной деятельностью, несовместимой с нравственными и трудовыми принципами традиционной русской артели. К ним относились группы нищих-попрошак, криминальные группы, союзы, созданные с целями мошенничества, воровства, получения заведомо невыполнимых заказов с целью присвоения аванса и т.д. С развитием капиталистических отношений артельная правовая форма иногда использовалась мошенниками, а также паразитическими посредниками с целью продажи и перепродажи чужой рабочей силы.

Новик – вновь вступивший член артели (термин употреблялся в биржевых и некоторых других артелях).

«Обчие» – артели «обчих», крестьянские союзы, создававшиеся на временной основе для решения задач хозяйства и благоустройства, когда требуется сложение усилий. Чаще всего устраивались соседями.

Общежитие – многозначный термин: 1) философское обозначение совместного бытия; 2) иноческие общежития, братства можно отнести к духовным артелям; 3) специально организованные мирские формы совместного проживания, например общежития иногородних студентов, рабочих, не имеющих в данной местности своего жилья. В советское время возникла своеобразная культура общежития и общения, связанная с высокой скученностью населения в городах. Митрополит Питирим (Нечаев) вспоминал о предвоенном времени в Москве: «Тогда в наших коммунальных квартирах, в условиях чрезвычайно трудных социальных, политических перемен, ломок, оставались непререкаемыми основные ценности: достоинство личности, которая в скудости созидает свой духовный мир, и законы общежития, которые позволяли людям с разны-

ми характерами, разными способностями, но одухотворенным одной идеей совместного родового, племенного, семейного, просто человеческого совыживания, сохранить Русь так же, как и в погромном тринадцатом веке, и в Смутное время, и в переломный, страшный век двадцатый» (Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2004. С. 64).

Общественные запашки – совместная обработка части общинной пахотной земли. Хлеб, полученный с этого поля, шел или на заполнение общественных хлебных магазинов (складов), или на удовлетворение каких-либо мирских потребностей. В конце XIX века имели место злоупотребления общественными запашками со стороны государства, принуждавшего крестьян создавать общественные фонды, в том числе для выплаты налогов и повинностей. Это сделало общественные запашки на время непопулярными.

Община – один из исконных устоев народной жизни. Русская община представляла собой трудовой союз крестьянских семей, владеющих землей сообща на уравнительных началах, пропорционально числу взрослых работников мужского пола. Община в России была одновременно и органом сельского самоуправления, и общественной организацией, и объединением производственных единиц. Ф. А. Щербина считал слово «община» заимствованным, чуждым народному разговорному языку, в котором утвердились следующие понятия: *мір*, *громада*, *юрта*.

Община (крестьянское общество или крестьянский *мір*) просуществовала на Руси вплоть до коллективизации. Большинство населения России тогда составляли крестьяне, а община являлась той формой объединения, в рамках которой протекала вся их жизнь и деятельность, от поколения к поколению здесь передавался жизненный опыт. Община защищала своих членов перед государством и господствующими слоями населения.

Община занималась вопросами пользования и распоряжения землей. Крестьяне на общем сходе совместно решали, как распределить общинную землю между отдельными дво-

рами, устанавливали порядок земледельческих работ, могли принять решение о взятии в общинную аренду, о продаже или покупке того или иного участка земли. Уравнительное распределение земли между семьями (обычно семьи наделялись землей по числу душ мужского пола, в других случаях – по числу едоков), состав которых со временем мог естественным образом меняться, являлось важнейшим выражением общинной справедливости и социальной поддержки больших семей.

Административная функция предполагала осуществление избрания на сельских сходах должностных лиц (старосту, писаря, десятских, сборщика налогов, заведующих делами, ночных караульчиков, школьных сторожей, пастухов, смотрящих за порядком и т.д.) и установление правил общественного порядка. Сход мог брать на себя и некоторые судебные функции, например разбирать дела о кражах, ссорах, семейных разделах имущества, дела об опеке сирот и т.п.

Община ведала распределением между домохозяевами податей (налогов) и осуществляла их сбор, организовывала исполнение натуральных повинностей, таких, например, как предоставление подвод для государственных нужд, ремонт дорог и т.п.

Хозяйственные и финансовые функции могли проявляться в устройстве хлебных магазинов (складов), продовольственного капитала, раскладке пособий, назначении содержания выборных и наемных лиц. Мир выделял денежные средства для ремонта или постройки школы, церкви, дорог.

Крестьянская община выполняла функцию социальной защиты и взаимопомощи. В рамках общины осуществлялась помощь сиротам, вдовам, пожилым, больным, погорельцам. Система деревенского призрения выражалась также в выдаче безвозмездной ссуды, выделении участка в общественном лесу, отводе земли для постройки дома и под огород.

Главным инструментом охранения нравственных устоев в общине являлось общественное мнение. Вся крестьянская жизнь проходила на глазах у односельчан, а потому любое отступление от общепринятых моральных норм не оставалось

незамеченным, тогда в дело вступала сила общественного мнения и следовали соответствующие санкции.

В середине XIX века общественная дискуссия вокруг общины получила название «великий русский спор». В дискуссии приняли участие ведущие мыслители той поры: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, Т. Н. Грановский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, М. М. Ковалевский. В дискуссии на тему общины и общинности принял участие и К. Маркс. В письме к В. Засулич он писал: «Русская община – точка опоры социального возрождения России» (К. Маркс – В. Засулич. Письмо от 8 марта 1881 г. Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 19. С. 251). Если для Маркса община (и артель) являла собой росток возможного светлого будущего, то для В. И. Ленина община представлялась темным пережитком старины, который необходимо уничтожить ради развития промышленности. Стоит отметить, что негативный взгляд на общину разделяли и многие либеральные экономисты. Так, например, В. В. Краинский полагал, что община – древняя, варварская форма землевладения, основанная не на сознании общей выгоды и обеспечения, а «исключительно на косности сельской среды, которая опасается, да и не умеет выйти из рамок архаических, традиционных форм производства».

Процесс разложения общины после реформ 1961 года был достаточно медленным и нелинейным. По данным К. Р. Качоровского, к концу XIX века в России существовало еще около 300 тысяч поземельных общин. Значительная часть русского крестьянства в ходе революционных потрясений первых десятилетий XX века вернулась к общинному укладу.

Одначество – форма совместных, организованных и единодушных действий и усилий, направленных к самозащите членов артели, защите профессиональной чести и интересов лиц, участвующих в договоре общего дела, предприятия, общего владения. В наиболее ярком и развитом виде встречается в союзах речных носников и кормщиков (лоцманов и капитанов), скреплявших свой союз специальным докумен-

том – «одинашной записью». Одинашники обязались вступать друг за друга, выручать в беде, в том числе из тюрьмы или из-под ареста, отстаивать интересы своих собратьев перед клиентами, заказчиками, властями. Крайней мерой самозащиты объявлялась всеобщая стачка, которая могла парализовать речное транспортное сообщение. В каком-то смысле союзы одиначества предвосхищали западноевропейские профсоюзы и тред-юнионы. Одиначество было свойственно в основном выходцам из Поморья, то есть представителям черно-тяглых посадских и мирских земель с их богатыми традициями крестьянского самоуправления и солидарности.

Перерождение артели – процессы деградации артели, утраты ею ее сущностных черт, активизировавшиеся в последней трети XIX – начале XX века. В этот период растет число квазиартелей, многие артели попадают в зависимость от капитала, часть артелей поглощается иными предприятиями, сближаются по сути с частными или акционерными обществами. Во многих квазиартелях артельщики перестают участвовать личным трудом в делах артели, получая лишь барыши, осуществляют спекуляции «артельным местом» (так называемый артельный азарт), используют артель как удобную юридическую форму для прикрытия другой деятельности, в том числе незаконной, и т.д.

Подрядчик – агент, связывающий артель с заказчиком, ищущий для нее заказы; часто подрядчик выступал не как посредник, а как постоянный, находящийся внутри артели представитель заказчика, вмешивающийся в процесс и характер ее деятельности; в ряде случаев это название использовалось как синоним главы артели.

Покрута – род артели, где хозяин представляет капитал, средство производства, а остальные члены артели – труд. Термин встречается в среде промысловиков-рыболовов на Русском Севере.

Половинщики – союзы половинщиков вступали с хозяевами земли в натуральные отношения аренды: обрабатывали земли за половину урожая.

Помочи – от глагола «помогать». Обычай взаимопомощи, решения дела сообща. Жители сел и деревень собирались вместе для выполнения какой-либо коллективной работы, длящейся, как правило, не более одного, максимум 2–3 дней, в пользу одного лица или семейства. Те, кому оказывалась помощь, как правило, должны были организовать угощение для работников. Эти работы могли быть крайне разнообразны – сельскохозяйственные постройки, кладка печей, рытье колодцев, рубка дров и т.п. Характер помочей носили и очередные работы при каком-либо ремесле – гнутье полозьев у кустарей-колесников, пряжа и пр. См. также *толока*.

Потребительские артели – формы потребительской кооперации и самоорганизации в России, такие как харчевые артели у солдат, офицеров, моряков, арестантов, объединения для совместного съема жилья и проч.

Приютинское братство – возникшее в середине 80-х годов XIX столетия в стенах Петербургского университета сообщество интеллектуалов, занимавшихся совместной научной и жизнестроительной деятельностью (поисками живого конкретного общего дела на основе внутренней духовной связи участников, общей картины мира и общих ценностей). Этот кружок включал в себя Д. И. Шаховского (†1939), В. И. Вернадского (†1945), С. Ф. Ольденбурга (†1934), И. М. Гревса (†1941), А. А. Корнилова (†1925) и др., затем он перерос рамки кружка и превратился в своеобразное сообщество, в котором исследователи усматривают черты общины и артели. Братство просуществовало удивительно долго (в тех или иных формах около полувека), его участники сохранили и пронесли через всю свою жизнь «приютинскую» идентичность, сложившуюся под влиянием славянофильских идей о соборности, а также идей Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. Ф. Федорова.

Производительные артели – термин в специальной литературе о кооперации, обозначавший тип артелей и кооперативов, которые сами производили и при этом пытались реализовать на рынке свою продукцию, выступая в качестве коллективного предпринимателя полного цикла. Их отличали

от *трудовых артелей*, трактуемых в качестве коллективных продавцов своей рабочей силы. Трудовые артели осуществляли кооперацию преимущественно в сфере труда, тогда как производственные артели – более широкую форму кооперации. Производственная кооперация чаще всего занималась ремесленным делом, земледелием, иногда на ее основе возникали небольшие промышленные предприятия.

Промысловая кооперация – вид кооперации, объединяющий кустарей и ремесленников для совместного производства, оказания услуг, закупки сырья, сбыта продукции, использования помещений, технического оборудования и др. После 1917 года советская власть попыталась объединить всех кустарей и ремесленников в единую сеть промкооперации и охватить их системой профессионально-отраслевых союзов. Советская промкооперация, пережив целый ряд реформ, была практически уничтожена к началу 60-х годов. Наиболее успешные предприятия промкооперации влились в советскую промышленность.

Промыслы – производительная деятельность в традиционном обществе: ремесла (создание какой-либо продукции) либо добыча каких-либо природных благ. «Промышлять» – значит заниматься каким-либо промыслом. Промыслами занимались как в одиночку, так и группами. Во втором случае, как правило, образовывались артели или близкие к артели формы.

Разновидности артелей по роду занятий – бортники, бурлаки (ярыжные), вязальщики, звероловы и охотники, землекопы и граборы, извозчики, кузнецы, лесорубы, лодочники, маляры, носильщики и погрузчики (биндюжники, дрогали, дрягили, крючники, балластные), парильщики, пильщики, половые, посыльные, почтовые, рыболовные (забродники, вешняки, тагасы и др.), сельскохозяйственные артели (гуртовá, кортомщики, косари, молотильщики, табачницы, чередники и мн. др.), слесари, сплавщики, станционные, сторожа, строители (каменщики, плотники, судостроители, глинобитчики), сыровары, судоходные (носники и кормщики), ткачи, трубо-чисты, упаковщики (бондари, купорные артели) и др. А. А.

Исаев в своем списке артельных «отраслей промышленности» указывает на такие занятия, как добывание соли, угля, золота, смолокурение, канатно-веревочное, конопатное, льнотрепальное, крахмальное, скотобойное дело; пушницы, серповщики, точильщики, сапожники, шерстобиты, различные чернорабочие, монопольные таможен, торговцы игольным товаром, тряпьем, газетами. См. также: *биржевые артели, заводские артели, старательские артели, иштуры*.

Ромша – небольшое объединение артелей в рыболовном промысле, как правило, несколько карбасов. Ромши, в свою очередь, могли объединяться в большие союзы артелей – *бурсы*. См. также *котляна*.

Самоорганизация – в социальном плане: формирование снизу союзов и товариществ на началах самоуправления; в широком смысле: процессы упорядочивания внутри сложных систем без управляющего внешнего воздействия, изучаемые в теории систем, синергетике, физике сложных систем.

Священная артель (декабристов) – законспирированная организация будущих декабристов в Петербурге в 1814–1817 годах, ее можно назвать «преддекабристской». Ей предшествовало юношеское общество «Чока» (1810–1812). В Священную артель входили А. и М. Муравьевы, Бурцов, И. Пущин, Дельвиг, Кюхельбекер и др.

Сечь (*малоросс. Січъ*) – соединение промысловых товариществ и организаций, близких рыцарским союзам (то есть гибрид хозяйственно-бытовых и боевых артелей). Самая известная из них – Запорожская Сечь, превратившаяся в сложную систему орденского типа с элементами республики.

Синергия (*греч. Συnergyia* – букв. «содейственность», «соэнергичность»). В новогреческом языке *συnergyatikή* обозначает **кооператив** или **артель**. В православном богословии – стяжание благодати актуальным соединением тварных энергий человека и нетварной Божественной энергии. **Соработничество** Божественной и человеческой энергии – ключевой элемент православной богословской доктрины и духовной практики. Об обитании Св. Духа в человеке (то есть синер-

гии) говорится у апостола Павла: «Мы соработники (συνεργοί) Бога» (1 Кор. 3, 9). В текстах Нового Завета образованные от греческого глагола συνεργέω слова встречаются много раз.

В естественных науках «синергетический эффект» – достижение нового качества системы при сложении нескольких факторов, действовавших до этого отдельно по принципу «новое целое больше суммы сложенных частей». Свойства такого рода изучаются в синергетике, теории систем.

Складничество – организация крестьянами союза вроде большой семьи из разных семей. Складники соединялись для ведения промысла, который трудно было вести в одиночку, для решения конкретных задач, таких, как корчевание леса, расчистка земель под пашню и др. Часто имело место при переселении (в частности, колонизации Севера). В более позднее время складничество по долям (паям) использовалось при строительстве и обслуживании мельниц несколькими хозяйствами. См. также *общие*.

Термин встречается в документах XIII века и означает купеческое товарищество на паях. Купцы (нередко родственники) заменяли друг друга в поездках, неся материальную ответственность за доверенный чужой товар. Складническое соглашение между ними могло быть как длительным, так и эпизодическим.

Складчина – артельный тип самоорганизации, имеет много разновидностей. В широком смысле – совместное предприятие, предполагающее сложение сил и средств участников. В узком смысле слово «складчина» чаще всего употребляется как синоним «братчинного пира», то есть совместных увеселений. Первые упоминания о «складчинных пирах» относятся к отдаленным временам истории Руси. Складочные пиры устраивались в дни религиозных и общественных праздников. Это были добровольные, в складчину, увеселения и развлечения. В христианскую эпоху их стали называть братчинными пирами. См. *братчина*. Эти формы самоорганизации имели и своего выборного представителя – «пирового старосту» – и нередко от увеселений и пиршеств переходили к обсуждению серьез-

ных дел и даже к суду. Малороссийские складки представляли собой самоорганизацию молодежи на большие праздники.

Старательские артели – артели золотодобытчиков, существовавшие в разных формах, начиная от мелких групп «диких артелей» в два-три человека, добывающих золото с помощью кайла, лопаты и небольшого лотка, и заканчивая большими коллективами, оснащенными новейшей техникой. В 1913 году удельный вес старательской добычи от всей добычи золота в стране составлял около 59%, в советское время этот показатель составлял в разные годы от 16 до 35%. Многие советские старательские артели выполняли весь комплекс работ горного производства, в том числе вели поисковые, геологоразведочные работы, осуществляли строительство производственно-бытовых объектов, линий электропередачи, дорог и проч.

Староста – выборный начальник артели, старшина, атаман. Другие варианты названия, согласно А. А. Исаеву, – ватаман, рядчик (вологодские плотники), батырь (крючники), артельщик (крымские солепромышленники), сотский (лоцманы на Свири), кормщик, бережник, юровщик, карбасник (рыболовные и звероловные артели северных побережий), жердник, сощец (рыболовы северных озер) и др.

Супряга – в России артельный тип земледельческой взаимопомощи, при которой землю пахут сообща по очереди в один и тот же день: сначала запахивали землю одного двора, затем другого, к концу дня все участки были распаханы. Получили распространение в тех губерниях, где для обработки земли использовался тяжелый колесный плуг. К объединению крестьян в супряги побуждал недостаток необходимого инвентаря и скота у каждой отдельной семьи. Объединяясь для сельскохозяйственных работ, таким образом, семьи взаимно дополняли недостающий для работы скот и инвентарь: например, кто-то предоставлял плуг, а кто-то волов или лошадей. Супряги предполагали добрые соседские отношения, при том что прибегали к ним по нужде.

Сход – главный орган самоуправления в артели, общее собрание артельщиков, которое может избирать артельного

старосту, атамана, назначать других должностных лиц, принимать решение о судьбе артели и ее работах, о приеме и исключении членов, о распределении доходов, штрафах и наказании провинившихся и др. По пословице, «Артель суймом (сходом) крепка». Термин «сход» идентичен аналогичному термину в крестьянской общине, в которой он означал собрание общинников, на которых решались важнейшие вопросы их жизни, взаимоотношений с внешним миром и властями, в том числе налоговые проблемы, фиксировались границы участков во время переделов земли, избирались все должностные лица, устанавливались правила общественного порядка, осуществлялись судебные функции, разбирались дела о кражах, ссорах, семейных разделах имущества, дела об опеке сирот и т.п.

Сябринство (*малоросс.*) – соседское или родственное товарищество, создаваемое для ведения общего хозяйства.

Товарищество – один из синонимов артели. Гражданский кодекс РФ предусматривает такую близкую артели организационно-правовую форму, как товарищество на вере, которая, однако, в настоящее время на практике не используется.

Толока – то же, что *помочь*. Простая складчина рабочей силы, орудий и скота. Толока – кратковременная форма, чаще всего она связана с соседской взаимопомощью.

Трудовые артели – особый вид артелей, осуществляющих кооперацию преимущественно в сфере труда. Объединяются в такой артели сам труд, процесс поиска работы и коллективного найма на работу. Трудовые артели не продают продукта, не занимаются сбытом произведенного ими, но продают свой труд, свои услуги, выполняют работы в пользу другого лица (заказчика). В ряде случаев трудовые артели занимаются приобретением сырья, получением кредитов и другой необходимой для организации производства деятельностью. Трудовые артели могут прибегать к наемному труду, набирая себе в помощь временных рабочих, а также приглашать специалистов (инженеров, юристов, механиков и т.п.). Примеры: плотничьи артели в деревне, каменщики, землекопы, рубщики и сплавщики леса, грузчики.

Ушкуйники (от стар. ушкуй – судно, ладья) – древнерусские разбойники, объединявшиеся в ватаги, занимавшиеся грабежом и нападением на водных путях сообщения. Новгородские ушкуйники делали набеги на купцов, ездивших по Волге, Каме, Вятке и Оке. В XIV веке, несмотря на иноземное иго, торговля по Волге продолжала развиваться, а вместе с тем увеличивались и разбойничьи набеги ушкуйников на торговые города и суда. Предпочтительной добычей для ушкуйников были иноземные купцы. В это время ходили по Волге суда татарские, армянские, болгарские и других восточных народов, означаемых нашими летописцами общим именем «бесермен» (совр. *басурман*).

Чередники (артель чередников) – артели пастухов в Малороссии, которые подражались пасти общественные стада – «чѣреды». Среди чередников могли быть и мужчины, и женщины, и дети, в них могли входить и целые семьи.

Цех – средневековый союз ремесленников, торгово-ремесленная корпорация, регламентирующая деятельность своих членов и их отношения с внешним миром. В России система цехов введена Петром I и просуществовала до начала XX века. Только члены цеховых организаций имели право открывать свою лавку или мастерскую.

Штуры – своеобразные артели, состоящие из купцов и мещан, объединявшие подрядчиков по найму грузчиков. Артелями эти союзы предпринимателей можно назвать условно, поскольку они были скорее посредническими ассоциациями, торгующими чужим трудом.

Юровщик – глава артели или ромши.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абова Т. Е. – 628.
Абрамович Д. И. – 172.
Авилов Б. В. – 89, 156.
Адрианова-Перетц В. П. – 517.
Азаренко С. А. – 14.
Аитов Н. А. – 24.
Айтцетмюллер Р. – 81.
Аксаков И. С. – 305.
Аксаков К. С. – 658.
Акуленко В. В. – 84.
Александр I, император – 130, 193, 414, 415, 460, 463, 469, 475.
Алов А. А. – 328.
Альтузиус Й. – 590.
Андрей Александрович – 176, 357.
Андрей Константинович – 521, 523.
Андрей Критский, атаман – 177.
Аникин А. Е. – 77, 84.
Анисимов В. И. – 223.
Анна Иоанновна, императрица – 411.
Анфимов А. М. – 10.
Анцыферов А. Н. – 25, 31, 72, 73, 652.
Аракчеев А. А. – 130.
Аристов Н. Я. – 365, 366.
Афанасьев П. Ю. – 551, 573.

Б

- Базлов Г. Н. – 498, 504–513, 533, 534.
Баяндин В. И. – 460.
Бакунин М. А. – 584.
Баллин Н. П. – 592.
Балушок В. Г. – 502, 509, 514, 517, 529, 536.
Банин А. А. – 536, 537.
Бархударов С. Г. – 79.
Башлачев В. А. – 11.
Бегунова А. И. – 460, 469.
Безобразов С. Д. – 473.
Белкин А. А. – 540.
Белов В. И. – 109, 126, 127, 549.
Белов Н. – 592.
Беляев И. Д. – 520.
Белинский В. Г. – 658.
Бернадский В. Н. – 519–524.
Бернекер Э. – 81.

Бернштам Т. А. – 503.
 Бирон Э. И. – 411.
 Блан Ж. Ж. Л. – 37.
 Блудов Д. Н. – 197.
 Бодрийяр Ж. – 597.
 Боржковский В. – 502.
 Бражников И. Л. – 7, 85–87.
 Братусь С. Н. – 267.
 Брачев В. С. – 477.
 Бруцкус Б. Д. – 147, 148, 274,
 596, 652.

Будагов Л. З. – 80.
 Бузлаева А. И. – 251, 261, 266.
 Булгаков М. Б. – 352.
 Бунич П. Г. – 629.
 Буров Ф. Ф. – 14.
 Бухарин Н. И. – 228, 235.
 Бюше Ф. – 37, 48.

В

Василий III, вел. князь – 542.
 Василий Шуйский, царь – 541.
 Васильчиков А. А. – 102, 164.
 Васильчиков А. И. – 589.
 Введенский А. А. – 133, 134,
 136, 139.
 Вебб Б. – 143.
 Вербицкая О. М. – 285.
 Веремеев Ю. Г. – 464, 468,
 469.
 Виноградов Б. А. – 7, 330, 571,
 572, 624.
 Витте С. Ю. – 430, 616.
 Владимир Мономах, вел. князь –
 518.
 Волгин А. – 42.

Воронин А. В. – 229, 230, 253,
 254, 274, 275.
 Воронцов В. П. – 19, 31, 40–
 42, 54, 55, 90, 127, 162, 208,
 292–294, 304, 343, 418–420,
 422–424, 428, 430, 433, 584,
 585, 604, 652.
 Вреден Э. – 117, 334.
 Высоцкий В. С. – 550.

Г

Газо А. – 538–540.
 Гакстгаузен А. – 583.
 Галямичев А. Н. – 524.
 Гастев А. К. – 633.
 Герцен А. И. – 159, 583, 584,
 589, 658.
 Гессен Ю. И. – .
 Глебов (Меркулов) А. В. – 394.
 Голикова С. В. – 190.
 Голубев А. А. – 79.
 Гордон М. – 339, 340.
 Горский А. А. – 514–516, 518.
 Гостик Э. – 632.
 Грамматчиков В. А. – 416,
 420.
 Грановский Т. Н. – 658.
 Граттон Л. – 632.
 Греков Б. Д. – 160.
 Грищенко А. И. – 7.
 Громыко М. М. – 17, 125, 126,
 535, 536.
 Губарев Г. В. – 528.
 Гусейнов Р. М. – 217.
 Гэлегер Р. – 632.

Д

- Давыдова Л. Н. – 282.
 Даль В. И. – 11, 12, 84, 86, 95, 111, 176, 354, 457.
 Данилов В. П. – 278.
 Данилова Л. В. – 165.
 Десягин М. Г. – 95.
 Дементьев Е. М. – 491, 493–495.
 Демьяненко В. В. – 93, 94, 629, 630.
 Денисова Л. Н. – 280, 282–284, 286.
 Джадан И. – 148.
 Джемс Р. – 78.
 Дитятин И. И. – 154, 288–290, 579.
 Дмитриев Н. К. – 81–83.
 Дмитриев-Мамонов М. А. – 475.
 Дмитрий Иванович Донской, вел. князь – 524.
 Дмитрий Константинович, князь – 523.
 Дольник В. Р. – 498.
 Достоевский Ф. М. – 130, 480, 481, 483, 660.
 Дроздова Н. П. – 577, 578.
- 256, 258–260, 321, 337, 610–613.
 Егунов А. Н. – 321, 327.
 Екатерина II, императрица – 10, 411, 466.
 Емельянов И. В. – 31, 56, 57, 59.
 Ермак (Тимофеевич), атаман – 78.
 Ермолин В. Д. – 367, 368.
 Ефименко А. Я. – 30, 33, 34, 100, 108, 140, 142, 171, 178, 185, 288, 289, 353–355, 357, 359, 360, 362, 363.

Ж

- Жид Ш. – 597.
 Жуков Акинф – 385.
 Жуков А. Е. – 613.

З

- Зеленин Д. К. – 503.
 Зельгейм В. Н. – 54, 223, 428, 591.
 Зимин В. Т. – 167.
 Злобин Н. – 619.
 Зомбарт В. – 631.
 Зюрюкин В. Е. – 371, 391, 392, 394, 395, 398, 400, 401, 406.

Е

- Евдокимов А. А. – 606, 652.
 Егоров В. Г. – 33, 91, 158, 169, 185, 186, 203, 204, 206, 212, 220, 231, 232, 235, 239, 240, 242, 244–246, 248–250, 254–

И

- Иванчик А. И. – 502.
 Изяслав Мстиславич, князь – 518.
 Изяслав Ярославич, князь – 172, 365.

- Иоанн Красовский (Сидоровский), протоиерей – 80.
 Иван III, вел. князь – 368.
 Иван Грозный, царь – 541.
 Иоанн Данилович, вел. князь – 177.
 Игнатъев А. А. – 474.
 Илья Муромец – 515.
 Исаев А. А. – 12, 15, 31, 36, 37, 55, 88, 96, 98–100, 102, 104, 107, 110–112, 116–119, 140, 146, 149, 151, 154, 166, 168, 171, 177, 188, 190–192, 195–197, 203, 207, 208, 292, 293, 309, 310, 314–316, 318–320, 322, 324–326, 329–331, 334, 335, 342, 344, 356–358, 525, 526, 550, 579, 580, 593, 622, 636, 640, 652, 662, 664.
- К**
- Кабанов В. В. – 127, 131, 132, 217, 218, 275, 278.
 Кавелин К. Д. – 583, 658.
 Кавчик Б. К. – 561.
 Калачов Н. В. – 30–33, 88, 89, 111, 120, 153, 159, 160, 180–183, 189, 305, 353, 354, 368, 371, 382, 383, 395, 441, 442, 455–458, 542, 543, 545, 579, 648.
 Карелин А. А. – 123, 124, 131, 137, 138, 147.
 Карпущенко С. В. – 459, 460, 463, 464, 467, 468, 470.
 Карякин А. – 635.
 Каталей В. И. – 435.
 Качоровский К. Р. – 136, 584, 589, 658.
 Ким Чан Чжин – 607.
 Кингсли Ч. – 145.
 Кирдина С. Г. – 577.
 Киреевский И. В. – 658.
 Кирьянов Ю. И. – 493–496.
 Клугин Л. – 459, 460, 463, 464, 467, 468, 470.
 Ключевский В. О. – 166.
 Книпович Н. М. – 354.
 Ключников С. А. – 621, 623.
 Ковалевский М. М. – 143, 658.
 Козлова Е. Н. – 59, 224.
 Корелин А. П. – 218, 221.
 Коробов Д. С. – 223.
 Корш Ф. – 80, 81.
 Костомаров Н. И. – 448, 522, 523, 525.
 Косыгин А. Н. – 270, 575.
 Кочетков В. С. – 564.
 Кравцевич А. И. – 613.
 Крейс К. – 528.
 Кривенко С. Н. – 161, 162, 166, 167, 342, 410.
 Кропоткин П. А. – 90, 164, 165, 584, 590, 652.
 Крылов В. В. – 612.
 Кузнецова Т. Е. – 269, 285, 286, 628, 629.
 Кузьмин А. Г. – 154, 155, 160, 519–521.
 Куликовский Г. П. – 389.
 Кулыжный А. Е. – 223.
 Куренышев А. А. – 128, 278.

Л

Ланжерон А. Ф. – 464, 466.
 Ларин Б. А. – 78, 82.
 Лассаль Ф. – 591, 592.
 Лебедева И. П. – 614, 616.
 Левашов И. И. – 140.
 Левитский Н. В. – 15, 16, 111,
 113, 114, 159, 580, 602, 652.
 Ледлоу Д. М. – 145.
 Ленин В. И. – 70, 71, 142, 227,
 236, 237, 432, 587, 607, 608,
 633, 658.
 Леонтьев К. Н. – 159, 589.
 Лешков В. Г. – 564, 575.
 Лешков В. Н. – 589.
 Ликерт Ф. – 635.
 Литошенко Л. Н. – 31, 56–58,
 598.
 Лозовский Л. Ш. – 13.
 Ломако П. Ф. – 563.
 Лубков А. В. – 7, 218, 219, 222,
 224, 647.
 Лугинины, братья – 592.
 Лурье Л. Я. – 543, 544.
 Лысенко И. А. – 263.

М

Мавричев В. В. – 602.
 Мазаев А. А. – 318, 580, 630.
 Макаренко А. П. – 50.
 Макаров В. Д. – 570.
 Макаров Н. П. – 31, 74, 647.
 МакКензи К. – 632.
 Макмиллан Ч. – 613.
 Максимилиан II, император –
 541.

Максимов С. В. – 11, 490.
 Максимов Е. Д.
 (Слобожанин М.) – 14, 24, 25,
 31, 49–53, 55, 62, 92–94, 97,
 105, 106, 108, 109, 111, 114–
 116, 121, 158, 288, 299, 302,
 352, 367, 450, 577, 578, 584,
 599, 602, 604, 646, 651, 652.
 Малафеев Федор – 178.
 Малахов А. Е. – 602–604.
 Марков Ерофей – 551.
 Маркс К. – 60, 142, 346, 583,
 586–588, 658.
 Марьяновский В. А. – 628.
 Маслов С. Л. – 31, 92, 223, 394,
 399, 402, 407, 591, 652.
 Маслов С. С. – 75, 92, 162, 167,
 217, 273, 275, 336, 384, 392,
 394, 395, 400–405, 592, 593,
 647.
 Масянов Л. Л. – 529.
 Махоткин А. Г. – 625.
 Мельков А. С. – 7, 172, 173,
 175–183, 185.
 Менвелов Н. В. – 479.
 Менделеев Д. И. – 26, 27, 585,
 586, 589, 609.
 Меркулов А. В. – см. Глебов.
 Мид М. – 590.
 Миклошич Ф. – 80, 81.
 Милов Л. В. – 10, 205.
 Миненко Н. А. – 190.
 Минин А. Н. – 74.
 Михаил Андреевич, князь –
 177.

- Михайлин В. Ю. – 503, 504, 510, 524, 535.
 Михайловский Н. К. – 584, 585.
 Младенов С. – 81.
 Мончинский Л. В. – 566.
 Морис Ф. Д. – 145, 632.
 Морихин В. Е. – 473.
 Морячков Н. О. – 530.
 Муравьев А. Н. – 476, 662.
 Мэддакс Р. – 632.

Н

- Назаров П. Г. – 87, 262–271.
 Некрасов Н. А. – 448.
 Немиров Г. А. – 30, 34–36, 111, 190, 194, 311, 312, 454, 457, 636.
 Нефедов С. А. – 11.
 Нечволодов И. П. – 166, 167.
 Нечкина М. В. – 472, 476.
 Никитин И. С. – 448.
 Никифоров Л. В. – 628, 629.
 Никодим, старец – 179.
 Николаев А. А. (начало XX в.) – 14, 20, 31, 41–49, 61, 89, 91, 105, 109, 110, 144, 151, 367, 387–390, 594, 595, 652.
 Николаев А. А. (начало XXI в., Александр Алексеевич) – 20, 94, 161, 210, 215, 229, 230, 233, 235, 250, 251, 253, 261, 263, 264, 266, 271, 450, 610.
 Николай I, император – 198, 450.

- Николай II, император – 214.
 Нил Э. В. – 145.
 Нисбет Р. – 589, 590, 632.
 Новиков И. А. – 78, 82, 86.
 Номыс М. – 84.

О

- Обросимов Василий – 184.
 Огановский Н. П. – 123, 217, 313, 314.
 Огородников С. – 118.
 Озерецковский Н. Я. – 187.
 Окумура Х. – 613.
 Олег Святославич, князь – 518.
 Орлов М. Ф. – 475.
 Орджоникидзе Г. К. – 560.
 Осипов Н. О. – 588.
 Островская М. А. – 121, 122, 133.
 Остроумов Ф. – 438.
 Оуэн Р. – 19, 346.

П

- Пажитнов К. А. – 31, 50, 60, 68, 69, 198, 210, 215, 216, 221, 425, 442, 444–447, 554, 556, 592, 652.
 Папков А. А. – 120, 121, 173, 174.
 Парменов А. А. – 619, 621.
 Пасс А. А. – 262.
 Пахман С. В. – 89, 90.
 Пеленицына М. В. – 225.
 Первушин Н. П. – 206.
 Песков П. А. – 491, 495.

- Петр I, император – 49, 189, 411, 460, 552, 666.
- Петров Е. П. – 112, 113, 216, 328, 333, 334.
- Платонов О. А. – 6, 17, 21, 94, 95, 100, 111, 151, 152, 157, 190, 191, 195, 217, 219, 245, 251, 297, 302, 346, 353, 364, 368, 410, 412, 577, 584, 586, 589, 613, 617, 618.
- Плеханов Г. В. – 42, 587, 588.
- Побережников И. В. – 190.
- Погожев А. М. – 491.
- Поздняков В. П. – 622.
- Полянский В. С. – 341, 342.
- Пономарев Н. В. – 12.
- Попов А. Н. – 120, 543, 648.
- Поссе В. А. – 31, 43, 46–48, 60, 69, 70, 89, 595.
- Потемкин Я. А. – 475.
- Поттер Б. – 143.
- Преображенский А. – 81.
- Прокопович С. Н. – 18, 44–46, 60, 62, 65–68, 89, 117, 142, 144, 149, 218, 222, 223, 288, 290–292, 347, 401, 463, 594, 652, 653.
- Пропп В. Я. – 500.
- Прыжов И. Г. – 88, 173, 306, 543–545.
- Пушкин А. С. – 476.
- Пущин И. И. – 476, 662.
- Пфейффер Э. – 50.
- Раевский В. Ф. – 475.
- Райзберг Б. А. – 13.
- Раппопорт П. А. – 176.
- Рейнолд Г. – 634.
- Репин И. Е. – 448.
- Роббинс Х. – 632.
- Романов Б. А. – 160.
- Росляков А. – 625.
- Ртищев М. Г. – 79.
- Румянцев П. П. – 89, 156.
- Рыбаков Б. А. – 120, 173, 175.
- Рыбников А. А. – 31, 74, 91, 294, 647.
- Рябушинский В. П. – 16.
- С**
- Садник Л. – 81.
- Сазонов Г. П. – 37, 38, 207, 588.
- Салазкин С. С. – 223.
- Салуцкий А. С. – 627.
- Сапоговская Л. В. – 574, 575.
- Сапожников И. – 91, 109.
- Сарычев С. В. – 620, 621.
- Свиязев И. И. – 88.
- Святловский В. В. – 148.
- Семен Иванович, вел. князь – 175.
- Семенов Ю. И. – 499.
- Серебровский А. П. – 557, 558.
- Сирота Д. – 634.
- Скалон В. Ю. – 351.
- Слобожанин М. – см. Максимов Е. Д.
- Смирнов И. И. – 160.
- Р**
- Радлов В. В. – 82.

Смирнов И. П. – 576, 577.
 Соймонов П. А. – 80.
 Соловьев С. М. – 658.
 Солоневич И. Л. – 346.
 Спиридонов Г. В. – 426, 429, 431–433, 617.
 Срезневский И. И. – 176.
 Сталин И. В. – 262, 264, 268, 273, 557, 558, 562.
 Стародубцева Е. Б. – 13.
 Степанов Д. Н. – 423, 424.
 Страхов В. Е. – 121.
 Стремоухов Н. С. – 384.
 Струве П. Б. – 89, 156.
 Стукалич В. К. – 421, 422.
 Сыроечковский В. Е. – 121.

Т

Тапскотт Д. – 634.
 Таракановский В. И. – 557, 572.
 Татсуно С. М. – 613.
 Тейлор Ф. – 633.
 Телицын В. Л. – 31, 59, 224.
 Тернер Ф. Г. – 88, 447.
 Тихомиров М. Н. – 160, 172, 173.
 Толстой Л. Н. – 426, 461, 469, 660.
 Толь К. Ф. – 197.
 Томилов Ф. С. – 121.
 Томский М. П. – 227, 228.
 Тотомианц В. Ф. – 25, 31, 55, 62, 72, 73, 144, 220, 221, 227, 591, 592.

Трапезников С. П. – 278, 313.
 Троицкий Е. С. – 577.
 Троцкий Л. Д. – 236.
 Трубачев О. Н. – 82–84.
 Трубников Н. Б. – 551, 573.
 Туган-Барановский М. И. – 31, 42–44, 47, 50, 60–65, 68, 97, 332, 333, 337, 338, 347, 412, 415, 598–601, 605, 639, 652.
 Туманов В. И. – 563, 566–568.
 Турчанинов П. И. – 80.
 Тучков С. А. – 80.
 Тюкавкин В. Г. – 93, 124, 129.

У

Уильямс Э. – 634.
 Украинский В. – 124, 125, 131, 137.
 Устинов А. М. – 91.

Ф

Файн Л. Е. – 31, 59, 232.
 Фасмер М. – 81, 82.
 Федоров В. А. – 93.
 Федоров Н. Г. – 313.
 Федоров С. Н. – .
 Федор Иванович, царь – 180.
 Федор, мастер – 175, 176.
 Федоров С. Н. – 625, 626.
 Федорова О. К. – 26, 111, 124, 166, 168, 294–296, 332.
 Федотов Г. П. – 168.
 Финли М. – 632.
 Фицпатрик Ш. – 279–281, 284.
 Форд Г. – 633.

Фотий, митрополит – 176.

Фромм Э. – 597.

Фроянов И. Я. – 160, 513, 516–519.

Х

Хатисов К. – 141.

Хачатуров Ю. Н. – 628.

Хейдема Дж. – 632.

Хейсин М. Л. – 19, 215, 219, 313.

Хижняков В. В. – 223, 653.

Хирози О. – 613.

Хомяков А. С. – 583, 589, 658.

Хрущев Н. С. – 270, 285, 433.

Хьюз Т. – 145.

Ц

Цветов В. Я. – 613.

Ч

Чартаев М. А. – 625, 626.

Чаянов А. В. – 31, 49, 74–77, 90, 110, 223, 275, 606, 647, 652.

Челинцев А. Н. – 74, 647.

Черепнин Л. В. – 160.

Черных П. Я. – 82.

Чернышев А. С. – 620, 621.

Чернышевский Н. Г. – 426, 584, 589, 592, 658.

Чичерин Б. Н. – 658.

Чупров А. И. – 160, 161, 652.

Шаховской Д. И. – 223, 306, 653, 660.

Шевлягин Н. И. – 207.

Шелгунов Н. В. – 383.

Шепелева В. Б. – 168, 169, 306, 612.

Шипова Е. Н. – 82.

Шликович А. – 379.

Штанге А. Г. – 47, 426, 427, 429, 430, 432, 602, 616.

Штейнфельд Н. К. – 420.

Штер Г. – 89, 156, 157, 309, 335, 336.

Шувалов П. И. – 187.

Шульце-Геверниц Г. – 89, 156.

Шульце-Делич Г. – 116, 590–593.

Шурц Г. – 500.

Щ

Щербатов А. Г. – 589.

Щербина Ф. А. – 25, 31, 38, 39, 93, 103, 104, 106, 110, 127, 128, 130–132, 151, 155, 157, 163, 209, 297–299, 305, 306, 348, 350, 357, 358, 372–376, 378, 396, 397, 400, 409, 440, 441, 449, 451, 452, 454, 471, 472, 525, 526–528, 530–535, 546, 548, 550, 579, 594, 652, 656.

Э

Эйдельман Э. Л. – 619, 620.

Эммонс Т. – 584.

Ш

Шанский Н. М. – 82.

Энгельгардт А. Н. – 14, 15,

27, 101, 347, 348, 380–382,

472, 548, 549, 580–582, 584,

585.

Энгельс Ф. – 142, 152, 586, 588,

658.

Эрисман Ф. Ф. – 491, 494.

Эзоп – 539.

Ю

Юшков С. В. – 160.

Я

Ягов О. В. – 248.

Ядринцев Н. М. – 479–489.

Яканин В. А. – 566.

Яковлев А. В. – 164, 165, 342,

343.

Яковлев А. Н. – 628.

Якушкин И. Д. – 475.

Янжул И. И. – 491, 493.

Яровой А. В. – 524, 527, 529, 538.

Ясин Е. Г. – 577.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов.....	5
Введение.....	8

ЧАСТЬ I. РУССКАЯ АРТЕЛЬ. В ПОИСКЕ СУЩНОСТНЫХ ЧЕРТ

1. Исследования русской артели: подходы и проблемы ...	29
2. Лексико-этимологическая проблема.....	77
3. Попытки определить артель	88
4. Какие черты артелей сущностные	96
4.1. Хозяйственные цели.....	96
4.2. Равенство (равноправие).	98
4.3. Договор (или неписаный закон).	102
4.4. Приоритет трудового начала.	104
4.5. Самоуправление/самостоятельность.	107
4.6. Добровольность объединения.	108
4.7. Совместная деятельность (согласованность).....	109
5. Проблема круговой поруки	110
6. Специфические проявления артельной жизни	119
7. Сходные явления у других народов	139
7.1. Артели у народов России	139
7.2. Артельные формы в западной цивилизации.....	142
7.3. Примеры из других культур.....	147
7.4. Русская артель и западная кооперация	149

ЧАСТЬ II. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

1. О происхождении артелей.....	153
2. Артели в старой России.....	171
3. Классическая эпоха (XVIII – первая половина XIX века)	187
4. После отмены крепостного права.....	205
5. Начало XX века: кооперативный бум и революция....	213
6. Советские артели: через НЭП к огосударствлению ...	232
7. Промкооперация в послевоенный период	263
8. Проект колхозного строя.....	272

ЧАСТЬ III. ОПИСАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ АРТЕЛИ

1. Типология артели	288
2. Учреждение артели, права и обязанности участников	308
3. Самоуправление. Староста (атаман).....	317
4. Доходы и их распределение	326
5. Наемный труд в артелях.....	332
6. К вопросу о вырождении или перерождении артели	340

ЧАСТЬ IV. МНОГООБРАЗИЕ АРТЕЛИ: ОБЗОР СОЮЗОВ И ПРЕДПРИЯТИЙ

1. Артели охотников, рыболовов и бортников.....	352
2. Объединение в котляны.....	359
3. Строительные артели (плотники и каменщики, судостроение).....	364
4. Сельскохозяйственные артели.....	370
5. Заводские артели	410

6. Артели по добыче полезных ископаемых	435
7. Артели по оказанию услуг (бурлаки, дрягили, биржевые)	447
8. Потребительские артели (солдатские, офицерские, морские, арестантские, харчевые)	457
9. Артель и мужской союз (кулачные бойцы, древнерусские дружины, ватаги ушкуйников, казачьи союзы, Запорожская Сечь)	497
10. Экзотические артели, квазиартели.....	538
11. Артели старателей	550

ЧАСТЬ V. АРТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК – АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

1. Об «артельности» и артельном человеке	576
2. Артель и кооперация: борьба за общественный идеал	583
3. На пороге новой цивилизации	598
4. Возвращение к прежним вопросам	610
5. Новейшие команды и «артельный параметр».....	618
Заключение	638
Словарь терминов	646
Указатель имен	667

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 22.07.2014 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 30,1 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».